МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Е.И. ЗАМЯТИНА В ТАМБОВЕ

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КАРЛОВА УНИВЕРСИТЕТА В ПРАГЕ (ЧЕХИЯ)

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЛЕСИ УКРАИНКИ (УКРАИНА)

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ «БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (БЕЛАРУСЬ)

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РФ

ДУХОВНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ТАМБОВСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

ТАМБОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И СЛОВЕСНОСТЬ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
1150-летию преставления
святого равноапостольного Кирилла,
210-летию Н.В. Гоголя,
135-летию Е.И. Замятина

Сборник материалов
Международной научной конференции

Выпуск 9

Тамбов
«Принт-Сервис»
2019

УДК 8(09)
ББК 80/84
С47

При финансовой поддержке РФФИ
(проект № 19-012-20111)

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор ***Н.Ю. Желтова***

***Редакционная коллегия*:**

кандидат филологических наук, доцент **Т.В. Махрачева**;
кандидат филологических наук **М.В. Родина**

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **И.М. Попова**
(ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»);
кандидат филологических наук, доцент **Т.В. Мирзаева**
(ТОГОАУ «Институт повышения квалификации работников образования»)

С47 **Славянский мир:** духовные традиции и словесность : сборник материалов Международной научной конференции / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010 – .

ISBN 978-5-89016-649-4

Вып. 9 / науч. ред. Н.Ю. Желтова. – Тамбов : Принт-Сервис, 2019. – 624 с.

ISBN 978-5-6042125-6-1

В сборник включены материалы докладов, в которых рассматриваются специфика отражения духовных традиций в языках и литературах славянского мира, национальные модификации славянской культуры и закономерности межкультурной коммуникации.

Для филологов, культурологов, историков, библиотекарей, издателей, журналистов и всех интересующихся славянской словесностью.

УДК 8(09)
ББК 80/84

ISBN 978-5-6042125-6-1
(Вып. 9)
ISBN 978-5-89016-649-4

© Прокофьева Т.О., дизайн обложки, 2019
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2019
© Оформление. ООО «Принт-Сервис», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RF

FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION "G.R. DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY"

INSTITUTE OF EASTERN EUROPEAN STUDIES OF THE FACULTY OF PHILOSOPHY OF CHARLES UNIVERSITY IN PRAGUE (CZECH REPUBLIC)

LESYA UKRAINKA EASTERN EUROPEAN NATIONAL UNIVERSITY (UKRAINE)

INSTITUTION OF EDUCATION "BARANOVICHI STATE UNIVERSITY" (BELARUS)

ASSOCIATION OF TEACHERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE OF HIGHER SCHOOL OF RF

ECCLESIASTICAL EDUCATIONAL INSTITUTION OF THE HIGHER EDUCATION

TAMBOV THEOLOGICAL SEMINARY TAMBOV EPARCHY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

TAMBOV REGIONAL PHILOLOGICAL SOCIETY

SLAVIC WORLD: SPIRITUAL TRADITIONS AND LITERATURE

Dedicated to
1150-th death anniversary of St. Cyrill's equal to Apostles
210-th anniversary of N.V. Gogol,
135-th anniversary of E. Zamyatin

Collection of Papers
of International Scientific Conference

Issue 9

Tambov
"Print-Service"
2019

With financial support from RFBR
(Project № 19-012-20111*)*

Science Editor:

Doctor of Philology, Professor **N.Yu. Zheltova**

Editorial Board:

Candidate of Philology, Assistant Professor **T.V. Makhracheva**;
Candidate of Philology **M.V. Rodina**

Reviewers:

Doctor of Philology, Professor **I.M. Popova**
(FSBEI HE "Tambov State Technical University");
Candidate of Philology, Assistant Professor **T.V. Mirzaeva**
(TRSAI "Institute of Further Training of Educators")

Slavic World: Spiritual Traditions and Literature : Collection of Papers of International Scientific Conference / Ministry of Science and Higher Education of RF [etc.]. – Tambov : the Publishing House of G.R. Derzhavin TSU, 2010 – .

ISBN 978-5-89016-649-4

Issue 9 / Science Editor N.Yu. Zheltova. – Tambov : Print-Service, 2019. – 624 p.

ISBN 978-5-6042125-6-1

Collection of papers contains reports considering reflection of spiritual traditions in Slavic languages and literature, national modification of Slavic culture and principles of intercultural communication.

Collection is intended to philologists, cultural specialist, historians, librarians, editors, journalists and everyone interested in Slavic literature.

ISBN 978-5-6042125-6-1 (Issue 9)
ISBN 978-5-89016-649-4
© Prokofieva T.O., the cover design, 2019
© FSBEI HE "G.R. Derzhavin Tambov State University", 2019
© Design. LLC "Print-Service", 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 18

Глава 1
ДИСКУРС СВЯТОГО КИРИЛЛА И Н.В. ГОГОЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Феодосий (Васнев). Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий: история их почитания на Руси и у славянских народов 20
Прасолов М.А. «Люди с большими головами»: святой равноапостольный Константин (Кирилл) Философ и спор об антиподах 28
Алленова И.В. Круг духовного чтения в эпоху равноапостольной княгини Ольги 38
Мирзоева Л.Ю. Оценочная направленность и кощунство в русской пародии: от XVII к XXI веку 45
Махрачев С.Ф., Сидорова Е.М. Сохранение духовных традиций в воскресной школе (на примере воскресной школы при храме Покрова Пресвятой Богородицы поселка Первомайский Первомайского района Тамбовской области) 51
Миронов В.В. Сербский добровольческий корпус в России в годы Первой мировой войны 55
Топильский А.Г. Деятельность украинофильских просветительских обществ в Галиции в начале XX века 61
Горланов Г.Е. О Н.В. Гоголе как писателе национальном: повесть «Тарас Бульба» 66
Олджай Т. Николай Гоголь: личность и наследие в Турции (к 210-летию писателя) 73
Оляндэр Л.К. Поэтика Николая Гоголя: структура и нарративная организация текста в повести Любена Каравелова “Българи от старо време” ("Болгары старого времени", 1872) 81
Шолак З. Николай Гоголь, Иво Андрич и другие южнославянские писатели: обзор элементов техники повествования 93
Костина Ж.В. Постаці прадстаўнікоў рускай славеснасці ў філалагічнай думцы Беларусі XIX стагоддзя 107

Ян Лиюнь. Языковые особенности творчества Н.В. Гоголя . . . 112
Фенчук О.Н. Духовная связь между предками и потомками в произведениях Н.В. Гоголя 118
Грудинина Е.В. Повесть Н.В. Гоголя «Вий»: духовный смысл и современное прочтение 123
Талалаева О.Г. Гоголевские традиции в «готической» прозе И.А. Бунина 134
Сазонова Н.С. Гоголевские мотивы в цикле М. Горького «По Руси» 139
Терехова И.Н. Творческая личность Н.В. Гоголя в эмигрантском журнале «Современные записки» 143
Павлова В.В., Фролова И.И. Сравнение как средство создания комического в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» 147
Шевякова Ю.М., Буянова Г.Б. Природа и художественные особенности фантастического в повестях А.Ф. Вельтмана (на материале повестей «Эротида», «Иоланда») 153
Яковлева И.В. «Кисейные барышни» в отечественной словесности XIX века (на материале повести Д. Мамина-Сибиряка «Кисейная барышня», С. Ковалевской «Нигилистка») 158
Попова Т.А. Характер и судьба Оленьки Скворцовой в повести А.П. Чехова «Драма на охоте» 163

Глава 2
СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ

Димитров Л. Славистика – «гадкий утенок» гуманитаристики? 170
Шайтанов И.О. Современная литература: всемирная или глобальная? 178
Голубков М.М. Что такое современная русская литература? . . . 190
Желтова Н.Ю. «Моршанская» поэма В.А. Комаровского «Ракша»: региональный, биографический и литературно-исторический контексты 199
Колчанов В.В., Косякова С.А. Андрей Белый: антропософский текст русских поэтов С. Есенина и А. Гастева эпохи Октября 206
Стребкова Е.Ю. Русско-японская и Первая мировая войны в поэме С. Есенина «Анна Снегина» 213
Машенкова И.О. Издательская деятельность В.М. Левина: взаимодействие с С.А. Есениным 217

Поморева Т.Ю. Образ Кассандры в поэзии В.Я. Брюсова и Д.С. Мережковского 221
Лебедева В.Ю. Отсветы гоголевской «демонской лампы» в ранней прозе Е. Замятина и В. Набокова 225
Рахманина А.А. Сценарное творчество Е.И. Замятина: истоки и своеобразие 230
Астафьева А.А. Циклы «Северных» произведений Е.И. Замятина и Дж. Лондона: проблематика и поэтика 233
Шуваева Т.С. Русский Север в рассказе Е.И. Замятина «Африка»: специфика локальных хронотопов 236
Иконникова Я.В. Образ матери как константная составляющая творчества А.И. Куприна (на материале «Армейской трилогии») 241
Лосева Е.П. Еще раз о символизме романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 248
Акопян А.Р. Психологический феномен образа циника в романе А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» 255
Маленкова В.А. Концепт *удаль* в «Донских рассказах» М.А. Шолохова 259
Иванов П.П. Русский характер Григория Мелехова в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» 264
Дзайкос Э.Н. Проза Ю.П. Анненкова в литературной критике современников 268
Ерохина Е.В. Поэма Д.Д. Бурлюка «Горький»: исторический и биографический контекст 279
Сухова К.В. «Чужая» Франция или «своя» Россия: к вопросу о восприятии «чужой» культуры в рассказе И.В. Одоевцевой «Румынка» 284
Сластухина М.А. Автобиографизм в романе А. Ветлугина «Записки мерзавца» 289
Манака Я.В. Динамика художественных приемов Б.А. Лазаревского в повести «Вдова капитана» и рассказе «Душа женщины» 292
Желтова Н.Ю. Константинопольский альманах «Русская Волна»: структура, авторы, специфика 297
Кочарян Р.А. Константинопольский сборник «Листья»: трагедия русского изгнания в автобиографическом очерке Е.Н. Чирикова «Как мы бежали» 302
Копырюлин С.В. Галлиполийские землячества Праги: литературная жизнь 306

Шатовкина А.А. Цикл «Магдалина» М.И. Цветаевой: мотивно-тематическое своеобразие и историко-биографический контекст 311
Чеснокова А.В. Тема одиночества в лирике М.И. Цветаевой и А.С. Головиной 319
Кабанова А.С. «Пражский текст» в творчестве А.С. Головиной . . . 322
Гулик В.А. Философская лирика Т.Д. Ратгауз: «Женщина на маяке» 326
Попова Ю.С. Особенности детской литературы русского зарубежья 1920–1930-х годов: пути и формы развития 330
Абраменкова Л.Е. Система эпиграфов в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» 335
Гудин Д.С. История двух убийц: «Парфюмер» П. Зюскинда и «Лавр» Е.Г. Водолазкина 340
Олимпиева О.Ю. Буктьюбинг как явление современной литературной критики 347

Глава 3
СЛАВЯНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ДУХОВНО-ОБРАЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Конюшкевич М.И. Лингвистика первых десятилетий XXI века: вопросы к настоящему 352
Шарандин А.Л. Русская орфография с точки зрения возможностей ее совершенствования или реформирования 361
Лещинская О.А. Трафонімы ў фразеалогіі як адлюстраванне культуры беларусаў 374
Шведова З.В. Фразеалагізмы са значэннем ‘хітрасць’ і іх кодавая прыналежнасць 383
Солохов А.В. Окказионализмы в речи белорусов 392
Васильев А.И. Структурная характеристика фразеологических единиц древнерусского языка 399
Махрачева Т.В. К вопросу о создании словаря, посвященного народному (сельскохозяйственному) календарю (на материале южнорусской диалектной зоны) 407
Шлыкова М.А. Особенности взаимоотношений многопоколенной семьи в традиционной народной культуре (на этнолингвистическом материале южнорусской диалектной зоны) 419

Лоскутова Д.Н. К вопросу об одержимости и нервной истерии в народных представлениях жителей Тамбовской области 424
Махрачев Г.С. Развитие ткацкого промысла в Тамбовской губернии в период новой экономической политики 436
Буцких С.А Названия действий и процессов, связанных с подготовкой и производством полотна (на материале говоров Тамбовской области) 439
Махрачева Т.В., Беляева К.С. Образ осины: лексика, символика, семантика (на материале южнорусских говоров) 444
Власова Ю.А. Роль образов христианских святых в поверьях, быличках и представлениях, сюжет которых отражает трактовку народного календаря (на материале южнорусской диалектной зоны) 451
Федосеева Л.Н. Эвфемизация русской речи: за и против 456
Павлова В.В., Фролова И.И. Семантический аспект высказываний с предикативами-словами категории оценки 462
Щербак А.С., Ду Чуньян. Категоризация перифраз небесных тел в русском языке 470
Ду Чуньян. Перифразы названий луны с образами животных 474
Дудин А.А. Заметки о диалектизмах в поэзии С.А. Есенина . . . 478
Милосердова Я.А., Чеснокова Н.В. Образ главной героини поэмы «Валя» С.Н. Сергеева-Ценского: лингвистический аспект 485
Поповичева И.В. Из практики преподавания аудирования на начальном этапе обучения русскому языку в условиях китайского вуза 489

Глава 4
СЛАВЯНСКИЙ МИР И ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Потанина Н.Л. Образ Диккенса и жанровые проблемы биографической прозы. Полемические заметки 494
Chusovitch G. Information asymmetry in trading and other types of economic relationships – reflection in the flok lore of south-slavic peoples: examples of proverbs and sayings 499
Бадикян А.А., Буянова Г.Б. Пословицы и поговорки в армянских народных сказках 508

Белозерова А.В. Тема мировой войны в зарубежном романе второй половины XX – начала XXI веков 512
Истомина А.А. Исповедальное начало и способы создания характера в романах М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и А. де Мюссе «Исповедь сына века» 516
Копырюлина О.М. «Закружилась листва золотая...» С.А. Есенина: особенности перевода стихотворения на французский язык 521
Худякова М.В. Статья Дж. Лондона «Фома Гордеев»: специфика литературно-критической рецепции одноимённого романа М. Горького 526
Нестерова А.Е. Женские образы в романах А.Н. Толстого «Петр Первый» и А. Дюма «Королева Марго» 530
Родина М.В. Образы античных богов и их христианское переосмысление К.С. Льюисом в цикле «Хроники Нарнии» . . . 535
Матюшечкина А.А. К проблеме повседневности и образу «рядового учителя» в романе Дж. Апдайка «Кентавр» 543
Колесникова Е.А. Роман Э. Берджесса «Заводной апельсин»: аспекты рецепции в России 547
Горячева К.Ю. Тема «интеллектуального фашизма» в новейшей литературе Германии (роман Б. Шлинка «Возвращение») . . . 551
Моргунова В.А. Г. Мебс и ее роман «Воскресный ребёнок» в оценке российской литературной критики 555

Глава 5
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ СМИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ, ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ивченков В.И. Медиалингвистика в славянском мире: онтологические характеристики 561
Иванов А.И. Журналистика и литература о ценностях отечественной культуры 565
Шимолин В.И. Христианские добродетели в публицистике белорусских епархиальных ведомостей конца XIX – начала XX века 576
Зверева Е.А. Особенности функционирования «толстого» журнала в современном социокультурном пространстве . . . 581
Зуева Г.С. Медиаобраз Чехии в материалах журнала «Вокруг света» (2018–2019 гг.) 587

Видная О.Е. Особенности гуманитарного образования в Мичуринской газетной школе (1934–1937 гг.) 592
Серова С.А. «Новая Тамбовщина» как пример регионального общественно-политического издания начала XXI века 595
Гуськова С.В. Образ Тамбовщины на страницах федеральных изданий 602
Меркушина Е.А. Россия, русские, россияне в новостных сообщениях региональных сетевых СМИ 605
Хворова В.А. Отражение культурных славянских традиций в российских СМИ 609
Поздняков И.В., Старостина С.А. Тексты современных коммерческих интернет-ресурсов: специфика, классификация, структура 612

Об авторах 617

CONTENTS

Preface 18

Chapter 1
THE DISCOURSE OF ST. CYRILL AND N.V. GOGOL IN THE ARTISTIC WORLDVIEW OF THE SLAVIC WRITERS

Theodosius (Vasnev). St. Cyrill and Methodius equal to Apostles: to the history of veneration in Russia and other Slavic countries . . . 20
Prasolov M.A. «People with big heads»: St. Constantine (Cyril) the Philosopher and the dispute about the Antipodes 28
Allenova I.V. Reading circle during the epoch of Princess Olga the co-apostle 38
Mirzoeva L.Yu. The category of Evaluation and Blasphemy in the Russian parody: the way from the XVII-th to the XXI-st century 45
Makhrachev S.F., Sidorova E.M. Maintaining spiritual traditions in Sunday school (on the example of Sunday school at the church of the Most Holy Mother of God Intercession in the settlement Pervomaisky of Pervo-maisky District in Tambov Region) 51
Mironov V.V. Serbian voluntary corpus in Russia during the First World War 55
Topilsky A.G. Activities of the ukrainophile educational societies in Galicia in the early XX century 61
Gorlanov G.E. N.V. Gogol as a Russian national writer: the novella "Taras Bulba" 66
Olcay T. Nıkolai Gogol: Personality and Heritage in The Culture of Turkey (to the 210-th anniversary of the writer) 73
Oliander L.K. Poetics of N.V. Gogol: the structure and the narrative organisation of the text in the short novel "Old Time Bulgarians" by L. Karavelov 81
Sholak Z. N.V. Gogol, Ivo Andrich and some other South Slavic writers: a snapshot of the narration technical elements 93
Kostina Z.V. Representatives of the Russian language and literature in the Belorussian philology of the XIX-th century 107
Yang Liyun. Slavic Tradition in Gogoli's Works 112
Fenthuk O.N. The spiritual relationship between ancestors and descendants in the works of N. Gogol 118
Grudinina E.V. Tale in "Viy" by N.V.Gogol: spiritual meaning and modern interpretation 123

Talalaeva O.G. Gogolian traditions in the "gothic" prose by I.A. Bunin . . . 134
Sazonova N.S. The Gogolian motives in “Through Russia” collection by M. Gorky 139
Terekhova I.N. N. Gogol as a creative individual in emigre journal «The Modern Notes» 143
Pavlova V.V., Frolova I.I. Comparison as a means of creating a comic effect in N.V.Gogol's poem “Dead Souls” 147
Shevyakova J.M., Buyanova G.B. Fiction, its nature and artistic features in the stories “Erotide” and “Yolande” by A.F. Veltmanov 153
Yakovleva I.V. “A milk-and-water girl” in the Russian prose of the XIX-th century (exemplified by novellas “A Milk-and-Water Girl” by D. Mamin-Sibiryak and “Nihilist Girl” by S. Kovalevskaya) . . . 158
Popova T.V. Character and fate of Olenka Skvortsova in the novella “The tragic hunt” by A.P.Chekho 163

Chapter 2
SLAVONIC CULTURAL VALUES AND THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XX-th – XX-st CENTURIES

Dimitrov L. The Slavic Studies: an ugly duckling among the Humanities? 170
Shaytanov I.O. Contemporary Literature: World or Global? *Questions and challenges* 178
Golubkov M.M. What is the Modern Literature? 190
Zheltova N.Yu. The “Raksha” by V.A. Komarovsky as a “Morshansk” poem: regional, biographical, historical and literary contexts 199
Kolchanov V.V., Kosyakova S.A. A. Bely: to the anthroposophy in the literary works of the Russian poets S. Esenin and A. Gastev during the time of the Great October Revolution 206
Strebkova E.Yu. Russian-Japanese war and First World War in the poem «Anna Snegina» by S. Yesenin. 213
Mashenkova I.O. Publishing activity of B. Levin and his relationship with S.A. Yesenin 217
Pomoreva T.Y. The image of Kasandra in the poetry by V.J. Brusov and D.S. Merezhkovsky 221
Lebedeva V.Yu. N.V. Gogol’s demonic lamp image and its reflection in the early literary works by E. Zamyatin and V. Nabokov 225
Rakhmanina A.A. E.I. Zamyatin as the author of film scenarios: backgrounds and special features 230
Astafeva A.A. Cycles of "Northern" works by E.I. Zamyatin and J. London: problems and poetics 233

Shuvaeva T.S. Russian North in E. I. Zamyatin's story "Africa": specifics of local chronotopes 236
Ikonnikova J.V. The image of a mother as an unchangeable component of the literary works by A.I. Kuprin (based on the «Military Trilogy») 241
Loseva E.P. To the symbolism of the novel “Master and Margaret” by M.A. Bulgakov 248
Akopyan A.R. The image of a cynic in the novel «The Hyperboloid of Engineer Garin» by A.N. Tolstoy as a psychological phenomenon 255
Malenkova V.A. The concept *boldness* in «Don Stories» by M.A. Sholokhov. 259
Ivanov P.P. The Russian national character in the image of Grigory Melehov in the epic novel "And Quiet Flows the Don" by M.A. Sholokhov 264
Dzaikos E.N. Prose by Y.P. Annenkov in the literary criticism of the contemporaries 268
Erokhina E.V. The poem "Gorky"by D.D. Burliuk: historical and biographical contexts 279
Suhova K.V. “Strange” France or “native Russia”: to the question of “strange” culture reception in the story “The Romanian Woman” by I.V. Odoevtseva 284
Slastuhina M.A. Autobiography in the novel "Notes of a Bastard" by A. Velugin 289
Manaka Y.V. The artistic view of the novel “The Captain’s Widow” and story “The Life of the Par-ty” by B.A. Lazarevsky”: to the analysis of the reception dynamics 292
Zheltova N.Yu. The literary miscellany “The Russian Wave” in Constantinople: the structure, the authors, the peculiarity 297
Kocharyan R.A. “The Leaves” collection in Constantinople: to the tragedy of the Russian exile in the autobiographical essay “How We Ran” by E.N. Chirikov. 302
Kopyryulin S.V. Gallipoli communities in Prague: a view of the literary life 306
Shatovkina A.A The "Magdalen" cycle by M.I. Tsvetaeva in the historico-biographical contexts: to the uniqueness of motives and themes 311
Chesnokova A.V. The theme of loneliness in the poetry by M.I. Tsvetaeva and A.S. Golovina 319
Kabanova A.S. “The text of Prague” in the works by A.S. Golovina 322

Gulik V.A. "The Woman at the Lighthouse" as an example of philosophical lyrics by T.D. Ratgauz 326
Popova Ju.S. Peculiarities of the Russian literature abroad for children in 1920–1930-s 330
Abramenkova L.E. The system of epigraphs in the novel "Leonardo's Handwriting" by Dina Rubina 335
Gudin D.S. The story of two murderers: "Perfume" by Patrick Suskind and "Laurus" by E.G. Vodolazkin 340
Olimpieva O.Y. Booktubing as a phenomenon of the modern literary criticism 347

Chapter 3
THE SLAVONIC LINGUISTIC IDENTITY, ITS RELIGIOUS WORLDVIEW AND IMAGE THINKING

Konyushkevich M.I. Linguistics in the second decade of the XXI century: questions for the present 352
Sharandin A.L. Russian spelling from a perspective of its possible comprehension or reform 361
Leshchinskaya O.A. Trophonyms as a reflection of the Belorussian culture 374
Shvedova Z.V. Phraseologisms with the meaning "cunning" and the cultural codes 383
Solakhau A.V. Occasionalisms in the speech of the Belarusians 392
Vasilyev A.I. Structural characteristic of phraseological units in the Old Russian language 399
Makhracheva T.V. To the question of creating a dictionary dedicated to an agricultural calendar (on the material of the South Russian dialect zone) 407
Shlykova M.A. Peculiarities of relationships in a multigenerational family in a traditional folk culture (on the example of Southern Russian dialects) 419
Loskutova D.N. To the question of obsession and nervous hysteria in national representations of residents of the Tambov Region 424
Makhrachev G.S. Development of weaving in the Tambov province during the period of the new economic policy 436
Butskikh S.A. The name of the actions and processes connected with preparation and production of the cloth (on the material of Tambov region dialects) 439

Makhracheva T.V., Belyaeva K.S. The image of an aspen: vocabulary, symbolics and semantics (on the material of the South Russian dialects)» 444
Vlasova Y.A. The role of Christian holy images in povertions, bylitches and views that reflect the interpretation of the national calendar (on the material of the South Russian dialect zone) 451
Fedoseeva L.N. The Russian speech euphemizing: pros and cons 456
Pavlova V.V., Frolova I.I. The semantic aspect of statements with predicatives of evaluation 462
Shcherbak A., Du Chunyang. The categorization of paraphrase celestial bodies in the Russian language 470
Du Chunyang. Periphrases of the moon's name through the images of wild animals 474
Dudin A.A. Dialectal word in a poetic text: "plakida" *(плакида)* in S.A. Esenin's poem "Responce" 478
Miloserdova Y.A., Chesnokova N.V. The image of the main heroine in the poem "Valya" by S.N.Sergeev-Tsensky 485
Popovicheva I.V.. Listening comprehension practice on the first stage of the Russian language teaching in Chinese high school (from practical experience) 489

Chapter 4
SLAVONIC LITERATURE AND PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Potanina N.L. The image of Dickens and genre problems of biographical notes. Polemical annotations 494
Chusovitch G. Information asymmetry in trading and other types of economic relationships – reflection in the flok lore of southslavic peoples: examples of proverbs and sayings 499
Badikyan A.A., Buyanova G.B. Proverbs and sayings in the Armenian fairy-tales 508
Belozerova A.V. The image of a world war in contemporary imaginative discourse: to the specificity of the English view 512
Istomina A.A. The confessional origin and ways of character drawing in the novels "The Hero of Nowadays" by M.Y. Lermontov and "Confession of a Child of a Century" by Alfred de Musset 516
Kopyriulina O.M. Comparative analysis of Sergey Yesenin's poem «Golden leaves start to whirl…» and its translation into French 521
Hudyakova M.V. The article "Thomas Gordeev" by J. London: the specificity of literary critical reception of the novel by M. Gorky 526

Nesterova A.E. Female images in the novels "Peter the First" by A.N. Tolstoy and "Queen Margot" by A. Duma 530
Rodina M.V. The images of classical mythology gods and their Christian interpretation by C.S.Lewis in «The Chronicles of Narnia» series . . . 535
Matushechkina A.A. To the problem of everyday life and to the image of the "Common teacher" in the novel "The centaur" by John Updike 543
Kolesnikova E.A. «A Clockwork orange» by A. Burgess: aspects of reception in Russia 547
Goryacheva K.Y. The theme of the "Intellectual fascism" in the modern german literature (on the example of the novel "The comeback" by B.Shlink) 551
Morgunova V.A. The novel «The Sunday Child» by G.Mabs in the Russian literary criticism 555

Chapter 5
SLAVIC MASS-MEDIA AND THEIR FUNCTIONING IN THE SOCIAL, CULTURAL AND LINGUISTIC FIELDS OF NOWADAYS

Ivchenkov V.I. Media linguistics in the Slavic world: to the ontological characteristics 561
Ivanov A. I. Journalism and literature in the social and cultural space of the 19th century 565
Shimolin V.I. Christian virtues in the Belarusian Diocesan states of the late XIX – early XX centuries 576
Zvereva E.A. "Thick" literary journals and their functioning in contemporary social and cultural sphere 581
Zueva G.S. The media image of the Chech republic in a travel-magazine "Around the world" (2018–2019) 587
Vidnaya O.E. The peculiarities of classical education in Michurinsk Newspaper School (1934–1937). 592
Serova S.A. "New Tambov region" as an example of a regional socio-political periodical at the beginning of the 21-st century. 595
Guskova S.V. The image of Tambov in federal publications 602
Merkushina E.A. Russia, the Russian people and the Russians in newsletters of regional network media 605
Hvorova V.A. Slavic cultural traditions and their reflection in the Russian media 609
Pozdnyakov I.V., Starostina S.A. Texts of the modern commercial Internet-resources: to the question of specifics, classification and structure 612

About authors 617

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня в славянских странах усилился интерес к истории славянской письменности. И это не случайно. Именно она лежит в основе единства всего славянского мира. В настоящее время наследие Кирилла и Мефодия активно влияет на формирование национальных, государственных интересов всех славянских стран. Это не далекая история, это наша современность. Изучение славянского мира является насущной необходимостью и для российских ученых. В настоящее время филологи ТГУ им. Г.Р. Державина активно двигаются в этом направлении. Почти 80 лет в нашем университете проводятся Дни славянской письменности и культуры, уже 10 лет проходит международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность». Конференция иллюстрирует наш вклад в создание единого научного, культурного, образовательного пространства, которое дает дополнительные возможности для межнационального, межгосударственного взаимодействия, выводя наше сотрудничество со славянскими и другими странами на новый уровень и делая его успешным.

Юбилейная X Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (23-25 мая 2019 года) посвящена знаковым для славянской культуры юбилеям – 1150-летию преставления святого равноапостольного Кирилла, 210-летию Н.В. Гоголя, 135-летию Е.И. Замятина, которые внесли выдающийся вклад в формирование и развитие славянской книжности, духовных, культурных, просветительских традиций в славянском мире.

Форум стал самым представительным из всех предыдущих. В нем приняли участие более 150 ученых из 14 субъектов РФ и 15 стран (из них – 7 славянских: Беларусь, Чехия, Украина, Македония, Болгария, Сербия, Польша, а также США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Турция, Казахстан, Китай). И в этом смысле форум имеет большое международное и общероссийское значение. Его проект в 2019 году стал победителем федерального конкурса грантов Российского фонда фундаментальных исследований.

В результате 10-летней работы конференции и формирования в Тамбове своеобразного российского центра по взаимодействию со славянскими странами возникла необходимость объединения усилий славянских вузов и научных, культурных центров – партнеров ТГУ – в активизации совместных исследований истории и культуры славянских стран в междисциплинарном русле. В этой связи на конференции состоялась презентация университетского центра славянских исследо-

ваний, в рамках которого предполагается организация постоянного международного – российско-славянского – научно-гуманитарного взаимодействия.

Особенно активно развивается сейчас сотрудничество ТГУ с Карловым университетом. В мае 2019 года до и после конференции доктор Марек Пржихода (Карлов Университет, Прага) прочитал курс лекций по истории российско-чешских отношений и провел семинары о российском и чешском историческом кино для филологов ТГУ. На конференции состоялась также презентация двух фильмов, снятых филологами ТГУ им. Г.Р. Державина – Н.Ю. Желтовой и Е.В. Ерохиной, посвященных наследию Кирилла и Мефодия в Чехии и Северной Македонии, сотрудничеству с этими славянскими странами.

Неотъемлемой частью форума 24 мая 2019 года стал масштабный «круглый стол» «Творческое наследие Е.И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах. К 135-летию со дня рождения писателя». По итогам работы «круглого стола» издана одноименная коллективная монография, которая репрезентирует научные поиски мирового замятиноведения. В настоящем сборнике также представлены работы преимущественно молодых исследователей, обращающихся к наследию Е.И. Замятина.

Одним из мощных векторов замятиноведения стало изучение фундаментальных связей писателя именно с наследием Н.В. Гоголя, который оказал определяющее влияние на творческие открытия Е.И. Замятина. Именно Гоголю посвящена самая большая глава издания, в ней представлены исследования, связанные с изучением влияния классика на мировые литературы: сербскую, белорусскую, украинскую, болгарскую, турецкую, китайскую и другие.

Работами профессоров Л. Димитрова, И.О. Шайтанова, М.М. Голубкова открывается, пожалуй, самый дискуссионный раздел сборника, обращенный к проблемам изучения русской литературы XX–XXI веков. Большая часть книги посвящена исследованиям славянской языковой личности и современного медийного пространства. Однако не все доклады, представленные на конференции, удалось включить в два издания. Часть статей будет дополнительно опубликована во всероссийском информационном и научно-аналитическом журнале «Филологическая регионалистика» (редактор – Н.Ю. Желтова).

Славянский мир живет, славянский диалог продолжается…

Научный редактор, доктор филологических наук, профессор
Н.Ю. Желтова

Глава 1

ДИСКУРС СВЯТОГО КИРИЛЛА И Н.В. ГОГОЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

УДК 2-335

ФЕОДОСИЙ (Васнев),
митрополит Тамбовский и Рассказовский

СВЯТЫЕ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ: ИСТОРИЯ ИХ ПОЧИТАНИЯ НА РУСИ И У СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В статье подчеркивается особая ценность и богопромыслительность просветительского служения святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, благодаря которому славянский мир получил возможность воспринять христианскую культуру и традиции. Автор представляет краткий обзор Моравской миссии солунских братьев, созданной ими школы славянской письменности, а также останавливается на основных событиях, связанных с увековечением их памяти в России и других странах Восточной Европы.

Ключевые слова: святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветительская миссия, церковнославянский язык, славянские народы, православные духовные традиции.

Более 1150 лет прошло с того времени, когда славянские народы миссионерскими трудами святых равноапостольных Кирилла и Мефодия были просвещены светом Христовой истины. Их имена у славян вызывают чувства благодарности и благоговения. Особая ценность просветительского служения святых братьев заключается в том, что благодаря им славяне обрели родной язык, через который получили возможность воспринять богатые духовные сокровища христианства и культурное наследие Византии.

Константинополь испытывал постоянное давление со стороны многочисленных славянских племен, но стремился не подавлять их силой, а использовать возможности дипломатии и христианской миссии, желая просветить язычников и сделать своими братьями во Христе, а значит и союзниками. Второй по значению город Византийской

империи Фессалоники также неоднократно терпел набеги северных соседей. Начиная с VI в. по Р.Х. племена славян безуспешно пытались штурмовать этот город. Некоторые славяне оседали в империи, к западу и востоку от города Фессалоники. «Области, где поселились они, византийцы стали называть “склавиниями”» [Тиахос 2005: 27]. Постепенно славяне принимали православную веру и «из врагов и захватчиков переходили в категорию «подданных» и «союзников» [Тиахос 2005: 30]. Ко времени рождения в Фессалониках святых братьев Кирилла и Мефодия славяне, осевшие в Македонии, стали мирным народом, а славянскую речь можно было услышать и в самом городе. Отец братьев, Лев, занимал должность командира воинского подразделения Византийской армии. Мефодий был значительно старше своего брата: он родился в 815 году, а Кирилл – в 827, и при крещении ему дали имя Константин. Братья получили прекрасное образование: их учителями были лучшие риторы Фессалоник. После окончания обучения Мефодия назначили управлять одной из провинций, где жили славяне, а Кирилл отправился для продолжения обучения в Константинополь, где среди его учителей был и Патриарх Константинопольский Фотий. Закончив обучение, Кирилл отказался от светской карьеры и поначалу занял должность патриаршего письмоводителя, после чего на шесть месяцев поселился в монастыре на Босфоре. Затем он стал преподавать частным образом философию в Константинополе и в возрасте 24 лет выбрал то поприще, на котором ему предстояло принести неоценимую пользу Церкви. Он стал заниматься дипломатической и миссионерской деятельностью, «которые в Византийской империи были связаны друг с другом теснейшим образом. Поскольку император был защитником Православия и царствовал «по милости Божией», империя по самой природе своей стремилась к распространению христианской веры» [Тиахос 2005: 47]. Первая его миссионерская поездка состоялась в составе делегации на переговоры с арабским халифом в город Самарру. Здесь он вел богословские беседы с представителями ислама. Вскоре в жизни обоих братьев произошли важные изменения. Мефодий принял монашество в монастыре на горе Олимп. В этой же обители поселился и Кирилл, но в монахи не постригся. Как известно, он принял монашество незадолго до своей кончины.

В 860 году последовала миссия святых братьев в Хазарию, с которой Византия поддерживала добрососедские отношения. Одной из причин поездки являлись постоянные нападения племен славян-русов как на Хазарию, так и на Византию. Хазарский каган просил императора прислать к нему делегацию, в состав которой непременно должен

входить человек, имевший способности вести богословские диспуты. В результате миссионерских бесед Кирилла и Мефодия 200 представителей хазарской знати приняли Православие. По возвращении из хазарской миссии Мефодия назначили настоятелем монастыря Полихрон с возведением в сан игумена.

В 862 году в Константинополь пришло послание от Моравского князя Ростислава, желавшего иметь учителей для своего народа, уже принявшего христианство и нуждавшегося в духовных наставниках. Князь Ростислав просил прислать учителей, способных создать письменный язык для славян, на котором можно было бы читать Священное Писание, а также служить Божественную литургию. Эту миссию возложили на братьев, вошедших в историю цивилизации под именами святых Кирилла и Мефодия. Кирилл недоумевал, как можно создать письменность, если у славян не было еще своего алфавита. Житие братьев указывает на то, что «Бог, Который слышит молитвы своих рабов, быстро открыл ему письмо, и тогда он изобрел буквы и начал писать слова Евангелия: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог”» [Тиахос 2005: 99]. Этим подчеркивается, что основы славянской письменности заложены промыслительным действием Божиим. После создания языка Кирилл перевел основные богослужебные тексты, Евангелие, молитвы. Миссия братьев развивалась в Паннонии, где проживало много славян, а закончилась в Венеции. Жизнь Кирилла завершилась в Риме в 869 году, ему было всего 42 года. Его брат Мефодий скончался в 885 году.

Моравская миссия стала важнейшим периодом жизни святых Кирилла и Мефодия и их главным просветительским делом, совершенным с 863 по 867 год. Границы Моравии ученые определяют в пределах современных Словакии, южной Чехии и Польши, Словении и Восточной Германии. Это было первое славянское государство, о котором историки спорят до сих пор.

Труды святых равноапостольных братьев по просвещению славян и по утверждению среди них христианства коснулись практически всех славянских народов. Именно от них они получили письменность и стали читать Священное Писание на родном языке. Ученики святых Кирилла и Мефодия Горазд, Климент, Наум, Савва, Ангелларий и др. продолжили их миссионерское делание. Наследницей Моравии в распространении христианства среди славян стала Болгария. Когда была крещена Русь, она получила фактически уже готовый набор богослужебных текстов и письменность, которая поставила восточных славян в один ряд с другими народами.

Почитание святых началось сразу после их кончины, о чем свидетельствует тот факт, что было составлено три варианта жития, а также служба святым. Уже в XII веке на Руси появились изображения святых, в частности, «в жертвеннике и на столпах южного придела во имя святых Антония и Феодосия в Софийском соборе в Киеве. Впоследствии русские иконописные подлинники помещали указания, как изображать святого Кирилла Философа» [Филарет (Вахромеев), еп. ЖМП 1969: 41]. Составленные службы и слова имелись в Прологах и Четьях-Минеях, а значит, читались во время совершения богослужений.

На Руси было составлено несколько служб святым равноапостольным братьям: «В служебных Минеях Московской Синодальной библиотеки, относящихся к концу XII или началу XIII столетия, сохранились полная служба святому Кириллу (14 февраля) и канон обоим просветителям (6 апреля). Другой канон, в апрельской Минее под 6-м числом, имеет следующее надписание: «Святыма учителема Словеньску языку, Кирила философа и блаженаго Мефодия». Примечательно, что по примеру греческих канонов он имеет акростих: «Кирила философа и блаженна Мефодия пою». Канон состоит из 8 песней, в каждой по четыре тропаря и Богородичен; последние два тропаря каждой песни посвящены святому Мефодию» [Филарет (Вахромеев), еп. ЖМП 1969: 42].

Во второй половине XIX века в Русской Церкви была составлена еще одна служба святым. «Преосвященный Антоний (Амфитеатров), епископ Смоленский (1859–1866), движимый чувством личного глубокого почитания свв. Кирилла и Мефодия, составил в их память и прославление последование целой службы, в которой выразил общенародную любовь к первоучителям славянским и в песнопениях церковных испросил их молитвенных ходатайств пред Престолом Божиим о любящих их людях русских» [Филарет (Вахромеев), еп. ЖМП 1969: 43].

Равноапостольный Кирилл, будучи богословом и прекрасным полемистом, оставил после себя и ряд литературных трудов, в основном поучений. «Имя Кирилла Философа пользовалось широкой популярностью в средневековых славянских литературах» [Турилов 2011: 11]. Эти сочинения оказали значительное влияние на формирование духовной литературы славянских народов, в особенности в Болгарии, куда в 869 году, после смерти равноапостольного Кирилла, переселились его ученики. Наибольшее почитание святых в Болгарии было в X–XI вв. Существовало даже предание о том, что святой Кирилл являлся крестителем болгарского народа. Ярким свидетельством почитания свято-

го в то время стала «Похвала Кириллу», написанная его ближайшим учеником – святителем Климентом Охридским.

В Сербии и Хорватии, территория которых до 1219 года входила в состав Охридской архиепископии, первого автокефального церковного образования Болгарского царства, братья также пользовались особым почитанием. Святым братьям было составлено девять сербских служб, последняя появилась в XVI в. Сохранилось также четыре списка сербских и хорватских житий святого Кирилла, которые в целом верно отражают основные этапы жизни святого, при этом подчеркивается, что именно солунские братья дали всем славянам богослужение на понятном им языке.

Под властью турок почитание Кирилла и Мефодия у славянских народов несколько ослабело, однако даже в этих условиях славяне не забывали о своих просветителях, и уже с XVII века, например, в болгарских храмах появились новые иконописные изображения святых. По мере того как ослабевало влияние Османской империи в славянских землях, восстанавливалась и традиция почитания равноапостольных братьев.

11 мая 1851 года в городе Пловдив в Болгарии день памяти святых просветителей был отмечен как общенациональный праздник. В борьбе болгар за свою независимость святые Кирилл и Мефодий стали символами национально-освободительного движения. «Болгарский центральный революционный комитет опубликовал в 1871 году прокламацию с призывом: «Братья болгары! Молитесь нашим святым, равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию, и готовьтесь к бою!». Болгарский революционер В. Левский переписал тропарь равноапостольным Кириллу и Мефодию в рабочую тетрадь, а Г.С. Раковский и Л. Каравелов опубликовали несколько статей о славянских просветителях» [Православная энциклопедия 2014: 221]. Именно в Болгарии стали строиться первые храмы, освященные в честь святых просветителей. В 1861 году был освящен храм в Тырново, впоследствии появились храмы еще в нескольких городах и селах. В их честь называли школы, устанавливались первые памятники. Можно сказать, что Болгария в XIX веке стала центром почитания святых славянских просветителей. После обретения Болгарией независимости 24 мая был установлен государственный праздник. «Даже в коммунистический период день Кирилла и Мефодия всегда торжественно отмечался в Болгарии: учащиеся и деятели культуры проводили шествия и возлагали венки к памятникам и изображениям славянских просветителей, проходили научные и культурные мероприятия. 30 марта 1990 года На-

родное собрание Болгарии объявило 24 мая общенациональным праздником – Днем болгарского просвещения, культуры и славянской письменности [Православная энциклопедия 2014: 222].

Почитание святых Кирилла и Мефодия в XIX веке имело своим основанием то, что славяне видели в них вдохновителей борьбы за национальную независимость, так как в те времена многие славянские народы находились под властью двух империй – Османской (сербы, болгары, хорваты, македонцы, боснийцы) и Австро-Венгерской (чехи, словаки, русины, украинцы). Вторым и, пожалуй, важнейшим основанием почитания являлось восприятие братьев как духовных и культурных просветителей.

Во всех четырех университетах России в 1862 году была учреждена стипендия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. В 1863 году Святейший Синод установил день общероссийской памяти святых просветителей 11 мая по старому стилю (24 мая по-новому). Особенно торжественно праздновалось 1000-летие со дня кончины святого Мефодия в 1885 году. Все торжества приобрели не только церковно-общественное, но и государственное значение. Были напечатаны брошюры с житием святых, распространявшиеся бесплатно. Помимо крестных ходов, которые проводились во всех городах Российской империи, в Москве было проведено заседание Славянского благотворительного общества. Со второй половины XIX века в России стали строить храмы, посвященные святым просветителям. В основном это были домовые храмы в начальных и средних духовных учебных заведениях. Нередко в честь славянских учителей называли церковно-приходские школы. Со временем в России укоренилось почитание равноапостольных братьев как покровителей всех учащихся.

В 1876 году в Тамбовской духовной семинарии был освящен домовый храм в честь святых Кирилла и Мефодия. В нем совершались богослужения с участием семинаристов и проходили мероприятия, посвященные памяти святых просветителей славян. В праздничные дни богослужения в храме возглавляли Преосвященные архипастыри. В 1901 году 10 мая всенощное бдение состоялось при участии семинарского хора; 11 мая литургию отслужил епископ Тамбовский и Шацкий Георгий (Орлов). После литургии святым братьям пропели молебен, а воспитанником первого отделения 5 класса Василием Николаевским сказано было «назидательное слово о миссионерской деятельности святых первоучителей Кирилла и Мефодия» [ТЕВ 1901: 464]. На богослужении присутствовал тамбовский губернатор, горожане, преподаватели духовной семинарии, в том числе вышедшие

в отставку. В 1911 году домовый храм перенесли в южную часть нового семинарского корпуса, где в настоящее время располагаются аудитории Тамбовского государственного технического университета. Купол был увенчан главкой с крестом. Постепенно семинарский праздник стал общегородским событием.

В XX веке богослужебное почитание равноапостольных братьев в Русской Православной Церкви продолжалось в соответствии с церковным уставом и календарем. В 1969 году в Церкви, как и во всем славянском мире, торжественно отпраздновали 1100-летие со дня кончины святого Кирилла. Не забывали о братьях и в сфере науки. В 1963 году в Москве провели конференцию, посвященную 1100-летию создания славянской письменности. В 1985 году государство объявило 24 мая Днем славянской культуры и письменности. С тех пор в городах России проводятся мероприятия и славянские фестивали с разнообразной духовно-культурной программой.

Память о святых просветителях славян живет в сердцах всех, кто читает и говорит на одном из славянских языков. «Старославянский язык – это первый литературный язык славян, возникший в IX веке в результате переводов христианских богослужебных книг с греческого языка. Таким образом, первый славянский литературный язык возник как язык священный. Заслуга почина в созидании старославянского языка принадлежит первоучителям славянства святым братьям Кириллу и Мефодию» [Камчатнов 2009: 5].

Церковнославянский язык явился важным фактором, объединившим многие славянские народы, ныне населяющие Болгарию, Боснию, Македонию, Сербию, Словению, Хорватию, Польшу, Чехию, Словакию, Россию, Украину, Беларусь и другие страны. Первыми учителями славян была проведена огромная работа по выявлению звуков языков славянских народов с целью разработки специальной азбуки, которая смогла бы дать начало славянской письменности. Им удалось совершить то, что невозможно было бы без помощи свыше. Созданный братьями славянский язык представляет собой уникальное явление, обладающее всеми свойствами живого развивающегося языка. Став богослужебным языком, он позволяет и в настоящее время создавать оригинальные богослужебные тексты: каноны, молитвы, акафисты. При этом на протяжении многих столетий церковнославянский язык не воспринял слова и выражения из мирской обыденности и не подвергся тем негативным воздействиям разговорной речи, которые ощущают на себе все современные языки мира.

В становлении и развитии русского литературного языка церковнославянский язык сыграл определяющую роль, значительно обогатив его словарный запас и грамматический строй. Святых Кирилла и Мефодия можно по праву назвать первыми учеными-славистами. В текущем году исполняется 1150 лет со дня преставления одного из святых братьев – Константина Философа, принявшего монашеский постриг с именем Кирилл. Это имя его равноапостольный брат святитель Мефодий и верные последователи увековечили в наименовании славянской азбуки – кириллицы.

Проводимая в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина X Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» призвана объединить усилия научного мира, Церкви и общества в деле духовного просвещения и распространения христианских ценностей в мире и популяризировать подвиг святых братьев Кирилла и Мефодия – просветителей славянских народов.

Литература

Камчатнов А.М. Старославянский язык. М., 2009. 219 с.

Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 2014. Т. 34. 752 с.

Тахиаос А. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. М., 2005.

Тамбовские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1901. № 20.

Турилов А.А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина. М., 2011.

Филарет (Вахромеев), епископ. Церковно-богослужебное почитание святых братьев Кирилла и Мефодия в России // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1969. № 7.

Theodosius (Vasnev), the Archbishop of Tambov and Rasskasovo.

St. Cyrill and Methodius equal to Apostles: to the history of veneration in Russia and other Slavic countries

The article underlines value and Providential character of St. Cyrill and Methodius' work for the enlightenment of the Slavs. Thanks to their mission, the Slavic world got an opportunity to adopt Christian culture and traditions. The researcher gives a short description of the holy brothers' Moravian mission, focusing on the written language that they created and on the key events, connected with St. Cyrill and Methodius' commemoration in Russia and other countries of the Eastern Europe.

Key words: St. Cyrill and Methodius equal to Apostles, work for the enlightenment, old church Slavonic, Slavic nations, the Orthodox sacred traditions.

УДК 271.2

М.А. Прасолов

«ЛЮДИ С БОЛЬШИМИ ГОЛОВАМИ»: СВ. РАВНОАП. КОНСТАНТИН (КИРИЛЛ) ФИЛОСОФ И СПОР ОБ АНТИПОДАХ

В статье анализируется отрывок из XV главы *Жития Константина*, в котором повествуется о споре об антиподах с латинянами. Раскрыт античный научный и христианский богословский контекст спора. Обосновывается, что предметом спора о существовании антиподов была богословская проблема единства человеческой природы во Христе.

Ключевые слова: св. равноап. Кирилл, антиподы, православная антропология, единство человеческой природы, дуализм, обожение.

В Пространной редакции *Жития* св. Константина (Кирилла) Философа в XV главе встречается краткая и малопонятная с первого взгляда фраза. Приведу ее по трем, основным на сегодняшний день, публикациям текста *Жития*. Первый вариант фразы взят из рукописи Московской Духовной Академии № 19: «Не токмо же се едино глаголахоу, но и иномоу бещинью оучахоу, глаголющее: яко подъ землею живоуть чловѣци велеглави…» [Лавров 1930: 28]. Второй вариант читаем в рукописи 1469 г. (южнославянский список диакона Владислава Грамматика): «Не тькмо же се едино глааху, нь и иному бесчьстию учааху, глюще, яко подь землею живоуть члвци велглавы…» [Лавров 1930: 61]. Наконец, третий вариант содержится в рукописи нач. XV в.: «Не токмо же се едино глаголаху, нъ иному бещинию учаху, глаголющее, яко подъ землею живуть чьловеци вельглави…» [Житие Константина-Кирилла 2000: 54].

Текстология данного отрывка вполне надежна. Сегодня известны около 50 списков *Жития* XV–XVIII вв. (см.: [Климент Охридски 1973: 34-45]). Многие из них изучены П.А. Лавровым и использованы в его, до сих пор образцовом, издании текста *Жития* (по рукописи Московской Духовной Академии № 19 и по южнославянскому списку 1469 г.). Это исследование продолжил Б.Н. Флоря, также опиравшийся, главным образом, на рукопись № 19 [Флоря 2000: 135]. Еще одна публикация текста *Жития* основана на древнейшем списке начала XV в., который сохранился в дополнениях к Толковой Палее из собрания Е.В. Барсова в Государственном Историческом музее (№ 619) (см.: [Дзиффер 1991: 59-63]). Он использован при издании текста *Жи-*

тия, подготовленного Л.В. Мошковой и А.А. Туриловым [Житие Константина-Кирилла 2000: 493-494]. В интересующем нас отрывке *Жития* в его различных списках нет существенных разночтений. Отметим только одно разночтение, указанное в публикации П.А. Лаврова: в рукописи № 19 вместо слова «велеглави» стоит слово «велеглаголиви» [Лавров 1930: 28]. Лавров считает это разночтение результатом ошибки переписчика. Также думает и Б.Н. Флоря, поэтому он в своем переводе указывает слова «*с большими головами*» курсивом, как место в котором «совершенно очевидна порча текста в списке» [Флоря 2000: 135, 169]. Таким образом, исследователи согласны в вопросе о текстологии данного отрывка *Жития*.

Этот отрывок *Жития* уже привлекал к себе внимание исследователей. Смысл фразы попытались прояснить И.С. Дуйчев еще в 1954 году [Dujiev 1954: 90-96] и Ф. Репп в 1958 г. [Repp 1958: 114-118]. Мы, учитывая эти работы, постараемся расширить контекст, в котором можно рассмотреть данный отрывок *Жития*, что позволит обнаружить новые оттенки его понимания, как исторические, так и богословские.

Все исследователи этого отрывка *Жития* единодушны в том, что под живущими под землей людьми с большими головами (видимо, калька с греч. ἄνθρωποι μακροκέφαλοι [Dujiev 1954: 93; Флоря 2000: 253]) подразумеваются антиподы. Гипотеза о существовании антиподов имеет древнюю традицию, зародившуюся в античности, а затем унаследованную христианами. Поэтому сначала необходимо напомнить античный контекст этой гипотезы, а затем различные, во многом противоречивые, христианские реинтерпретации эллинской традиции.

Если верить Диогену Лаэртскому, слово *антипод* (мн. ч. ἀντίποδες; от ἀντί – *против, напротив* и ποδός – *нога*) использовали уже пифагорейцы: «…и земля тоже шаровидна и населена со всех сторон. Существуют даже антиподы, и наш низ – для них верх» (VIII 26) [Диоген Лаэртский 1986: 313]. Вероятно, эту гипотезу поддержал Парменид [Hiatt 2008: 16-17], а затем и Платон в диалоге «Тимей» (63a). В связи с обсуждением проблемы сферичности космоса, Платон предположил в центре вселенной некое «равномерно взвешенное твердое тело», которое не могло бы двигаться ни к одной из крайних точек сферы, но, если бы «кто-нибудь принялся обходить это тело по кругу, вновь и вновь оказываясь собственным антиподом, ему бы пришлось обозначать одно и то же направление попеременно то как верх, то как низ». Раз космос «имеет вид сферы», то обозначения «верх» или «низ» относительны [Платон 1994: 468]. Таким образом, антиподы – это диаметрально противоположные друг другу точки сферы, как бы об-

ращенные друг к другу своими ногами. В космологическо-астрономическом смысле употребляет это слово и Аристотель в трактате «О небе» (308a. 20) [Аристотель 1981: 365]. Так что первоначальное употребление термина не имело этнографического или антропологического смысла, как утверждал И.С. Дуйчев [Dujiev 1954: 93].

В соединении с эллинистической теорией земных поясов, или климатов, зародилась гипотеза об антиподах как людях, или народах, населяющих противоположную сторону Земли. Гипотеза антиподов оказалась тесно связана с гипотезой о шарообразности Земли и космоса, с гипотезой центрального положения Земли в космосе, с гипотезой о климатических поясах и с гипотезой о двух противоположных полушариях Земли, разделенных необитаемым и непроходимым жарким тропическим поясом и Океаном (подробнее см.: [Hiatt 2008]). Например, географ Страбон так выражал общеэллинистическое учение: «ясно, что мы находимся в одном из двух полушарий (и притом в северном); находится же в обоих полушариях сразу невозможно…

Примем гипотезу, что поверхность земли шарообразна… Обитаема ли она также и на противоположной четверти? Конечно, если она и обитаема, то не такими людьми, как у нас, или мы должны рассматривать его как другой обитаемый мир, что вероятно» [Страбон 1964: 113, 114, 119]. Если для Страбона и его знаменитых единомышленников (Гиппарха, Эратосфена, Полибия, Посидония, Артемидора Эфесского, Цицерона, Плиния Старшего, Птолемея) эти положения были все-таки гипотезами [Страбон 1964: 804], то в дальнейшем, в глазах эллинистически образованных слоев Римской империи, гипотеза все больше приобретает характер убеждения и даже реальности. Римский географ Помпоний Мела (I в. н.э.) в труде «Хорография» (I 1.4) с уверенностью утверждал, что Земля делится на две обитаемые зоны – северную и южную: «Одну из этих зон населяют антихтоны (antichthones), другую – мы» [Помпоний Мела 2017: 31]. *Антихтоны* (греч. ἀντίχθονές букв. *живущие на противоположной земле*) – это еще одно имя для антиподов. Овидий в своих «Метаморфозах» (I, 45-51) изображал подобную картину: «земля – с пятью полосами / На срединной из них от жары обитать невозможно. / Две под снегом лежат глубоким, а двум между ними / Бог умеренность дал, смешав там стужу и пламень» (пер. С. Шервинского) [Овидий 1977: 32]. Подобное видение мира было изображено на глобусе Кратета из Малла (II в. до н.э.), на котором были две симметричные ойкумены, разделенные Океаном. Глобус Кратета стал образцом для императорской инсигнии – державы: шар, крестообразно опоясанный полосами Океана [Томсон 1953:

292; Romm 1992: 129-132]. В целом, писавшие по-гречески ученые говорили об антиподах в контексте теоретического обсуждения относительности направлений на сфере. Критически к гипотезе антиподов отнеслись эпикурейцы, утверждавшие бесконечность мира, и Плутарх, который вовсе отвергал существование антиподов, полагая, что жизнь вверх тормашками логически абсурдна [Plutarch 1911: 21-22].

Христианство восприняло античную космографию как языческую (эллинская космология тесно связана с астрологией и верой в вечность космоса), поэтому гипотезы сферичности Земли, а, следовательно, существования антиподов оказались под подозрением. Однако отрицание антиподов не обязательно сопровождалось у христианских авторов отрицанием сферичности Земли. Диодор Тарский, Феодор Мопсуэстийский, прп. Ефрем Сирин, Севериан Габальский, Прокопий Газский единодушно отвергали сферичность Земли и существование антиподов. Могла приниматься с оговорками вероятность существования противоположной земли, но ее населенность все равно отрицалась [Бородин, Гукова 2000: 12-14, 32-33, 35-36]. С большей осторожностью, но против сферичности Земли и существования антиподов, высказывался свт. Иоанн Златоуст [Культура Византии 1984: 435-436]. Косьма Индикоплов высказал общее мнение антиохийской традиции в радикальной форме (о нем см.: [Kominko 2013]). «Что же, если кто-нибудь спросит их [язычников] и скажет: неужели солнце напрасно уходит под землю? Эти нелепые люди, не раздумывая, тут же ответят: народ Антиподов (ἀντίχθονές) там – люди, носящие свои головы вниз, и реки, имеющие течение, противоположное здешним рекам!» [The Christian Topography 1909: 45]. Вопрос об антиподах он считает «бабьими мифами» [The Christian Topography 1909: 47]. Главное, по мнению Косьмы, что Бог создал весь род человеческий для обитания по всему лицу земли (Деян. 17:26). Значит, Бог желает не того, чтобы человечество расселялось «на обратном лике (ἀντιπροσώπου) земли, но на ее лице». Люди должны наследовать всю землю, поскольку вся земля есть единое целое. Косьма принципиально настаивает на единстве человеческого рода, подозревая в антиподах некое четвертое творение (наряду с небесными ангелами, земными людьми и преисподними мертвыми (ср. Флп. 2:10)), которое Бог никогда не создавал. «Следовательно, все их теории – выдумки и мифы» [The Christian Topography 1909: 92]. И, наконец, в книге IV Косьма иронизирует над своими противниками: «ваши вымышленные и ложные гипотезы… несоразмерны, противоречивы, непоследовательны, обречены оставаться совершенно запутанными и кружиться еще быстрее, чем ваша неустойчивая и вра-

щающаяся мифическая сфера» [The Christian Topography 1909: 135]. Но позиция антиохийцев не господствовала среди ромеев. Возобладала традиция, восходящая к интерпретации эллинизма Великими Каппадокийцами. Свт. Василий Великий и свт. Григорий Нисский полагали, что Земля – это сфера, хотя не придавали большого значения космологическим гипотезам, считая их делом человеческого мнения, а не догматом веры [Бородин, Гукова 2000: 20-23]. Эту традицию продолжил Иоанн Филопон, который признавал и сферичность Земли, и существование антиподов. Он даже предположил, что вселенная составляет единый материк и существует возможность сообщения с антиподами [Бородин, Гукова 2000: 25].

Этой же традиции принадлежали Иаков Эдесский, Стефан Александрийский, Георгий Писида, прп. Иоанн Дамаскин [Иоанн Дамаскин 2002: 205], Михаил Пселл, Симеон Сиф и др. [Культура Византии 1984: 440-445; Культура Византии 1989: 335-341]. Вполне вероятно, что к ней был причастен папа римский Захария (741-752), ромей по происхождению, который «изобразил круг земной на потолке своего триклиния» [Бородин, Гукова 2000: 66] и выступал против гипотезы об антиподах. Важно, что к числу сторонников гипотезы сферической вселенной со сферической Землей в ее центре принадлежали свт. Фотий, патр. Константинопольский [Staab 1933: 479] и Лев Философ и Математик (о нем см.: [Лев Математик и Философ 2017; Сенина 2018]), у которых, как говорит *Житие*, учился св. Константин Философ [Лавров 1930: 4; Флоря 2000: 140, 209-210; Королев, Турилов 2014: 187]; (см. критический анализ: [Лемерль 2012: 234-242]). Свт. Фотий с большим сомнением отзывался о Косьме, называя его «скорее мифотворцем, чем человеком, говорящим истину» [Photius 1959: 21.15-16]. Итак, св. Константин Философ обладал самыми лучшими научными знаниями, которые были в его время, но, однако, выступить с резким осуждением гипотезы об антиподах святого понудил отнюдь не научный интерес к нюансам эллинистической и ромейской космологии.

В отличие от ромеев, на латинском Западе интерес к проблеме антиподов был более острым. Для латинян, а потом и франков, антиподы были не столько теоретическим символом южного региона Земли, сколько именем реальных народов. И чем дальше, тем ощутимее антиподы превращались в особую расу людей, отличную по природе от остального человечества. Если Тертуллиан отрицал антиподов как пустословие и вымысел [Тертуллиан 1994: 46], то Исидор Севильский уже колебался, в одном случае отрицая антиподов, в другом – признавая их особой расой людей, живущих в Ливии [Kominko 2018: 442]. Катего-

рически отрицал антиподов и заодно шарообразность Земли Лактанций: «А что сказать про тех, кто полагает, будто существуют противоположные нам антиподы? ...Что там дожди, снег, град идут снизу вверх?». Лактанций думает, что философы рассуждали о «мире, круглом как мяч,» разве что «ради шутки» [Лактанций 2007: 223-225]. Неуверенно и весьма рискованно пишет об антиподах и «чудовищных породах людей» блаж. Августин. Хотя он говорит о том, что верующие не должны сомневаться, что всякий человек «ведет свое начало от одного первосозданного человека», но в итоге оставляет своего читателя в неопределенности перед выбором: «или того, что пишется… о каких-либо народах, вовсе нет; или, если есть, то народы эти не суть люди; или, если и они – люди, то происходят, конечно же, от Адама» [Августин 1998: 122, 124]. Колеблется блаж. Августин и относительно существования антиподов, хотя склоняется, скорее, в сторону его отрицания [Августин 1998: 124-125].

В 748 г. папа римский Захария в письме св. Бонифацию, апостолу Германии, осуждает как вероятного еретика клирика Виргилия, которого большинство современных ученых отождествляет с ирландским проповедником Виргилием (ирл. Feirgil, Fearghal). Св. Бонифаций обвинял Виргилия в проповеди учения о сферичности Земли. Но папа Захария, не касаясь вопроса о шарообразности Земли, предупреждает, что, если Виргилий учит о «другом народе, живущем под землей», то его следует осудить как еретика [PL. t. LXXXIX. 1850. coll. 946-947; Carey 1989: 1-2]. Папа не признает мысль о другой расе людей, как противоречащую христианскому учению о единстве человеческой природы и единстве искупительного Домостроительства Христа. Как видим, папа отвергает учение об антиподах на основании богословских принципов, но не как космологическую гипотезу. Большинство исследователей предполагает, что именно в таком варианте, столь обеспокоившем папу, учение об антиподах распространялось в Баварии, в землях, поблизости от которых будет позже проповедовать св. Константин Философ (см.: [Dujiev 1954; Repp 1958; Carey 1989; Moretti 1994: 264-266]).

На наш взгляд, весь текст XV главы *Жития* подтверждает, что основанием спора об антиподах во времена св. Константина Философа были именно богословские принципы, а не историко-культурные, научные или этнографические (на последнем настаивают [Dujiev 1954: 94-96; Repp 1958: 45-46]). История с антиподами оказывается в окружении весьма выразительного контекста. Во-первых, автор *Жития* указывает на изначальную причину препятствий, которые встре-

тил св. Константин Философ в Моравии: это зависть дьявола [Лавров 1930: 28; Флоря 2000: 168-169; Житие Константина-Кирилла 2000: 54-55]. Во-вторых, дьявол внушает франкским и латинским архиереям («съсуды» дьявола, вероятно греч. ὄργανα, орудие, инструмент [Dujiev 1954: 94]) задавать лукавый вопрос о том, почему Бог не сотворил все народы со своей письменностью, из чего дальше выводили неизбежность триязычной ереси. Неумело скрывая свою мысль и желание, латиняне обвиняют св. Константина в противлении Божественной воле, а фактически, обвиняют и Бога в том, что Он якобы творит разные народы по природе неравноценными в отношении к Нему [Лавров 1930: 28; Флоря 2000: 168-169; Житие Константина-Кирилла 2000: 54-55].

Как известно, сами франки и латиняне в то же время участвовали в работорговле, главным образом, славянскими рабами, тем самым делами показывая свое подлинное понимание природных различий народов (напомню, что в *Житии* постоянно упоминается, что св. Константин освобождает, где может, пленников-рабов (см., например, в конце той же XV главы) [McCormick 2001: 758-776]). В-третьих, латиняне и франки осуждаются за дуалистическое отношение к бессловесному творению Божию, потому что считают пресмыкающихся творением дьявола: «вьсь гадъ дияволя тварь есть» [Лавров 1930: 28; Флоря 2000: 168-169; Житие Константина-Кирилла 2000: 54-55]. Вряд ли здесь можно говорить о прямых следах манихейства или павликианства, как делает И.С. Дуйчев [Dujiev 1954: 95-96]. По крайней мере, уверенно проследить подобное влияние сложно. Скорее, мы имеем дело с основным мотивом, который в разных вариациях звучит во всей XV главе *Жития*, весьма точно выражая отношение автора к духу и делам латинян и франков. Этот мотив – самовольное установление иерархических природных границ, будь то между языками, народами или живыми существами вообще. К этому мотиву добавляется еще одна тяжелая нота. *Житие* обвиняет латинян и франков в том, что разделяя по своему произволу творение Божие на доброе и злое, они при этом чрезмерно послабляют заурядным грехам (языческим жертвам и обрядам, суевериям и нарушениям христианских брачных правил). В то же время св. Константин всегда настаивал на строжайшем исполнении правил благочестивой жизни [Лавров 1930: 28-29; Флоря 2000: 168-169; Житие Константина-Кирилла 2000: 54-57]. В XV главе *Жития* ясно виден общий, определенный контекст, в который история с антиподами стройно вписывается. Латинские и франкские архиереи обличаются в разделении творения по природному, сущностному принципу, что совершенно неприемлемо для христианства, поэтому

Житие столь бескомпромиссно проводит различение духов. В этом состоит причина, почему св. Константин Философ выступил против «бесчинства» учения об антиподах. Святой отстаивал христианский принцип единства человеческого рода, всеобщности искупительной Жертвы Христовой и открытости Бога общению с любым народом и человеком, отринувшим добровольно свои грехи. Настоящий гимн христианской свободе во Христе св. Константин произнес в своей огненной речи на соборе в Венеции (глава XVI *Жития*).

В заключении хотелось бы добавить, насколько тонко и точно св. Константин уловил тягу западного латинского духа к выстраиванию «многоэтажных» природных иерархий в этом мире, где разделение людей, народов и других творений на «низших» и «высших» сочетается с потаканием и снисходительностью, главным образом, к плотским грехам. Мифология антиподов, «другой расы», «иной породы» людей, столь гностическая по своему духу, отнюдь не исчезла из западной истории после IX в. (см.: [Goldie 2009]). В каком-то смысле, она за тысячу лет набрала новую силу. Эпистема антипода на протяжении веков влияла на искусство, науку, литературу, драму, мемуары, дневники, живопись и, конечно, политику латинского мира. Этот миф очень пригодился с началом глобальной экспансии Запада в XV–XVI вв. (см.: [Eisler 1995]). Без его недоброго отблеска трудно представить историю западного колониализма. Образ антипода странно смешивался с другим излюбленным западным мифом об Аркадии. Эта смесь подчас порождала настоящие кошмары перверсий (например, в XVIII в. (см.: [Fausset 1995]). Миф об антиподах пришелся очень кстати, когда вестернеры соприкоснулись с индейцами Северной и Южной Америки (см.: [Hanke 2011; The Classical Tradition 1994]), с коренным, а потом и с пришлым, населением Южного полушария. Австралия и Новая Зеландия до сих пор именуются Антиподами, там даже возник свой вариант «антиподской» самобытной идентичности (см.: [Beilharz 2002; Stallard 2016]). Везде, где «цивилизация» нуждается в людях «низшей» природы, антиподы появляются вновь и вновь (см.: [Edmond 2013]). Мир с избытком напитался трагедиями, в которых мифология антиподов сыграла свою не последнюю роль. Теперь можно непредвзято оценить различие латинской *inductionis*, как «инкультурации Евангелия в туземных культурах» [Ioannis Pauli PP. II 1985: 21], и православного преображения (*μεταμόρφωσις*), как практики обожения человека. Но это уже тема иного исследования. Остается только еще раз припомнить, что линии различения добра и зла, за неприкосновенность которых святые люди жертвовали собой тысячу лет на-

зад, остаются священными границами и для нашего времени, и для нас самих.

Литература

Августин, блаж. О Граде Божием // *Августин, блаж.* Творения. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 4.

Аристотель. О небе // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 263-378.

Бородин О.Р., Гукова С.Н. История географической мысли в Византии. СПб.: Алетейя, 2000.

Дзиффер Дж. Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. М.: Наука, 1991. № 3. С. 59-63.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.

Житие Константина-Кирилла / подготовка текста и перевод Л.В. Мошковой и А.А. Турилова, комментарии Б.Н. Флори // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 2. С. 22-65, 493-500.

Иоанн Дамаскин, прп. Источник знания. М.: Индрик, 2002.

Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973. Т. 3.

Королев А.А., Турилов А.А., Чешмеджиев Д., Шалина И.А., Иванникова А.П. Кирилл (Константин Философ), равноап. // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2014. Т. XXXIV. С. 186-225.

Культура Византии. IV – первая половина VII в. М.: Наука, 1984.

Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. М.: Наука, 1989.

Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Лактанций. Божественные установления. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007.

Лев Математик и Философ. Сочинения. СПб.: Алетейя, 2017.

Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образованности и культуре в Византии от начала до X века. СПб.: «Свое издательство», 2012.

Овидий. Метаморфозы. М.: Художественная литература, 1977.

Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 421-500.

Помпоний Мела. Хорография. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.

Сенина Т.А. (монахиня Кассия). Эллинизм в Византии IX века. СПб.: Алетейя, 2018.

Сидоров А.И. Захария, папа Римский // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2. Т. XIX. С. 686-688.

Страбон. География: в 17 книгах. М.: Наука, 1964.

Тертуллиан. К язычникам // *Тертуллиан*. Сочинения. М.: Прогресс, 1994. С. 37-82.

Томсон Дж. О. История древней географии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.

Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетейя, 2000.

Beilharz P. Imagining the Antipodes. Culture, Theory and the Visual in Work of Bernard Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Carey J. Ireland and the Antipodes: The Heterodoxy of Virgil of Salzburg // Speculum. 1989. Vol.64. № 1. P. 1-10.

Dujuev J. Un episode dell'attivita di Constantino Filosofo in Moravia // Ricerche Slavistiche. 1954. № 3. P. 90-96.

Edmond M. Zone of the Marvellous. In Search of the Antipodes. Auckland: Auckland University Press, 2013.

Eisler W. The Furthest Shore. Images of Terra Australis from the Middle Ages to Capitan Cook. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Hanke L. Aristotle and The American Indians: A Study In Race Prejudice in The Modern World. Indiana University Press, 2011.

Hergenrцther J. Monumenta graeca ad Photium historiam pertinentia. Ratisbonae, 1869.

Hiatt A. Terra Incognita: Mapping the Antipodes Before 1600. – L., 2008.

Ioannis Pauli PP. II. Epistula Encyclica Slavorum Apostoli ad episcopos, sacerdotes, religiosos omnesque christifideles: memoria recolitur, undecimo transacto saeculo, operis evangelici sanctorum Cyrillii et Methodii // URL: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/la/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_19850602_slavorum-apostoli.html.

Goldie M.B. The Idea of the Antipodes. Place, People and Voices. – Routledge, 2009 (Routledge Research in Postcolonial Literatures (Book 26)).

Kominko M. The World of Kosmas. The Byzantine Illustrated Codices of the Christian Topography. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Kominko M. Textual and Representations of the Antipodes from Byzantium and the Latin West // Reading in the Byzantine Empire and Beyond / Ed. by T. Shawcross, I. Toth. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 430-444.

McCormick M. Origins of the European Economy: Comminications and Commerce, A.D. 300-900. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Moretti G. The Other World and the 'Antipodes'. The Myth of Unknown Countries between Antiquity and the Renaissance // The Classical Tradition and the Americas. Vol. I: European Images of the Americas and the Classical Tradition / Ed. by W. Haase, M. Reinhold. Berlin, N.Y.: Walter De Gruyter, 1994. P. 241-284.

Photius. Bibliothиque / ed. R. Henry. Paris, 1959. Vol. I.

Plutarch. On the Face in the Moon. Winchester, 1911.

Repp F. Zur Erklдrung von Kap. XV der Legende von Konstantin // Zeitschrift fьr slavische Philologie. 1958. Bd. 26. P. 114-118.

Romm J.S. The Edges of the Earth in Ancient Thought. Princeton, 1992.

Staab K. Photius. In epistolam ad Romanos, Fragmenta // Pauluskommentar aus der griechischen Kirche aus Katenenhandschiften gesammelt. Mьnster, 1933.

Stallard A.J. Antipodes. In Search of the Southern Continent. Clayton: Monash University Publishing, 2016.

The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes / ed. by E.O. Winstedt. Cambridge: Cambridge University Press, 1909.

The Classical Tradition and the Americas. Vol. I: European Images of the Americas and the Classical Tradition / ed. by W. Haase, M. Reinhold. Berlin, N.Y.: Walter De Gruyter, 1994.

Fausset D. Images of the Antipodes in the Eighteenth Century. A Study in stereotyping. Rodopi Bv Editions, 1995.

Prasolov M.A. «People with big heads»: St. Constantine (Cyril) the Philosopher and the dispute about the Antipodes

The article analyzes an excerpt from the Chapter XV of the *Life of St. Constantine*, which deals with the dispute with the Latins about the Antipodes. In this research, we reveal the Ancient scientific and Christian theological context of the dispute. It is proved that the subject of the dispute about the existence of the Antipodes was the theological problem of the human nature unity in Christ.

Key words: St. Cyril (Constantine the Philosopher), antipodes, Orthodox anthropology, unity of human nature, dualism, theosis.

УДК 82. 091

И.В. Алленова

КРУГ ЧТЕНИЯ ВО ВРЕМЕНА РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Статья посвящена изучению литературы, доступной для чтения на Руси времен равноапостольной Ольги. Автор уделяет внимание, прежде всего, переводной литературе, которая могла оказаться в окружении княгини, и в целом литературе, которая оказывала влияние на формирование христианских взглядов как княгини, так и её свиты.

Ключевые слова: святая равноапостольная княгиня Ольга, древнерусская книжность, христианство, просвещение.

История Руси домонгольского периода всегда была сложной для изучения. Связано это, прежде всего, с ограниченным кругом источников, дошедших до нас. Самым ранним признанным историческим источником считается летопись Нестора «Повесть временных лет», однако, она, как известно, относится ко второй половине XI века. Рассказ же о более ранних временах основан на легендах, народных преданиях и заимствованиях из других источников. Эпоха равноапостольной княгини Ольги относится именно к этой части повествования летописи. Принятие Ольгой христианства только добавляет вопросы к изучению данного периода. Не одно десятилетие ведутся споры о проблеме са-

мого крещения княгини: например, точно не установлена дата и место принятия княгиней христианства. Не отвечают источники и на вопрос о причинах принятия христианства именно по Византийскому образцу [Подскальски 1996].

В связи с этим возникают вопросы о степени христианской просвещенности населения Руси в X веке. Международные связи Руси в тот период позволяют говорить о том, что христианизация началась задолго до Крещения Руси. Да и активная внешняя политика Византии способствовала распространению христианства. На данный момент достоверно известно, что первая волна христианизации пришла из Византии в результате нападения русских князей на Константинополь в 860 году. Примерно в это же время христианство проникает и в Болгарию. Однако, согласно традиции, Болгария в это время уже принимает крещение (дата крещения Болгарии колеблется между 858 и 869 годами). Таким образом, к моменту крещения Руси Болгария являлась христианским государством почти 120 лет. Возникает вопрос: какая страна оказала большее влияние на формирование христианского мировоззрения на Руси – Византия или Болгария?

Справедливо считается, что огромную роль в распространении христианства сыграли святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Помимо создания славянской азбуки, они переводили на славянский язык духовную и светскую литературу. Деятельность Мефодия в основном была сосредоточена в Моравии. Однако после его кончины (6 апреля 885 г.) его ученики были изгнаны из Моравии и смогли продолжить дело учителя в Болгарии. Наиболее значимым деятелем среди них был Климент Словенский (или Охридский, 21 июля 916 г.). Именно при нем (в 893/894 г.) произошла замена глаголицы на кириллицу (до этого момента греческий язык был официальным государственным и церковным языком в Болгарии) и начался массовый перевод греческих текстов на болгарский язык. Одним из литературных памятников, созданных им, стал перевод Цветной триоди (на все дни от Пасхи до Пятидесятницы). Созданные в Болгарии переводы получали широкое распространение в восточнославянском мире. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, географический: граница Болгарии и Киевской Руси была сухопутной, в отличие от Византии, которая отделена от Руси Черным морем, и, как следствие этого, контакты между соседними странами поддерживать было значительно легче. Во-вторых, политический: несмотря на воинственность Святослава, именно с Болгарским царством у него установились дружественные отношения, совместно с правителем Болгарии он выступил против Византии и даже

задумал перенести столицу на Дунай. И, наконец, по одной из версий, корни происхождения княгини Ольги уходят в Болгарию. Возможно, по этой причине чтение книг на болгарском языке было для Ольги более привычным и комфортным.

Проникновение христианства на Русь было постепенным. Вероятно, крещение принимали отдельные лица или группы лиц, но проходило это достаточно медленно. Официальные русско-византийские договоры 911 и 944 годов свидетельствуют о попытках греков проповедовать христианство среди правящей верхушки русского войска [Литаврин 1993]. Наибольшего успеха Византийская дипломатия достигла при крещении княгини Ольги [ПСЗЛ, 1]. Споры о времени этого события идут до сих пор. В настоящее время, по мнению Герхарда Подскальски [Подскальски 1996], можно считать установленным, что Ольга приняла крещение не в 955 (957) г. в Константинополе, а в 954/955 г. в Киеве и прибыла к императорскому двору уже христианской, в сопровождении священника [Высоцкий 1989]. Подтверждают этот факт слова, которыми константинопольский патриарх приветствовал княгиню, они напоминают Ублажение Марии (Лк. 1, 42; 48) [Острогорский 1967].

Христианство на Руси прививалось по вертикали: от власти – к народным массам, и одним из действенных способов знакомства населения с новой религией стало распространение литературы. Что же читали первые христиане на Руси? Вполне логично, что первыми книгами, которые могли получать жители Киевской Руси, стала славянская переводная литература. Увы, изучить конкретный памятник, созданный в те времена, невозможно, так как древняя литература дошла до нас в списках послемонгольского времени. И основные вопросы, которые можно решить (и то не всегда) – о месте создания источника и о первичном языке, с которого он был переведен: непосредственно с греческого, или он является списком церковнославянского (древнеболгарского) перевода, или это обработка последнего [Сперанский 1928; он же 1960; Тихомиров 1969]. Интересен тот факт, что сохранившиеся различные списки вначале переводились с болгарского на славянский, а затем только на Византийский, и в Византии стали известны только после этого перевода. Однако проследить, какие именно книги прошли этот сложный путь, не представляется возможным. Второй вопрос, на который нет ответа – это кем были переводчики по происхождению: славянами, греками, болгарами (на некоторых источниках сохранились подписи, но это очень редко).

Другая проблема – это анализ переводной литературы. Обращает на себя внимание сам выбор византийских текстов и те изменения, ко-

торым они подвергаются в славянской рецепции. По мнению Ф. Томсона, который изучал корпус болгарских переводов «золотого века», оказавшийся в руках древнерусских книжников X–XIII вв., подборка книг весьма сходна по составу с библиотекой крупного византийского монастыря, вроде обители Св. Иоанна Богослова на острове Патмос. Сам Томсон считает, что это сходство можно объяснить миссионерскими целями и запросами богослужебной практики [Томсон 1988].

Подтверждает мнение Томсона тот факт, что от XI века до нас дошли богослужебные книги: Псалтырь и Апракосное Евангелие (или Богослужебное Евангелие), в котором текст собран не канонически, а для удобства службы по календарю, начиная с Пасхальной недели (ярким примером является Остромирово Евангелие, переписанное в 1056–1057 гг.). Также к раннему периоду относятся Служебные Минеи (книги, содержащие в себе церковные службы применительно к отдельным месяцам). До нас дошли Служебные Минеи 1095–1097 гг. (за сентябрь, октябрь и ноябрь).

Таким образом, вначале на Руси появились книги, обеспечивающие богослужебную деятельность Церкви. Это вполне объяснимо, так как последователи христианства должны была организовать в новообращенной стране, прежде всего, церковные службы.

Однако служебных книг для распространения христианства было явно недостаточно. Киевская Русь активно начинала знакомиться с христианским наследием. В этом ей помогали ближайшие соседи: Болгария и Византия.

Большой популярностью среди населения пользовалась житийная литература. Одной из книг, получивших известность с XI в., стал переводной житийный сборник «Четьи Минеи». До нас дошел его успенский список, который относится к XII веку (сохранился только месяц май). Вообще Минеи – это книги, предназначенные не для богослужения, а для ежедневного чтения благочестивых христиан и располагавшиеся по числам месяца. По принципу византийских месяцесловов построен древнерусский житийный сборник «Пролог» (XII век). Уже в ранней редакции «Пролога» мы находим краткие жития русский святых Бориса и Глеба, княгини Ольги и князя Мстислава, Феодосия Печерского.

Близкими к минеям по жанру можно считать сборники кратких новелл «патерики», или «отечники», которые состояли из повестей об аскетах и отшельниках, живших в определенной местности или в определенном монастыре. Они включали в себя элементы занимательности, анекдотизма и наивного суеверия, переплетающегося с бытовыми

эпизодами светского характера. Особенно популярны были «Луг духовный», или «Синайский патерик» Иоанна Мосха, который излагал жизнь сирийский монахов, а также «Египетский патерик», в котором в качестве материала использован, главным образом, «Лавсаик» епископа Палладия Еленопольского, составленный в 420 г. Оба патерика известны на Руси с XI века.

Если возвращаться к проблеме влияния Болгарии на раннехристианскую Русь, то мы видим распространение в X в. через Болгарию византийских хроник. В частности, «Хроника Иоанна Малалы Антиохийского» (создана в VI в.) состояла из 18 книг и была переведена в Болгарии в X веке. Интересно, что сохранилась эта хроника только в поздних русских компиляциях, и, увы, не пользовалась популярностью ни в Болгарии, ни на Руси. Причинами нелюбви читателей к этому произведению исследователи называют присутствие в нем языческих элементов, фантастического, легендарного материала, который отражал античную и восточную мифологию, а не востребованную обществом христианскую. Другая судьба была у «Хроники Георгия Амартола (грешника)» (создана в IX в.). Это произведение пользовалось большей популярностью. Хроника сначала была доведена до 864 года, но в следующем веке пополнена «Хроникой Симеона Логофета», и теперь события заканчивались 948 годом (время смерти византийского императора Романа I). Именно в этом дополненном виде она и появилась на Руси в середине XI века. Древнейший список относится к XIII–XIV векам. В этой хронике было много из византийской церковной жизни и монастырской истории. Она говорила о еретических движениях и о чудесных знамениях, и о поучительных анекдотах. Распространялись на Руси составные сборники, например, «Изборник Святослава» (1073 г.), он восходит к болгарскому протографу эпохи царя Симеона.

Помимо ортодоксальной литературы, в эпоху распространения христианства на Русь из Болгарии проникали апокрифические сочинения. Например, литература богомильской ереси – «басни» и «кощуны» попа Иеремии (дошел в списке от XI века), «Деяния апостолов Павла и Фёклы» (список XII века), «Возношения Исайи», «Хождение Богородицы по мукам», «Мучения трех отроков и Даниила» и др.

Достаточно рано в Киевской Руси появляется патристическая литература (сочинения отцов церкви). Она своими корнями уходит в Византийскую традицию. На русский язык была переведена целая плеяда византийских авторов: Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Лествичник, Иоанн Дамаскин, Афана-

сий Александрийский и др. Переводили как прозу, так и поэзию, например, поэмы Ефрема Сирина, мрачные и насквозь проникнутые духом аскетизма. Отдельно можно остановиться на особом сборнике «Пчела» (конец XII в). Он представляет собой перевод двух сборников Иоанна Стовейского (V в.) и Максима Исповедника (VII в.), объединенных монахом Антонием в XI веке. В сборнике собрана информация «о добродетели и о злобе». Изречения приводятся в порядке их авторитетности: начинаются с Евангелия, переходят к отцам Церкви, а заканчиваются цитатами из произведений античных писателей и философов и моралистическими вставками басенного характера.

Таким образом, богословскую переводную литературу, получившую распространение в Киевской Руси можно подразделить на несколько жанров: во-первых, богослужебные книги, во-вторых, переводы святоотеческих писаний, в-третьих, болгарские апокрифы и византийские хроники.

Вопрос о доступности книг вообще и переводной литературы в частности в X–XI веках на Руси тоже представляется проблемным. Безусловно, княжеский двор, ближайшее окружение княгини Ольги имели доступ к литературе. Однако для распространения христианства и формирования соответствующего мировоззрения была необходима широкая просветительская деятельность. Вопрос о просвещении в Киевской Руси, о его уровне и распространении тесно связан с проблемой организации центров просвещения и государственных школ [Тихомиров 1953; Сапунов 1955; Сапунов 1974]. Конечно, первые русские христианские князья занимались обучением боярских детей [Харлампович 1901] (свидетельства летописи по 988 г.), нет сомнения в любви к книгам самого Ярослава Мудрого (свидетельства летописи по 1037 г.), владевшего несколькими языками. Но вопрос об организации школьного обучения – по римскому или византийскому образцу – остается открытым. В летописи сообщается, что Владимир после возвращения из Византии в Киев организовывает школы для детей высокопоставленных людей [Повесть временных лет. Стб. 60-64]. Ярослав Мудрый же в Новгороде организовал школу для трёхсот детей. Как верно заметил Б.Д. Греков [Греков 1944], «учение книжное» было не просто обеспечением элементарной грамотности, а чем-то гораздо более сложным и серьезным, приближавшим его к системе обучения в греческих школах.

Таким образом, только допустив, что в Киевской Руси широко было поставлено школьное дело, можно понять, почему в очень короткий срок, через несколько десятилетий после принятия христианства, на Руси возникли такие замечательные литературные памятники, как

древнейший летописный свод или «Слово о законе и благодати» священника, а впоследствии митрополита Илариона. Б.Д. Греков обращает внимание не только на красоту и строгость построения «Слова», но и на его философскую тематику, а также на наличие соответствующей аудитории, о чем свидетельствует сам Иларион. Косвенными доказательствами высокого уровня образованности на Руси являются самостоятельные русские переводы греческих текстов, например, «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Просвещение, поставленное на государственный уровень, позволило за короткий срок создать самостоятельную русскую литературу высокого качества.

Литература

Высоцкий С.А. О дате поездки посольства Ольги в Константинополь // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 154-161.

Греков Б.Д. Политическая и культурно-историческая роль Киева. М., 1944. С. 15.

Литаврин Г.Г. Условия пребывания русских в Константинополе в X в. и их юридический статут // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 81-91.

Летописное сообщение см: ПСРЛ.Т. 1. Стб. 60-64 (под 955 г.). Наиболее убедительное обоснование названной точки зрения см. Острогорский Г. Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor Roman Jacobson / The Hague, 1967. Vol. 2. P. 1458-1473.

Назаренко А.В. Когда же княгиня ездила в Константинополь? // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 66-83.

Острогорский Г. Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor Roman Jacobson. The Hague, 1967. Vol. 2. P. 1458-1473.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.

ПСЗЛ. Т. 1. Стб. 47 сл., 52 сл. (под 945 г. первое упоминание храма – церкви Св. Илии), 63. Пророк Илия, культ которого в Византии получил особое распространение при императоре Василии I (867–886) (что нашло отражение в церковном строительстве).

Сперанский М.Н. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы // Slavia. 1928. T.VII. С. 516-535.

Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

Сапунов Б.В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI–XIII вв. / Труды Отдела древнерусской литературы. 1955. Т. 11. С. 314-322 (оценки количества книг).

Сапунов Б.В. Книга в международных культурных связях Руси XI–XIII вв. / Русская культура и искусство. 1974. Т. 3. (Тр. Гос. Эрмитажа. 15). С. 5-14.

Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 94-166.

Тихомиров М.Н. Городская письменность в древней Руси XI–XII вв. // ТОДРЛ. 1953. Т. 9. С. 51-66.

Thomson F.J. The Bulgarian Contribution to the Reception of the Byzantine Culture in Kieven Rus': The Myths and the Enigma // HUS.1988 / 89. Vol. 12/13. P. 214-261.

Харлампович К.В. К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период. Львов, 1901.

Allenova I.V. Reading circle during the epoch of Princess Olga the co-apostle

The article is dedicated to the study of the literature that was available for reading in Russia during the times of St. Olga equal-to-the-apostles. The author concentrates on the translated literature, which could be well-known in the Princess' surrounding, and which influenced the formation of Christian views of the Princess and her entourage.

Key words: Princess Olga equal-to-the-apostles, old Russian literature.

УДК 81-112.2

Л.Ю. Мирзоева

ОЦЕНОЧНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И КОЩУНСТВО В РУССКОЙ ПАРОДИИ: ОТ XVII К XXI ВЕКУ

В статье анализируется становление русской пародии и ее роль в развитии языковой оценочности в языке XVII века; рассматривается аксиологическая «связь времен», реализуемая через кощунственный характер пародийных текстов XVII и XXI веков.

Ключевые слова: пародия, оценочность, кощунство, оценочная шкала, диахрония.

Пародийный жанр может рассматриваться как аксиологический прежде всего потому, что пародируемое явление соотносится, как правило, с негативной зоной шкалы оценок. По словам В.В. Виноградова, в пародиях специфические черты рисуются в намеренно утрированном, грубо выпяченном и вследствие этого непосредственно для всех зримом виде [Виноградов 1976]. Поэтому именно аксиологическая направленность жанра позволяет рассмотреть соотношение пародируемого оригинала и контрастирующего с ним текста самой пародии, в которой «с помощью аллюзивных знаков осуществляется ввод семантически значимой информации о пародируемом объекте и актуализируется информация о том, чем обусловлено критическое отношение пародиста к пародируемому объекту» [Морозов 1960: 27]. В то же время, по нашему мнению, в пародии прослеживается и своеобразная

идеологема: с одной стороны, на пародирование каких-либо конкретных текстов (в данное время в данном обществе) может быть наложено табу; с другой стороны, незачем пародировать то, что не представляет интереса как лингвистическое явление либо как факт литературного процесса. Так, в средние века бытуют пародии на важнейший текст в системе культуры – Библию. С подобного рода профанирующими и кощунственными снижениями «священной речи», позволяющими соотнести языковую ее форму с негативной частью шкалы оценок, мы сталкиваемся в русском литературном языке XVII в. Пародия в качестве оценочного жанра публицистична, и, пожалуй, злободневна. «К сожалению, история восприятия пародии свидетельствует о том, что в ней чаще видят лишь самый факт осмеяния и осуждения, чем развернутую и детализированную в структуре третьего плана и требующую анализа художественную точку зрения пародиста. Практически невозможно назвать пример научного или критического спора о полнозначном смысле (а не просто о направленности) той или иной пародии. Между тем изучение и осмысление произведений всех других жанров никогда не обходится без множества их интерпретаций, постепенно раскрывающих многочисленные оттенки художественного содержания. Третий план – глубинное измерение пародии. В нем таится ее потенциальная многозначность, богатство смысловых оттенков. Подлинно художественное литературное произведение постигается не одним чтением, а многократным перечитыванием. Так и настоящая, художественно полноценная пародия дает возможность неоднократного к ней обращения. И каждое такое читательское обращение – это продвижение в глубь третьего плана» [Новиков 1989: 67]. По нашему мнению, аксиологический подход к пародии и исследование трансформации объекта оценки в рамках пародии, эволюции оценочной шкалы, находящей отражение в целостном пародийном тексте, на диахронической оси, может послужить основой для выработки единой методики анализа пародии с позиций оценочных смыслов, являющихся ее органической частью, и основанием для наблюдений над динамикой в области категории оценки в целом.

Прежде чем анализировать эволюцию указанного жанра и рассматривать его аксиологическую основу, обратимся к его определению в филологической литературе. «Пародия (греч. parodia, букв. – «перепев», «перепеснь») – подражание художественному произведению, имеющее целью создание комического эффекта; последний может быть основан на несоответствии темы и стиля: высокая тематика в сочетании с низким стилем (травестия); наоборот, высокая стилистика в сочетании с низкой темой (бурлеск) – или же на преувеличенном,

чрезмерном использовании какого-либо стилистического приема. Высмеиваться может как неподобающий стиль, так и недостойная действительность» [Петрова 2016: 387]. Как указывает В.И. Новиков, «чтобы понимать пародию, надо тоже вступить с этим жанром в условное соглашение, надо выработать навык двойного зрения. Навык, который полезен не только для чтения пародий: двойное зрение – вообще важный элемент искусства быть читателем и зрителем. И чтение пародий, помимо прочего, – хорошая тренировка читательского и зрительского мастерства» [Новиков 1989: 33]. Двойное зрение, на наш взгляд, имеет аксиологическую природу: реципиент должен уметь воспринимать и шкалу оценок исходного текста, и ее зеркальное отражение, перестановку позитивного и негативного, осуществляемую в пародии. По нашему мнению, ограниченный объем пародийного текста позволяет считать, что в целом данный жанр может рассматриваться в истории русского литературного языка как одно из средств выражения оценки, наделенное весьма широкими функциями благодаря аксиологической природе: пародироваться может поэтика конкретного произведения автора, жанра, целого литературного направления, целого идейного миросозерцания.

Рассматриваемое нами пародирование священных текстов неразрывно связано и с понятием «кощунства», неоднозначность которого подчеркнута В.М. Живовым: «...мы сталкиваемся с конфликтом двух смыслов, объективно присутствующих в понятии кощунства. При первом подходе кощунство – это то, что имеет целью оскорбление святыни, при другом – то, что имеет результатом оскорбление святыни. В первом случае все зависит от намерений адресанта, во втором – от культурной позиции адресата. Эти два смысла вступают в противоречие, когда для адресанта определенный контекст оправдывает употребление сакральной символики, а адресаты, принадлежащие к другой культурной группе, этого оправдания не признают» [Живов 1981: 66]. В таком случае относительность данного понятия осложнена и различием в системе оценок реципиента 1 (конца XVII в.) и реципиента 2 (начала XXI в.)

Если исходить из языковой и историко-культурной ситуации XVII века в России, то при ведущей тенденции секуляризации духовной жизни и утрате первенства книжно-славянским типом литературного языка возникла возможность снять запрет с пародирования богослужебной литературы. Как указывается в литературе, посвященной вопросу о генезисе пародии, в средневековой древнерусской письменности существование литературной пародии остается проблемой для

науки: большинство памятников русской монастырской грамотности, проникнутых духом религиозной серьезности, по-видимому, исключают пародию. Однако в памятниках русской литературы XVII в. можно уже без оговорок усматривать «слои» пародии. Во-первых, они присутствуют в неофициальном «кощунственном» творчестве студентов Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской духовных академий (переделки литургий – богослужений и катехизисов). Во-вторых, об элементах пародии можно говорить в связи с появлением «приказного языка», т.е. формульной речи документов (пародия на эту «бюрократическую» речь особенно различима в повестях «Шемякин суд» и «Повесть о Ерше Ершовиче»). Безусловно, предпосылки этого процесса кроются в народной смеховой культуре (см. рассуждения М.М. Бахтина о карнавализации [Бахтин 1990]), но для нашего исследования симптоматично то, что именно в конце XVII в. данное явление нашло специфичное отражение и преломление в литературном языке эпохи и трансформировалось в соответствующий языковой специфике жанр. В свою очередь, именно обмирщение позволило в пародируемой форме челобитной представить ценностные ориентации некоторых «служителей божьих» и тем самым дать возможность исправить ситуацию. Именно поэтому нам представляется необходимым исследование под этим углом зрения таких пародийных текстов XVII столетия, как «Служба кабаку», «Калязинская челобитная», а также текстов с элементами пародии – «Сказание о попе Савве» и «Сказание о крестьянском сыне». Кроме того, некоторые закономерности пародирования отчетливо прослеживаются в таких произведениях, как «Лечебник на иноземцев» и «Роспись о приданом».

По словам Д.С. Лихачева [Лихачев 1976] и В.П. Адриановой-Перетц [Адрианова-Перетц 1977], церковная фразеология сталкивается здесь с сугубо бытовой, что и обусловливает пейоративно оценочную ориентацию нейтральных единиц в рамках данного текста. Пародийные фрагменты такого рода отмечены нами и в «Сказании о крестьянском сыне», где комизм и негативная оценка имеют ситуативный характер и с позиций стилистики декодирования могут быть оценены как обманутое ожидание. «Божественные словеса» произносит не ангел господень, а тать, что усиливает характер подвергшихся трансформации единиц. Ср.: «Отверзитеся, хляби небесныя, а нам врата крестьянские…Взыде Иисус на гору Фаворскую со ученики своими, а я на двор крестьянский с товарищи своими. Простирали небо, яко кожу, а я крестьянскую простираю кровлю. Одеяся светом, яко ризою, а я одеваюся крестьянскою новою шубою».

В данном случае восприятие читателя-адресата (как XVII, так и XX века) ориентировано на противопоставление небесного и земного. Столкновение положительных оценок, связанных с пародируемыми фрагментами (здесь пародируется Евангелие – Л.М.), и негативных квалификаций – «земных словес» в речи татя – служит созданию комического несоответствия священного текста ситуации «Сказания».

Пародийные элементы («смешной икос») отмечены нами и в «Сказании о попе Саве и о его великой славе». Как отмечает В.П. Адрианова-Перетц [Адрианова-Перетц 1976: 173], этот икос построен по схеме церковных канонов-акафистов. При соблюдении формы церковного песнопения происходит насыщение его паремиями – хлесткими народными пословицами и поговорками, диссонирующими с формой икоса и характерными для него императивными конструкциями.

Если икос реальный насыщен мелиоративными оценками, то в икосе пародийном налицо преобладание негативно оценочных единиц, ср.:

Радуйся, шелной Сава, дурной поп Саво,
Радуйся, в хлебне сидя, ставленнически сидне,
Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла:
Радуйся, породны русак, по делам воистину дурак.

Фрагмент икоса церковного выглядит так:

Иисусе, жизни подателю, озари ея светом Твоим;
Иисусе, да будет она едина с Тобою и Отцем.
Иисусе, всех призываяй в виноградник Твой,
Не забуди озаритиея светом Твоим;
Иисусе, щедрый раздаятелю вечных наград, яви ея дщерью чертога Тоего.
Иисусе, верни душе ея благодатные силы первозданной чистоты;
Иисусе, да умножатся во имя ея добрые дела…

Если рассматривать пародирование церковно-богослужебных текстов в исторической перспективе, то налицо окажется тенденция отхода от избрания их в качестве объекта пародирования в течение двух следующих столетий. Это, по нашему мнению, также служит свидетельством секуляризации оценочной системы русского литературного языка. Однако налицо и «связь времен», преемственность между языком XVII и XX столетий. Приведем в качестве подтверждения пародию на проповедь, оценочный характер которой и используемые «оратором» (цыпленком на птицефабрике) риторические приемы находятся в полном соответствии со стилистикой жанра, как это наблюдалось и в пародиях XVII в.: «*Скоро все в ад пойдете! Вас там зажарят, а самых грешных перед этим замаринуют в уксусе.*

Над социумом пронесся вздох ужаса.

– Я же, по воле богов и их посланца, моего господина, хочу научить вас, как спастись. Для этого надо победить грех. А вы хоть знаете, что такое грех?

Ответом было молчание.

– Грех – это избыточный вес. Греховна ваша плоть, ибо именно из-за нее вас поражают боги. Подумайте, что приближает ре… Страшный Суп? Да именно то, что вы обрастаете жиром. Ибо худые спасутся, а толстые нет. Истинно так: ни один костлявый и синий не будет ввергнут в пламя, а толстые и розовые будут там все..» (В. Пелевин. Затворник и Шестипалый).

Как и в пародиях XVII в., в конце XX в. использован прием бурлеска: «социум» цыплят наделяется религиозными воззрениями, подобными человеческим; пародийное обыгрывание затрагивает и один из важнейших религиозных концептов – Страшный суд (Страшный суп). Налицо и воссоздание традиционной риторики проповеди, истоки чего можно усмотреть в пародийных текстах XVII в.

Говоря же в целом об оценочном характере пародий XVII века, следует отметить, что в это время закладываются основы пародийной переработки текстов и соотнесения тех или иных особенностей с негативной зоной шкалы оценок в пределах сакрализованных текстов, пародируемых на фоне общих демократических тенденций в литературном языке этого времени. Уже в XVII веке налицо имитационный характер пародии; при этом симптоматично, что пародированию подвергается в основном семантика текста. Возможно, уровень развитости литературного языка и его оценочной системы пока не позволяет акцентировать внимание на языковой структуре репродуцируемого контекста; он остается синкретичным. Примечательно, что уже в рассматриваемую эпоху пародийный текст очевидно диалогичен и построен на столкновении оценочных шкал репродуцирующего и порождающего контекстов [Ревзина 1998]. Все это позволяет говорить о значительной роли пародии в формировании присущей литературному языку системы средств выражения оценки и рассматривать эволюцию пародийного текста как элемент более генерализованного процесса – эволюции оценочности в диахронии.

Литература

Адрианова-Перетц В.П. Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. 256 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 311 с.

Живов В.М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII – начала XIX века // Труды по знаковым системам. Вып. 13 (1981). С. 56-91.

Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.

Морозов А.А. Пародия как литературный жанр // Русская литература. 1960. № 1. С. 27-35.

Новиков В.И. Книга о пародии. М., 1989. 311 с.

Петрова Н.В. Пародия, стилизация, бурлеск: к разграничению понятий // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс. Сборник статей VI международной научной конференции. Кемеровский государственный университет; Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. 2016. С. 387-390.

Ревзина О.Г. Методы анализа художественного текста // Структура и семантика художественного текста. М., 1998. С. 301-316.

Mirzoeva L.Yu. The category of Evaluation and Blasphemy in the Russian parody: the way from the XVII-th to the XXI-st century

The article focuses on the formation of the Russian parody and its role in the development of evaluation as a linguistic category in the language of the XVII-th century. The researcher analyses the temporal binding and its axiological character that is expressed by means of a blasphemy in parodies written in the XVII-th and in the XXI-st century.

Key words: a parody, the category of evaluation, blasphemy, evaluation formula

УДК 94/95

С.Ф. Махрачев, Е.М. Сидорова

СОХРАНЕНИЕ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ В ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ ПРИ ХРАМЕ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ПОСЕЛКА ПЕРВОМАЙСКИЙ ПЕРВОМАЙСКОГО РАЙОНА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Показана роль воскресной школы в духовном воспитании молодежи. Изучена история храма Покрова Пресвятой Богородицы Поселка Первомайский Первомайского района Тамбовской области. Отражено разрушение церкви в советский период. Показано восста-

новление храма в конце XX века. Представлена деятельность воскресной школы при храме.

Ключевые слова: воскресная школа, православная педагогика, Священное писание, приход, духовное воспитание, просфорная.

Православие во все времена являлось носителем духовно-нравственных идеалов и хранителем культурных традиций народа. Христианские ценности всегда были важны для формирования гармонично развитого подрастающего поколения. Религиозные нормы способствуют уважительному отношению между разными поколениями, созданию крепких семей. Проводником духовных традиций является православное образование, которое претерпевало в нашей стране существенные изменения в разные исторические периоды. История и современность системы образования России и Тамбовской области всегда привлекала внимание исследователей [Васильева 2011; Махрачев 2018; Фурсова 2000]. Наша статья посвящена вопросам православного образования.

В дореволюционный период отечественной истории церковное обучение, в отличие от современности, носило характер начальной школы. Система образования в это время неоднократно реформировалась, сформировалось два термина – церковно-приходская школа и воскресная школа. Длительное время обучение грамоте при церковном приходе было единственным способом получения знаний для людей низших сословий. В ходе реформы системы образования при Александре I в 1802 году было учреждено Министерство народного просвещения. В 1803 году все учебные заведения были поделены на 4 разряда. К первому разряду относились приходские училища, они были бессословными и бесплатными. В 1828 году при Николае I издается новый церковный устав, образование принимает замкнутый сословный характер. Теперь одноклассные приходские училища предназначались для детей низших сословий. 13 июня 1884 года утверждаются «Высочайшие утвержденные правила о церковно-приходских школах». В них определяются их цели и задачи, порядок организации и функционирования.

Воскресные школы в России создаются в пореформенный период XIX века. Свое название они получили, поскольку работали по выходным дням и предназначались для обучения взрослого неграмотного и полуграмотного населения. Главными целями школы были – христианское воспитание и начальное образование. Предполагалось, что преподавать здесь будут добровольцы на безвозмездной основе. Воскресных школ было значительно меньше, чем церковно-приходских.

В 1890 году было построено здание церковно-приходской школы при приходе Покровского храма села Новобогоявленское (ныне Храм Покрова Пресвятой Богородицы поселка Первомайский). Сама церковь была основана в 1888 году по инициативе местных жителей, главным инициатором строительства храма, а также его благотворителем был богатый крестьянин Дмитрий Михайлович Свиридов [Андриевский 1911]. Материалов о первых годах церковно-приходской школы на данный момент не обнаружено, возможно, они были утрачены в годы антирелигиозной пропаганды, но поиски информации об учебном заведении продолжаются.

24 декабря 1917 года принимается постановление Совета народных комиссаров «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению», церковное образование в Советской республике было ликвидировано. В середине 30-х гг. прошлого века, во времена советской власти, печальная участь постигла и храм Покрова Пресвятой Богородицы. Со здания храма были сняты купола, разрушены стены. Осталось нетронутым лишь здание церковно-приходской школы, которое местные власти отдали под учреждения. Старожилы вспоминают, что с 1969 по 1975 годы в этом здании размещалось отделение сбербанка, а потом – библиотека.

История возрождения храма Покрова Пресвятой Богородицы началась в 1992 году. 2 марта 1992 года здание, в котором находилась детская библиотека, было передано приходу храма по решению администрации Первомайского района. 10 октября 1992 года – знаменательная дата для прихода. В этот день Высокопреосвященнейший Евгений, Архиепископ Тамбовский и Мичуринский освятил храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Приходскую территорию обнесли металлической оградой. В середине 2000 года началась реконструкция храма. Была разобрана старая кровля, надстроены стены, при помощи крана были установлены заранее изготовленный купол, луковица и крест. В 2001 году заложили фундамент для строительства притвора храма со звонницей. В 2007 году по благословению Преосвященнейшего Феодосия, епископа Тамбовского и Рассказовского начался заключительный этап реконструкции храма. Был залит фундамент пристройки-крестильни с южной стороны храма [Труба 2013].

В современной России воскресные школы стали появляться в 1990-е годы как форма работы с молодежью при церковных приходах. В новых исторических условиях воскресная школа приобрела характер дополнительного образования. Она стала центром духовно-

нравственного воспитания, приобщения подрастающего поколения к православным традициям.

С 2002 года начала работу восстановленная воскресная школа при приходе Храма Покрова Пресвятой Богородицы поселка Первомайский Первомайского района. Учащиеся воскресной школы занимаются в приходском доме при храме. Библиотека воскресной школы пополняется православной духовной литературой на средства Прихода. На сегодняшний день в ней находится более 230 книг. Кроме того, воскресная школа получает подписные издания: газету «Воскресная школа», воскресную газету «Покров», газету «Колокольный звон»; журналы: «Божий мир», «Православная беседа», «Свечечка», «Русский Дом». Занятия в воскресной школе проводятся по воскресным дням, иногда дополнительно по субботам.

В воскресной школе обучаются 38 детей школьного возраста. Все они посещают богослужения в храме. Три девочки несут послушание певчих на клиросе. Директором школы является Искусных Вера Ивановна, она преподает «Священное Писание: Ветхий и Новый Завет». В рамках этого предмета формируется целостная картина мира, происходит осмысление основных этапов спасения человеческого рода через Боговоплощение, Крестную Жертву и Воскресение Господа Иисуса Христа.

В школе работает три преподавателя – Сухарева Таисия Григорьевна, Лепихова Татьяна Александровна, Ногтикова Татьяна Петровна. Т.Г. Сухарева ведет «Основы Закона Божия», здесь дается история Крещения Руси, сведения о жизни благоверного князя Александра Невского, преподобного Сергия Радонежского, о новомучениках и исповедниках Российских. Она же читает «Основы Православного Богослужения». Т.А. Лепихова преподает «Основы православного вероучения» и «Устройство православного храма». Предмет «Основы православного вероучения» включает знание молитв, смысл, заложенный в них, а также понимание христианских позиций о смысле жизни человека. Т.П. Ногтикова учит детей предмету «Введение в Закон Божий».

Учащиеся воскресной школы выступают в храме перед прихожанами с поздравлениями, с пением духовных песен и чтением стихов на праздники: Рождество Христово, Пасха, День Святой Троицы, Покров Пресвятой Богородицы. Преподаватели своим примером воспитывают в учениках любовь к Богу, к ближнему, а также кротость и смирение. Учеба в Воскресной школе оказывает большое влияние на приобщение молодежи к культурным духовно-нравственным ценностям. Молодые люди, окончив школу, и в дальнейшем продолжают развивать полученные знания и навыки.

В заключение необходимо подчеркнуть, что сохранение духовно-нравственных традиций является важной задачей на современном этапе для государства и общества. И здесь Воскресная школа способна оказать существенную помощь семье и среднеобразовательной школе

в воспитании молодого поколения. Свой вклад в решение указанных проблем вносят и педагоги Прихода Храма Покрова Пресвятой Богородицы поселка Первомайский Первомайского района.

Литература

Андриевский А.Е. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911.

Васильева С.П. Женское образование в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автреф. дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2011.

Махрачев Г.С. Становление начального профессионального образования в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 174. С. 163-170.

Труба А.С. История храмов Первомайского района. Тамбов, 2013.

Фурсова С.В. История народной школы Тамбовской губернии в пореформенный период (1861–1904 гг.). Тамбов, 2000.

Makhrachev S.F., Sidorova E.M. Maintaining spiritual traditions in Sunday school (on the example of Sunday school at the church of the Most Holy Mother of God Intercession in the settlement Pervomaisky of Pervomaisky District in Tambov Region)

The article shows the role of the Sunday school in the theological education of youth. The researcher studies the history of the Holy Virgin Intercession Church in the village of Pervomaysky, Pervomaysky District of the Tambov Region, describes the destruction of the church during the Soviet period and the restoration of the temple at the end of the twentieth century. In addition, the article covers the activities of the Sunday school at the church.

Key words: Sunday school, Orthodox pedagogy, Scripture, parish, spiritual education, prothesis.

УДК 94 (497). 11; (436).08

В.В. Миронов

СЕРБСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья имеет целью проследить историю формирования и участия в боевых действиях в годы Первой мировой войны воинской части, рекрутированной в России из военнопленных австро-венгерской армии югославянских национальностей. Автор приходит к выводу, что великосербский по своему характеру проект натолкнулся на сопротивление хорватов и словенцев и с остро вставшей национальной проблемой стал прелюдией к образованию в 1918 году югославского государства.

Ключевые слова: Сербия, Австро-Венгрия, Россия, Первая мировая война.

Добровольческое движение среди югославянских народов Австро-Венгрии приняло большой размах уже в годы Балканских войн 1912–1913 гг. Сербы, хорваты и словенцы дуалистической монархии пополнили ряды сербской и черногорской армий, сражавшихся против Османской империи (см.: [Petroviћ 2005: 13-20]).

После начала Первой мировой войны многие уроженцы югославянских земель Австро-Венгрии (Боснии и Герцеговины, Воеводины, Хорватии-Славонии, Крайны) попали в русский плен и стали объектом пристального внимания гражданских и военных инстанций Сербского королевства. 29 ноября 1914 г. сербский посланник в Петрограде М. Спалайкович сообщал в Белград о том, что многие военнопленные-югославяне изъявляют желание отправиться добровольцами в Сербию. В начале января 1915 г. сербской стороне удалось добиться принципиального согласия главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича о наборе добровольцев из числа военнопленных австро-венгерской армии, вербовка которых началась летом 1915 г. сербской королевской миссией после подписанного двустороннего соглашения [Petroviћ 2005: 100].

Одними из первых добровольцев стали боснийские сербы. Уже 4 сентября 1915 г. к отправке в Сербию была подготовлена группа, насчитывавшая 200 уроженцев Боснии [Nachtigal 2003: 227]. Их типичным представителем можно считать фельдфебеля 2-го боснийско-герцеговинского полка Г. Илича, добровольно сдавшегося в плен русской армии в январе 1915 г. во время боев в Карпатах. 10 марта 1915 г. он отправил из Киевского лагеря для военнопленных письмо на родину, задержанное австрийской военной цензурой. В нем Г. Илич, искренне радуясь победам российского и союзного с ним сербского оружия, сообщал о поданном командованию русской армии ходатайстве поступить на военную службу короля Петра [Karton 5726/18, FKG der 55. ITD, E 2603/1918, Iliж Gojko, KM, Abt. 10/Kgf., Nr. 101.013 v. 1915, Kg. In Russland-Ueberldufer u. Hochverrdter an das k.u.k. Armeeoberkommando (QAbt.), 26.01.1916]. По показаниям кадета 18-го фельдъегерского батальона А. Зальхера, прибывшего из русского плена летом 1916 г. в порядке обмена инвалидами, Г. Илич публично заявлял, что активно сотрудничал с комендантом Киевского лагеря. По сведениям А. Зальхера, фельдфебель Илич постоянно вступал в конфликты с прогабсбургски настроенными военнопленными [Gericht d. k. u. k 6 Inft. Trupp. Divisionskommandos k. u. k Reservespital Leitmeritz, 23.06.1916. Protokollarische Einvernahme des aus Russland rьckgekehrten Kriegsinvaliden Kadett Salcher Artur, FJB 18].

При разборе документов сербского генштаба в 1916 г. сотрудниками разведки военного генерал-губернаторства Австро-Венгрии был обнаружен акт командования Тимокской дивизии от 2 сентября 1915 г. о зачислении в ее личный состав подпоручика запаса Д. Ковачевича, прибывшего из русского плена [Karton 4324/18, FKG der 55. ITD, Strafakt E 156/1918, Kovaиeviж Dusan, Kriegsministerium, Abteilung 10/Kriegsgefangene. Nr. 48.720 an das Gericht der k.u.k. 2. Infanterietruppendivision, Wien, 2.11.1917. Цsterreichisch – ungarische Staatsbьrger und Kriegsgefangene, welche in das serbische Heer ьbergetreten sind – aufgefundene Generalstabakten]. В захваченных бумагах сербского генштаба находился также ряд прошений, поданных военнопленными офицерами о поступлении на службу в сербскую армию [Karton 8838/1917, FKG der 55. ITD, Strafakt E 1232/17, Radetiж Ljubomir, Zelenika Jovo, k.u.k. Militdrgeneralgouvernement an den Generalstabschef des Kommandierenden Generals in Sarajevo, Belgrad, 9.8.1916. Цsterreichisch – ungarische Staatsbьrger und Kriegsgefangene, welche in das serbische Heer ьbergetreten sind].

Военный разгром Сербии, последовавший осенью 1915 г. в результате совместного австро-германского наступления и выступления Болгарии на стороне Центральных держав, сделал невозможным дальнейшее прибытие подкреплений из России, рекрутированных из югославян. Из не успевших отправиться в Сербию волонтеров по инициативе сербского консула в Одессе М. Цемовича был сформирован Сербский добровольческий отряд, который предполагалось численно увеличить за счет вербовки военнопленных и использовать в дальнейшем для несения фронтовой службы [Вишняков 2014: 47]. Результатом активной вербовочной кампании стало создание в апреле 1916 г. первой добровольческой дивизии, укомплектованной в Одесском военном округе [Petroviћ 2005: 101]. Ядро командных кадров дивизии составили офицеры и военные чиновники сербской королевской армии, прибывшие с острова Корфу [Писарев 1993: 128-129; Plaschka 1988: 374]. Командующим первой добровольческой дивизии был назначен полковник С. Хаджич [Вишняков 2014: 48]. О численности и национальном составе дивизии сохранились следующие данные, относящиеся к 15 апреля 1916 г.: 9571 сербов, 14 словенцев, 8 русских, 84 хорвата, 25 чехов и 22 человека других национальностей [Вишняков 2014: 47].

Приток добровольцев в дивизию существенно возрос летом 1916 г. под влиянием успехов русской армии, прорвавшей австрийский фронт. В дивизию стали записываться чехи, что вызвало беспокойство чешских политических организаций в России [Plaschka 1988: 374]. Летом

1916 г. была сформирована вторая добровольческая дивизия, которую планировалось объединить с первой и создать Сербский добровольческий корпус. Но командование русской армии решило усилить военную мощь Румынии, намеревавшейся вступить в войну на стороне Антанты. С этой целью первая дивизия в составе особого корпуса под командованием генерала А.М. Зайончковского была переброшена в Добруджу, где вступила в кровопролитные сражения с болгарской и германской армиями [Вишняков 2014: 50-52; Plaschka 1988: 375]. Участвуя в боях с 25 августа по 16 октября 1916 г., добровольцы понесли тяжелые потери: 231 офицер и 8996 нижних чинов [Вишняков 2014: 52]. Деморализующим фактором служило то обстоятельство, что волонтерам как подданным Австро-Венгрии в случае их пленения грозила смертная казнь и конфискация имущества у их родственников [Plaschka 1988: 376; Донесение командира Сербского добровольческого корпуса в России генерала М. Живковича начальнику штаба Одесского военного округа о формировании корпуса, 7 декабря 1916 г. // Армия без государства 2014: 218].

Судя по показаниям попавших в болгарский плен добровольцев, подавляющее их большинство вступило в дивизию, чтобы выйти за лагерную ограду [Nachtigal 2003: 232]. Они (главным образом хорваты) после интервенции австро-венгерской миссии в Софии были выданы властям Австро-Венгрии.

Следствие уполномочили провести военный трибунал г. Белграда. В научной литературе справедливо отмечается крайняя противоречивость показаний волонтеров, сведенных в единый документ (конволют) капитаном генерального штаба Австро-Венгрии П. Кватерником. Часть пленных указала добровольное вступление в корпус, а другая оправдывала себя принуждением со стороны вербовщиков сербской армии, подручными которых выступали боснийские и герцеговинские мусульмане. Независимо от способа набора в дивизию, все пленные якобы были внутренне готовы дезертировать к болгарам. Подобные утверждения волонтеров следует интерпретировать как стремление избежать смертную казнь, грозившую им за государственную измену [Nachtigal 2003: 241].

Кровопролитные бои в Добрудже оказали негативное влияние на процесс комплектования второй дивизии, имевший мало общего с принципом добровольности. Согласно докладу Верховного командования австро-венгерской армии, направленному военному министерству 3 октября 1917 г., «военнопленные в массовом порядке принужда-

лись к записи в корпус с помощью голода» [Plaschka 1988: 377]. В рядах корпуса хорваты и словенцы столкнулись с исповедовавшимся королевскими офицерами сербским гегемонизмом и широко применявшимися телесными наказаниями, что стало причиной волнений, вспыхнувших 23 октября 1916 г. в трех ротах корпуса. При их подавлении погибло 13 хорватов [Вишняков 2014: 55; Newman 2015: 202].

Командование корпуса во главе с генералом М. Живковичем ошибочно полагало, что за падением воинской дисциплины стояли интриги недругов Сербии – Австро-Венгрии и Италии, пытавшихся добиться дезорганизации в воинской части с помощью развернутой антисербской агитации [Вишняков 2014: 54-56].

Следствие, проведенное генерал-лейтенантом П.Е. Чистяковым, установило, что главной причиной беспорядков в корпусе помимо насильственных способов вербовки его личного состава являлся искусственный характер самого воинского формирования, раздиравшегося национальной рознью [Вишняков 2014: 55]. В этом отношении сербский добровольческий корпус являлся, по совпадающему мнению российских и зарубежных исследователей, уменьшенной копией будущего югославского государства, образовавшегося после окончания Первой мировой войны [Вишняков 2014: 50-52; Plaschka 1988: 379].

Уже в декабре 1916 г. М. Живкович ходатайствовал перед сербским правительством о переименовании Сербского корпуса в «Югославский добровольческий корпус», но оно настояло на другом названии – «Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев». Под влиянием событий Февральской революции 1917 г. в корпусе активизировалось так называемое «диссидентское движение», выступавшее против проводившейся политики национальной ассимиляции и перехода добровольцев-несербов в сербское подданство. В результате в апреле-мае 1917 г. корпус покинуло 149 офицеров и около 12700 рядовых. Среди офицеров преобладали хорваты и словенцы (96 и 42 человека, соответственно), но рядовой состав «диссидентов» являл собой противоположную картину: 7400 сербов, 3800 хорватов и 1200 словенцев [Plaschka 1988: 382].

Командование русской армии приняло решение о переводе Добровольческого корпуса в Салоники, где реорганизованная после поражения 1915 г. сербская армия держала вместе с союзниками фронт против болгар [Petroviћ 2005: 106].

Литература

Донесение командира Сербского добровольческого корпуса в России генерала М. Живковича начальнику штаба Одесского военного округа о формировании корпуса, 7 декабря 1916 г. // Армия без государства = Војска без државе: от сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов / Российский ин-т стратегических исслед., Российское военно-ист. о-во, Ин-т И. Андрича – Отд. истории; Ярослав Вишняков, Алексей Тимофеев, Горан Милорадович. М.: [б. и.], 2014.

Вишняков Я.В. Братья по оружию. Очерк деятельности сербских добровольцев в России // Армия без государства = Војска без државе: от сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны: сборник документов / Российский ин-т стратегических исслед., Российское военно-ист. о-во, Ин-т И. Андрича – Отд. истории; Ярослав Вишняков, Алексей Тимофеев, Горан Милорадович. М.: [б. и.], 2014.

Писарев Ю.А. Сербия на Голгофе и политика великих держав: 1916. М.: Наука, 1993.

Nachtigal R. Russland und seine цsterreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914-1918. Reimshalden: Geiner, 2003.

Newman J.P. Yugoslavia in the Shadow of War. Veterans and the Limits of State Building, 1903-1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Petroviћ I. Sa svih strana srpski dobrovoqci 1912-1918. Novi Sad: I. Petroviћ, 2005.

Plaschka R.G. Einige Perspektiven zum “Freiwilligen-Korps der Serben, Kroaten und Slowenen” in Russland. Ein Modellfall der nationalen Bewegungen Ostmitteleuropas im Ersten Weltkrieg // Bildungsgeschichte, Bevцlkerungsgeschichte in den Bцhmischen Lдndern und in Europa. Festschrift fьr Jan Havrбnek zum 60. Geburtstag/ Hsg. von H. Lemberg, K. Lisch, R.G. Plaschka und G. Rбnki. Wien-Mьnchen; Verlag fьr Geschichte und Politik; R. Oldenbourg Verlag, 1988.

Цsterreichisches Staatsarchiv (Wien) –Kriegsarchiv– Militфrgerichtsarchiv.

Mironov V.V. Serbian voluntary corps in Russia during the First World War

The article aims to trace the history of the formation and participation in hostilities during the First World War of a military unit recruited in Russia from prisoners of war of the Austro-Hungarian army of south Slavic nationalities. The author comes to the conclusion that the Great-Serb project, by its nature, ran into resistance from the Croats and Slovenes. An acute national problem became a prelude to the formation of the Yugoslav state in 1918

Key words: Serbia, Austria-Hungary, Russia, the First World War

УДК 93/94

А.Г. Топильский

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНОФИЛЬСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ В ГАЛИЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данной статье проанализировано развитие общества «Просвита» и ряда других украинофильских организаций на территории австрийской Галиции к началу XX века. Показаны факторы, определявшие рост влияния украинофильских читален, охарактеризована динамика их развития. Определены причины неравномерного развития читален в разных округах. Охарактеризовано взаимодействие «Просвиты» и ряда других украинофильских организаций.

Ключевые слова: Просвита, украинофильство, Галиция, национальное самосознание, крестьянство.

Статья подготовлена в рамках проекта «Влияние землепользования в Галиции во второй половине XIX – начале XX века на развитие украинского национального самосознания» (грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых МК-752.2019.6).

Свою ключевую задачу «будители» украинского национального самосознания видели в распространении просвещения благодаря росту грамотности среди крестьян, их приобщению к современной культуре, достижениям науки. Для обеспечения этого деятели украинофильского движения организовывали читальни, распространившиеся на всю Галицию. В первые годы своего существования (с 1868 по 1874 гг.) организация «Просвита» насчитывала менее 300 членов, из которых 27,6 % проживало во Львове, 19,4 % – в городах, и лишь чуть меньше половины (46,6 %) – в деревнях и местечках (оставшиеся 6,5 % проживали за пределами территории Галиции) [Himka 1988: 90].

Уже с 70-х гг. XIX в. рост численности «Просвиты» ускоряется; так, в 1876–1878 гг. она возросла с 323 до 1024 членов. К 1884 г. в «Просвите» было уже 2525 человек, а к 1914 г. – 36500 членов. Численность иных украинофильских читален, связанных с «Просвитой», но не входивших в ее структуру, достигала 197000 человек.

«Просвита» располагала значительным количеством отделений в восточной части Галиции, число которых возросло с 4-х в 80-х – 90-х гг. XIX в. до 47-ми в 1908 г. Рост общего количества читален после 1891 г. и филиалов после 1876 г. представлен в таблице:

Таблица 1

Динамика численности филиалов и читален «Просвиты» [Лозинський 1908: 43, 44]

Год	Число основанных филиалов	Год	Число основанных читален
1876	1	1891	5
1877	1	1892	42
1878	1	1893	43
1882	1	1894	50
1891	2	1895	93
1892	2	1896	109
1894	2	1897	180
1896	3	1898	182
1897	1	1899	112
1898	3	1900	108
1899	3	1901	120
1901	2	1902	295
1902	1	1903	
1903	8	1904	211
1904	2	1905	
1905	1	1906	143
1906	3	1907	198
1907	2		
1908	8		
Всего	47		

По данным таблицы видно, что в 80-х гг. XIX в. был значительный спад в активности «Просвиты». Она возросла уже после провозглашения политика «Новой эры» (сотрудничества украинофилов с польскими организациями) в начале 1890-х гг. Тогда же был принят новый статут 1891 г., благодаря которому удалось расширить основание читален.

Необходимо заметить, что распределение читален не было одинаковым; ключевой причиной, от которой зависело открытие новых отделений, была доля русино-украинского населения в повете. В округах, центрами которых были крупные города (Станислав, Перемышль, Тернополь, Рогатин, Львов), было еще больше читален. Это можно объяснить тем, что именно там проживала русино-украинская интеллигенция, занимавшаяся просветительской работой.

Таблица 2

Распределение читален «Просвиты» по поветам (округам) Галиции [Лозинський 1908: 45, 46]

Повет (округ)	Число читален на 1907 г.	Повет (округ)	Число читален на 1907 г.	Повет (округ)	Число читален на 1907 г.
Бережаны	55	Золочев	60	Рудки	38
Березов	6	Зборов	21	Самбор	49
Бобрка	52	Калуш	48	Скалат	43
Богородчаны	30	Каменка	41	Снятин	20
Борщев	58	Коломыя	39	Сокаль	41
Броды	49	Косов	38	Станислав	60
Бучач	52	Краков	1	Старый Самбор	37
Бяза	1	Ланцут	2	Стрый	65
Горлицы	2	Лиско	11	Сянок	14
Городенка	34	Львов	70	Теребовля	30
Грибов	2	Мостиска	37	Тернополь	70
Городок	30	Надворная	33	Товмач	53
Гусятин	54	Новый Сан	1	Турка	16
Добромиль	11	Переворск	1	Цешанув	23
Долина	42	Перемышль	63	Чортков	45
Жидачив	31	Перемышляны	41	Яворов	39
Жолква	31	Печенежин	16	Ярослав	27
Залищики	49	Рава Русская	40	Ясло	5
Збараж	52	Рогатин	68	всего	2048

Деятельностью по просвещению населения занимались врачи, учителя сельских школ, преподаватели гимназий и студенты. Они участвовали в организации и проведении культурных мероприятий, которые сочетались с экономической и издательской деятельностью. Например, на празднованиях 25-летнего юбилея основания отделений в Коломые и Тернополе, наряду с концертами и историческими лекциями, прошли хозяйственные собрания с разыгрыванием в форме лотереи сельскохозяйственных машин [Зуляк 2010: 117-125].

Чтобы укрепить просветительские филиалы на местном уровне и объединить их усилия, началось создание народных домов, включавших как саму читальню, так и магазин, библиотеку, кредитную кассу, зал со сценой для выступлений, комнаты для подготовки хора, оркестра и другие общественные учреждения. В то же время необходимо отметить, что работа отделений «Просвиты» была в большой степени разобщенной, что неоднократно характеризовалось в «Письмах с Просвиты» [Письмо з Просьвіти 1911: 52].

Несмотря на широкий спектр деятельности, основной упор делался на издательскую работу, динамика которой зависела от активности руководства и наличия финансирования. Издательская деятельность «Просвиты» росла относительно равномерно.

Таблица 3

Издательская деятельность «Просвиты» в 1869–1907 гг. [Лозинський 1908: 51, 52]

Год	Тираж	Год	Тираж	Год	Тираж
1869	20000	1882	26710	1895	46500
1870	18000	1883	21000	1896	51600
1871	24000	1884	28505	1897	68000
1872	24000	1885	26525	1898	70000
1873	22000	1886	32275	1899	55000
1874	123105	1887	31785	1900	83000
1875	83515	1888	37735	1901	85000
1876	75230	1889	37790	1902	82000
1877	40850	1890	50470	1903	87000
1878	16960	1891	99030	1904	92000
1879	18400	1892	91610	1905	120000
1880	23340	1893	96340	1906	73000
1881	18970	1894	67860	1907	126000

В нормативной программе деятельности отделений «Просвиты», составленной на базе материалов Первого Украинского просветительско-экономического конгресса было отмечено, что значительно лучше действуют читальни, возглавляемые не интеллигенцией, а крестьянами, так как крестьяне ближе друг к другу [Письмо з Просьвіти 1911: 52]. Интеллигенция, а также руководители и активисты читален зачастую не могли находить общий язык с крестьянством, зачастую, проявляя назидательность и чувство интеллектуального превосходства, негативно влиявшие на работу «Просвиты» в целом как организации, боровшейся за рост своей значимости среди галицийского крестьянства. Данное явление было охарактеризовано, в частности, Иваном Франко в «Критических письмах о галицкой интеллигенции» [Франко 1953: 4, 5].

Несмотря на указанные обстоятельства, препятствовавшие развитию читален и филиалов «Просвиты», практически во всех читальнях еженедельно проходили заседания, на которых значительное внимание уделялось созданию молодежных и спортивных секций различных ук-

раинофильских обществ, таких как «Сич», «Сокол», «Стрелецкий курень» и ряду иных. Например, в Снятине для читальни «Просвиты» и «Сич» построили общее помещение, принадлежавшее совместно обеим организациям [Зеленко 1993: 98]. В селе Шушары «Сич» во многом способствовала росту влияния читальни «Просвиты» [Олексюк 1993: 156].

Таким образом, вклад общества «Просвита» в формирование национального самосознания русино-украинского населения Галиции заключается в том, что благодаря росту образованности населения «Просвита» смогла выступить в роли организации, цементировавшей вокруг себя развитие украинского движения среди галицийского крестьянства.

Литература

Зеленко В. Що дала нам “Січ”? // Гей, там на горі “Січ” іде! К., 1993.

Зуляк І. Участь «Просвіти» у формуванні національної свідомості українців у Східній Галичині (кінець 60-х рр. XIX – початку XX ст. // Україна–Європа–Світ. Міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини / Тернопіль: Вид-во ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2010. Вип. 5. У 2 ч.: Ч. 1.

Лозинський М. Сорок літ діяльності Просвіти. Львів, 1908.

Олексюк С. Раз, два! Вперед хлопці! // Гей, там на горі “Січ” іде! К., 1993.

Письмо з Просьвіти. Львів, 1911.

Франко І. Критичні письма про галицьку інтелігенцію / Публіцистика: Вибрані статті. К., 1953.

Himka J-P. Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century. London-Basingstoke, 1988.

Topilsky A.G. Activities ukrainophile educational societies in Galicia in the early XX century

This article analyzes the development of the society "Prosvita" and a number of other Ukrainian organizations in the territory of Austrian Galicia by the beginning of the XX century. Shows the factors that determine the growth of the influence of ukrainophile reading rooms, characterized by their dynamics. The causes of uneven development of reading rooms in different districts are determined. Interaction of "Prosvita" and a number of other ukrainophile organizations is characterized.

Key words: Prosvita, ukrainophilia, Galicia, national consciousness, peasantry.

Acknowledgements: The study was funded by grant of President of the Russian Federation MK-752.2019.6.

УДК 821.161.1.09”18”

Г.Е. Горланов

О Н.В. ГОГОЛЕ КАК ПИСАТЕЛЕ НАЦИОНАЛЬНОМ: ПОВЕСТЬ «ТАРАС БУЛЬБА»

Национальный вопрос для Н.В. Гоголя всегда был важным. Этой проблеме он посвятил много статей, высказывался устно, писал в письмах своим родственникам и друзьям. Этой проблеме посвящена повесть «Тарас Бульба». В данной статье автор рассматривает творчество Н.В. Гоголя в аспекте русского духовного самосознания.

Ключевые слова: Гоголь, духовность, русскость, самосознание, идеал, христианство.

Над повестью «Тарас Бульба» Гоголь начал работать в 1833 году, в 24 года, первую редакцию закончил в 1835 году (книга «Миргород», СПб, ч. 1). Вторая, улучшенная редакция, появилась во втором томе его сочинений. Столь длительная и тщательная работа над текстом свидетельствует об особой ответственности раскрытия дорогой для него истории Украины в один из сложных периодов ее жизни: освобождения от поляков. При работе над повестью писатель использовал всю известную ему к тому времени литературу. Многое добытое из книжных источников его не удовлетворяло. Это было время, когда он искренне восхищался Малороссией. Больше всего ему помогло в работе над произведением устное народное поэтическое творчество. «Песни малороссийские, – отмечал он, – могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств. Везде проникает их, везде в них дышит эта широкая воля козацкой жизни. Везде видна та сила, радость, могущество, с какою козак бросает тишину и беспечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзию битв, опасностей и разгульного пиршества с товарищами» [Гоголь 1984, 7: 98].

Писатель долго раздумывал над главной идеей произведения. Повесть вырисовывается у него в масштабное эпическое произведение – это не просто описание различных победных сражений и поражений, это судьба Малой Родины (Малороссии) и большой России. А там, где решаются судьбоносные проблемы, там все должно быть серьезно, продуманно и целенаправленно. Тарас Бульба, приехавший в Сечь, видит пьяных казаков-дебоширов, которым все равно с кем воевать, была бы только добыча, чтобы потом было на что нагуляться вдоволь. С та-

кими вояками большие задачи не решить. Главные враги их, польские шляхтичи, были только рады такому поведению необузданных казаков. С приездом сюда главного героя все в стане запорожцев изменилось: сменили кошевого, полковников, поддерживающих разгульную жизнь, четко определился главный враг, притеснявший народ.

Вплоть до XXI столетия проблем по этому вопросу особо не было, по крайней мере, для Гоголя. Раздумья о своем любимом народе он выражал в работе «Взгляд на составление Малороссии» в 9 пунктах. «Большая часть этого общества, – сообщал он, – состояла, однако ж, из первобытных, коренных обитателей южной России. Доказательство – в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая всегда была греческая» [Гоголь 1984, 7: 56]. Гоголь не прочь всякий раз подчеркнуть присутствие на страницах книги духа россиян. На первой странице повести Тарас, встречая двух сыновей, приехавших из киевской бурсы домой, обращает внимание на одежду («какие длинные на вас свитки»). Можно было бы ограничиться сказанным, но Гоголь внизу страницы делает пояснение: «верхняя одежда у южных россиян», лишний раз подчеркивая тем самым принадлежность запорожских «козаков» к русским.

То есть, Тарас Бульба, сыновья его, и все те, кто сражались за свое освобождение, это люди, имевшие «чисто славянскую южную физиономию». Они вынуждены были после периода Киевской Руси в поисках вольной жизни временно селиться на этой земле…» Черные годины пришли. Тогда «Киев – древняя матерь городов русских, сильно разрушенный страшными обладателями табунов, долго оставался беден и едва ли мог сравниться со многими, даже не слишком значительными, городами северной России». Меж тем Россия, играющая тогда роль объединенного символа, сама являла собой жалкое зрелище от татаро-монгольских набегов. Литовский князь Гедимил «сделался самым видным на огромном северо-востоке Европы!» [Гоголь 1984, 7: 52]. Благодаря завоеваниям Гедимила и его преемников Ольгердо и Ягайло, южная Россия отделилась от северной» [Гоголь 1984, 7: 53].

С 1569 по 1654 год Киев с примыкающими к нему землями входил в состав Польши. Местное население частенько не сдерживало произвола поляков на порабощенной земле. Одно из таких недовольств – восстание казаков 1637–1638 годов было подавлено гетманом Николаем Потоцким. В узком смысле указанное событие легло в основу конфликта повести. На самом же деле содержание книги «Та-

рас Бульба» выходит за рамки одного, хотя и важного отрезка жизни малороссов. Война, в которую включились герои, носит народно-освободительный характер. Эта мысль объемнее звучит при высказывании младшего сына Тараса, Андрея, о Родине. Он тоже вспоминает об отчизне, которую молодой человек понимает не как любовь к родительским местам, а к женщине: «Кто сказал, что моя отчизна Украйна? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет ее оттуда! И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!» [Гоголь 1984, 2: 87].

Сталкиваются два понимания Родины. В мирные дни распри на эту тему могли быть решены мирными путями. Другое дело война, и не просто война, а народно-освободительная, где любое мнение, подкрепленное делами, может статься решающе победным. Славянин Тарас Бульба, кровный брат Гоголя, идет на крайние непопулярные меры – убивает предателя, коим оказался его младший сын. «Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек…» [Гоголь 1984, 2: 33]. Такие черты характера, какими отличался герой, рождали эпохи. По этой причине писатель не следует реальной хронологии событий, годов, веков. Ему важно высветить из гущи реалий и случайностей главную идею и художественно оформить средствами писательского искусства. В таких случаях реализм уходит на второй план, давая развитию романтических тенденций.

В своих лирических отступлениях Гоголь выходит за рамки одного события и сознательно делает широкие обобщения относительно всего русского народа, испытавшего насилие и монголов с восточной стороны, и поляков – с западной. Жанровые рамки повести в данном случае, структурно меняясь, расширяются, и образ Тараса превращается в былинное эпическое полотно. Суть его прекрасно, на наш взгляд, передал художественными изобразительными средствами в иллюстрациях Е. Кибрик.

Поляки тоже относятся к славянам, а отчего же такая неприязнь между Киевом и Варшавой? Причина есть, и она существенная. Юго-западных и восточных русских кровно объединяло христианское православие, в то время как поляки придерживались католицизма, у кото-

рого были свои ценности. Разница в понимании религии для Николая Васильевича Гоголя, названного в честь святителя Николая, была существенной. Скорее всего, по этой причине писатель отказался от своей второй приставки к фамилии – Яновский, в которой он усмотрел налет шляхетства. Именно с него, с православия, начинается принятие в Запорожское войско. «Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил:

– Здравствуй! Что, во Христа веруешь?

– Верую! – отвечал приходящий.

– И в троицу святую веруешь?

– Верую!

– И в церковь ходишь?

– Хожу!

– А ну, перекрестись!

Пришедший крестился.

– Ну, хорошо, – отвечал кошевой, – ступай же в который сам знаешь курень» [Гоголь 1984, 2: 51].

Гоголь всю свою сознательную жизнь подчинил выдвинутым им же самим принципам «уз святее товарищества», избегая в быту их механического употребления, и только вынужденно порой высказывался на конкретные просьбы читателей относительно его национальной принадлежности. «Скажу вам, – объяснял писатель, – одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе породы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собой нечто совершеннейшее в человечестве» [Воропаев 2012].

Только в последние два десятилетия на территории современной Украины часть начальствующего населения решила, что они особенные, никак не относятся к славянам и русским, а творчество писателя Н.В. Гоголя, не написавшего ни одного произведения на украинском языке, чисто украинское явление. Националисты типа Михаила Грушовского совершенно надуманно, без аргументированных доказа-

тельств, объявляют, что их родословная началась задолго до истории славян, они исключительные, могут происходить от антов, арийцев и кого-либо других, но никак они не имеют ничего общего с русскими. Николай Васильевич, вероятно, возмутился бы, услышав придуманную мифологию. В нашу задачу не входят дискуссии с придуманными теориями, какими бы оригинальными они ни были. Обратимся к авторитетному Толковому словарю живаго великорусского языка В.И. Даля («луганского козака»). У него сказано: «*украйный и украинный,* крайний, украю, на краю чего нахдщс.: дальний, пограничный, порубежный, что на крайних пределах государства. *Сибирские города встарь зывались украйными. А город Соловецкой место украйное.* Акты. Украй, украйна, область скраю государства или украйная…» [Даль 1980: 484].

Остановимся ради убедительности еще на одной относительно свежей по времени публикации – лингвистическом источнике, с которым должны быть согласны и русские, и украинские ученые: «этноним украинец и название «Украина» этимологически объясняются словом «оукраина» («окраинная», «пограничная» земля) [Полищук, Пономарев 2000: 190]. Н.В. Гоголь хорошо знал об украинском расположении Запорожской черты и всячески старался своей повестью объединению всех разъединенных русских племен. Чем искренне он восхищался Малороссией, тем больше любил большую Россию. В некоторых случаях он намеренно заинтересованно выделял русскую литературу, ибо понимал, что от ее значимости зависит судьба других литератур и творивших ее писателей. Литератор и ученый Г.П. Данилевский вспоминал спор русского и украинского ученого О.М. Бодянского с Гоголем о русской литературе: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упорядочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантом для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня – язык Пушкина. Какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгунтеров… Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная, нетленная поэзия правды, добра и красоты. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющие одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной в ущерб другой, невозможно» [Данилевский 1902: 92-100].

Рассуждая так, Гоголь считал, что, как и в политике, важно объединение княжеств, «оукраин» народов, необходимо объединение языков, ради укрепления одного главного, который будет утверждаться, используя достижения братских народов. Главным он по праву считал

язык Пушкина и Жуковского. Еще в ранний период творчества, в 1832 году начинал свою статью «Несколько слов о Пушкине» как писателе национальном. «В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез десятки лет» [Гоголь 1984, 8: 58].

Из обширной цитаты следовало бы выделить ключевое выражение «НАШЕГО языка». Для родившегося на «оукрайне», в Полтавской губернии, язык оказался одним «великим и могучим» русским языком, который принес Гоголю всемирную славу, возвысив тем самым и Малороссию, и Великороссию. Для нас Гоголь – это образец служения всемирной литературе. Только ли Пушкин и Гоголь русский язык вывел на широкую дорогу и белорусских, и татарских, и эрзянских, и мокшанских, и писателей севера, юга и востока, писавших на русском языке. Как наглядный пример в связи со сказанным – киргиз Чингиз Айтматов, прославивший киргизский народ языком Пушкина и Гоголя. Каждому национальному писателю, живущему на необозримых географических просторах России, должно быть лестно пользоваться услугами «нашего», выпестованного классиками XIX века, языка. Роль Гоголя в воспитательном процессе дитяти огромна, его литературная методология творчески использовалась и в XIX, и в XX веках и будет востребована в будущем.

Писатель Малороссии, активно участвующий в литературном процессе России, чувствует себя незаменимой частицей большой русской литературы. Расхваливая песни юности, незаметно для себя (подругому он уже не может) переходит на широкие обобщения: «Покажите мне народ, у которого больше было бы песен. Малороссия кипит песнями. По всей Волге звенят бурлацкие песни. Под песни рубятся из бревен избы по всей Руси, метают из рук в руки кирпичи и подымаются домы. Под песни работает вся Русь» [Гоголь 1984, 7: 472].

Да и что было делить живущим на Украйне и в России народу, имеющему одну христианскую православную веру, одни государственные законы, одно крепостное право. Вот Гоголь пишет И.И. Дмитриеву 20 июня 1832 года из Васильевки. «Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его ярки

и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные», – с такой неприкрытой грустью смотрит художник на свою Россию [Гоголь 1984, 8: 52].

А вот в письме к М.П. Погодину из Рима 30 марта 1837 года просит совершенно неожиданное: «Напиши мне что-нибудь про ваши московские гадости. Ты видишь, как сильна моя любовь, даже гадости я готов слушать из родины» [Гоголь 1984, 8: 128]. После таких слов понятным станет его отношение к образам помещиков из «Мертвых душ».

Всеобъемлющий гений Гоголя заглянул и в наше столетие, в родную для него Малороссию, к гражданам своей любимой родины, которых он хорошо знает и верит в возрождение разрушенного «товарищества». Это тогда она так называлась. Теперь это отдельное государство, называемое Украина. И сюда, в теперешнюю «незалежную» доносится громогласный голос Тараса Бульбы: «Но у последнего подлюки, каков он ни на есть, хоть весь изваляется он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!..» [Гоголь 1984, 2: 112]. Гоголю очень хочется верить в возрождение русского товарищества.

Литература

Воропаев В.А. Гоголь и русско-украинский вопрос. Архивная копия от 25 октября 2012 года. (На WaybackMachine).

Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Изд-во «Правда», 1984.

Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусского языка. М.: Русский язык, 1980.

Данилевский Г.П. Знакомство с Гоголем (из литературных воспоминаний) // Сочинения. Изд. 9-е. 1902. Т. XIV. С. 92-100.

Полищук Н.С., Пономарев А.П. Украинцы. М.: Наука, 2000. С. 190.

Gorlanov G.E. N.V. Gogol as a Russian national writer: the novella “Taras Bulba”

The question of nationality has always been especially significant for N.V. Gogol. The writer speaks of it in many of his articles, in letters to his family and friends, as well as discusses it orally. The story “Taras Bulba” is dedicated to

this problem too. The author of this article considers Gogol's creativity in the aspect of Russian moral self-consciousness.

Key words: Gogol, morality, Russianness, self-consciousness. ideal, Christianity.

УДК 821.161.1

Т. Олджай

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ: ЛИЧНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ В ТУРЦИИ (К 210-летию писателя)

В статье приводятся наиболее полные результаты проведенных автором на протяжении ряда лет разысканий об истории и рецепции переводов произведений Н.В. Гоголя в Турции, начиная с османского периода и до наших дней. Точно датируется появление первых переводов, устанавливаются имена и фамилии переводчиков, а в ряде случаев и авторская принадлежность переводимых произведений, не указанная при издании переводов. Также предпринимается попытка взглянуть на роль авторов – переводчиков и издателей.

Ключевые слова: Гоголь в Турции, история перевода, диалог культур.

Впервые Николай Васильевич Гоголь был представлен турецкой общественности в изданном в 1895 году в Стамбуле очерке «Русской литературы» (*тур.* «Рус Эдэбияты») объемом 132 страниц. Очерк был составлен Ольгой Сергеевной Лебедевой[1] и включал сведения о зарождении и развитии русской литературы, а также 19 портретных характеристик известных писателей, начиная с Антиоха Кантемира и кончая Львом Толстым [Lebedeff 1895].

Портретная характеристика Гоголя являлась пятнадцатой по счету и занимала десять страниц. Большое место уделено биографии писателя, в частности обучению в Нежинской гимназии и трудным годам в Петербурге. В ходе изложения называются такие произведения как

[1] Ольга Сергеевна Лебедева (1854 – после 1912) русский востоковед из Казани. Она приехала в Османскую империю в октябре 1890 г. по приглашению крупного турецкого издателя и писателя Ахмеда Мидхата-Эфенди (1844–1912), с которым познакомилась в 1889 году на VIII конгрессе востоковедов в Стокгольме. Известная в Турции под именем Мадам Гюльнар или Ольга де Лебедефф, О.С. Лебедева является одной из деятельнейших представительниц первой когорты переводчиков русской литературы на турецкий язык (см. [Макеев 2016: 10-15; Олджай 2010]).

«Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Ревизор», «Женитьба», «Мертвые души» и статьи. Далее делается акцент на особенности письма Гоголя, в частности на его «своеобразном и не понятом современниками юморе» [Lebedeff 1895: 110]. Весьма подробно, на шести страницах, передается содержание «Ревизора». В заключение Лебедева определяет пьесу «классикой» и осведомляет читателей о том, что за 50 лет после ее написания она была переведена на семь языков. Глава о Гоголе заканчивается следующей характеристикой: «После Гоголя все стали писать естественным стилем вместо напыщенного. А сам Гоголь был назван основателем натуральной школы» [Lebedeff 1895: 118].

Спустя несколько месяцев вышел пятый том «Энциклопедического словаря географических названий и личных имен» (*тур.* «Камусюль Алям») в 6-ти томах, составленный Шемседдином Сами, в котором помещалась статья о Гоголе: «Гоголь является одним из известнейших писателей России. Добился известности, прежде всего, своими рассказами и пьесами, написанными им с целью улучшения некоторых моральных устоев и привычек общества. Применяемый им метод, выставил напоказ некоторые злоупотребления начальства, из-за чего он был вынужден покинуть на определенное время свою родину и поселиться в Риме. После возвращения на родину он душевно заболел и в 1847 году сжег свое еще не опубликованное произведение. Умер предположительно в 1852 году. А родился в 1808. Большая часть его произведений переведена на европейские языки. Он – один из новаторов русской литературы» [Єemseddin 1896: 3307].

Однако подлинное знакомство с творчеством Гоголя в Турции начинается лишь в 30-х годах прошлого столетия – после языковой реформы (замены арабского письма алфавитом на латинской основе в 1928 г.), осуществленной в рамках реформаторской деятельности основателя Республики Турции Мустафы Кемаля Ататюрка.

Первым гоголевским произведением, опубликованным на турецком языке в этот период, стала повесть «Тарас Бульба» – переведенная Сираджеддином с французского. Повесть вышла в 1936 г. в серии «Библиотека новых повестей и романов», в издательстве Ибрагима Хильми. К изданию в 219 страниц имелось предисловие И. Хильми, в котором сообщались биографические сведения о Гоголе. Цветной переплет и иллюстрации дополняют приятное впечатление от весьма качественного издания.

Через год, последовал перевод пьесы «Ревизор» (*тур.* «Мюфеттиш») объемом 178 страниц, выполненный Авни Инселем и Веджихи Гёркем. В том же году были изданы и «Мертвые души» (*тур.* «Олю

рухлар») объемом в 455 страниц в переводе Рагыпа Рыфки. Оба перевода, как и в предыдущем случае, были сделаны с французского с большими сокращениями, пропусками и дополнениями, в виду чего трудно говорить о каком-либо соответствии подлиннникам.

«Майскую ночь или утопленницу» (*тур.* «Майис геджеси») и «Портрет» (*тур.* «Портре») в 139 страниц в переводе знатока русской литературы Хасана Али Эдиза и Васыфа Оната с языка оригинала выпустило другое крупное частное издательство «Ремзи» в серии «Переводов мировой литературы» в 1938 г. Издание сопровождалось вступительной статьей Эдиза на 32 страницах, из которой читатели имели возможность достаточно полно ознакомиться с жизнью и творчеством Гоголя.

Тем временем в библиотечке «Карманные книги», продаваемые по 10 курушей, была напечетана «Шинель» (*тур.* «Капут»). А «Дневник сумасшедшего» (*тур.* «Бир делинин хатыра дефтери») и «Старосветские помещики» (*тур.* «Ески заман деребейлери») были переведены с русского Гаффаром Гюнеем и включены им в сборник, вышедший в 1940 г. под названием «Избранные русские рассказы» (*тур.* «Рус ойкюлери сечкиси»).

К концу 30-х годов переводы из мировой классики с языка-посредника перестали удовлетворять критиков и читателей, становившихся все требовательнее. Так, например, известные критики и переводчики, среди которых можно назвать Вахдета Гюльтекина, Бедреттина Тунчеля и Хасана А. Эдиза, в своих статьях и рецензиях все чаще обращали внимание на низкое качество переводов и на бессистемный отбор произведений. Последний в своей рецензии на перевод «Мертвых душ» Рагыбом Рыфки, опубликованной в газете «Сон поста» от 28 декабря 1937 года, критикует не только перевод, но и вступительную статью издателя Ибрагима Хильми, который, черпая сведения из вторых рук, дает неправильные сведения.

Таким образом, вопрос о том, как нужно переводить становился всё более актуальным. Об этом писали почти все турецкие газеты и журналы того времени. Жесткой критике подвергались адаптации текстов и вольные переводы. Переводы сопоставлялись с подлинниками, предлагались правильные варианты. Иногда сравнивались переводы одного и того же произведения, сделанные разными переводчиками. Часто выражалось недовольство отсутствием вступительной статьи к переводу. По этой причине критика переводов предварялась подробным анализом либо творчества писателя, либо его произведения,

переведенного на турецкий язык. Полемика выходила за страницы периодической печати.

Очевидным образом назревала острая необходимость в упорядочении литературно-переводческой и издательской деятельности со стороны государства. И таким важным событием в истории перевода и издательской деятельности в Турции стал состоявшийся под эгидой Министерства Просвещения I-ый конгресс по печати, проходивший в Анкаре с 1-го по 5-ое мая 1939-го года. В итоге был разработан масштабный план ознакомления турецкого народа с лучшими произведениями мировой литературы, в частности русской, и назначены «языковые комиссии», одной из которых являлась Комиссия по русской литературе.

С 1940-го года начинается «переводческая мобилизация» в полном смысле этого слова. Произведения русских классиков, в том числе и Гоголя, стали выходить одно за другим.

Первым гоголевским произведением, переведенным в рамках вышеупомянутого государственного плана, является «Ревизор». Перевод был сделан в 1944 году Э. Гюнеем и М. Дж. Андаем. Предисловием к изданию послужила статья В. Г. Белинского.

Через год под заглавием «Три рассказа» вышли петербургские повести «Нос» (*тур.* «Бурун»), «Коляска» (*тур.* «Файтон») и «Шинель» (*тур.* «Капут») в переводе Э. Гюнея, О. Пельтека и О.В. Каныка. В 37-ом номере журнала «Тержюме» (*рус.* «Перевод») при Переводческом бюро Министерства Просвещения вышла рецензия О.В. Каныка, в которой делается акцент на специфику юмора Гоголя и приводятся примеры из недавно опубликованных повестей писателя [Kanık 1946: 74-75]. Все это способствовало правильному пониманию и восприятию произведений русского писателя турецкой читающей публикой.

Гоголю было отведено место и в следующем, 38-ом номере того же журнала, где был опубликован перевод описания Днепра из рассказа «Майская ночь, или утопленница», сделанный Алие Эркан [Gogol 1946: 90-91].

В 1946 г. Гоголь был представлен издательством Министерства Просвещения пятью новыми изданиями – «Театральный разъезд» (пер. Э. Гюней и М.Дж. Андай), «Игроки» (пер. Хасан Копсель), «Ревизор» и «Женитьба» в переводе Э. Гюнея и М.Дж. Андая, «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (пер. Х. Бычакчи).

Перешедшая в наступление реакция нанесла тяжелый удар по прогрессивно настроенной интеллигенции. Устранение Хасана Али Юджеля с поста министра просвещения неблагоприятно отразилось на пере-

водческой деятельности под эгидой государства. Изданные в 1950 году «Мертвые души» в переводе М. Дж. Андая и Э. Гюнея были последним произведением периода «переводческой мобилизации». Однако деятельность по переводу творчества Гоголя была продолжена частными издательствами. В том же году (1950 г.) в серии переводов издательского дома «Акба» в Анкаре вышло новое издание «Тараса Бульбы» в переводе крупного турецкого писателя и критика Нуруллаха Атача, но опять-таки с французского.

Особенно активным среди издательств было «Варлык». В 1953 г. оно выпустило «Старосветских помещиков» в переводе с русского Сервета Люнеля. Через год оно осуществило второе издание «Тараса Бульбы» в переводе Н. Атача с языка-посредника. А спустя еще пять лет, в 1959 году, – его третье издание. В том же году вышел новый перевод «Ревизора» с русского, сделанный Нихалем Ялаза Талуем. Перечень гоголевских изданий «Варлык» можно продолжить «Мертвыми душами» (пер. С. Эюбоглу и М.Дж. Андая, 1962), «Старосветскими помещиками» (пер. С. Люнеля, 1964), «Записками сумасшедшего» (пер. Н.Я. Талуй, 1966), «Коляской» (пер. Н.Я. Талуй, 1967), «Шинелью» (пер. Дж. Сюррея, 1968) и др.

Творчество Гоголя занимало место также в изданиях 60-ых годов таких издательств как «Элиф», «Атач», «Халк Китабеви», «Анкара Санат Яйынлары», «Джем» и др. Наряду со сделанными ранее с русского весьма успешными переводами, появились также и сделанные с языка-посредника.

Ознакомлению с творчеством Гоголя способствовало также и издание исследований и монографий о нем. Одним из самых крупных исследований западной литературы того времени является двухтомник Исмаиля Хабиба «Западная литература и мы», в котором автор останавливается также на жизни и творчестве десяти русских писателей: А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М.А. Шолохова, М.М. Зощенко и др. [Habib 1941: 215-224; 267-283; 358-363; 519-533].

Подытоживая этот период, с правом можно утверждать, что с 40-ых годов XX-го столетия знакомство с русской литературой, в частности с творчеством Гоголя, приобрело вполне системный характер. Это оказало положительное влияние, как на литературный процесс, так и на культурную ситуацию в целом. Государственная поддержка переводческого дела способствовала также созданию сообществ переводчиков высшей квалификации. Переводы осуществляли видные специалисты по русскому языку и литературе: Хасан Али Эдиз, Эрол Гю-

ней, Сервет Люнель, Нихаль Ялаза Талуй, Гаффар Гюней, Зеки Баштымар, Огуз Пельтек. Некоторые переводчики работали в творческом содружестве с лучшими писателями и поэтами своего времени Сабахаттином Али, Орханом Вели, Мелихом Джевдетом Андаем и Октаем Акбалом. Требования к профессионализму были весьма высокими, а выполняемые переводы, в отличие от многих переводов прежних лет, были действительно качественными и адекватными оригиналам. Важным фактором качественно выполненных переводов стало укрепление позиций современного литературного турецкого языка. Благодаря знакомству с европейской, и в частности, с русской литературой, турецкие писатели смогли приобщиться к мировым культурным и литературным процессам, у них появилась возможность использовать уже известные инонациональным литературам художественные жанры и приемы.

И все же какова была рецепция основных произведений Гоголя, уже хорошо знакомых турецкой общественности?

Наибольшей популярностью в Турции в 40-60-х гг. пользовались три гоголевских произведения: «Мертвые души» (четыре перевода, пять изданий), «Ревизор» (три перевода, четыре издания) и «Тарас Бульба» (три перевода, шесть изданий).

Турецкая критика того периода смотрит на названные произведения с разных точек зрения. Часть из них считает, что творчество Гоголя должно послужить на пользу турецкой литературе. С этой целью в нем они пытаются раскрыть тайны высокого художественного мастерства и общественно-политический смысл тематики. Так, например, известный поэт, писатель и издатель литературного журнала «Варлык» Яшар Наби Найыр, делая разбор «Мертвых душ», пишет: «Большое произведение требует прежде всего времени и терпения, это дело людей, у которых есть материальные и духовные возможности отдать всю свою жизнь одному произведению. Мировой известностью Гоголь был обязан “Мертвым душам”. Но чтобы понять, что он создал это произведение в результате длительного труда, вынашивая его в голове как одну настойчивую мысль, стоит прочесть письмо его из Рима, когда он был занят работой над романом, одному своему другу в Москву, просившему у него чего-нибудь для журнала» [Nayır 1993: 127].

Другая часть, среди которых и издатель И. Хильми, приводя в пример «Тараса Бульбу» Гоголя, хочет побудить своих соотечественников к написанию национального исторического романа. «Ревизор» же наводит его на тяжелые размышления о причинах падения Османской империи: «... Громадную Османскую империю разъедали

не столько войны с Россией и Австрией, сколько невиданный червь, таивший в себя яд порчи и разложения. Во время правления султана Абдульхамида II это разложение выступает уже наружу. Взяточничество, казнокрадство распространились до низов общества, они сотрясли общественный строй и привели государство к расчленению» [4: VI]. А один из переводчиков «Ревизора» Эрол Гюней[1], считает, что эта комедия «ужасная в своем трагизме, превосходит всё, что создано мировой драматургией» [Gogol 1944: XXX].

В 70-ые годы наблюдалось массовое увлечение русской и советской литературой, в полном смысле этого слова. Были переизданы в старых и новых переводах или изданы впервые практически все крупные произведения русской прозы XIX-го века, среди которых и все художественные произведения Гоголя. Среди новой когорты переводчиков русской литературы нужно упомянуть имена выпускников отделения русского языка и литературы Анкарского университета Мехмета Озгюля, Эргина Алтая и Мазлума Бейхана.

Мехметом Озгюлем были заново переведены «Записки сумасшедшего» (1963), «Тарас Бульба» (1978) и «Петербургские повести» (2002), куда вошли «Невский проспект», «Шинель» и «Записки сумасшедшего, а Мазлумом Бейханом – «Записки сумасшедшего», «Нос», «Шинель», «Невский проспект» и часть «Арабесок».

В 1982 г. Эргином Алтаем под названием «Сказки» турецкой читающей публике впервые был представлен сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». И если подходить к переводу Э. Алтая с точки зрения характера и качества соответствия текста перевода тексту оригинала, то следует особо отметить тот факт, что перевод всех девяти рассказов, составляющих «Вечера на хуторе близ Диканьки», как и двух вступлений к ним, семантически наиболее полно и правильно передает оригинал не только в целом, но и в частностях. К концу 80-х годов Алтаем же были заново переведены «Мертвые души».

Открытие в 1990 году отделения русского языка и литературы в Стамбульском университете, а за ним и еще в шести университетах Турции (Эрджиеский – Кайсери, Сельджукский – Конья, «Гази» – Анкара, «Окан» и «Фатих» – Стамбул, Кавказский – Карс), способствовало подготовке новых переводческих кадров. Постепенно стала формироваться новая молодая когорта переводчиков с русского языка. Среди них следует упомянуть имена Сабри Гюрсеса, Корая Карасулу, Гюная Кызылырмака и др. Вместе с тем одно за другим стали появляться

[1] Настоящее имя Михаил Роттенберг, поселившийся в Стамбуле в 1921 г. с третьей («врангелевской») волной русской эмиграции.

также академические и критические работы о разных аспектах творчества Гоголя.

Благодаря деятельности переводчиков турецкая читающая публика получила возможность читать на родном языке все литературно-художественные произведения Гоголя. Множество из них имеют до семи вариантов перевода и издаются всеми столичными и провинциальными издательствами.

Подводя итог нашему рассмотрению, хотелось бы вспомнить слова, сказанные о Гоголе «как о своем любимом писателе и одном из литературных учителей» в 100-летие со дня смерти писателя Назымом Хикметом: «Любовь Гоголя к свету, к жизни, к человеку, его ненависть ко всему тому, что мешает людям жить свободно и счастливо одинаково близка и французам, и неграм, и норвежцам, и другим народам. Оставаясь глубоко русским, Гоголь принадлежит всему прогрессивному человечеству. Слава народу, который дал Гоголя! Счастье народов всего мира, что они имеют такого замечательного писателя» [газ. «Правда» от 5 марта 1952 г.].

Литература

Макеев А. Посланница русской культуры. Интервью с Т. Олджай // Русский мир. 2016. Февраль.

Олджай Т. 2010 Ольга Сереевна Лебедева и ее вклад в русско-турецкие литературные связи // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 1.

Gogol N. Мьfettiє. İstanbul. 1937.

Gogol N. Мьfettiє. Ankara. 1944.

Gogol. Dniepr // Tercьme. 1946. № 38.

Habib İ. Avrupa Edebiyatı ve Biz (Garptan Tercümeler), T. 2. İstanbul. 1941.

Kanık O.V. Ьз hиквуе // Tercьme. 1946. № 36-37.

Lebedeff M-me Gьlnar. Rus edebiyatı. Istanbul. 1895 (1311 гиджри).

Nayır Y.N. Varlık Aylık Edebiyat ve Sanat Dergisi 1933–1993. İst. 1993.

Єemseddin Sami. Kamusü'l-A'lâm. İstanbul, 1896. (1314 гиджри).

Taluy N.Y. Мьfettiє // Tercьme. 1943. № 19.

Tuncor F.R. MEB Yayınları Bibliyografyası (1923–1993). İstanbul. 1996.

Olcay T. Nıkolai Gogol: Personality and Heritage in The Culture of Turkey (To the 210-th anniversary of the writer)

The article contains the most complete results of researches conducted by the author during some years. The researchers are connected with the history and reception of translations of the works by N.V. Gogol in Turkey, from the Ottoman period to our days. The time when first translations appeared is exactly dated, the names and surnames of the translators are revealed. There are some cases, when we cannot

say exactly, whether the translated work belongs to N.V.Gogol or not. Also we make an attempt to study the role of the actors – the translators and the publishers.

Key words: N.V. Gogol in Turkey, History of Translation, Cultural Dialogue.

УДК 821.161.1

Л.К. Оляндэр

ПОЭТИКА НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ: СТРУКТУРА И НАРРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА В ПОВЕСТИ ЛЮБЕНА КАРАВЕЛОВА «БЪЛГАРИ ОТ СТАРО ВРЕМЕ»

В статье исследуется влияние открытых Н.В. Гоголем нарративных структур на творчество последующего поколения славянских писателей, в том числе на творчество болгарского прозаика Л. Каравелова. Наследование гоголевских традиций выражается в использовании специфических нарративных стратегий Л. Каравеловым, которые позволяют ему создавать яркие социально- и философско-значимые картины. Подробно анализируется повесть Л. Каревелова «Болгары старого времени» и ее связи с произведениями Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: русская литература XIX века, традиции Н.В. Гоголя, болгарская литература XIX века, проза Л. Каравелова.

Произведение Любена Каравелова «Българи от старо време» («Болгары старого времени», 1872), которое соотечественники писателя признают во всем его творчестве наилучшим – «*на Любен Каравелов»* [Динеков 1969: 362], – сначала было *Най-хубавата повест* написано по-русски и опубликовано в 1867 году в журнале «Отечественные записки», а в 1868 г. – в отдельном сборнике вместе с другими повестями и рассказами под заголовком «Страницы из книги страданий болгарского племени». Однако Каравелов не остановился на этом, книга, которая под влиянием тоски по Родине, «*писана в чужбина, тя є облъхата от гореща обич към родината, от ностальгия и копнеж по нея*» [Динеков 1969: 362], – продолжала жить в его душе. Пребывая уже в Сербии и Румынии, он упорно трудился над текстом и переводил его на сербский и болгарский языки. В результате происшедшие изменения оказались такими значительными, что болгарские исследователи пришли к обоснованному выводу: Каравелов создал совершенно новый вариант повести «Българи от старо време» [Андреев 1978: 50]. В Болгарии она вышла из печати только в 1872 г. в журнале «Свобода»

и отдельным изданием. Теперь в ней поражают глубиной чувств и поэтичностью лирические отступления, которые пафосом, ритмикой, а частично и структурой напоминают гоголевские страницы: *«Обичам те, мое мило отечество!* – пишет Л. Каравелов. – *Обичам твоите балкани, гори, сипеи, скали и техните бистри и студени извори! Обичам те, мой мили краю! Обичам те от всичката си душа добро и сърце, ако ти и да си обречен на тежки страдания и неволи! Всичко, щото е останаво досега в моя-та осиротяла душа добро и свето – всичко е твое! Ти си оная благословена земя, която цъфтц, конто пьяна с нежности, със сияние и величие, следовательно ти ме научило да обичам и да плача над всяко човеческо нешастие, а това е вече много за един човек...»* [Каравелов URL] («Люблю тебя, мое милое отечество. Люблю твои горы, леса, обрывы, скалы, твои чистые студеные источники! Люблю тебя, милый мой край! Люблю всей душой и всем сердцем, хотя ты и обречен на тяжкие страдания и муки! Все, что еще осталось в осиротевшей душе моей доброго и святого, – все это твое. Ты – благословенная земля, цветущая, полная нежности, сияния и величия, ты научила меня любви и состраданию ко всякому человеческому несчастью, а это уж много для человека») [Каравелов 1977: 44-45]. И как тут не вспомнить: «*Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! <...> Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды. <...> Весь ландшафт спит. А вверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно...<...> Божественная ночь! Очаровательная ночь*» [Гоголь 1959, 1: 64]. Или: «*Чуден Днепр при тихой погоде ... <....> Чуден Днепр и при теплой летней ночи... <...> Чуден и тогда Днепр, и нет реки, равной ему в мире!*» [Гоголь 1959, 1: 64]. Лирические отступления Н. Гоголя и Л. Каравелова, уподобляющиеся своей поэтичностью стихам в прозе, содержат в своих структурах те же самые повторы, которые усиливают эмоциональное напряжение текста. У Гоголя: «*знаете ли...!», «о, вы не знаете...*» и так далее; у Л. Каравелова: «*люблю твои горы, леса... («твоите балкани, гори…»); люблю тебя...*» *(«обичам те»)* и так далее; – те же самые обращения к неповторимой красе природы, ее романтизация; использование эпитетов, непосредственно выражающих любовь *Я-автора* к Родине: украинская ночь – *очаровательная, божественная*, Днепр – *чуден* (Н. Гоголь); *мили краю, благословена земя* (Л. Каравелов). И хотя для гоголевского стиля свойственна более сильная экспрессия выражения божественного, космического начала, чем для стиля Л. Каравелова: «*... Бог один величаво озирает небо*

и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в темном лоне своем, ни одна не убежит от него; разве погаснет в небе» [Гоголь 1959, 6: 176], – тем не менее она присуща и болгарскому писателю. Но в отличие от Н. Гоголя, у которого задушевность признания любви к Украине кроется в подтексте, за образом красы украинской ночи или Днепра, Л. Каравелов заявляет об этом прямо: *обичам.* И если у Н. Гоголя представлен онтологический план, если у него взор направлен и в Космос, на отражение божественности мироздания в Днепре, и если сам Н. Гоголь в определенном смысле диалогично созвучен с лермонтовским видением планеты «Спит земля в сеянье голубом», – то у Л. Каравелова все чувства сосредоточены на панорамности земного пейзажа, освещенного солнцем. В каравеловской нарративной системе не ночь, а летний день, а свет обретает символическое значение, превращаясь в образ *надежды*. Но это только одна смыслообразующая функция *света* в нарративной системе Л. Каравелова, о другом предназначении «цветописи» словом речь пойдет ниже. Здесь лишь подчеркнем, стремление писателя, с одной стороны, вселить в душу народа веру в светлое будущее, а с другой – мобилизовать народные силы на борьбу за него. Отсюда и коммуникативные задачи, стоящие перед двумя писателями, имели свои оттенки. Ведь если взять творчество Н. Гоголя, то у него в образе русской тройки звучал и голос тревоги: «Русь, куда ж несешься ты?».

То, что Н. Гоголь оказывал огромное плодотворное влияние на Л. Каравелова, – факт установленный, прежде всего, болгарскими исследователями [Динеков 1969: 367; 376]. «Каравелов, – пишет П. Динеков, – одновременно подчеркивал и его самобытность, – се учил от Гоголя на художестве на майстерство, той є усвоявал от него метода на писателя реалист» [Динеков 1969: 367]. Иными словами, Л. Каравелов не был эпигоном и подражателем, он, пройдя гоголевскую школу, формировал реалистический метод болгарской литературы и создал произведение, которое отвечало на запросы болгарского общества того времени. Однако несмотря на, казалось бы, изученность вопроса, необходимость более внимательного исследования того, как осуществлялся этот процесс в каравеловском творчестве, не только не исчезла, но и обрела особую актуальность в наши дни: обращение к проблеме *Н. Гоголь – Л. Каравелов* раскрывает возможности глубже, а иногда и по-новому понять обоих писателей. Сопоставление повести «Българи от старо време» с произведениями Н. Гоголя приводит иногда к неожиданным результатам, в частности, процитированный отрывок из Л. Каравелова: *«Обичам*

те, мое мило отечество....» («Люблю тебя, мое милое отечество! ...»), – если его спроектировать на тексты «Майская ночь, или Утопленница» и «Страшная месть», помогает с большой силой прочувствовать гоголевскую тоску по своей земле, боль и муку писателя, переживаемую им из-за искалеченной судьбы родного народа. И при этом условии иначе воспринимаются и «Тарас Бульба», и «невидимые миру слезы». В связи с этим необходимо отметить, что в современном украинском литературоведении в новом ракурсе, с позиции *Свой / Не-свой* подошел к ностальгическим чувствам Н. Гоголя Е. Сверстюк в книге «Гоголь і українська ніч: есеї» (2015), которая еще не оценена в полной мере по своим достоинствам и требует пристального внимания исследователей. Однако и теперь очевидно новаторство Е. Сверстюка, которое проявилось в проникновенном психологизме и глубоком понимании всей диалектики взаимодействия «своего» и «не-своего», в убедительных доказательствах того, что в такой ситуации приобретает, а что теряет человек. Кстати, эту проблему поднимал в своих произведениях и А. Пушкин. Это детально раскрывает В. Мусий в монографии «Образ “своего”, “иного”, “чужого” в русской прозе первой половины XIX века» (2011), в разделе «Оппозиция “свое – чужое – иное” как проявление социальных противоречий» [Мусий 2011: 63-67], где, в частности, доказано, что «исследование концептосферы дает возможность судить о человеке в произведениях А.С. Пушкина с точки зрения особенностей его ментальности, в том числе и переживании им угрозы по отношению к «своему» со стороны «чужого» [Мусий 2011: 63-67]. Вот перед такой угрозой оказался и Н. Гоголь, о чем говорится в эссе Е. Сверстюка «Міт про Гоголя і Пушкіна». Опираясь на факты, украинский ученый доказывает, что Н. Гоголь, не отрекаясь от А. Пушкина, до конца своих дней оставался самим собою: «И багато хто, – пишет Е. Сверстюк, – задумався над тим, що між Гоголем і Пушкіним ніколи не було глибокої духовної спільності – чи то в розумінні спілної історичної пам’яті, чи то в сенсі релігійному, чи в сенсі житейсько-побутовому? Історична пам’ять була різною…» («Многие задумывались над тем, что между Гоголем и Пушкиным никогда не было глубокой духовной общности – ни в понимании общей исторической памяти, ни в смысле религиозном, ни в смысле житейско-бытовом») [Сверстюк 2015: 222].

Уже только само название книги Е. Сверстюка: «Гоголь і українська ніч» дает возможность острее ощутить ту печаль и тоску по родному краю, которая у Н. Гоголя скрыта в подтексте, а у

Л. Каравелова высказана открыто и откровенно. Отсюда и существенные различия в поэтике. Говоря о Н. Гоголе, следует отметить, что его образность в изображении украинской ночи способствует зарождению интенций философского плана, которыми креативный реципиент обогащает метатекстовое пространство гоголевского текста, образуя тем самым широкое диалогическое поле, куда проникают и голоса иных мастеров, таких, как Куинджи с его картиной «Ночь на Днепре».

Сопоставление повести «Българи от старо време» с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», а также и с поэмой «Мертвые души» и другими произведениями Н. Гоголя, доказывает, что русским и украинским писателем – а Н. Гоголь является именно таким – открыты новые продуктивные нарративные структуры. Эти открытия носять не частный характер, они позволяют последующим поколениям художников, в том числе и принадлежащим культурам иных народов, опираясь на гоголевскую нарративную стратегию – через бытовые явления, отдельный – иногда комический – эпизод, пейзаж и другие структуро- и смыслообразующие элементы, – создавать яркие социально- и философско-значимые картины, раскрывать сущность острых конфликтов и решать те национальные задачи, которые ставит перед ними историческое время.

Когда болгарские литературоведы – П. Динеков [Динеков 1969], П. Тотев [Тотев 1977: 3-14] и другие – утверждают, что Н. Гоголь был школой для Л. Каравелова, они, не забывая подчеркнуть каравеловскую оригинальность, все же недостаточно освещают в его художественной системе конкретные проявления творческого наследования.

В свое время Н. Гоголь писал об А. Пушкине: «Все сочинения его – полный арсенал орудий поэта. Ступай туда, выбери себе всяк по руке и выходи с ним на битву...» [Гоголь 1959, 6: 175]. Сказанное характеризует и гоголевское наследие, которое стало настоящим арсеналом способов и приемом для многих писателей, в том числе и для Л. Каравелова. Еще в школьных учебниках в начале XX века Н. Гоголь – в отличие от А. Пушкина – был представлен *как изобразитель темной стороны действительности, ее отрицательных явлений* [Незеленов 1914: 180]. Подобные суждения, хотя и поверхностно, все ж таки уже и тогда направляли реципиента на диалогическое восприятие художественной мысли Н. Гоголя, на ту действительность, которая была смоделирована писателем разнообразными средствами художественной изобразительности. Одним из наэффективнейших приемов явился смыслообразующий гоголевский прием игры *света* и *тьмы,* чем и восполь-

зовался Л. Каравелов для достижения своей собственной цели. В поэме «Мертвые души» Н. Гоголь, прибегая к контрастному освещению, столкновению *света* и *тьмы,* а также цветов *черного и белого* и алогичных эпитетов-гипербол (*бесконечно широкие* улицы; *озаренные тощим* освещением), создает многоуровневую по смыслу картину – приезд Чичикова к губернатору: «*...покатился он в собственном экипаже по бесконечно широким улицам, озаренным тощим освещением из кое-где мелькавших окон. Впрочем, губернаторский дом был так освещен, хоть бы и для бала; коляски с фонарями, перед подъездом два жандарма, форейторские крики вдали – словом, всё как нужно. Вошедший в зал Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Все было залито светом. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде... <...> так же, как и в Петербурге*» [Гоголь 1959, 5: 14]. Как видим, писатель постоянно подчеркивает интенсивность освещения, что и становится ключом к раскрытию разных уровней содержания – текстового, подтекстового и метатекстового.

Первый уровень – непосредственное описание типического губернского города, его ночного пейзажа, изображение контрастов жизни, паразитического существования чиновников и помещиков – всех, кто собрался в губернаторском доме. Картина в целом представляет собой своеобразную метонимию, которая служит основанием для аллюзий, позволяющих проникнуть во второй уровень текста, в глубины его обобщающего содержания, когда ассоциативно возникает образ Русской империи. Организация хронотопа: *бесконечно широкие* улицы вызывают в воображении бескрайний, поглощенный тьмою *(озаренный тощим освещением из кое-где мелькавших окон)* простор великой державы, а где-то на ее краю, как ситющий остров *(блеск ... страшный. Все... залито светом),* – Петербург. Эти аллюзии подкрепляются прямым указаним – сравнением: «*так же, как и в Петербурге*».

Л. Каравелов, выбирая гоголевский способ передачи сложного содержания, в котором глубина мысли переплетается с ярко выраженной эмоциональностью, путем солнечного освещения создает образ прекрасной Болгарии: *«И вот перед нами Копривщица. Южное солнце оживило балканскую природу, принеся ей запоздалую весну. Утро. Все село залито светом. День праздничный. Роса еще лежит на траве, блестя, словно крупный жемчуг. <...> Солнце катится весело...»* [Каравелов 1977: 43]. Представление о солнечном крае возникает благодаря описанию одной части Болгарии – *Копривщицы*, где сияют счастьем

лишь леса и горы, которые «как бы созданы для его (человека. – Л.О.) блаженства», тогда как сам «человек, видя, как радостно, хорошо вокруг, молится, полный надежды, что и его убогая, тяжкая жизнь со временем станет такой же, как эта природа» [Каравелов 1977: 43]. Л. Каравелов, как и Н. Гоголь, усиливая интенсивность света, оттеняет тем самым тяжелую жизнь народа. Однако болгарский писатель не только по-своему – через эпические и лирические образы – передает контрасты действительности, но и иначе структурирует семантическое поле напряжения лексемы *свет*.

Н. Гоголь, создавая многоуровневый и многоплановый текст, в центр семантического поля напряжения ставит лексему *освещение*, отодвинув на маргинесы центральное понятие – *свет*. У него на первом плане контекстуальные синонимы, которые являются основными координатами темы: *искорка – озаренный – страшный блеск – сверкающий* и другие. Децентрализация лексеми *свет* придает ей статус обобщенного смещенного фокуса, к которому сходятся все нити смыслов. *Свет* предстает как явление физическое, которое в развитии образной системы приобретает метафорическое значение – *света* знаний, понимания и осмысления жизни.

Л. Каравелов, наследуя Н. Гоголя, действует почти также, у него нет слова *осветление*, хотя это понятие доминирует как явление благодаря контекстуально-синонимичному ряду: *сльице* (солнце) – *свет* – *празникен ден* (праздничный день) – *блестя* (блестеть) и так далее. *Свет* тоже является итоговым словом, однако оно не занимает маргинальной позиции, а пребывает в центре и притягивает к себе значения свои, раскрывая мечту про счастливую жизнь. Прием тот же самый, но он служит выражению другого смысла, в том числе и эмоционального. У Л. Каравелова в приведенном тут фрагменте взгляд не сатирический, что наблюдается в гоголевском тексте. Как верно акцентировал Петко Тотев: «У Гоголя Каравелов вдохновенно учился бескомпромиссности по отношению ко всему консервативному в быту и в обществе. Но в то время – это тоже нельзя забывать – он приехал из маленькой *Копривштицы,* оказался вдали от родного края, и боль первой юношеской ностальгии помогла ему понять, что нельзя одним махом, необдуманно и безнаказанно зачеркивать все в старом быте и традициях своего народа – болгар старого времени» [Тотев 1977: 5-14]. И хотя в целом повесть «Българи от старо време» носит сатирический и юмористический характер, ее особенность состоит в том, что в ней «сатира ... неотделима от того очарования, которое присуще всему прекрасному в быте и ду-

шевном складе болгарина, в его веками складывавшейся этической и эстетической традиции, эти противоположности существуют в единстве» [Тотев 1977: 5-14].

Всесторонне освещая конфликт отцов и детей – в поле зрения художника находятся и взаимотношения, и природная наследственность – Л. Каравелов вновь выбирает для решения этой сложной и вечной проблемы гоголевскую нарративную стратегию, поставив в центр сюжета фигуры Хаджи Генчо и дедушки Либена.

Болгарский писатель сознательно пошел на создание «эпичного дублета»* *(термин А. Веселовского).* Это обусловлено тем, что уже та самая *структура* сюжета «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» нового его развития, до внесения в него болгарского национального элемента и раскрывала широкие возможности для воплощения каравеловского замысла. Как и Н. Гоголь, Л. Каравелов создает характеристики своих персонажей – Хаджи Генчо и дедушки Либена – по принципу алогичности, что и создает комический эффект. Типология приема четко прослеживается в процессе сопоставления гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» с повестью Л. Каравелова «Българи от старо време».

Н. Гоголь: *Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. <...> Прекрасный человек Иван Иванович! Его знает и комиссар полтавский!* [Гоголь 1959, 2: 196].

Л. Каравелов: *«Хаджи Генчо е такъв един българин, какъвто се рядко ражда и на Еньовден: такъв човек ти не можеш намери ни в Ингелизко. Хаджи Генчо е твърде почтен човек, твърде добър, много учен и разумен... <...> Е, например попитай го:*

– Дядо Хаджи, а дека живее дяволът?

– В Тартара! – ще да отговори важно» [Каравелов URL].

(«Хаджи Генчо – болгарин, каких мало; такого человека и в Англии не сыщешь. Генчо – весьма почтенный человек, превосходный человек, ученый, умный, он все знает ... <... > Спросите у него, например: “Дедушка Хаджи, где дьявол живет?” – “В преисподней”, – важно ответит он...») [Каравелов 1977: 18].

«И така, Хаджи Генчо пее на певницата. А как пее тоя Хаджи Генчо – за чудо и за приказ! “Господи, возвах тебе” – извика така сладко и така умилно, щото всеки верующи опули очи, раззине уста и слуша с благоговение и със страх божи.

– Ако тоя Хаджи Генчо да не пееше малко с носа си като грък, то и глухите би се събрали да го слушат…» [Каравелов URL].

(«.. Хаджи Генчо поет на клиросе. Ах, как поет этот Хаджи Генчо! Ну просто чудо! <...>.

– Если б Хаджи Генчо не гнусавил немного ...то даже глухие и те приходили бы его слушать») [Каравелов 1977: 18].

Необходимо отметить, что Л. Каравелов, трансформируя интертекст, так стимулирует креативные способности информированного реципиента, что он сам, схватывая элиминированный смысл, может в своем воображении сопоставить гоголевские типы с болгарскими. Пор.:

Л. Каравелов: *«На свети Харалампия, през деня, в 1841 година аз отрязах опашката на моя котурак и нарекох ему име Бундук. Аз Хаджи Генчо, милостию божию учител в Коприщица»* [Каравелов URL] (На святого Харлампия, в 1841 году, отрезал я хвост у своего кота и дал коту имя Бундук. Я, Хаджи Генчо, милостью божией учитель в Копривщице») [Каравелов 1977: 22].

Н. Гоголь: *«Как только отобедает ... велит Галке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберет семена в особую бумажку и начнет кушать. Потом велит Галке принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами "Сия дыня съедена такого-то числа" – Если при этом был какой-нибудь гость, то: "участвовал такой-то"»* [Гоголь 1959, 2: 196].

Присутствие в подтексте повести «Българи от старо време» гоголевского персонажа, усиливая сатирическую направленность произведения Л. Каравелова, подчеркивает «псевдоисторизм» Хаджи Генчо.

Хаджи Генчо напоминает и Плюшкина (частино и шедринского Иудушку): *«…Хаджи Генчо не всякога разделява своя залък със своя котурак – той понякогаж го храни с бял, а в празник с чер дроб. Тоя дроб той взема от един касапин за дар, защото учи сина му Нонча да чете велико повечерие и да пише рокам. Хаджи Генчо никога не дозволява на жената си и на децата си да участвуват на неговата трапеза; тия ядат отделно и ядат ръжен хляб и сухо бито сирене, из което маслото или хранителните частици са били извадени още тогава, преди то да захване да се нарича сирене»* [Каравелов URL].

(«... Хаджи Генчо не всегда делился с котом говядиной: иногда он кормит его легким, а по праздникам печенкой, взятой даром у мясника, сынка которого, Генчо. Он учит читать в церкви и составлять счета, Хаджи Генчо никогда не позволяет участвовать в своей трапезе жене

и детям, они едят отдельно, питаясь ржаным хлебом да сухой брынзой, из которой, прежде чем она стала называться брынзой, были удалены жиры и вообще все питательные зяемеиты») [Каравелов 1977: 22].

Очевидно, что писатель, опираясь на тезаурус реципиента / сотворца, выстраивает цепь типов: *гоголевский Плюшкин – щедринский Иудушка – каравеловский Генчо*, – где гоголевский тип выступает как инвариант (прототип типов), а остальные – его национальными и инонациональными вариантами. Сопоставляя Генчо с Плюшкиным и Иудушкою, Л. Каравелов тем самым подчеркивал не только их подобие, но и своеобразие свого персонажа, иными словами – инобытие общечеловеческого типа.

Н. Гоголь – фигура исключительная: он основательно потряс основы привычного взгляда на мир и был способен изменить ход литературного процесса не только в Росии, о чем и писал в свое время Н. Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода». Писатель сотворил такие типы, которые наравне с Алкменою и Амфитрионом, Едипом, Фаустом и Дон Жуаном приобретают статус *вечных* и *мировых* (разделение А. Минаковой) и становятся инвариантами многочисленных вариантов – один из них, например, образ неразлучной «пары» – Добчинского и Бобчинского – в повести В. Астафьева «Печальный детектив» (1986). Можно утверждать, что Н. Гоголь, обогатив палитру мастерства, создал благоприятные условия для дальнейшего развития возможностей разработанных им художественных приемов – уже творческое наследие Л. Каравелова убеждает в справедливости сказанного. Однако эта правда будет выглядеть поверхностною, если не учитывать их специфику. А особенность гоголевских приемов состоит в том, что по сути своей они уподоблены своеобразным формулам, которые выражают законы духовной и физической *жизни.* Вот почему там, где появлялся Н. Гоголь, литературный процесс так или иначе обычно менял свое обличие, что и произошло с приходом Л. Каравелова в художественной литературе Болгарии.

Л. Каравелов был тем одним из учеников Н. Гоголя, который, взяв гоголевский сюжет «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» за прасюжет, успешно использовал возможности открытых Н. Гоголем *формул-приемов, изображая с их помощью грани иной*, болгарской действительности, создавая колоритные типы своего народа.

С Н. Гоголем Л. Каравелова сближают и принципы структурирования текста, что определяется не только объединением сатиры с юмором и лиризмом, но и характером лирического пафоса. Суть которого заключается

в жажде воли, а способом выражения служит хронотоп дороги и стремительное движение по ней, что и символизирует свободу. Передавая скорость движения, оба писателя опирались на национальный менталитет, специфику художественного мышления, а также на фольклорную образность или обычаи, хотя Л. Каравелов ориентируется и на иные факторы, чем Н. Гоголь.

Н. Гоголь создал уникальный образ *птицы-тройки*, удачно сочетая актуализированный в украинском художественном сознании образ птицы как символа свободы с доминирующим в русском сознании образом *тройки,* выражающей удаль и бесшабашность натуры, ее широту. Л. Каравелов же иными способами передает динамичность сцены похищения невесты, подчеркивая тем самым выявление выросшей в рабстве молодежью своей решимости, неудержимость энергии и стремление к свободе:

«– А де щеме ние да идеме, Павлине?

– Ние ще да идеме в Пловдив при леля Стойка и там ще да се венчееме… Когато ние се венчееме, то баща ти няма над тебе никаква власт. Знаеш ли ти това? Ние ще да бъдеме вече мъж и жена! <…>

– Баща ми и кумът ми.

Дядо Либен посрещнал сина... и рекъл:

– Е, хайдете сега да вървиме, а то скоро ще да бъде погоня. Ех, младост, ех, сърце, и ти някога си тупкало сърчено в гърдите ми!

С тия думи дядо Либен седнал на коня <…> Лила с помощта на Павлина се качила на коня и вземала в ръцете дизгините – и скоро конската тупурдия изчезнала и оставила и града, и манастира» [Каравелов URL].

(« – Куда лее мы едем, Павлин?

– В Пловдив, к тете Стойке. Там мы обвенчаемся, и тогда отец твой потеряет на тебя все права. Понимаешь? Мы уже будем муж и жена. <...>

– ... Ну, едем скорей!

Дедушка Либен... обнял их и сказал:

– Скорей, скорей, того а гляди, погоня! Эх, молодость! Эх, мое сердце! Ведь ты когда-то сильно билось у меня в груди.

С этими словами дедушка Либен сел на коня. <… > Лила с помощью Павлина вскочила на лошадь, взяла в руки поводья, и скоро вся кавалькада исчезла, оставив далеко позади и монастырь, и город») [Каравелов 1977: 137-138].

Текстовый анализ повести Л. Каравелова “Българи от старо време” свидетельствует о том, что продуктивность гоголевских открытий тре-

бует более глубокого осмысления, чем это сделано сегодня. Нельзя не согласиться с писателем В. Астафьевым, который писал в статье “Не лишний багаж – благородное сердце”: «Сегодня Гоголь – мой кумир... Огромный писатель, <…> многими, думаю, и не прочитанный как следует». И добавим: как мировое явление с точки зрения нашей современности.

Литература

Андреев В.Д. История болгарской литературы. М.: Высш. школа, 1978. 320 с.

Астафьев В.П. «Не лишний багаж – благородное сердце» // Литературная газета. 1986. 5 января.

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1959.

Динеков П. «Българи от старо време» // Очерци за български писатели. София: Български писател, 1969. Част 1. С. 362-372.

Каравелов Л. Българи от старо време // URL: https://www.rulit.me/.../blgari-ot-staro-vreme.

Каравелов Л. Болгары старого времени. М.: Худож. лит., 1977. 142 с.

Мусий В.Б. Образ «Своего», «иного», «чужого» в русской прозе первой половины XIX века. Одесса: Астропринт, 2011. 168 с.

Незеленов А. И. История русской словесности для средних учебных заведений Изд. 19. М.: Изд-во Товарищества В.В. Думмовъ, насл. бр. Салаевыхъ, 1914. Ч. II. 281 с.

Очерци за Български писател. София: Български писател, 1969. Част 1. 450 с.

Сверстюк Є. О. Гоголь і українська ніч: єсеї. К.: ТОВ «Вид. “Кліо”», 2015. 768 с.

Тотев П. Вечная молодость «Болгар старого времени» // Каравелов Л. Болгары старого времени. М.: Худож. лит., 1977. С. 5-14.

Oliander L.K. Poetics of N.V. Gogol: the structure and the narrative organisation of the text in the short novel “Old Time Bulgarians” by L. Karavelov

The article deals with the narrative structures that were once discovered by N.V. Gogol and their influence on the next generation of writers. Among them is the Bulgarian prose writer L. Karavelov. Following the Gogolian traditions can be seen from his use of specific narrative strategies, which let Karavelov draw really grand and bright pictures of social and philosophical character. The researcher gives the detailed analysis of his short novel “Old Time Bulgarians” and its connections with the literary works by N.V. Gogol.

Key words: the Russian literature of the XIX-th century, the Gogolian traditions, the Bulgarian literature of the XIX-th century, prose by L.N. Karavelov.

УДК 821.161.1.09Gogol', N.V.:821.163.41.09 Andriж I.

З. Шолак

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ, ИВО АНДРИЧ И ДРУГИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ: ОБЗОР ЭЛЕМЕНТОВ ТЕХНИКИ ПОВЕСТВОВАНИЯ

В работе рассматриваются примеры из произведений Ивы Андрича и других южнославянских писателей конца XIX – первой половины XX века с целью их сравнения с примерами из произведений Николая Гоголя, чтобы показать похожие характеристики выбранных элементов техники повествования: имя героя и его портрет, модели сравнения, перечисления и другие.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, южнославянские писатели, И. Андрич, техника повествования.

Введение

Когда речь идет о произведении Николая Гоголя (1809–1852) и о влиянии этого произведения на южнославянскую литературу конца XIX и начала XX века, существует общее согласие авторов, пишущих об этом очень сильном влиянии. Такую оценку давно высказал Йован Скерлич (1877–1914), оценивая развитие сербской литературы в этом периоде и выделяя, что: «под влиянием Гоголя и Тургенева вырос в Сербии реалистический рассказ» [Скерлич 414]. Похожие оценки существуют относительно влияния произведений Гоголя на хорватскую литературу [Бадалич 1972: 223-256]. Есть большинство опубликованных трудов, в которых произведение Гоголя связанно с произведениями южнославянских писателей [Милидрагович 1975; Попович 2010; Вулетич 1976; Сартаков 2017]. В сборнике «Н.В. Гоголь и славянские литературы» [Будагова 2012] большинство авторов опубликовали свои труды по этой теме, представлены авторы: И.И. Калиганов; М.Г. Смольянинова, С.Н. Мещеряков, Т.И. Чепелевская, А.Г. Шешкен, Л. Капушевская-Дракулевская, В. Мойсова-Чепишевская. Когда говорится о сербской литературе на основании того, что до сих пор написано в рамках науки о литературе и литературной критике, можно сказать, что отношение Скерлича «о сильном влиянии» многократно подтверждено. Считается, что существует высокое согласие русских и сербских славистов о том, что речь идет об «огромном влиянии на развитие сербской литературы» [Сартаков 2017: 143].

В этой статье мы имеем в виду прозу южнославянских писателей, рассказы и романы, т.е. произведения южнославянских писателей, которые созданы перед Первой мировой войной. Мы обращаем внимание на технику повествования, на элементы техники, используемые в небольших текстах. Мы имеем в виду прежде всего одно предложение или несколько стоящих рядом предложений.

1. Имя героя и его внешние характеристики

Повествование о некотором событии часто начинается сообщениями, в которых писатель приводит имена героев и некоторые их особенности. Примеры в таблице 1 относятся на ввод героя, приведение его личного имени и сообщения о его внешнем виде. В левой колонке примеры из произведения Гоголя, а в правой, из произведения Ивы Андрича (аналогично показано и в других таблицах в настоящей статье: пример из произведения Гоголя расположен в левой, а пример из произведения южнославянских писателей – в правой колонке таблицы).

Таблица 1

Произведения Николая Гоголя и Ивы Андрича

Николай Гоголь	Иво Андрич
(1) Имя его было **Акакий Акакиевич**. [...] Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий. Таким образом и произошел **Акакий Акакиевич** [Гоголь 2014: 144]	(1є) Taj **Ђорђе Ђорђевић** наследио је од свог деде, који се такође звао **Ђорђе Ђорђевић** do savrљenstva razvijenu vrlinu – opreznost [Андрич 2017: 757]
(2) его [Акакия Акакиевича] видели все на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же **чиновником для письма** [Гоголь 2014: 145]	(2є) Zavrљio je studije i zaposleo **nekoliko godina kao pisar** u Ministarstvu pravde. […] I **Porpe Porpević** je napravio osrednju karijeru […] [Андрич 2017: 758][a]
(3) В бричке сидел господин, **не красавец**, но и **не дурной наружности**, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы **стар**, однако ж и **не так**, чтобы слишком **молод** [Гоголь 2009а: 11]	(3є) Једне јесени [...] наишао у хан неки странац**. Ни стар ни млад, ни ружан ни леп**, средњих година и средњег стаса, ћутљив а осмејхује се само очима [Андрич 2014: 424]

Примечание: а – Перевод на русский в примечании (1) в конце статьи.
1 и 2 – *Шинель*, 3 – *Мертвые души*; 1є и 2є – *Џорџже Џорџевич* 3є – *Мост на Дрине* (Выделение добавлено оригинальному тексту. – З.Ш. И другие таблицы в тексте выстроены по этому же принципу).

В примерах 1 и 1є приведены личные имена, а в примерах 2 и 2є сообщается об их профессии. В рассказе *Джордже Джорджевич* (1960), пример 1є, Андрич показывет отношение человека к неизвестности и риску. А Джордже, являясь главным героем в этом рассказе, руководствуется прежде всего осторожностью к будущим событиям с возможными рисковыми исходами. Читатель рассказа Андрича уже с начала в главном герое Джорджевиче узнает типичного представителя людей, несклонных к риску. Давая имя и фамилию типичному представителю, писатель поступил как делается в подобных обстоятельствах и в ежедневном разговоре (В Сербии говорят и «Янко Янкович»). Впечатление такое, что как бы вопрос о типичном представителе усилен сообщением, что у дедушки и внука то же самое имя и фамилия – и та же самая характеристика: осторожность и, что их вместе одного с другим отличала, подчеркнутая несклонность к риску.

Вместе с наименованием главного образа, между рассказом *Шинель* Гоголя и рассказом *Джордже Джорджевич* Андрича, существуют еще некоторые аналогии. В примерах 2 и 2є видно, что они занимались одним и тем же делом: они писари. Гоголь в своем рассказе описал событие из жизни подчиненного человека, а Андрич описал то, что происходило с человеком, который, руководствуясь принципами осторожности, устраивал свою жизнь. В выборах Акакия и Джорджа при принятии важных решений в жизни есть что-то похожее. Критиками обычно подчеркивалось, что Акакий «маленький человек в большом городе». Это можно отнести и к Джордже Джорджевич Андрича. Это люди, которые упускали возможности в своей жизни, когда они появлялись. Но таким отношением к жизни не смогли себя сберечь и защитить: и Акакий и Джордже пострадали на улице вследствие случайности.

Когда речь идет о приведении примера похожего на пример 1, важно напомнить и произведения других писателей, особенно замечание подобного использования в произведениях писателей сербской и хорватской сферах речи. Сербский писатель Милутин Ускокович (1884–1915) имя Джордже Джорджевич дал главному герою рассказа *Пьяница* (1913). Один комментарий из рассказа *Смерть Еремии Еремича* указывает на то, что вопрос тут об обыкновенном человеке: главный герой также маленький человек из великого города, Белградец, который живет подобно многим другим “Не привлекая ничье внимание” [Ускокович 1996: 205].

Светолик Ранкович (1863–1899) учился в Киеве и хорошо знал русскую литературу этого времени. В его рассказе *В XXI веке* (1895) возникают герои «Никола Николич» и «Любомир Любичич». Милован Глишич (1847–1908) переводил Гоголя. Он дал одному герою, капитану в рассказе *Голова сахару* (1875) имя «Яков Яковлевич». Существуют и другие рассказы, в которых героям выбраны и даны личные имена по модели «Акакий Акакиевич». Таким способом поступили, например, Янко Веселинович (1862–1905) в рассказе *Пионер* (1890), где появляется герой «Милан Миланович», а Велько Миличевич (1886–1929), автор рассказа *Мертвая жизнь* (1903), в котором «Дамьян Дамьянович» является главным героем.

Характеристики, которые в примерах 3 и 3є даются героям, приведены в самом их представлении. В *Мертвых душах* Гоголь в начале романа начал повествование описанием действия, в котором принимает участие Чичиков, герой о чьем виде читатель получает недостаточную информацию. Видно, что подобным образом поступил и Иво Андрич, описывая героя иностранца в двенадцатой главе романа *Мост на Дрине* (1945). Вводя многие образы, Андрич в своем произведении подробно описывал их наружность и тактику. Такая подробность выражалась, если герой имеет значительную долю в описываемом событии. В описании азартной карточной игры на мосту, вводя образ иностранца (пример 3є) он поступил, однако, по другому: пользуясь совсем простым действием, привел информацию, которая относится к способу игры иностранца, и его тактику во время игры, но не написал о его чертах лица, внешнем виде, о том, кто он на самом деле, какие его намерения, откуда он, кто он по профессии. Этот герой подробно описан, когда речь идет о его поведении в игре, но остался недостаточно определен во всему другом. (После того как Гласинчанин, картежничая всю ночь, при луне, на мосту, все потерял и получил предложение от соперника в игре, иностранца: играть на все. В последней игре он рисковал на то, единственное что ему осталось – свою жизнь. Потерял он и эту игру, и соответственно договору, надо было ему прыгнуть с моста в глубокую реку, но, к счастью, запели петухи, и соперник-иностранец «лопнул как мыльный пузырь»).

Читатель имеет перед собою туманное представление об иностранце, но ясное представление о его способе игры. Такой метод введения героя на прямую связан с его ролю, предназначенной этому герою в романе. Сам герой своими внешними особенностями затенил главную тему: повествование об азартной игре и зле, которое может

постигнуть того, кто тому пороку подчиняется. Описана сама игра двух игроков без наблюдателя. Сжатыми сообщениями о носителе действия, об иностранце, о недостаточном определении того образа дано повествование, которое в той главе романа происходит: реалистично-фан-тастично-реалистично. В утверждение Гласинчанина, которое он доверил священнику и двум друзьям, что в той ночи играл с самим дьяволом, – никто ему не верил (в этом описании азартной игры в романе *Мост на Дрине* можно провести параллель с другими русскими произведениями, не только с *Мертвыми душами* Гоголя, но и с романом *Герой нашего времени* и описанием азартной игры, в которой принимает участие Вулич [Лермонтов 1977: 152], а также и с описанием азартной игры Толстого [Толстой 2011: 362].

2. Взгляд на выбранные сравнения

Сильное сравнение можно узнать по его роли в рассказе в целом. В примерах в первых двух рядах в таблице 2 мы видим, что использован тот же самый эталон сравнения: печеное яблоко. Перед именем существительным находится определение, которое важно для сравнения. Определение «выпечен» перед эталоном содействовал тому, чтобы читатель получил сильное впечатление от наружности лица человека, о котором идет повествование. Сравнение в примере 1є сильное, потому что оно очень значительно для рассказа в целом. Известно, что в некоторых случаях для понимания одного сравнения необходимо смотреть широкий контекст, в котором оно появляется. Когда мы говорим о примере 1є, широкий контекст – это рассказ в целом *Туловище* Андрича. В новых статьях русских авторов мы находим обзоры об этом рассказе [Евгеньевна 2016: 24-25]. Живописное описание лица дополнено изображением состояния, в котором находится все, искаженное и искалеченное тело Челеби-Гафиза. Нынешнее состояние лица Гафиза в соответствии со способом, каким ему повреждение нанесено: горящим факелом по лицу. А такую свирепость, опять, читатель понимает как возмездие и месть тех, кому сам Гафиз раньше принес много зла. Сравнение лица Гафиза с корой печеных яблок имеет существенное значение для рассказа *Туловище*. Из-за этого сравнение лица человека с кожурой печеных яблок в примере 1є можно считать сильным. Такое сравнение использовал и Ранкович в рассказе *Звонарь*.

Таблица 2

Произведения: Гоголь, Тургенев, Андрич, Ранкович

Гоголь, Тургенев	Андрич, Ранкович
(1) старуха, **с лицом**, сморщившимся, **как печеное яблоко**, вся согнутая [Гоголь 2009b: 64]	(1є) Кад се окрене овамо пут сахаткуле, онда му боље назирем лице и видим да је **као спечена јабука** [Андрич 2017: 277]
(2) старичок [...] с пухлым и в то же время сморщенным **личиком вроде печеного яблока** [Тургенев 1980, 4: 391]	(2) Лице му је **као печена јабука**, а из њега му штркља ретка проседа брада [Ранкович 1952c: 386]
(3) Гуляет, пьянствует и вдруг **пропадет, как в воду**, и слуху нет. (4) […] Басаврюк **пропал, как в воду**? [Гоголь 2009c: 57, 80]	(3є) – **Пропаде човјек као у мутну воду –** говори газда Никола дубоким, храпавим гласом [Андрич 2017: 209]

1 и 2 – *Шинель,* 2 – *Затишье*; 3 и 4 – *Вечер накануне Ивана Купала*, 1є – *Туловище*, 2є – *Звонарь*, 3є – *Времена Аники*

Модель *как человек, который* представлен в таблице 3 тремя выбранными примерами в левой колонке таблицы из произведений Гоголя, и тем же самым количеством примеров в правой колонке из произведений южнославянских писателей. Исследовав эту модель, мы собрали большинство примеров из произведениий южнославянских писателей, которые публиковались во второй половине XIX и в первых десятилетиях XX века, и мы убедились, что ее (т.е. модели) употребление было распространено. К популярности этой модели привело применение образа, которым эта модель отличается: после выражения *как человек, который* писатель описывает наружность, какое-то поведение или психологическое состояние, а потом такого человека использует эталоном сравнения пока описывает героя из своего произведения в какой-то ситуации. Для всех примеров в таблице 3 характерно длинное предложение как одно из отличий самой модели сравнения.

Таблица 3

Произведения: Гоголь, Цанкар, Андрич, Ранкович

Гоголь	Цанкар, Андрич, Ранкович
(1) Он сделался как-то живее, даже тверже характером**, как человек, который** уже определил и поставил себе цель [Гоголь 2014: 158]	(1є) In pospeљil je korake, **kakor ılovek, ki** je zagledal cilj (2є) љel je mirno v ravni smeri proti farovћu, **kakor ılovek, ki** vidi svoj cilj [Цанкар 1972a: 24; 1972b: 174]
(2) не выразив на лице своем ни малейшего движения досады, **как человек, которому** решительно все равно, сидеть ли дома или тащиться из дому [Гоголь 2009c: 148]	(3є) Хтио је д продужи тај час без мисли и жеље, да што боље отпочине, **као човјек ком** је дан само кратак одмор и коме ваља даље путовати [Андрић 2017: 28]
(3) стоял неподвижно [...] **как человек, который** весело вышел на улицу с тем, чтобы прогуляться [Гоголь 2009b: 238]	(4є) Кад сврши игру, он се диже полако, **као човек који** не зна куд ће, па се упути улицом [Ранковић 1974: 242]

1 – *Шинель*, 2 – *Ночь перед Рождеством,* 3 – *Мертвые души*; 1є– – *Poslednji dnevi Љtefana Poljanca*, 2є – *Polikarp,* 3є – *Путь Алии Джерзелеза,* 4є – *Горский царь*

В месте, в котором в примерах таблицы 4 употребляется имя существительное «человек», писатели используют и некоторое другое существительное, обозначающее профессии, личное имя. На этом месте можно найти и имена существительные «растение», «животное», также и названия растений и животных, как и другие существительные, которыми обозначаются нематериальные объекты. В примерах 1, 1є и 2є сказано *крестьянин*.

Таблица 4

Произведения: Гоголь и южнословянские писатели

Николай Гоголь	южнословянские писатели
(1) Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный черт припустил бежать, **как мужик, которого** только что выпарил заседатель [Гоголь 2009c: 201]	(1є) набраја, **као сељак који** је нешто продао и купио, па не може да састави рачуне. (Якшич 1950: 258); (2є) **Као сељак који** болује [Андрич 2017: 161]

Николай Гоголь	южнословянские писатели
(2) он бы, верно, развился так же вольно, широко и ярко, ярко, **как растение, которое** выносят наконец из комнаты на чистый воздух [Гоголь 2012: 16]	(3є) […] за Босну […] човек страда и гине, а и онај који је поштеђен од тога увлачи се у себе и смањује **као биљка која** вене [Андрич 2018: 715]
(3) Вот он совой такой вышел с крыльца, **как пудель,** понимаете, **которого** повар облил водой [Гоголь 2009а: 290]	(4є) Било му је као птици коју пустиш у зрак, било му је као псетанцу које бацише у воду [Шеноа 1983: 195]
(4) […] зажмурил глаза, **как кот, у которого** слегка пощекотали за ушами пальцем [Гоголь 2009а: 40]	(5є) промењена лица и полузатворених очију као мачкица коју милују [Ускоковић 1996: 173]
(5) […] майор Ковалев дернул головою, **как конь, которому** смотрят в зубы [Гоголь 2012: 70]	(6є) Исаковић [...] се, пре, кретао, као коњ, којег јашу, на команде немецке [Црнянски 202: 456]
(6) […] так боязливо, **как кошка, которую** только-что высекли за кражу сала [Гоголь 2012: 74]	(7є) Изгледао је као мачак, који се згодно више мишје рупе наместио [Якшич 1978: 82]

1 – *Ночь перед Рождеством,* 2 – *Невский проспект*, 3 и 4 – *Мертвые души*; 5 и 6 – *Нос*; 1є – *Белый домик*, 2є – *Травницкая хроника*, 3є – *Омерпаша Латас*, 4є – *Нищий Лука*; 5є – *Вторая книга Переселении*, 6є – *Кривосечка механа*

3. Модели перечисления

В рассказе *Страшная месть* Гоголя появляется простое перечисление: (1) *Черты его, брови, глаза, губы – все незнакомое ему* (Гоголь 2009: 243). Знак «–» делит предложение на две части. В первой части приведены элементы перечисления группы, а в другой – общее в этих элементах. Речь идет о том, что находится в лице одного человека, которое незнакомое другим, о герое, принимающем участие в повествующем событии. Характеристики модели, о которых речь идет, ясно выражены в последующих двух примерах из рассказов *Портрет* и *Сорочинская ярмарка* (2):

(2) Шум, брань, мычание, блеяние, рев – **все** сливается в один нестройный говор. Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки – **все** ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. (3) Высокий двор, собаки, железные двери и затворы, дугообразные окна, сундуки, покрытые странными коврами, и, наконец, сам

необыкновенный хозяин, севший неподвижно перед ним, – **все** это произвело на него странное впечатление [Гоголь 2009: 18; 2014: 132].

В примере 2, в двух предложениях находящихся рядом, применяется модель. В первой части предложения кроме существительных, обозначающих элементы перечисляемой группы, не использованы другие слова. Во второй части предложения после «– все» приводится то, что общее в перечисленных элементах. Группа в первом предложении однородная, вопрос о чем-то, что является звуком. Во втором предложении предметом перечисления бывают совсем разнообразные элементы, люди, растения, предметы, и для них во второй части предложения подчеркнуты совместные характеристики. В примере 3 модель появляется в более развитой форме, и кроме существительных используются и определения, которыми приводятся индивидуальные отличия перечисляемых элементов. Вместе с такими характеристиками они становятся частью группы, чья совместная характеристика сообщается во второй части предложения, которая находится после «– все». В таблице 5 приводим еще семь примеров из произведений Гоголя, в которых перечисление происходит похожим способом (по модели) и такие же примеры из произведений южнославянских писателей.

Таблица 5

Произведения: Гоголь и южнославянские писатели

Николай Гоголь	южнославянские писатели
(1) гордость, обманутое честолюбие, разрушившиеся надежды – **все** соединилось вместе [Гоголь 2012: 126]	(1є) Прочуване, чест, слава, богатство огромно, власт – **всичко** из един път се струпаляше на плещите му [Вазов 1956: 333]
(2) Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы – **все** опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами […] [Гоголь 2009с: 16]	(2є) Небе, земя, село, дървета – **всичко** се е сляло в тъмен вртоп, който бучи, плющи и реве на различни гласове [Константинов https://chitanka.info/text]
(3) Ружье, собака, лошадь – **все** было предметом мены [...] [Гоголь 2009а: 103]	(3є) Suљo, povodenj, toиo, draginjo – **vse** je ће doћivela dolina љentflorjanska in ni godrnjala […] [Цанкар 1972с: 93]

Николай Гоголь	южнославянские писатели
(4) Стол, кресла, стулья – **все** было самого тяжелого и беспокойного свойства […] [Гоголь 2009а: 137]	(4є) Папир, стол и тинта – **све** ме то плаши и мучи ко библиотеке, школа и дисциплина [Полич Камов 1984: 315]
(5) Офицеры, дамы, фраки – **все** сделалось любезно, даже до приторности [Гоголь 2009а: 248]	(5є) Свештеници, војници, трговци, политичари, научници – **сви** су њени непријатељи […] [Андрич (2018: 155]
(6) Собственный дом, карета, лакей в богатой ливрее... – **все** это он никак не мог согласить с комнатою в четвертом этаже […] [Гоголь 2012: 22]	(6є) Војници, коњи, кола, деца, девојке, старице, старци – **сва** та чудна поворка комешала се горским путем […] [Шеноа 1983: 89]
(7) шум, говор и толпа людей, – **все** это было как-то чудно Акакию Акакиевичу [Гоголь 2012: 163]	(7є) Отац, мајка, браћа, снахе, синовци, синовице – **све** јада и нариче... [Веселинович 1983: 46]

1 – *Портрет*, 2 – *Сорочинская ярмарка*, 3, 4 и 5 – *Мертвые души*, 6 – *Невский проспект,* 7 – *Шинель*; 1є – *Златната планина,* 2є – *На широкия път,* 3є – *Zgodbe iz doline љentflorjanske,* 4є – *Сухая грязная лужа,* 5є – *Знаки вдоль дороги,* 6є – *Берегись сеньской руки,* 7є – *Гайдук Станко*

В части предложения, которое последует за словом «– все», Гоголь в некоторых примерах приводил простое отличие, высказывающее некоторое мнение об элементах перечисления, где в первой части предложения существует герой, замечающий все это: *все было ему ново, всѐ отвечало одно другому, все ему гадко, все было для него блистательно, все это навело на него порядочный испуг, всё это дунуло на него чем-то далеким, минувшим, всё это двигалось перед ним*. Здесь мы узнаем и примеры языковой экономии. Тут описывается ситуация, в которой герой оказался, пейзаж или атмосфера простым перечислением чем-то объединены, и эти перечисленные элементы находятся вместе, и таким способом они могут быть упомянуты в коротком описании, приведенном в том же самом предложении. Таким способом не делается дистанция по отношению к главному течению повествования, писатель не покидает главную нить повествования, не держит читателя в напряжении, которые подразумевают, что текст читается с усиленным влиянием, необходимым, если бы описание ситуации и атмосфера, в которой герой оказался, изложены были в более длинном тексте.

Модель, о которой здесь идет речь, использовалась также другими русскими писателями. Значительное число примеров мы выделили из произведений Батюшкова. В прежде опубликованном рассказе говорилось об употреблении модели в произведении Толстого [Шолак 2017]. Модель использовалась и Федором Достоевским (1826–1889), Михаилом Салтыковым-Щедриным (1826–1889) и Николаем Лесковым (1831–1895). Мы выделили большинство примеров из их произведений также. В последние десятилетия XIX века применение модели проявляется и в произведениях южнославянских писателей. Мы имеем в виду писателей из поколения, которому принадлежали Аугуст Шеноа (1838–1881), Анте Ковачич (1854–1889), Милован Глишич (1847–1908), Янко Веселинович (1862–1905), Светолик Ранкович (1863–1899), Михалаки Георгиев (1854–1916) и Иван Вазов (1850–1929). Трудно оценить, но можно уверенно предположить, что на южнославянских писателей, когда речь идет о применении модели, значительно повлияли произведения Гоголя, учитывая их популярность и переводимость (Тургенев несклонен к применению той модели перечисления).

4. Многократное повторение одного и того же слова и короткого выражения

Повторение одного и того же слова в тексте небольшой длины читатель легко замечает, читая с обыкновенным вниманием. В зависимости от места, на котором находится повторяющееся слово, которое оно может получить, и характеристики живописного повествования.

Таблица 6

Произведения Николая Гоголя и Ивы Андрича

Николай Гоголь	Иво Андрич
(1) **Он зевал** пред светлыми, легкими продавицами, […]. **Он глядел**, как заманчиво щегольские тонкие руки, […]. **Он зевал** и перед книжной лавкой, […]. **Он зевал** и перед машиной, которая одна занимала весь магазин […]. **Он зевал** перед лавками […]. **Он зевал** и на широких булеварах, царственно проходящих поперек весь тесный Париж […] [Гоголь 1938: 224]	(1є) Једно вече **сам видио** унутрашњост свих ствари. [...]. **Видио сам** једнолично стезање срца у коме влада вјечни мрак [...], **видио сам** рад мождана, језовит и слијеп, и једва примјетно сијање ганглија [...], **видио сам** несвијест и осамљеност [...]. **Видио сам** како све артерије бију, сви живци титрају [...] [Андрич 1978: 116]

Николай Гоголь	Иво Андрич
(2) Но самое замечательное в доме – были поющие **двери**. Как только наставало утро, пение **дверей** раздавалось по всему дому. […] замечательно то, что каждая **дверь** имела свой особенный голос: **дверь**, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом; **дверь** в столовую хрипела басом; […] услышать скрып **дверей** […] [Гоголь 2009b: 10-1]	(2є) нема ни откуд помоћи и кад су сва **врата** затворена, осим врата Твојих. […]. Пролазио сам свијетом и ударао лијево и десно на **врата** туђих судбина, али сва су редом, […] била за мене затворена. Насртао сам узалуд на **врата** човјекова [...] зашто се пред мојим корацима свака **врата** затварају, као на тајни знак [Андрич 1978: 88]
(3) Тут Чичиков остановился и слегка **задумался**. Над чем он **задумался**? **Задумался** ли он над участью Абакума Фырова, или **задумался** так, сам собою, как **задумывается** всякий русский, каких бы ни был лет, чина и состояния, когда замыслит об разгуле широкой жизни? [Гоголь 2009a: 197]	(3є) Тако је **мислила** и у **мислим*а*** себи говорила крута и непомична жена на стени. (А кад год ми тако **мислимо** да су нам се за нешто «отвориле очи» [...]) она је, уплашена, настојала да заустави ток својих погрешних **мисли**. Не, не треба **мислити** на то [...]. Треба [...] бити безбрижан, или бар без **мисли** [Андрич 2017: 680]

1 – *Рим,* 2 – *Старосветские помещики,* 3 – *Мертвые души;* 1є и 2є – *Ex ponto,* 3є – *Женщина на камне*

В рассказе *Невский проспект* перечислением дается структура группы людей, которые в течение дня появляются на улице. Структура приводится соответственно времени появлении. Использованные выражения: «вы встретите», «встретите вы», «вы ни встретите», «чтобы не встретить». Повторение легко замечается. Особый эффект производится тем же употреблением выражения «здесь вы встретите», которое в тексте появляется четыре раза в начале предложения. Описание структуры жителей большого города видно и в романе *Барышня* Андрича: «Жизнь Белграда в начале двадцатых годов отличалась пестротой, интенсивностью, необычайной сложностью и противоречивостью. По разрытым улицам с ветхими, запущенными домами, на которых **можно было видеть** явные следы войны, <...>. **Сюда приходили** и те, кто мечтал выдвинуться, и те, кто хотел спрятаться. **Здесь смешались** те, кто защищал свое состояние или положение, <...>. Здесь **было** много молодежи из всех краев и областей нового государства, <...> **Были** изголодавшиеся, плохо

одетые, недоучившиеся; **были** морально уничтоженные и навсегда павшие в собственных глазах, **были** сытые и наглые, с безграничным аппетитом и отвагой дикарей; **были** энтузиасты и горячие головы <...>; **были** люди всевозможных вер и убеждений, разных рас и национальностей, всех сословий и профессий; **были** патриоты, жившие старомодной любовью <...>; **были** смелые и прозорливые пионеры, которые уже теперь смотрели дальше и видели лучше большинства; **были** международные шпионы, преследовавшие свои, точно определенные цели. Короче, это **была** та буйная и пестрая глубинная флора, которую порождают войны и потрясения, а установление мира выбрасывает на поверхность, потому что в наше время и величайшие войны...» [Андрич 1984b: 434-5].

Андрич так же, как и Гоголь, повторил глагол, чтобы перечислением привести разные категории жителей большого города. Очень ожидаемо, что между жителями большого города встречаются люди совершенно разнообразных привычек, вида и поведения. Перечислением достигается сжатое повествование. Таким действием описана сцена, а потом в нее вводится герой рассказа и повествование продолжается о нем, о некотором событии, в котором он принимает участие.

Приложение 1. Перевод на русский

Таблица 1: (1є) Тот Джордже Джорджевич унаследовал от дедушки, которого также звали Джордже Джорджевич, до совершенства развитую особенность – осторожность. (2є) Закончил учебу и начал чиновническую карьеру, работая писарем в Мин.Юст. <…>. И Джордже Джорджевич сделал посредственную карьеру <…>. (3є) Однажды осенью <…> на постоялом дворе появился незнакомец. Ни старый, ни молодой, ни красавец, ни урод, средних лет и среднего роста, молчаливый и улыбавшийся одними глазами [Андрич 1985: 549]. **Таблица 2:** (1є) Когда он повернул голову к башне, я хорошо увидел его лицо – оно было как печеное яблоко…. [Андрич 1985: 147]. (2є) Лицо у него как печеное яблоко, а из него торчит редкая седоватая борода. (3є) Пропал человек, словно в воду канул, – с печалью в [Андрич 1984a: 135]. **Таблица 3:** (1є) гортанным голосом сетует газда Никола, – а я по нему как по сыну родному тоскую. (3є) Ему хочется продлить это мгновение без мыслей и желаний, как человеку, которому дан лишь короткий отдых – ведь скоро снова в путь [Андрич 1984a: 42], (4є) По окончанию игры, он потихоньку поднимается, как человек, который не знает куда надо идти, и направляется по улице. **Таблица 4:** (1є) перечисляет, как крестьянин, который что-то продал и купил, и не может составить счет. (2є) Как крестьянин, который болеет <…>. (3є) для Боснии <...> человек страдает и гибнет, также тот, который защищен от того, уединяется и уменьшается как растение, которое увядает. (4є) Было ему как птице, которую выпустишь на воздух, было ему как собачке, которую бросаешь в воду. (5є) Изменение лиц и прикрытые глаза подобно кошке, которую гладят. (6є) Исакович <…> перед движением как конь, на котором едут верхом по командованию немецком. (7є) Он выглядел как кошка, которая устроилась над мышиной норой. **Таблица 5:** (1є) Достоинство, честь, слава, великое богатство, сила – все вдруг упало на его плечи. (2є) Небо, земля, село, деревья – все сливалось в один темный вихрь, который гудит, гремит и грохочет разнообразными звуками. (3є) Засуха, наводнение, град, гроза – все то по-

падало в Шентфлотинску долину. (4є) Бумага, стол и чернило – все это меня пугает и мучит как библиотека, школа и дисциплина. (5є) Священники, солдаты, купцы, политики, ученные – все ее враги . <…>. (6є) Солдаты, кони, телеги, ребята, девушки, старухи, старики – все то странное шествие двигалось горной дорогой; <…>. (7є) Отец, мать, брат, снохи, племянники, племянницы – все жалуются и причитают. **Таблица 6**: (1є) В одну ночь я видел внутренность всех вещей. <…>. видел однообразное сжимание сердца, в котором владеет вечный мрак <…>, видел работу мозга, жутко и слепо, и едва заметное сияние ганглии <…>, видел обморок и одиночество <...>, видел как все артерии бьются, все нервы дрожат <…>. (2є) нет ниоткуда помощи, и когда все двери закрыты, кроме дверей Твоих, <…> проходил по миру и стучал налево и направо во двери чужих судеб, но все они для меня закрыты. Я нападал зря на человеческие двери <…>, почему перед моими шагами каждая дверь закрывается, как бы тайным знаком.

Приложение 2. Источники

Андрић И. Романи (Травничка хроника, На Дрини ћуприја, Госпођица, Проклета авлија). Београд: Лагуна, 2014; *Андрић И.* Приче, Београд: Лагуна, 2017; *Андрић И.* Поред пута. Београд: Лагуна, 2018; *Андрич И.* Повести и рассказы. Т. 1. М.: Худож. литература; 1984a; *Андрич И.* Повести и рассказы. Барышня. Т. 2. М.: Худ. литература; 1984b; *Андрич И.* Травницкая хроника. Мост на Дрине. Т. 3. М.: Худож. литература, 1985; *Андрич И.* Избранная проза. М.: Панорама, 2000; *Вазов И.* Златната планина, Раскази, Събрани съчинения. Т. 6. София, 1956; *Веселиновић Ј.*, Хајдук Станко. Београд, 1983; *Гоголь Н.В.* Шинель, у: Петербургские повести. Санкт-Петербург: Азбука, 2014; *Гоголь Н.В.* Мертвые души. М.: Белый город, 2009a; *Гоголь Н.В.* Тарас Бульба у: Миргород. М.: Белый город, 2009b; *Гоголь Н.В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. М.: Белый город, 2009c; *Гоголь Н.В.* Рим. Повести. Т. 3. Академия наук. 1938. С. 215-258; *Јакшић Ђ.* Изабрана дела – Приповетке. Београд: Просвета, 1950; *Јакшић Ђ.* Приповетке, Сабрана дела. Књига 4. Београд, 1978*; Константинов А.* На широкия път. URL: https://chitanka.info/text/17545-na-shirokija-pyt; *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. М., 1977; *Милићевић В.* Мртви живот. СКГ. 1903. X/5. 337; од. 1. Новембра; *Полић Камов Ј.* Исушена каљужа. Отокар Крешовани. Ријека, 1984; *Ранковић С.* Горски цар. Београд; *Ускоковић М.* Сабрана дела. Књ. 3: Кадињача. Ужице, 1996; *Толстой Л.Н.* Война и мир. М.: Эсмо, 2011; *Тургенев И.* Затишье. Повести и рассказы. 1844–1854. Сочинения, т. 4. М.: Наука, 1980. URL: https://rvb.ru/turgenev; *Ускоковић М.* Сабрана дела. Књ. 3: Кадињача. Ужице, 1996; *Cankar I.* Poslednji dnevi Jьtefana Poljanca: Zbrano delo. Knj. 15. Ljubljana, 1972a; *Cankar I.* Zgodbe iz doline jьentflorjanske: Zbrano delo. Knj. 16. Ljubljana, 1972a; *Cankar I.* Polikarp: Zbrano delo. Knj. 16, Ljubljana, 1972c; *Црњански М.* Друга књига Сеоба. Завод за уџбенике. Београд, 2002; *Шеноа А.* Просијак Лука. Књ 6. Загреб, 1983.

Литература

Бадалић Ј. Гоголь у хрватској књижевности, у: Руско хрватсизе књижевне студије, Загреб: Либер, 1972. С. 223-247.

Гоголь и славянские литературы / отв. ред. Будагова Л.Н. М.: Индрик, 2012.

Вулетић В. Н. Гоголь и српска књижевна оријентација пре једног века // Зброник Матице српске за славистику. Нови Сад, 1976. 10. С. 27-60.

Евгеньевна З.П. Носители модели мира в малой прозе Иво Андрича // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. Ч. 2, № 3 (57). С. 22-25.

Милидрагович М. Гоголь у сербов во второй половине XIX века // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 1975. С. 82-89.

Попович Т. К вопросу о рецепции Гоголя в сербской литературе // Н.В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. Девятые Гоголевские чтения. М.: Фестпартнер, 2010. С. 426-433.

Сартаков Е.В. Гоголь и сербская литература XIX века: к постановке проблемы // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 142-151.

Скерлић Ј. Писци и књиге, у три тома, Београд: Завод за уџбенике, 2000.

Љolak Z. Tolstoy's narrative technique: Listing People, Objects, and Events, In: R. Staufer, (editor): «Critical Insights, Leo Tolstoy», New York: Grey House Publishing, 2017. Pp. 232-245.

Sholak Z. N.V. Gogol, Ivo Andrich and some other South Slavic writers: a snapshot of the narration technical elements

The article deals with the examples from the prose by Iva Andrich and other South Slavic writers at the end of the XIX-th – the beginning of the XX-th century. The researcher compares them with the examples from the literary works by N.V. Gogol in order to show us the resemblance of the chosen technical elements of the narration: the main character's name, his portrait, models of comparison, enumeration and others.

Key words: N.V. Gogol, South Slavic writers, Ivo Andrich, the narrative technique.

УДК 821.161.1:82-32

Ж.В. Косціна/Ж.В. Костина

ПОСТАЦІ ПРАДСТАЎНІКОЎ РУСКАЙ СЛАВЕСНАСЦІ Ў ФІЛАЛАГІЧНАЙ ДУМЦЫ БЕЛАРУСІ XIX СТАГОДДЗЯ

В статье "Представители русской словесности в филологической мысли Беларуси XIX столетия" анализируются представления о русских писателях, характерные для филологической мысли Беларуси XIX столетия и нашедшие отражение в трудах Зориана Доленги-Ходаковского, Адама Мицкевича, Винцента Коротынского.

Ключевые слова: славянский мир, культурные влияния, литературно-общественное движение, художественный перевод.

Славянскі свет XIX стагоддзя быў аб'яднаны адзінай ідэяй, якая скіроўвала народы на шлях сацыяльнага і нацыянальнага адраджэння. У гэтых умовах самыя яркія прадстаўнікі кожнага са славянскіх народаў найперш імкнуліся адшукаць адметнае ў айчыннай гісторыі і культуры. Разам з тым пошукі канкрэтна нацыянальных каранёў,

вытокаў прыводзілі да думкі пра існаванне старажытнай агульнаславянскай супольнасці, якая вызначалася самабытнасцю ўяўленняў пра свет і чалавека, навакольную прыроду і космас. Славянская карціна свету істотна адрознівалася ад светаразумення народаў Заходняй Еўропы, Амерыкі, Індыі.

Вывучыць нацыянальныя асаблівасці кожнага народа, зазірнуўшы ў дахрысціянскую культуру, у славянскім свеце ўпершыню паспрабаваў беларус Зарыян Даленга-Хадакоўскі (сапраўднае імя і прозвішча Адам Чарноцкі). Ён нарадзіўся ў Мінскай губерні пад Гайнай, вучыўся ў Слуцку, таму называў сябе «тутэйшым, або случчаком». З. Даленга-Хадакоўскі падтрымліваў тэорыю пра паходжанне славян з Індыі, прапанаваную санскрытолагам Валентам Скараход-Маеўскім. Пазнаёміўшыся з працай «Міфалогія славянская і расійская» рускага гісторыка Андрэя Кайсарава, выхадца з Тамбоўскай губерніі, наш суайчыннік піша праграмную працу «Славяншчына да хрысціянства». У ёй абгрунтоўваецца неабходнасць вывучаць вусную паэзію славян, геаграфічныя назвывёсак, гарадоў, рэк, азёр, бо, як лічыць З. Даленга-Хадакоўскі, «славянскі парадак арыгінальны, уласцівы толькі нашым заканадаўцам і продкам. Ён праз столькі вякоў і ў тысячах месцах захаваўся па сёння. У гэтым праявілася славянская агульнасць і еднасць; адсюль належная павага да славян, адсюль… усе славяне павінны быць уганараваны вянцом і назвай Славы» [Даленга-Хадакоўскі 2007: 45]. Заслугі Хадакоўскага высока ацанілі яго сучаснікі – І. Шафарык, М. Карамзін, І. Даброўскі, І. Лялевель, М. Пагодзін, А. Пушкін, М. Гогаль, А. Міцкевіч. Беларускі славяназнаўца вельмі высока цаніў гістарыяграфічную дзейнасць Мікалая Міхайлавіча Карамзіна, рускага гісторыка, пісьменніка, публіцыста, называючы яго рускім Плутархам. У пошуках адказу на пытанне: змешчанага Ключавое пытанне ў артыкуле Хадакоўскага «Разыскания касательно русской истории» – «Когда род славянский везде и во всех отношениях был единообразным? Не было ли сего до принятия христианского закона?» [Даленга-Хадакоўскі 2007: 58]. У пошуках адказу аўтар выказвае гіпотэзы адносна геаграфіі рассялення славян на поўначы, а таксама паходжання славянскіх князёў, у прыватнасці першага валадара Тураўскага княства. Пры гэтым З. Даленга-Хадакоўскі аспрэчвае меркаванні рускага гісторыка: «Ежели б нашему пресловутому Карамзину были прежде известны песни южно-русские и мазовецкие, как в оных упоминается гневный тур с позлащеными рогами и турица, искавшая своего взятого туренятка, то вероятно не выписал бы из-за моря Варяжского основателя

городу и княжеству? Туровскому и даром бы не увеличивал бы чужой деятельности в нашей земле?» [Даленга-Хадакоўскі 2007: 60]. Не ставячы пад сумненне аўтарытэт Неўскага Плутарха, (як называе ён М. Карамзіна), Хадакоўскі смела выказвае ўласныя пазіцыі адносна славяншчыны і плямёнаў Русі, абапіраючыся ў навуковым пошуку на такія крыніцы, як песні, загадкі, замовы, звычаі, што бытавалі ў асяроддзі паспалітага людуі заставаліся непадлеглымі чужым культурным уздзеянням, у тым ліку уплыву хрысціянства.

За дзейнасцю З. Даленгі-Хадакоўскага пільна сачылі ўдзельнікі Таварыства філаматаў у Вільні – А. Міцкевіч, Я. Чачот, А. Петрашкевіч, Т. Зан, Э. Адынец, А. Ходзька, якія ствараліе свае балады, паэмы, рамансы паводле фальклорных сюжэтаў. Адам Міцкевіч пяць гадоў пражыў у Расіі. Тут ён пазнаёміўся і пасябраваў з лепшымі прадстаўнікамі рускай інтэлігенцыі, пісьменнікамі: Аляксандрам Пушкіным, Пятром Вяземскім, Яўгеніем Баратынскім, Антонам Дэльвігам, Мікалаем Палявым, Міхаілам Пагодзіным, Міхаілам Глінкам. Асабліва цесная дружба звязвала Адама Міцкевіча з Аляксандрам Пушкіным, сведчаннем чаго служаць узаемныя пераклады іх твораў. Пушкін згадваецца ў паэме А. Міцкевіча «Дзяды». У раздзеле «Помнік Пятру Вялікаму» адлюстроўваецца сустрэча маладых паэтаў, іх першаснае інтуітыўнае прыняцце, асабовая сімпатыя творцаў, заснаваныя на падобным успрыманні рэчаіснасці і яе адлюстраванніў паэтычным меласе. Міцкевіч параўноўвае сябе і Пушкіна з дзвюма скаламі абапал бурнай плыні, якія вяршынямі сустракаюцца «ў нябеснай сіні» паэзіі, дзе «хваляў шум ужо не чутны ім» [Міцкевіч 2003: 484]. Як вядома, з 1829 года наш зямляк жыве ў Заходняй Еўропе, працуе прафесарам лацінскай літаратуры Лазанскага ўніверсітэта ў Швейцарыі, а пасля выкладае ў парыжскім Калеж дэ Франс. Водгукам на смерць Аляксандра Пушкіна стаў артыкул Адама Міцкевіча «Пушкін і літаратурны рух у Расіі», апублікаваны ў французскім часопісе «Глоб» 25 мая 1837 г. У ім аўтар раскрывае вытокі творчасці рускага класіка, адзначае захапленне Пушкіна паэзіяй Байрана, які «занадта рана вырваў яго з цудоўнай школы Жукоўскага і на доўгія гады завабіў у фантастычныя пустыні і пячоры рамантызму» [Міцкевіч 2003: 561]. Кіруючыся, пакуль што інтуітыўна, метадам гістарызму, А. Міцкевіч так узнаўляе для заходнееўрапейскага чытача грамадскую атмасферу Расіі XIX стагоддзя: «На Поўначы ў маральных адносінах чалавек становіцца дарослым павольней, чым на Захадзе. Грамадская глеба тут утрымлівае ў сабе значна менш элементаў браджэння, чым у старой

Еўропе; літаратурная атмасфера, якой там дыхаюць, не насычана ў такой ступені электрычнасцю гарачых пачуццяў. У выніку Пушкін пачаў тварыць занадта рана, растрачваючы свой талент; залішне паспадзяваўшыся на свае ўласныя сілы, ён заўчасна рынуўся ў вышэйшыя сферы, дзе самастойна ўтрымацца яму было цяжка, і ён трапіў у байранаўскую арбіту, кружыўся вакол гэтай зоркі, як планета, што ўваходзіла ў яе сістэму і блішчала яе святлом. І сапраўды, у яго творах першага перыяду ўсё байранаўскае – і тэма, і характары, і ідэя, і форма» [Міцкевіч 2003: 562]. Збліжэнне Пушкіна з царом Мікалаем, за якое паэта абвінавачвалі ў славалюбстве, здрадзе патрыятычным ідэалам, Міцкевіч абгрунтоўвае як тонкі псіхолаг. На яго думку, самадзяржаўца, запрасіўшы творцу на аўдыенцыю, «праявіў прадбачлівасць: ён здолеў ацаніць паэта; ён зразумеў, што Пушкін быў занадта разумным, каб злоўжываць гэтай выключнай прывілеяй (паэт мог друкаваць усё, не просячы дазволу ў цэнзуры), і вельмі высакародны душою, каб не захаваць удзячную памяць пра такі незвычайны падарунак» [Міцкевіч 2003: 564]. Разглядаючы паэмы «Цыганы», «Мазепа», раман «Анегін», драму «Барыс Гадуноў» з пазіцый гісторыка літаратуры, Адам Міцкевіч адзначае пераходы Пушкіна ад адной творчай манеры да другой. Высока ацэньваючы літаратурны рух у Расіі, ён піша: «Жукоўскі, паэт, поўны высакароднасці, вытанчанасці пачуццяў; Крылоў, байкапісец, багаты на фантазіі, непараўнальны па выразнасці слова; князь Вяземскі, які сваім красамоўствам мог бы праславіцца нават сярод французаў, ніхто, аднак, не заменіць Пушкіна» [Міцкевіч 2003: 566]. Артыкул «Пушкін і літаратурны рух у Расіі» быў падпісаны так: «Сябра Пушкіна».

У «Лекцыях пра славянскія літаратуры ў Каледж дэ Франс (Парыж)» наш суайчыннік разглядаў дзейнасць Ламаносава ў галіне філалогіі. Ён сцвярджаў, што рускія пісьменнікі здавальняюцца толькі спевамі дыфірамбаў гэтаму кемліваму навукоўцу, называючы яго Пятром Вялікім у літаратуры, і выказваў неабходнасць разглядаць паэзію гэтага рэфарматара з пазіцый літаратурных уплываў: «Я думаю, што літаратурная барацьба, якую вяла тады ў Германіі новая школа Бодмера і Брэйцінгера са старой школай сілезскіх паэтаў, барацьба, што выклікала многа шуму, прыцягнула ўвагу Ламаносава і, магчыма, пасяліла ў яго думку пра ўвядзенне ў Расіі такой жа рэформы, якую Бодмер уводзіў у Германіі» [Міцкевіч 2003: 568].

Яшчэ адзін буйны прадстаўнік філалагічнай культуры Беларусі XIX стагоддзя, які імкнуўся пазнаёміць суайчыннікаў з суседняй літаратурай, – Вінцэсь Каратынскі, беларускі пісьменнік і перакладчык.

Абвінавачаны ў анты царскай прапагандзе, ён у 1866 годзе пакідае Вільню і працуе як журналіст у розных выданнях, а таксама складае артыкулы для польскай энцыклапедыі і «Календара Явароўскага» – біяграфічныя нарысы пра М.Ю. Лермантава, М.В. Гогаля, А.Э. Адынца, Ю.І. Крашэўскага, А. Міцкевіча. У артыкуле «Мікалай Гогаль», сцісла выкладаючы біяграфію, па яго словах, «славянскага гумарыста», аўтар робіць акцэнт на мясцовым вымаўленні прозвішча *Hoholami,* каб засведчыць пінска-тураўскія карані роду пісьменніка. В. Каратынскі апісвае раннія спробы творчасці, калі М. Гогаль яшчэ толькі шукае ўласную сцежку, і адзначае, што, знайшоўшы адпаведны напрамак, «у шэрагу прац, аднолькава цудоўна задуманых і з вялікай мастацкасцю выкананых, пачаў ён маляваць што дзённую навакольную рэча існасць. <…> Кожны з гэтых твораў, якія можна параўноўваць з самымі геніяльнымі жывапіснымі працамі фламандскай школы, яснее такім глыбокім назіраннем, уражвае такім моцным сканцэнтраваннем характарыстыкі, зачароўвае такою свабодаю пэндзля, што толькі самыя знакамітыя англійскія майстры гумарыстыкі могуць цягацца з Гогалем» [Каратынскі 2009: 224]. В. Каратынскі імкнецца раскрыць прыроду таленту Гогаля, акцэнтуючы ўвагу на арыгінальнай, нават геніяльнай кампазіцыі паэмы «Мёртвыя душы», асаблівасцях стварэння персанажаў, якія ўзвышаюцца да вобразаў-тыпаў: «Гогаль быў гумарыстам у глыбокім значэнні таго слова: не бессэнсоўная здзеклівасць, не легкадумны жарт, а глыбокі боль выяўляўся ў яго смеху. Прыкуты прыродай свайго таленту да ўслухоўвання ў нікчэмныя дробязі жыцця, адчуваючы іх дысананс з гукамі ідэалу, які ў душы сваёй насіў, ён невыказна пакутаваў і адчайваўся, і гэты адчай без надзеі спарадзіў той гумар, які з весялосцю нічога агульнага не мае» [Каратынскі 2009: 225]. У фінале сваіх разважанняў аўтар артыкула «Мікалай Гогаль» указвае на недастатковую вартасць перакладаў твора рускага класіка на польскую мову і спадзяецца, што наступныя выданні «загладзяць грахі папярэдніх перакладчыкаў» [Каратынскі 2009: 225].

Такім чынам, у філалагічнай культуры Беларусі XIX стагоддзя склалася даволі прадстаўнічая плынь творцаў і мысляроў, якія ставілі мэту спазнаваць літаратуру суседняга народа, набліжаць яе праз пераклады да актыўнай чытацкай аўдыторыі, вытлумачваць аўтарскую задуму і спосабы яе інтэрпрэтацыі ў творах рускіх пісьменнікаў з пазіцый тагачаснай літаратуразнаўчай навукі. Гэта спрыяла фарміраванню ўяўленняў пра агульнаславянскую літаратурную прастору, дзе панавалі гуманістычныя ідэалы.

Літаратура

Даленга-Хадакоўскі З. Выбранае. Мн.: Кнігазбор, 2007.
Міцкевіч А. Выбраныя творы. Мн.: Кнігазбор, 2003.
Каратынскі В. Творы. Мн.: Маст. Літ., 2009.

Kostina Z.V. Representatives of the Russian language and literature in the Belorussian philology of the XIX-th century

The article offers arguments of the XIX century of the philological thought of Belarus – Zorian Dolengo-Hodakovsky, Adam Mitcskevitch, Vincent Korotinsky – on Russian significant personalities in the literature of the above mentioned period.

Key words: N. Karamzin, A. Pushkin, N. Gogol, Z. Dolengo-Hodakovsky, A. Mitcskevitch, V. Korotinsky.

УДК 811.161.1

Ян Лиюнь

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Гоголь является выдающимся представителем русской литературы XIX века, который поспособствовал развитию критического реализма литературы в России. В произведениях Гоголя проявляются его выдающийся талант повествователя и глубокая забота о состоянии общества. Объектом исследования в данной статье выступают произведения Гоголя, а основной акцент обсуждения падает на стилистические явления в них. Также делается попытка обобщения тесных взаимосвязей между изобразительным искусством и гоголевской литературой.

Ключевые слова: творчество Гоголя, стилистические особенности, живописное искусство.

1. Н.В. Гоголь и его произведения

Н.В. Гоголь – представитель русской реалистической литературы, основатель «школы натурализма» в русской литературе и один из влиятельнейших писателей послепушкинской эпохи. Гоголь внес огромный вклад в дело развития русской литературы, а также оказал на нее глубокое влияние.

Гоголь родился в маленьком городке Полтавской губернии на Украине, там тихая и буколическая среда воспитала в Гоголе горячую любовь к природе. Факты подтверждают, что живопись на самом деле

оказала глубокое влияние на Гоголя и нашла отражение в его будущих произведениях. Произведение, которое по-настоящему принесло Гоголю огромную известность – это «Вечера на хуторе близ Диканьки», в котором автор дал колоритное изображение мира малороссийского села.

После 1835 года вышли в свет «Невский проспект» и другие рассказы Гоголя. В данных произведениях были показаны и раскрыты социальный облик Санкт-Петербурга, темные стороны общественной жизни и трагедия «маленького человека». Эти рассказы привлекли к себе массового читателя своими глубокими темами и оригинальностью концепции. Комедия «Ревизор» получила необыкновенный успех благодаря своему уникальному сюжету, ярким персонажам и своеобразному языку.

«Мертвые души» рассматриваются как первая настоящая поэма русского критического реализма. В поэме «Мертвые души» Гоголь на примере образов пяти помещиков показывает, что прогнившее крепостное право в России уничтожает не только крепостного крестьянина, но губит и помещика-крепостника. Из этого делается вывод: крепостное право должно быть уничтожено. «Мертвые души» были признаны бессмертным произведением в истории мировой литературы.

2. К исследованию Гоголя в Китае

В Китае исследование Гоголя стартовало в 20-тых годах XX века. Известный китайский писатель и литературный критик Лу Синь перевел большое количество произведений Гоголя, в том числе «Записки сумасшедшего», «Мертвые души» и другие. Под воздействием Гоголя он также написал роман под названием «Записки сумасшедшего», делая акцент на выявлении пороков родовой системы и норм нравственности.

За последние 20 или 30 лет можно наблюдать создавшуюся в Китае тенденцию многообразия методов и аспектов исследований, имеющих отношение к Гоголю. Так, некоторые из них продолжают традиционные тематические исследования, например, «смех сквозь слезы», «натурализм», «критический реализм», «юмор и сатира». Другая же часть исследует психологическую мотивацию и идейные источники Гоголя в плане религии, психологии, философии и культуры. Например, проведя исследование произведения «Выбранные места из переписки с друзьями», Жэнь Гуань Сюань (1990) специализируется на объяснении религиозных и моральных проблем Гоголя. Ван Хай Ся

(2004) Шанхайского университета иностранных языков в своей диссертации «В пути с крестом на спине – Творчество позднего Гоголя и его идеологические поиски» полагает, что произведения Гоголя являются воплощением его духа и идейных концепций. Некоторые ученые, исходя из взглядов сравнительной литературы, делают сопоставление произведений Гоголя с творчеством Лу Синя, Кафки, О. Генри и других китайских и иностранных авторов. Некоторые же специалисты в своих исследованиях Гоголя отталкиваются от других точек зрения. В качестве примера можно привести «Исследования гротеска в романах Гоголя» (Нань Бин 2011), «Религиозная мысль у Гоголя» (Сюй Тянь Тянь 2014), «Исследования гоголевского “Петербурга”» (Чжэн Цзя Нин 2014). В таких своих работах как «О манере повествования в гоголевских пьесах», «Различия и сходства повествования в “Мертвых душах” и “Ревизоре”» Ху Сюе Син (2010) глубоко разрабатывает гоголевскую манеру повествования.

Из объема и направления исследований, посвященных произведениям Гоголя, видно, что под влиянием социальных, исторических и культурных факторов литературные произведения Гоголя всегда получают различную интерпретацию.

3. Художественные особенности в творчестве Гоголя

В литературных произведениях языковые средства не только описывают сюжет, но и помогают передать идеи произведения.

3.1. Сравнение и метафора в творчестве Гоголя.

Художественная речь, прежде всего, выполняет эстетическую функцию. Здесь стилистические приемы играют важную роль.

Сравнение – это такой логический приём, с помощью которого устанавливается сходство и различие предметов, явлений объективного мира [Виноградов 1963: 31]. В своих «Мертвых душах» Гоголь создал яркие и характерные образы помещиков. Для того, чтобы сделать этот образ завершенным, Гоголь часто использует сравнения и метафоры.

При описании Манилова автор использует прием сравнения, изображает глаза Манилова сладкими, как сахар, умело передавая визуальные ощущения через вкусовые. Данное сравнение в огромной мере стимулирует воображение читателя.

*Помещик Манилов, еще вовсе человек пожилой, имевший **глаза** сладкие, как **сахар.*** «Мертвые души».

Автор демонстрирует сущность Плюшкина через описание его подозрительных глаз, изображает Плюшкина как мышь.

...Маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхает подозрительно самый воздух. «Мертвые души».

Кроме этого, в романе «Мертвые души» Гоголь постоянно использует музыкальные метафоры. К примеру, он сравнивает неровные бревна с «фортепианными клавишами».

Плюшкин… стал писать, выставляя буквы, похожие на ***музыкальные ноты***. «Мертвые души».

Когда заблудившийся в темноте Чичиков приезжает к помещице, автор уподобляет шумный собачий лай «хору».

Между тем псы заливались всеми возможными голосами ... а он один, засунувши небритый подбородок в галстук, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному из таких музыкантов, можно было предположить, что деревушка была порядочная. «Мертвые души».

Автор использует сравнение и метафору как художественный прием для создания множества завершенных человеческих образов, благодаря чему и возникает их огромное художественное очарование. Сравнение и метафора в книге не стоят наособицу от всего остального содержания, и наряду с другими приемами они совместно составляют художественные особенности произведения.

3.2. Антитеза в творчестве Гоголя.

Для увеличения изобразительно-выразительной силы литературных произведений, писатели часто обращаются к антитезе. И.В. Арнольд даёт такое определение: «Антитезой в стилистике называют резкое противопоставление понятий и образов, создающее контраст» [Арнольд 2002: 104]. Антитеза представляет собой важное средство художественной выразительности, широко употребляется в литературе. Пушкин в стихах «Евгений Онегин» использовал такие сопоставления: «стихи – проза», «волна – камень», «лед – пламень».

Антитеза как стилистический приём традиционно использует антонимы, антонимированные слова и другие виды противопоставлений.

В «Мертвых душах» автор использует большое количество антонимов, сохраняя при этом их функцию стилистической контрастности.

*В бричке сидел господин, **не красавец**, но и **не дурной наружности**, ни слишком **толст**, ни слишком **тонок**; нельзя сказать, чтобы **стар**, однако ж и не* так, чтобы слишком молод. «Мертвые души».

Уместное использование антонимов делает литературный текст более выразительным, живым, помогает наиболее полно раскрыть особенности героев. В приведенном примере ясно выделяются оппозиции: красавец-дурная наружность, толст-тонок, стар-молод. Здесь автор хочет выделить присущий Чичикову характер незначительности и заурядности.

В произведении «Мертвые души» автор зачастую многократно использует антонимы для того, чтобы от описанных сцен и предметов у читателей сложилось более глубокое и всестороннее впечатление.

*Деревня показалась ему довольно велика; два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно **темнее**, другое **светлее**, были у ней **справа** и **слева.*** «Мертвые души».

В этом примере ясно выделяются оппозиции: темнее-светлее, справа-слева. В зависимости от различных конситуаций, автор использует ряд антонимов, обладающих авторской стилистикой.

Например, когда Чичиков видел красивую девушку в дороге, он предположил, что она выпущена из какого-нибудь пансиона или института, потом Чичиков издает следующие вздохи о девушках в пансионах.

*Из нее все можно сделать, она может быть **чудо**, а может выйти и дрянь, и выдет **дрянь**!* «Мертвые души».

В приведенном примере ясно выделяется оппозиция: чудо-дрянь.

3.3. Цветовое искусство в гоголевских романах

Цвета являются самыми яркими и эмоциональными элементами в искусстве живописи, цвета напрямую передают эмоциональные склонности художников. Элемент цвета в произведениях Гоголя отлично отражен, когда читатели прочитают произведения Гоголя, их будет привлекать красочный мир в его произведениях.

Это первая работа, которая сделала Гоголя знаменитым. Лучшее использование цвета в творчестве Гоголя – это «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов

широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало – река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето! «Мертвые души».

При изображении малороссийского пейзажа Гоголь использует особенно яркие цвета, такие как золотой, голубой, зеленый, желтый и т.д. Автор задействует такие красочные цвета для того, чтобы предоставить читателю качественное и трогательное описание необычайно экспрессивных изображений. При прочтении данных отрывков, читатель воочию может представлять себе эти красочные полотна.

4. Обобщение

Гоголь преклонялся перед Пушкиным, однако он не пошел по его стопам и описывал такие жизненные пороки, как пошлость и отвратительность. Гоголь описывал странные персонажи в обществе и выдумывал необычные сюжеты. В конце XIX – начале XX века многие русские писатели включали в свои романы элементы гротеска. Гоголь – один из тех писателей в истории русской литературы, которые смогли с наибольшей выразительностью использовать русские слова. В своих работах в целях углубления темы произведения и оптимизации образов персонажей автор умело использует разнообразные стилистические и другие художественные средства выражения.

Литература

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002.

Виноградов В.В. Стилистика. Поэтика. Теория поэтической речи. М.: Просвещение, 1963.

Гоголь Н.В. Мертвые души. М.: Эксмо, 2005.

Корнилова Л.А. Структурно-функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 6.

Лу Синь. Полное собрание сочинений Лу Синя. Пекин: Издательство народной литературы, 2005.

Yang Liyun. Slavic Tradition in Gogoli's Works

Gogoli, an outstanding representative of Russian literature in the 19th century, promoted the development of Russian critical realism literature. Gogoli's works embody his super narrative ability and profound social concern. This thesis takes Gogoli's works as the research object, focusing on the rhetorical phenomena of simile and

irony in his works, and trying to summarize the close relationship between painting art and Gogoli's literature.

Key words: Gogoli's Works, rhetoric characteristics, painting art.

УДК 821.161.1

О.Н. Фенчук

ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРЕДКАМИ И ПОТОМКАМИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

В статье прослеживается понимание Н.В. Гоголем традиций Запорожского казачества. Во многих произведениях писателя повествование строится на противопоставлении православной веры и обычаев казаков католичеству и польской шляхте. Многовековая борьба украинского народа за независимость тесно связана с сохранением традиций от поколения к поколению.

Ключевые слова: традиция, казак, православие, память, борьба.

Сохранение человеческого опыта осуществляется путем передачи знаний и умений от предков последующим поколениям. Передача народных обычаев, обрядов и традиций предыдущих поколений потомкам определяет духовную связь между ними. Духовность – это объединяющие начала определенного общества, выражаемые в виде моральных ценностей, сконцентрированные в религиозных учениях, а также в художественных образах искусства. В произведениях Н.В. Гоголя присутствуют яркие примеры сохранения духовного наследия предков.

Размышления об исторических корнях человека, духовном родстве между предками и потомками представлены во многих произведениях Н.В. Гоголя, объяснимо это увлечением еще начинающего писателя стариной. В эти годы он изучает народные песни и читает исторические сочинения о Запорожской Сечи. И в это же время из печати выходят «Вечера на хуторе близ Диканьки», где в рассказе «Пропавшая грамота» Н.В. Гоголь говорит о связи времен, преемственности поколений, духовном родстве предков и потомков: «Эх, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падет на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и месяца нет, деялось на свете! А как еще впутается какой-нибудь родич, дед или прадед – ну, тогда и рукой махни: чтоб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре, если не чудится, что вот-вот сам все это делаешь, как будто

залез в прадедовскую душу или прадедовская душа шалит в тебе» [Гоголь 1977: 78]. Писатель говорит о генетической памяти, о том, что передается от отца к сыну, от деда к внуку путем передачи наследственной информации.

Известны случаи, когда человек, казалось бы, впервые что-то слышит или видит и во всём этом его тревожит некое ощущение повторения прошлого, в нем пробуждается прапамять. В тайниках нашей психики скрыты воспоминания нашего рода. Согласно К.Г. Юнгу, существует типологическая составляющая психического развития, наследуемая из поколения в поколение и заставляющая человека реализовывать себя строго в соответствии с полученной ценностно-смысловой матрицей, т.к. «потрясения нашего мира и потрясения нашего сознания суть одно и то же» [Юнг 2002: 330].

Герои сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» – не только люди, жители Малороссии, но и мистические существа из народных поверий, сказов и легенд. Николай Васильевич умело стирает грань между действительностью и вымыслом, переплетает фантастические события и реальность в одно целое. Практически все персонажи книги представляют собой собирательные народные образы. Часто писатель использует сравнения настоящего с прошлым, в которых прослеживается благоговение перед ушедшими временами, например: «В старину свадьба водилась не в сравненье с нашей» [Гоголь 1977: 44] или «Ох, помню, помню я годы; им верно, не воротиться! <…> Это было золотое время» [Гоголь 1977: 156]. Здесь же можно отметить понимание Н.В. Гоголем русскости. Это понимание развивалось в нём параллельно с постижением православия. Его искания проявились в понимании места Малороссии в России, точном знании психологии её жителей. Показательны в этом отношении высказывания персонажей гоголевских произведений, однозначно выражающие позицию писателя: «Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто спознается с Басаврюком, станет считать *за католика, врага Христовой церкви и всего человеческого рода*» [Гоголь 1977: 38, курсив – О.Ф.].

Столкновение казака Бурульбаша с отцом его жены, колдуном, в повести «Страшная месть» показывает противостояние православия с иноверием, традиционного с диковинным. Отец Катерины враг казацких обычаев и порядков. Отсутствие памяти неизбежно вызывает потерю чувства времени, чувства прошлого. Проведя много лет в чужих краях, колдун стал предателем, забыв обычаи родной земли. В этом смысле повесть «Страшная месть» показательна, т.к. в ней нашли отражение события, связанные с вековой борьбой запорожских

казаков против Турции и Речи Посполитой. Воевали за веру и отечество предки, продолжают борьбу и их потомки. Изменник же должен понести заслуженную расплату, но расплату не только за враждебное отношение к православной вере и русской земле, но и за вину предка. Здесь нужно сказать, что на страшные преступления колдуна толкает и его природное уродство. Ему чудится, что над его физическими недостатками смеются и издеваются окружающие. Напрямую об этом не сказано, но можно сделать вывод о том, что именно уродливая внешность толкает отца Катерины еще в юности постичь тайны колдовства.

В повести «Страшная месть» основой сюжета является крушение родственных человеческих отношений – братских уз. В эпилоге произведения автор поясняет причину описанных событий, раскрывая ее в песне бандуриста о двух братьях, получивших вознаграждение за выполнение рискованного задания. Желая воспользоваться богатством брата, один из них сталкивает другого вместе с маленьким сыном в пропасть. «Ухватился, однако ж, козак за сук, и один только конь полетел на дно. Стал он карабкаться с сыном за плечами, вверх; немного уже не добрался, поднял глаза и увидел, что Петро наставил пику, чтобы столкнуть его назад <…> “Брат мой милый! коли меня пикой, когда уже мне так написано на роду, но возьми сына! чем безвинный младенец виноват, чтобы ему пропасть такою лютою смертью?” Засмеялся Петро и толкнул его пикой, и козак с младенцем полетел на дно. Забрал себе Петро все добро и стал жить, как паша» [Гоголь 1977: 170-171]. Но не только богатство получил нарушивший клятву Петро, читатель узнает о страшном проклятье, преследующем всех его потомков. Последний в роде клятвопреступника становится небывалым злодеем. Корни этой истории тянутся из прошлого, но прошлое представлено автором в эпилоге. «Страшная месть» наиболее показательна в отношении проблемы ответственности потомков за грехи своих предков.

Через характеры персонажей автор с высокой точностью передает культурные особенности и мировоззрение героев того времени, правдиво описывает костюмы, предметы быта, представляет передаваемые из поколения в поколение фольклорные произведения. Н.В. Гоголь преследует цель точно воспроизвести внешний и внутренний образ типичной казацкой жизни, национальные особенности жизни народа. Перед читателем предстает не только частная жизнь запорожского казачества, но и общественные проблемы.

Общество в произведениях Н.В. Гоголя представлено множеством характерных типов зачастую никак не связанных духовно с прежними поколениями. Отдельные размышления в «Мертвых душах» являются

попыткой понять героев, проследить их родословную. Таким размышлением становится отступление из общего хода повествования в шестой главе. Н.В. Гоголь представляет нравственную трансформацию Плюшкина. Писатель счёл необходимым раскрыть этот характер в развитии и показал, как этот персонаж стал скрягой. Читатель узнает, что в прошлом Плюшкин был человеком предприимчивым и трудолюбивым. Однако потом все в одночасье изменилось: развалилась семья, Плюшкин из хозяина превратился в накопителя. От одиночества он стал подозрителен и скуп и в итоге подошел к состоянию распада человеческой личности [Гоголь 1949]. Падение Плюшкина связано с отрывом от корней, от памяти прошлого. Забыв свои мечты и устремления, перечеркнув семейные традиции, он деградировал и проникся абсолютным поклонением золотому тельцу.

Противоположную ситуацию изображает писатель в повести «Тарас Бульба». Это произведение основано на связи поколений, которая реализуется в отношениях отца и сыновей. В тоже время, Андрий и Остап являются сыновьями Тараса постольку, поскольку они являются сынами Отечества. Тарас испытывает снисхождение и некоторое высокомерие ко всему, что враждебно воинскому духу, в том числе создаваемому женой домашнему уюту. По мнению Тараса, казак – это воин, для которого важны только пир и битва. По его мнению дом является местом рождения и воспитания детей. Однако в широком смысле – дом это не только родной очаг, но и вся Россия, а Россия неотделима от православной веры. И потому в понимании казака Россия – это вера и дом, нуждающиеся в защите от врагов.

Духовная связь Тараса с сыновьями выражается не только в словесных наставлениях мирной жизни, но и в боевом примере. Андрий, выбравший любовь вместо Родины – становится предателем. С одной стороны, Андрий изменник Отчизны, с другой – верный рыцарь дамы сердца. Андрий следует поступкам отца не как воин, а как семьянин, и на место служения Родине ставит служение своей возлюбленной. Искреннее удивление Тараса при известии о переходе его сына на службу к полякам говорит о том, что в его голове не укладывается даже возможность подобного поступка. И потому он отвечает жиду Янкелю, принесшему эту весть, оскорблениями: «Врешь, чертов Иуда! Закричал, вышед из себя, Тарас. Врешь, собака! Ты и Христа распял, проклятый богом человек!» [Гоголь 1977: 292]. В этой фразе Тараса присутствует намек на евангельские события.

И неслучайно жизнь старшего сына Остапа заканчивается трагедией, сопоставимой с библейской историей страданий Иисуса Христа

в Гефсиманском саду: «Но когда подвели его (Остапа) к последним смертным мукам, – казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя: Боже, все неведомые, все чужие лица .... хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

– Батько! Где ты? Слышишь ли ты?

– Слышу! – раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул» [Гоголь 1977: 356].

Встреча отца и сына указывает на мистичность трагедии, сравнимой с героическими событиями прошлого, указывает на причастность Остапа и Тараса к истории родины благодаря кровным и духовным связям с предками. Осознавая себя звеном единой родовой цепи, берущей начало во тьме веков, Остап идет на мучения и смерть. Героическое уживается здесь с семейным и с христианским. Ответ Тараса Бульбы Остапу не только утешение перед смертью, это своего рода Глас Божий. Вопрос «слышишь ли?» и отклик «Слышу!» перед смертью еще и готовит заключительные слова повести, которые говорит Тарас Бульба своим товарищам, сгорая на костре. Приведенный выше эпизод удивительно напоминает евангельское описание последних мучений и смерти Спасителя. В представленном эпизоде человеческое – встреча отца с сыном – соединяется с героическим: молчаливым претерпеванием пыток, служением родине и защитой веры до последнего вздоха [Петриченко 2009].

Обобщая сказанное, можно утверждать, что прошлое в произведениях Н.В. Гоголя предстает как легендарный расцвет Запорожской Сечи, где казаки боролись за независимость народа от польского владычества и католицизма, где патриоты Малороссии жертвовали собой ради родной земли и православной веры. Именно православие становится фактором цементирующим духовную связь между предками и потомками, а отказ от православной веры является фактором, разрушающим кровные узы, соединяющие между собой братьев и родителей с детьми.

Литература

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Красноярск, 1977.

Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1949.

Петриченко О.В. Тема семьи в произведениях Н.В. Гоголя: беседа о книгах. Волгоград, 2009.

Юнг К.Г. Проблема души современного человека // Проблемы души нашего времени. СПб., 2002.

Fenthuk O.N. The spiritual relationship between ancestors and descendants in the works of N. Gogol

The article traces N. Gogol's understanding of the traditions of the Zaporizhzhya Cossacks. In many works of the writer, the narration is based on the opposition of the Orthodox faith and the customs of the Cossacks to Catholicism and the Polish gentry. The centuries-old struggle of the Ukrainian people for independence is closely linked with the preservation of traditions from generation to generation.

Key words: tradition, cossack, Eastern Orthodox Christia, memory, struggle.

УДК 82-09

Е.В. Грудинина

ПОВЕСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ «ВИЙ»: ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ И СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Статья посвящена сравнительному анализу киноверсий повести Н.В. Гоголя «Вий», созданных во второй половине XX – начале XXI века, которые отражают особенности современного восприятия этого произведения. Автор приходит к выводу, что большинство художественных фильмов, использующих идею или сюжетную основу повести «Вий», далеки от понимания причин духовной гибели человека либо сознательно искажают авторскую концепцию. В заключение дается оценка образа главного героя и разъясняется духовный смысл повести с позиций православного богословия.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, повесть «Вий», экранизация, трактовка, духовный смысл, православное понимание.

Повесть «Вий», написанная Н.В. Гоголем в 1833 году и вошедшая в сборник «Миргород» (1835), на протяжении последнего столетия вызывает пристальный интерес не только в России, но и за рубежом. Доказательством тому служат многочисленные экранизации данного произведения. Старейшие из них относятся к началу XX века. Первая киноверсия повести «Вий» была создана в 1909 году. Фильм снял пионер русского киноискусства Василий Гончаров (1861–1915) на базе кинoателье Александра Ханжонкова. В 1916 году вышел одноименный фильм Владислава Старевича. Обе киноленты, естественно, были черно-белыми и «немыми» и, к сожалению, не сохранились до наших дней.

Спустя почти полвека, в 1960 году, в Италии был снят фильм «Маска Сатаны», который стал дебютной работой режиссера Марио Бава. В титрах содержалось указание, что в основе лежит повесть

Н.В. Гоголя «Вий». Однако ни в сюжете, ни в образах героев не обнаруживается связи с первоисточником. В сценарии причудливо смешаны географические названия (события происходят в предместье Миргорода, а герои направляются в Москву, которая, с точки зрения сценариста, находится в Молдавии), сам главный герой – доктор Томас Круваян и его помощник Андрей Горобец направляются на конгресс. В центре внимания сценариста и режиссера находится вовсе не гоголевская тема гибели человеческой души, а бессмысленная вакханалия: исключительно жестокие сцены борьбы вампиров и иных демонических сил, которые используют могильные кресты, осиновые колья и прочую атрибутику фильмов ужасов. По этой причине «Маска Сатаны» была признана одним из самых страшных фильмов 1950–1980-х годов и даже запрещена к показу в Великобритании, а в США подвергнута цензуре [Коротков URL].

Самая известная экранизация повести «Вий», довольно близко стоящая к авторскому тексту, создана в 1967 году на «Мосфильме» по инициативе художественного руководителя киностудии Ивана Александровича Пырьева режиссерами Константином Ершовым, Георгием Кропачевым и Александром Птушко. В главных ролях – Наталья Варлей (панночка) и Леонид Куравлев (Хома Брут). При полном отсутствии современных компьютерных спецэффектов фильм весьма впечатляет мастерством актерской игры и комбинированными съемками, при помощи которых удалось показать, например, превращение слезинки на лице панночки в каплю крови или проникновение «нечисти» сквозь стены церкви. Перемещающийся по воздуху гроб панночки, оборудованный специальной стойкой и тросами для монтажных работ, был настоящим техническим шедевром того времени, поэтому полеты ведьмы весьма впечатляли зрителей.

Безусловным достоинством этой классической экранизации является бережное и уважительное отношение к авторскому тексту и стремление сохранить ключевую идею Гоголя о неизбежной гибели человека, поработившего себя страстям и не имеющего истинной веры. Даже несмотря на некоторые идеологические акценты, которых в период создания фильма было невозможно избежать (ироническое изображение монастырской и семинарской жизни, несколько карикатурные образы священнослужителей и бурсаков), в целом данная киноверсия повести может быть названа лучшей. Хотя определенный мистический ореол сопровождал данный фильм: еще во время съемок Н. Варлей выпала из «летящего» гроба, и только чудом ей удалось избежать серьезной травмы; а церковь Пресвятой Богородицы в селе Го-

рохолин Лес Богородчанского района Ивано-Франковской области, в которой снимались самые страшные эпизоды, в 2006 году (через 40 лет после съемок) сгорела дотла [О «Вие»… URL].

Следует сказать несколько слов и о югославской экранизации повести режиссёра Джордже Кадиевича, получившей название «Святое место» (1990). Несмотря на стремление к детальному следованию за первоисточником, режиссер допустил весьма значительные расхождения с повестью Гоголя. Одна из главных проблем в постановке фильма – отказ от фольклорных традиций, которые составили важную часть повести Гоголя [Коротков URL]. Кроме того фильм испорчен излишним сексуальным акцентом, а самый загадочный гоголевский персонаж – Вий – там вовсе не появляется. Но главное – остается непонятным смысл названия этого произведения, ведь ни о какой «святости» в отношении героев и самой местности говорить не приходится.

В 2006 году на экраны вышла еще одна российская кинокартина по мотивам повести «Вий» под названием «Ведьма», снятая режиссером Олегом Фесенко. События по сценарию перенесены в конец XX века и в Америку, а главный герой – журналист Айван Бергхоф (актер – Валерий Николаев) отправляется в небольшой городок Castle Ville, пользующийся дурной славой, чтобы написать горячий репортаж о мистических событиях, происходящих в той местности. Молодого человека, одержимого типичными мирскими страстями, далекого от веры в Бога, на пути встречает католический священник, беседа с которым оказывается судьбоносной. Если в повести Гоголя «Вий» философ Хома Брут готовится к духовному поприщу, но отклоняется от веры и оказывается побежден злой силой, то в фильме «Ведьма» молодой журналист оказывается в обстоятельствах, когда ему пришлось заменить погибшего священника и вступить в открытую схватку с темными силами, которые преследуют его в образе утопленной им ведьмы. В отличие от печальной участи гоголевского героя, Айван Бергхоф выходит победителем из этой духовной брани, поскольку, по слову прозорливого священника, именно в три страшные ночи, когда он вынужденно совершает ночные мессы по завещанию убитой им ведьмы, для него «наступает час молитвы».

Хотя, на первый взгляд, может показаться, что от произведения Гоголя в фильме остались лишь аллюзии, на самом деле в нем обнаруживается весьма крепкая духовно-нравственная основа, которую в самой повести «Вий» не всем удается разглядеть. Священник Ден Тоуз выступает в фильме в качестве героя-резонера, который четко формулирует ключевую идею классика: «Отсутствие веры рождает беспечность. А людям подчас выпадают испытания, которые не преодолеть

без Божией помощи. <…> Тьма всегда рядом, и слуги ее могут напасть в любой миг. <…> Допустим, Вы можете быть сильным, но если у Вас нет веры, то Вам придется сражаться с силами зла без оружия»[1]. И действительно, Айвану пришлось испытать силу искренней молитвы и получить помощь Божию в противостоянии злой силе только тогда, когда в третью ночь в сердце его зажегся огонь веры.

Таким образом, легкомысленная, на первый взгляд, и вольная трактовка повести Гоголя «Вий» оказалась наполнена духовным смыслом. Неслучайно, наряду с негативными отзывами о слабых спецэффектах, многие критики и зрители отметили глубину содержания фильма «Ведьма». Вместе с тем следует подчеркнуть нюансы, которые настораживают в данной кинокартине: это место действия – Соединенные Штаты Америки вместо Малороссии и католическая вера вместо Православия. Причины такой трансформации могут быть связаны с тем, что автор сценария и режиссер стремились актуализировать преподносимый зрителю материал, ведь фильм ужасов – это классика американского кино. Однако в результате совершенной подмены в сознании людей, знакомых и с повестью Гоголя и с этой прозападной ее интерпретацией, невольно закрепляется опасный стереотип: если студент православной семинарии оказался безоружен перед силами зла, а американский журналист столь быстро обрел крепкую веру в католицизме и победил зло, то напрашивается вполне закономерный вывод о том, где следует искать истину. Таким образом, данная киноверсия служит скорее плагиатом гоголевского «Вия» без ссылки на автора.

Следующим этапом осмысления повести Гоголя стал значительно более впечатляющий трехмерный фильм ужасов «Вий», выпущенный в 2014 году режиссером Олегом Степченко, где отмеченные нами тенденции проявляются вполне контрастно. С первых кадров у зрителя умело создается иллюзия, что данная экранизация является самой близкой и органичной гоголевскому тексту, и нечитающая публика, безусловно, проглатывает эту наживку, тем более что место действия – малороссийская глубинка, а также яркая стилизация образов в исполнении блестящего актерского состава (Валерий Золотухин, Алексей Чадов, Джейсон Флеминг, Нина Русланова, Алексей Смоляков, Агния Дитковските) добавляют убедительности преподносимому материалу. Однако на самом деле в сюжете фильма нет ничего общего с повестью Гоголя. Более того, творческий тандем России с Украиной, Германией,

[1] Цитата записана автором при просмотре художественного фильма «Ведьма» (2006) режиссера О. Фесенко.

Великобританией и Чехией при создании фильма полностью уничтожил первоначальную идею русского классика.

Время действия в фильме отодвинуто примерно на столетие назад – к началу XVIII века, который, как известно, считается веком европейского Просвещения и либерализма. Картограф Джонатан Грин совершает научное путешествие из Европы на Восток. Проследовав через Трансильванию и преодолев Карпатские горы, он попадает в затерянную среди непроходимых лесов деревушку. Народ, живущий здесь, не похож ни на один доселе виданный путешественником. Эти люди, оградив себя от остального мира глубоким рвом, наивно верят, что смогут уберечься от нечисти, не понимая, что она уже давно поселилась в их душах и только ждёт случая, чтобы вырваться наружу. Своеобразным духовным предводителем местных жителей является полусумасшедший священник, по-видимому, изначально принадлежавший к Православной Церкви, но теперь сформировавший в своей деревне некое подобие тоталитарной секты и готовый даже на кровавые жертвы для того, чтобы сохранить свою власть над паствой. Джонатан Грин при помощи своих научных знаний и при содействии одного из местных жителей Явтуха пытается бросить вызов демонической силе, полностью захватившей власть не только в этой местности, но и в душах людей. Однако, осознав невозможность одолеть силы тьмы, успешно сбегает из проклятого места, оставив позади отвратительную вакханалию оборотней и вампиров, в которых превратились местные жители.

Российские кинокритики отметили, что «Джонатан Грин привнёс в повествование новые идеи и смыслы, которые стали в оппозицию с Гоголевской повестью». Вместе с тем они довольно благосклонно смотрят на образ этого «ученого, позитивиста, который не верит в потустороннее, ни в черта, ни в Бога, а доверяет исключительно науке, но сталкивается с неведомым и вынужден исследовать его» [Коротков URL]. Своеобразным «полюсом света» предстает в этом фантастическом триллере тихий и уютный дом картографа Грина в старой доброй Англии, где его ожидает отец, очаровательная жена и милый младенец. Таким образом, идеологическая установка, лишь слегка намеченная в фильме «Ведьма», здесь обретает четкий рельеф: Западная Европа – свет, а Восточная Европа – тьма. Этот весьма оскорбительный для национального самосознания славян подтекст породил резко полярные оценки данного фильма у российских зрителей: одни восхитились зрелищностью и спецэффектами, другие почувствовали себя оскорбленными, ведь под мрачной деревушкой, отгородившейся от цивилизации

и погрязшей во зле, многие усмотрели усердно формируемый в западном обществе образ агрессивного и непредсказуемого славянского мира.

Даже современные кинокритики, для которых характерна полная толерантность и ориентация на западные образцы, отмечают явную подмену сюжета и идейного содержания гоголевского произведения: «Кинофильм Олега Степченко взял за основу произведение классика русской литературы и поменял его содержание вместе с идеей и темой, при этом оставил только узнаваемые черты, поэтому эту картину трудно назвать удачной киноадаптацией Гоголя. Фильм представил особый подход к созданию новой киноистории, которая стала базироваться на известном произведении» [Коротков URL].

Самой новой экранизацией повести является фильм «Гоголь. Вий» (2018), являющийся частью художественного телесериала в жанре детектива и мистического триллера, посвященного жизни и творчеству писателя. Однако непосредственной связи с одноименной повестью данный фильм, получивший средние оценки российских кинокритиков, не имеет.

Для адекватной трактовки повести «Вий» необходимо обратиться к истокам ее создания. В примечании к книге Гоголь написал, что повесть «есть народное предание», которое он изложил именно так, как слышал, ничего не изменив. Между тем, исследователями до сих пор не найдено ни одного произведения фольклора, которое точно напоминало бы «Вий».

Имя фантастического подземного духа – Вия – было, очевидно, придумано писателем в результате соединения имени властителя преисподней «железного Ния» (из украинской мифологии) и украинского слова «вия» – веко (с этой этимологической версией имени персонажа связаны его длинные веки, которые прикрывают его смертельно опасный взор). Однако сам сюжет повести вполне оригинален, и до настоящего времени в украинском, или вообще славянском, фольклоре специалисты не обнаружили подобной сюжетной линии [Леонов URL].

Более того, необходимо подчеркнуть, что идейный замысел произведения в большей степени соответствует духовным исканиям самого Гоголя, нежели народным представлениям о добре и зле, отраженным в традиционных произведениях фольклора. В повести отсутствует обычное для мифологического и сказочного сюжета противостояние добра и зла, отсутствует положительный герой, вступающий в схватку с темной силой. Напротив, автор не отступает от своей излюбленной темы: в мистической повести он изображает «механизм» порабощения души страстями и неизбежной ее гибели. Потусторонние, демониче-

ские силы в произведении выступают фоном, внешним атрибутом духовной гибели главного героя Хомы Брута.

Вымышленный Гоголем мифический персонаж, который является лишь в самом финале повести, довершая разрушительное действие прочих демонических сил в отношении души Хомы Брута, не случайно наделен особыми свойствами зрения. С одной стороны, невероятно длинные веки, которые Вий не может поднять без посторонней помощи, не позволяют ему видеть ничего вокруг; с другой стороны, с поднятыми веками он обладает уникальной способностью буквально насквозь прозревать свою жертву. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему философ Хома Брут, воспитанник Киевской духовной семинарии оказывается жертвой темных сил: сначала ведьма-панночка избирает его для своих ночных полетов, а затем сам Вий призван ею для того, чтобы довершить акт мести незадачливому бурсаку за нанесенные побои и ее безвременную смерть.

Лейтмотивом повести, очевидно, послужил один из важнейших аспектов учения Христова о свете и тьме: «…Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6, 23). Святитель Иоанн Златоуст, разъясняя духовный смысл данного изречения Спасителя, выстраивает прямую аналогию между физической и духовной слепотой: «Что значит глаз для тела, то самое и ум для души. <…> Ведь если лишится зрения, то никакой не будет для тебя приятности в жизни. Но как при слепоте очей и прочие члены, не пользуясь более светом, очень ослабевают в своей деятельности, так равно и по растлении ума жизнь твоя исполнится бесчисленных зол» [Толкования Священного Писания… URL].

Представляя главного героя повести, Гоголь характеризует его как человека легкомысленного и нравственно неустойчивого, несмотря на то что он достиг середины семинарского курса и именуется философом: «Философ Хома Брут был нрава веселого. Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал тропака. Он часто пробовал крупного гороху, но совершенно с философическим равнодушием, – говоря, что чему быть, того не миновать» [Гоголь, Вий…URL].

Хома Брут не только имеет греховные пристрастия к спиртному и табаку, но и довольно неразборчив в выражениях. Не отдавая себе отчета, он дважды упоминает нечистую силу и усугубляет все поминанием имени Божия всуе.

«Сумерки уже совсем омрачили небо, и только на западе бледнел остаток алого сияния.

– Что за черт! – сказал философ Хома Брут, – сдавалось совершенно, как будто сейчас будет хутор.

Богослов помолчал, поглядел по окрестностям, потом опять взял в рот свою люльку, и все продолжали путь.

– Ей-богу! – сказал, опять остановившись, философ. – Ни чертова кулака не видно» [Гоголь, Вий…URL].

Поэтому дальнейшие события представляются вполне закономерными: ведьма из всех семинаристов избирает именно Хому Брута как наиболее податливый объект. Духовное ослепление героя подчеркивается наступившей тьмой и туманом, в котором блуждают бурсаки.

Среди слабостей и пороков Хомы Брута следует также назвать трусость, лживость и сребролюбие. Жестоко избив оседлавшую его ведьму, он пытается скрыться за стенами монастыря, где находится бурса, предпочитая забыть случившееся как страшный сон, но, лишенный духовного зрения, он, по слову святителя Иоанна Златоуста, уже не способен ощутить «приятности жизни», и «жизнь исполняется бесчисленных зол». Попытки избежать наказания, уклониться от чтения молитв по умершей панночке, не имеют успеха, и тогда философ Хома находит для себя утешение в обещанном за три ночи чтения Псалтири щедром вознаграждении. Золотые червонцы становятся главной его целью, усугубляя греховный гнет его души. Панический страх, охвативший его мятущуюся душу, философ заглушает горилкой и в таком помраченном состоянии пытается противостоять демоническим силам. Вполне закономерно, что он терпит поражение.

Нередко при пересказе и интерпретации финала повести приходится слышать, что главная ошибка Хомы Брута состояла в том, что он, во-первых, будучи пьян, не сумел довести до конца и замкнуть очерченный им мелом круг на полу, а во-вторых, он не вытерпел, и взглянул в глаза Вия, чем сделал себя уязвимым для дьявольских сил. Именно так трактуют причину гибели своего товарища богослов Халява и ставший философом Тиберий Горобец. Неслучайно в кратком эпилоге повести автор дает оценку произошедшим трагическим событиям их устами. Бурсаки наглядно демонстрируют духовную пустоту и беспечность, свойственную большинству людей, одержимых страстями. Гибель однокашника не пробуждает их от греховного сна: они по-прежнему пьянствуют в шинке, курят табак, воруют, но самое опасное – не хотят видеть порочности подобного пути. Они считают, что гибель Хомы Брута, «славного казака», – лишь нелепая случайность. А богослов Халява практически доходит до богохульства, рассматривая нелепую смерть товарища как деяние Божие: «Так ему Бог дал» [Гоголь,

Миргород URL]. Однако, с точки зрения православного богословия, подобные трактовки являются опасным суеверием. Все действия героя, совершенные им за три ночи в заброшенной церкви под натиском нечистой силы, есть неизбежное следствие его духовного разложения. Вместо усердной и слезной молитвы об очищении своего сердца и спасении души убитой им панночки, он уповает на собственные силы и пытается мистическими действиями (очерчивая мелом круг) оградить себя от наступающих сил тьмы.

Поражение Хомы Брута началось гораздо раньше, в первой схватке с ведьмой, оседлавшей его: «Изнеможденный, растерянный, он начал припоминать все, какие только знал, молитвы. Он перебирал все заклятия против духов» [Гоголь, Миргород URL]. В этой характеристике раскрывается вся суть духовного мира героя, для которого нет разницы между молитвой Богу и заклинанием духов, который, очевидно, столь непостоянен в молитвах, что вынужден их «припоминать», когда речь идет о жизни и смерти. Более того, когда даже такие несовершенные молитвословия ослабили ведьму, и она опустилась ниже, так что трава касалась его, Хома не поспешил воспользоваться мечом веры, не отскочил прочь и не продолжил молитву, а совершил абсолютно нелогичное для православного человека действие: он сам вскочил на спину ведьме, чтобы продолжить страшную скачку. Автор так описывает его состояние в этот момент: «Он чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, томительно-страшное наслаждение» [Гоголь, Миргород URL]. Будучи тонким психологом, Гоголь тем самым подчеркивает духовное родство Хомы с сатанинской стихией.

Сцена избиения ведьмы тоже весьма показательна: герой предпочитает именно физическое воздействие: до изнеможения, с каким-то странным наслаждением он расправляется с безобразной старухой, пока та не превращается в молодую красавицу. Именно это превращение останавливает поток агрессии сластолюбца Хомы, хотя духовная суть ведьмы не изменилась, она по-прежнему представляла для него угрозу. Неэффективность физического противостояния бесовской силе известна каждому, кто читал Евангелие, где Спаситель, объясняя Своим ученикам причины, по которым им не удалось изгнать беса из одержимого, наставляет их: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 23). А мысли и поступки Хомы Брута явно противоречат слову Божию.

Но нравственный урок повести Гоголя состоит не только в том, что читатель становится свидетелем печального итога жизни одержимого страстями человека. Хома Брут – представитель Церкви, хотя и не принявший еще священного сана, но готовящийся к этому поприщу.

Поэтому духовный облик этого персонажа, как и других его однокашников, с точки зрения некоторых исследователей, бросает тень на Церковь как социальный институт. По оценке М.М. Дунаева, автора учебника по русской литературе для духовных семинарий, «Вий» начинается с такого сурового реализма в описании семинарских и бурсацких нравов, что невольно начинают мерещиться более поздние сатиры Помяловского. Гоголь показывает разрушение самих основ веры: ведь он описывает будущих духовных пастырей православного народа» [Дунаев 2009: 71]. Важно подчеркнуть, что изображение негативных сторон социальной действительности легло в основу художественного метода критического реализма, или «натуральной школы», одним из создателей которого являлся Н.В. Гоголь. При этом не следует вменять в вину писателю неуважение к Православию и Святой Церкви Христовой. Ироничное изображение семинарского быта и незадачливых, духовно опустошенных бурсаков вовсе не означает, что сам автор утратил веру в незыблемость Церкви как Божиего установления на земле. Он лишь акцентирует внимание на опасной тенденции, которая в случае ее развития может не только принести неисчислимые беды отдельным представителям Церкви, но и поставить под удар ее саму.

Обращает на себя внимание внешний вид храма, где принужден читать Псалтирь над убитой им ведьмой философ Хома: «Церковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мхом, с тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Заметно было, что в ней давно уже не отправляли никакого служения» [Гоголь, Миргород URL]. Такое запустение и осквернение храма Божия М.М. Дунаев рассматривает как опасный признак нарастающего в мире кризиса веры [Дунаев 2009: 72].

Символическое значение осквернённого храма – порабощенная страстями душа, которая, едва очистившись, снова становится обиталищем бесовских сил. Судьба Хомы Брута как нельзя лучше иллюстрирует известную евангельскую притчу: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Мф. 12, 43-45). Будучи с юности отдан в семинарию для постижения глубин православной веры и последующего служения Церкви, этот человек пренебрег благодатью, осквернив себя множеством грехов, вследствие чего стал легкой добычей для сил зла. Таким образом,

причина гибели Хомы Брута заключается вовсе не в его страхе перед дьявольской силой, хотя сам автор пишет, что «вылетел дух из него от страха» [Гоголь, Миргород URL] (здесь следует снова вспомнить о примечании Гоголя к повести, где он поясняет, что в изложении этой истории он следует полностью народному преданию). Духовный смысл повести заключается в том, что, ограждаясь от нашествия злой силы извне, он не заметил, что ад поселился в его собственной душе. А поскольку окнами души являются глаза, то именно визуальный контакт с Вием становится для него смертельным.

Читатели XXI века, усвоившие печальные уроки революционных событий прошлого столетия, способны в полной мере оценить прозорливость Гоголя, предвидевшего опасность духовного запустения и отвержения Бога.

Литература

Гоголь Н.В. Вий // URL: https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/375861-2-nikolay-gogol-viy.html#book

Гоголь Н.В. Миргород. Текст произведения. Вий // URL: https://ilibrary.ru/text/1070/p.15/index.html

Дунаев М.М. Православие и русская литература. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2009.

О «Вие» Н. Гоголя: почему нечисть смогла ворваться в церковь // URL: https://varvara.od.ua/2015/05/27/o-vie-n-gogolya-pochemu-nechist-smogla-vorvatsya-v-cerkovь/

Коротков Р. «Вий» Н.В. Гоголя в кинематографической интерпретации // URL: http://project115113.tilda.ws/

Леонов В. Гоголь – загадочный алмаз России // URL: https://www.litres.ru/vladimir-leonov-6162684/s-drevnostu-nerushimaya-svyaz/chitat-onlayn/page-3/

Толкования Священного Писания. Толкование на Мф. 6:23 // URL: http://bible.optina.ru/new:mf:06:23

Grudinina E.V. A Tale in “Viy” by N.V. Gogol: spiritual meaning and modern interpretation

The article is dedicated to the comparative analysis of the film, based on the novel “Viy” by N. Gogol. It was created in the second half of XX – beginning of XXI century and characterises the modern perception of the work. The author comes to the conclusion that most feature films use the idea or plot of the story “Viy”, but at the same time they don’t understand causes of a person’s spiritual death or deliberately distort the author's concept. In conclusion, the author assesses the image of the main character and explains the spiritual meaning of the story from the point of the Orthodox theology.

Key words: Nikolai Gogol, the novel “Viy”, the film adaptation, the interpretation, the spiritual meaning of the Orthodox view.

УДК 821.161.1

О.Г. Талалаева

ГОГОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В «ГОТИЧЕСКОЙ» ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

В статье представлен сравнительный анализ произведений Н.В. Гоголя и И.А. Бунина, в которых прослеживаются трансформированные элементы и мотивы готической традиции. Раскрывается связь писателей с жанром классического готического романа, формы адаптации его для русского читателя. Исследуется изменение и обогащение канонов жанра, последовательное развитие готической традиции от Н.В. Гоголя к И.А. Бунину.

Ключевые слова: русская литература XX века, проза И.А. Бунина, готическая традиция, готические мотивы.

Принадлежащие одному столетию Н.В. Гоголю и И.А. Бунину волею судьбы не суждено было пересечься, периоды их жизни и творчества разделяет около двадцати лет. Бунин продолжил путь, начатый Гоголем, в некоторой степени стал его последователем, впитав и трансформировав литературный опыт знаменитого предшественника. Гоголь нечасто упоминался Иваном Алексеевичем. Имени Гоголя и того, что с ним связано, немногим больше в совместных дневниковых записях, коснулась В.Н. Муромцева-Бунина.

В 1909 году на Арбатской площади был установлен памятник Н.В. Гоголю по случаю 100-летия со дня его рождения. Торжество приняло общенациональные масштабы и отмечалось с большим размахом несколько дней. Четы Буниных не было в то время в Москве, они путешествовали и не могли присутствовать на праздновании юбилея Гоголя и открытия его памятника, однако, по приезде в Москву В.Н. Муромцева написала об этом событии: «Мнения о памятнике были различные. Рассказывали о том удивлении, которое он вызвал, когда спала с него завеса. Словом, Москва до лета переживала впечатления торжеств по случаю столетия со дня рождения Гоголя» [Бунин 2005, 1: 69]. Гоголь, представляющий собой большую величину в литературном мире, так или иначе, периодически появлялся на творческом пути Бунина, и последний не мог не отозваться.

О Гоголе впервые Бунин услышал еще в детстве, одним из воспоминаний стал рассказ его гувернера о встрече с Николаем Васильевичем, отчего-то именно этот эпизод запал писателю в душу, и он отразил его в своих «Заметках о литературе и современниках», пропустив

это событие сквозь призму своего мировосприятия: «Когда мне его показали, я был так поражен, точно увидел что-то сверхъестественное. Подумать только: Гоголь»! [Бунин 2017: 19]. Неоднократно Бунин перечитывал и произведения Николя Васильевича, о чем он сам рассказывал в своем дневнике. В 1934 г. Иван Алексеевич в разговоре с Б. Зайцевым вспоминал своего предшественника и его знаменитое произведение. Писатель отстаивал свою точку зрения о том, что Гоголь сжег лишь неудачные, по его мнению, фрагменты из второй части «Мертвых душ», а не всю ее целиком. Еще не раз Бунин впоследствии вспомнит «Мертвые души», о которых скажет, что это произведение послужило определенным толчком для написания его рассказа «Натали» (1941): «Мне как-то пришло в голову: вот Гоголь выдумал Чичикова, который ездит и скупает «мертвые души», и так не выдумать ли мне молодого человека, который поехал на поиски любовных приключений?» [Бунин 1965, 9: 373].

Через несколько лет в 1936 году Бунин отреагировал на анекдотическую историю о Гоголе Иеронима Ясинского и опубликовал шутливый рассказ «Жилет пана Михольского». Николай Васильевич в рассказе представлен комично, особо эмоционально изображены его острые пристрастия к современной моде. Основой сюжета является некое противостояние двух персонажей: столичного франта пана Михольского и самого Гоголя, представленного щеголеватым аристократом. Причиной подобного поведения стала модная жилетка Михольского, которую он отказался продать автору известных на тот момент произведений: «Нет, не продам я тебе жилетки ни за какие деньги! Он хоть и Гоголь, а такой жилетки у него нет и не будет! Я, брат, свою жилетку выше всяких его “Мертвых душ” ставлю»! [Бунин 1965, 7: 291]. В рассказе писатель с юмором обыграл пороки современного человека, те же, что встречаем и в произведениях Гоголя. При всей комичности этого рассказа, Бунин всегда воспринимал Гоголя всерьез, размышлял о его «Мертвых душах», пытался разгадать тайну второй части, и в очередной раз в дневнике от 1940 года встречается запись: «Было и у меня когда-то детство, первые дни моей жизни на земле! Просто не верится! Теперь только мысль, что они были. И вот идут уже последние. [...] Убежден, что Г[оголь] никогда не жег “М[ертвых] Д[уш]”» [Бунин 2005, 2: 277]. Размышления о вечном, о жизни и смерти соседствуют с мыслями о Гоголе. В прозе Бунина неизменно преобладают мотивы любви, жизни и смерти. Мотив смерти представляет наибольший интерес, как точка соприкосновения литературных предпочтений двух писателей. Следует отметить, что и Гоголь, и Бунин изображали смерть не только в библейском понимании, привычном светскому че-

ловеку, сколько видели в ней иррациональное начало. Такой подход объединяет писателей и помогает полнее понять мысли и представления каждого из них.

Смерть, процесс умирания и атрибуты сверхъестественного, как известно, являются частью характерных признаков готического романа. Было бы неверным говорить в этой связи применительно к Гоголю и к Бунину о том, что понятие тайны и ужаса не свойственны русской литературе. Берущий свое начало в Англии, готический роман постепенно распространился по Европе, однако в России мы видим лишь готическую традицию, но и она представлена в альтернативной форме, отличающейся от европейских представлений о готике.

Е.И. Самородницкая в своей работе, рассуждая о месте готического романа и его традиции в России, делает вывод о том, что для русских авторов определение понятия готики и всего связанного с ней представляется иным по сравнению с классическим понимание данного жанра: «Готика – особый хронотоп, позволяющий автору не считаться с законами реальности, гармонии и меры, т.е. санкционирующий введение в текст элементов фантастики и, более широком смысле, дающий почти неограниченную свободу авторскому воображению» [Готическая традиция… 2008: 93]. Главная причина подобной трактовки в отсутствии общности готического процесса с историческим прошлым России, чужеродность и иное восприятие русским читателем, как носителем другого языка и культуры. Вместе с тем, исследователь придерживается мнения о необходимости традиционной готической атрибутики, которая и выступает своеобразным маркером иррациональной реальности. Таким образом, в русскую литературу традиции жанра тайны и ужаса вошли видоизмененными согласно существующему мировоззрению и сложившимся читательским требованиям того времени.

Следы готической традиции прослеживаются в творчестве обоих писателей: особый хронотоп, готические элементы, внешность героев и их отношение к окружающей действительности, особенности сюжета, характерные для готической традиции мотивы. Особенно четко готическая составляющая проступает при изображении умерших на фоне суггестивного зловещего колорита. Ярким примером такого приема может служить сопоставление отдельных отрывков из повести «Вий» Н.В. Гоголя (1835) и рассказа «Преображение» (1921) И.А. Бунина. Эпизод ночного бдения у гроба являет собой яркую картину инфернального мира. По замыслу авторов оба главных героя должны остаться один на один с усопшим до утра. Студент-богослов

Хома Брут («Вий») и младший сын Гаврила («Преображение») имеют схожие черты, они оба молоды, смелы и полны жизненной энергии.

Персонаж Гоголя, бурсак своим характером и поведением совсем не кажется воцерквленным человеком: «Философ Хома Брут был нрава веселого. Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал тропака» [Гоголь 2006: 266]. Сирота Брут пытался взять от жизни все возможное, и призвание его, скорее всего, стало таковым, не потому, что последний имел склонность к учению и любовь к церкви, а явилось необходимостью: учеба давала кров, веселую компанию и возможную работу в дальнейшем.

Молодой Гаврила напротив изображен истинным христианином, на формирование его личности оказали большое влияние семейные устои: «Он всегда выделялся в семье своей разумностью и опрятностью, ровным нравом, любовью к чтению, к церковным службам…» [Бунин 1965, 5: 77]. Родом молодой человек был из богатого большого дома, ему не приходилось выживать, бродяжничать и побираться. И тому и другому герою предстоит читать псалтирь всю ночь напролет и пережить нечто страшное, проникшее в реальный мир из потустороннего.

Место действия ночного бдения у Гоголя происходит в старой деревянной церкви, с высоким старинным иконостасом и множеством древних угрюмых образов в золоченых резных рамах. Чтобы стало больше света, Хома пытается прилепить повсюду восковые свечи, но под потолком мрак становится еще гуще и оттого страшнее. Брут начинает чтение с чувством пугающего трепета и внутренней дрожи от предстоящей ночи вблизи умершей.

У Бунина сюжет развивается в ледяной избе, где стоит гроб с покойной. Непременный образ свечей присутствует в тексте, как инструмент, помогающий преодолеть страх и спастись от сверхъестественной темноты. Жаркое дрожащее пламя противопоставлено мертвенному холоду избы и властвующей в ней женщины. В.Э. Вацуро в своей книге «Готический роман в России» упоминает о мотиве «рембрантовского освещения», построенного на контрастах яркого света и тени [Вацуро 2002: 495]. Именно с помощью игры света авторы обостряют и без того гнетущую атмосферу. В тот миг, когда церковь и изба становятся максимально возможно освещены, и начинают разворачиваться события с потусторонним: Брут остался один и приготовился к чтению, перед этим постаравшись разогнать мрак: «Свечи лили целый потоп света. Страшна освещенная церковь ночью, с мертвым телом и без души людей!» [Гоголь 2006: 282]. Автор подготовил для читателя сцену, где

и будет происходить невообразимое и недоступное, неподдающееся человеческой логике. Сгущающаяся тьма за пределами света от свечей усиливает тревогу и таинственность. Николай Васильевич приводит своего героя во власть кошмара: панночка села в гробу, затем встала из него и пошла по церкви с закрытыми глазами в поисках Хомы. Ужасная в своей неестественной красоте покойница представляет собой характерный персонаж для готической литературы.

Таких героев можно увидеть в произведениях Б. Стокера «Дракула» (1897), где можно встретить ожившую Люси, или Д.Ш. Ле Фаню «Кармилла» (1872), в готической новелле которого перед читателем предстает мертвая и прекрасная Кармилла. Несмотря на вампирскую тематику, именно эпизод с воскрешением является характерным мотивом, свойственным готической традиции. Сам процесс жизни после смерти и то, чем становится тело без души, неоднократно описанное готическими авторами, ввергает в ужас. Встреча с таким созданием оставляет неизгладимый след в характере и поведении героев, Хома, вышедший из церкви на второе утро, стал полностью седым.

В рассказе «Преображение» Бунин несколько смягчил сцену воскрешения: и без того испуганный Гаврила вдруг видит, что парчовый покров на груди у покойницы поднимается, она дышит, в этот момент: «И еще выше и ярче растет, дрожит, ослепляет блеск свечей – и уже все вокруг превращается в какой-то сплошной восторг, от которого деревенеет голова, плечи, ноги» [Бунин 1965, 5: 77]. Чувства, пережитые Гаврилой, не так всеобъемлющи, как у бурсака Брута, но настолько глубоки, что Гаврила и в зрелости будет помнить об этой ночи. Оба героя сталкиваются со страшным существом, уже не живым, но и не мертвым, пришедшим из потустороннего мира. Гаврила и Хома вынуждены оставаться до утра один на один с тем, что прежде было человеком, а теперь несет в себе смерть и никто не может им помочь в тишине и мраке ночи. Как уже говорилось выше, образ ожившего мертвеца часто встречается в литературе, тайны и ужасы, сфера неизведанного всегда привлекала читателей и держала их в пугающем ожидании развязки. Финал «Вия» трагичен, Хома оказался слаб верой и был растерзан полчищем потусторонних сил. И.А. Бунин иначе отнесся к своему герою, спустя годы Гавриле уже не кажется такой ужасающей холодная ночь в ледяной избе рядом с умершей матерью, теперь он воспринимает это событие как нечто дивное и неотвратимое.

Готическая традиция И.А. Бунина не так резка и ярко выражена, как у Н.В. Гоголя, очевидно, что она подверглась трансформации, поэтому сочетает в себе не только оригинальные элементы жанра, но

и те, что привнесли каждый из писателей. Суггестивная техника Гоголя, позволяющая создать вокруг объекта устрашающую ауру, контрастирует с пугающими бунинскими деталями. Если Николай Васильевич будто смотрит сверху, как развивается сюжет его произведения, то Иван Алексеевич, напротив, пытается рассмотреть все через увеличительное стекло. Так или иначе, авторское видение готической традиции и ее применение в ткани повествования, без сомнения, представляет интерес, так как имеет значительные отличия от классического готического романа.

Литература

Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники: в 2 т. М., 2005.

Бунин И.А. Биографические материалы. Воспоминания. М.-Берлин, 2017.

Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1965.

Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002.

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Петербургские повести. М., 2006.

Готическая традиция в русской литературе / под ред. Н.Д. Тамарченко. М. 2008.

Talalaeva O.G. Gogolian traditions in the "gothic" prose by I.A. Bunin The article deals with the comparative analysis of prose by N.V. Gogol and I.A. Bunin which demonstrates certain "gothic" elements and motives, transformed by the writers.The researcher brings light to the mentioned writers' connection with the genre of gothic classic novel and analyses ways of its adaptation for the Russian readers. Also the author focuses on changes and enrichment of the genre and the development of the gothic traditions from N.V. Gogol to I.A. Bunin

Key words: the Russian literature of the XX-th century, prose by I.A. Bunin, gothic traditions, gothic motives

УДК 821.161.1

Н.С. Сазонова

ГОГОЛЕВСКИЕ МОТИВЫ В ЦИКЛЕ М. ГОРЬКОГО «ПО РУСИ»

В статье рассматриваются формы и способы существования гоголевских традиций в цикле М. Горького «По Руси». Обращается внимание на прямые параллели образа Чичикова из поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя с образом Проходяшего («По Руси»). Под-

черкивается влияние песенных мотивов поэмы на художественно-философскую структуру цикла.

Ключевые слова: «Мертвые души» Н.В. Гоголя, цикл «По Руси» М. Горького, русский национальный характер.

Творчество Н.В. Гоголя оказало большое влияние на последующих авторов. Многие писатели XIX и XX века продолжали в своих произведениях гоголевские традиции. Ярким примером может служить цикл рассказов М. Горького «По Руси». Отображение жизни русского народа – одна из главных тем творчества обоих писателей. Как и Гоголь в поэме «Мёртвые души», Горький изобразил в своём цикле русского человека со всеми его достоинствами и недостатками.

Главный герой – некий «проходящий», как он сам себя называет. В нём несложно узнать гоголевского Чичикова, вместе с которым читатель путешествует по российской провинции и изучает особенности русского человека. Проходящий бродит по Руси, встречает самые разные типы людей, становится свидетелем произошедших с ними историй. В каждом рассказе повествуется о новой судьбе, о ещё одной загубленной жизни. Ведь в большинстве случаев талантливые, умные, сильные люди вынуждены тратить свою жизнь впустую, так как русский народ ещё не способен направить свою энергию в нужное русло. Именно это больше всего волновало Горького. Каким будет будущее России? Научится ли русский народ пользоваться тем, что заложила в него природа? Преодолеет ли все препятствия на пути к своему счастью?

Эти же проблемы рассматривал в своей поэме Гоголь. Им было показано, что будущее России зависит не от чиновников и помещиков, а от простого народа, крестьян. Именно их талант и широкая душа приведут Русь к великим достижениям.

М. Горький был категорически не согласен с популярными в начале XX века теориями, заявлявшими, что русский народ от природы пассивен, дик и бескультурен. Писатель считал, что от природы русский народ как раз активен и талантлив, а пассивность – результат крепостного права, нищеты, отсутствия образования и других факторов, негативно повлиявших на жизнь крестьян. «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры», – писал Горький в статье «Разрушение личности» [Горький URL].

В чём же лучше всего раскрывается характер русского народа? Что помогает нам понять душу как отдельного человека, так и всего народа, всей нации? Конечно же, народная песня. Копалов писал в своей статье «Песня – душа народа»: «Песня раскрывает такие глубины, такие тайники русского характера, которые невыразимы, непостижимы в иных жизненных ситуациях» [Копалов 2012: 3]. И.А. Ильин говорил: «Покажи мне, как ты веруешь и молишься; как просыпаются у тебя доброта, геройство, чувство чести и долга; как ты поёшь, пляшешь и читаешь стихи, скажи мне всё это, а я скажу тебе, какой нации ты сын» [Ильин 1993: 51].

Гоголь писал: «Преобладание поэтического элемента в глубине славянской души и особенное расположение нашего языка были причинами происхождения множества песен в нашей словесности… Песня обнимает все: все чувства и ощущения жизни… в песне почти музыкальная стройность строф, уместные повторения и счастливые возвращения к тому же составляют необыкновенную прелесть песни» [Гоголь URL]. В «Мёртвых душах» не раз подчёркивается, что песня неразрывно связана с Русью. «И разливалась она, беспредельная, как Русь». «И сам Чичиков чувствовал, что он русский».

В последней главе писатель изображает народную песню в образе птицы-тройки. Она является символом Руси, её неотъемлемой частью. «Привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась!» [Гоголь URL]. Песня и русский народ окончательно сливаются. Представить их по отдельности становится невозможно.

Как и Гоголь, Горький, изображая Русь, не мог обойти стороной этот жанр фольклора. Песни встречаются почти в каждом рассказе цикла «По Руси». Тем самым писатель подчёркивает талант русского народа, его любовь к творчеству, заложенную природой, которая скрашивает тяжёлую жизнь и придаёт силы. Кроме того, песня раскрывает героев с новой стороны. Читатель будто заглядывает в их подсознание. Поют в горе и в радости, в праздники и за работой, взрослые и дети.

Один из рассказов так и называется «Как сложили песню». Здесь показан сам процесс создания народной песни. В данном случае авторами являются кухарка и молодая горничная. Кухарка Устинья складывает песню не в первый раз. Для неё это привычное и совсем не сложное дело. Помогает ей горничная Маша. Обе, находясь, в городе, скучают по родной деревне. Песня является для них своеобразной ниточкой, связывающей с родиной и прошлой жизнью. Певицы поют

о том, что больше всего их волнует. Слова рождаются без труда: «Жаворонок над полями поет, / Васильки-цветы в полях зацвели, – поет Устинья. Поглядеть бы на родные-то поля! – добавляет Маша. Беспокойно мне, девице молодой. / Всё тоскою сердце мается [Горький URL].

Тоска по родине пронизывает эти строки. А родина для них – это, в первую очередь, «ясное солнышко», «вьюги лютые», «ручьи веселые». Кваканье лягушек, звон колоколов, мелькание ласточек, пение женщин, их мысли о родной деревне – всё это будто сливается в единое целое. Человек становится частью природы, частью России. Ни один помещик или чиновник не сможет так, как простые крестьянки, почувствовать и передать это слияние. В этом небольшом рассказе для Горького было важно подчеркнуть, что в песнях отображаются желания, мечты, тревоги, заботы, радости русского человека.

Ещё одним гоголевским мотивом, который использует Горький в своём цикле, является мотив дороги. Проходящий, как и Чичиков, ходит среди разных людей, не задерживаясь на одном месте. Он постоянно в пути. Дорога символизирует и путь Чичикова, и путь русского человека, и путь всей России. «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога!»; «Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога!» [Гоголь URL].

В сознании любого русского человека, дорога неразрывно связана с концептами воли и свободы. Томимый тоской, желанием лучшей жизни, новых впечатлений, русский человек стремится к воле, к безграничным просторам, к постоянному движению, открытию нового. А.Д. Шмелёв описывал «человека на воле» следующим образом: «Безграничный горизонт. Идет некто без пути, без дороги, под ноги не смотрит. Без шапки. Ветер треплет ему волосы, сдувает на глаза, потому что для таких он всегда попутный. Летит мимо птица, широко развела крылья, и он, человек этот, машет ей обеими руками, кричит ей вслед дико, вольно и смеется». Воля не имеет границ. Пока впереди видна дорога, у русского народа есть будущее. И это будущее в его руках» [Шмелев URL].

Поэма Гоголя заканчивается словами: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа» [Гоголь URL]. Будущее России, как и дорога, по которой едет Чичиков, безгранично. Неизвестно, что будет дальше. Но автор надеется на лучшее.

В цикле «По Руси» путешествие главного героя тоже кажется бесконечным. У него нет постоянного места жительства, нет определённой цели путешествия, нет друзей и родственников. Ночлеги, пейзажи, люди, их истории сменяются каждый день. Кажется, у всего этого нет

границ, и так будет продолжаться вечно. Куда дорога ведёт проходящего, неизвестно. Новые бескрайние поля, степи и просторы зовут героя снова вперёд. Россия огромна. И жизни одного человека не хватит, чтобы познать все её богатства.

Использование и переосмысление гоголевских мотивов позволило М. Горькому по-новому рассмотреть проблемы, уже известные ранее русской литературе.

Литература

Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. М., 1951.

Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1978.

Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 50-71.

Копалов В.И. Песня – душа народа // 1150-летие России: от истоков до современности (862-2012 гг.). М., 2012. С. 3-19.

Шмелев А.Д. Широта русской души // URL: http://modernlib.net/books/shmelev_a/shirota_russkoy_dushi/read_1

Sazonova N.S. The Gogolian motives in “Through Russia” collection by M. Gorky

The article deals with the Gogolian traditions, ways and forms of their functioning in “Through Russia” collection by M. Gorky. The researcher draws parallels between the image of Chichikov from “Dead Souls” by Gogol and the one of the Traveller. The author of the article draws the attention to the influence of song-like motives on the artistic and philosophical structure of the collection by M. Gorky.

Key words: “Dead Souls” by N.V. Gogol, “Through Russia” collection by M. Gorky, the Russian national character.

УДК 821.161.1

И.Н. Терехова

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ Н.В. ГОГОЛЯ В ЭМИГРАНТСКОМ ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

В статье рассматривается и анализируется творчество Н.В. Гоголя глазами писателей-эмигрантов. Б.К. Зайцев в журнале «Современные записки» опубликовал очерк «Жизнь с Гоголем», где он рассматривал не только все уголки загадочной жизни писателя, но и то, как его творчество влияло на всю семью Б.К. Зайцева. Автор сравнивает литературу Н.В. Гоголя с музыкой: раннее творчество со светской музыкой, а более позднее с духовной. Писатели-сим-

волисты анализировали «внутренний мир» Н.В. Гоголя (Д.С. Мережковский в книге «Гоголь и чёрт» и статья В.Я. Брюсова «Испепеленный. К характеристике Гоголя»).

Ключевые слова: Русское зарубежье, «Современные записки», писатели-эмигранты, Б.К. Зайцев, «внутренний мир» Н.В. Гоголя, осмысление творческого наследия Н.В. Гоголя.

Жизни и творчеству великого русского писателя Н.В. Гоголя посвящено множество работ: монографий, статей, очерков и др. Но большая часть из них увидела свет еще до революции. В советское время анализу творчества писателя почти не уделялось внимания. Критиков и авторов Русского Зарубежья интересовали две грани творчества автора: его философская сторона и непосредственно тексты произведений.

Б.К. Зайцев опубликовал два очерка о Н.В. Гоголе: «Гоголь на Пречистенском» (Возрождение. Париж, 1931. 29 марта) и «Жизнь с Гоголем» (Современные записки. Париж, 1935. № 59). Однако их нельзя отнести к каким-либо научным трудам, они написаны более художественным языком. В них мы можем узнать о современной писателю эпохе, а также о нем самом. Благодаря четко выраженному мнению писателя-эмигранта мы можем узнать о том, что же думало целое поколение наших соотечественников о творческом наследии писателя.

Очерк «Жизнь с Гоголем» рассказывает о том, как воспринималось творчество писателя в семье Б.К. Зайцева с самого детства. «В первом отрывке рассказывается, как воспринималось творчество Н.В. Гоголя взрослыми и детьми в семье. Взрослые воспринимали его как писателя-сатирика по повестям “Вечера на хуторе близ Диканьки”. Дети же считали его мрачным и трагичным автором. Гоголь юной душе предстоит не весь, но героически-поэтической своей стороной», – пишет Зайцев. Но вот ребенок стал юношей: «“Мертвые души”, “Ревизор” – темы для сочинений “О значении Гоголя в русской литературе”, о “гоголевских типах” – “все это нужно, полезно… но казенно”». Далее, замечает автор, – «“в студенческие годы наступает перерыв”. Гоголь прочитан, это “классик”, великий писатель… ну и Бог с ним» [Современные записки 1935, 59: 274].

В очерке Б.К. Зайцев упоминает о памятнике Н.В. Гоголю: «Памятник вдохновлен новым пониманием Гоголя. Удачно или неудачно исполнен, в нем есть отголоски писаний о Гоголе Мережковского, Брюсова» [Современные записки 1935, 59: 274].

В литературе Н.В. Гоголь известен как основатель русского реализма, наряду с А.С. Пушкиным. Но русские писатели-символисты об-

ратились к «внутреннему миру» писателя. Д.С. Мережковский в книге «Гоголь и чёрт» и В.Я. Брюсов в статье «Испепеленный. К характеристике Гоголя» рассматривали языковые особенности произведений писателя. Несмотря на неровности и шероховатости стилевая манера идеальная, хотя движется по своим неведомым законам. При работе над каждым своим произведением автор перечитывает материал, поправляет его, прорабатывает каждую фразу, делает их более яркими и живописными, выбрасывает лишние изобразительно-выразительные средства.

Вспоминая первые годы после революции, Б.К. Зайцев пишет о том, что они уехали из России, породившей множество талантливых прозаиков и поэтов. В эмиграции писатели не забывали свои корни, русскую культуру. Но они страшились неизвестности перед будущим.

«Чем далее идет время, тем сильнее чувствуем мы здесь свое одиночество, – пишет Зайцев. – Все более уходим душою с чужой земли, возвращаясь к вечному и духовному в России. Вновь перечитываем многое, на чем возрастали, по-новому его ощущая. Становится почти жутко, когда подумаешь, что вот уже в последний раз пересматриваешь святыни родной литературы: Толстого и Достоевского, Тургенева, Гоголя. Вечные спутники! Но не вечно самим себе равные, с разных сторон раскрывающиеся, по-разному воспринимаемые, сопровождая нашу жизнь» [Современные записки 1935, 59: 284].

Б.К. Зайцев пишет о том, что по мере взросления произведения великого русского писателя кажутся иными. Сюжет повести «Тарас Бульба» кажется более простым, немного по-детски наивным, зато комедия «Ревизор» и лирическая поэма «Мертвые души» не теряет своей актуальности. Упоминается переписка Н.В. Гоголя с друзьями. Письма чистые, наивные, глубокие и проникновенные. Открывается другая сторона жизни и творчества писателя, лучше узнается его внутренний мир, устремления помогают задуматься и хотеть стать лучше, чем ты есть на самом деле.

Б.К. Зайцев пишет: «Да, уж никак не назовешь здесь Гоголя христианином среднего, серенького типа! Не было в нем никакого благополучия! Или спасение, или гибель… “Переписка” книга такая, что читая ее в зрелом возрасте… нельзя ее не переживать. Она именно не читается, а переживается… Это книга героического духа» [Современные записки 1935, 59: 285].

Стиль письма позднего Н.В. Гоголя изменился. Становится меньше зрительных образов, ритмы такие тонкие, свойственные только для него. Делается попытка объяснить, почему второй том «Мертвых душ»

не понравился самому автору. Слишком много неестественных образов, попытка изобразить Чичикова лучше, чем он есть на самом деле. По мнению Б.К. Зайцева, Н.В. Гоголю лучше подошел жанр духовной прозы.

«Может быть, Гоголь, пройдя полосу крайнего морализирования, желания непременно поучать, чуть не насильно вести к благу, и успокоился бы и, взявшись за писание иного рода, где сияла бы его восторженность, его жажда небесных звуков, написал бы произведение живоносное, обвеянное Духом Святым. Но это не были бы “Мертвые души”» [Современные записки 1935, 59: 285].

Приводится в пример предсмертное произведение писателя «Размышления о Божественной Литургии». Б.К. Зайцев не берется о нем судить со стороны духовных лиц. Но со стороны литературы это прекрасное, гармоничное, духовное произведение. Описание церковной службы отражает прозрачную, внутреннюю просветленность. Происходит своего рода переход от светской литературы к духовной.

Таким образом, писатель Б.К. Зайцев на протяжении всей своей жизни читал произведения Н.В. Гоголя, открывая в них новые грани творчества писателя. Символисты же слишком сузили понимание произведений Н.В. Гоголя, ограничили лишь его «внутренним миром».

«Не выудишь из Валерия Брюсова, что Гоголь любил детей, а это именно так: вот этот Гоголь, якобы только и занимавшийся чертовщиной, детей любил, и дети его любили». Восхищается Зайцев нестяжательностью Гоголя: «Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет», – приводит он слова писателя. «Сомнения, тоска, даже отчаяние посещали его, – пишет Зайцев. – Посещало и страшное чувство безблагодатности, оставленности Богом. Крест тягчайший! Но с какой покорностью, смирением он его нес!.. Все равно он прожил героически. И заслужил терновый венец – увенчание великих жизней, пусть и кажущихся неудачами» [Мережковский 1991: 73, 286].

Литература

Брюсов В.Я. Испепелённый (К характеристике Гоголя) // URL: https://www.litmir.me

Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991.

Полетаева Н.В. «Современные записки» // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940: в 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000.

«Современные записки». Сводный каталог периодики русского зарубежья // URL: http://www.emigrantica.ru/item/satirikon-1931http://e-libra.ru/books/105612-zhizn-arseneva.html.

Струве Г. Современные записки // Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956.

Терапиано Ю. Встречи. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

Terekhova I.N. N. Gogol as a creative creative individual in emigre journal "The Modern Notes"

The article discusses and analyzes the work of N.V. Gogol through the eyes of emigre writers. B.K. Zaitsev in the journal "Modern notes" published an essay "Life with Gogol", where he considered not only all the corners of the writer's mysterious life, but the influence of his works on the whole family of B. K. Zaitsev. The author compares the literary works of N.V. Gogol with music: the early works with secular music, and the latest ones with the sacred music. Symbolist writers (D.S. Merezhkovsky in the book "Gogol and the Devil" and V.J. Bryusov' in the article "The Incinerated. To the Characteristic of Gogol") analyzed the "inner world" of N. Gogol.

Key words: Russian abroad, "Modern notes", emigre writers, B.K. Zaitsev, "inner world" N. In. Gogol, understanding the creative heritage N.V. Gogol.

УДК 821.161.1

В.В. Павлова, И.И. Фролова

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Статья посвящена исследованию стилистических особенностей сравнительных конструкций в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Сравнение рассматривается как элемент идиостиля и как один из приемов создания комического. Анализируется структурно-семантическая организация компаративных единиц, подчеркиваются отличительные черты гоголевской повествовательной речи в целом: богатая метафоричность, гиперболизация, ирония и сарказм.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, компаратив, комическое, языковые средства, образность.

Язык художественной литературы, ее классиков, лучших национальных прозаиков и поэтов признан важнейшим источником изучения литературного языка [Русская грамматика 1980, 1: 13]. Этим объясняется наше обращение к творчеству Н.В. Гоголя, ведь язык Н.В. Гоголя – великолепный образец русской литературной речи. В филологической науке большое количество исследований посвящено творчеству писателя, однако прав А. Белый, который писал, что «мы еще не знаем, что такое Гоголь» [Белый 1934]. Гоголь не просто великий рус-

ский писатель, это признанный мастер слова. Языковой манере писателя посвящены фундаментальные работы В.В. Виноградова. О стиле Н.В. Гоголя писали А.И. Ефимов, Ю.М. Лотман и др.

Характеризуя особенности повествовательной речи в «Мертвых душах», необходимо указать на ту важную роль, которую играют в ней сравнения. Они связаны с индивидуальным стилем автора, жанром, предметом изображения.

Цель настоящей статьи – показать сравнение как один из приемов создания комического в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Источником гоголевского комизма явились специфические черты жизни, духовный облик героев, контраст между претензией на добродетель и нравственной несостоятельностью. Комизм отдельных героев раскрывается в поэме в тесном единстве с выявлением комизма всей сферы жизни, в которую они включены. Автор насыщает юмором диалоги действующих лиц, описание внешней обстановки их жизни и отражение их внутреннего мира.

Особая заслуга в области исследования средств и приемов комического на материале художественной литературы принадлежит В.В. Виноградову и А.И. Ефимову. В.В. Виноградов выделяет такие средства, как «принцип неожиданного совмещения слов и выражений с различающимися значениями, острая метафора, основанная на ироническом сравнении образов с животными и растениями, образное сравнение и сопоставление, ирония, основанная на связывании слов с противоречащими значениями, комические каламбуры и т.д.» [Виноградов 1971: 105]. А.И. Ефимов анализирует лексический состав произведений писателя, мастерство в обращении с художественным словом, подробно рассматривает комические сравнения в языке сатиры Салтыкова-Щедрина [Ефимов 1953: 436-463].

В поэме Гоголя комизм наиболее ярко раскрывается при помощи сравнений, которые рассыпаны по всей поэме и составляют одну из ее характерных особенностей. Сравнительные конструкции отличаются разнообразием структурной и семантической организации. Наиболее частотными являются сравнения, основанные на ироническом сопоставлении образов героев поэмы с животными и растениями: *Экипаж Коробочки был похож на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то есть дверцы, носившие следы желтой краски, затворялись очень плохо.*

Чиновников, служивших под началом строгого генерала, Гоголь сравнивает с рыбацким промыслом по степени энергии, азарта, сопровождавших их действия и движения, и в отношении результатов –

приобретение соответствующей добычи: *Все, что ни было под начальством его, сделалось страшными гонителями неправды; везде во всех делах они преследовали ее, как рыбак острогой преследует какую-нибудь мясистую белугу, и преследовали ее с таким успехом, что в скором времени у каждого очутилось по несколько тысяч капиталу.*

Характерным для «Мертвых душ» представляется прием комического сочетания высокой речи с разговорно-бытовой лексикой: *Один из священнодействующих, тут же находившихся, приносивший с таким усердием жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что и получил в свое время коллежского регистратора, прислужился нашим приятелем, как некогда Виргилий прислужился Данте, и провел их в комнату присутствия, где стояли одни только широкие кресла, и в них перед столом за зерцалом и двумя толстыми книгами сидел один, как солнце председатель. В этом месте новый Виргилий почувствовал такое благоговение, что никак не осмелился занести туда ногу и поворотил назад, показав свою спину, вытертую как рогожка, с прилипнувшим где-то куриным пером.*

Особой художественной выразительности писатель добивается с помощью употребления гиперболизированных сравнений: *Слова хозяйки прерваны были странным шипением, так что гость было испугался; шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но взглянувши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить…они пробили два часа таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку.*

Встречаются сравнения, образность которых основывается на сочетании слов с антонимическим значением: *Он стал чувствовать себя неловко, неладно: точь-в-точь как будто прекрасно вычищенным сапогом вступил вдруг в грязную, вонючую воду.*

А.И. Ефимов отмечал, что в структуре гоголевских сравнений «сопоставления крайне неожиданны» и что «очень оригинальны и самые приемы построения этих сравнений» [Ефимов 1954: 49]: *В приемах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба.*

Комическое у Гоголя проявляется при описании типичного губернского города, который мы видим глазами недавно приехавшего Павла Ивановича Чичикова: *Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и живости. Кое-где просто на улице стояли столы с орехами,*

мылом и пряниками, похожими на мыло; где харчевня с нарисованною толстою рыбою и воткнутою в нее вилкою. Юмористически изображенный городской пейзаж дает представление не только о внешнем виде города, но и о жизни его обитателей, их общем культурном уровне. Побывав в городском саду, Чичиков увидел деревца, которые были не выше тростника. Однако в газетах говорилось о том, что город украсился садом «из тенистых широколиственных дерев»: *Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зеленою масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что «город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых дерев, дающих прохладу в знойный день», и что при этом «было очень умилительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слез в знак признательности к господину градоначальнику».* Патетические строки местного журналиста особенно подчеркивают убожество этого небогатого, неблагоустроенного города, где в гостинице *«за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов…»*.

С иронией описывает Гоголь и внешность помещиков: *Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окон почти в одно время два лица: женское в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы*. Писатель оттеняет рядом комических деталей черты изображаемых людей, используя грамматическую категорию рода как основу для создания сравнительной конструкции. Гоголь использует прием антитезы в сочетании с юмористическим сравнением.

Описывая Собакевича, писатель сближает образ героя с животным, Чичикову Собакевич показался «*весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги. Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча: хватила топором раз – вышел нос, хватила в другой – вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши,*

пустила на свет, сказавши: "Живет!" Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича... Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую: медведь! совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михайлом Семеновичем». Развернутое сравнение позволяет выявить характерные особенности этого персонажа: его животную сущность, полное отсутствие в нем эстетического чувства, высшего духовного начала.

Сочетание устойчивых выражений и разговорной лексики при описании внешности Ноздрева передает иронию автора: *Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами. Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его.*

Развернутое юмористическое сравнение иногда приобретает многоплановый характер, когда одновременно дается сопоставление ряда явлений: *Лицо его не представляло ничего особенного, один подбородок только выступал далеко вперед, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух*.

Примечательным в этом смысле представляется описание въезда Чичикова в усадьбу Коробочки: *Между тем псы заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал бог знает какое жалование; другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, вероятно молодого щенка, и все это, наконец, завершал бас, может быть, старик, наделенный дюжею собачьей натурой, потому что хрипел, как хрипит певческий контрабас, когда концерт в полном разливе, тенора поднимаются на цыпочки от сильного желания вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а он один, засунувши небритый подбородок в галстук, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат стекла*. Замечательное по своей яркости сравнение подчеркивает отличительные черты гоголевской повествовательной речи в целом, – богатую метафоричность, огромную изобразительную силу.

Сравнения иногда превращаются как бы в самостоятельное описание того, с чем сравниваются действующие лица. Таково, например, описание бала у губернатора в первой главе поэмы, в которой присутствующие на балу сравниваются с роем мух: *Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета... они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, по чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь, и опять прилететь с новыми докучными эскадронами.*

Смех Гоголя – не только гневный, сатирический, обличающий, есть смех веселый и ласковый. Именно с чувством радостной гордости говорит писатель о русском народе: *Когда бричка была уже на конце деревне, он подозвал к себе первого мужика, который, попавши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу.*

Таким образом, язык «Мертвых душ» в целом поражает богатством, яркостью, индивидуальностью, многообразием форм. Для изображения действительности Гоголь нашел необыкновенно яркие, глубоко впечатляющие художественные сравнения, отражающие неистощимый комический юмор и своеобразие стиля Н.В. Гоголя.

Литература

Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934.
Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
Ефимов А.И. О языке художественных произведений. М., 1954.
Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.
Русская грамматика, 1980. Т. 1.

Pavlova V.V., Frolova I.I. Comparison as a means of creating a comic effect in N.V. Gogol's poem “Dead Souls”

The article is dedicated to the study of comparative constructions and their stylistic features in the poem “Dead Souls” by N.V. Gogol. Comparison is considered as an element of Gogol’s idiostyle and as one of the methods that the writer uses for creating a comic effect. The researchers analyze the structural and semantic organization of comparative units, discuss the features of Gogol's speech as of a narrator. The accent is put on Gogol’s metaphors of all kinds, his, hyperbolization, irony and sarcasm.

Key words: comparative constructions, comparative, comic effect, linguistic means, figurativeness.

УДК 821.161.1

Ю.М. Шевякова, Г.Б. Буянова

ПРИРОДА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФАНТАСТИЧЕСКОГО В ПОВЕСТЯХ А.Ф. ВЕЛЬТМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ «ЭРОТИДА», «ИОЛАНДА»)

В статье речь идет о повестях современника А.С. Пушкина, родоначальника жанров историко-фантазийного романа и повести в русской литературе А.Ф. Вельтмана. Одновременно в его произведениях («Иоланда», «Эротида») явственно проявляются особенности детективного жанра, что проявляется в остросюжетности повестей, многочисленных недоговоренностях, умолчаниях, неожиданных событиях и пр.

Ключевые слова: романтическая повесть, элементы фантастического, особенности сюжетного движения, динамизм произведения.

Фантастика как часть поэтики, художественный прием, характерная черта стиля писателя имеет множество литературоведческих определений, каждая из которых имеет право на существование. Одно из определений предлагает Большой энциклопедический словарь.

«Фантастика (от греч. phantastike – искусство воображать) – форма отображения мира, при которой на основе реальных представлений создается логически несовместимая с ними (“сверхъестественная”, “чудесная”) картина Вселенной. Распространена в фольклоре, искусстве, социальной утопии. В художественной литературе, театре, кино, изобразительном искусстве фантастическая образность откровенно условна, явно нарушает реальные связи и закономерности, естественные пропорции и формы изображаемых объектов; однако фантазия не просто прихотливая “игра воображения”: в гротескных или идеальных образах, символах, невероятных сюжетных конструкциях она может выражать миросозерцание автора, характерное для целой эпохи».

Элементы фантастики в своем творчестве использовал русский писатель Александр Фомич Вельтман. Он автор пятнадцати своеобразных романов, десятков интересных повестей и рассказов, в которых проявилось его незаурядное литературное дарование. В.Г. Белинский писал: «Талант А.Ф. Вельтмана самобытен и оригинален в высочайшей степени <…> Он создал себе какой-то особенный, ни для кого не доступный мир…» [Калугин 1985 URL].

Сюжет повести А.Ф. Вельтмана «Иоланда» основан на вере в чародейство, бытовавшей в средние века. Оно связано с искусством це-

ропластики, о котором сам А.Ф. Вельтман написал специальное примечание. В нем объяснялось: «Церопластика – искусство ваяния из воску…» [Вельтман URL]. Повесть отличается остросюжетностью, динамизмом, связанными с введением фантастических элементов в повесть. Основные события в «Иоланде» разворачиваются при проведении магического обряда над восковой фигурой, созданной Гюи Бертеном.

От незнакомца церопластик Гюи Бертен получает удивительный заказ – создать восковую фигуру с портрета, чтобы сходство было абсолютным. «На другой день рано утром Гюи Бертран вошел в свою рабочую, вынул портрет, поставил его на станок и, заложив руки назад, стал ходить из угла в угол. – Какое очаровательное существо! – сказал он…» [Вельтман URL], – так начинается история Иоланды.

Оказывается, у Гюи Бертена пропала дочь Вероника, полюбившая Раймонда Толозского, сына знатного и богатого человека. Ревность и обида терзают Веронику-Иоланду, знающую о том, что в жены Раймонду предназначена богатая невеста Санция, дочь высокородного толозского капитула Бернхорда де Гвара. Она решает убить Санцию, а Раймонд, стараясь предотвратить трагедию, передает Гюи Бертену портрет Санции, чтобы мастер изваял восковую фигуру, не отличающуюся от подлинника.

Иоланда поражает кинжалом статую, думая, что расправляется с соперницей, и суд инквизиции приговаривает ее к сожжению за убийство Санции, которая в это время исчезла (увезена Раймондом). Взглянув на изображение казненной у собора, Гюи Бертран узнает свою дочь, а Санция поражена, увидев свое имя в надписи под портретом.

Главный элемент фантастического в повести связан с вполне реальным мастерством церопластика, создавшего абсолютно точную восковую копию Санции. А финал повести вполне реалистический, и главная его особенность – неожиданность.

«В это время прогремел по мостовой фиакр, перед которым бежал скороход и за которым ехали два рейтара. В нем сидели: прекрасный собою мужчина в одежде капитулов тулузских и необыкновенной красоты женщина в голубой бархатной одежде и в такой же шапочке с белыми перьями. Заметно было, что любопытство ее было причиной остановки фиакра против портала. Мужчина подал ей руку, и они вошли на помост храма; толпа раздалась перед ними.

– Он умер, умер, – говорили в толпе. – Гюи Бертран умер!

– Раймонд! – вскричала женщина с ужасом, прочитав надпись. – Что это значит? Мое имя!..

Но Раймонд стоял уже бледный и немой. Глаза его безумно двигались; весь он дрожал.

– Раймонд! – повторила женщина, взглянув на него. Не говоря ни слова, он увлек ее за собой к фиакру; фиакр загремел вдоль по площади, но мужчина и женщина, сидевшие в нем, были уже бледны, как мертвецы» [Вельтман URL].

Мрачную фантастику «Иоланды» усиливает тема смерти («заочное» убийство Санции и сожжение Вероники-Иоланды за черную магию, порчу, колдовство, заочное убийство).

Особенна в повести и природа, пейзажные зарисовки. Природа редко предстает в художественном произведении фоном происходящего; как правило, пейзаж психологичен, это путеводитель, предзнаменование, метод проникновения в душевные движения персонажа. «Солнце склонилось уже на запад, и тени как будто украдкой приподнялись из земли, из-под гор, холмов и зданий, построенных на кладбищах давних поколений, и потянулись к западу. Медленно сливались они друг с другом и застилали мрачной одеждой своей вечерний свет на красотах природы. Вдоль Пиринеев, по обе стороны пролома Роландова, казалось, что гиганты стали на стражу вокруг своих старшин с белоснежными главами, озаряемых последними лучами утопающего света в океане» [Вельтман URL], – именно такой предстает природа перед расправой над восковой фигурой Санции. Пейзаж насыщен тенью и мраком, что усиливается еще и авторским упоминанием о кладбище. «”Иоланда” имеет много чудес и нечаянностей» [Вельтман URL], – так отмечали современники в рецензии журнала «Библиотека для чтения».

Вызывала интерес современников и повесть А.Ф. Вельтмана «Эротида». Впервые повесть была напечатана в журнале «Московский наблюдатель» (1835), затем вошла в первый сборник писателя «Повести» (1836–1837), который положительно оценивал В.Г. Белинский. Особенностью этой фантастической повести является динамизм событий, занимательность, приключенческая форма произведения. В повести автор стремится противопоставить надуманный сюжет с его животрепещущей темой реальной жизни.

Главная героиня повести Эротида рано потеряла мать. Ее воспитанием занимался отец: «Не поручу, – говаривал он еще жене своей, – не поручу ее ни мадаме, ни мусье.

– Помилуй, батюшка мой, – говаривала ему жена, – да ты только и знаешь, что свой артикул! – Но с женою умерли противоречия,

и бригадир, нарядив дитя в амазонское платьице, накупил ему для забавы деревянных солдатиков, ружье, барабан, коня на колесах...

«Эротида будет у меня хват девка!» – думал он. – Ну, Эротенька, марш, марш! – и Эротенька, перекинув через плечо перевязь барабана, взяв в руки ружье, маршировала пред отцом, – а отец любовался.

Когда Эротиде минуло 12 лет и деревянный конек стал уже ей не по росту, бригадир выучил ее ездить верхом, брал с собою в отъезжее поле. Изучение же наукам, т.е. чтению, письму и Закону Божию, поручил своему сельскому священнику отцу Лазарю, доброму старцу, любившему слушать бригадирские рассказы о воинских подвигах» [Вельтман URL].

«Несмотря на то что воспитание отцовское готовило ее в драгунскую службу, Бог весть где переняла она все женское, все милое, привлекательное, – рассказывает об Эротиде автор. – Несмотря на то, что отец учил ее фрунтовому шагу, она шагала не в аршин; ножку ее нельзя было назвать ногой, потому что и на 14 году, укладывая ее в башмачок, как в колыбельку, можно было припевать: “Баю-баюшки-баю, баю крошечку мою!” Глаза Эротиды были чернее всего на свете, а ресницы подобны тем, которые Фирдевси сравнил с копьем героя Кива в башне Пешена; ее волоса, распущенные локонами до плеч, были самого лучшего каштанового цвета, любимого всеми веками, исключая то время, когда была мода на рыжих да красных. Стан ее был величествен, перехват тонок, грудь пышна, шея бела, румянец пылок» [Вельтман URL]. Эротида выросла настоящей красавицей, не знающей «горя жизни», «злых привычек окружающих», страха. «Вся она была ангел…», – отмечает автор [Вельтман URL].

Сердце Эротиды покорил «взводный командир поручик Г...ъ, прекрасный собою молодой человек, отчаянная голова», и «душа ее, как голубь, была готова выпорхнуть из тела» [Вельтман URL] – так мил был Эротиде появившийся в ее доме поручик. Молодой красавец сыграл трагическую роль в ее судьбе, но надежды, ожидание, неожиданное расставание и одиночество не сломили ее. Эротиде не требовалось возвращение забывшего ее поручика, она стремится чувствовать себя свободной и независимой – женщиной, которой нельзя пренебречь из-за простой прихоти. А поручик дослужился до ротмистра и однажды за карточной игрой рассказал историю, которую автор прервал на полуслове: «Еще в исходе 11-го года стоял я, со взводом, в селе одного бригадира, чудака старого покроя, у которого была дочь. Тогда я был еще моложе, ветренее, влюбился в девушку. За взаимностию дела не стало. Старику нельзя было и думать отдать свою дочь за меня, потому

что у меня ничего не было за душой, кроме моего почтения. Я готов был увезти ее – не решилась: как можно без папинькиной воли выйти замуж! А между тем молодость не рассуждает о последствиях. Уезжая, я поклялся всем, на чем свет стоит, и в беспредельной любви, и вечной верности; поклялся писать, дослужиться до бригадирского чина и тогда формально требовать руки ее. Перед началом войны я и писал; но открылась война – не до любви. В Германии, во Франции, победы; красавиц бездна, одна другой лучше, одна другой огненнее, победа за победой, а перед победителями все кладет оружие; и вот – прошли три года, и вот – письмо от моей милой Эротиды отыскало меня на краю света, да опоздала! Уведомляет, что она свободна, что папинька умер, что она ждет меня вручить мне свою руку... Опоздала! Нет, через три года я рисковать прогонами не буду. С тех пор много воды ушло, а девушки ждать женихов не любят, да и притом же, признаться, писать не умеет...» [Вельтман URL].

Теперь Эротида ротмистра не занимает, она забыта. Его занимает молодая дама Эмилия Горева, приехавшая из России, которая «чорт знает как хороша!» [Вельтман URL]. Она «обладательница нескольких тысяч душ», «с нею нет ни маминьки, ни папиньки, ни бабушки, ни мужа», красота всех женщин Карлсбада «потухла перед ней, как луна перед зарею» [Вельтман URL]. Ротмистр, ищущий ее взора, находит в нем что-то особое, но не узнает в богачке-красавице оставленную им Эротиду. Он не узнает провинциальную барышню и в отчаянном офицере Мамоновского полка, который играл с ним в карты, не хотел открыть тайны кольца с надписью «Эротида», решился стреляться и был убит. Фантастика повести заключается в том, что блистательная Эмилия, провинциальная скромница Эротида и офицер Мамоновского полка оказались одним и тем же лицом – и тот самый поручик Г…., который оставил Эротиду, без памяти влюбился в Эмилию и убил молодого офицера – влюбленную в него Эротиду… Финальная сцена – сцена узнавания и прощания – самая фантастическая и запоминающаяся и во всей повести.

И в этой повести, как и в «Иоланде», автор создает яркие параллели, сравнивая главную героиню и природные явления: «…Слухи чернили прекрасную посетительницу Карлсбада, а она, как солнце, была выше туч…» [Вельтман URL]. Романтическая героиня, Эротида не может смириться с потерей любви, ищет правды и справедливости. Как и в «Иоланде», в «Эротиде» особый, психологический пейзаж. Природа после смерти ее угасает: «Последний луч солнца исчез за горою; казалось, что ночь торопилась накинуть черный по-

кров…» [Вельтман URL]. Тень и мгла наступают после гибели «солнца», которое было «выше туч», природа скорбит.

Каждая из двух проанализированных повестей А.Ф. Вельтмана имеет свои особенности фантастического и яркий, сближающий их психологический пейзаж. Многочисленные недоговоренности, умолчания, неожиданные повороты в развитии сюжета, динамизм сюжетного действия, «переодевания», своеобразный маскарад в «Эротиде» – придают особую прелесть романтическим повестям, созданным в середине 30-х годов XIX века.

Литература

Вельтман А.Ф. Романы. М.: Современник, 1985. URL: http://az.lib.ru/w/welxtman_a_f/text_0270.shtml.

Калугин В.И. Романы Александра Вельтмана // Вельтман А.Ф. Романы. М.: Современник, 1985. URL: http://az.lib.ru/w/welxtman_a_f/text_0270.shtml.

Shevyakova J.M., Buyanova G.B. Fiction, its nature and artistic features in the stories “Erotide” and “Yolande” by A.F. Veltmanov

The article deals with the stories written by A.F. Veltmanof, who is known as a A.S. Pushkin’s contemporary and a founder of historical fantasy novel and story as genres of Russian literature. At the same time, in his works (“Yolanda”, “Erotide”) there are the features of the detective genre, which is marked by the topicality of the stories, numerous misunderstandings, defaults, unexpected events, etc.

Key words: romantic novel, elements of fantastic, features of plot movement, dynamism of the work.

УДК 821.161.1

И.В. Яковлева

«КИСЕЙНЫЕ БАРЫШНИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ Д. МАМИНА-СИБИРЯКА «КИСЕЙНАЯ БАРЫШНЯ», С. КОВАЛЕВСКОЙ «НИГИЛИСТКА»)

Статья посвящена рассмотрению женских образов в повестях писателей «второго ряда» – Д.Н. Мамина-Сибиряка «Кисейная барышня» и С.В. Ковалевской «Нигилистка». Подробно прослеживается эволюция характеров главных героинь произведений, проводится сравнительный анализ произведений, сопоставления, аналогии.

Ключевые слова: классическая литература, процесс демократизации, повесть, особенности сюжета, главные героини, «кисейная барышня».

Русская классическая литература богата художниками слова мирового значения. Многие талантливые писатели, оказывавшие несомненное влияние на литературный процесс, находившиеся в его центре, сегодня оказались «полузабытыми». Их часто называют писателями «второго ряда» (хотя отнесенность некоторых авторов к этому «ряду» спорна). Это Николай Герасимович Помяловский, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, Софья Васильевна Ковалевская. В своей статье я обращаюсь к анализу повестей Помяловского, Мамина-Сибиряка, Ковалевской, концентрируя внимание на их женских образах.

В современном русском языке выражение «кисейная барышня» практически перестало употребляться. Создатель толкового словаря известный русский писатель В.И. Даль указывал: «Кисейница в народе – это щеголиха, которая ходит в кисее» [Даль 1881, 2: 111].

Впервые в литературе фраза «кисейные барышни» появилась у Николая Герасимовича Помяловского в известной повести «Мещанское счастье», написанной в 1861 году. «Кисейной девушкой» Елизавета Обросимова называла провинциальную дворянку Леночку: «Кисейная девушка!... ведь жалко смотреть на подобных девушек – поразительная, жалкая пустота!...» [Помяловский 1861: 30].

Д.И. Писарев утверждал, что «к типу добродушной кисейной девушки подходят все женщины, не отличающиеся сильным и блестящим умом, не получившие порядочного образования и в то же время не испорченные и не сбитые с толку шумом и суетою так называемой светской жизни. У этих женщин развита только одна способность, о которой заботится уже сама природа, – именно способность любить» [Писарев 1981: 10].

Таким образом, становится очевиден тот факт, что выражение «кисейная барышня», вошедшее в литературу благодаря русскому писателю Николаю Помяловскому в 60-ые годы, нашло своё место в речи интеллигенции того периода. Но уже к концу XIX века данный фразеологизм потерял былую частоту употребления, а в настоящее время и вовсе практически иссяк как в литературной речи, так и в беллетристике.

Именно о такой, «кисейной девушке» речь идет в повести С.В. Ковалевской «Нигилистка». Говоря о повести «Нигилистка», написанной в 1884 году в период работы Ковалевской в Швеции, хотелось бы отметить, что в произведении передана атмосфера революционного народнического движения 1870-х годов и изображен путь русской девушки к нигилизму.

Главная героиня произведения – барышня Вера Баранцова: «Высокая, стройная девушка с матово-бледным лицом и с задумчивыми

синими глазами…» [Ковалевская 1884: 2]. Волевой, решительной, благосклонной, терпеливой и отважной представляется читателю героиня, выросшая в «кисейных» условиях.

Вера воспитывалась в большом красивом имении, богато обставленном помещичьем доме. Ее воспитанием занимались гувернантки. Уже в детстве «кисейная девушка» Вера мечтала о любви. Лучшие наряды, лучшие гувернантки, большая и любящая семья – казалось бы, ничем не омрачаемая, размеренная и праздная жизнь Веры никогда не закончится.

Царский манифест об отмене крепостного права разрушает спокойствие и богатство семьи. С крестьянской свободой Баранцовы в одночасье превратились в семью разоренную, не живущую, а выживающую. Доходы имения уменьшились, хозяйство не приносило былой прибыли.

«Кисейной барышней» называл Веру её учитель Степан Михайлович Васильцев, ученый, профессор института. Девушка влюбилась в Васильцева, на что он ответил иронично и сдержанно: «Ах, Вера, и вы не лучше других, такая же кисейная барышня!» [Ковалевская 1884: 50]. Но судьба и здесь играет с героиней злую шутку и наносит ей удар: жандармы отправляют Васильцева в ссылку в Вятку. Для Верочки это было настоящим потрясением, ведь всё, что составляло смысл ее жизни – крепкая дружба с ним, с её учителем. Смерть Васильцева приводит к тому, что юная графиня потеряла надежду и будто бы проснулась после долго сна. Она поняла, что её привычная жизнь окончательно разрушена: старшие сёстры вышли замуж, отец умер от затяжной болезни, мать решила уйти в монастырь.

Верочка, некогда юная и беззаботная, понимает, что свою жизнь, в которой она никому ничем не обязана, ни от кого независима, ничего не ждет для себя, хотела бы посвятить лишь одному – полезному «делу», заключенным людям. В Петербурге перед Верой открылось «то широкое поле деятельности, о котором она мечтала. Семьдесят пять семейств, повергнутых в нищету и отчаяние арестом близких им людей, нуждались в ее участии» [Ковалевская, 1884: 59]. Она с участием принялась помогать этим людям. Но самый важный шаг состоял в заключении фиктивного брака с обвиняемым студентом-медиком евреем Павленковым, которому грозило самое тяжелое наказание. Вера Баранцова увидела в подсудимом не только политического преступника, но и жертву преступления. Она смогла полюбить героя, не будучи лично с ним знакомой, как пишет автор, «безоглядной, безоговорочной любовью», и тем самым спасла его от смерти. Прийти к такому реше-

Одна из ранних повестей А.П. Чехова – «Драма на охоте» – создана в 1884–1885 годах. Первое впечатление, остающееся после прочтения этого произведения, – писатель не похож на самого себя, по стилю повествования напоминает Ф.М. Достоевского: та же сложная атмосфера дворянского дома, непростые взаимоотношения в семье, кипящие страсти, приводящие к преступлению. В повести изображается русская провинция с дряхлеющими усадьбами: «Вспомнился мне графский сад с роскошью его прохладных оранжерей и полумраком узких, заброшенных аллей... Эти аллеи, защищенные от солнца сводом из зеленых, сплетающихся ветвей старушек-лип, знают меня... Знают они и женщин, которые искали моей любви и полумрака... Вспомнилась мне роскошная гостиная, с сладкою ленью ее бархатных диванов, тяжелых портьер и ковров, мягких, как пух…» [Чехов 2017: 18]. Красавец Камышев приезжает в гости к своему старинному другу – графу Карнееву, и его встречает пустой дом с открытыми настежь окнами, «тяжелый запах ветхих, заброшенных покоев» [Чехов 2017: 19] с «едким, наркотическим запахом тепличных растений», запах крепкого рижского бальзама и девяностолетняя нянька графа Настасья.

Чехов показывает настоящую драму русской провинции конца XIX века – с меркантильностью желаний, сибаритством, неумением что-либо делать ее владельцев, дворян, подобных Раневской и Гаеву, с пьянством, лицемерием, воровством, предательством, ловкостью тех, кто стремится обобрать вчерашних хозяев жизни.

В этой повести угадывается чеховская манера письма – исследование человека, проникновение в потаенные уголки его души. Главная тема повести – история любви Камышева и Оленьки Скворцовой, ее судьба. Никто не остается равнодушным после встречи с ней. Оленька Скворцова – дочка лесничего, девятнадцатилетняя девушка «с прекрасной белокурой головкой, добрыми голубыми глазами и длинными кудрями. Она была в ярко-красном, полудетском-полудевическом платье. Стройные, как иглы, ножки в красных чулках сидели в крошечных, почти детских башмачках» [Чехов 2017: 39], – такой впервые увидел ее судебный следователь Сергей Петрович Камышев, выступающий во «внутренней» истории как Зиновьев. Граф Алексей Карнеев не мог оторвать от неё взгляда: «Какое чудное видение! – воскликнул граф, хватая меня за руку. – Погляди! Какая прелесть! Что это за девочка? Я и не знал, что в моих лесах обитают такие наяды!» [Чехов 2017: 38]. Управляющий Урбенин ревнует Оленьку ко всем и выходит из себя из-за любого комплимента в её адрес: «Сергей Петрович! – зашептал он мне на ухо, обдавая меня спиртными парами, – умоляю вас –

удержите графа от дальнейших замечаний относительно этой девушки. Он по привычке может лишнее сказать, а это в высшей степени достойная особа!» [Чехов 2017: 39].

Впечатление, произведенное юностью и удивительной красотой Оленьки на Камышева, не могло не вызвать душевных переживаний и страстей: «У меня же, помню, затеплилось в груди хорошее чувство. Я был ещё поэтом и в обществе лесов, майского вечера и начинающей мерцать вечерней звезды мог глядеть на женщину только поэтом… Я смотрел на девушку в красном с тем же благоговением, с каким привык глядеть на леса, горы, лазурное небо. У меня еще тогда осталась некоторая доля сентиментальности, полученной мною в наследство от моей матери-немки» [Чехов 2017: 39], – признается Зиновьев- Камышев.

Оленька Скворцова не только фамилией, но и всем своим обликом напоминает весеннюю птицу: «На дворе послышались поспешные шаги, затем шум на крыльце и хлопанье дверью. В “зал” влетела девушка в красном. “Люб-лю гро-зу в на-ча-ле мая!” – запела она высоким, визжащим сопрано, прерывая свой визг смехом, но, увидев нас, она вдруг остановилась и умолкла» [Чехов 2017: 47]. Оленька, несмотря на очевидную молодость, сознает действие своей красоты на мужчин, и все ее поведение – даже взгляд героини – показывает ее отношение к окружающим: «На меня, – отмечает Камышев, – глядела она серьезно, снизу вверх, вопрошающе; когда же ее глаза переходили с меня на графа или поляка, то я начинал читать в них обратное: взгляд сверху вниз и смех…» [Чехов 2017: 53].

В первом же разговоре девушка забавляет Камышева своими размышлениями о людях, убитых грозой, на войне, и женщинах, умерших от тяжелых родов, что, по убеждению Ольги, непременно попадают в рай. Она удивляет Камышева своей наивной мечтой о смерти от грозы (как ее маменька) и, что важно для героини, – в самом дорогом платье и на виду у всех: «Мне вот как хотелось бы умереть. Одеться в самое дорогое, модное платье, какое я на днях видела на здешней богачке, помещице Шеффер, надеть на руки браслеты... Потом стать на самый верх Каменной Могилы и дать себя убить молнии так, чтобы все люди видели... Страшный гром, знаете, и конец... » [Чехов 2017: 50].

Важное место в повести занимает фрагмент посещения Оленькой и Камышевым церковной службы. В церковь приходят побыть наедине со своими мыслями и Господом, и неважно, в каком именно месте вы будете находиться – стоять впереди или позади других прихожан, но Оленька так не считала. «Бедняжка, красная как рак и вспотевшая, <…> обводила умоляющими глазами все лица, ища избавителя. Она

застряла в тесной толпе и, не двигаясь ни взад ни вперед, походила на птичку, которую сильно стиснули в кулаке. Увидев меня, она горько улыбнулась и закивала мне своим хорошеньким подбородком. – Проводите меня ради бога вперед! – заговорила она, хватая меня за рукав. – Здесь ужасная духота и... тесно... Прошу вас!» [Чехов 2017: 87] – такой вспоминает Оленьку Камышев в тот день.

Оленька сознательно стремится занять в церкви иное место – рядом с «аристократическим уездным бомондом», стремится к богатой, беспечной жизни – пусть с нелюбимом человеком, ведь главная цель – ни в чём не нуждаться. Получив предложение о замужестве от управляющего Петра Егоровича Урбенина, человека, годящегося ей в отцы, Оленька даже не стала раздумывать, а согласилась сразу. Эта новость поразила Камышева: он с трудом представляет себе пожилого, «толстого», «с оттопыренными ушами и жесткими руками» Урбенина и девушку, только начинающую жить, вместе. А Оленька уверена: «С ним я буду счастлива… Состояние у него – слава богу, и не голяк он какой-нибудь, не нищий, а дворянин. Я в него, конечно, не влюблена, но разве только те и счастливы, которые по любви женятся? Знаю я эти браки по любви!» [Чехов 2017: 104].

Играючи, смеясь, Оленька определила свою судьбу и судьбы многих людей этой истории: Петра Егоровича Урбенина с его метаниями по усадьбе и дикой ревностью, графа Карнеева с затянувшимися «прощальными гастролями» со старой барской жизнью, Сергея Петровича Камышева с несчастной, трагической любовью к «девушке в красном».

Только в день свадебного торжества Оленька осознала, что такое жить с человеком, которого не любишь. Девушка была угрюма, печальна и всё, что копилось в душе ее, не смогло там и оставаться. Она зарыдала и выбежала из-за стола. В разговоре с Камышевым Ольга призналась в своих чувствах, но опять сделала акцент на материальной стороне: «Я могла бы выйти за человека, которого я люблю, который меня любит! … За вас! – сказала она, посмотрев на меня прямо, открыто... – Но я поспешила! Я была глупа! Вы умны, благородны, молоды... Вы богаты... Вы казались мне недоступны!» [Чехов 2017: 128]. Признание, поцелуй – начало страстных отношений, в которых Ольга перестала отдавать отчёт своим мыслям, словам и действиям: «Теперь мне, как говорится, море по колено! – бормотала она, идя со мной к дому и судорожно сжимая мой локоть. – Утром я не знала, куда деваться от ужаса, а сейчас… сейчас <…> я не знаю, куда деваться от счастья! Там сидит и ждет меня муж… Мне-то что? Хоть бы он даже

был крокодил, страшная змея… ничего не боюсь! Я тебя люблю и знать ничего не хочу…» [Чехов 2017: 129].

Камышев был готов ради Ольги на все. Понимая, что «скандал в обществе будет необыкновенный, грандиозный», Камышев предлагает Ольге уйти от Урбенина сейчас же. Он понимает, что остаться – означает гибель для Ольги. «Я прижал к себе “девушку в красном”, которая фактически была теперь моей женой, и в эти минуты мне казалось, что я действительно люблю ее, люблю любовью мужа, что она *моя* и судьба ее лежит на моей совести... Я увидел, что я связан с этим созданьем навеки, бесповоротно. – Послушай, моя дорогая, мое сокровище! – сказал я. – Шаг этот смел... Он рассорит нас с близкими людьми, вызовет на наши головы тысячи попреков, слезных жалоб. Он, быть может, даже испортит мою карьеру, причинит мне тысячи непроходимых неудобств, но, милая моя, решено! Ты будешь моей женой... Лучшей жены мне не нужно… <…> Я сделаю тебя счастливой, буду хранить тебя, как зеницу ока, пока жив… Обещаю тебе это, и вот тебе моя честная рука!» [Чехов 2017: 130].

Вероятно, если бы в этот момент Ольга нашла в себе силы поступить честно – по отношению к себе, к Урбенину, к Камышеву – трагедии могло бы не быть.

Сергей Петрович хотел видеть в Оленьке только хорошее, отличающее её от других. Казалось, он смотрел ей не в глаза, а выше её головы, словно созерцал нимб, которого на самом деле и быть не могло из-за меркантильного характера Ольги. Желая казаться взрослой знатной дамой, Ольга легкомысленно принимает ухаживания графа Карнеева. Чтобы уйти от ненавистного Урбенина, она разыграла целый спектакль, в главных ролях которого были «жестокий, бесчеловечный» Урбенин и она – «безвинная, беззащитная». Молодая жена выждала удобный момент и ночью явилась в дом графа Карнеева, правда, вероятно, не рассчитывая там встретить Сергея Петровича Камышева. Оленька обвинила мужа в рукоприкладстве, рыдала, жаловалась и не собиралась больше возвращаться домой, где её ждал «тиран». После этой сцены Камышев недоумевает и догадывается: «Как нужно было понять внезапный визит Ольги в ночном пеньюаре, что нужно было думать, что решить? Если ее побили, если оскорбили ее достоинство, то почему она бежала не к отцу, не к экономке... наконец, не ко мне, который для нее был все-таки близок? Да и впрямь ли ее оскорбили? Сердце мое говорило о невинности простака Урбенина; оно, чуя правду, сжималось тою болью, которую в это время должен был чувствовать ошеломленный муж…» [Чехов 2017: 153].

Безусловно, теперь у Камышева не было ни прежних чувств, ни того нимба, который видел когда-то Сергей Петрович над головой у «девушки в красном». Осталась лишь дикая ревность, которая и погубила Ольгу: «Она дала буре поцелуй, и буря сломала цветок у самого корня…» [Чехов 2017: 41].

Став любовницей графа Карнеева, Ольга приближается к гибели – а внешне достигает того блистательного положения, к которому так стремилась: «Украшением кавалькады была Оленька Урбенина. Сидя на вороном коне, подаренном ей графом, одетая в черную амазонку и с белым пером на шляпе, она уже не походила на ту девушку в красном, которая несколько месяцев тому назад встретилась нам в лесу. Теперь в ее фигуре было что-то величественное, «гран-дамское» [Чехов 2017: 170]. Каждый взмах хлыстом, каждая улыбка – всё было рассчитано на аристократизм, на величественность. В ее движениях и улыбках было что-то вызывающее, зажигательное. Она надменно-фатовски поднимала вверх голову и с высоты своего коня обливала всё общество презрением, словно ей нипочем были громкие замечания, посылаемые по ее адресу нашими добродетельными дамами. Она бравировала и кокетничала своим нахальством, своим положением «при графе», словно ей было неизвестно, что она уже надоела графу и что последний каждую минуту ждал случая, чтоб отвязаться от нее».

Гнев, боль потери, ревность, оскорбленное самолюбие, осознание несправедливости – все стало причиной того удара, который нанес Камышев Ольге. Но погубила себя она сама… Сбылось пророчество камышевского попугая, который кричал: «Муж убил свою жену!»

Вероятно, в последние часы своей жизни смертельно раненная Ольга осознала, что в погоне за достатком, богатством, внешним блеском потеряла людей, которые её любили. А может быть, она поняла, что «упустила» очередного состоятельного мужчину? Она не назвала имя убийцы, вероятно, потому, что «он был ей дорог», зная, какое наказание его ждет. Возможно, где-то в глубине души Ольга видела в мужчинах не только богатство и красоту, но и страдание: «Ольга улыбнулась и отрицательно покачала головой. Дальнейший допрос не привел ни к чему. Больше я не добился от Ольги ни одного слова, ни одного движения. В без четверти пять она скончалась…» [Чехов 2017: 206].

В произведении «Драма на охоте» А.П. Чехов изобразил свою героиню в двух ипостасях: с одной стороны, она охотница за обеспеченной и богатой жизнью, с другой – жертва материальных отношений в обществе. Брак для Ольги – охота. Всех мужчин она оценивала по величине кошелька: «Как я несчастна! – говорит она Камышеву в мо-

мент последнего свиданья. – Не выйди я за Урбенина, я могла выйти теперь за графа…» [Чехов 2017: 177], – может быть, эти слова и стали причиной «чувства отвращения, омерзения», овладевшего Камышевым в этот роковой миг. Ольга – девушка наивная и высокомерная, непосредственная и заносчивая, искренняя и тщеславная, ищущая любви и меркантильная… Могла ли быть другой судьба «девушки в красном»…

Литература

Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Чехов А.П. Драма на охоте. М., 2017.

Popova T.V. Character and fate of Olenka Skvortsova in the novella “The tragic hunt” by A.P.Chekhov

The article deals with the fact that the novella “The Tragic Hunt” written by A.P. Chekhovbears close resemblance to a criminal novel, where the offender stays undiscovered. In addition, we focus on the tragedy that takes place in the homestead, touching the daughter of the forester – Olenka Skvortsova and on split character of the main heroine.

Key words: the detective plot of the story, love-affair, the main characters, psychological sketch, the tragic fate of the heroine.

Глава 2

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ

УДК 881/886

Л. Димитров

СЛАВИСТИКА – «ГАДКИЙ УТЕНОК» ГУМАНИТАРИСТИКИ?

В статье идет речь о начале славистики в средневековой Болгарии и современном развитии этой науки; о месте русистики среди остальных славистических дисциплин; о роли перевода во взаимопонимании и взаимопроникновении славянских культур. Среди основных вопросов – возможен ли общеславянский литературный канон, и почему после принятия в 1999 году Болонской декларации о трехступенчатом обучении как глобальной стратегии высшего образования интерес к славистике резко упал, и она вдруг оказалась среди самых непрестижных университетских специальностей? Как изменяется статус ученого слависта?

Ключевые слова: славистика, канон, перевод, русистика.

После принятия в 1999 г. Болонской декларации о трехступенчатом обучении как глобальной стратегии о высшем образовании, отлив от гуманитарных специальностей в Европе возрос резко и вызывает уже все более усиливающийся кризис. Сильнее всего он отразился на славистике, и если я долгое время хранил надежду, что хотя бы русистика в безопасности, то это тоже оказалось иллюзией. Мы стали свидетелями не только ее стремительной маргинализации, но и высокомерия (и злорадства) со стороны традиционно самодовольных специальностей – права, экономики, политологии, как и нескольких „западных“ (классических) филологий, ко всем, посвятивших себя Slavic Studies. Началось сжатие, перегруппирование, коммерциализация с целью аттрактивности – ходы, отдаляющие нас от утверждающегося десятилетиями академического профиля. Но перед тем как оплакивать судьбу, что она так несправедлива к нам («...и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет»), следует задаться вопросом: в чем коренится проблема, точнее, этот распад – вопрос времени или он вызван внешними факторами, результат обдуманной конспиративной тактики.

В своем выступлении остановлюсь на нескольких акцентах: начало; русистика среди остальных славистических специальностей; перевод; и наконец – возможен ли общеславянский литературный канон.

Начну со следующего. На ассоциативном уровне слово «славянин» не вызывает респекта среди неславяноязычных народов. Неприязнь подсознательна, интуитивна. Не только потому, что с Гегеля через Фихте и до Маркса методически убеждали западные общества в отсталости и второстепенности славян, в их неполноценности и ограниченности. А потому что и от самого этнонима «славянин» (“slav”) образовано слово, означающее «раб» (“slave”). В действительности фонетическая модификация греческой коренной морфемы, как и этимология слова «слав» не имеют ничего общего с рабством, зависимостью или подчиненностью; в оригинале они мыслились в перспективе «славы» и «слова», которые в сознании своих носителей означают единство, общность людей, понимающих друг друга, в отличие от «немец» – «немой, непонятный». Но более состоятельный в данном случае был бы иной, каламбурный вопрос: можно ли утверждать, что мы, славяне (а и слависты) – рабы самим себе?

Заниматься славистикой не есть компромисс, она не изучает *униженных и оскорбленных*, а менее всего самодовольных, не так самонадеянных и более адаптивных европейцев. Не верится, что кто-то силой заставил нас стать славистами. Славистика не идеология, не религия, в результате которой впадают в транс, она – наука; но и выбор, причем самый свободный, аргументами в нем в самом начале могут быть экзотика, любопытство, способ быть различными, но постепенно могут превратиться в каузу, в судьбу. Плохо другое. Вопреки громким фразам и успокаивающим (популистским) тезисам о величии (славе) славян и о их высоком духовном менталитете (только мы в болгарской литературе имеем десятки таких клише, не будем говорить, сколько их в русской), со всей ответственностью утверждаю, что, как интеграция на социокультурном уровне, славянская общность представляет собой виртуальный проект; она не существует в естественном виде, наоборот. Все мы ищем аргументы в доказательстве тому, что мы не славяне; мы не знаем друг друга, не стремимся друг к другу, даже наоборот – мы настроены презрительно и враждебно друг к другу, а нередко и к самим себе. И что еще более важно: не читаем друг друга. Если спросить: а что новое в последнее время происходит в польской, болгарской или хорватской литературах, наверняка ответят только лишь специалисты, но в целом мы не просто не знаем – нас это не интересует. Находимся, иными словами, в латентной апатии как в болезненном состоянии, из

которого очень трудно вылезти без эффективного лечения. Но перед этим предлагаю ознакомиться с «историей заболевания».

Все начинается как политика – политика культивирования, но более высокого порядка. Утверждается: в IX веке князь Борис I встречает учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии. Но ведь перед тем как встретить их, князь первоначально пригласил их, а чтобы пригласить, он уже наверняка слышал о них, знал, кто они такие и чем они занимаются, они стали для него важными и необходимыми – очевидно, у него заранее был план о государственном устройстве, основывающемся на духовности, и рассчитывающем с ее помощью сформировать средневековую болгарскую цивилизацию. Да и они, ученики, если бы им было нечего делать именно в Болгарии, если бы в этом приглашении они не видели перспективы приложить наученное, то, в чем они подготовлены, и не были уверены в том, что будут понимать их *молвь / млова*, тогда на кой черт им было приходить к нам «при стольких других государствах», как в наше время шутя выразился писатель Станислав Стратиев. Есть нечто символическое в том, что именно ученики осуществляют намерение учителей, что сын (царь Симеон Великий) развивает намеченное его отцом (Борисом I). Мы не знаем, какого именно этноса были Константин, Климент, Наум, Горазд и Ангеларий. Но с уверенностью можем сказать, что *именно они и есть первые болгаристы,* развившие свое знание в науку, которая позже заложила основу славистики.

Святые братья конструируют концепт, задают направление, парадигму, составляют глобальный проект и предпринимают серьезные шаги с целью его уплотнения, но в конечном счете не преуспевают в этом. Именно Болгария, в которой они никогда лично не работали, и есть страна, предоставившая их последователям условия для дела, не нашедшего почву и не пустившего корни ни среди сарацинов, ни среди хазаров, ни даже в Моравии. На фоне их провалившихся миссий и, к сожалению, после того, как они покинули этот мир, Болгария есть именно пространство, осуществившая их мечту, которая до того выглядела более или менее утопией. Наверное, имеет значение факт, что и св. Константин-Кирилл Философ, и царь Симеон I заканчивают одну и ту же школу – Магнаурскую, а чтобы «догнать» ее рейтинг, Гарвард гораздо позже должен был бы очень потрудиться. Симеон – первый не просто просвещенный, а дипломированный правитель в Европе, монарх с высшим образованием. Кодификация болгарского как первого славянского языка и его распространение через литературу, написанную и переведенную на него, в сущности на не очень долгое время

(около двух веков, между IX-м и XI-м) выполняет функцию высокой всеславянской нормы. Любой уважающий себя языковед-славист знает это и распознает древнеболгарский, с одной стороны, и церковнославянский – с другой. По словам акад. Дмитрия Лихачева, древнеболгарский – это первый государственный литературный язык в Европе. Позже начинается его дробление, лукаво-эвфемистически называемое «редакции», с чего и начинается славянский Вавилон, приведший к ситуации, в которой сегодня каждый сепаратно, даже воинствующе тянет к себе до такой степени, что по течению Вардара можем услышать звучавший, как иностранный, наш собственный язык. Таким же образом сербы слышат свой язык в Загребе, а хорваты свой – в Белграде. (Все же в одном отношении Болгария дважды переживает свой звездный час: раз, когда в ней создается кириллическая азбука, на которой и сегодня пишут все православные славяне, и второй раз, когда при принятии Болгарии в Европейский Союз, он ввел ее как третью азбуку в письменное пространство объединенной Европы, после латыни и греческого алфавита.)

Проклятие славянского Вавилона заложено в самой этимологии понятия «язык»: первоначально считалось, что он, так же, как и атом, неделим, пока Бог не вошел в роль первого «ядерного лингвиста» и не отсудил иного. Была пора, когда «язык» отождествлялся с «народом», «обществом», замененными в XIX веке модным термином «нация». В своей знаменитой трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкин дает одному из героев – простоватому беглому монаху Варлааму – реплику: *«Прииде грех велий на языцы земнии»*. Большой грех обрушится на народы на этой земли – это смысл реплики. Но видим, что вместо «народы» сказано «языки». А как мы, наверное, помним, еще Теофилакт в житии Климента Охридского называет святого «первого епископа болгарского языка», то есть, болгарского народа. Следовательно, внутренние и внешние рамки одной общности определяются ее языком, и в нее можно проникнуть / приобщиться к ней возможно только лишь, если усвоить этот язык, то есть, если ему посвятить себя.

В сущности, мы должны испытывать чувство благодарности к славянскому Вавилону. Разделение наших языков предпослало новую коммуникативную логистику, новый истеблишмент. Именно из-за него внутри в большой славянской общности возникла потребность в переводе, возникло ремесло, а позже – и профессия «переводчик» – говоря на языке массмедиа, открылись новые рабочие места для филологов. А чтобы переводить, означает не просто переносить в лингвистическом аспекте текст с одного языка на другой, но и сопровождать

кого-либо, продвигать его в пространстве, быть проводником, посредником, помощником, самарянином, без которого тот, другой, не может. Раскрывать ему смысл, инициировать его в смысле. Быть Вергилием, который всегда находит исход из ада или рая, поскольку в рамках православия не располагаем чистилищем. Христианские литературы – в том числе и славянские – начались через перевод. Он в их основе, и «в начале» стоит не только выбор, но и долг переводчика. И каждый славист, по моему мнению, обязан своей родной культуре той славянской литературой, которую изучает.

Но выбор – стать профессиональным славистом – предполагает ли самоизолироваться, и хуже того – превратиться в маргинала? Одинокое ли занятие Slavic Studies? Этими вопросами ничего не хочу внушать, скорее пытаюсь выяснить для себя: кто мы такие, ну, если скромнее: кто я. Подхожу к проблеме в известной степени скептически, так как я болгарский, то есть, иностранный, русист, а напоследок – в силу моей работы – научной (преподавание) и творческой (переводы) – и иностранный словенист. По образованию же я болгарист, водимый убеждением, что, если хочу заниматься болгарской филологией, лучше окончить специальность в Софии, чем в Пекине, где она тоже изучается. Кружась в этой экзистенциальной семиотической спирали, я понял нечто очень важное: оказаться из самой большой славянской культуры (русской) в самой маленькой (словенской), при всем при том, что ты исконный (native) представитель серединной – и пространственно, и как влияние – и в первом случае не чувствовать себя «выпавшим», потерянным, а во втором – подавленным, постижимо благодаря нескольким стратегическим кодам, заложенным в специфике культурного трансфера: не будет ни шока, ни стресса, если с самого начала осознаем чужое, а потом «договоримся» с ним и адаптируемся к его логике, точнее, если допустить его к себе, если его воспринять. В обоих случаях необходимо доверие. Любая культура – крупного или небольшого охвата, основывается на одних и тех же правилах, делается одним и тем же способом, «делает ставку» на одном и том же. Или включаешься в ее процесс, или остаешься в «зале ожидания» непризнанных, ворчащих.

Болгария и болгары, как субъект, породили тему или тенденцию в чужом культурном пространстве, произвели литературу. Практически нет славянской литературы, в которой мы бы не присутствовали, и чаще всего – в исторических драмах. Такие тексты найдем у чехов, хорватов, сербов, поляков, украинцев. В русском XIX-м веке болгарская тема открывается Пушкиным повестью «Кирджали», продолжает ее Тургенев

своим романом «Накануне» и стихотворением «Крокет в Виндзоре», следуют В.Г. Тепляков, В.М. Гаршин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой...

Но поскольку речь идет о русистике, перед нами, болгарскими литературоведами-русистами, стоит очень важная задача: возродить свою специальность, что остро ставит вопрос о необходимости в конструировании и восприятии конкретной идентичности: кто мы такие, соучастники на поле оповещенного уже гуманитарного профиля – преподаватели, ученые, менторы, медиаторы – как поколения, школа, академическое признание? Что было унаследовано нами, и что мы готовимся оставить в наследстве?

Во время конференции «Классика и канон в русской литературе. Юбилей» в начале ноября 2014 г. в Софии один из российских участников задал мне небрежный, но для меня внезапный, почти пугающий вопрос: «А Вы чей воспитанник? Кто Ваши учителя?». Признаюсь, я растерялся. И задумался. Как надо было ответить ему, и надо ли было отвечать ему вообще? Я мог бы выйти из создавшегося положения иносказательно, подчеркивая, что книги, от которых я учился – это «мои университеты», но нельзя было в тот момент проявлять циничности – и по отношению к себе, и по отношению к русской литературе. Пусть не прозвучит кощунственно, но, как мне кажется, не только мы – наши преподаватели в Болгарии тоже *не имеют* своих учителей (в смысле менторов) в указанной гуманитарной области. У нас нет школы четкого почерка, исторически мы не восприняли ни одной генеральной стратегии прочтения русской литературы через определенный теоретический или интерпретативный дискурс. Интуитивно и несистематически мы следовали за «модой» – тартуско-московской группы, в какой-то момент неизвестно почему мы серьезно стали всматриваться в тезисы М. Бахтина, а в 80-ые годы был проведен неуспешный опыт воздвигнуть в культовый моделирующий принцип «неотесанную» теорию Г. Гачева о запоздалом ускоренном развитии болгарской культуры, соизмеряемой автором единственно с русской, хотя сама болгарская культура не предполагает подобного статус-кво. А, может быть, таким образом – избирательно, мозаично, комбинативно, мы все-таки угадали, сами этого не хотя, парадигмы модного в наши дни *дистанционного* обучения? Шутки в сторону, но, осознав, что наши учителя неизвестны, «никто», тогда в чем гарантия, что мы станем известными или «кем-то»?

Проблема на самом деле глобальна. Вокруг нас, русистов, не витают персональные мифы, мы как будто по презумпции лишены ауры. В известной степени мы сами в этом виноваты: не кричим, не рекла-

мируем самих себя, у нас нет постоянного форума для выступления. Мы находимся где-то в самом конце очереди в иерархии литературоведческих дисциплин: самыми «тяжелыми» считаются теоретики, с ними конкурируют специалисты болгарской литературы, потом идут преподающие иностранные литературы – западноевропейские и славянские, – и где-то после них или около них смирненько сидим мы и тихо беседуем между собой: безобидные, не заслуживающие особого внимания и подозреваемые как неблагонадежные демократы или откровенно русские шпионы, в зависимости от того, в какую сторону дует политический ветер. Наверное, нас догоняют единственно специалисты по методике, по отношению к ним поступают несправедливо из-за неважного авторитета школы. Но нас не догонят.

Более того: когда несколько лет назад я предложил профессора Петра Бицилли – единственное высокое имя в *болгарской* академической русистике – в качестве патрона одной из наших факультетских аудиторий, я встретился со скептическим знаковым молчанием, сопровождаемым сильно укоризненными взглядами «старой» школы. И до наших дней аудитория остается, разумеется, неименованной. Соответственно, реципрочная аудитория, где преподается русский язык, была наименована именем академика Виктора Виноградова, хотя вообще не ясно, каковы его заслуги перед Болгарией, зато ее триумфальное открытие произошло в присутствии тогдашней первой дамы Российской Федерации Людмилы Путиной при усиленном присутствии охраняющей ее свиты. Словом, этот случай – отличная иллюстрация разграничения «русский язык / русская литература, русская культура». Языковедение так или иначе – наука агрессивная, проявление идеологического; литературоведение (история литературы) – наука скептическая, она притупляет идеологическое, вызывает сомнения в нем.

Остается вопрос: что делать с преподаванием русской литературы? Релевантен языковедческому кодексу – Словарю – для литературоведов Канон. И так же, как правописание периодически обновляется, узаконивая в норму проистекающие от узуса положения, так и канон следовало бы упорядочить, убрать из него неправомерно попавших или силой навязанных авторов, чье творчество отстаивает сомнительные и псевдоуниверсальные ценности. Ориентирующий критерий – выбор принимающей культурной традиции.

Канон – как выбор / список авторов, так и произведений. Вопрос был: каковы (должны быть) они – авторы и произведения? Возможны ли альтернативные каноны: один (закрытый) для нас дома и один (от-

крытый) на экспорт? «Закрытый» был немыслимым. Но как должно выглядеть «открытие»? Придерживаюсь мнения, что канон переносим единственно в редуцированном виде, но редукция делается не породившей его культурой, а принимающей: она отсеивает то, что ей нужно. А это является зеркальной / отражающей перспективой, ставящей многие «проклятые» вопросы и одновременно отвечающей на них в оригинальном социокультурном пространстве. Если, например, из русского канона XIX века у нас пробивают себе дорогу едва 7–8 авторов, то что из нашего оказывается за границей? В состоянии ли и мы предложить «путешествующий канон», который останавливался бы и разгружался бы на как можно больше станций – близких и далеких? Метафорически выражаясь, подгоняя свой караван текстов, вряд ли мы добрались бы совсем без проблем до определенного места, так как дорога опасна, и мы должны быть начеку как с ландшафтом, так и с социокультурными ловушками. Туда, куда мы же все-таки отправляемся, предполагается, что мы хотим представить лучшее от себя, но такое, какое было бы воспринято радушно «хозяевами». Одно дело – отбор для Западной Европы, другое – для Америки, третье – для Индии. А самый ответственный, как мне кажется, отбор – это внутри в мире славян – в пространстве, которое совсем не гомогенно. Да, привилегия – располагать произведением-каноном (не каноническое произведение, а такое, которое заменяет целостный корпус), как «Илиада» или «Божественная комедия», например. Но, увы, мы таким не располагаем. Искушаюсь назвать исследование и энтузиазм заложить одну культуру в другую культуру *стратегией включения*. Здесь канон и литературная история совпадают, но с важной оговоркой, что *канон – живое общество мертвых поэтов.*

И наконец – вернусь снова к гадкому утенку, в котором каждый раз распознаем самих себя, видя себя в зеркале современной гуманитаристики. В этом тексте и я, нехотя как будто – словно само защищаясь – впал в патос и самосожаление. Но, знаем, какова судьба гадкого утенка: вопрос времени, чтобы он превратился, точнее, чтобы другие заметили, что он – лебедь. По этому поводу вспомнилась другая «животная» метафора. Если мы, слависты – «черные овцы» не только в гуманитаристике, но и среди своих близких, недальновидно выбравшие неприбыльные профессии, предпочитаю – и предлагаю вам – осмыслить себя в следующей перспективе: в стаде, в котором есть только одна белая овца, она всегда «черная». Но именно в ней остальные оглядывают себя – при любых обстоятельствах.

Dimitrov L. The Slavic Studies: an ugly duckling among the Humanities

The article deals with the origins of the Slavic Studies in the medieval Bulgaria, the development of this science nowadays; the place that Russian studies take among the other branches of the Slavic science. He discusses the role of translation during the processes of communication between the Slavic cultures and its influence on mutual understanding and interosculation. The researcher touches upon many serious questions, one of them is about the common strict Slavonic literary canon: is it possible or not? The other question deals with the fact that in 1999, when the Bologna declaration about a three-stage education was put in force, the interest in the Slavic Studies dipped down, and it took its place among the most unpopular specialty. The researcher attempts to explain it. In addition, he focuses on the status change of Slavicists and discusses their position today.

Key words: the Slavic Studies, canon, translation, the Russian studies

УДК 82

И.О. Шайтанов

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВСЕМИРНАЯ ИЛИ ГЛОБАЛЬНАЯ?
Вызовы и вопросы

В сочетании двух слов «мировая литература» таятся, по крайней мере, три проблемы. У каждой из них есть своя глубокая традиция, и каждая из них в нашей современности обретает все большую остроту. Всемирность сегодня отягощена новым смыслом – «глобализация». Понятие «литература» сохраняет свою проблемность в сочетании многих функций, а ее будущее туманно перед лицом электронной словесности. Что же касается понятия «мировая литература» то его как пространственное (в географическом или книжном объеме), так и динамическое определение (mode of reading, mode of circulation) остается предметом полемики. Поэтика мировой литературы в полной мере связана с тем, как понимать ее объект и относиться к явлению «границы». Наиболее адекватным представляется динамическое отношение к «мировой литературе», существующей на границах культур (вопреки глобалистской утопии: «без наций», «без границ»). Яркий пример тому – Евгений Замятин, чье понимание мировых проблем сформировалось на глубине национальной языковой традиции и определило жанровый контекст современной антиутопии.

Ключевые слова: литература всемирная или глобальная, глобалистская утопия, Ясперс, Дэмрош, Гердер, способ распространения и способ чтения, граница, Бахтин, «Алатырь»

В сочетании двух слов «мировая литература» таятся, по крайней мере, три проблемы (на самом деле их больше). У каждой из них есть своя глубокая традиция, и каждая из них в нашей современности обретает все большую остроту.

Первая проблема – *всемирность*, которая для нас отягощена вопросом о *глобализме* или *глобализации*. В каком отношении всемирность находится к глобализации, есть ли между ними преемственная связь, а если есть, то почему, говоря о глобализации, нечасто вспоминают об интеллектуальной традиции, связанной с выяснением того, что такое всемирность?

Что такое *литература*? – второй вопрос. Когда она появилась, как она относится к другим видам речевой деятельности и другим формам словесности? Об этом и раньше задумывались. Ясно, что столь легко нами проговариваемые названия лекционных курсов: «античная литература», «средневековая литература», – очевидные анахронизмы. Ни Эсхил, ни Абеляр литераторами в нашем понимании слова не были, но что такое наше понимание, и когда оно возникло? Считается, что в английском языке слово «литература» в современном понимании первым употребил Джон Милтон. Кстати, его «Потерянный рай» – первая книга, изданная в Англии по подписке: предваряя выпуск книги, издатель Тонсон (продвинутый предприниматель книжного рынка) собрал деньги у будущих читателей. Такой практики раньше не было. Литература – это сложно устроенное деловое предприятие, вовлекающее много культурных функций и их исполнителей: писатель – издатель – книготорговец – читатель – критик… Это еще далеко не все. И, кстати, сохраняются ли эти функции, а с ними и сама литература в наступивший век электронной словесности? Острый и постоянно обсуждаемый сегодня вопрос о дальнейшей судьбе литературы.

Так что третий вопрос – о *мировой литературе* – заметно осложнен сомнением в том, а выживет ли сама литература и что она такое? И если она выживет, то как мировая или как глобальная? Самые широко известные определения литературы под знаком всемирности принадлежат Дэвиду Дэмрошу, автору книги «Что такое мировая литература?» (2003). Он полагает, что *global literature* это то, что можно купить в терминалах международных аэропортов, на местных линиях все еще читают *world literature*, окрашенную местным колоритом. Иными словами, глобальная литература принадлежит всем, но ни с кем не связана, мировая – «возникает в местном контексте» и сохраняет его черты. И, если продолжить мысль, «глобальная» скорее принадлежит к сфере массового вкуса, а «мировая» в большей степени еще остается

литературой, хотя и переступает через национальные границы. Таким образом, продолжает Дэмрош, «несмотря на всю власть интернета, даже Amazon.com в большей мере полагается на местные сети, чем на американский website, когда стремится к всемирному (global) охвату» [Damrosch 2003: 31].

Эти слова были опубликованы в 2003 г., и трудно сказать, изменилась ли точка зрения автора. Кажется, что тогда глобализм, которому Дэмрош отводит хотя и всемирное, но культурно ограниченное пространство, был более радикальным. Это было время, когда литературный радикализм высказался особенно решительно книгой теоретика и энтузиаста постомодерна Гайатри Шакраворти Спивак, провозгласившей «Смерть дисциплины» (2003). В широком смысле любой литературной и литературоведческой традиции, в узком – смерть компаративистики, поскольку какая может быть компаративистика там, где нация – отживший и почти случайный, придумано романтический, конструкт, а любые национальные различия сгорают в плавильном котле мультикультурности.

Теперь понятно, что с мультикультурностью поторопились, что вышла какая-то осечка, о чем объявили не теоретики культуры, а политики и столь решительные, как Меркель и Кэмерон. И все-таки любая попытка оспорить глобализм, поскольку он слишком торопливо и с утопической опасностью принял желаемое за уже свершившееся, встречает возражение: вы спорите с радикалами, а умеренные глобалисты так не думают, не отменяют (пока) национальных границ, во всяком случае, культурных.

В этом возражении есть лукавство. Поскольку глобализм – это утопия, а в каждой утопии заложена воля к осуществлению. Утопия очень часто отражается или служит отражением важной исторической тенденции, кто же будет спорить с тем, что всемирность осуществилась много полнее сегодня, чем во времени Гете, ставившего ее в зависимость от «скорости средств сообщения и связи» [Гете 1973: 573], интенсивности обмена товарами и идеями. Мы живем в мире куда теснее связанном, следовательно, всемирном и глобальном, но если мы помним о предупреждении другого великого немца – Карла Ясперса, оставившего одно из самых развернутых и глубоких исследований идеи всемирности как утопической в работе «Смысл и назначение истории» (1949). Идея единства важна ввиду нескольких обстоятельств: «замкнутости нашей планеты»; того «что люди встречаются в едином духе всеобщей способности к пониманию»; «в осознании универсальных возможностей», требующих по крайней мере видения, осознания

целого [Ясперс 1991: 267]. Но это навсегда – утопическая идея: «Единство истории как полное единение человечества никогда не будет завершено. История замкнута между истоками и целью, в ней действует идея единства...» [Ясперс 1991: 267].

Кажущееся осуществление и есть момент крушения утопии, когда с горизонта цивилизации она перемещается в ее центр, насильственно подчиняя себе бытие и отсекая все, что ей не соответствует. Утопия была всегда сопряжена с идеей всемирности, не случайно о ней постоянно говорили, что в лучшем случае это идея европейского единства (которое именно теперь – при попытке его осуществления – явило свою опасную утопичность), а в смысле мировом в лучшем случае – это обещание на будущее. Но теперь показалось, что будущее (исключительно и обязательно «светлое») уже наступило, быть может, поэтому и не хотят оглядываться в прошлое, когда идея всемирности была более идеей исторического движения, чем утопического осуществления. Даже кажется странным, что у такой исключительно современной идеи как глобализация есть предыстория, а она, безусловно, есть. О ней вспоминают так редко, что в предисловии к переводу одной американской книги о глобализации в качестве мотивирующего аргумента за ее издание выдвигается в качестве принципа, отличающего ее в числе других книг, написанных по тому же поводу то, что «…автор встраивает описание происходящих ныне процессов в широкий исторический контекст. Он подчеркивает, что нынешняя волна глобализации вовсе не первая» [Завадников 2006: 8].

В качестве первой волны Бринк Линдси определяет промышленную революцию с конца 18 века по 1880 год. Именно в это время «снижение транспортных расходов и совершенствование средств связи раскрепостило общемировое движение товаров, услуг, капитала и людей в исторически беспрецедентном масштабе» [Линдси 2006: 28]. Это именно то, о чем говорил Гете как об условии всемирности.

Конец этого периода связан с усложнением к 1880-м организации производства, породившей социальную инженерию: «Вера в технократический контроль, а особенно в необходимость передачи этого контроля государству, начали набирать силу около 1880 г. и с каждым годом постепенно укреплялась» [Линдси 2006: 28].

Тем самым были погублены «либеральный международный порядок», т.е. начавший складывать свободный рынок. Завершение – первая мировая война. Весь последующий столетний период – «промышленная контрреволюция» до тех пор пока разочарование в государственно-управляемых способах хозяйствования не приобрело мировой

характер, а свободное, благодаря интернету, хождение капитала в мировом пространстве не породило глобализацию.

Гарант глобализации – мировой рынок в идеале «без наций», «без границ». Опровержение, однако, особенно отчетливо прозвучало именно на границах, через которые все труднее стали пропускать тех, кто должны были принять «наши ценности», но почему-то не приняли. К тому же их оказалось слишком много – затрещали не границы, а возможность и желание обойтись без них. Границы же начали в авральном порядке укреплять, буквально возводя на них средневековые стены, хотя и из современных материалов. Другим опровержением стали санкции, вводимые по политическим соображениям, но опровергающие главное условие экономической глобализации – свободу рынка. Укрепленные границы и санкции продемонстрировали, что свободный рынок не работает в качестве гаранта всеобщей справедливости и не имеет божественной власти, а глобальная всемирность, бесспорно, обнаружила свою утопическую реальность.

Что же с мировой литературой? В какой мере идея утопична, в какой прагматична и может/должна послужить как рабочая гипотеза для понимания контекста современной литературы, контекста, необходимого для верного прочтения ее отдельных текстов?

При всем разнообразии оттенков в определении мировой литературы все они могут быть отнесены к двум типам, согласно избранному принципу оценки, – *пространственный* или *динамический*. Пространственный принцип может применяться как буквально, так и метафорически.

В первом случае речь идет о географии мировой литературы. Желание раздвинуть ее рамки за пределы Европы по сути дела и руководило побуждением к всемирности. Поздний Гете был устремлен не в эллинский, а в восточный мир, сопрягая части света в «Западно-восточном диване». А автор первой книги на английском языке, в названии которой вынесено словосочетании «Comparative literature» (1886), Х.М. Поснет (англичанин, преподающий латынь в Новой Зеландии – как будто нужно было отправиться на край мира, чтобы увидеть его целиком), завершил свой труд главой «Мировая литература в Индии и Китае». В самом же тексте затронуты и другие культурные области, включая Россию.

Стремление расширять границы и горизонты никогда не спасало мировую литературу от подозрения/обвинения в европоцентризме. Идея была европейской, и требование к компаративисту выучить хотя бы один-два экзотических языка дела не меняло, так как начальное

знание грамматики и нескольких сотен слов слабо приближало к постижению литературы. Теперь надежду возлагают на носителей неевропейских языков, среди которых, впрочем, также нет равенства, поскольку некоторые из них – языки культур более древних, чем европейские, а другие принадлежат дописьменным народам.

Равны ли они по своему культурному (не говоря уже о литературе) статусу? Сама идея культуры в качестве основания всемирности была провозглашена И.Г. Гердером как условие равенства, закрепленного метафорой Великой Цепи Существ, возрожденной в век Разума: «*...одна цепь культуры* соединяет своей кривой и все время отклоняющейся в сторону линией» все нации ([Гердер 1977: 441]; курсив автора – И.Ш.). Однако равноправие культурных пространств, декларируемое в качестве (политкорректной) идеи, остается утопическим предположением. Реальность мировой литературы подразделяется на зоны. Иерархичность (противопоказанная принципу культуры) неизменно вызывает протест, но утверждается вновь и вновь. В традиции французской компаративистики эту мысль обновила Паскаль Казанова: есть провинция, и есть столица «мировой республики литературы», «фабрика славы» – Париж: «Парижское посвящение – это средство, необходимое для авторов подчиненных литературных пространств» [Казанова 2003: 147].

Делаются попытки более тактично – в духе социологии всемирности – подойти к миросистеме *Weltliteratur*, как (вслед И. Валлерстайну) предложил Ф. Моретти, сводя все мировое разнообразие к трем вариантам пространства: «ядра, периферии и полупериферии» [Моретти 2016: 180].

Таковы аспекты проблемы мировой литературы, взятой в географическом пространстве. Они ретранслируются в пространстве собственно литературном: что подразумевать под мировой литературой – всё множество опубликованных текстов, или только те из них, что пересекают границы и переводятся на другие языки, или это некий канон мировой классики? Ответы варьируются в своей утверждающей части, но чаще всего с отрицанием канона, как это делает Дэвид Дэмрош, сразу же переходя к смене принципа в определении мировой литературы – от пространственного к динамическому: «Я утверждаю, что мировая литература – это не некий бесконечный необъятный канон, а скорее способ распространения (mode of circulation) и чтения текстов…» [Damrosch 2003: 5]. И спустя несколько страниц в той же главе почти дословно: «…не установленный канон, а способ чтения (mode of reading) …» [Damrosch 2003: 11].

Идея справедливая и декларативно не новая. Ей вторят даже справочные издания в статьях о *comparative literature*: «…Изучение литера-

туры разных народов на разных языках, сосредоточенное на исследовании и анализе их взаимоотношений, взаимных влияний и их природе…» [Hofman 1980: 94]. Слово «взаимоотношения» (relationships) стоит первым.

И в отечественных справочниках «всемирная литература» трактуется как «сложная *динамическая система* (макросистема» [Неупокоева 1978: 206]. С теоретической установкой, как видим, и в 1960–1970-х годах было все в порядке. Оставалось самое трудное – научиться, как сказано в американском словаре, «исследовать и анализировать» эту самую динамику. Компаративная практика, хотя и обширная, была менее удачной. Даже если и желанный (что было далеко не всегда), союз между компаративистикой как собиранием фактов и компаративным прочтением текстов носил в лучшем случае индивидуальный и редкий характер. Ощущалась необходимость в том, что Эрл Майнер [Miner 1990] вынес в название своей книги – «компаративная поэтика» («Comparative Poetics: An Intercultural Essay on Theories of Literature»). Актуальная и удачная идея была заявлена в неудачный момент, когда сама поэтика стала неактуальной ввиду поворота гуманитарного исследования в сторону, которая также обозначена в названии книги, – *intercultural*. С этого момента если поэтика и была востребована, то лишь как «поэтика культуры»: термин Ю. Лотмана широко разошелся по миру. Поэтика литературного текста, его «исследование и анализ» в лучшем случае отошли на второй план, а само существование компаративистики вскоре оказалось поставлено под вопрос, хотя это и может показаться необъяснимо странным в век интертекстуальности.

Едва ли не самое значительное отличие всемирности от глобальной идеи – в отношении к *границам* во всех значениях этого понятия. Глобалисты их стирают. Те же, кто исходили из понятия всемирности, находят их чрезвычайно культурно продуктивными. Раннее и знаменитое определение пограничности М. Бахтиным: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [Бахтин 2003: 282].

Границы представляются не непреодолимыми барьерами на пути культурного диалога, но местом его осуществления. Культуры, будучи отвлеченными от границ, утрачивают почву. Это, вероятно, и есть наиболее реалистичная посылка современной компаративной теории,

предмет осмысления которой – мировая литература – соответствует латинскому выражению *concordia discors*, подразумевающему способность к гармоническому сочетанию различных и даже конфликтующих между собой элементов целого. Национальные культуры (привязанные или нет к своим территориям) не обязательно конфликтны, но, безусловно, различны, разноязыки и способны, если не к мультикультурной гармонии, то к диалогу.

Понятие «граница» утвердило себя в качестве ключевого в самых разных сферах современного сознания. К нему прибегает Ю. Лотман, подводя итог своей теории культуры в последней работе «Культура и взрыв» и подчеркивая разность смыслов, продуктивных в одном отношении и катастрофичных в другом: «Самоописание культуры делает ее границу фактом самосознания. Это можно сопоставить с размытыми границами на реальной карте распространения языков и четким членением их, например на политической карте.

Момент сомосознания придает границам культур определенность, а включение государственно-политических соображений неоднократно придавало вопросу драматический характер» [Лотман 1992b: 267].

Вероятно, к этому моменту Лотман не мог не знать раннего бахтинского определения в работе, впервые напечатанной в 1975 году, но его собственный интерес к «границе» возник гораздо ранее в рамках теории текста и семиотического пространства: «Граница семиотического пространства – важнейшая функциональная и структурная позиция, определяющая сущность ее структурного механизма. Граница – билингвиальный механизм, переводящий внешние сообщения во внутренний язык семиосферы и наоборот» [Лотман 1992a: 14].

Эти семиотические наблюдения много позже Лотман ретранслирует в сферу теории культуры, рассуждая о законах межнационального общения, выстраивая, по сути, свою компаративную теорию как поэтику культуры:

«…Внешняя культура для того, чтобы вторгнуться в наш мир, должна перестать быть для него «внешней». Но для того чтобы превратиться из «чужой» в «свою», эта внешняя культура должна … подвергнуться переименованию на языке внутренней культуры. Процесс переименования не проходит бесследно для того содержания, которое получает новое название… Но может происходить и противоположное: вторжение может быть настолько энергичным, что привносится не отдельный элемент текста, а целый язык, который может или полностью вытеснить язык, в который вторгается, или образовать с ним сложную иерархию…» [Лотман 1992b: 205-207].

Лотмановские идеи были подхвачены, трансформированы под себя и даже стали одним из краеугольный камней того, что на интернациональном языке получило название *cultural studies*. Но Лотман едва ли предполагал, что его «поэтика культуры» станет инструментом для вытеснения традиционной поэтики – поэтики текста.

Текста, увиденного на культурных границах, во взаимодействии контекстов – всемирного и национального. Евгений Замятин – пример такого «мирового писателя», требующего понимания в глубине его национальной традиции и одновременно в контексте мировой литературы.

Тот факт, что роман «Мы» принадлежит мировой литературе, подтвержден университетскими программами. Если XX век – век антиутопический, то своим романом, Замятин дал образ современной истории в ее антиутопическом превращении практически с натуры, хотя и с перспективным продолжением в будущее. У него были предшественники по жанру, ближайший – Герберт Уэллс (переводы из которого Замятин редактировал и книжечку о котором написал, поясняя основы своего проекционного метода). У него были и продолжатели в мировом литературном пространстве, наиболее известные – Олдос Хаксли (хотя и предпочитавший отрицать какую-либо связь) и Джордж Оруэлл (ссылавшийся на Замятина). Но у него были и иные предшественники в традиции национальной литературы, необычайно важные для всего творческого пути, но разве имеющие отношение к автору «Мы»? Языковая, сказовая традиция – от Лескова до Ремизова и Андрея Белого. *Какое отношение этот языковой опыт мог иметь для романа утопии, романа об обществе, утратившем язык, о людях, лишенных имен и живущих под номерами*?

Понять роман «Мы» невозможно, беря его лишь в контексте антиутопии, впрочем, как и только в национальной традиции языкового сказа. Он может быть понят лишь в перспективе магистрального замятинского пути: «Уездное» – «Алатырь» – «Мы». «Алатырь» здесь, безусловно, необходимое и центральное звено, демонстрирующее, каким должен быть результат, если искра мировой утопии залетит в пространство русского мифа. Важнейшее и мало обратившее на себя внимание исследователей произведение. Вот почему, получив «Замятинскую Энциклопедию», я первым делом открыл ее на статье «Алатырь». Такого рода издания проверяются на основных статьях, и не скрою – был разочарован. Того самого пересечения смысловых осей, традиций, которое хотел бы увидеть, я не нашел в статье Т.Т. Давыдовой [Давыдова 2018: 29-39] («Замятинская энциклопедия» – ее авторское произведение).

Начало статьи таково: «…Самое сложное произв. З. первого творческого периода, 1908–1916 гг. На внешний пласт содержания повести –

критику жизни русской провинции – обратил внимание уже Иванов-Разумник Р.В.: «Подлинный кошмар этот город Алатырь <...>» – писал он (Иванов Разумник, 1916, 2). Не менее важна для адекватного понимания «Алатыря» рецепция в повести филос. идей «Легенды о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского, положений соловьевской софиологии и эсхатологии, а также розановской «религии пола».

И далее на всем протяжении статьи с редкими отступлениями речь идет о том, как в повести присутствует Владимир Соловьев. Однако ни малейшей попытки обосновать его присутствие не предпринято, помимо обычного в таких случаях мотива «посмотрите, как похоже». Но если и похоже, то не только на Соловьева, но на все то, что от него взял русский символизм, и на очень многое другое.

И почему «Алатырь», почему грибные места, в которые мы попадаем с самого начала этого мифологизирующего текста?

Но речь у Т.Т. Давыдовой идет лишь «об идеях символизма “воссозданных в повести Замятина” в соловьевском их преломлении. Время от времени в этот соловьевский контекст вклиниваются какие-то еще имена, столь же слабо мотивированные текстом повести или иным авторским свидетельством: Фурье, Вейтлинг, Освальд… А потом Библия с Вавилонской башней и смешением языков, “скорняк Георг” из повести “Лесная топь” С.Н. Сергеева-Ценского...»

Но как быть с Алатырем, грибами, мифологемой бесплодия, центральными для сюжета? Любое беглое наблюдение лишь мгновенно отвлекает от Владимира Соловьева, чтобы вновь вернуть к нему. А беглые наблюдения врываются столь же немотивированно, как и главная тема:

«В чувстве князя к Глафире отражены символистские представления о любви, проявившиеся, в частности, в отношении А.А. Блока и А. Белого к Л.Д. Менделеевой, в к-рой они увидели земное воплощение соловьевской вечной женственности, а также в чувстве М.М. Пришвина к В.П. Измалковой».

И Блок, и Белый, и Пришвин с Измалковой – по какой логике они появились и зачем? Подобно тому, как сцепившиеся, не поделив князя, героини сравниваются у Замятина с гусынями, что порождает в статье аналогию с «гоголевской “Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”…». Там тоже есть сравнение с гусаками. Слабоватый аргумент!

Но опять ничего не говорится про Алатырь, этот Грааль русской духовной литературы, которым так заинтересовался, написав ряд статей и готовя книгу, великий русский филолог, старший современник

Замятина, А.Н. Веселовский? Т.Т. Давыдову этот титульный символ и все, что с ним связано, не заинтересовал вовсе. А ведь он бы открыл путь и на глубину русского «уездного» бытия и русского мифа, вывел бы на аналогию – по той же линии с Граалем – к мифу о сходном бесплодии в современной с «Алатырем» западной литературе (скажем «Бесплодная земля» Т.С. Элиота), к мифу, который в центре замятинской символики. Почему так универсально привлекателен этот миф бесплодия на излете европейского модерна?

Энциклопедическая статья о повести как началась с Соловьева, так им и завершилась, оставляя с убеждением, что не было у Замятина другого дела, как разобраться с его философией:

«Итак, в повести “Алатырь”, упростив сложные положения философии Соловьева, З. резко критиковал их из-за очевидной оторванности от жизненной “органики” и идеалистичности, а также потому, что воспринимал соловьевский экуменизм как неперспективную утопию. Именно в “Алатыре” впервые проявилось характерное для всего творчества З. скептическое отношение к утопическому типу сознания».

Вот об этом – об утопическом сознании – услышать бы с большей подробностью и в разных контекстах, которым равно принадлежит эта замечательная повесть, ключевое произведение в магистральном сюжете замятинского творчества.

В данном случае мы имеем дело не просто с неудачной статьей о «самом сложном произведении» раннего периода. Мы имеем дело с методом, который не позволил восстановить контекст, увидеть необходимые пересечения национальной и мировой традиции, вне которого не удалось прочесть Евгения Замятина. Одного из тех писателей, кто в XX веке, безусловно, принадлежит мировой литературе, предполагающей особый «модус чтения» или особую поэтику (историческую? компаративную?) в качестве инструмента ее понимания.

Литература

Бахтин М.М. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 265-325.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

Гете И.-В. Об искусстве. М.: Искусство, 1975.

Давыдова Т.Т. Замятинская энциклопедия. М.: Изд-во «Флинта», 2018.

Завадников В. Предисловие издателя // Линдси, Бринк. Глобализация, повторение пройденного. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 7-9.

Казанова П. Мировая республика литературы. М.: Изд. им. Сабашниковых, 2003.

Линдси Б. Глобализация, повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

[Лотман 1992a] *Лотман Ю.М*. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 11-24.

[Лотман 1992b] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992.

Моретти Франко. Дальнее чтение. М.: Издательство института Гайдара, 2016.

Неукопокоева И.Г. Всемирная литература. Т. 9. М.: Краткая лит. энциклопедия, 1978. С. 200-209.

Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Изд. политической литературы, 1991. С. 28-287.

Damrosch D. What is World Literature? Princeton UP, 2003.

Hofman C. Hugh. A Handbook to Literature. 4th ed. Indianapolis: Bobbs-Merrill Education Pub, 1980.

Miner E. Comparative Poetics: An Intercultural Essay on Theories of Literature. Princeton, New Jersey: Princeton U.P., 1990.

Spivak G.Ch. Death of a Discipline. New York: Columbia UP, 2003.

Shaytanov I.O. Contemporary Literature: World or Global? *Questions and challenges*

In the combination of two words “world literature” there are lurking, at least, three issues. Each of them is deeply rooted in its own tradition, and in our contemporaneity grows more and more problematic. *Weltgeschichte* has been additionally problematized as globalism. The concept ‘literature’ has retained all its functions whose future is vague in the context of the electronic media. As for the ‘world literature’, its definitions both spatial (in a sense of geography or book market), and dynamic (mode of reading, mode of circulation) are widely debated. Poetics of the world literature is stipulated by how its object is interpreted and connected/disconnected with the boundaries between countries and cultures. The dynamic concept of the world literature circulating over the borders, and most productive on them (in opposition to the globalist slogans: “no nations”, “no border-lines”) seems most adequate. Evginii Zamyatin stands out as one of the writers whose understanding of the world tendencies had been born in the depth of the cultural and linguistic tradition to shape the generic context of the universal dystopia in the 20th century.

Key words: world/global literature, globalist utopia, Damrosch, Herder, mode of reading, mode of circulation, boundary, Bakhtin, “Alatyr’”.

УДК 821.161.1

М.М. Голубков

ЧТО ТАКОЕ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА?

Статья посвящена актуальным проблемам современной литературы. Определяются хронологические границы современного периода, социокультурные обстоятельства, в которых развивается современный литературный процесс (новые отношения литературы и власти, смена политической цензуры цензурой рынка, изменение статуса писателя, сужение читательской аудитории). Делается вывод о том, что представления о литературе как саморазвивающейся системе нуждаются в корректировке.

Ключевые слова: современная литература, статус писателя, цензура рынка.

Изначально автор хотел назвать эту статью иначе: «Актуальные проблемы современной литературы». Но два обстоятельства заставили название изменить и долго размышлять о новом, более соответствующем проблематике статьи. Во-первых, так назывался курс, долгое время читавшийся на филологическом факультете МГУ. И дело даже не в некоторой академической скучности подобного названия. Важнее второе обстоятельство: когда читался этот курс, было совершенно понятно, что такое современная литература. Сейчас же этот ответ на этот вопрос отнюдь не очевиден. И главная цель, которую ставит перед собой автор, состоит в том, чтобы поделиться своими размышлениями о том, что же есть современная литература?

В первую очередь встает вопрос о ее хронологических рамках. Ведь современная литература – это та, что еще не стала историей. Это те литературные события, которые происходят на наших глазах. И если более или менее понятно, что завершения у современной литературы нет, что завершение этого периода принципиально сдвинуто в будущее, то где его начало? Когда началась современная литература?

Ответить на этот вопрос будет возможно, если мы попытаемся определить принципиально новые обстоятельства, в которых протекает современная литературная жизнь. Они кардинально отличаются от тех, что мы видели на предшествовавших этапах литературного развития. Вероятно, тот момент, когда они начали складываться, и может определить хронологическую веху, начинающую современный литературный период. В чем же их суть?

Прежде всего, они характеризуются новыми принципами отношений литературы и государства, литературы и власти. Эти отношения можно определить как взаимное охлаждение и отчуждение после того бурного романа, который развивался на протяжении всего советского времени, когда власть нуждалась в литературе, но и литература нуждалась во власти. Эти отношения, и правда, напоминали напряженный и интенсивный роман – со взаимными подозрениями в неверности, с ревностью, кровью… Власть искала в литературе верного соратника и друга, и осыпала художника, ставшего им, драгоценными дарами, формируя то направление, сложное и противоречивое по своей художественной природе, которое получило название «социалистический реализм». При этом уничтожались целые литературные направления, если они были неугодны. Так исчезли, например, Обэриуты, представляющие абсурдизм и заумь, и, казалось бы, принципиально противоположные им новокрестьянские писатели. Представители обоих направлений (Д. Хармс, К. Вагинов, А. Введенский, представляющие абсурд как сложную философскую систему, и С. Есенин, А. Ганин, П. Васильев, Н. Клюев, С. Клычков, представившие в своих творениях русскую деревню как цивилизационный феномен) были физически уничтожены.

Самое парадоксальное состоит в том, что и художники, в том числе, любимые и уважаемые нами, искали любви власти – т.е. роман был взаимным, правда, не становясь от этого менее опасным и кровавым, не теряя своего романтического накала, который привел в свое время к гибели героев ранних романтических рассказов Горького Радду и Лойко Забара. Так, например, знаменитый разговор Сталина с Булгаковым закончился обещанием вождя перезвонить и пригласить писателя на личную встречу – Булгаков 11 лет, до самой смерти, ждал этого звонка. Можем ли мы представить себе, например, Ремизова, ждущего с нетерпением звонка президента Третьей Республики?

Повторимся, этот роман перешел внезапно во взаимное охлаждение и отчуждение, сменившееся полным взаимным равнодушием…

Об утрате литературоцентризма не писал только ленивый, тем не менее, это факт: литература явно утратила ту роль в русской культуре, которой обладала еще пару десятилетий назад.

Уход политической цензуры тоже характеризует внешние обстоятельства современного литературного развития. Однако уход политической цензуры охарактеризовался появлением более страшной – цензурой рынка. В принципе, писатель мог обойти политическую цензуру, и для того существовало множество возможностей: можно было пус-

тить свое произведение в самиздат, как это сделал, сам того не желая, А.Т. Твардовский, раздавая направо и налево гранки своей поэмы «По праву памяти»; можно передать на Запад, как это сделал Б. Пастернак с романом «Доктор Живаго», как это делали А. Синявский и Ю. Даниэль, поплатившиеся, правда, свободой за свои стилистические и эстетические разногласия с Советской властью. В конце концов, можно было эмигрировать и свободно публиковаться в Тамиздате. А вот цензуру рынка практически не обойти: она всесильна и повсеместна, не знает географических и политических границ: ее не обойти. Иными словами, смена цензур, являясь важнейшим обстоятельством современной литературной жизни, не увеличила, а напротив, сузила рамки творческой свободы…

Произошла утрата прежнего статуса писателя, а ведь он был чрезвычайно высок! Слово писателя, в первую очередь, С.П. Залыгина, смогло остановить очередной советский циклопический проект переброски северных рек в Среднюю Азию! Увы, ныне писатель из учителя жизни, из зрячего посоха превратился в фигуру почти частную, зависимую от премий и от литературной фортуны, от внимания ветреной читательской аудитории, склонной как возносить, так и быстро забывать. Нынешнее положение писателя, когда он не может жить (за редким исключением) писательским трудом, привело к тому, что писательство перестало быть профессией.

К обстоятельствам, в которых развивается сегодня литература, можно отнести и резкое, почти катастрофическое сужение читательской аудитории и ее атомизацию. Чтение перестало быть престижным занятием, книги не обсуждаются, не влияют на общественные настроения; чтение стало делом приватным и вовсе не обязательным.

В дополнение ко всему издательское дело окончательно превратилось в бизнес, а издатель – в бизнесмена, что, в сущности, совершено естественно для современного состояния литературных дел. В результате литература подчиняется законам бизнеса – так и формируется цензура рынка. Возникает феномен литературного проекта, связанный с созданием раскручиваемых, рекламируемых и раскупаемых серий (без серийности сейчас писателю не прожить!), заключаются кабальные договоры, по которым писатель должен создавать по книге в год, целенаправленно «раскручиваются» те или иные писательские имена, часто вне зависимости от смысловой глубины и художественных достоинств их текстов.

И все же книги выходят, и их много – ежегодно появляется около трехсот новых прозаических книг, принадлежащих как авторам с ли-

тературным стажем, так и дебютантов, новичков. Однако из этого потока выхватывается 2-3 имени, часто действительно очень ярких и интересных, чьи произведения прочитываются и получают полноценную читательскую реакцию. Книга становится популярной, издается все новыми и новыми тиражами, и в этом случае цензура рынка преодолена! Мало того, интересы бизнеса и интересы творческой личности, интересы художника, совпадают, и дело даже не в гонораре, который с каждой допечаткой тиража становится все весомее, но в расширяющейся читательской аудитории, для которой работает и на понимание которой рассчитывает любой писатель. В последние годы таким успехом, и совершенно заслуженным, пользовались романы Е. Водолазкина «Лавр» и Гюзели Яхиной «Зулейха открывает глаза».

Читательский успех и признание заставляют задуматься над продолжением писательства, а бизнес в лице издателя активно подталкивает автора к следующей книге. И тут возникает явление, которое, как кажется, можно назвать *феноменом второй книги*. Если «Зулейха» Г. Яхиной была ее действительно первой книгой, то «Лавр» Е. Водолазкина таковой не являлся, но был первой заметной книгой, принесший автору известность и признание в широкой (насколько это сегодня возможно) читательской аудитории. Но книги не пишутся по заказу, вдохновение и зрелость художественного замысла не подчиняются товарно-денежным книгоиздательским отношениям. Поэтому *вторая книга,* написанная уже по заказу, оказывается, увы, хуже! Явно вымышленный и полный повторов и литературных штампов про Соловки и ГУЛАГ роман Е. Водолазкина «Авиатор» не спасает ни столь же измышленный фантастический сюжет, ни уж совсем смотрящаяся комически любовная интрига, в результате которой проснувшийся после искусственной летаргии герой женится на внучке своей возлюбленной, которую, впрочем, тоже зовут Анастасия, как и бабушку, с которой некогда был связан любовными узами проснувшийся герой. (Автор статьи знает и другие мнения, ставящие роман «Авиатор» достаточно высоко и не трактующие его как творческую неудачу; относясь к ним с безусловным уважением, присоединиться к ним он все же не может).

Та же история произошла с Гюзелью Яхиной. Головокружительный (и заслуженный!) успех «Зулейхи» заставляет быстро писать следующий роман, «Дети мои». Исторически недостоверный да и в принципе невозможный в жестких реалиях XX века сюжет робинзонады, когда малограмотный учитель немецкого языка из немцев-колонистов Поволжья перебирается со своей возлюбленной через Волгу на противоположный крутой берег и оттуда пытается осмыслить исторические

события начала века и гражданской войны, кажется просто надуманным, так же как и его фантастические видения, открывающиеся ему на дне Волги, уже ближе к концу… Нет, все-таки литература не может создаваться по приказу и принуждению – будь то рапповская дубинка, социальный заказ, требования партии или диктат рыночных отношений. И если в ближайшем личном и академическом окружении автора этой статьи были читатели, принявшие «Авиатора», то принять «Дети мои» не смог никто. (Автор прекрасно осознает возможность другого, прямо противоположного, взгляда на вторую книгу Г. Яхиной, хотя сам не видит для него оснований).

Размышляя о понятии «художественная литература», Ю. Лотман писал: «Литература никогда не представляет собой аморфно-однородной суммы текстов: она не только организация, но и самоорганизующийся механизм» [Лотман 1992: 206], – писал Ю. Лотман, характеризуя само понятие «художественная литература». Это качество литературы, как полагали представители московско-тартусской семиотической школы, обусловлено способностью художественного произведения накапливать и генерировать смыслы при каждом новом его прочтении. Образная система произведения, заложенные в нем смыслы неисчерпаемы в силу того, что художественные «коды» просто не предполагают какое-то единственное прочтение, но принципиально подразумевают его многовариантность, поэтому каждая эпоха находит в нем свое, часто отличное от других эпох, звучание: «наступает новый исторический этап культуры, и ученые следующих поколений открывают новое лицо, казалось бы, давно изученных текстов, изумляясь слепоте своих предшественников и не задумываясь о том, что же скажут о них самих последующие литературоведы» [Лотман 1992: 215]. Эта удивительная способность художественного текста к генерации все новых и новых смысловых сфер обусловлена тем, что он рождается не только при его создании автором, но и при его прочтениях читателем – критиком, публицистом, литературоведом, любителем литературы – и читателями последующих поколений. Эта-та особенность литературного произведения и «привязывает» его ко времени его прочтения, актуализации, времени, сообщающему художественному тексту смысл спецификой и характером его нынешнего восприятия.

Говоря о художественной литературе как о динамическом целом, динамическом единстве, Лотман подчеркивал, что «мы сталкиваемся не с неподвижной суммой текстов, расставленных по полкам библиотеки, а с конфликтами, напряжением, “игрой” различных организующих сил» [Лотман 1992: 215].

Ситуация, когда из 300 книг полноценную читательскую реакцию получают лишь несколько, остальные не находят ни читателей, ни критиков, ставит под сомнения представления Ю. Лотмана о литературе как саморазвивающейся системе, на которых воспитаны поколения современных литературоведов. Если оно и не полностью отвергается, то нуждается в серьезной корректировке. Ведь в основе представлений о литературе как о саморазвивающейся системе лежит мысль об интенсивном диалоге между современными книгами, который осуществляется в сознании читателя и артикулируется критиком, представителем читательской среды в литературе. Но в нынешней ситуации под вопросом оказываются сами диалогические отношения между книгами и их авторами. Противоречия между идейно-эстетическими концепциями мира и человека не осознаются и не рефлексируются. С чем связана подобная ситуация?

Во-первых, с тем, что издающиеся книги оказываются неизвестны читательскому сообществу, разобщенному и атомизированному: лишь единицы книг оказываются известны и популярны, прочитываются и осмысляются, остальные же попадают к читателю случайно и не оказываются в поле зрения читательского большинства.

Во-вторых, с резким снижением уровня литературно-критической мысли. Дар критика, возможно, более редкий, чем писательский дар, ныне не востребован. В результате роль критика резко изменилась. Критик теперь – не представитель читателя в литературе, а, скорее, коммивояжер и рекламный агент, распространяющий продукцию того или иного издательства или того или иного автора. Лозунг «читаю за деньги», который еще совсем недавно воспринимался как анекдотический, нынче вовсе лишен комического аспекта: критика ведь тоже профессия, почему бы и за деньги не читать? Какая уж тут рефлексия, какое уж тут представительство от лица читательского большинства? Нет, времена А. Макарова, М. Щеглова, В. Лакшина, И. Дедкова в далеком историческом прошлом…

В результате под вопросом оказывается не только лотмановское представление о литературе как о саморазвивающейся системе, но и о литературном процессе: а есть ли сейчас литературный процесс?

Литературный процесс – совокупность художественных явлений, длящихся во времени и имеющих между собой причинно-следственную связь. Это некий вектор, движение которого вперед обусловлено прошлым литературы и совокупностью явлений настоящего. Работает ли сейчас этот механизм литературного саморазвития?

Парадокс нынешней литературной ситуации состоит в том, что современная литература развивается, скорее, не во времени, а в пространстве. Понятие литературного процесса уместно будет заменить на понятие литературного пространства. Современная литература представляет собой бескрайнее поле, если позволительна подобная метафора, засеянное множеством литературных семян и дающее самые разнообразные плоды – от цветов зла до ярчайших роз и пионов; от сорняков до культурных растений; от полевых цветов до рафинированных голландских тюльпанов. Однако это бескрайнее поле оказывается необозримо: на нем нету вышки, на которую мог бы подняться читатель (или критик как квалифицированный читатель) и обозреть все поле. Да и критик, который был бы способен увидеть и осмыслить всю современную литературную топографию, явно не востребован современным читателем.

И все-таки профессиональная потребность литературоведа, обращающегося к любому этапу литературного развития, в том числе, и современному, состоит в отыскании системности, обнаружении закономерностей, в итоге – в поисках смыслов, которыми богат период. Ведь литература прежде всего – сфера национального самосознания, сфера осмысления национального опыта и открывающихся перспектив. Можно ли, пытаясь обозреть современное литературное пространство, обнаружить его наиболее значимые смысловые грани, попытаться определить некоторые аспекты проблематики современной литературы?

Думается, что одним из векторов, определяющих литературное развитие современности, оказывается обращение в прошлое. И тут литература обнаруживает удивительное многообразие форм подобного обращения! Одна из них, и, как кажется, наиболее современная и даже новаторская – неоархаика. Суть ее состоит в том, что художник моделирует будущее, обнажая некие исконные свойства русской жизни. Они могут проявляться и спустя несколько столетий после техногенной катастрофы, бросившей Москву (Россию? Все человечество?) в доисторическое время (роман Т. Толстой «Кысь»), обнаруживающее некие вневременные сущности национального характера. В. Сорокин, обращаясь к неоархаике, идет по другому пути: он создает образ русского средневековья, при этом локализуя его в недалеком будущем. Образ будущего крайне противоречив: герои ездят на автомобилях с водородными двигателями, вместо телевизора к их услугам объемные голографические картины, в квартире девятиэтажного облупившегося блочного дома, в котором отключены лифты, человека встречают бытовые роботы. Однако при этом формы социальной организации

вплотную приблизились к средневековым: реставрированы монархия, опричнина как карательный институт, главными народными авторитетами становятся кликуши и юродивые, широко распространены публичные порки за различные провинности. В. Сорокин обратился к неоархаике в первое десятилетие нового века (и этот интерес не оставляет его и по сей день) в таких повестях, как «День опричника», «Сахарный кремль», «Метель», в романе «Теллурия».

Другую форму литературного обращения в прошлое можно условно назвать «калькирование». Это своего рода литературные ремейки ставших уже классическими художественных произведений. Такого рода «кальку», например, снимает Р. Сенчин с повести В. Распутина «Прощание с Матерой» (роман «Зона затопления»). На современнейшем материале (сибирские деревни и по сей день без счету уходят на дно рукотворных морей, нужных для обеспечения электроэнергией алюминиевых заводов Дерипаски) почти с репортерской остраненностью и бесстрастностью он воспроизводит конкретно-исторические реалии, ставшие основанием мифа о русской Атлантиде, созданного В. Распутиным. Ситуация парадоксальная: ведь обычно литература сначала осмысляет исторические процессы, а потом, спустя какое-то время, они мифологизируются, становятся формой национального мышления. Здесь же Сенчин воспроизводит исторические обстоятельства жизни Сибири XXI века, мало в чем изменившиеся за полвека после публикации повести Распутина, и показывает реальные явления, возведенные тогда писателем на уровень национальной мифологии.

Историческое время оказывается важнейшим предметом рефлексии в двух последних романах Ю. Полякова: «Любовь в эпоху перемен» (2015) и «Веселая жизнь, или секс в СССР» (2019). Однако обращение это происходит на принципиально различных основаниях. В романе «Любовь в эпоху перемен» писатель констатирует трагический разрыв между прошлым, «эпохой перемен» рубежа 80–90-х годов, и настоящим, принципиально отказавшимся реализовать иллюзии личной и социальной жизни тех наивных и по-детски романтических лет – автору приходилось уже писать о трагическом распаде времени, осмысленном в этом романе [Голубков 2016]. В «Веселой жизни…» мы сталкиваемся с иронической романтизацией последнего советского десятилетия, в которое погружается, устав от юбилейной суеты собственного шестидесятилетия, автобиографический герой Ю. Полякова. Здесь есть и безжалостная самоирония, и история травли маститого писателя «русской партии» Ковригина, за которым угадывается В. Солоухин. С жанровой точки зрения этот роман тяготеет к «Алмаз-

ному моему венцу» В. Катаева, где литературная ситуация 20-х годов осмысляется спустя несколько десятилетий, а реальные участники литературного процесса скрыты за псевдонимами. Нечто подобное мы видим и у Полякова: по признанию самого автора, там нет практически ничего вымышленного и он, в самом деле, был назначен на роль председателя партийной комиссии СП, призванной покарать опального художника. Он лишь слегка изменяет имена: себя именует Полуяковым, известный телезрителям того века политический обозреватель Бовин назван Вовиным, редактор «Литературного обозрения» Леонард Лавлинский появляется как Флагелянский… Драматическая в сущности своей история травли автора «Писем из русского музея» и «Черных досок» дана в романе сквозь призму грустной иронии, однако само время, его приметы, быт, очереди, магазины, первые открывавшиеся универсамы описаны невероятно «вкусно» и ностальгически…

Вероятно, обращение к прошлому и потребность его осмыслить является одним из наиболее знаковых тенденций современной литературы. Она характеризует и последний роман А. Варламова «Душа моя Павел», в котором он обращается к той же исторической эпохе, что и Ю. Поляков, к 80-м годам, с ностальгией воспроизводя ситуацию выезда филологического факультета МГУ на «картошку». Его предыдущий роман, принципиально иной по художественной концепции и стилистике, тоже обращен в прошлое и воспроизводит авторское понимание Серебряного века.

Если эта тенденция продолжится, то второе десятилетие XX века можно будет назвать периодом литературных ретроспекций, определяя, по крайней мере, один из векторов современного литературного развития. Или же участок литературного пространства, если принять, что литературного процесса сегодня нет.

Литература

Голубков М.М. Преодоление иллюзий, или Как нас обманывает история (размышление о романе Ю. Полякова «Любовь в эпоху перемен») // Филологическая регионалистика. 2016. № 3. С. 7-14.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. 472 с.

Golubkov M.M. What is the Modern Literature?

The article is dedicated to the actual problems of modern literature. The author defines the chronological boundaries of the modern period, the socio-cultural circumstances in which the modern literary process is developing (new relations of literature and power, change of political censorship by censorship of the market, change

of the writer's status, narrowing of the readership) and concludes that the idea of literature as a self-developing system needs to be corrected.

Key words: modern literature, the status of the writer, the censorship of the market.

УДК 821.161.1

Н.Ю. Желтова

«МОРШАНСКАЯ» ПОЭМА В.А. КОМАРОВСКОГО «РАКША»: РЕГИОНАЛЬНЫЙ, БИОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ

В статье впервые анализируется поэма «Ракша» (1913) – самое крупное произведение незаслуженно забытого поэта серебряного века графа В.А. Комаровского. Обращается внимание на то, что его родовое имение Ракша Моршанского уезда Тамбовской губернии послужило поводом к созданию итогового произведения поэта, в котором осмысливаются причины гибели дворянских гнезд в России начала XX века, ее национальная судьба. Рассматриваются художественная структура поэмы, определяются ее литературные, исторические, биографические аллюзии и реминисценции.

Ключевые слова: поэзия серебряного века, литературная регионалистика, поэма «Ракша» В.А. Комаровского, Тамбовский край.

Творческое наследие яркого поэта серебряного века Василия Андреевича Комаровского (1881-1914) долгое время оставалось незаслуженно забытым. Тому есть несколько причин. Во-первых, поэт страдал тяжелым наследственным заболеванием – эпилепсией, что очевидно препятствовало активным занятиям творческой деятельностью, ибо он опасался любых сильных волнений и впечатлений, которые могли спровоцировать очередной приступ болезни. Именно она, скорее всего, отдаляла его и от внешнего мира, полноценной литературной жизни, и от людей, образов которых в произведениях Комаровского удивительно мало. Большую часть жизни поэт вынужден был провести в психиатрической больнице. Во-вторых, первый и единственный прижизненный сборник стихов – «Первая пристань» (1913) вышел накануне Первой мировой войны, которая смела не только прежние формы быта, российской государственности, но и оказалась роковой для Комаровского, известие о ее начале стало для него слишком большим потрясением, он не смог его пережить. И, в-третьих, имя поэта оказа-

лось прочно включенным в эстетику русского серебряного века, которая в советское время была объявлена буржуазной.

Графский титул, расстрелянный в 1937 году брат, художник Владимир Андреевич, отсутствие прочной идеологической основы в творчестве – и это тоже способствовало забвению поэта на долгие годы. Впервые в СССР о Комаровском заговорили только в 1970-е годы. Один из основателей тартуско-московской семиотической школы В.Н. Топоров предпринял [Топоров 1979] смелую попытку реабилитации творческого наследия Комаровского, но она закончилась на тот момент неудачно, как и в случае с другими представителями серебряного века. И только в 2000 и 2002 годах на пике «возвращения» литературы рубежа веков были изданы все известные на тот момент произведения поэта (см.: [Комаровский 2000; Комаровский 2002]). Изучение его творчества продолжили ученица В.Н. Топорова – Т.В. Цивьян, Т. Венцлова и другие исследователи.

Именно посмертное издание, пожалуй, самого значительного произведения Комаровского – поэмы «Ракша» дает основание говорить о включенности имени поэта в литературную историю Тамбовского края. Но в существующих работах В.Т. Дорожкиной, Л.В. Поляковой, О.А. Алешина, М.А. Климковой и других лишь вскользь упоминается о поэме, до сих пор нет сколько-нибудь полного ее анализа.

Произведение имеет, безусловно, автобиографическую основу и носит в некотором смысле итоговый характер в творчестве Комаровского. Комментарии, касающиеся истории семьи, отраженной в поэме, дал сам поэт. Точно известно, что его детство прошло в имении Ракша Моршанского уезда Тамбовской губернии, которое принадлежало деду по материнской линии – графу В.Г. Безобразову. Он фактически заменил отца Василию и его братьям Юрию и Владимиру, поскольку их мать Александра Васильевна до самой смерти в 1904 году не выходила из психиатрических клиник. В конце 1890-х годов скончался и отец Комаровского, служивший хранителем Оружейной палаты в Москве.

Кстати, образы матери и отца проходят сквозь все творчество Комаровского. Он часто изображает себя блудным сыном, который отрекся от родителей во имя высшего – богоизбранного пути и так и не вернулся назад. В стихотворении «Возрождение» (1910) признавался: «Я обругал родную мать. / Спустил хозяйские опалы...» [Комаровский 2000: 67]. Эта же тема покаяния перед брошенными родителями прослеживается и в стихотворении «Блудный сын» (1911). Несмотря на то, что поэт в раннем возрасте фактически остался сиротой, он получил прекрасное домашнее образование, владел французским и древне-

греческим языками. Видимо, эти пристрастия повлияли и на выбор его творческих ориентиров, которыми стали лирика Анри де Ренье и античная культура.

На сохранившихся фотографиях, видно, что Василий и Владимир посещали Ракшу и в зрелом возрасте. Несмотря на то, что большая часть жизни Комаровского прошла в Царском Селе, где он проживал у своей тетки Любови Егоровны (сестры отца, которой поэт и посвятил стихотворение «Возрождение»), итогом творчества стала поэма о селе тамбовском. Причем в этом небольшом произведении отчетливо прослеживается эпическое начало, сопрягаются разные исторические эпохи: от Павла I до современной поэту действительности прослеживается история целого дворянского рода. В ней причудливым образом переплелись и литературная, и государственная линии. Комаровский был внучатым племянником поэта Д.В. Веневитинова, внуком генерала П.Д. Горчакова и мемуариста, генерала Е.Ф. Комаровского, родственные связи были и с Пушкиными.

Поэт активно интересовался историей семьи, собирал и хранил документы, поэтому уверенно сделал фактические примечания к своей поэме. Сразу после восшествия на престол императора Павла Ракша была подарена им генерал-майору П.О. Глазову, который командовал гатчинскими войсками, отличился в русско-шведской войне и был награжден орденом святой Анны II степени. Вторая часть поэмы отражает это славное прошлое блестящего дворянского рода, память о котором сохранилась на картинах в имении Ракша: «И смотрит со стены безусых много лиц, / Сержанты гвардии, и, с Анною в алмазах, / Глядит насмешливо родоначальник Глазов» [Комаровский 2000: 101].

Однако эти былые заслуги составляют резкий контраст настоящему. Мотив гибели старинного дворянского гнезда присутствует уже в первой части поэмы. Усадебный дом, не сохранившийся до наших дней, был построен в конце XVIII века, но после смерти единственного сына В.Г. Безобразова в 1901 году был заброшен. «Вся обстановка здесь, начиная с передней со старинными большими зеркалами, уютной гостиной, библиотеки с изданиями прошлых веков, хранила память об ушедшей жизни, вызывая при этом грустное чувство от заброшенности старого семейного гнезда» [Кученкова 2010: 140]: «Но сдвинут в малый круг многосемейный стол, / И – праздные следы исчезнувшего улья – / Расставлены вдоль стен рассохшиеся стулья» [Комаровский 2000: 101].

Сама же поэма начинается с мотива возвращения на родину-мать умудренного годами блудного сына – характерного образа для лирики

Комаровского. В первой же строке задан осенний хронотоп произведения, который содержит традиционную для русской литературы символику подведения итогов, воспоминаний, философских размышлений. Здесь формируется чувственно-интимное, пространственное восприятие родной земли, которое совершенно не характерно для царскосельских стихотворений Комаровского: «Осенней свежести благоуханный воздух, / Всепроникающий, дарует сладкий роздых, / Балует и поит родимым молоком... [Комаровский 2000: 101].

Через запах, вкус вводит поэт тему прошлого. Далее она конкретизируется через конкретные зрительные и чрезвычайно предметные образы, пространство сужается до бальной залы, которая, несмотря на свою величину, сжимается от недостатка света: «Под алебастровым и пышным потолком / Висит широкая, померкнувшая люстра. / В огромной комнате торжественно и пусто...» [Комаровский 2000: 101].

Далее визуальный ряд продолжают «смотрящие со стен» лица предков, эти портреты, многие из которых сохранились по сей день, хранятся в Моршанском краеведческом музее. Старинные портреты наводят поэта на размышления о собственной причастности к началу рода, к памяти о генерале Глазове, затем зрительные образы сменяются звуковыми впечатлениями природного характера, а потом и вовсе наступает мертвящая тишина: «Усердно слушает его далекий внук – / И каждый птичий писк, и деревенский звук, / И скотного двора далекое мычанье... / И снова тишина и долгое молчанье» [Комаровский 2000: 101].

Возможно, в поэме Комаровского нашли отражение его собственные предчувствия о своем скором уходе. Поэт всегда жил в ожидании смерти, поскольку болезнь не оставляла ему шансов дожить до старости. Но в этом произведении прослеживается настроение прощания навсегда и попытка включить пространство прошлого в вечность. Именно 1913 год стал для Комаровского рубежным, периодом максимального творческого подъема, именно в этот год вышел его единственный сборник стихов и переводов – «Первая пристань».

Сложно судить о семантике названия книги, но, возможно, она задумывалась как первое пристанище стихов поэта, ставшее и последним. Имение Ракша также в некотором смысле сыграло роль первой творческой пристани для будущего поэта. В поэме он с упоением описывает старинную, родовую библиотеку, некоторые фолианты из которой хранятся сегодня в музеях Моршанска и Тамбова. Книга для поэта – это некое сакральное сокровище, которое формирует душу человека. В этой связи прослеживается созвучие позиции Комаровского программному тезису В.Я. Брюсова: «Ах, книги краше роз…».

Где замурованы, уснувшие вполне,
Макиавелли, Дант, и Байрон, и Вине.
Бывало, от возни, мальчишеского гама,
Сюда я уходил, – Колумб, Васко де Гама, –
В новооткрытый сад и ядов и лекарств…

[Комаровский 2000: 101]

Концептуальное описание библиотеки занимает половину поэмы и представляет собой, пожалуй, лучшее из тех, что были даны книжным собраниям в русской литературе серебряного века. Лирический герой благодаря книгам получил настоящее воспитание и мыслей, и души, что определило во многом и его поэтическое будущее: «Всё ум мой тешило и сладостно манило / То кровь свою пролить, то проливать чернила» [Комаровский 2000: 101]. Примечательно, что в 1915 году Бунин в «Грамматике любви» также через книги в «шкапчике из карельской березы» предпринял попытку разгадать душу человеческую: «Но, может быть, она, эта душа, и впрямь не совсем была безумна?». Неслучайно Комаровским упоминается и повесть Вольтера «Задиг, или Судьба», в которой одной из добродетелей главного героя было создание публичной библиотеки: «Кандида прочитав – я начинал Задиг... / Но здесь нечаянно мой дед меня настиг, / Отнял и у себя запрятал том Вольтера, – / Чтоб разум не мутил и не погасла вера» [Комаровский 2000: 101].

Однако детское впечатление о родовой библиотеке как об открытом мире-саде, «потерянном рае» сменяется в настоящем ощущением нестерпимого замкнутого пространства, далекого от жизни. Поэтому лирический герой стремится на сельский простор, который кажется ему идеалом национального бытия. Поэт описывает моршанские черноземы, лесистую местность, поскольку в этой части Тамбовской области до сих пор существуют лесные села, к которым относится и Ракша: «Листом орешника налипшая земля / Душистой сыростью и грязью черноземной / Волнует сердце мне. Лесистый и огромный / Простор, и в зелени не видно деревень» [Комаровский 2000: 101].

В этом фрагменте лингвоспецифическое слово «простор» употреблено чрезвычайно точно. Оно всегда связано с горизонтальным, эмоционально-чувственным, зрительным, безграничным восприятием пространства русским человеком. Для него простор – это, прежде всего, поле, степь, без которых невозможны образы русской деревни, малой родины. Простор – это и свобода действия, и свобода мысли, и свобода чувств в привычной, комфортной среде.

Есть все основания предполагать, что в 1913 году поэт находился в Ракше вместе со своим братом-художником Владимиром, который приехал сюда заниматься иконописью. Известен факт, что именно в этом имении Владимир создавал иконостас для мемориального храма на Куликовом поле. Работу он закончил в 1914 году (см. об этом подробнее: [Климкова 2004]). Но будучи сыном художника, Василий и сам прекрасно разбирался в живописи, рисовал. В 1911 году поэт подготовил к публикации искусствоведческий указатель «Таблица главных живописцев Европы с 1200-го по 1800-й» и «Указатель к таблице...» (вышли в свет посмертно в 1915 году). Поэтому живописные образы занимают в его творчестве центральное место. После завершения работы над иконостасом Владимир навсегда покинул Ракшу, он пережил брата более чем на 20 лет и был расстрелян как враг народа в 1937 году. В поэме Василий Комаровский отмечает особое душевное спокойствие, которое он переживал в Ракше, что сходно с воспоминаниями Владимира об этом времени: «…Правильная жизнь в Ракше странно хорошо действует на мою нервозность» (Цит. по: [Климкова 2004]). Владимир также отмечает, что под впечатлением от красоты ракшинских мест часто гулял по окрестностям и много писал с натуры. Представляется, что именно о вечном размышляли братья Комаровские, находясь в Ракше: «Где пыль моршанская легла над пылью царств, / И человечество – то прах, то бесконечность – / Свой хрупкий зигурат бесцельно зиждет в вечность» [Комаровский 2000: 101].

Примечательно, что Ракша воспринимается поэтом как неизбежно уходящая в вечность реальность. И это процесс был обусловлен как историческими процессами, так и материальными запросами самой семьи. Ради того, чтобы выдать многочисленных внучек замуж (у В.Г. Безобразова было восемь дочерей) и составить им приданое «чадолюбивый» дед вынужден был срубить старинный лес с символичным названием «Заповедь»: «Потомство иногда тягчайшая из бед». В этом поступке есть некоторое жертвенное начало, бор был продан ради новых человеческих жизней, но на пользу роду это не пошло, Ракша пришла в запустение, поскольку была нарушена заповедь природная. В некотором смысле поэма содержит ряд концептуальных отсылок к пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад».

В период расцвета имения владельцами были построены Вознесенская церковь, часовня в честь Казанской иконы Божьей Матери, школа и больница для крестьян. Поэма завершается образами дороги, неба, церкви и больницы, Россия продолжает свое движение: «Тропинка тянется через мохнатый луг, / И носится кругом пьянящий серд-

це дух, / И вьются облака набухшей вереницей / Над белой церковью и белою больницей» [Комаровский 2000: 102].

В 1919 году усадьба подверглась разграблению и уничтожению, но некоторые ценности из нее удалось спасти. Сегодня они находятся в музеях Тамбовской области. Не существует больше и великолепной по красоте «белой церкви» – Вознесенского храма, где нашел последний приют генерал П.О. Глазов, его могила тоже утрачена. Удивительным образом сохранился флигель усадьбы, где писались иконы для храма на Куликовом поле. В поэме, несомненно, есть переклички с поэмой А. Блока «Возмездие», в которой поэт стремился на автобиографическом материале показать историю одного рода «русского, живущего в условиях русской жизни», который настигает возмездие в виде запустения и разрушения нравственных основ, но который в то же время через свою гибель снова приходит к своему началу и начинает новое движение в истории.

Литература

Климкова А. Пораженные красотой // История. 2004. № 7. С. 17-20.

Комаровский В. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2000. 536 с.

Комаровский В. Первая пристань / сост., подгот. текста, коммент. Игоря Булатовского и Андрея Устинова. СПб.: Гиперион, 2002. 176 с.

Кученкова В.А. Усадьбы Тамбовской губернии. Тамбов: Пролетарский светоч, 2010. 392 с.

Топоров В.Н. Две главы из истории русской поэзии начала века: 1 – В.А. Комаровский // Russian Literature. 1979. V.7 № 3. May.

Zheltova N.Yu. The “Raksha” by V.A.Komarovsky as a “Morshansk” poem: regional, biographical , historical and literary contexts

The article deals with the greatest work by V.A.Komarovsky, one of the Silver Age poets. This is a poem that is known as ”Raksha”. Its author has been undeservingly forgotten nowadays. The researcher takes into consideration the fact that the poet’s family estate Raksha, that is located in Morshansk district of Tambov province and that has given birth to V.A.Komarovsky’s final literary work. In this work the poet gives a great deal of thought to the fate of Russia, death of its nobleman’s nests at the beginning of the XX-th century. In addition, the author gives the analysis of the poem structure its literary, historical and biographical allusions and reminiscences.

Key words: Silver Age poetry, literary regionalistics, the poem “Raksha” by V.A. Komarovsky, Tambov region.

УДК 821.161.1

В.В. Колчанов, С.А. Косякова

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: АНТРОПОСОФСКИЙ ТЕКСТ РУССКИХ ПОЭТОВ С. ЕСЕНИНА И А. ГАСТЕВА ЭПОХИ ОКТЯБРЯ

В статье исследуются «оккультные пятна» русской литературы эпохи Октября. Рассматриваются трактат А. Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (1917), поэма С. Есенина «Товарищ» (1917), поэтический сборник пролеткультовского поэта А. Гастева «Поэзия рабочего удара» (1918) и сочинение А. Бергсона «Творческая эволюция». Выявляются идеи и образы, заимствованные русскими поэтами у философов западной спиритической ориентации. Производится расчет степени их влияния через А. Белого, упорно насаждавшего мистическую философию через выступления в печати и литературные студии. Уделяется внимание взглядам К. Маркса на природу материализма и спиритизма.

Ключевые слова: Штейнер, Бергсон, Маркс, Белый, каббала, оккультизм, Пролеткульт.

Писательский универсум одного из крупнейших мыслителей XX века А. Белого (Б.Н. Бугаева) не один год привлекает внимание философов, культурологов, литературоведов и историков религии. Поэт и теоретик искусства участвовал в создании целого художественного течения – младосимволизма, создал свой собственный стиль – ритмическую прозу, которой, по словам М.М. Бахтина, «писал всё, даже научные статьи» [Бахтин 2000: 328], стал прототипом многих литературных произведений, но учеников и школы, как замечают многие исследователи, не оставил. С последним можно согласиться лишь отчасти. С одной стороны, он был неординарным и эксцентричным, импульсивным и нервным, относился к тем учителям человечества, которых сначала потчуют, потом сживают со свету, а затем боготворят, а с другой – откровенное увлечение модными в то время западными философами оккультной ориентации заставляло напрочь забыть о создании в России школы.

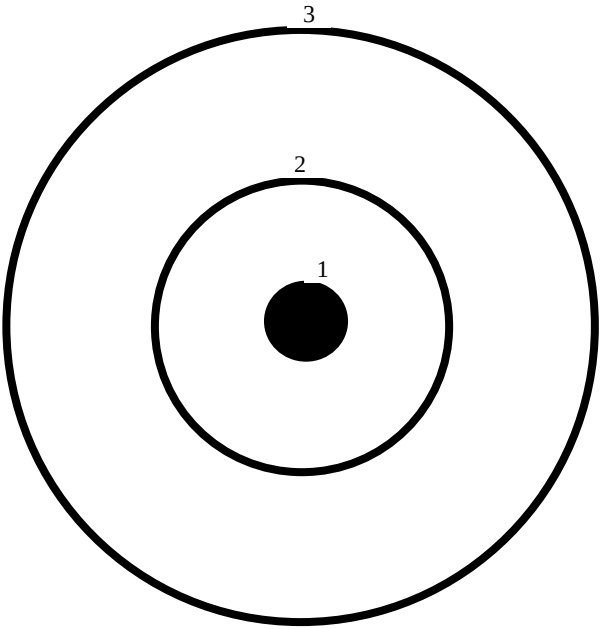
В истории творческой мысли страны Белый так и остался для большинства современников в лучшем случае «культуртрегером», как его окрестили, «проповедником средневековой мистики и схоластики». Сегодня этот ярлык снят, но причины такого странного отношения к теоретику, по нашему мнению, актуальны: Россия приплыла к духовным берегам, в которых узнаваемо лицо Серебряного века, его деятели и их поклонники. Мы не ставим задачи показать это лицо це-

ликом (такая задача, на наш взгляд, является трудновыполнимой); но некоторые его черты – главные моменты знаковых и несколько забытых сочинений – книгу А. Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (1917), поэму С. Есенина «Товарищ» (1917) и поэтический сборник А. Гастева «Поэзия рабочего удара» (1918) в свете философии А. Бергсона, – мы предоставим.

Основа учения Белого в его объемном трактате «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» – это учение о космогоническом архетипе. Вслед за Штейнером, Белый считает, что жизнь организмов не может познаваться по внешним кантовским категориям. Они механистичны, т.к. прилагаются лишь к «ставшему», а значит, «мертвому миру». Жизнь же органической материи, в т.ч. и человека, даётся иначе. В основу «нормы всеобщего и индивидуального» Белый кладёт понятие «прото-типа». В центр сферы «типа» он помещает «прото-тип», мир т.н. прафеноменов Гёте. Этот «прото-тип» представляет из себя точку, скрытую в природе, Кришну (образ «Бхагават-Гиты»), «пребывающего в бесстрастии», волюнтаристскую «производящую Причину», вневременный живой центр, «непроявленную и бесформенную потенцию» (Экхарт), «верхние регионы деваханического». «Ниже лежащие подобия» – «метаморфоза идей», отражаемая в «становлении» [Белый 2000: 74], – объяснял он. Иллюстрируя «оптическую теорию» Гёте, Белый представил «подобия» в виде вертящейся розетки, складок религиозного, физического, гениального, случайного и др. [Белый 2000: 239-240].

Метафорически теоретик возводил «прото-тип» к видению Иезекииля, где в вертящихся торических колёсах угадывается совокупная сефиротическая картина мира. «“Тип” имеет и множество модификаций – концентрических кругов вокруг “прото-типа”, «пересечение их радиусом являет нам метаморфозу форм “типа”». Бег по радиусу вперёд-назад открывает и Логос, и эволюцию земных форм в биологии, вплоть до амебы. Причём именно низший модификационный «тип» может «восстать» причиною многообразия «ставших форм». Белый противопоставлял градацию модификаций дарвинистской эволюции и линейному времени. Для него она – принцип извечного Акаши, которое, благодаря Импульсу, проецируется в вечное, в вечно-сущее, и в силу свойств рассудка «создает феномен временного пробега» [Белый 2000: 241].

Структуру космогонического архетипа Белого уместно прокомментировать одной из простейших диаграмм Каббалы:



Согласно каббалистам, жизнь Верховного Творца пронизывает все субстанции, все пространство и время, но «на диаграмме Верховная Всеобъемлющая Жизнь ограничена кругом 3, который может быть назван границей Божественного существования. Божественная жизнь, пронизывающая область, ограниченную кругом 3, фокусируется в точке 1, которая, таким образом, становится персонификацией безличной жизни и именуется Первой Короной. Творящие силы, проникающие через точку 1, проявляются в объективной вселенной в промежуточном пространстве круга 2» [Холл 1994: 432]. Первая Корона может быть названа Богом, внутри которой божественные силы, небесные существа, сидерические миры, а также люди – живут, двигаются и вообще существуют. Радиус составляет границу исходной точки, концентрические круги вокруг него символизируют эманации и миры, происходящие от точки. Таким образом, беловский архетип поведения божественной активности совпадает с каббалистской космогонией. Сам антропософский текст русского штейнерианца оказывается аутентичным природе Аурического Яйца АЙН СОФ.

Р. Штейнер с его антропософией имел много учеников и последователей в России: М. Цветаеву, Л. Эллиса, Э. Метнера, М. Чехова и др. Но

особенно выделялась фигура А. Белого; да и сам Белый считал себя восторженным почитателем и ярым приверженцем учения «доктора». Пятилетие сотрудничества с мейстером мистерий и автором «5 Евангелия» оказало решительное влияние не только на его собственное творчество, но и на творчество поэтов, связанных с Белым тесными духовными узами. В таком аспекте, по нашему мнению, должна, например, рассматриваться «библейская» поэма С. Есенина «Товарищ», антропософский ключ к которой давно потерян, а беловские иллюстративные материалы к ней до сих пор не востребованы. Между тем интересно, что поэма писалась под свежим впечатлением от публикации книги А. Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», вышедшей в московском издательстве «Духовное знание» в год Октября, после возвращения теоретика младосимволизма из-за границы.

Гештальтом беловского мифа «перегорающего страдания» (кармы), «прото-типа» «неисповедимого Существа пережитого» является «Друг» – «Иисус», который «меня родил» (ср. «товарищ Иисус» Мартина). Рождение «я» становится «сквозным коридором, – писал Белый, – по которому несутся два вестника навстречу друг другу (из будущего и прошлого), как бы два ветра (ветер сквозь ветер); и в месте ж их встречи и слития, – рождение как бы облака. Облако – в “я” рожденный младенец: новое “я”» [Белый 2000: 519].

Подобной символикой окрашена главная часть поэмы Есенина, где о появлении двойника свидетельствуют первые катрены главной части поэмы:

Но вот под тесовым
Окном –
Два ветра взмахнули
крылом;
То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся российский
Народ…

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза

[Есенин 1970: 39-40]

Причиной рождения «я» Иисуса апостол «5 Евангелия» Р. Штейнер, по мнению А. Белого, считал «Сошествие Святого Духа», ожив-

ление «Вестника из до-рождения» путем мгновенного переживания Начала:

«Вестник из до-рождения, преображающий воспоминания, есть Память, сама, а “не память о памяти” (последняя – раскрыта); но это – жизнь Иисуса; внешнее стояние в миге звучит как бы так: нет ни отца, ни матери, ни друзей, ни живого мира: “И ночи, и дни примелькались, как дальние тени волхву”. Но волхв нашел младенца: себя в своих преображенных воспоминаниях: не арбатская квартира – события в Палестине от 30 до 33 года, в которых *друг* меня родил, уча любви; но я – заснул… Теперь я – вспомнил. – Это было в Палестине, – ибо там прообраз Начала, которое мы все осязали, ибо в Нем “Начало все быть, что начало быть”; и “я” – там было и потому оно там присутствовало при исторической постановке телесного знака “Начала”. В Духе “я” оно, поэтому, училось у Иисуса, с которым в “Начале” мы были братьями; ибо младенцами играли друг с другом» [Белый 2000: 520].

Так же в Духе «сходит Исус на землю с неколебимых рук» у есенинского Мартина. В крайней степени отчаяния после смерти единственного родного на земле человека – отца, в полном агиографическом одиночестве (у Белого: «жизнь Иисуса, внешнее стояние звучит как бы так: нет ни отца, ни матери, ни друзей, ни живого мира») французский святой русской революции «зовет и кличет» Христа, хотя Эпифании в поэме предшествует образ явно демонический, и божественное имя Иисус до последнего момента (до смерти «младенца Христа») оказывается у Есенина редуцированным до Исуса. Без книги Белого такого произойти не могло. Поэтому вот как по Белому еще раз мы сможем понять редукцию: «Два потока – две жизни: “Иисуса” во мне, идущего навстречу к “Христу” во мне: соединение будущего с прошлым, встающее в сознание в “миг” окончания “приключения странного”; это те новые глаза, в которые бьют все вещи обстания, с еще не стертым на них отсветом мига: – переживание событий Евангелия в обратном порядке отныне сплетаемо с переживанием их же в обычном порядке <…> – Существо переживания молниеносно: и – в *назад*: навстречу из-за спины настигающему Иисусу» [Белый 2000: 521].

Конец мистерии Есенина ужасен. Ползающего по полу Мартина палит преисподний огонь. И вновь без комментария Белого не обойтись: «Так сознаю я второй поток: второго Вестника: из-за сердца в “я”, становящееся “всем”; он пожар Христова тепла, если он не пожар уничтожения» [Белый 2000: 521].

Следует отметить, что сам Есенин вполне осознавал гибельность второй, темной стороны шггейнерианской мистификации истории. Недаром поэт материализовал и тут же разрушал природу видения:

Больше нет воскресенья!
Тело его предали поребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле

[Есенин 1970: 42]

В то же время поэт писал не поэму портретов и характеров, а революционную поэму-мистерию, поэму-гештальт, поэму-ораторию, «лиро-эпос» под сильным воздействием Белого-теоретика и его книги.

Другим учеником А. Белого явился известный рабочий поэт А. Гастев. Его сборник «Поэзия рабочего удара» выдержал за пять лет (в эпоху диктатуры пролетариата и военного коммунизма) три переиздания и явился не только ключевым в системе взглядов поэта и литературного течения Пролеткульт, но и аккумулировал идеи французского учёного А. Бергсона, работы которого («Опыт о непосредственных данных сознания», «Материя и память», «Творческая эволюция») упорно насаждал А. Белый в студиях Пролеткульта. Наиболее близка мистико-философской, насквозь дискурсивной поэзии А. Гастева оказалась базовая бергсоновская категория «интуиция длительности» [Бергсон 1998]. Такие поэмы-оратории, как «Мы растём из железа», «Мы посягнули», «Мы идём», «Башня» стали наглядными иллюстрациями бергсоновских взглядов, но только по пролетарско-классовому принципу. Материальные формы (железные станки, краны, домны, заводы), с какими сливалось сознание лирического «Мы» поэта, проистекали из бергсоновской идеи «компромисса материи» и «духа», гилозоистской по своей сути, а следовательно, истинно марксистской, – ведь К. Маркс, как известно, не был материалистом в привычном для нас понимании. Он «был гилозоист, т.е. признавал одушевленность материи» [Челпанов 1924: 15].

«Первым и самым главным из свойств, прирожденных материи, – писал К. Маркс, – является движение, не одно только м е х а н и ч е с к о е и математическое движение, но и движение как с т р е м л е н и е, как ж и з н е н н ы й д у х, как н а п р я ж е н и е; как мучение материи, выражаясь языком Якоба Бёма. Первичные формы материи суть неотъемлемо присущие живые силы, создающие специфические индивидуальные различия существ. У Бэкона, своего первого творца, м а т е -

р и а л и з м е г о с о д е р ж и т в с е б е н а и в н о е с о е д и н е н и е з а р о д ы ш е й в с е с т о р о н н е г о р а з в и т и я. Материя же сохраняет поэтический чувственный блеск и ласково улыбается ц е л ь н о м у человеку. (Маркс. Матер. XVIII в. Стр. 68)» [Челпанов 1924: 15-16].

Именно таким духом проникнута книга Гастева. Его образам присущи напряжённый ритм взаимодействия и взаимопроникновения, в процессе которого живое, пролетарско-гастевское организует свои элементы. Речь здесь шла не только о пролетарском сознании, «одержимом ненасытным желанием различать, заменять реальность символом и видеть её лишь сквозь призму символов», а о заявленной Бергсоном идее самоорганизации тел, вещей и предметов в открытой системе.

Заслуживает внимания и заимствованное А. Гастевым через А. Белого представление о жизненном порыве – «философии усилия» [Бергсон 1998]. Гастевские «нечеловеческие рабочие усилия» также претендовали на длительность сверхсознания и представляли собой неделимую множественность и динамическую целостность в масштабах вселенной. Исполинский пролетарий Гастева (схожий, между тем, еще и с Большим Человеком Зогара), благодаря «философии усилия», чувствовал своё родство с предметным миром и сливался с ним. В «исступлении трудового порыва <…> земля родит новых существ, имя которым уже не было человек» [Ежов, Шамурин 1991: 422], – заявлял А. Гастев в оратории «Мы посягнули».

Таким образом, русский штейнерианец и бергсонианец, человек неординарных знаний, пытливого ума и безумной фантазии все же пытался создать свою литературную школу. Но ее идеализм, эклектизм, вычурность, сумбурность, громоздкость, эзотеризм и пневматизм помешали ей реализоваться в российской действительности. Вышедшее в декабре 1920 года письмо В.И. Ленина «О Пролеткультах» окончательно разрушило эту интересную и уникальную пролетарскую поэтическую организацию, где А. Белый руководил практикой молодых поэтов и проповедовал в лекциях идеи любимых европейских философов-мистиков.

Литература

Белый Андрей. Собрание сочинений. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / общ. ред. В.М. Пискунова; сост., коммент. и послесл. И.Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. 719 с.

Бахтин М.М. Белый // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 328-339.

Бергсон А. Творческая эволюция. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 346 с.

Ежов И.С., Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти XX века. М.: Амирус, 1991. 671 с.

Есенин С.А. Товарищ // Есенин С.А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М.: Правда, 1970. С. 36-42.

Холл Мэнли П. Основания каббалистической космогонии // Холл Мэнли П. Энциклопедическое изложение Масонской, Герметической, Каббалистической и Розенкрейцеровской Символической Философии. Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен. СПб.: СПИКС, 1994. С. 426-438.

Челпанов Г.И. Психология и марксизм. М.: Русский книжник, 1924. 29 с.

Kolchanov V.V., Kosyakova S.A. A. Bely: to the anthroposophy in the literary works of the Russian poets S. Esenin and A. Gastev during the time of the Great October Revolution

The article deals with the occult in the Russian literature during the time of the Great October Revolution. The researcher gives the analysis of the treatise "Rudolf Steiner and Goethe in the modern worldview" by A. Bely (1917), the poem "Comrade" by S. Esenin (1917), the collection of poems "A Working Strike Poetry" by A. Gastev (1918) and the book "Creative evolution" by H. Bergson. The researchers take into consideration images and ideas that the Russian poets derived from the works of philosophers who belonged to the western spiritualistic direction. The authors study the influence of these images and ideas on the Russian poets through the creative activity of A. Bely, who cherished the philosophy of mysticism through his publications and literary studies; discuss the nature of materialism and spiritualism in the works of K. Marx. In addition, the researchers attempt to spot the degree of this influence.

УДК82-1/-9

Е.Ю. Стребкова

РУССКО-ЯПОНСКАЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНЫ В ПОЭМЕ С.А. ЕСЕНИНА «АННА СНЕГИНА»

В статье рассматриваются две крупнейшие войны XX столетия, изображенные в поэме «Анна Снегина». Обнаруживается пацифистская направленность поэмы. Раскрываются эпические возможности есенинской поэзии.

Ключевые слова: Есенин, гуманизм, поэма «Анна Снегина», Русско-японская война, Первая мировая война.

С тех пор, как взгляд на личность и творчество Сергея Есенина освободился от идеологической пропаганды, ни у кого из литературоведов не возникает сомнений в художественной ценности и документальной значимости его итогового произведения. Поэму «Анна Снеги-

на» называют «вершинным творением замечательного художника слова» [Воронова 2011: 21]. Секрет ее уникальности кроется в сочетании лаконичной лирической формы с широким эпическим содержанием, являющим правдивое отражение эпохи. Осмыслению автора в произведении подвергается первая четверть XX века – один из самых сложных и тяжелых, насыщенных войнами и революциями, периодов Российской истории.

Первая мировая война (1914–1918) обозначила вопрос о необходимости перераспределения сфер влияния в мире. Россия, выполняя союзнические обязательства в составе Антанты, противостояла Тройственному союзу. И даже такие успехи на арене боевых действий, как Брусиловский прорыв (1916), не смогли кардинально изменить ситуацию к лучшему. Поражения на фронтах, многочисленные жертвы, ухудшение и без того тяжелого положения мирного населения привели к тому, что к 1917 году физические и моральные силы страны были на исходе, нарастали волнения, недовольства в обществе.

Профессор Н.Ф. Иванцова отмечает, что на современном этапе историографии, как и в советской традиции, укрепилось мнение, согласно которому в силу экономических интересов за продолжение войны выступали «господствующие классы» – противоположную позицию занимали беднеющие рабочие и крестьяне [Иванцова 2017: 33]. Об этом социальном неравенстве перед лицом войны на страницах поэмы устами своего героя говорит С. Есенин: «Я понял, что я – игрушка, // В тылу же купцы да знать…» [Есенин 1998: 160].

С 1917 года начинается повествование в поэме «Анна Снегина», когда дезертировавший с фронта лирический герой Сергей отправляется в родную деревню. Лирический герой в поэме является выразителем авторских идей. Как известно из биографии самого Есенина, о Первой мировой войне он знал не понаслышке: несмотря на то, что непосредственного участия в боевых действиях не принимал, видел ужасающие последствия войны, проходя службу в составе Полевого Царскосельского военно-санитарного поезда. Таким образом, можно говорить о том, что размышления лирического героя о войне являются репрезентацией опыта автора и придают гуманистический пафос поэме: «Как прекрасна // Земля // И на ней человек. // И сколько с войной несчастных // Уродов теперь и калек» [Есенин 1998: 164].

Есенин использует агитационные лозунги Временного правительства, которые в контексте поэмы «Анна Снегина» приобретают абсурдное звучание: «Война “до конца”, “до победы”» // И ту же сермяжную рать // Прохвосты и дармоеды // Сгоняли на фронт умирать» [Есенин 1998: 161]. Будучи

выходцем из крестьян, поэт прекрасно понимал психологию простого народа, его заботы и чаяния. Автор смело выражает свою антивоенную позицию, считая, что абстрактные, далекие от народа интересы государств не должны оплачиваться гибелью миллионов людей, не понимающих, ради чего их посылают на верную смерть. Подтверждение этому находим в одной из автобиографий: «… я, при всей своей любви к рязанским полям и к своим соотечественникам, всегда резко относился к империалистической войне и к воинствующему патриотизму» [Розанов 1986: 109].

В связи с тем, что автор использует прием ретроспекции, упоминание о Русско-японской войне (1904–1905) появляется уже после повествования об Октябрьской революции и связано с конкретным героем – Лабутей Оглоблиным. Его речь постоянно маркируется ключевыми событиями Русско-японской войны, участником которых он являлся: падение Порт-Артура, битва под Ляояном, Нерчинском и Туруханом.

При Ляоянском сражении в августе 1904 года колоссальные потери понесли обе стороны, однако, по приказу генерала А.Н. Куропаткина закончилось оно отступлением русской армии. В декабре того же года произошла сдача крепости Порт-Артур, героически державшей четырехмесячную оборону. По мнению А.О. Вербового, «падение Порт-Артура было неизбежным следствием слабости и поражений русской армии в сражениях 1904 г. и началом поражения Российской империи в войне с Японией» [Вербовой 2015: 187].

Память об этой войне, измотавшей силы обоих государств и закончившейся подписанием Портсмутского мира, находит противоречивое выражение в исследованиях и не является предметом для гордости отечественной истории. Но бесспорно то, что русско-японская кампания была особенно жестокой вследствие изобретения новых, механических средств ведения боя, демонстрируя беспомощность человека перед машиной. Те, кому чудом удалось спастись, оказывались под угрозой потерять рассудок от увиденного на полях сражений.

Таким героем в поэме «Анна Снегина» и является крестьянин Лабутя, заглушающий свои военные воспоминания в кабаке. Стоит отметить, что Лабутя, имеющий «две белых медали», совершенно не соответствует идеализированному собирательному образу русского солдата, не симпатизирует лирическому герою, автору повествования. Он дается как малопривлекательный персонаж, говорящий «голосом хриплым и пьяным», причем: «При всякой опасной минуте // Хвальбишка и дьявольский трус» [Есенин 1998: 178]. Страшным прошлым этого человека можно объяснить излишнюю эмоциональность и слезливость, неустойчивость психики, пристрастие к алкоголю.

Важно отметить, что Есенину не требуется изображение батальных сцен, картин страшного процесса массового уничтожения Человека в XX веке, запущенного в Русско-японской войне и еще более масштабно продолженного в Первой мировой.

Эти войны, обернувшиеся для Российской Империи провалом, приведшие к экономической разрухе, сомнениям в компетентности царя и всего монархического строя, стали катализаторами назревающей революции, перевернувшей многовековой уклад патриархальной России и направившей страну совершенно по другому историческому пути.

На основании анализа двух войн, изображенных в поэме «Анна Снегина», можно сделать вывод об авторской позиции, а следовательно, и позиции народной: войны – это зло, калечащее тело и душу человека. А войны империалистические, разжигающиеся правителями держав ради корыстных интересов, не только чужды сознанию простого человека, но вредны и губительны.

Первая мировая и Русско-японская войны явились трагедией как для Российской империи, так и для миллионов ее граждан. Для Есенина-гуманиста второе обстоятельство было приоритетным.

Литература

Вербовой А.О. Деятельность Амурской военной флотилии в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (к 110-летию окончания Русско-японской войны) // Клио. 2015. № 10. С. 185-188.

Воронова О.Е. Художественный космос поэмы С.А. Есенина «Анна Снегина» // Современное есениноведение. 2011. № 18. С. 21-31.

Есенин С.А. Полн. собр. соч: в 7 т. Т. 3 / сост., подготовка текста Н.И. Шубниковой-Гусевой. М., 1998. 720 с.

Иванцова Н.Ф. Общество и власть России в годы Первой мировой войны 1914 – начале 1917. Мир Евразии. 2017. № 1. С. 33-37.

Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 106-110.

Strebkova E.Yu. Russian-Japanese war and First World War in the poem «Anna Snegina» by S. Yesenin

The article deals with two major wars of the XX century, depicted in the poem «Anna Snegina». In this work, we focus on the pacifist orientation of the poem, that reveals the epic depths of Yesenin's poetry.

Key words: Yesenin, humanism, poem «Anna Snegina», Russian-Japanese war, First World War.

УДК 821.161.1, 82-92

И.О. Машенкова

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.М. ЛЕВИНА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С С.А. ЕСЕНИНЫМ

В статье представлены основные этапы издательской деятельности В.М. Левина (1892–1953) в практически не изученном аспекте его сотрудничества с С.А. Есениным, выявлены связи Левина с представителями культурной среды Русской Америки и определено значение его работы для сохранения русского культурного самосознания в эмиграции.

Ключевые слова: С.А. Есенин, В.М. Левин, С.И. Гусев-Оренбургский, З.В. Гейман, Е.И. Хатаева, Русская Америка.

Вы писали, а я набираю и верстаю, а Михайла, хоть он не понимает, будет тискать, а корректора будут исправлять ошибки, накладчики будут печатать. Вот работа! Вот сотрудничество! Вот любовь!

В. Левин. Золотое детство.

Вениамин Михайлович Левин (литературный псевдоним – Мечтатель) родился в 1892 г. в Петербурге в семье портного. Семья жила в Прачешном переулке, где находилась знаменитая типография Брокгауза и Эфрона. В 1908 году Левин поступил учеником в типографию, и его причастность к издательской деятельности, и любовь к ней сохранилась на всю жизнь. В автобиографической повести «Детство золотое» он вспоминал, как попал «в какую-то лабораторию-фабрику, где делают чудесные книги, которые он так любит» [Левин В., Левин И. 2016: 108]. Его работа в типографии совпала с выпуском знаменитой двадцатитомной серии «Библиотеки великих писателей» (1907–1915) под редакцией С.А. Венгерова, к которому он относил корректуры. Вскоре грамотному и начитанному мальчику доверили верстать сочинения Пушкина, что было для него священнодействием. В первые же годы приобщения к типографскому делу Левин попытался издавать собственный литературный журнал «в одном экземпляре» и тогда уже осознал сложность и ответственность этого занятия. Однако его юный ум не смог избежать влияния революционных идей, витавших в воздухе: Левин вступил в юношеский «Революционный союз», в 1913 году был арестован за печатание прокламаций к годовщине расстрела рабочих на Лене и сослан на поселение в Сибирь.

Судя по воспоминаниям Левина, его знакомство с Есениным состоялось в 1917 году, в период между двумя революциями, когда он вернулся из ссылки и неожиданно для себя был принят в партию эсеров. (Сам он до конца жизни подчёркивал, что ни к каким политическим течениям и партиям не принадлежал, на что обращает внимание его дочь И.В. Левина. Также себя позиционировал и Есенин, утверждавший, что примкнул к эсерам «не как партийный, а как поэт» [Есенин 1999: 13]). Печатный орган эсеров «Дело народа», где были впервые опубликованы стихотворение Есенина «Наша вера не погасла» и поэма «Марфа Посадница», возглавлял Р.В. Иванов-Разумник, который и познакомил Левина с Есениным и З.Н. Райх, работавшей секретарём в «Деле народа». Жена Левина З.В. Гейман тесно подружилась с Райх, ставшей женой Левина, и таким образом дружеские отношения обеих пар укрепились. Левин и Есенин сотрудничали в газете «Знамя труда», где Левин исполнял обязанности выпускающего редактора и где впервые был опубликован «Сельский часослов» Есенина. Левин способствовал публикации произведений Есенина и в других изданиях, в частности, в газете «Голос трудового крестьянства» [Левин В., Левин И. 2016: 175] и журнале «Наш путь» [Леонтьев 2007: 201-202].

После закрытия в 1918 году газеты «Знамя труда» Левин продолжил издательскую деятельность в Чите, где в 1920 году с С.И. Гусевым-Оренбургским предпринял попытку открыть газету «Свободная мысль», просуществовавшую всего две недели [Левин В., Левин И. 2016: 180] и вызвавшую бурную критику со стороны советской прессы [Советская Сибирь 1920]. Я.В. Леонтьев пишет о созданном Левиным книжном издательстве «Скифы на Дальнем Востоке», которым, в частности, была переиздана отдельной книгой поэма Есенина «Исус Младенец» [Леонтьев 2007: 219]. Вопрос об авторе иллюстраций к этой книге долгое время оставался открытым [Карасик 2013; Шубникова-Гусева 2014: 22-23], однако, на него ответил В.П. Середа, приведший в доказательство письмо самого иллюстратора – художника и писателя И.М. Левина, брата В.М. Левина [Середа 2015: 487-493]. В 1922 году братья Левины выпустили литературный альманах «Печаль полей» для сбора средств в помощь голодающим Поволжья. Этот сборник, представляющий интерес уже самим диапазоном представленных сотрудников, также вызвал бурную реакцию правящего класса. Уже в 1976 году В.П. Трушкин в обзоре сибирской литературы периода гражданской войны, отмечая как главный недостаток альманаха неприязнь к октябрьской революции, добавлял: «Показательно и то обстоятельство, что в книге, изданной в Чите, почти не представлены ме-

стные авторы. Ведущая роль отводилась здесь произведениям Евгения Замятина, С. Гусева-Оренбургского, Петра Орешина, Ивана Ерошина и других литераторов, не имевших к Чите ни прямого, ни косвенного отношения» [Трушкин 1976: 168]. Особое негодование критика вызвал рассказ Е.И. Замятина «Пещера», опубликованный в альманахе почти одновременно с появлением в «Записках мечтателей». Среди материалов альманаха, написанных самим Левиным, была и посвящённая Есенину статья «В борьбе за Слово».

Следующие его статьи о Есенине и поэтах революции были опубликованы, по мере его продвижения на восток, в Харбине и в Пекине. Из Китая в конце 1922 года Левин с родителями и друзьями – Гусевым-Оренбургским и певицей Е.И. Хатаевой уезжает в Америку. Перед отъездом из Шанхая он прочёл в газете сообщение о приезде в Америку Есенина и был очень воодушевлён этой новостью: «Я был счастлив, что по приезде моём туда встречу дорогого человека, с которым был как-то близок в Москве. Было немного страшно ехать в эту неизвестную и холодную страну, но раз там уже был... близкий по совместной работе Есенин – в душе загорался огонь надежды на жизнь творческую» [Левин В., Левин И. 2016: 167].

Надежды Левина были вполне оправданы. На следующий день после приезда в Нью-Йорк им удалось встретиться. В статье «Есенин в Америке» (1953) Левин описывает частые встречи и дружеские беседы с Есениным, упоминая между прочим их совместную идею книгоиздательства: «издательство чистой поэзии и литературы без вмешательства политики» [Левин В., Левин И. 2016: 187]. Как ответ на лозунг «Вся власть Советам» Левин предложил призыв «Вся власть поэтам!». Идею поддержала и Дункан, определив на издательство 30 тысяч долларов – половину суммы, обещанной ей П. Зингером на устройство балетной школы. «Есенин смотрел на меня как на друга-компаньона», – вспоминал Левин. Однако газетный скандал после происшествия, спровоцированного в Бронксе, перечеркнул все планы и надежды, связанные с Америкой.

Тем не менее, творческие связи не были утрачены. В сентябре и октябре 1923 года, уже по возвращении Есенина на родину, газета «Новое русское слово», выходившая в Нью-Йорке, публиковала анонс нового ежемесячного журнала «Три», посвящённого вопросам культуры. Предполагалось издавать журнал на трёх языках: русском, английском и еврейском. В числе сотрудников журнала были названы Есенин, Дункан, Гусев-Оренбургский, братья Левины. [Новое русское слово 1923] Однако на сегодняшний день судьба этого издания неиз-

вестна [Солобай 2006: 416]. Левин и Гусев-Оренбургский основали издательство «Орион», где Гусев-Оренбургский публиковал свои сочинения [Окунцов 1967: 348]. Что касается самого Левина, единственным его прижизненным изданием был сборник стихов «Песнь о Пекине» (Париж, 1927). Через год после его смерти был издан сборник его стихов «Лик сокровенный» (Нью-Йорк, 1954). Остальные произведения Левина до недавнего времени оставались неопубликованными: его целью всегда было дать слово другим. Исключение составляла только статья «Есенин в Америке», которую Левин, предчувствуя скорый уход, торопился издать. В силу обстоятельств рукопись была значительно сокращена, нуждалась в редактировании, но времени на это не оставалось. Тем не менее, даже в первоначально опубликованном виде этот материал является самым объективным и исчерпывающим свидетельством событий, произошедших с Есениным в Америке.

Из всех нереализованных проектов Левина самой фантастической представляется идея создания телеграфного агентства за границей Советского Союза, «специально посвящённого жизни церковной и духовной». В 1947 году Левин поделился этой идеей в письме к Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию [ГАРФ: Л. 65] в надежде, что ему будет поручено установить духовную связь между Русской Америкой и метрополией.

В последний период жизни Левин вернулся туда, где начинал творческий путь – в типографию. Он изучал линотип, чтобы совершенствовать издание книг. В духовных исканиях и жизненных катаклизмах Левин не покинул стези, выбранной в юности: его попутчиком и маяком всегда оставался Есенин.

Литература

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 437.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. Кн. 1. М., 1999. С. 13.

Карасик М. Сергей Есенин «Исусъ Младенецъ» // Проектор. Профессиональный журнал о вопросах дизайна. СПб., 2013. № 4. / URL: http://art1.ru/antikva/sergej-esenin-isus-mladenec.

Левин В., Левин И. О Есенине и о себе. Тамбов, 2016.

Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. М.: АИРО-XXI, 2007.

Новое русское слово. Нью-Йорк, 1923. 8 сентября, 9, 12, 18, 20, 23 октября.

Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967.

Середа В.П. Иллюстрации Иосифа Левина к книге С.А. Есенина «Исус младенец» // Сергей Есенин и его современники. Москва – Константиново – Рязань, 2015.

Советская Сибирь. 1920. 10 декабря.

Солобай Н.М. Есенин в Америке (по материалам американской периодики) / Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. Рязань: «Пресса», 2006.

Трушкин В.П. Из пламени и света. Гражданская война и литература Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1976.

Шубникова-Гусева Н.И. Есенин и искусство: проблемы и перспективы исследования // Сергей Есенин и искусство. Москва – Константиново – Рязань, 2014.

Mashenkova I.O. Publishing activity of B. Levin and his relationship with S.A. Yesenin

The article represents the main stages of Benjamin Levin's (1892-1953) publishing activity, focusing on the actually unknown aspect of his cooperation with S. Yesenin. It reveals his links with the representatives of the Russian America cultural environment and determines the significance of his work that helped to preserve the cultural identity of the Russians abroad.

Key words: S. Yesenin, B. Levin, S. Gusev-Orenburgskiy, Z. Geyman, E. Khatayeva, Russian America

УДК: 821.161.1

Т.Ю. Поморева

ОБРАЗ КАССАНДРЫ В ПОЭЗИИ В.Я. БРЮСОВА И Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

В работе анализируются одноимённые стихотворения «Кассандра» В.Я. Брюсова и Д.С. Мережковского. Рассматривается миф о Кассандре и миф модернизирующий, отсылающий к событиям начала XX века в России. Ведущим методом является метод культурно-исторический.

Ключевые слова: Кассандра, В.Я. Брюсов, Д.С. Мережковский, античность, миф, декаданс, Серебряный век.

В античной мифологии существует целый пласт женских образов, к которым неустанно обращаются исследователи различных гуманитарных наук: истории и философии, культурологии и психологии. Героини Древней Греции со времён Гомера не перестают быть в центре внимания вплоть до наших дней. Но наибольшее влияние античность

оказывает на поэзию русского символизма. Это неслучайно. В трактате Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» сказано, что «литература зиждется на стихийных силах поэзии так же, как мировая культура – на первобытных силах природы» [Брюсов 1993, 1: 524]. «Вы до сих пор чувствуете, – продолжал поэт, – дух Гомера в какой-нибудь полустертой надписи на могильном мраморе, в диалогах Платона, в шутках Аристофана, в походном дневнике Ксенофонта, в нежных, как мрамор Парфенона, подобных самым чистым христианским гимнам, лирических хорах Софокла. Дух Гомера – нерушимая литературная связь между всеми отдельными поэтическими явлениями Греции, как бы они ни были различны по своим индивидуальным чертам» [Брюсов 1993, 1: 524].

Мережковский – один из основателей нового течения в русской поэзии, таким же по праву признаётся и другой поэт В.Я. Брюсов. Оба учились на историко-филологическом факультете, Мережковский в Петербурге, Брюсов – в Москве. Из этого следует, что с темой античности поэты были хорошо знакомы, если не близко. И оба обращались к героине античной мифологии Кассандре.

Согласно античному мифу, Кассандра – дочь Приама, царя Трои, по замечанию А.Ф. Лосева, «этот образ знаменит своим напряженным трагизмом» [Лосев 1955: 381]. Кассандра осмелилась ставить условия Аполлону, когда тот захотел вступить с ней в брак; именно она потребовала дарования себе пророческого дара. И Кассандра же проявила дерзость по отношению к богу, нарушив своё обещание быть ему женой. И Аполлон принимает решение, чтобы отныне объективно правильным пророчествам Кассандры никто не верил. Этот миф по словам философа иллюстрирует борьбу простой смертной женщины и бога, стоящих на одной плоскости. «Но ясно также и то, – писал Лосев, – что при всем своем дерзании и при всей своей бесцеремонности в отношении Аполлона Кассандра чувствует свою глубочайшую вину перед ним, мучается от этой вины и, в конце концов, даже теряет все свои жизненные и духовные силы от постоянной подавленности этим грехом». Поэтому в мифах о Кассандре необходимо видеть «один из самых трагических ее периодов, именно – период перехода от безраздельной мифологии, когда отдельная личность еще не проснулась и молчит, к той самостоятельности человеческого индивидуума, когда человек требует себе одинаковых прав с богами» [Лосев 1955: 381].

Брюсов и Мережковский тонко подметили данный трагизм в своих стихотворениях о Кассандре. Один образ (даже название у обоих одинаковое – «Кассандра»), одно объединение, современники, кото-

рые, вдобавок, были лично знакомы друг с другом. Но при всей схожести очевидны и различия: два взгляда на пророчицу Кассандру.

Брюсов относит читателя к событиям троянской войны, к падению великого царства. Он создаёт образ героини в сонетной форме, тем самым следуя традициям классицизма. С первых строк поэт своим приветствием наделяет её даром предвидения. Однако её дар делаёт её, можно сказать, причастной к гибели Трои, тем самым несчастной.

Любопытным приёмом в брюсовском стихотворении является приём антитезы. Он выражен в образах огня и воды. Огонь воплощает в себе символ борьбы. Когда Кассандра становится «Фебом вновь полна», это и являлось призывом к борьбе. С другой стороны, «влага Леты упоила всех», то есть вода начинает символизировать покой, причём смертный покой. Таким образом, можно трактовать образы огня и воды как символы жизни и смерти.

Тот же образ огня использует Д.С. Мережковский:

Провыла псица Аполлона:
«Огонь и меч!» – народ не внял,
И хладный пепел Илиона
Кассандру поздно оправдал

[Мережковский 2000: 242]

В отличие от сонета Брюсова, стихотворение Мережковского можно отнести к стансам, так как присутствует строфическая законченность, и стихотворение в целом занимает небольшой объём. Постоянное использование глаголов «знала», «видела» делает акцент на трагизм судьбы героини и противопостоит общему бессилию героини:

Ты знала путь к заветным срокам,
И в блеске дня ты зрела ночь.
Но мщение судеб пророкам:
Всё знать – и ничего не мочь

[Мережковский 2000: 242]

Надо сказать, что помимо остальных сходных черт стихотворений поэтов, концовка и у Мережковского, и у Брюсова подчёркивает трагическую сторону судьбы Кассандры: «Всё знать – и ничего не мочь». И конец стихотворения Брюсова: «Ты славишь – все молчит, зовешь – и безответно!» [Брюсов 1993: 160]. Как видим, мотив молчания в различных вариантах ставит крест на дальнейшей судьбе Кассандры. Он звучит как не только отчаяние, но и приговор свыше.

Обратимся к дате написания стихотворений, ибо здесь можно тоже найти точки соприкосновения. Мережковский пишет «Кассандру» в 1922 году, у стихотворения В.Я. Брюсова дата написания отсылает на четверть века: 8 марта 1898 года. Но в 1921 году Брюсов переписывает своё произведение. Даты написания неслучайны, здесь большую роль сыграла Октябрьская революция 1917 года. Можно предположить, что троянский миф неким образом примыкает к событиям, произошедшим в России, и крупной фигуре, ставшей символом, З. Гиппиус.

В статье Н. Ваймана «Кассандра» автор приписывает имя пророчицы Зинаиде Гиппиус, жене Мережковского. Поэт написала в своём стихотворении «Петербург» (1909) следующие строки: «Нет! Ты утонешь в тине чёрной, / Проклятый город, Божий враг, / И червь болотный, червь упорный / Изъест твой каменный костяк».

Вайман помимо этого приводит ещё несколько примеров поэта, а затем высказывает предположение, что стихотворение О.Э. Мандельштама «Кассандре» посвящено именно З.Н. Гиппиус. Весомым аргументом в пользу этого выступает тот факт, что «её называли "Петербургской Кассандрой", и она сама себя так называла» [Вайман 2013: 106]. Домыслы из статьи вполне справедливы. Автор опирается на дневниковые записи писательницы от 2 февраля 1917 года: «Ничего неожиданного для такой Кассандры, как я». И далее, словно повторяя строки своего «Петербурга», Гиппиус записывает о событиях убийства Григория Распутина следующее: «А пока болото – черти найдутся, всех не перебьёшь» [Гиппиус 2017: 79].

Из этого следует, что Мережковский посвятил стихотворение Гиппиус. Это допускает и Вайман в своей статье [Вайман 2013: 106]. Впрочем, вполне вероятно, и Брюсов тоже посвятил свои строки женщине, называвшей себя Кассандрой. Поэт, хотя и приветствовал революцию, был свидетелем Гражданской войны и мог данные события приписать знаменитому мифу античных времён.

Существует предположение, что Брюсов отождествлял себя с пророчицей, призывы которой остаются безответными. Снова обращаясь к дате написания «Кассандры», можно заметить следующее: поэт предчувствует свой собственный путь в царство мёртвых и решает вновь обратиться к несчастной Кассандре.

Мотив безумия – ещё один мотив в стихотворениях Брюсова и Мережковского о пророчице. Это безумие отчаяния присутствует в исступлённых восклицаниях В. Брюсова и антонимичных глаголах Д. Мережковского. И это безумие, пылающее огнём Феба, нарастает, а в конце мёртвый холодный вывод: «Всё знать – и ничего не мочь».

И брюсовская влага Леты, упоившая героев, подчёркивает слова Мережковского.

Таким образом, полный трагизма миф о Кассандре был воплощён в поэзии и в эпоху романтизма (нельзя не упомянуть балладу Ф. Шиллера в переводе В. А. Жуковского), и в лирике Серебряного века. Этот образ весьма живо представили поэты-основатели русского символизма В. Брюсов и Д. С. Мережковский.

Литература

Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 1993. 672 с.

Вайман Н. Кассандра // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 99-110.

Гиппиус З.Н. Дневники. М.: Захаров, 2017. 405 с.

Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М.: Медиа, 1955. 617 с.

Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. 928 с.

Pomoreva T.Y. The image of Kasandra in the poetry by V.J. Brusov and D.S. Merezhkovsky

This article focuses on the two poems with the same name ("Cassandra"), written by V.J Brusov and by D.S. Merezhkovsky. We touch upon the ancient myth about Cassandra and the modernistic one, referring to the events of the early twentieth century in Russia. The leading methods that we use are cultural and historical.

Key words: Cassandra, V.J. Bryusov, D.S. Merezhkovsky, antiquity, myth, decadence, Silver Age.

УДК 82’3

В.Ю. Лебедева

ОТСВЕТЫ ГОГОЛЕВСКОЙ «ДЕМОНСКОЙ ЛАМПЫ» В РАННЕЙ ПРОЗЕ Е. ЗАМЯТИНА И В. НАБОКОВА

В одной из петербургских повестей Н. Гоголя явлен специфический образ – демон, зажигающий лампу на Невском проспекте, чтобы показать все в иллюзорном виде и погубить жертву, поддавшуюся соблазну. Сюжетная схема этого произведения воспроизводится в ранних текстах Е. Замятина и В. Набокова, и каждый из писателей в своей манере осмысляет проблему искусственного света, имеющую духовные корни.

Ключевые слова: мистический дискурс, онейрический код, световая образность, танатология, хронотоп.

Е. Замятин и его младший современник В. Набоков, как известно, высоко ценили творчество Н. Гоголя – первый говорил о его влиянии на свою склонность к синтезу реалистического и фантастического (и был назван К. Чуковским *«новым Гоголем»* [Оцуп 1994: 540-541]), второй – утверждал о «четырехмерности» его прозы в противовес «трехмерной» пушкинской.

Гоголевская традиция прослеживается уже в самых ранних произведениях писателей. Так, рассказы «Один» (1908) и «Венецианка» (1924) содержат множество перекличек с той частью повести «Невский проспект» (1935), что посвящена судьбе художника Пискарева, который, будучи очарованным картиноподобной внешностью юной проститутки и шокированным ее образом жизни, встречает ее идеального двойника во снах, сначала обычных, потом – стимулируемых опиумом. *«Раздор мечты с существенностью»* приводит к трагическим последствиям – суициду. Набоков впоследствии резюмировал: *«Но странность этого города была по-настоящему понята и передана, когда по Невскому проспекту прошел такой человек, как Гоголь. <…> Только тут* [в Петербурге. – В.Л.] *человек садится в экипаж, но это вовсе не тучный, хитроватый, задастый мужчина, а ваш Нос; это "смысловая подмена", характерная для снов. Освещенное окно дома оказывается дырой в разрушенной стене. Ваша первая и единственная любовь – продажная женщина, чистота ее – миф, и вся ваша жизнь – миф»* [Набоков 2004: 411-412]. Жертвами схожего «мифа» о влекущей женщине становятся замятинский молодой революционер-подпольщик Белов из Петербурга и набоковский студент Симпсон из Англии, как бы разделяющие между собой онейрический и экфрастический дискурсы из «Невского проспекта». Первый томится в одиночной камере, и в письме соратницы Лели ему мерещится намек на влюбленность. Герой впадает в иллюзии (не такие целомудренные, как у Пискарева), и на пике ему снится сон, где девушка предстает в образе языческой богини, а он жаждет быть ее рабом, видя в этом любовь. Открывшаяся правда о ее обручении с другим, в прямом смысле, убивает Белова – он, как и гоголевский художник, кончает с собой. Набоков упрощает и, если угодно, уплощает этот сюжет, одновременно «подсвечивая» его эдемской историей: у него Симпсон, очарованный рисованной копией недоступной ему женщины, Венецианкой, входит в картину, касается протянутого ею *«плода»* (лимона) и, после мига блаженства, гибнет, врастая в полотно. Впрочем, позднее юноша очнулся в саду как после тяжелого сна, рядом с Венецианкой кто-то пририсовал его портрет, а садовник нашел *«небольшой темный лимон*

с отпечатками на нем пяти пальцев» [Набоков 2004: 108] как «улику» преступления, совершенного на заре человечества.

Также во всех трех произведениях проявляют активность темные силы – и Гоголь наиболее прямолинеен: проститутка, по мнению Пискарева (тут оно, полагаем, совпадает с авторским), была *«какою-то ужасною волею адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни, брошена с хохотом в его пучину»* [Гоголь 1938: 22], а сам художник в первом сне с участием идеального двойника девушки впал в замешательство от *«необыкновенной пестроты лиц»*: *«Ему казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе»* [Гоголь 1938: 24]. В финале Гоголь подводит глобальный итог: *«О, не верьте этому Невскому проспекту! <…> Далее, ради Бога, далее от* ***фонаря****! <…> Но и кроме* ***фонаря****, все дышит обманом. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него…<…> и когда сам демон зажигает* ***лампы*** *для того только, чтобы показать все не в настоящем виде»* [Гоголь 1938: 46]. А.Л. Топорков в свое время заметил, что городское освещение на фоне природных светил *«неизбежно воспринималось как травестированный антипод естественного, фонари – как сниженные, пародийные двойники солнца и луны»* [Топорков 1988: 102], а концовка «Невского проспекта» оказала *«глубокое влияние»* на символистов с их видением искусственного света как *«прежде всего призрачного, фантастического, инфернального»* [Топорков 1988: 106].

В начале повести Гоголь тоже описывает проспект, весьма подробно и не без сарказма, однако, проблему темного влияния он там (как будто) не поднимает – вечерним освещением занимается накрытый рогожей будочник (правда, не уточняется, человек ли это): *«Тогда настает то таинственное время, когда* ***лампы*** *дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет. <…> В это время чувствуется какая-то цель, или, лучше, что-то похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчетное…»* [Гоголь 1938: 15]. Там и тогда Пискарев был приманен девушкой, последовав туда, где развевался *«пестрый плащ, то окидывавшийся ярким блеском по мере приближения к свету* ***фонаря****, то мгновенно покрывавшийся тьмою по удалении от него»* [Гоголь 1938: 16]. В этом отрывке явлена модель, условно говоря, дурного двоемирия, заложником которого оказывается поддавшийся искушению человек – неприглядной реальности противостоит реальность виртуальная. Мир, кажущийся героям серым, оттеняется и оттесняется до чрезмерности ярко освещенным пространством соблазна и, темнея-чернея

на его фоне, как бы исчезает для них, обесценясь (вместе с реальными девушками-прототипами). Гоголь показывает это, применяя и световую образность: *«**Досадный свет*** [подлинный. – В.Л.] ***неприятным** своим **тусклым сиянием** глядел в его* [проснувшегося художника. – В.Л.] *окна»* [Гоголь 1938: 27]. Неудивительно, что насильственное отрезвление для Пискарева и Белова было равносильным впадению в небытие, которое они не вынесли (у Симпсона это произошло внутри картины).

Любопытно, что описывая Невский проспект в начале, Гоголь применяет энтомологическую образность, сравнивая мужчин с черными жуками, а женщин – с *«морем мотыльков»*, что *«волнуется над ними блестящею тучею»* [Гоголь 1938: 12] (и таким образом ненавязчиво расставляя акценты в паре «соблазняющий-соблазняемый»). Глубинная же суть сравнения раскрывается в финале: все они – заложники «демонской лампы», летящие на ее искусственный свет. К слову, с помощью последнего ловят ночных бабочек, что не единожды описано у Набокова, который, в свою очередь, использует тот же прием, вначале сравнивая глаза Симпсона со *«слабыми голубыми бабочками»*, а позднее описывая Венецианку как *«высокую, прелестную, всю **изнутри освещенную»*** и с *«сухим **жаром»*** пальцев [Набоков 2004: 104]. Напрашивается вывод, что героиня олицетворяет собой «демонскую лампу», на чей свет устремился юноша. (К слову, его последующее увязание в картине сравнивается с увязанием мухи в меду, отсылая, вероятно, к стихотворению М. Ломоносова «Услышали мухи медовые духи…» (1734), где эти насекомые, прельстясь, погибли).

У Гоголя и Замятина мечтательные образы окружены обильным светом, и о внутреннем свечении прямо не говорится, однако исключать там параллелизм идеального двойника и «инфернального фонаря» не стоит. Так, в «Невском проспекте» в первом онейрическом пространстве (в числе атрибутов которого – яркая лампа) у девушки была *«**сверкающая** белизна лица»*, что *«ослепительно»* бросилась в глаза Пискареву (отметим свойство «демонской лампы» лишать зрения – и физического, и метафизического). Когда она села после танца, ее грудь *«воздымалась под тонким **дымом газа»*** [Гоголь 1938: 25] – во времена Гоголя фонари были газовыми, и они изрядно дымили, о чем свидетельствовало обилие копоти. В «Одном» в беловском сне идеальный двойник Лели возникает в помещении, напоминающем *«греческий храм»* (Замятин, почти цитируя Гоголя, одновременно актуализирует языческий дискурс): *«Медленно, как богиня, идет она, **ослепительно сверкая** телом. И что-то яркое, горячее и бушующее, как этот **свет** кругом – у него в груди»*

[Замятин 2003: 46] (отметим свойство «демонского фонаря» «поджигать» жертву – или «вскипячивать», как в «Венецианке»).

Однако лампа нуждается в зажигателе, и Гоголь прямо называет его. Замятин и Набоков не обошли вниманием данный образ, и у первого из них подтекст выявляется только при сопоставлении с «Невским проспектом». Там Белов, приезжая на допрос, подглядывает в окно: *«**Фонарщик** лезет. Успеет зажечь, пока доедем? Ну? Шум, шум, веселый – и сразу точно лопнули струны: темная, пустая улица»* [Замятин 2003:52]. Вскоре после допроса герой получит роковое письмо, а приведенный эпизод как предуведомляет коллизию, так и метафорически отображает ее. У Набокова «общение» Симпсона с Венецианкой происходит в три этапа (писатель вообще любит троичность): знакомство с полотном, робкая попытка *«полететь»* туда (его спугнули) и, наконец, попадание внутрь. В первый раз он видит на картине только женщину, во второй – ему *«почудилось, что на мгновение **зажглась** в одной из них* [старых лачуг вдалеке – В.Л.] ***точка огня»*** [Набоков 2004: 100], в третий – прикоснувшись к плоду, он усматривает на *«бледной тропе между скал»* идущие *«синие силуэты в капюшонах, с **фонариками**»* [Набоков 2004: 104], после чего очарование рассеивается, и Симпсон врастает в картину. Не стоит забывать, что в эпизоде зашифрован грехопаденческий сюжет – в нем автор «Венецианки» усматривает причину появления «демонических фонарщиков» в мире людей, причем доступ они возымели и к сознанию человека (в замятинском рассказе просматривается параллель «тюрьма // голова»).

Можно заключить, что в рассмотренных текстах оппозиция «искусственный vs естественный свет» выступает субоппозицией в рамках витально-мортального противостояния, которое, в свою очередь, имеет духовные корни.

Литература

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1938. С. 7-46.

Замятин Е.И. Один / Замятин Е.И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М.: Русская книга, 2003. С. 31-66.

Набоков В.В. Русский период. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 81-109.

Набоков В.В. Американский период. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 400-522.

Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах. Статьи и восп-я. 2-е изд. СПб.: Изд. «Logos», 1994. 616 с.

Топорков А.Л. Из мифологии русского символизма: Городское освещение // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 657: Мир А. Блока. Блоковский сборник. Тарту, 1988. С. 101-112.

Lebedeva V.Yu. N.V. Gogol's demonic lamp image and its reflection in the early literary works by E. Zamyatin and V. Nabokov

One of "St. Petersburg Tales"by N.V.Gogol has a peculiar character – a demon lighting a lamp on Nevsky Prospect. He wants to show everything in a false manner and to destroy those who can't resist the temptation. E. Zamyatin and V. Nabokov reproduce this plot in their early texts. All these writers reflect upon the problem of artificial light according to their artistic manner.

Key words: mystical discourse, oneuric code, light imagery, thanatology, chronotop.

УДК 821.161.1

А.А. Рахманина

СЦЕНАРНОЕ ТВОРЧЕСТВО Е.И. ЗАМЯТИНА: ИСТОКИ И СВОЕОБРАЗИЕ

В статье рассматривается малоизвестная страница творческой деятельности Е.И. Замятина как автора сценариев для кино. Анализируется развитие творчества писателя в период эмиграции.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, творчество Е.И. Замятина, киносценарии.

В литературоведении долгое время бытовал стереотип, что творчество Е.И. Замятина ограничивалось лишь его выдающейся прозой, а киносценарии не стоят внимания исследователей. Однако в творческой копилке писателя около 20 сценариев для кино и несколько либретто (синопсисов и экспозе).

В 1918 году Замятин, выступая с лекцией о современной русской литературе, писал: «…Неореалисты не рассказывают, а показывают, так что и к произведениям их больше подходило бы название не рассказы, а показы…» [Хатямова URL]. Это высказывание отмечает родство новой литературы с кинематографом.

Писатель уже в ранних своих произведениях использует кинематографические приемы, которые «в каком-то смысле все мои литературные вещи были кинематическими; я никогда не объяснял; я всегда показывал и предлагал…» [Харви URL], пишет критические статьи об

этом виде искусства. Статья «О синтетизме» (1922) является одной из важнейшей для понимания эстетики Замятина.

В 1927 году Замятин пишет сценарий «Север» по своей повести. На Совкино был снят фильм «Северная любовь», премьера которого состоялась 24 февраля 1928 года. Фильм не имел успеха, режиссер А. Ивановский остался недоволен работой, по этой причине фильм, к сожалению, не сохранился. Вскоре Замятин пишет киносценарий по рассказу «Пещера» для фильма «Дом в сугробах». Однако режиссер Ф. Эрмлер признал сценарий неудовлетворительным и пригласил более опытного сценариста – Б. Леонидова, который изменил концепцию Е. Замятина. Другие киносценарии, написанные в СССР («Одиннадцать и одна», 1929, «Подземелье Гунтона», 1931), оказались также не востребованы.

Долгое время в литературоведении существовало мнение, что за рубежом творчество писателя престало быть интересным читателям, поскольку он, по мнению его близких и друзей, разменивался лишь на сомнительные кинопроекты. Свидетельствуют об этом воспоминания современников: «…Общался он здесь с немногими, предпочитая людей, причастных к кинематографу. Может быть, ему казалось, что они находятся “над схваткой”, а кроме того, для них он мог работать. В частности, он создал сценарий по горьковской “На дне” и другой – по “Анне Карениной”, которые не были осуществлены. Как всякие кинематографические затеи, сценарии оплачивались очень щедро, но антракты в заказах были часто просто нескончаемы, и, тем не менее, понятно, как в бытовом отношении Замятин тянул свою лямку, писал ли он, а если и писал, то скорее для своего письменного стола. В зарубежных изданиях он участия не принимал, советские его “бойкотировали”…» [Бахрах 1996: 238].

После отъезда за границу Замятин полностью уходит в сценарное творчество. Во Франции он пишет сценарии по фольклорным произведениям («Добрыня», 1936, «Былины», 1936) и по произведениям классиков: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева М. Горького. В 1932 году Замятин отправляет в Голливуд три варианта киносценария романа «Мы» (киносценарий Д-503), однако, в 1930 году Голливуд выпустил фантастическую комедию «Вообрази!», которая имела отсылки к сюжету Замятина, а в 1931 году во Франции появляется фильм «Любовь в 2000 году». В этой связи киносценарий Д-503 не был новым, поэтому он не был экранизирован.

Одним из амбициознейших проектов за рубежом можно считать адаптацию для студии «Пате-Натан» романа Л.Н. Толстого «Анна Ка-

ренина», выполненную в сотрудничестве с русским режиссером-эмигрантом Федором Оцепом. Данный текст, написанный в середине 30-х годов, представляет собой незаконченный синопсис по одноименному роману Л.Н. Толстого. В этом киносценарии в отличии от многих других присутствуют диалоги. План разрабатывался на протяжении всего 1933 года, однако, так и не был закончен. Существует несколько версий, по какой причине данный сценарий оказался невостребованным. Первая версия – отсутствие финансирования. Вторая версия – в 1935 году выход в свет картины «Анна Каренина» – классического голливудского фильма с Гретой Гарбо в роли главной героини.

Характеристику всех киносценариев Замятина можно отнести к одной единственной заметке, адресованной А. Верту: «…Диалог следует вырезать, потому что и диалог, и психологию надо переводить в кинематические формы. Вещь должна быть зримой и динамичной. Во всех моих книгах вы увидите, что вместо последовательного изложения я использую метод флэшбэка, так что он мне вполне знаком. Диалог у меня тоже сведен к самому главному, самым существенным фактам. Однако есть один момент, который приведет в ярость литературных пуристов. В фильме много движения – движение не прекращается, и зрительный материал очень хорош, в частности, очень хорошо можно передать бега. <…> На экране вещи надо показывать, а не рассказывать. В каком-то смысле все мои литературные вещи были кинематическими; я никогда не объяснял; я всегда показывал и предлагал…» [Бахрах 1996: 238].

Замятин интересовался кино как видом искусства и средством пропаганды, его киносценарии это не просто тексты, а творческие произведения, которые могут духовно повлиять на зрителя. Писатель при работе с этим видом творчества отмечал для себя роль политической ангажированности в определенных странах, что, по его мнению, влекло за собой упадок кинематографа. Однако также Е. Замятин отмечал, что с другой стороны кино не несет никакой идеологической отягощенности, лишь развлечение и уход от современных проблем. Своими киносценариями писатель старался изменить эту тенденцию и сделать кино более разумным и интересным для зрителя.

К сожалению, лишь один киносценарий был признан в обществе и имел успех среди зрителей – по пьесе Горького «На дне». Попытка Замятина работать в кинематографе в роли сценариста совпала с периодом ослабления межкультурных связей, когда в каждой стране перед кинематографом стояли разные задачи. Однако подлинной столицей мирового кино являлся Голливуд, где ежегодно снимались сотни фильмов самых

разных жанров. Это были приключенческие фильмы, «гангстерское кино», комедии, мюзиклы, мелодрамы, фильмы ужасов, мультипликационные фильмы, исторические и детские киноленты. Замятин же стремился сделать кино осмысленным, приравнять его к литературе, что не входило в планы стран, которые сделали кино или политическим оружием или развлекательной пустышкой.

Однако Замятин оставил важный след в истории кинематографа и внес свою лепту в развитие этого жанра, а также в историю советско-голливудских и советско-европейских связей в области кино в период между мировыми войнами.

Литература

Бахрах А.В. По памяти, по записям // Новый журнал. 1996. № 198-199. С. 238.

Харви Б. Евгений Замятин – сценарист // URL: http:// http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/739/.

Хатямова М.А. Формы саморефлексии в русской прозе первой трети XX века // URL: https://litportal.ru/avtory/marina-hatyamova/read/page/4/kniga-formy-literaturnoy-samorefleksii-v-russkoy-proze-pervoy-treti-xx-veka-56485.html.

Шкловский В.Б. Литература и кинематограф // Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг. М.: Академический проект; Альма Матер, 2016.

Янгиров Р.М. Хроника кинематографической жизни русского зарубежья: в 2 т. Т. 2. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 300 с.

Rakhmanina A.A. E.I. Zamyatin as the author of film scenarios: backgrounds and special features

The article discusses a little-known page in the creative activity of E.I. Zamyatin as the author of film scenarios. Also we analyze the development of the writer during the period of emigration.

Key words: Russian literature abroad, the work of E.I. Zamiatin, screenplays.

УДК 821.161.1

А.А. Астафьева

ЦИКЛЫ «СЕВЕРНЫХ» ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е.И. ЗАМЯТИНА И ДЖ. ЛОНДОНА: ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА

В статье сравниваются рассказы Е.И. Замятина «Ёла», «Кряжи», «Север» с рассказами Дж. Лондона «Белое безмолвие», «Сын волка». Обращается внимание на общие черты произведений: противопоставление природы городу, свободы несвободе, старого новому.

Ключевые слова: север, природа, человек, цивилизация, борьба.

За последнее десятилетие сделано немало для изучения творчества Е.И. Замятина как зарубежными исследователями, так и отечественными. Но и на сегодняшний день писатель остается «загадочным художником слова», интерес к которому не угасает ни на минуту. В современном российском замятиноведении выявлены многочисленные параллели творчества писателя с его современниками, обозначены «точки притяжения и расхождения». Замятин несколько лет прожил за границей, его интересовало творчество зарубежных писателей, которые оказали на него довольно сильное влияние, поэтому были сформированы многочисленные стереотипы о писателе некоторыми современниками. Они утверждали, что существует сильная зависимость творчества писателя от европейской культуры: «Замятин – западник, он гораздо более “свой” в Лондоне у Диккенса и Уэллса, чем в “Уездном”». Но Замятин всегда был и оставался до конца своих дней «национально мыслящим и национально выраженным» автором. В фундаменте его творчества – русская жизнь, православные, культурные, нравственно-этические основы бытия русского народа. Именно в «северных» произведениях писателя наиболее точно изображается становление русского характера в ужасных условиях Севера, как и у Дж. Лондона. Так, например, одни из ведущих тем «северных» рассказов – борьба человека с природой, воля к жизни, вера в человека.

«Северные» произведения двух писателей объединены схожей проблемой: «природа-человек-цивилизация». Природа предстает дикой, свирепой, необузданной и в то же время величественной: «Сорокаградусные морозы, вьюги, волки, медведи, дикие индейские племена и дикий нечеловеческий голод... Тут выдержать могут только самые молодые, самые железные, самые жестокие» [Лондон 1976]. Север у писателей оказывается истинной ценностью человека, помогает выяснить, на что он способен. Только здесь человек начинает постигать смысл понятий «голод», «кров», «покой». Произведение Дж. Лондона «Белое безмолвие» – яркий пример борьбы за жизнь, за кров. Это как раз та ситуация, когда человек борется с силами природы, отстаивая свой потенциал, утверждая свое превосходство.

В рассказе Замятина «Север» герои живут как бы на границе двух миров, между сном и явью, мечтой и реальность, впрочем, такова и сама природа севера: осень и весна здесь яростные, сменяются короткими вспышками. Главный герой – Марей – дитя природы, для него Петербург удивителен потому, что в нем «сорок, а то и пятьдесят улиц». «И как же в нем не заблудятся? Ведь это – не лес, в лесу всякое дерево, и мох на коре, и камни – все разное…» – удивляется Марей [Замятин 2001: 513]. Городской житель, в свою очередь, также думает о лесе, где для него все деревья одинаковы, так же, как и для Марея дома.

Городская жизнь является полной антитезой природы: «Города по-стариковски укутаны от непогоды в асфальт и железо… Вся жизненная борьба в городах – свелась к мозговой работе: сила рук и ног – уже не нужна, как она не нужна старику» [Замятин 1919]. В «северных» рассказах подчеркивается, что цивилизация развращает людей, делает их алчными, корыстными. Все дурное, низменное порождается отношениями, существующими на территориях городов.

Человеку же выпала роль связующего звена между миром естественной природы и миром, созданным человеком. И только он решает, каким будет его путь: «Если в человеке еще бурлит юная кровь, если крепкая, железная сила мускулов ищет выхода, ищет борьбы – человек бежит от стариковских городских удобств, – бежит, куда глаза глядят: в поле, в лес, в океан, на север, на юг» [Замятин 1919]. И вот эта энергия, бьющая через край, нашла выход в условиях дикой природы Севера. В творчестве Дж. Лондона герои внутренне ощущают недостаточность, ущербность цивилизации, поэтому ищут «утраченное» в дикой природе.

В своем рассказе «Кряжи» Замятин воссоздает яркие черты русского характера: максимализм, в какой-то степени безрассудство и готовность к подвигу. Главная героиня рассказа – Марья – прототип характера русской женщины: в ее образе собраны самые лучшие черты русской женщины. И в рассказе Дж. Лондона «Белое безмолвие» представлен удивительный женский образ – индианка Руфь восхищает своим бесстрашием, силой духа и волей к победе. Несмотря на смерть мужа, она не перестает хладнокровно мыслить: «Немая скорбь в лице женщины и ее взгляд, исполненный и надежды и отчаяния. Руфь ничего не говорит: «Жители Севера рано познают тщету слов и неоценимое благо действий» [Лондон 1976]. Стиснув зубы от горя, Руфь исполняет волю мужа, она должна уйти: «Бедняжку не надо учить послушанию. Еще девочкой она вместе со всеми женщинами своего племени преклонялась перед властелином всего живущего, перед мужчиной, которому не подобает прекословить» [Лондон 1976].

Еще одним постоянным мотивом в северных рассказах является мечта. Мечта противостоит реальности. Ради придуманного идеала, ради приобретения ёлы гибнет Цыбин. В рассказе Замятина «Ёла» мечта и природа становятся одушевленными. Но для главного героя ела становится более живой, чем все остальное. Красоту природы он воспринимает только как обрамление к любимой еле. Цыбин наряжается к покупке ёлы, ревнует ее к другому покупателю, как любимую девушку, и погибает вместе с ней. В рассказе «Сын волка» Дж. Лондона мечта главного героя получить в жены дочь вождя племени стиксов – Заринку, чуть ли не погубила его. «Белый» человек, эгоистичный и жестокий,

противопоставляется коренным жителям Севера с патриархальным жизненным укладом, которые духовно чисты, а потому – уязвимы перед мощью бездуховной цивилизации. Чтобы завладеть желанным, Маккензи был готов отдать все, что у него было: одеяла, муку, табак, ружье и даже собственную жизнь. Но и не забывал прибегать к хитростям: он подражает образным речам индейцев лишь ради того, чтобы получить женщину их расы, тем самым опошляя наивную первобытную мудрость, заключенную в этих словах и в этой стилистике.

Тема «природа – человек – цивилизация» становится ведущей в творчестве Е.И. Замятина и Дж. Лондона и приобретает философское звучание.

Литература

Желтова Н.Ю. Проза Е.И. Замятина: поэтика русского национального характера: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 1999.

Желтова Н.Ю. Былинные мотивы в рассказе Е.И. Замятина «Кряжи» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3-5.

Замятин Е.И. Предисловие к книге: Джек Лондон. Сын волка и другие рассказы. М., 1919.

Замятин Е.И. Собр. соч.: в 5 т. М., 2001.

Лондон Дж. Собр. соч.: в 13 т. М., 1976.

Astafeva A.A. Cycles of “Northern” works by E.I. Zamyatin and J. London: problems and poetics

In the article the researcher compares such stories as “Yola”, “Kryazhy”, “The North” by E. I. Zamyatin to the ones by J. London: “The White Silence” and “The Son of the Wolf”. The author highlights features that are common for all of these literary works. Among them are opposition of city to nature, of freedom to captivity, of old things to new.

Key words: North, nature, man, civilization, struggle.

УДК 821.161.1

Т.С. Шуваева

РУССКИЙ СЕВЕР В РАССКАЗЕ Е.И. ЗАМЯТИНА «АФРИКА»: СПЕЦИФИКА ЛОКАЛЬНЫХ ХРОНОТОПОВ

В рассказе Е.И. Замятина «Африка» анализируется специфика северного времени и пространства, обладающего национальным колоритом, рассматриваются особенности локальных хронотопов: Ильдиного камня, Африки, дома и других.

Ключевые слова: русская литература XX века, Е.И. Замятин, художественное время и пространство, хронотоп, образ Русского Севера.

Рассказ «Африка» написан Е.И. Замятиным в 1916 году после пребывания на Русском Севере (в Кеми, на Соловках) в 1915 году. Главный герой произведения Федор Волков – небогатый, простой рыбак. Ему пришлось принимать гостей – двоих господ и девушку из Африки. Понравилась Федору приезжая девушка. Уезжая, господа пригласили Федора в Африку. Проходит время, Федор берёт в жены Яусту. Только не в радость жизнь оказалась, ходит Федор все гостей заморских ждёт. Решается он с китобоями в Африку плыть. Действие происходит в Мурманске [Замятин 1989].

С первых строк писатель погружает нас в особенную жизнь, показывает небольшой приморский посёлок: «Как всегда, на взморье – к пароходу – с берега побежали карбаса. Чего-нибудь да привёз пароход: мучицы, сольцы, сахарку», – такими словами начинается произведение [Замятин 1990: 246]. В качестве фактической приметы северного пространства можно рассматривать географическое название:

«– Намедни к Святому Носу ходили. Набирает, эта, Индрик народ, в океан бегут за китами…

… А через две недели – на Мурманском бежал уже к Святому Носу» [Замятин 1990: 252]. Одну из особенностей пространства северной жизни, думается, можно рассматривать и плавание на китобойной шхуне, достаточно ярко изображённую автором охоту на китов. Также одной из примет может служить упоминание об охоте на рябчика, а это дичь, которая, как известно, не водится в Европейской части России. Впрочем, сугубо северной птицей назвать его тоже нельзя. Видимо, этот эпизод просто дополняет общую картину жизни северян и введён автором, чтобы добавить красок в картину этой жизни.

Одной из характерных особенностей является краткое, фрагментарное, но от этого не утратившее своей потрясающей красоты описание белых ночей: «По-настоящему не садилось солнце, а так только принагнётся, по морю поплывёт – и всё море распишет золотыми выкружками, алыми закомаринами, лазоревыми лясами» [Замятин 1990: 247]. В первом рассказе трилогии приметы северного пространства по крупицам приходится вычленять из текста, они не так значительны и многочисленны. Это объясняется, наверное, и молодостью автора, и объёмом произведения (рассказ уместился всего на 10 страницах). Тем не менее, они есть, и писателю удаётся с их помощью передать красоту и самобытность русского севера.

Время в «Африке» представлено намного полнее и разнообразнее. В целом события, описанные в рассказе, продолжаются чуть больше года, приблизительно пятнадцать месяцев.

Начинается действие на исходе весны, в мае: «Ночь светлая, майская» [Замятин 1990: 247], – говорит автор, рассказывая о моменте зарождения в сердце Фёдора Волкова мечты повидать далёкую, загадочную Африку и найти там девушку, способную подарить ему безграничное счастье. Свадьба героя происходит вскоре после этого, о чём свидетельствует «весенний месяц»: «Когда шли от венца Фёдор Волков с Яустой, старшей Пименовой, ещё висел последний тоненький месяц, ещё звенел чуть слышным серебряным колокольцем» [Замятин 1990: 249]. На всём протяжении рассказа время упоминается в соответствии с природно-бытовым циклом, которому подчинена жизнь северян: «пришла лютая осень [Замятин 1990: 250], «зимою уж это было» [Замятин 1990, 251], «после всенощной жизни преполовенской» [Замятин 1990: 252], «не было ни ночи, ни дня: стало солнце» [Замятин 1990: 253], «стало солнце приуставать, замигали короткие ночи» [Замятин 1990: 255]; зачастую для обозначения времени употребляются такие понятия, как «ночь» и «день», реже – «утро» и «вечер».

Время это наполнено различными событиями; оно не проходит для героя бесследно, напротив, является мерой его качественного изменения, становления характера, проявления самых ярких его черт. На протяжении повести мы видим приезд иностранных гостей, их общение с Фёдором Волковым, зарождение в нём мечты об Африке, свадьбу и скорое разочарование в молодой жене, возвращение к мыслям о несбыточном желании повидать заморские земли, знакомство с Индриком-капитаном, пообещавшим доставить героя в далёкую страну при наличии определённой суммы денег, наконец, охоту на китов, так печально для героя закончившуюся.

В этом глобальном северном времени-пространстве можно выделить несколько локальных хронотопов. Первый из них, как ни парадоксально звучит, – это хронотоп Ильдиного камня, который неоднократно упоминается на страницах рассказа и несёт значительную смысловую нагрузку. Именно с этим «около каменным» пространством связаны самые важные моменты, определяющие сюжетное движение повести: зарождение «африканской» мечты, обдумывание путей её воплощения, принятие последнего решения. «Идёт мимо Ильдиного камня, а на камне белая гага спит – не шелохнётся, спит – а глаза открыты, и всё, белое, спит с глазами открытыми <…>. И страшно ступить погромче: снимется белая гага, совьётся – улетит белая ночь, умолкнет девушка петь» [Замятин 1990: 247], – пишет Е.И. Замятин. Нельзя не заметить тот факт, что пространство Ильдиного камня возникает в рассказе преимущественно ночью. Как мы уже

видели, впервые он упоминается в связи с ночной прогулкой героя, когда слышится пение гостьи. Не найдя воплощение мечты в молодой жене, Волков несёт свою печаль к этому камню: горюет, сидя возле него, мечтает, размышляет: «С того дня стал опять Фёдор Волков ходить молчалив. Что ни вечер – увидишь его на угоре у Ильдиного камня…

– Чего, Фёдор, выглядываешь? Аль гостей каких ждёшь из-заморских?

Глянет Фёдор глазами своими нерпячьими, необидными и головой-колгушкой мотнёт. А к чему мотнёт – да ли, нет ли – неведмо» [Замятин 1990: 250].

«На угоре у Ильдиного камня томился Фёдор Волков, на карбасе бегал ко взморью всякий пароход встречать» [Замятин 1990: 252] – рассказывает автор о герое после выздоровления. И именно возле этого камня принимает Волков решение уехать с монахом Руфином. Таким образом, значение хронотопа Ильдиного камня для развития сюжетного действия очевидно.

Следующий хронотоп, о котором хотелось бы сказать, – это хронотоп дома. Роль здесь играет такой элемент его пространства, как окно. В полусне видит Волков девушку-гостью в окне «отводной квартиры»: «И опять – не то сон, не то явь, а будто только окно – тёмное, она – белая в окне-то <…> И ещё – будто из окна нагнулась, обхватила Фёдора Волкова голову – и к себе прижала» [Замятин 1990: 247]. Так же ночью и тоже в окне дома видит он будущую свою невесту: «…Идучи ночью одной весенней мимо двоеданской избы, услышал Фёдор Волков чей-то жалобный хлип. Ближе подошёл: окно открыто, то самое, и в окно – слезами облитая, горькая Яуста, старшая Пименова» [Замятин 1990: 248]. Мечта возникает ночью, но наступает день и приносит с собой горькое разочарование. Вообще, следует заметить, что в рассказе прослеживается чёткое противопоставление дня и ночи, и то, что ночью представляется овеянным романтикой и жизненно необходимым, днём преображается, приобретает земные черты, которые, увы, не отличаются красотой и гармонией. Так, например, происходит с Яустой, которая после свадьбы из нежной и хрупкой барышни превращается в сварливую женщину. Символичен порог, который упоминается лишь эпизодически, но автор вкладывает в него более глубокое значение, чем кажется на первый взгляд: «Молча отстранился Фёдор – и пошёл за порог: сапоги вытирать» [Замятин 1990: 250]. Однако он выходит не только из дома; он покидает привычный ему уклад жизни, скрывается в мире грёз, оставляет в одиночестве молодую жену. Это один из важнейших поворотов в сюжете

рассказа. В сознании Фёдора Волкова в это время происходит некая подмена ценностей, даже заболев, он не желает возвращаться домой: «Наутро подняли: еле живёхонек. Отнесли в баньку: в избу ни за что не хотел. В этой баньке и пролежал Фёдор Волков всю зиму» [Замятин 1990: 251].

Время здесь неоднородно; для всей команды оно течёт привычно и размеренно: «Не было ни ночи, ни дня: стало солнце. В белой межени – между ночью и днём, в тихом туманном мороке бежали вперёд, на север» [Замятин 1990: 253]. Но в восприятии героя оно иногда почти застывает, как, например, в период ожидания кита: «И в межени белой опять плыли, неведомо где, плыли неделю, а может – и две, а может – месяц: как угадать, когда времени нет, а есть только сказка? Приметили одно: стало солнце приуставать, замигали короткие ночи» [Замятин 1990: 255].

Нельзя не сказать ещё об одном хронотопе, который чрезвычайно важен для развития действия в рассказе. Речь идёт о хронотопе Африки. Это некое мифическое пространство, существующее в воображении героя и обладающее лишь теми приметами, которым наделила его фантазия Волкова, подкреплённая рассказами капитана и гостей. Африка представляется Фёдору местом, где сбываются все мечты, едва ли не земным раем: «Хлеб такой в Африке этой <…> растёт себе хлеб на деревьях, сам по себе, без призору, рви, коли надо. Слоны? А как же: садись на него – повезёт, куда хочешь» [Замятин 1990: 254]. А самая главная причина его стремления в далёкие земли – желание снова встретить прекрасную гостью. Время здесь практически отсутствует, в сознании героя живёт лишь мысль о пространстве далёкой загадочной Африки. И желание там побывать определяет весь ход событий в рассказе.

В произведениях Замятина ключевая сюжетообразующая роль принадлежит пространственно-временной организации. Наибольший интерес для современного исследователя представляют два типа хронотопа: замкнутого пространства и пространства открытого с их характерными особенностями.

Литература

Замятин Е.И. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература», 1990. 528 с.

Замятин Е.И. Избранные произведения: Повести, рассказы, сказки, роман, пьесы. М.: Изд-во «Советский писатель, город», 1989. 768 с., илл.

Shuvaeva T.S. The Russian North in E.I. Zamyatin's story “Africa”: specifics of local chronotopes

In the story “Africa” E.I. Zamyatin analyzes the specifics of the Northern time and space, their national characteristics, the features of local chronotopes, such as the Ellinogermaniki stone, Africa, home and others.

Key words: the Russian literature of the XX century, E.I. Zamyatin, artistic time and space, chronotope, the image of the Russian North.

УДК 82

Я.В. Иконникова

ОБРАЗ МАТЕРИ КАК КОНСТАНТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТВОРЧЕСТВА А.И. КУПРИНА (НА МАТЕРИАЛЕ «АРМЕЙСКОЙ ТРИЛОГИИ»)

В статье исследуются составляющие константного образа матери в аспекте философской и религиозной мысли на материале «армейской трилогии А.И. Куприна». Показана государственная составляющая образа матери. Акцентируются функции образа антиматери в анализе системы женских персонажей. Прослеживается связь константных составляющих образа матери в произведениях доэмигранстkого и эмигрантского периодов.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, А.И. Куприн, константа, образ матери.

Проблема национальной духовности, выраженная в произведениях русских писателей, становится наиболее острой в эпоху потери нравственных ориентиров, общечеловеческих ценностей. Национальные константы – это базисные, априорные элементы русской культуры в целом и литературы в частности. Образ матери является одной из константных составляющих творчества писателя. Особый интерес представляет сравнительный анализ репрезентации указанной константы в «армейской трилогии», произведения которой тематически связаны, но написаны в разные периоды: повесть «На переломе (Кадеты)» была опубликована в 1900 году, повесть «Поединок» – в 1905 году, роман «Юнкера» – в 1932 году.

Образ матери является архетипичным для любой культуры. Ю.Г. Белогурова в статье «Представление о материнстве в западноевропейской и русской философской мысли» анализирует феномен материнства и его репрезентацию в концепциях философов периода античности, средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени. Наи-

больший интерес для понимания константного образа матери в творчестве А.И. Куприна представляет репрезентация духовно-культурного феномена материнства в русской культуре. Обобщая идеи Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, С.Н. Булгакова, В.В. Розанова, Ю.Г. Белогурова пишет: «В русской культуре и философии исследования материнства непосредственно базировалось на православном мировоззрении и культе Софии – «Божественной Мудрости»» [Белогурова 2014: 50]. В этой связи необходимо выразить взгляд православного священника на истинное, мудрое материнство: «Пятая заповедь требует от нас многого по отношению к детям. Требует не муштры и воспитания, а взаимного поиска. Кто… искал душой своего ребенка, чаял взаимопонимания с ним? Не только исправления его слабостей, но и встречи с ним, равенства в чем-то?» [Потокин 2017: 32, 33]. Во многом образцовым, близящимся к идеалу становится образ матери главного героя в романе «Юнкера», который является в значительной степени автобиографичным.

Мать Куприна отличалась силой своего характера, незаурядным умом и художественным вкусом, о чем говорил сам писатель: «В письме, отправленном писателем матери незадолго до ее смерти (1910), Куприн писал: «Ты мне теперь очень нужна. Не твой опыт, не твой ум, а твой инстинктивный вкус, которому я верю больше, чем всей теперешней критике» [Берков 1956: 6]. Эти слова из исследования П.Н. Беркова приводит в своей работе и Н. Люкер [Luker 1978: 18]. В биографии писателя, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», О.Н. Михайлов пишет: «И у шестидесятилетнего Куприна образ матери вызывает совершенно детски-восторженные признания. В своем автобиографическом романе «Юнкера» он не называет мать Александрова иначе, как «обожаемая» [Михайлов 1981: 20].

Действительно, в романе мать и сына связывали особые отношения: «Они обожали друг друга (Алеша был последышем). Но одинаково, по-азиатски, были жестоки, упрямы и нетерпеливы в ссоре. Однако понимали друг друга на расстоянии» [Куприн 1964: 14]. Несмотря на многие огорчения, доставляемые сыном, Любовь Алексеевна как истинная мать стремится понять и принять сына, не оттолкнуть, гордится его первыми неумелыми стихами, мудро наставляет влюбленного юношу. Сын отвечает ей взаимностью, неся все свои радости именно к ней, не утаивая ничего. Обращения, принятые между матерью и сыном, уже определяют их отношения: «Алешенька», «мамочка», «восторгательная мамочка», «золотая, брильянтовая». Сын ценит жертвенность матери: «Ведь она для себя никогда не жила. Все для нас. <…>

А мне, балбесу, лентяю и грубияну, не могшему одолеть первых начал алгебры, разве не нанимала она репетиторов…» [Куприн 1964, 8: 182]. Именно матери он покупает трогательный подарок, когда получает свой первый писательский гонорар, – шевровые ботинки, в которых она себе отказывала. Не менее трогательная сцена завершает роман: мать искренне и даже растерянно радуется тому, что ее сын стал офицером. Образ не идеализируется, отмечаются и отрицательные черты: «непоколебима в своих убеждениях, внушенных ей чужим злобным и глупым авторитетом» [Куприн 1964, 8: 181]. Но это не умаляет обожания матери и уважения к ней.

В новой биографии А.И. Куприна, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», В.А. Миленко пишет о сложных отношениях писателя со своей матерью, но сложность эта была определена прежде всего крайне тяжелыми обстоятельствами жизни не только рано овдовевшей, но и «обездомевшей» женщины: «Любовь Алексеевна поставила на себе крест ради детей. Все правильно, цель святая. Но характер свой, княжеский, пришлось ломать» [Миленко 2016: 17]. В.А. Миленко резюмирует, что писатель понимал «силу самоотверженной женской любви и преданности: мать все уладит, сестры помогут» [Миленко 2016: 23]. Образам сестер в романе «Юнкера», их домашней жизни, в которую был вовлечен герой, посвящено немало теплых строк. Важно отметить, что архетип матери коррелирует с образами других значимых женщин: «окружающих человека и первых по важности родственниц и других любых женщин, состоящих с человеком в каких-либо отношениях» [Вейт 2010: 63]. Об этом, анализируя концепцию К.Г. Юнга, пишет А.А. Вейт в работе «Архетипические образы матери и младенца как истоки российской ментальности». На страницах романа даны подробные описания внутрисемейных отношений сестер главного героя, Сони и Зины. С мужем старшей сестры Софьи, конторщиком Иваном Александровичем Мажановым, отношения не сложились: «Вся семья, по какому-то инстинкту брезгливости, сторонилась от него» [Куприн 1964, 8: 13]. Супруг младшей сестры Зины, «добродушный лесничий Нат», напротив, вызвал расположение главного героя и всех членов семьи. Несмотря на это, все вместе – мать и сестра Соня с мужем – приезжают в корпус к Алексею, когда он совершил серьезный проступок. В главе IV «Бесконечный день» упоминаются летние каникулы, проведенные в доме сестры Зины, в главе XIII «Слава» – о недельном отдыхе в доме сестры Сони.

Несмотря на то, что к сестре Алексей мог обратиться с определенной долей фамильярности: «…Она в стихах понимает, как свинья в апельси-

нах. Да и я – тоже», в целом же отношение к матери и сестрам было в высшей степени уважительным и почтительным [Куприн 1964, 8: 93]. Обращает внимание, что даже грубое название одной из рот в корпусе, принятое в мужской среде, он не смел произнести в присутствии женщин.

Семью неслучайно сравнивают с малой церковью, тем самым подчеркивая важность семенных устоев. Связь семьи, общества и государственности в целом отражена в трудах философов разных эпох. Г.В.Ф. Гегель, говоря о нравственной природе человека, выделяет такие ее составляющие, как семья, государство и гражданское общество. О связи семейных и государственных основ показательно мнение православного писателя, протоирея А. Потокина: «Такое отрицание, непочитание отца и матери, приводит к нестабильности в обществе. Власти перестают быть для нас абсолютными» [Потокин 2017: 30]. Линия неразрывной связи между судьбой главного героя и в целом страны, императора, народа заслуживает особого внимания в романе «Юнкера».

Константный образ матери в русской культуры неразрывно связан с православным образом Богоматери. В романе тема материнства и православия сплетены. Вместе с матерью юноша едет к Иверской иконе Божьей Матери перед началом учебы, по окончании училища они заказывают молебен Николаю Угоднику в Троице-Сергиевой лавре. Первая глава романа названа в честь отца Михаила Вознесенского, «законоучителя и настоятеля церкви второго корпуса» [Куприн 1964, 8: 6]. Свободолюбивый, неукротимый юнкер Александров при мысли о нем испытывает особые чувства «светлой печали», «неловкого стыда», «тихого раскаяния», его «душа умякла». Удивительные строки о материнской любви вложены в уста батюшки: «Жизнь, милый Алеша, очень многообразна, и еще много неприятностей ты причинишь материнскому сердцу. А знай, что первое слово, которое выговаривает человеческий язык, это – слово «мама». И когда солдат, раненный насмерть, умирает, то последнее его слово – «мама» [Куприн 1964, 8: 15]. Прощаясь с кадетским корпусом, Александр не забывает зайти за благословением.

Образ батюшки Михаила связывает роман «Юнкера» с повестью «Кадеты (На переломе)», тональность которой резко отличается. Но образ священника оставляет светлый след в надломленной душе ребёнка: «…Настоятелем гимназической церкви был отец Михаил, маленький, седенький, голубоглазый старичок, похожий на Николая-угодника, человек отменной доброты и душевной нежности, заступник и ходатай перед директором за провинившихся – почти единственное лицо, о котором Буланин вынес из стен корпуса светлое воспомина-

ние» [Куприн 1964, 2: 413]. Казенные стены, грубые взаимоотношения, обездоленность главного героя ярче подчеркивали связь с матерью и домом: «Тонкая, глубокая нежность и какая-то болезненная жалость к матери переполнила сердце Буланина» [Куприн 1964, 2: 400]. Важно отметить, что в повести мы видим становление личности подростка, который осознает свою идентичность и независимость. Попав в долговую яму, он не смеет признаться в этом: «Он смутно понимал, что Аглая Федоровна, по своему властному, придирчивому и чувствительному характеру… непременно полетит жаловаться самому директору корпуса. Что ей за дело до того, что она навеки погубит товарищескую репутацию Буланина в его тесном, замкнутом кадетском мирке» [Куприн 1964, 2: 461, 462]. Подобное недоверие, невозможность открыться, нравоучения со стороны Аглаи Федоровны стали тяжелой душевной ношей для ребёнка. Отсутствие мудрого участия со стороны матери во многом явились причиной его проблем в учебе, поведении: «Он изнервничался, стал шутовать перед товарищами, терял малопомалу вкус к жизни и детское самоуважение» [Куприн 1964, 4: 463]. Нежелание бывать дома в редкие дни отпуска наиболее ярко маркирует важность отношений с матерью. В романе «Юнкера», безусловно, отношения между матерью и повзрослевшим сыном показаны как более доверительные и, как следствие, оберегающие героя. Важно отметить, что, несмотря на глубокий автобиографизм, ни в «Юнкерах», ни в «Кадетах (На переломе)», мы не увидим сцен из казенного Вдовьего дома. В этих произведениях константные образ матери и образ дома неразделимы, хотя и репрезентированы в разной модальности.

Совершенно иное воплощение получает образ матери в повести «Поединок». Нравственная ценность этого образа в данном случае реализуется от противного. В самом начале произведения в диалоге главного героя Ромашова и его сослуживца Назанского раскрывается идеал женщины: «Я думаю часто о нежных, чистых, изящных женщинах, об их светлых и прелестных улыбках, думаю о молодых, целомудренных матерях, о любовницах, идущих ради любви на смерть, о прекрасных, невинных и гордых девушках с белоснежной душой, знающих все и ничего не боящихся» [Куприн 1964, 4: 49]. В этом идеале представлены основы константного для русской культуры образа женщины-матери: чистота, свет, жертвенность, целомудрие. Назанский выражает сомнение в возможности встречи с такими женщинами. Примечательно, что Назанский некогда состоял в отношениях с главной героиней Шурочкой, Ромашову только предстоит вступить

в эту связь. Значит, Назанский отказывает в этих высоких моральных качествах когда-то любимой им женщине.

Шурочка, как она сама говорит о себе «расчетливая», «гадкая», подводит Ромашова к мысли о необходимости дуэли. Свое же состояние она сравнивает с состоянием матери, у которой погиб ребенок: «Милый, только с этим материнским отчаянием я могу сравнить свое горе и злобу» [Куприн 1964, 4: 227]. Но только для нее погибший ребенок («любимый, лелеемый, в нем все надежды, в него вложены заботы, слезы, бессонные ночи...») – это честолюбивые планы о служебной карьере супруга, а также возможность блистать в высшем свете. Именно эта параллель с образом матери, которая сама готова отдать жизнь, ценит жизнь, показывает нравственную ущербность, бездушность женщины, которая отправляет Ромашова на дуэль.

Замужняя Раиса Петерсон, с которой Ромашов состоял в связи, также характеризуется через образ, противопоставленный константному материнскому началу. О себе она говорит: «Я пожертвовала для вас всем, отдала вам все, что может отдать честная женщина... <…> Для вас я забыла обязанности жены и матери» [Куприн 1964, 4: 95]. Эти пафосные слова вызывают лишь улыбку у главного героя, который знал о ее многочисленных связях, а также был неоднократным свидетелем ее уничижительного отношения к супругу.

Мать же самого героя упоминается в предсмертной записке, которую он пишет перед своим воображаемым самоубийством: «Сообщите поосторожнее матери о моей смерти» [Куприн 1964, 4: 175]. В разговоре с полковник Шульговичем упоминание мнимой болезни матери выводит героя из себя: «Но когда полковник заговорил о его матери, кровь вдруг горячим, охмеляющим потоком кинулась в голову Ромашову…» [Куприн 1964, 4: 74]. Бездомность, духовная бесприютность Ромашова характеризуют шаткость фундамента его семейных взаимоотношений, несмотря на глубокое уважение и бережную любовь к матери. Неслучайно, Ромашов вспоминает наказание матери, которое оказывало на него поистине гипнотическое действие: «…В раннем детстве, еще до корпуса, мать наказывала его тем, что привязывала его тоненькой ниткой за ногу к кровати, а сама уходила. <…> Здесь был не страх наказания, и, конечно, не добросовестность и не раскаяние, а именно гипноз, нечто вроде суеверного страха перед могущественными и непостижимыми действиями взрослых, нечто вроде почтительного ужаса дикаря перед магическим кругом шамана» [Куприн 1964, 4: 61]. Иных значимых сведений, на основании которых можно сделать выводы об отношениях героя и его матери, в тексте повести не

представлено. Основываясь на приведенных фактах, можно резюмировать, что образ матери значим не только с биологической точки зрения, но, прежде всего, важны закладываемые духовные ценности, связь поколений, которая питает человека и защищает его от внешних влияний. Герой повести, чувствующий себя чужим, не находящим своего места, сравним с архетипичным образом младенца, который согласно типологии К.Г. Юнга появляется при разрыве нити между настоящим и прошлым. Этот архетип, с одной стороны, отражает становление личности, индивидуальности, но, с другой стороны, характеризуется ощущением «беспомощности, бессмысленности, подверженности давлению и внушению, приводящим к потере прошлого и «психическим эпидемиям» [Вейт 2010: 62].

Истинное знакомство офицера Ромашова со слабым, забитым солдатом Хлебником также сопровождает упоминание матери: «С совестливой и виноватой жалостью узнавал Ромашов подробности о его жизни. Дома – мать с пьяницей-отцом, с полуидиотом-сыном и с четырьмя малолетними девчонками…» [Куприн 1964, 4: 181]. Так человек познает человека, видит живого человека в бездушной солдатской массе.

Таким образом, константные составляющие образа матери в русской культуре соотносятся с такими понятиями, как жертвенность, мудрость, целомудрие. В национальном сознании образ матери связан с православным образом Богоматери, что накладывает особые моральные обязательства на мать и женщину в целом. В русской философской мысли образ матери базировался в том числе на культе Софии – «Божественной мудрости». Неотделим этот образ и от такой национальной константы, как дом. В «армейской трилогии» А.И. Куприна, несмотря на тематическую связь, образ матери репрезентован различно: в повести «Поединок» любимые женщины Ромашова охарактеризованы через образ антиматери, отношения же с собственной матерью не дают ему необходимого фундамента для уверенного построения собственной жизни, при этом отражая архетипичные образы матери и младенца; в повести «На переломе (Кадеты)» отношения ребенка, заключенного в казенные стены кадетского корпуса, с матерью характеризуются как теплые, близкие, но не доверительные, что приводит к проблемам в поведении и учебе Буланина; в романе «Юнкера» отношения матери и сына вобрали в себя лучшие составляющие национальной константы материнство, отражая не только уровень внутрисемейных отношений, но и государственную составляющую образа матери.

Литература

Белогурова Ю.Г. Представление о материнстве в западноевропейской и русской философской мысли // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2014. № 1.

Берков П.Н. А.И. Куприн. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 191 с.

Вейт А.А. Архетипические образы Матери и Младенца как истоки российской ментальности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4.

Куприн А.И. Собр. соч.: в 9 т. Т.8. М.: Правда, 1964.

Миленко В.Д. Куприн: Возмутитель спокойствия. М.: Молодая гвардия, 2016. 368 с.

Михайлов О.Н. Куприн. М.: Мол. гвардия, 1981. 270 с.

Потокин А.А. Почитай родителей своих. М.: Переделкино-Издат, 2017. 45 с.

Luker N.J.L. Alexander Kuprin. Boston: Twayne Publishers, 1978.

Ikonnikova J.V. The image of the mother as an unchangeable component of the literary works by A.I. Kuprin (based on the "Military Trilogy")

The article examines the image of the mother as an unchangeable component of the "Military Trilogy" by A.I. Kuprin. The researcher analyses philosophical, religious and civil aspects of this image, discusses the image of the mother's opposite and the functions that it performs in the system of female characters. In addition, the author studies the connection between the unchangeable components that form the image of the mother in the works that were written during the pre-emigrant and emigrant periods.

Key words: The Russian literature abroad, A.I. Kuprin, unchangeablre component, the image of the mother.

УДК 821.161.1

Е.П. Лосева

ЕЩЕ РАЗ О СИМВОЛИЗМЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Статья посвящена роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В работе ставятся задачи рассмотреть многочисленную символику романа, сложную композицию романа, основные темы. Акцентируется внимание на истории создания романа, его публикации и редакции.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, символизм, измерения романа, добро и зло, реальность и миф, философия.

Роман «Мастер и Маргарита» является одним из самых читаемых произведений в мире. В нем очень много необъяснимых мест, символических героев и явлений, он притягивает к себе многочисленными тайнами и загадками. Это произведение является последним в творчестве М.А. Булгакова и самым выстраданным, которому сам автор придавал огромное значение. Известно, что перед смертью он просил свою жену Елену Сергеевну позаботиться о публикации «Мастера и Маргариты».

История создания бессмертного произведения наполнена трудностями и переживаниями. Возможно, идея написания романа возникла у Булгакова под влиянием «Фауста» Гёте, которого он очень любил и постоянно перечитывал. Недаром в одной из версий «Мастера» он назвал главного героя Фаустом.

Как пишет М. Чудакова, события в семье Булгакова 1918–1919 годов и воинствующая атеистическая пропаганда в стране начала 20-х годов стали для писателя переломными в мировоззрении и заставили обратиться к замыслам романа о Боге и дьяволе [Чудакова 1988: 487]. Также М. Чудакова отмечает, что, преодолев «кризис неверия», именно в это время Булгаков обратился к идеям русских мыслителей, в частности, В. Соловьева и П. Флоренского, которые сыграли большую роль в написании романа [Чудакова 1979]. Отражение в романе русских философских учений подробно рассматривали Омори Масако, Б. Соколов, Ж. Колесникова и др. [Масако 2006; Соколов 1991; Колесникова 2001].

Первая редакция романа относится к 1929 году, когда писатель был морально расстроен из-за политической травли. В 1930 году он написал известное «Письмо Правительству СССР», в котором назвал себя «мистическим писателем» и сообщил, что «роман о дьяволе» был им уничтожен собственноручно [Нестерова 2008: 285].

Однако в 1932-1933 годах писатель приступил к новой редакции романа, которая была опубликована отдельными частями с разными названиями: «Черный маг», «Железный канцлер», «Копыто инженера» и т.д. Здесь отсутствовала история Мастера и Маргариты, а основной сюжет строился на описании мучений Иисуса Христа и похождений дьявола в Москве, разоблачении алчных зрителей в театре варьете. Воланд представал перед читателями чуть ли не положительным героем, художником слова и гуманистом, что никак не могло быть принято за основу.

Очередной вариант романа Булгаков начал создавать в 1936–1937 годах, незадолго до ухода из жизни. Сначала он назывался «Князь Тьмы»,

но позже автор сменил заголовок на «Мастера и Маргариту» [Соколов 1991]. Здесь основной сюжетной линией стала история Мастера и его возлюбленной Маргариты, а также трагическая судьба романа, написанного Мастером. Эта линия объединила в одно целое и историю Христа, и московские похождения Воланда со своей свитой, и бал у сатаны, на котором присутствует Маргарита в качестве «хозяйки». В новой редакции отразились взгляды Булгакова на библейские каноны; сам автор не был религиозен, но не мог допустить явного издевательства над священными книгами и террора по отношению к православной церкви и ее служителям. Поэтому в романе явно просматривается пародия на «Новый завет без изъяна от евангелиста Демьяна» поэта Д. Бедного, а также на московский съезд «Воинствующих безбожников» под руководством Н. Бухарина и Е. Ярославского.

По словам самого Булгакова, данное произведение стало для него «делом жизни», и он, зная о своей болезни, очень боялся умереть, не закончив роман [Яновская URL]. Он начал его правку в 1938 году и закончил в 1940, незадолго до своей кончины. Здесь были и стилистические правки, и изменение имен героев, и воплощение новых идейных и художественных замыслов [Яновская URL]. Данная работа продолжалась около 10 лет, в результате чего появился бессмертный шедевр русской и мировой литературы, в котором нашла отражение уникальная философская концепция мира, а также особенная авторская трактовка Евангелия.

Умирая, Булгаков просил жену позаботиться о дальнейшей судьбе «Мастера и Маргариты», и она продолжала править его, пытаясь добиться публикации. Ее попытки увенчались успехом лишь в 1966 году, когда роман увидел свет в журнале «Москва», однако вышел он с многочисленными купюрами и издательскими исправлениями.

«Мастер и Маргарита», по мнению Г. Лесскиса, двойной роман, роман в романе, точнее, роман о романе. Конфликт завязывается не из-за Пилата, а из-за Иешуа, носителя философско-религиозной истины [Лесскис 1979: 15].

Замысел романа поистине эпопейный – в нем присутствуют более 500 персонажей, главных и второстепенных, среди которых как «исторические» герои (Понтий Пилат, Иешуа Га-Ноцри, Левий Матвей, Воланд и др.), так и придуманные автором, но ставшие бессмертными, благодаря роману (Мастер, Маргарита, Иван Бездомный, Берлиоз и др.). Произведение наполнено многочисленной символикой, все герои, все события романа становятся знаковыми.

Одной из особенностей манеры Булгакова называют «бесконечную многозначность», которую В. Немцев считал «оборотничеством», характерным для нечистой силы. Он выдвигает общий принцип «всё во всем» [Немцев 2012]. Ранее эту стилевую особенность романа-мифа описал Б. Гаспаров [Гаспаров 1988].

Булгаков создавал «Мастера и Маргариту» как «исторически и психологически достоверную книгу о своем трудном и страшном времени» [Сахаров 2002: 91]. Роман наполнен точнейшими бытовыми деталями, историческими событиями и героями, идеологией, характерами людей, которые проживали в Москве в 1920–1930-х годах XX века. Сюда можно отнести и такие приметы времени, как исчезновение людей из «нехорошей квартиры» и с рабочих мест, распространенная практика доносов на соседей и сослуживцев, проблемы «квартирного вопроса», всеобщая «шпиономания» и т.д. [Плаксицкая 2004].

Действие романа разворачивается в трех плоскостях, в трех измерениях – историческом, фантастическом и реальном. Историческая плоскость – это события, связанные с казнью Иешуа и с мучениями Понтия Пилата; фантастическая – это похождения Воланда и его свиты, весенний бал сатаны в полнолуние; реальный мир – это московские события и история Мастера и Маргариты. Все три измерения непосредственно связаны друг с другом, любое событие, произошедшее в одном, тут же находит отклик в другом измерении. Мастер, живущий в Москве, – своеобразный последователь Иешуа, идеи которого не находят отклик у жителей Ершалаима. Роман Мастера о добре и человечности тоже не принят в московской среде. Главный герой подвергается жестокой критике и гонениям и, в конце концов, оказывается в психиатрической клинике. Он духовно слабее, чем ершалаимский проповедник, он не выдерживает опалы, которая обрушилась на него со всех сторон. По сути, его «распинают», как и Га-Ноцри, только происходит это в моральном, а не в физическом плане. «Я тяжко болен … <…> Я теперь никто», – говорит Мастер, и улыбка искривляет его рот [Булгаков 2005].

Одной из главных тем романа является взаимодействие добра и зла – двух вечных начал, которые не могут существовать друг без друга и символизируют начало и конец, жизнь и смерть, тьму и свет. Многочисленные герои романа наделены отрицательными качествами – завистью, жадностью, корыстолюбием, предательством, притворством и другими, которые, по сути, являются воплощением зла. Воланд, «князь тьмы» и представитель «темных сил», наказывает их за эти пороки – в этом состоит противоречивость не только его образа, но и булгаковского понимания добра и зла, его философской концепции.

Некоторые исследователи находят связь взглядов Булгакова с идеями И. Канта, который считал, что по человеческой природе нет ни злых, ни добрых людей. По мнению А. Левиной, в образе Иешуа Булгаков воплотил кантианскую идею свободной личности, ответственную за свои поступки [Левина 1991: 12-23].

Одно не вызывает сомнений в романе – это любовь, символизирующая добро и свет. Не только та любовь, которую испытывают друг к другу Мастер и Маргарита, но и любовь всеобщая, любовь ко всему миру, ко всем людям, «вселенская любовь», ради которой герои идут на жизнь и на смерть, не раздумывая о той высокой цене, которую им приходится заплатить за это чувство. Уверенный в том, что «все люди добрые», гибнет на кресте в Ершалаиме Иешуа Га-Ноцри; Маргарита, не задумываясь, отправляется к Воланду на сатанинский бал в качестве хозяйки, чтобы получить возможность увидеться с Мастером; бедный больной Иванушка, запертый в сумасшедшем доме, исцеляется силой любви, о которой рассказывает ему Мастер; любовь и свет воцаряются в потустороннем мире, куда попадают Мастер со своей подругой; о любви и милосердии беседуют Иешуа и получивший свободу и прощение Понтий Пилат, уходя вдаль по лунной дорожке, и верная собака Пилата идет рядом с хозяином, наполненная любовью к нему.

Тема творчества и ответственности автора за свои произведения тоже раскрывается в «Мастере и Маргарите». Изображая судьбу Мастера и его романа, Булгаков доказывает, что писатель не должен быть малодушным и отказываться от своего произведения, как это сделал Мастер, – иначе он перестает быть писателем. Поэтому тема поиска «места художника в мире, значимости его труда для человечества и для него самого» [Казорина 2009] является одной из главных в романе.

В романе «Мастер и Маргарита» очень много символики, всевозможных реминисценций и иносказаний. В нем узнаваемы общественно-исторические события, прообразы героев, литературные образы и идеи, «вечные» сюжеты русской и мировой литературы. Многие критики усматривают в романе философию различных религий и воззрений – католицизм, иудаизм, православие, агностицизм, ницшеанство и др. [Нестерова 2008]. Произведение Булгакова – это не просто роман о дьяволе, это фантасмагорическое повествование о жизни на протяжении двух тысячелетий. Читателю предлагается сделать важный вывод: меняется жизнь, общественно-исторические и бытовые условия, а характеры людей, их отношение к окружающему миру, пороки и добродетели, основные нормы морали, понятия о добре и зле остаются неизменными на протяжении веков. «…Обыкновенные люди... <…> милосердие иногда стучится в их сердца», – замечает Воланд на

сеансе в варьете. – «…В общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их» [Булгаков 2005].

Не изменилось, по мнению Булгакова, и отношение власти к «маленькому человеку». Как и две тысячи лет назад, власть не любит, чтобы кто-то выделялся из толпы, имел собственное мнение, и старается унизить этого человека, уничтожить морально или физически. Гибнет на кресте Иешуа за то, что проповедовал «странные» идеи о добре и зле, о справедливости и несправедливости, о верховной власти; испытывает боль и унижение талантливый Мастер, роман которого оказывается жестоко раскритикованным, а сам он попадает в психиатрическую клинику; терпит всяческие унижения Маргарита, пытаясь помочь своему возлюбленному; в психиатрической же клинике оказывается и поэт Иван Бездомный, рассказы которого о появлении дьявола никак не вписываются в картину социалистического бытия и т.д. Однако гуманистическая идея произведения в том, что рано или поздно зло будет наказано, всем «воздастся по их заслугам», а добро и справедливость все равно восторжествуют. В романе это показано на примере деяний Воланда, который наказывает порочных людей и помогает тем, кто пострадал от несправедливости. В этом величайший парадокс «Мастера и Маргариты» – будучи воплощением зла, Воланд невольно совершает добрые дела.

Булгаков допускает, что часто приходится идти на компромисс, чтобы отстоять свою независимость или помочь другим людям, потому что не существует ничего идеального – ни в реальной, земной, ни в «потусторонней» жизни. За добро нужно расплачиваться иногда ценой собственной жизни или ценой греха – как произошло с Маргаритой, согласившейся присутствовать на бале сатаны ради спасения Мастера. Духовно-нравственные принципы в романе выражаются в истории любви главных героев, в размышлениях о жизни Мастера, в разговорах Иешуа и прокуратора Иудеи, в рассуждениях о долге и чести Левия Матвея, в мыслях поэта Рюхина и Иванушки об истинном таланте и назначении человека и т.д. Символика пронизывает все повествование романа, независимо от того, что именно хочет подчеркнуть автор, – исторические и современные события, любовную линию, размышления об истинных человеческих ценностях, пародию на известные факты и знаменитых людей.

Так, Воланд покидает Москву в хорошем настроении – он сделал все свои дела и убедился, что в социалистическом обществе, как и в любом другом, есть прочная «база» – человеческие души с теми же самыми пороками, которые не изменились на протяжении двух тысячелетий.

Намек на масонскую символику мы находим в обличии Воланда (его черный плащ, бриллиантовое изображение треугольника на портсигаре как главный символ членов данной организации, пытающихся править миром), и в намеках на некоторую масонскую иерархию («мастер», «ученик мастера», «магистр» и т.д.) [Соколов URL]. Дьявол обнаруживает, что в Советском Союзе всеобщее людское «духовное обнищание» происходит более быстрыми темпами, чем в других странах – этому помогает и активная «безбожная» пропаганда, и феномен «двойного сознания», и отношение властей к «неугодным» людям, и всеобщая мания преследования, наказания и арестов за любое инакомыслие [Коцура 2000].

Любовь и преданность в романе тоже становятся символичными. За любовь надо бороться – утверждает Булгаков – потому что только она способна вернуть человеческие души к светлым идеалам, очистить их от пороков и научить состраданию к ближнему. Маргарита преодолевает все препятствия на пути к освобождению Мастера, Иешуа готов умереть на кресте за свои идеи о всеобщей любви и «добрых людях», Иван Бездомный резко пересматривает свои взгляды на жизнь и людские отношения, Мастер ради любимой соглашается на помощь дьявола.

Таким образом, все сюжетные линии романа, все образы являются глубоко символичными и складываются в целом в авторскую концепцию.

Литература

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М., 2005.

Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по истории русской литературы XX века. М., 1988.

Казорина А.В. Концепция творческой личности в прозе М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009.

Колесникова Ж.Р. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.

Коцура А. Обаяние сатаны // Коцура А. В погоне за белым листом. М., 2000.

Левина Л.А. Нравственный смысл кантианских мотивов в философском романе «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. 1991. № 1. С. 12-23.

Лесскис Г.А. «Мастер и Маргарита» Булгакова (манера повествования, жанр, композиция) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т. 38. № 1. С. 52-59.

Немцев В.И. Воланд и семантика «врага» в России // М.А. Булгаков в потоке российской истории XX-XXI вв. Вып. 2. М., 2012.

Нестерова О.И. Булгаков Михаил Афанасьевич // Все произведения школьной программы. XX в. М., 2008.

Омори Масако. Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в контексте религиозно-философских идей В.С. Соловьева и П.А. Флоренского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Плаксицкая Н.А. Сатирический модус человека и мира в творчестве М.А. Булгакова (на материале повестей 20-х годов и романа «Мастер и Маргарита»): дис. … канд. филол. наук. Елец, 2004.

Сахаров В.И. М.А. Булгаков в жизни и творчестве. М., 2002.

Соколов Б.В. Масонский след в «Мастере и Маргарите» // Михаил Булгаков: загадки творчества. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1022275/16/Sokolov_-_Mihail_Bulgakov_zagadki_tvorchestva.html.

Соколов Б.В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Очерки творческой истории. М., 1991. 176 с.

Чудакова М.О. Библиотека М. Булгакова и круг его чтения // Чудакова М.О. Встречи с книгой. М., 1979.

Чудакова М.О. Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. 528 с.

Яновская Л.М. О романе Булгакова «Мастер и Маргарита» // Дом Булгакова. URL: http://dombulgakova.ru/bulgakovskaya-biblioteka-2/lidiya-yanovskaya-o-romane-bulgakova-mas/

Loseva E.P. To the symbolism of the novel “Master and Margaret” by M.A. Bulgakov

The article deals with the novel “Master and Margaret” by M. Bulgakov. In this research work, we claim to analyze the symbolism of the novel, its major themes and rather complicated book building. In addition, we focus on the history of the novel, the process of its redaction and publication.

Key words: M.A. Bulgakov, symbolism, levels and dimensions of the novel, good and evil, myth and reality, philosophy.

УДК 821.161.1

А.Р. Акопян

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ОБРАЗА ЦИНИКА В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА»

В статье рассматривается присущей русской литературе 1920-х годов и творчеству А.Н. Толстого образ циника, который воплощен в романе «Гиперболоид инженера Гарина». Анализируются социальные, исторические причины возникновения этого феномена.

Ключевые слова: русская литература 1920-х годов, роман А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», психологические феномены, цинизм.

На создание романа «Гиперболоид инженера Гарина» (1927) А.Н. Толстого вдохновила построенная в 1922 году знаменитая Шуховская башня. Это творение рук человеческих и его разума не могло не восхищать своей мощью, грандиозностью. Она состояла из нескольких восходящих ввысь секций – гиперболоидов.

Сюжет романа носит фантастический характер. Русский учёный Гарин создаёт мощный прибор, гиперболоид, который силой своего теплового луча может разрушать породы гор. Таким образом ему удаётся находить золотые залежи из таких недр земли, до которых никто не мог добраться. Он стал обладателем неограниченного богатства, что позволило ему скупить всю промышленность США. Под именем Пьера Гарри он стал настоящим диктатором США. За гиперболоидом идёт настоящая борьба. Вскоре этот прибор удалось захватить русским революционерам во главе с начальником уголовного розыска Шульгой.

Представляется, что одним из психологических феноменов произведения стал образ циника, весьма распространенного как в творчестве А.Н. Толстого 1920-х годов, так и в целом в русской литературе этого времени.

Цинизм – это установка личности, проявляющаяся в демонстративном обесценивающем отношении к установленным в социуме нормам поведения, правилам, ценностям и морали. Цинизм в самом выраженном варианте представлен тотальным нигилизмом и пренебрежением к мировоззрению общества, из которого следует сознательное игнорирование моральных устоев данного общества [Асмолов 2012].

Отечественные и зарубежные исследователи в области психологии, рассматривают цинизм как социально сформированное явление, развивающееся прижизненно, под влиянием внешних факторов. Однако история изучения данного феномена позволяет сделать вывод о том что, безусловно, цинизм строится на определенной личностной почве: так, американские психологи доказали, что депрессивные и пессимистичные люди в большей степени склонны к формированию циничных взглядов, нежели закоренелые оптимисты [Авраменко 2004].

Все вышесказанное, указывает на то, что цинизм как установка личности с психологической точки зрения может быть сформирована как защитная реакция: определенный компенсаторный механизм обесценивания, вызванный в большинстве случаев положением идейного «изгоя» в обществе. Иными словами непринятие личности социумом способно мотивировать ее доказать свою значимость, любым способом.

Инженер Гарин в романе А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» – яркое воплощение образа циника. Он не живет грезами

о прекрасном мире, о прекрасном веке, ему не присущи муки совести, его изобретение не принесет человечеству блага. Его жестокость, одержимость авантюрной идеей мирового господства, выходит за рамки моральных норм. Типичный герой «негодяй», стремящийся к власти над человечеством. За феноменом власти, желанием манипуляции, по мнению исследователей – психологов, скрывается ущемленное чувство собственной значимости, что определенно имело место в данный исторический период [Бороздина 2013: 69].

Марксистская идеология отдавала приоритет всеобщему коллективному развитию и благу, индивидуальность человека не поощрялась. Личности не способной «подстроиться» под таковой образ мысли сложно выжить в подобном социуме. Как следствие, формировался бунт отдельного человека против системы. Все вышесказанное мы можем отнести к личности героя Гарина.

Гарин – эгоист до мозга костей и гордится этим. Людей (кроме Шельги и Зои) он «презирает». Обладает непреклонной волей, колоссальной работоспособностью, умом гениального изобретателя, талантом политика. Однако ярче всего у него выражена авантюрная составляющая, в нашем контексте цинизм. Ненавидит коммунизм, однако и современную ему капиталистическую систему считает «громоздкой глупостью». Русский по национальности, но русским себя не считает. «Я – космополит», – говорит он [Толстой 1989], хотя в оригинале было: «Я – интернационалист». Замена на «космополит» произведена Толстым в конце 1940-х в рамках борьбы с космополитизмом. Позднее издательства вернулись к авторскому варианту. По всей видимости, Гарин – один из немногих отрицательных персонажей, являющихся привлекательными.

Авантюрист (циник) Гарин по-своему обаятелен. Он умен, отважен, неординарен. Даже Шельга, после того как его идейный противник спас его из морской пучины, вынужден признать, что ему «приятно, что Гарин вот так сидит перед ним и рассуждает о разных вещах» [Толстой 1989: 347]. Он во многом позер. Чего стоят хотя бы такие его заявления: «Я, Петр Петрович Гарин, милостью сил, меня создавших, с моим мозгом, с неизжитыми страстями, от которых мне и самому тяжело и страшно, с моей жадностью и беспринципностью, противопоставляю себя человечеству» [Толстой 1989: 351].

Внешний облик Гарина, судя по описанию А.Н. Толстого, ничем не отличается от характерного портрета русского инженера-интеллигента начала XX века: бородка, усы… Описывает А.Н. Толстой Гарина достаточно скупо: «Небольшого роста человек, необы-

чайно бледный, с острой темной бородкой, с темными глазами, обведенными тенью» [Толстой 1989: 302].

Из романа так и не ясно кому принадлежит пальма первенства в изобретении «гиперболоида» – самому Гарину или его геологу Николаю Манцеву. Манцев обвиняет Гарина в том, что тот украл его идеи. Но Манцев, в сущности, такой же авантюрист, как и Гарин. Он сам признается: «Я погибший человек, у меня слишком необузданные желания» [Толстой 1989: 347]. Все же Манцев вызывает сочувствие у читателя, и сам А.Н. Толстой как автор относится к этому герою с симпатией.

Гарин мечтает кардинально изменить общественное устройство следующим образом. В центре будет сам Пётр Гарин, которому принадлежит всё, вплоть до права дышать. Далее два-три миллиона пар патрициев, предающихся наслаждениям и творчеству (на особом режиме, чтобы не вырождались). Великолепие их жизни обеспечивает строго определенное количество трудовиков, подвергшихся операции на мозге и неспособных к возмущению. Наконец, отдельная группа содержится изолированно, «где-нибудь на прекрасном острове», исключительно для размножения. Все остальные подлежат уничтожению за ненадобностью. Шельга называет эти идеи «фашистским утопизмом». Однако Гарин считает, что это не утопия, а законченная и четкая программа тех преобразований, которые и так уже происходят в современном ему капиталистическом обществе, но только вслепую, варварски, громоздко и медленно.

Как известно, Гарин, получив неограниченную власть в США, все же теряет ее в результате вспыхнувшей революции, а все его грандиозные планы заканчиваются на коралловом рифе, где он оказывается вместе со своей возлюбленной в результате кораблекрушения. Ему ничего не остается делать как, уткнувшись носом в песок и прикрывшись истлевшим пиджаком, переживать во сне разные занимательные истории.

В целом, будущее, так цинично описанное Гариным, так и осталось альтернативным. Хотя большинство ужасов, которые стояли перед человечеством в XX веке, например, «овладение тайной атомного ядра», хорошо предвидел Алексей Толстой, а «разбитое корыто» Гарина – то, от чего предупреждал писатель. В романе четко обозначен тезис: слишком могучие “игрушки” нельзя оставлять в руках маньяков и диктаторов; для того чтобы силы природы служили только на благо людям, необходимо вмешательство народных масс.

Научно-фантастический роман А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», раскрывая невиданные перспективы грядущих технических открытий, отличается новым освещением научной и общест-

венной темы, новым решением проблемы характера основного героя. Если в традиционном романе центральной фигурой выступает преимущественно сильная, одинокая личность, то в советской литературе на первое место выдвигается другой герой – человек нового общества, чувствующий себя неотделимым от своего народа.

Писатель показывает обреченность всех, кто противопоставляет себя народу. В образе индивидуалиста Гарина, возомнившего себя сверхчеловеком, Толстой развенчивает традиционных «одиноких героев», снимает с них ореол романтики.

Литература

Авраменко С.А. Психология. М., 2004.

Асмолов А.Г. Психология личности. М., 2012.

Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина. М., 1989.

Бороздина П.А. А.Н. Толстой в современном прочтении: полемические заметки // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2013. № 1 (16). С. 69.

Akopyan A.R. The image of a cynic in the novel «The Hyperboloid of Engineer Garin» by A.N. Tolstoy as a psychological phenomenon

The article deals with the image of a cynic that was typical of the Russian literature of the 1920s in general and of the writer A.N. Tolstoy in particular. This image plays an important role in his novel «The Hyperboloid of Engineer Garin». The researcher focuses on social and historical roots of this phenomenon.

Key words: the Russian literature of the 1920s, the novel «The Hyperboloid of Engineer Garin» by A.N. Tolstoy, psychological phenomena, cynicism

УДК 821.161.1

В.А. Маленкова

КОНЦЕПТ *УДАЛЬ* В «ДОНСКИХ РАССКАЗАХ» М.А. ШОЛОХОВА

В статье анализируется концепт *удаль* на материале нескольких рассказов из цикла «Донские рассказы» М.А. Шолохова. Рассмотрены различные варианты художественного воплощения концепта.

Ключевые слова: концепт *удаль*, национальный характер, М.А. Шолохов «Донские рассказы».

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, удаль – безудержная смелость, соединенная с бойкостью, ухарством [Ушаков URL]. Однако

русское слово «удаль», обладая столь четкой и емкой дефиницией, остается непонятным для иностранцев.

Представление «удали» только как «смелости», пусть и «безудержной» и «бойкой», кажется недостаточным. «Удали» не хватает простора, большого пространства. По словам Ф. Искандера, «в этом слове ясно слышится – даль. Удаль – это такая отвага, которая требует для своего проявления пространства, дали» [Шмелев URL]. Бескрайние донские просторы и открытые поля сражений – места проявления удали героев «Донских рассказов» М.А. Шолохова.

Ключевую роль в раскрытии казачьей удали на поле брани играют именно открытые пространства, где казак на скаку имеет «возможность рубить, все время удаляясь от места, где лежат порубленные тобой, чтобы не задумываться: а правильно ли я рубил?» [Шмелев URL]. Удаль в таких случаях не сопряжена с умственными процессами, а является скорее безрассудным эмоциональным порывом, но, однако, не безрассудной жестокостью. Так, Майданников, герой рассказа «Один язык», обуреваемый внезапно вспыхнувшими эмоциями («Так по мне мороз и пошел, не могу с собой совладать» [Шолохов 1960: 10]), выступает в защиту «молодого солдатишки» и убивает казака своего взвода Филимонова. Стоит отметить, что Майданников проявил удалое безрассудство из чувства справедливости и сострадания, но также не был лишен и сострадания к убитому: «Как в чучелу ширнул, а вышло – живого человека снял с земли...» [Шолохов 1960: 10].

Обычно, когда хотят отговорить человека от рискованного или дурного предприятия, озвучивают отрицательные стороны этого предприятия, которые предположительно могут воздействовать на отговариваемого. Майданников начинает свой рассказ и в дальнейшем делает акцент на окопах как основной дислокации в бою: «В окопах и поразному. А больше все в них. Год в проклятой глине просидели. Четыре месяца без отдыху <…> Головы не высунуть. Дождь. Мокро. В окопах – по щиколотки грязи. Нету во мне ни сну, ни покою. Жизни нет! Как там, думаю: за что мы в этих окопах с смертью в обнимку живем?» [Шолохов 1960: 8, 10]. Думается, что он делает это нарочно. Начав повествование с наибольшего минуса и усиливая его эффект в дальнейшем, он пытается отвратить молодого казака от положительных мыслей о войне, тем самым косвенно подчеркивая важность открытого пространства и «возможности рубить» для воплощения казачьей удали.

А. Шмелев писал, что слово «удаль» не употребляется, когда речь идет об исполнении долга» [Шмелев URL]. Таким образом, отважное и даже самоотверженное участие в военных действиях, будь то за царя или коммунизм, не несет на себе отпечатка удали. Однако удаль предполагает спонтанность действия, не опирающегося на расчет и зачастую представляющего угрозу жизни. Удаль, как отмечает Шмелев, «пьянит», а «опьяненному жизнь – копейка» [Шмелев URL]. В попытках перефразировать данную мысль можно сказать, что удалому человеку – море по колено.

Гонимый не столько четкой целью, сколько сиюминутной интенцией, не подключенной к рассудку, «очертя голову», рискуя своей жизнью, удалой человек способен «перейти пешком» это «море», вызвав восхищение окружающих. Так, Трофим, герой рассказа «Жеребенок», меняет направление курса лодки и под свистами пуль кидается в воду, чтобы спасти тонущего жеребенка. Это был абсолютно иррациональный поступок, продиктованный, однако, не только безрассудством, свойственным для удали, но и чувством сострадания. Сострадание по отношению к животному Трофим проявлял уже не раз, что вполне может характеризовать его как положительного персонажа. Однако его удаль – то качество, которое придает концепту окрас, вызывающий восхищение и положительные ассоциации в народе, что Трофима в ранг не просто положительного персонажа, но удалого, лихого и безрассудного Героя.

Проявление лихости как быстроты также свойственно концепту «удаль». «Самое типичное проявление удали – это и есть быстрая езда» [Шмелев URL], которая воплощается в жизнь в донских реалиях благодаря коню. Конь как олицетворение не только казачьей лихости, но и трудолюбия – неотъемлемая, одна из важнейших, часть жизни казаков. Данный тезис подтверждается и признаниями героев рассказов: «Тут – по коню стосковался, по месяцам не видишь, как его коновод правдает; там – семья осталась неизвестно при чем» [Шолохов 1960: 8]. Примечательно, что Майданников в этом высказывании ставит коня и семью в один ряд комплекса своих переживаний. А связь Николки Кошевого с отцом («Родинка») М. Шолохов определяет так: «От отца Николка унаследовал любовь к лошадям, неизмеримую отвагу и родинку» [Шолохов 1956: 12]. Значит, любовь к лошадям, а следовательно – к лихости, автор определяет на генетическом уровне, как нечто врожденное. В этом же ряду находится неизмеримая отвага, которая также является семой удали [Желтова 2004: 260].

В действительности удаль не представляется каким-то приобретенным с течением времени навыком. Это врожденное качество, которое проявляет себя с самых ранних лет его обладателя. Примечателен в этом ключе образ семилетнего Мишки («Нахаленок»). Устами героев рассказа автор награждает мальчика такими эпитетами, как «нахаленок», «непоседа», «постреленыш», «лихоманец», «шпаненок», «сорванец», «неугомонный», которые, безусловно, указывают на бойкость его характера. На это указывают и стилистически окрашенные глаголы и фразеологизмы, описывающие Мишкины действия: «рванулся», «вскочил», «ветром сдуло» и др.

В удали как безрассудной смелости мальчик не уступает старшим, рассматриваемым в свете данного концепта. Так, наслушавшись рассказов отца о войне и движимый светлым идеалом, Мишка грезит о службе у Ленина: «Я без спросу поступлю в твою войску и буду воевать за бедный народ» [Шолохов 1956: 133]. В желании ребенка делать по-своему, «без спросу», пусть и в ущерб себе и, возможно, окружающим уже просматриваются качества удалого характера. Мишка никогда не раздумывает, что ему сказать или сделать, за что часто получает от старших и других детей. Однако, когда приходит время проявить себя по-настоящему, он с завидной отвагой отправляется в одиночку через степь на хутор, чтобы сообщить отряду о буйствующей банде.

Также к представителям когорты «младших удалят» можно отнести четырнадцатилетнего Алешку («Алешкино сердце»). На первый взгляд, такое соотнесение может показаться спорным. Мальчик не отличается бойкостью характера, задором, да и поначалу особой смелости не проявлял. Даже данное Синицыным прозвище «Алеша Попович» кажется ироничным, потому что «уши Алешки, нос, скулы, подбородок туго, до отказа, обтянуты кожей, а кожа – как сохлая вишневая кора. Глаза упали так глубоко внутрь, что кажутся пустыми впадинами» [Шолохов 1956: 45]. Однако в дальнейшем сравнение с богатырем, олицетворением русской удали, оправдывается. Как отмечает Н.Ю. Желтова, удаль абсолютно бескорыстна [Желтова 2004: 263], и в этом проглядываются черты удали Алешки. В его бескорыстном, добром сердце, готовом без колебаний остановиться, чтобы спасти другие жизни.

Рассмотрение удали в контексте молодости представляется наиболее оптимальным вариантом. Неслучайно в этой связи и распространение в народной среде фразы «удаль молодецкая» [Шмелев URL], которая подчеркивает тесную связь данного концепта и возраста

героев. Показателен образ восемнадцатилетнего командира эскадрона Николки Кошевого: «Мальчишка ведь, пацаненок, куга зеленая, – говорят шутя в эскадроне, – а подыщи другого, кто бы сумел почти без урона ликвидировать две банды и полгода водить эскадрон в бои и схватки не хуже любого старого командира!» [Шолохов 1956: 11].

Противопоставляется Николке его отец, главарь банды. «Удаль часто соотносится с идеалом разбойничьей воли» [Желтова 2004: 267], однако, стоит отметить, что старший Кошевой оказался в банде по идеологическим соображениям: «ведет атаман банду – полсотни казаков донских и кубанских, властью Советской недовольных» [Шолохов 1956: 14]. Но все же идеологическая подоплека не мешает атаману в полной мере вести разбойничий образ жизни, грабить и молниеносно расправляться с врагами, коим стал для него родной сын. Однако сцена узнавания родинки и последующего самоубийства героя раскрывает его чувствительную и кающуюся натуру.

Таким образом, удаль, несмотря на преобладание в ней необузданности, порывистости и безрассудства, является в большей степени положительным качеством русского характера. Удаль попадает в категорию труднообъяснимых в категориальном отношении понятий. Неоднозначность представлений отражена в цикле рассказов М.А. Шолохова «Донские рассказы», главная тема которых – гражданская война на Дону – способствует раскрытию концепта *удаль* как одного из важнейших составляющих русского менталитета.

Литература

Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера. Тамбов, 2004.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка // URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=1200617.

Шмелев А.Д. Широта русской души // URL: http://modernlib.net/books/shmelev_a/shirota_russkoy_%20dushi/read.

Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1956.

Шолохов М.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1960.

Malenkova V.A. The concept *boldness* in “Don stories” by M.A. Sholokhov

The article analyzes the concept *boldness* represented in some of the “Don stories” series by M.A. Sholokhov. The writer uses different ways to express the concept artistically, and the researcher studies these ways in the article.

Key words: the concept *boldness,* the national character, M.A. Sholokhov, “Don stories”.

УДК 821.161.1

П.П. Иванов

РУССКИЙ ХАРАКТЕР ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

В статье рассматриваются черты русского характера в образе Григория Мелехова. Отмечается особая человечность главного героя, его умение различать добро и зло, жалость ко всему живому. В образе Григория национальный русский характер прирастает казацкой удалью, трепетной и чуткой любовью к родному краю, желанием свободно жить и трудиться на родной земле.

Ключевые слова: русская литература XX века, роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон», образ Григория Мелехова, поэтика русского национального характера.

Роман-эпопея «Тихий Дон» (1928–1940) представляет собой качественно новый этап в осмыслении онтологических законов русского бытия. Фактически впервые в русской литературе в центре художественного произведения оказывается не дворянин, а выходец из простого народа. Так, в «Тихом Доне» Шолохова, как пишет Н.Ю. Желтова, «художник фактически впервые в русской литературе изобразил личность из народа, равную масштабу эпохи, национальной истории, философии бытия, эстетике жизни, духовной культуре» [Желтова 2004: 241].

При этом художник наделяет своего героя чертами исключительно яркой, сильной и волевой личности. Подобный подход оказывается настолько нетипичным в рамках сложившейся к этому времени литературной традиции, что на этом стоит заострить внимание. Дело в том, что в фокусе произведений предшествующей Шолохову эпохи были, прежде всего, духовные чаяния, искания и интересы правящего сословия (дворянства, чиновничества, купечества, духовенства, представителей разночинной интеллигенции).

Отдельные народные образы, тем более такие притягательные как, например, лесковский «Левша», на страницах художественных произведений являлись весьма редко. Порой их появление было условно и связано с необходимостью раскрытия неких дополнительных качеств персонажа-дворянина, либо придания всему художественному произведению некоего особого изыска и колорита. В общем у вдумчивого читателя закономерно возникал вопрос, насколько национальной может быть литература, в которой место русского народа демонстративно пустовало, да и можно ли вообще рассуждать о феномене нацио-

нального характера по образу, например, Обломова, Андрея Болконского, братьев Карамазовых и многих других? Иными словами, творческая интеллигенция неоправданно долго обходила вниманием созидательное начало русского народа. И остаётся лишь гадать, отдавала ли она отчёт себе в том, кем на самом деле создавалась вся та материальная база русской государственности, которой так порой беззаботно и беззастенчиво распоряжался привилегированный класс? Конечно, не стоит уходить и в другую крайность и полностью отрицать всё достигнутое культурой и литературной мыслью дошолоховской эпохи.

Многие произведения и их герои бесконечно близки сердцу любого русского человека, но, тем не менее, даже беглое ознакомление с литературной классикой позволяет выявить в её мозаичном полотне отсутствие этого ключевого фрагмента. В результате чего на страницах произведений художественной литературы привилегированный класс предстаёт как единственная сила, созидающая творческий и духовный потенциал нации, а народ лишь серая, грубая и безликая масса, не способная ни к проявлению возвышенных чувств, ни к высоким духовным устремлениям. Притом, что на страницах произведений именно элита в большинстве своём прозябает в скуке, одуряющем безделье и расточительной праздности.

В общем-то, в полной мере говорить о национальном русском характере стало возможным лишь с появлением шолоховских героев. Их народная «русскость» (в дополнение к русскости правящего класса) стала тем недостающим фрагментом в мозаичном полотне национального характера, благодаря которому и всё полотно окончательно обрело свой непротиворечивый и законченный вид.

Профессор П.И. Ковалевский в работе «Психология русской нации» (1915) среди основных качеств «славяно-Русского характера», например, называл «сочетание добродушия и человечности». Производными качествами русской доброты он также считал благожелательность, щедрость, жалость, сочувствие, сострадание, милосердие, самопожертвование и бескорыстие [Желтова 2004: 31]. Всеми этими качествами, безусловно, обладает главный герой романа «Тихий Дон», казак Григорий Мелехов. Хотя он и выходец из народной среды, но ему присуще и благородство, и честь. Он наделён цепким умом и цельным характером. Он предан своим идеалам и способен любить. Он ценит жизнь, но и беззаветно храбр в бою. В этом смысле образ Григория Мелехова не только соответствует традиционным представлениям о национальном русском характере, но и обогащает эти представления дополнительными смысловыми компонентами. В образе

Григория Мелехова национальный русский характер прирастает казацкой удалью, трепетной и чуткой любовью к родному краю, желанием свободно жить и трудиться на родной земле. Этот характер глубоко уходит корнями в землю отцов и дедов, в предания старины далёкой; он поднялся ввысь среди бескрайних русских просторов и далей, он омыт водами древних рек и закалён жаркими степными ветрами. Он плоть от плоти и кровь от крови своей Земли и своего Народа.

Но, наверное, самое притягательное в его образе – человечность, выражающаяся в незашоренной способности различать добро и зло, чувствовать «острую жалость» [Шолохов 1968, 1-2: 58] ко всему живому на этой земле. Григорий следует этой трансцендентной Правде во всём, в любых обстоятельствах, даже если это связано с риском для жизни. И именно свет этой Правды позволяет ему сохранить человеческий облик, проходя раз за разом сквозь тяжелейшие испытания. Во всепожирающем пожарище братоубийственной войны многие герои «Тихого Дона» оказываются в итоге расчеловеченными. Так, например, свой человеческий облик раз и навсегда утрачивает красный казак Михаил Кошевой (ещё одна центральная фигура романа), когда безжалостно убивает беспомощного старика георгиевского кавалера – деда Гришаку; то же произошло и с белым казаком Митькой Коршуновым, добровольно вызвавшимся участвовать в казни пленных красноармейцев, а позднее – в расправе над семьёй Кошевого. Какая бы мирская правда ни двигала ими в этот момент, с точки зрения русской трансцендентной правды, которой следует Григорий Мелехов, никакого оправдания их поступкам быть не может. Расправа над пленными и убийство слабых – это негласное табу!

Григорий же в своих поступках, в своём выборе свободен и непреклонен. И именно поэтому он вступается за насилуемую казаками Франю; рискуя военно-полевым судом, стреляет в Чубатого за убийство пленного; в бою, преследуемый австрийцами, «обожжённый внезапной радостной решимостью» [Шолохов 1968, 1-2: 395], вдруг спасает от смерти своего заклятого врага Степана Астахова. В последнем случае художник наделяет своего героя каким-то исключительным благородством, и тем самым открывает в образе Григория новые грани. При этом для Григория этот поступок оказывается абсолютно естественным, а вот в «остро отточенном взгляде» [Шолохов 1968, 1-2: 396] степановых глаз этот поступок нашёл неподдельное уважение, хотя и расходятся оба героя вновь непримирённые…

Человек, согласующий свою жизнь с внутренней Правдой, не может быть ни тщеславным, ни горделивым. И в этом качестве образ

Григория вновь совпадает с представлениями о русском национальном характере. Воюя, он не ищет для себя славы и личных выгод, он равнодушен к наградам и повышениям в звании, не пресмыкается перед вышестоящим начальством. В бою он смотрит противнику в глаза, и если приходится ему «с холодным презрением играть чужой жизнью» [Шолохов 1968, 1-2: 396], то только если на кону в этой игре жизнь его собственная.

Как пишет Б. Емельянов в предисловии первого тома «Тихого Дона», «истина не представляется Григорию книгой, разбитой на параграфы ясных до очевидности аргументов, с заключительными выводами в конце каждой главы. Она рождается во всей величественности конкретного бытия, во всей тяжести своего становления, искаженная предрассудками прошлого, страстью борьбы и пламенем мести за гибель близких» [Шолохов 1968, 1-2: 13].

Характер Григория Мелехова показан на изломах судьбы русского народа, когда в пламени революционного пожара и гражданской войны у всех на глазах горел старый миропорядок с его привычным и складывающимся веками укладом жизни. За дымом и руинами его пепелищ узреть очертания нового мира, а тем более какого-то нового сознания могли бы лишь единицы, да и тех сочли бы скорее за фанатиков или умалишенных. Русский писатель М.А. Булгаков рассматривал это время как «болезненный распад или болезненный рост русской души». Как показала вся дальнейшая история России, всё-таки это время было периодом «болезненного роста»… На авансцену истории вышел русский народ. В части писательской среды этот выход нашёл живой отклик.

Литература

Желтова Н.Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2004. 307 с.

Шолохов М.А. Тихий Дон: в 4 кн. Кн. 1-2. М.: Худож. литература, 1968. 687 с.

Шолохов М.А. Тихий Дон: в 4 кн. Кн. 3-4. М.: Худож. литература, 1968. 790 с.

Ivanov P.P. The Russian national character in the image of Grigory Melehov in the epic novel “And Quiet Flows the Don” by M.A. Sholokhov

The article deals with the key features of the Russian national character such as humanness, the ability to discern between good and bad, pity on all the living creatures. In the novel the image of Grigory Melehov demonstrates such traits of the Russian character as Cossack boldness, love of a country, desire to live and to work on their native soil.

Key words: the Russian literature of the XX-th century, the epic novel “And Quiet Flows the Don” by M.A. Sholokhov, the image of Grigory Melehov, poetics of the Russian national character

УДК 821.161.1

Э.Н. Дзайкос

ПРОЗА Ю.П. АННЕНКОВА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

В статье рассматривается малоизвестная проза Ю.П. Анненкова 1920–1930-х годов сквозь призму критики современников. Анализируется интереснейшая полемика на страницах журнала «Современные записки», которая завязалась по поводу того, кто является автором необычных рассказов. Анненков публиковался под псевдонимом Б. Темирязев. Критика современников обнажает те проблемы, которые стояли перед литературой русского зарубежья.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, проза Ю.П. Анненкова (Б. Темирязева), литературная критика.

Проза Ю.П. Анненкова 1920-1930-х годов до сих пор является мало исследованной областью многогранного творчества писателя, художника театра и кинематографа, поэта, мемуариста, декоратора и графика. Тем более становится интересной полемика современников вокруг его произведений. Неоднозначные оценки критиков создали определенную интригу об Анненкове как писателе, который, с одной стороны, принадлежит литературе эпохи нэпа 20-х годов, мастеровитому и настойчиво продолжающему линию советской литературы в эмиграции. А с другой – никому неизвестный художник, с неординарным стилем, сатирик, карикатурист, не оставляющий равнодушным никого своими словесными художественными зарисовками.

Часть своего литературного наследия Ю.П. Анненков опубликовал на страницах журнала «Современные записки» под псевдонимом Б. Темирязев: рассказы «Домик на 5-ой Рождественской» (1928), «Сны» (1929), отрывки из романа «Тяжести» (1935, 1937, 1938). Если взять временной отрезок жизни Анненкова, то на период сотрудничества с журналом относится пик литературного пути писателя. Многое, что будет написано после – будет связано с этим журналом. Уже в Нью-Йорке Анненков продолжит печататься в журнале «Новый журнал», который основал и возглавлял М. Цетлин, до этого критик и редактор отдела поэзии журнала «Современные записки». Там будет опубликована его повесть «Рваная эпопея», продолжение романа «Тяжести» из «Современных записок». Две первые части были опубликованы в журнале «Современные записки», а третья часть в журнале

«Русские записки» [Темирязев 1935, 59: 167-196; 1937, 64: 79-97; Русские записки 1938, 3: 104-145.].

Журнал «Современные записки» (1920–1940) в какой-то мере является не просто «толстым» журналом русской эмиграции, но и консолидацией «молодых» и «старых» писателей русского зарубежья. Это был практически единственный регулярно выходивший журнал на протяжении 20 лет в Париже, где были представлены и художественная литература, и публицистика, и историография, и историософия. Редакторы ставили себе задачу объединить русских эмигрантов на внепартийной, внеполитической платформе, издать лучшее, что было в русской эмиграции. Конечно, споры были, и вопросы финансирования журнала не избегали политической подоплеки, но редакторы служили интересам русской культуры. Поэтому объединение русского творческого потенциала, недавно покинувшего свою родину, было острым и насущным вопросом выживания и самоопределения.

Редакция журнала «Современные записки» – М.В. Вишняк, Н.Д. Авксентьев, В.В. Руднев, И.И. Бунаков-Фондаминский и (до 1925) А.И. Гуковский – были эсерами, общественными деятелями и не были близки к литературному миру. Но феномен этого журнала заключался в том, что на его страницах, особенно в беллетристическом и поэтическом отделах, было опубликовано всё значимое и выдающееся наследие русского зарубежья. Как писала Н. Берберова: «… Сотрудничество в “Современных записках” было своего рода знаком эмигрантского отличия» [Электронная библиотека редких изданий URL]. Г. Адамович отмечал: «Несомненная заслуга его редакторов в том, что, нисколько не будучи сами по себе эклектиками, они нашли в себе силу удержаться от слишком деспотического и пристрастного вмешательства в судьбы и дух журнала, проявили терпимость, за которую им Россия будет когда-нибудь благодарна» [Адамович 1929: 3].

С журналом сотрудничали все видные и крупные деятели русской диаспоры. И. Бунин, В. Набоков, Б. Зайцев, М. Цветаева, Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Осоргин, М. Алданов, И. Шмелев, В. Ходасевич и многие-многие другие. Диалог, возникший в критике, отражал реальные насущные проблемы не только творческой идентификации: «мы уже не там, но еще не здесь», здесь нашел отражение важный этап развития русской литературы, географически вырванной, обескровленной, но продолжающей жить и развиваться. Само название журнала «Современные записки» было создано в диалоге преемственности: оно должно было напоминать о двух русских «толстых» журналах XIX века – «Современнике» и «Отечественных записках». Вот что пи-

сал В. Ходасевич в юбилейной 50-ой книге: «В эмигрантской словесности “Совр. Записки” были и до сих пор остаются одним из виднейших, центральных явлений. Если не весь ход нашей литературной жизни в них отразился, если многое совершалось и совершается за их пределами и даже вне их поля зрения, то все же нельзя отрицать и того, что история зарубежной литературы с ними связана непрерывно и что она даже испытала на себе сильнейшее их воздействие» [Ходасевич 1932: 3].

В статье Г. Николаева «Терпкий осадок» нашел отражение этот диалог между эмигрантами и советской литературой. Критик испытывает разочарование в содержательности произведений авторов первой волны. Пустота. Неудовлетворенность. Осадок и тяжесть на душе. Созвучны такому настроению, после прочтения очередного тома «Современных записок», и названия произведений Ю.П. Анненкова – роман «Тяжести», рассказы «Сны», отражая настроения не только литературы, да и всей эмигрантской среды [Николаев 1937: 6].

Лев Николаевич Гомоли́цкий (псевдоним Г. Николаев) – это русский и польский поэт, эссеист, критик, литературовед и художник-график первой волны эмиграции. Выдающийся организатор литературной жизни русского зарубежья в странах Восточной Европы (прежде всего в Польше), главный редактор газеты «Меч», входил в пражское литературное объединение «Скит». Активно участвовавший в общественной жизни, он не мог не чувствовать витавшие в творческой среде настроения и быть к ним равнодушным. Переживая за упаднические настроения в литературе, он всем сердцем желал воскрешения русской литературы в эмиграции и продолжения ее лучших традиций.

Сравним два отзыва одного из современников Ю. Анненкова, критика С. Риттенберга о двух отрывках романа «Тяжести». Вот первый: «Тяжести» – отрывок из романа Б. Темирязева, автора в свое время отмеченной нами интереснейшей «Повести о пустяках», оставляет читателя в недоумении. Те своеобразные приемы, напоминающие монтаж, которыми автор так умело пользовался в повести, здесь совершенно не достигают цели. Ничто как будто не объединяет тех частью очень живописных осколков, из которых состоит приведенный отрывок» [Риттенберг 1936: 29-30].

Уже через год, рецензируя очередной выпуск журнала «Современные записки», С. Риттенберг отмечает: «Б. Темирязев обладает даром несколькими меткими штрихами воспроизвести обстановку, иногда дать почувствовать целую эпоху. В приведенном отрывке он пока-

зал себя, кроме того, настоящим сатириком – карикатуристом» [Риттенберг 1937: 18-22].

Невозможно отзываться о других произведениях Анненкова, не обращаясь к центральному роману «Повесть о пустяках», который вызвал интереснейшую полемику в критике современников [Дзайкос 2014: 277-284].

Анненков остается верен своему стилю: композиция романа как бусины на одной нитке. Вроде разные и в тоже время их объединяет колористика, перенасыщенность цветом, «гипертрофия зрительных образов». Таким образом, всегда остается впечатление монтажности – кадр за кадром. Судьбы то ли главных, то ли второстепенных героев (понятно становится лишь в конце) остаются тонкой связующей нитью в сюжете произведения.

Сам Ю. Анненков определял «Тяжести» как повесть, но наличие многих сюжетных линий позволяет определить его как роман. Каждая часть имела подзаголовок «Отрывок из романа». И роман неоконченный. Будучи в Америке писатель опубликует новый опять то ли роман, то ли повесть «Рваная эпопея», в котором продолжаются сюжетные линии героев. Думается, Анненков специально задает эту литературную задачу читателю, элемент игры, а может и диалога с читателем.

Существовали нарекания среди критиков к журналу, что многие произведения невозможно оценить по частям, и порой временной интервал между ними несколько лет. Как можно в такой ситуации оценить произведение? Этому, вероятно, есть вполне насущное объяснение. Редакторы хотели сохранить образцы русской культуры во всем ее расцвете и многообразии. Диапазон был широк! Философия, поэзия, беллетристика, критика, историософия и многое другое на страницах одного номера. И еще немаловажный факт. Журнал «Современные записки» один из немногих, чуть ли не единственный журнал (не газета!), который платил реальный гонорар писателям (и немалый!), в котором постоянно нуждались все без исключения в эмиграции. Вот как В. Ходасевич оценивает эту ситуацию: «Должен, однако, заявить сразу, что к рецензированию этой книги я приступаю с немалым смущением: как раз в наиболее существенной своей части она состоит из отрывков. Осуждать редакцию не решаюсь: на нее, вероятно, давит, с одной стороны, обилие материала (не следует забывать, что «Современные записки – «почти единственный» у нас толстый журнал), с другой – желание предоставить читателю наиболее обширный и разнообразный выбор чтения. <…> Как бы то ни было, задача рецензента разорванностью материала в «Современных записках» затрудняется в выс-

шей степени» [Ходасевич 1932: 3]. Поэтому следует учитывать, что рецензии современников, конечно, несут следы этого обстоятельства.

Первый отзыв одного из ведущих критиков русского зарубежья, поэта, мемуариста В. Ходасевича о творчестве Ю. Анненкова положителен: «Беллетристическая часть отчетной книжки замыкается отрывком из «Тяжести» Б. Темирязева, написанным очень остро и очень искусственно, как все, что выходит из-под пера этого одаренного и интересного автора» [Ходасевич 1935: 4]. Искусственность прозы Анненкова – это обобщенное название таких явлений, как избыточность цветовой палитры, форм, образов. Не покидает ощущение калейдоскопа – все ярко и насыщенно, а движение сюжета тем временем практически останавливается, тем самым усугубляя восприятие насыщенной образности как выпирающей из рамы картины.

Но никакие обстоятельства и технические вещи не мешают виртуозному критику оценить произведение писателя масштабно: «Отчетливо выраженный сатирический тон нынешнего отрывка оказался для нас даже некоторым сюрпризом. Тем не менее, темирязевской сатире нельзя отказать ни в остроте, ни в меткости, ни в правдивости. Разговоры г-жи Шацкой (о русской истории, о музыке, о церкви) по-своему великолепны. Чего стоит хотя бы ее снисходительное замечание: “Мне говорил один приезжий из России, что церковь там ушла в подполье. Я ее вполне понимаю”. Эту г-жу Шацкую словно видишь живьем – да мы, может быть, и в самом деле встречались с нею… Великолепен также “Меморандум моих людей по менажу”, диктуемый секретарше г-ном Горфункелем. В “Повести о пустяках” Темирязев порой прибегал к монтажу, вставляя в роман подлинные документы. Не принадлежит ли к числу их и “Меморандум”? Похоже, что так. Если же он сочинен, то как нельзя более удачно и правдоподобно» [Ходасевич 1937: 9].

Третий отзыв критика об отрывке из романа, но напечатанный уже на страницах журнала «Русские записки»: «… и наконец просто отрывок из темирязевского романа “Тяжести”; из того самого романа, отрывки которого печатались уже в “Современных записках”, из-за чего у читателя окончательно начинает пестрить в глазах и мутиться в уме, потому что ему неведомо, какое отношение имеют эти отрывки к тем, что чему предшествует, – а разобраться все-таки хочется, потому что роман с разных точек зрения задевает и интригует. В конце концов так и остаешься в недоумении, в котором, конечно, отнюдь неповинен автор, и не можешь составить себе даже приблизительного понятия ни о замысле автора, ни о цели и смысле многих его приемов,

ни даже просто о том, кто здесь главные действующие лица и кто – второстепенные» [Ходасевич 1938].

«Первый критик эмиграции», поэт-акмеист Г. Адамович так отзывался о писателе Ю. Анненкове: «О Темирязеве, авторе «Тяжести», следовало бы поговорить обстоятельно, – потому что писатель это сравнительно малоизвестный, внимания же достойный. Сказать, что он "на неверном пути", было бы похоже на обычную, небрежную критическую отписку, но, в сущности, это близко к истине. Пропагандировать единый художественный метод, настаивать, чтобы все писали так, как данному критику нравится, – конечно, абсурдно. Но художник должен понять сам себя: это уж ни в коем случае не абсурд! Темирязев, мне кажется, далеко еще себя не понял и представляется каким-то Хлестаковым, с "легкостью в мыслях необыкновенной", в то время как он вовсе не таков. Ну, допустим, Эренбург или, скажем, Поль Моран пишут по последней моде, – им это и полагается, они верны себе, их ни в чем нельзя упрекнуть! Но едва ли мода нужна Темирязеву. Многие его фразы, даже целые периоды, внутренне полны чем-то большим, нежели выражено в словах, чем-то более глубоким, более весским, – а иногда, как в главе о диванах, это "что-то" и прорывается наружу. Но нельзя же, нельзя писать так "шикарно", так сногсшибательно-элегантно, так парадоксально-изысканно, с грациозными скачками от предмета к предмету... Ведь это же годится для глухой провинции, где оценили бы такую расфранченную "столичную штучку"! И затем, что это за панибратски-развязное обращение с историей, в этих непрерывных размашистых картинах с птичьего полета, набивших оскомину уже в сотнях книг... "Репин говорил торжественным голосом о явлениях значительных... восьмидесятилетняя Гортензия Шнейдер еще принимала в особняке на набережной Сены престарелых и высокопоставленных своих поклонников, вспоминая оффенбаховские триумфы второй империи... на парламентскую трибуну всходил Жорес, – в мешковатом, потертом сюртуке, в круглых манжетах с чернильными пятнами... поэт Ведерников, приехавший из советской России, прогуливался в черной толстовке и добротном коверкотовом пальто, купленном в английском магазине на бульваре Мальзерб..."» [Адамович 1935: 3].

Интересен еще один отзыв об отрывке из романа «Тяжести» критика Г. Адамовича: «Отрывок из романа Темирязева "Тяжести" начинается с длинного и довольно путанного отвлеченного размышления, за которым идут страницы язвительно-едкие и остроумные. Даже и не особенно ценя этот "зубоскальский" жанр, нельзя не сказать, что салон мадам Шацкой и домашняя тетрадь Горфункеля – по-настоящему

смешны, и что давно уже в нашей литературе не было чего-либо столь же неподдельно комического! Наборщики когда-то смеялись, набирая Гоголя. Очень вероятно, что хохотали они и вчитываясь в параграфы горфункелевского "меморандума". Конечно, можно стать в позу ревнителя "высокого искусства" и с высоты своей литературной серьезности поморщиться над этим сатирическим вдохновением… Но тогда надо морщиться над всякой сатирой, и, в первую очередь, над Щедриным! Учился Темирязев, по-видимому, именно у Щедрина, и хотя роман его порой близко подходит к опасной области чисто увеселительных писаний, гениальный учитель удерживает его от срыва. Тень покойного Аверченко где-то у Темирязева смутно маячит, но остается все-таки лишь тенью, ни во что реальное не воплощаясь». [Адамович 1937: 3.]. Здесь опять возникает тень того «вечного» диалога литературы русского зарубежья и литературы советской, русской и какой хотите, но в любом случае другой, которая осталась там, что важно на родине, где нет их, эмигрантов.

Отзыв Г. Адамовича: «Роман Б. Темирязева "Тяжести" знаком по "Современным запискам". Новые главы забавны и ярки, как и прежние. Они смутно напоминают повести Мариенгофа, есенинского приятеля, романиста малооцененного, но в своем роде замечательного. Другой материал, другой подход, но то же мефистофельское отношение к миру, – и та же внутренняя опустошенность без всякой склонности к тоске. Темирязев, несомненно, наблюдателен. Но до сих пор он бывал лишь злобно-наблюдателен, и это не дает еще оснований судить об его действительном понимании людей, их поступков, их желаний. Насмешка – это, так сказать, линия наименьшего сопротивления. В истории литературы сохранился необыкновенно значительный по своему "удельному весу" анекдот о Мериме и Наполеоне III. На каком-то приеме в Тюильри Мериме говорил о литературе и, как большею частью водится, бранил вся и всех. Наполеон возражал и, в конце концов, сказал:

– Вы большой знаток, г-н Мериме!.. Не смею с вами спорить. Но я добрее вас, и поэтому я, может быть, и понимаю больше вас.

Советовать Темирязеву стать "добрее" никто не собирается, и не об этом речь. Но пока его галерея образов остается собранием кретинов и выродков, притом собранием, лишенным фона, на котором оно было бы оттенено, трудно решить, подлинный ли это художник или только карикатурист с острым глазом и верной, умелой рукой» [Адамович 1938: 3].

Рассказ «Сны» был впервые опубликован в журнале «Современные записки» в 1929 году. Еще один неординарный критик, (да кто в то время мог быть ординарным?) Рейзини Николай (Наум) Георгиевич – в начале 1930-х гг. завсегдатай русского литературного Монпарнаса, вдохновитель журнала “Числа”, после войны – предприниматель, американский миллионер. После высылки из Франции занялся нелегальным бизнесом, снискав себе славу международного авантюриста. Кстати большой друг Г. Адамовича. По воспоминаниям современников Рейзини всегда помогал эмигрантам. Уехав еще до начала Второй мировой в Америку, помогал перебраться туда, например, Г. Газданову [Адамович, Варшавский URL].

Крайне негативно критик отзывался о произведениях Ю. Анненкова: «Б. Тимирязеву посчастливилось: это один из первых прозаиков, утвердившихся в “Современных записках”. Должен, однако, сказать, что приобретение в нем журнал сделал не особенно ценное.

Рассказ “Домик на пятой Рождественской”, напечатанный в 37-ой книжке журнала, был очень неудачен. Тогда еще отмечалась грубая его подражательность ее первоклассным образцам советской литературы.

“Сны” – рассказ гораздо лучше сделанный, но именно “сделанный”, не больше.

Беда литературных подражателей в том, что ими перенимается, иногда с большим уменьем, только форма; духовная же сущность, выражением которой является та или иная особенная манера письма у тех, кому они подражают, остается вне их достижения. Мне кажется, что существует какой-то закон передаваемости душевной энергии, обращающийся против тех, кому не под силу проникнуться этим духовным опытом и кто способен усвоить только внешнее его выражение.

Ни развязность тона, ни самоуверенность, с какой ведется повествование “Снов”, не спасают рассказа, и мне думается, что ждать чего-нибудь значительного от Темирязева – трудно» [Рейзини 1929: 106-113].

Друг Н. Рейзини, Г. Адамович писал: «Б. Темирязев – автор рассказа “Сны” – именно такой писатель. Даровитость его несомненна. Нет сомнений и в том, что Темирязев – человек способный по-своему думать и чувствовать. Его рассказы не лишены какой-то грустной, “щемящей”, очень русской прелести. Лиризм в них подлинный. Но нарочитая, непреодолимая литературность этих рассказов ослабляет на девять десятых впечатление от них. “Он пугает, а мне не страшно”. Толстой в этих своих знаменитых словах о Леониде Андрееве метко определил одну из черт читательской природы: сопротивление слишком очевидным намерениям автора. Когда автор непрерывно напоми-

нает вам, что он пишет “художественно”, что в его планы входит вас очаровать, пленить или растрогать, вы и не пленяетесь, и не трогаетесь, и не очаровываетесь. В область искусства люди входят добровольцами, на аркане туда никого не затащишь» [Адамович 1929: 3].

В. Набоков (псевдоним В. Сирин) такую давал оценку: «…Читатель найдет немало хорошего <…> в рассказе Темирязева “Домик на 5-й Рождественской” (о судьбе обитателей этого домика во дни революции). <…> Рассказ Тимирязева ярок и отчетлив, но автору хочется посоветовать отбросить некий прием, которым он пользуется. Вот образец этого приема: “спокойствие, спокойствие, спокойствие”, твердит Петушков (обнищавший мещанин, которому прохожий бросил в шляпу окурок), продолжая неподвижно стоять… и если рука, державшая шляпу, иногда вздрагивала, то это происходило исключительно от холода или от мускульного напряжения». Вот это кокетливое «“исключительно”, – прием сомнительный, часто встречающийся, кстати сказать, у Эренбурга. Зачем эта маска, зачем не просто сказать (или показать), что человек был оскорблен, рассержен?”» [Сирин 1929: 2].

З.Н. Гиппиус (псевдоним Антон Крайний): «Второй рассказ, Темирязева, “Домик на 5-й Рождественской” передается в самых кратких словах: все сошли с ума, потом все умерли, разнообразными смертями (человек 10-12) а домик срыли» [Антон Крайний 1929: 3-4].

З.Н. Гиппиус продолжает диалог литератур: «Положение литературного критика в наши дни очень трудное. Особенно если он, – как я, – литературы “советской” не касается, пишет только о зарубежной.

Я не касаюсь советской не из презрения к ней и к ее деятелям, но из милосердия и, главное, из честности перед собой. Я ведь знаю: ни одно мое слово об этих писателях не будет, и *не может* быть верным. Ни мое, да и ничье. Ибо советские пишущие люди (как, впрочем, и не пишущие) – существуют сейчас не в подлинном своем виде, а в искривленном, соответственно искривленную производят и литературу. Того, что эти искаженные души могли бы дать в нормальном состоянии, – мы не знаем, а судить их в искажении… какое у нас право, и где смысл? Это все равно что взяться за оценку красоты женщин, из которых одна в оспе, другая в чесотке, третья с подбитым глазом и т.д. Нет, пусть они выздоровеют, придут в свой вид, тогда и посмотрим. А пока честнее помолчать.

Остается, значит, литература эмигрантская.

Чего, казалось бы, лучше? При здешней свободе слова – широкое поле действия: ведь за рубежом весь цвет нашей литературы.

<…> Может быть, не совсем мы и не правы, считаясь с отталкиванием эмиграции от критики, как и эмиграция не совсем неправа, ко-

гда ее не выносит. Может быть, иной раз написать “не то, что думаешь”, хоть и менее “благородно” – зато человечнее. Писатели – чувствительный народ; но откуда-нибудь да взялась же у них сегодняшняя, особо повышенная, чувствительность?

Эмигранты и критикуемые, эмигранты и критики. Все вместе, все как бы “лежат на одной соломе”. Уместна ли критика, в ее формальной правильности, среди людей в таком положении? А если помнить, что за всеми следит вражеский глаз, чье-то ухо внимательно прислушивается, то, пожалуй, и не захочется говорить о соседе, – по принципу критики, – “все, что думаешь”… слушающий схватит, передернет – и лишний раз порадуется.

<…> Да и как русским не читать своего, единственного в мире свободного, толстого журнала?» [Антон Крайний 1929: 3–4].

Вебер-Хирьякова Е.С., псевдоним Андрей Луганов – журналист, критик, прозаик и переводчик. Судьба ее более чем трагична. После капитуляции Польши во время Второй мировой войны покончила жизнь самоубийством. Отмечала: «<…> мы вообще стали ужасно литературны, и уже не умеем ни о чем, даже самом важном, рассказывать с простотой, которая важному и страшному приличествует.

В этом отношении рассказ Темирязева “Домик на 5-ой Рождественской” по форме и манере своей больше отвечает своему важному и страшному содержанию. Умирает Петербург. В 21 году совсем мертвый и воистину призрачный город. Тихо, просто и страшно умирают обитатели домика на 5-ой Рождественской.

Революцией насыщены мы, наши жизни, насыщена наша литература. И самым ярким, самым проникновенным воспоминанием–спутником стал для нас погибший Петербург. В этом его посмертная победа над преображенной, в позоре живущей, но живой Москвой – былой соперницей.

<…> Темирязеву более дана литературная художественная простота» [Луганов 1929: 3-4].

Г. Адамович писал, вероятно, одним из первых, когда Ю. Анненков только начинал свой литературный путь: «Борис Темирязев, автор “Домика на 5-й Рождественской”, получил на одном из литературных конкурсов “Звена” первую премию за рассказ “Пупсик”. Рассказ был не Бог весть какой, но занятный, бойкий и чувствительный: читателей он этим, вероятно, и подкупил. Новый рассказ Темирязева значительно ценнее “Пупсика”. Сентиментальность, некоторая сыроватость слога и чувства есть и в нем, но эти черты кажутся менее случайными. Начало рассказа, с шаблонно-претенциозным описанием Петербурга, ниче-

го хорошего не предвещает, – однако дальше невольно настораживаешься. <…> Темирязев бесспорно даровит. <…> В писаниях Темирязева есть что-то неуловимо-советское – не то Пильняк, не то Серапионы, не то Лидин, – есть увлечение обманчивой, призрачной свежестью и новизной этих беллетристов. Но сквозь сомнительные приемы в писаниях Темирязева виден человек, и притом человек, который может стать художником» [Адамович 1929: 2].

«Наше отношение к “Современным запискам” – любовное. А любовь – требовательна» [Луганов 1929: 3-4].

Литература

Адамович Г.В. «Современные записки», кн. XXXVII. Часть литературная // Последние новости. 1929. 10 января. № 2850. С. 2.

Адамович Г.В. «Современные записки», кн. XXXIX. Часть литературная // Последние новости. 1929. 11 июля. № 3032. С. 3.

Адамович Г.В. «Современные записки». № 59. Часть литературная // Последние новости. 1935. 28 ноября. № 5362. С. 3.

Адамович Г.В. «Современные записки». Кн. 64. Часть литературная // Последние новости. 1937. 7 октября. № 6039. С. 3.

Адамович Г.В. «Русские записки» [№ 3] // Последние новости. 1938. 7 апреля. № 6221. С. 3.

Антон Крайний [Гиппиус З.Н.]. Без критики (О «Современных записках») // За свободу! 1929. 23 января. № 20 (2653). С. 3-4.

Георгий Адамович, Владимир Варшавский – «Я с вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972). URL: https://profilib.com/chtenie/130836/georgiy-adamovich-ya-s-vami-privyk-k-perepiske-ideologicheskoy-pisma-g-v-adamovicha-v-s-30.php

Дзайкос Э.Н. Роман Б. Темирязева (Ю.П. Анненкова) «Повесть о пустяках» в критике современников // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы, Творческие индивидуальности. Выпуск 2: К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина: в 2 кн. Кн. 2. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. С. 277-284.

Луганов Андрей [Вебер-Хирьякова Е.С.] Современные записки. Кн. XXXVII // За свободу! 1929. 15 января. № 12 (2645). С. 3-4.

Николаев Г. [Гомолицкий Л.Н.] Терпкий осадок // Меч. 1937. 24 октября. № 41 (177). С. 6. [«Современные записки» № 64].

Рейзини Н. «Современные записки» (книга XXIX [на самом деле XXXIX]) // Воля России. 1929. № 7. С. 106-113.

Риттенберг С. (Библиофил) Современные записки. Книга 59 // Журнал Содружества (Выборг). 1936. № 1 (37). Январь. С. 29-30.

Риттенберг С. Современные записки. Кн. 64. (Часть литературная) // Журнал Содружества (Выборг). 1937. № 10 (58). Октябрь. С. 18-22.

Сирин В. [Набоков В.В.] «Современные записки» XXXVII // Руль. 1929. 30 января. № 2486. С. 2.

Темирязев Б. Тяжести (Отрывок из романа) // Современные записки. Париж, 1935. № 59. С. 167-196; 1937. № 64. С. 79-97; Русские записки. Париж, 1938. № 3. С. 104-145.

Ходасевич В. Книги и люди: «Современные записки», кн. 50 // Возрождение. 1932. 27 октября. № 2704. С. 3.

Ходасевич В. Книги и люди. «Современные записки», кн. 59 // Возрождение. 1935. 28 ноября. № 3830. С. 4.

Ходасевич В. Книги и люди: «Современные записки», кн. 64-ая // Возрождение. 1937. 15 октября. № 4101. С. 9

Ходасевич В. Книги и люди. «Русские записки», кн. 3 // Возрождение. 1938. 25 марта. № 4124.

Электронная библиотека редких изданий. URL: http://nabokov.museums.spbu.ru/Ru/Book/index.htm

Dzaikos E.N. Prose by Y.P. Annenkov in the literary criticism of the contemporaries

The article focuses on the little-known prose by Y.P. Annenkov in the literary criticism of the contemporaries, written in the 1920–1930s. The researcher discusses Annenkov's literary works from the point of the contemporaries' criticism, analyzing impassioned debate that broke out in the journal "The Modern Notes". Annenkov published his works under the pseudonym "B. Temiryasev", so the point of that dispute was the authorship of the unusual stories. The critical views given by Annenkov's contemporaries, reflect the key problems of the Russian literature abroad which took place at that time.

Key words: the Russian literature abroad, prose by Y.P. Annenkov (B. Temiryasev), literary criticism.

УДК 821.161.1

Е.В. Ерохина

ПОЭМА Д.Д. БУРЛЮКА «ГОРЬКИЙ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье анализируется поэма Д. Бурлюка «Горький» в контексте личных и литературных отношений Д. Бурлюка и М. Горького. Отмечается влияние творчества Горького на становление творческой личности отца русского футуризма.

Ключевые слова: русская литература XX века, футуризм, Бурлюк, Горький.

Давид Бурлюк, которого всегда глубоко интересовала и волновала судьба его родины, не мог остаться равнодушным к личности и творчеству Максима Горького. Супруга Бурлюка Маруся в своих воспоминаниях пишет о том, что во время написания манифеста «Пощечина общественному вкусу» Бурлюк был против того, чтобы Горький упоминался в нем после строк «сбросить с парохода современности»: «Когда предлагали включить имя Максима Горького, Давид Давидович протестовал» [Бурлюк 1992: 276]. Бурлюк всегда отмечал важность писателя Горького для своего века.

Личное знакомство Бурлюка и Горького состоялось на даче, где жил тогда Горький, благодаря художнику Исааку Бродскому, в начале февраля 1915 года. В конце встречи Бурлюк попросил у Горького оставить автограф в его книжечке, он вспоминал: «В вагоне я открыл ее. На первой странице стояло: «Они свое, а мы свое». Этой характерной фразой Горький как бы подчеркивал важнейшее во впечатлениях первого дня знакомства с ним. Простая, лишенная декламации, но величественная уверенность в себе, своих силах…» [Бурлюк 1992: 94].

После Бурлюк еще несколько раз виделся с Горьким. Одну из встреч организовал Василий Каменский. Вместе с Горьким и его 18-летним сыном они посетили выставку «Мир искусства», на которой были выставлены и работы Бурлюка. Художник отмечает, что Горькому очень понравились его этюды южнорусских степей. В воспоминаниях автор пишет, что в 1907 году он писал этюды на юге России, и что один из этих этюдов находится у Горького.

Через несколько дней после выставки Бурлюк и Каменский пригласили Горького в «Бродячую собаку». Бурлюк так вспоминает об этом: «Это был тот знаменитый вечер, когда с участием видных петроградских критиков там происходило собеседование о футуризме. Горького некоторые из услышанных им реплик привели в негодование. Он произнес пылкую, резкую речь против критики, приемы которой напоминают манеры тюремщиков, палачей, охранников…» [Бурлюк 1992: 96].

Это выступление писателя вызвало оживленное обсуждение в обществе. После этого инцидента Горький пояснил свою позицию касаемо футуризма в «Журнале журналов». Горький заявляет: «Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский». Но, тем не менее, писатель видит в представителях футуризма будущее русской литературы. Он по-отечески отмечает: «Среди них есть, несомненно, талантливые люди, которые в будущем, отбросив плевелы, вырастут в определенную величину. Они мало знают, мало видели, но они, несомненно, возьмутся за разум, начнут работать, учиться. Их много ру-

гают и это, несомненно, огромная ошибка. Не ругать их нужно, к ним нужно просто тепло подойти, ибо даже в этом крике, в этой ругани есть хорошее: они молоды, у них нет застоя, они хотят нового свежего слова, и это достоинство несомненное» [Горький 1915].

Последний раз Бурлюк видел Горького в апреле 1917 года во время чествования финских художников. В конце очерка о Горьком автор подытоживает свои впечатления от знакомства с ним: «Что поражает в Горьком – это связь с народом, – Горький глубоко национален, в прекрасном смысле слова. В нем здоровый ум, бодрый стойкий, честный и прямой. Горький – человек Новой России, в нем есть воплощение ее воли и дерзаний» [Бурлюк 1992: 97].

Письмо Бурлюка к Горькому от 6 декабря 1927 года свидетельствует о глубоком уважении автора к писателю и даже пиетете перед ним: «Всю свою жизнь я был искренним поклонником написанного Вами. Ваше творчество было примером, и у Вас, вместе с другими, учился смотреть правде в глаза». [Бурлюк 2011: 7] Бурлюк даже посвящает Горькому одно из своих произведений, написанных в Японии, – «Ошима», а позднее напишет поэму о нем.

Поэма «Горький» написана в 1928 году с пометкой «Поэма на 60-летие его жизни». В первых строфах произведения мы встречаем фразу писателя «Человек – это звучит гордо». Бурлюк отмечает, что сейчас эта фраза звучит «совсем убедительно», и те, кто критиковал писателя, теперь «настроены почтительно» [Бурлюк 1928: 25]:

Теперь былые критиканы
Нальют в честь Горького стаканы!!!

[Бурлюк 1928: 26]

После революции, в 1921 году Горький, сердитый на коммунистов и проводимую ими политику, покидает Россию. Его положение начнет меняться только через несколько лет.

Далее Бурлюк вставляет в поэму стихотворение «Страна Россия, где рос и я…», которое он использовал в поэме о революции «Апофеоз октября». Он немного меняет его. В поэме о революции он вкладывает в уста Лирика такие строки:

Где – горки,
Запах горький
Трав
Где Горького
Максима прочитав

Среди дворянский арий
И так и сяк –
Уверовал: я пролетарий,
Я футурист и сверхбосяк!!

[Бурлюк 1928: 27]

В поэме о Горьком он меняет последние строки:

Где – горки,
Запах горький
трав…
где Горького
Максима прочитав,
среди дворянский арий –
поверил всяк
Мир – пролетарий
И сверхбосяк!

Бурлюк изменил последние строки, убрав повествование от первого лица, чтобы показать масштабность личности писателя, который повлиял не только на персонажа поэмы, как в первом случае, но на каждого человека не только в Советском Союзе, но и, как считает автор, во всем мире.

Бурлюк отмечает, что Горький в своих произведениях описывает не представителя «высшего общества», а человека-босяка, отказавшегося от общественных ценностей, живущего «по велению сердца»:

Алексей Максимыч Пешков
Не писал о генералах
Не писал о знатных дамах
На первопорах не мешкал
Он в степных и волжских рамах
Босяков повыставлял

[Бурлюк 1928: 28]

Дальнейшее повествование поэмы – факты из биографии писателя, вплетенные в художественный текст, а также отсылки к произведениям автора и прямые упоминания их в тексте. Автор демонстрирует блестящее знание биографии и произведений писателя.

Бурлюк называет Горького «певец пролетариата», «вождь пролетариата», «нищим друг, заступник босяков», «Революции вестник», что его произведения являются предпосылками тех масштабных изменений, произошедших в 1917 году:

В воздухе был налит свинец,
И о буре никто не мыслил,
Но прилетел Горький буревестник
В предреволюционные выси

[Бурлюк 1928: 27]

В Советсоюзе: горки, травы горьки
И небо синее, где ветр пасет овец,
Там дорог каждому писатель Горький

[Бурлюк 1928: 30]

В конце поэмы Бурлюк выстраивает ряд наиболее важных писателей для России, среди них: Ломоносов, Достоевский, Пушкин, Толстой, Чехов, Короленко, и, конечно же, Горький. Автор заканчивает поэму утверждением об известности Максима Горького во всем мире:

Максима Горького теперь мы славим в мире…
На нем бессмертие кладет свои оттенки…

[Бурлюк 1928: 31]

В поэме о Горьком мы видим неподдельный интерес Бурлюка к творчеству Горького, и его высокую оценку, а также уважение к нему не только как к писателю, но и как к человеку, повлиявшему, как считает автор, на ход истории в России.

Литература

Бурлюк Д. Толстой. Горький. Поэмы. Нью-Йорк, 1928–1929.

Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб., 1994.

Бурлюк Д. Письма из коллекции С.Н. Денисова /авт.-сост. А.С. Чернов. Тамбов, 2011.

Максим Горький о футуризме // Журнал журналов. 1915. № 1.

Erokhina E.V. The poem “Gorky” by D.D. Burliuk: historical and biographical context.

The article analyzes the poem “Gorky” by D. Burliuk in context of personal and literary relations of D. Burliuk and M. Gorky. The article focuses on Gorky’s influence on the father of the Russian futurism and on the formation of his creative personality.

Key words: Russian literature of the twentieth century, futurism, Burliuk, Gorky.

УДК 821.161.1

К.В. Сухова

«ЧУЖАЯ» ФРАНЦИЯ ИЛИ «СВОЯ» РОССИЯ: К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ «ЧУЖОЙ» КУЛЬТУРЫ В РАССКАЗЕ И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ «РУМЫНКА»

В статье рассматривается вопрос о восприятии «чужой» культуры эмигрантами на примере рассказа И.В. Одоевцевой «Румынка». Анализируется проблема «своего» и «чужого» в культурно-историческом контексте и в соответствии с уникальным авторским замыслом.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, проза И.В. Одоевцевой, «свое-чужое», мотив одиночества.

Париж в 1920-х годах становится центром культурной жизни русского зарубежья. Из Берлина начинают перебираться писатели, меценаты, политики, философы и численность русских превысила более двухсот тысяч человек. Русский артист Александр Вертинский писал о русской эмиграции 1920-х годов так: «Всего во Франции русских было, вероятно, тысяч двести – триста. В Париже нас было тысяч восемьдесят» [Вертинский URL].

Таким образом, Париж пополнялся русскими и становился их вторым домом. Очевидцы говорили, что Париж – это маленькая Россия, где они, потеряв родной дом, обрели новый. Историк К. Гусефф написала книгу «Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы)» [Гусефф 2014: 328] о том, как русские эмигранты основали свою «маленькую Россию» в Париже. Катрин была воспитана на мифах и легендах о русской эмиграции, но будучи профессиональным историком, опираясь на достоверные данные, смогла развеять мифы о русской эмиграции, доказав, что Россию нельзя сломить, а русские эмигранты смогут сохранить звания – русский. Гусефф писала, что жизнь эмигранта была интересной темой для писателей: «Фигура белоэмигранта, жертвы удивительного поворота колеса фортуны, была неиссякаемым источником романтического вдохновения для литераторов двадцатых годов» [Гусефф 2014: 328].

В 1930 году публицист Ш. Ледре пишет о рабочем положении русской интеллигенции: «Дипломированные инженеры служат разнорабочими на заводах; представители интеллектуальных профессий, адвокаты, врачи становятся шоферами такси; княгини работают официантками в ресторанах» [Гусефф 2014: 328]. Отлученные от России,

русские не теряли надежды и стремились познать новую жизнь, некоторые смогли продолжить свое творчество, но не каждый смог устроиться на работу по своей профессии. Многие писатели в своих произведениях указывают на статус своего героя, который переехал жить за границу. Так главная героиня рассказа «В Париже» Бунина Ольга Александровна, девушка из благородной семьи дворянского рода, оказавшись на чужбине, стала работать в небольшой русской столовой.

Главный герой рассказа Одоевцевой «Румынка» Михайловский русский офицер, который попав в Париж, стал работником в компании автомобилей «Рено»: «Михновский был очень обыкновенный, одинокий человек. Жил он в Париже так: днем работал на “Рено”, вечером обедал в дешевом ресторане и, вернувшись домой, полежав полчаса, принимался за перевод. Переводил он “Мадам Бовари”» [Одоевцева 1989: 333].

Одоевцева указывает на одиночество мужчины, который оказался за границей без семьи. Эмигрантское одиночество прослеживается на протяжении всего рассказа, и оно не является экзистенциальным, оно результат сломленных судеб историческими событиями: война, революция, эмиграция. Одиночество Михновского и его отчужденность от окружающей среды – это результат пребывания во Франции, то есть в чужом для него городе. Писательница учит своих героев справляться с одиночеством и наделяет их разными способностями. Михновский старается радоваться обычным вещам, смотря на себя в зеркало, он думает, что не так плох, что трагическое в его глазах кому-нибудь понравится: «он улыбнулся. – И зубы какие! В меня еще влюбиться можно» [Одоевцева 1989: 333]. И.А. Бунин на одном литературном эмигрантском вечере сказал так: «– Послушайте! У вас кто-то там опускает лицо, разве можно опускать лицо?» [Жуков 1947: 127].

Главный герой задумывается о своем предназначении в этом мире, рассуждая о смысле жизни: «Я, должно быть, очень несчастен, – подумал он вдруг и остановился, так его поразила эта мысль. – Да, да, очень несчастен… Но раз мне так плохо, зачем я живу? Ведь так просто… Нет, умереть всегда успеешь» [Одоевцева 1989: 333].

Михновский переводит книгу Флобера «Мадам Бовари», купил он ее на Набережной Сены, книга была растрепанной и старой, но это не смутило Михновского. Он знал, что данная книга была уже давно переведена, и уверял себя, что это занятие просто для души, для утешения. Перевод книги было его главным занятием, аккуратно разложив на столе тетради и книгу, он приступал к работе, мечтая быстрее закончить ее.

Однажды повстречав старого приятеля Орлова, жизнь Михновского приобрела яркие тона. Орлов предлагает Михновскому поработать у него в должности секретаря. И вот уже через некоторое время Михновский сидит в новом кресле, на нем новый пиджак и рыжие туфли. Именно в этих рыжих туфлях Михновский войдет в новую обеспеченную жизнь. Все «чужое», то есть мода, поведение становится для него близким, но не родным. Старый костюм и «Мадам Бовари» теперь пылится в старом чемодане. Одоевцева меняет своих героев подобно тому, как изменила себя: «Она и себя изменила на европейский манер, превратившись из кудрявой куклы с бантом в коротко стриженную “леди-вамп” из голливудских фильмов» [Швагрукова 2015: 14-19].

Михновский адаптируется в новом мире и становится «своим» среди «чужих». Личность эмигранта формируется именно во взаимосвязи с чужой средой, именно кризисное положение является отправной точкой для конструирования личности эмигранта. Михновский, попадая в «чужую» среду ведет себя обычным, ничем не привлекающим образом. На одном из Ревю Михновский видит «Румынку», танцовщицу, которая показалась ему «чужой», резкой и холодной. «Румынка» была высокой, худой женщиной; волосы у нее были черные, имели лакированный отблеск. Одоевцева сравнивает «Румынку» с птицей, наделяя главную героиню большими проницательными глазами: «Допев песенку, она вдруг резко взмахнула руками, как птица, собирающаяся лететь, и подняла глаза. И эти огромные черные глаза на худом лице казались слишком сияющими, слишком смелыми; они как будто подступали близко-близко, смотрели в самые зрачки зрителей» [Одоевцева 1989: 333].

Образ «Румынки» стал неприятен Михновскому, угловатые формы фигуры, резкие движения, все это напоминало ему что-то страшное и таинственное. По окончанию выступления Михновский, как и все зрители, были одарены улыбкой танцовщицы и, каждый думал, что лишь ему Румынка подарила свой взгляд.

Далее в рассказе появляется момент, в котором появляется образ России, образ родного, «своего». Главный герой после встречи с Румынкой, которая показалась ему «чужой», начинает понимать, что влюблен в нее. Михновскому снится сон, в котором он оказывается снова в России, чувствует под ногами шуршание желтых сухих листьев, он счастлив, что снова становится «своим». Однако чувства Михновского быстро меняются, он оказывается на Восковском кладбище в Питере и на ветвях деревьев сидит множество ворон. Михновскому

страшно, он задается вопросом: «Зачем он здесь?» – потом появляется старуха, от которой он не может убежать и видит ее черные, огромные глаза, как у Румынки. Одоевцева вводит в сюжет рассказа сон, для того чтобы дать герою хоть какое-то время побыть в «своем» мире, в России.

Основная тема романа – эмиграция, она способствует тому, что проблема «свое и чужое» пронизывает всю структуру рассказа и его компоненты: пространственные – временные рамки, символику, место действия и заглавие. «Заглавие – это первый знак текста, который даёт читателю целый комплекс представлений о книге» [Хованская 2015: 246-253]. «Именно заглавие формирует «предпонимание текста», становится первым шагом к его интерпретации» [Ламзина 1997: 75-80]. Заглавие романа «Румынка» говорит о том, что оппозиция свое – чужое нарушена. Так как, уже само заглавие имеет «чужое» название, Румынка – это женщина, которая проживает на территории, говорит на румынском языке романской языковой группы, то есть иноземка.

В рассказе «Румынка» Ирина Одоевцева поднимает проблему «своего» и «чужого» в конкретный исторический промежуток времени, которая воплощается в уникальном авторском художественно-поэтическом замысле. Для того, что бы принять «чужой» мир Михновский начинает взаимодействовать с ним, Михновский знакомится с «Румынкой», влюбляется в нее, пытается стать в новом мире своим, но получает отказ. Из этого следует, что «Мир “своего”, “своя” культура обретают специфику, своеобразие только в процессе осознания чужой культуры и в общении с ней» [Каменева 2008: 23].

Оппозиция «свое» и «чужое» выражается в поведенческой основе характера главных героев. В понимании читателей главный герой Михновский воспринимается как «свой», потому что имеет русское происхождение, поэтому наделен положительными человеческими качествами: аккуратен, бережлив, культурен. Даже его меню является простым и обычным для русского: «Михновский пил пиво и ел круто сваренные яйца» [Одоевцева 1989: 333]. Румынка предстает перед читателем как иноземка, то есть как «чужая». Румынке как «чужой» приписываются отрицательные качества: «У нее был глухой и гортанный голос. Лицо ее оставалось холодным и спокойным» [Одоевцева 1989: 333].

Рассматривая оппозицию «свое» и «чужое» можно сказать о том, что «чужая» культура будет принята только при условии взаимодействия, об этом говорит Каменева: «Культура строится в соединении двух возможностей – возможности отграничения себя от другой культуры (что и создает своеобычность, как бы ограниченность каждой культу-

ры) и возможности открыть себя другой культуре – возможности отделения и возможности взаимодействия» [Каменева 2008: 178]. Главный герой рассказа понимает свою жизнь во Франции как послание, а не изгнание. И это послание является переосмыслением жизни другой культуры. Об этом пишет А. Пасынков в журнале «Самиздат»: «Отрыв от привычной литературной среды, проблема читательской публики и критической оценки, вообще литературного воспроизводства за пределами одного поколения, переживаются в изгнании особенно болезненно: программные слова, по воспоминаниям Р. Гуля, сказанные Д. Мережковским: “Мы не в изгнании, мы – в послании”» [Пасынков URL].

Таким образом, Одоевцева сравнивает «свое» как что-то хорошее, положительное и «чужое» как что-то далекое, ужасное. Анализ характеров героев показывает, насколько тонкой и неоднозначной может быть граница между «своим» и «чужим».

Литература

Вертинский А.Н. Дорогой длинною... // URL: http://detectivebooks.ru/book/38041221/?page=1

Гусефф К.К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Жуков Ю.А. На Западе после войны (Записки корреспондента) // Октябрь. 1947. № 10. С. 127.

Каменева К.Д. «Своё» и «чужое» в культуре русской эмиграции «поколения полутора»: на примере творчества Г. Газданова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 178 с.

Ламзина А.В. Заглавие литературного произведения // Русская словесность. 1997. № 3. С. 75-80.

Одоевцева И.В. На берегах Сены. М.: Худож. лит., 1989. 333 с.

Пасынков А.С. «Контексты одиночества» // URL: http://samlib.ru/p/pasynkow_a_s/39.shtml.

Хованская Е.С. Оппозиция своё – чужое в романе Джулии Оцуки «Будда на чердаке» // Ученые записки Казанского университета. 2015. № 2. С. 246-253.

Швагрукова Е.В. Русская эмиграция «Первой волны» (1917–1940) как уникальное культурное сообщество // В мире научных открытий. 2015. № 5.8 (65). С. 14-19.

Suhova K.V. “Strange” France or “native Russia”: to the question of “strange” culture reception in the story “The Romanian Woman” by I.V. Odoevtseva

The article deals with the question of “strange” culture reception by the emigrants in the story “The Romanian Woman” by I.V. Odoevtseva. The researcher analyses the concepts of “strange” and “native” in the cultural and historical context of the epoch and in accord with the specific artist's intention

Key words: the Russian literature abroad, prose by I.V. Odoevtseva, “strange-native”, the motive of loneliness

УДК 821.161.1

М.А. Сластухина

АВТОБИОГРАФИЗМ В РОМАНЕ А. ВЕТЛУГИНА «ЗАПИСКИ МЕРЗАВЦА»

В статье рассматриваются явления автобиографизма в малоизученном романе А. Ветлугина «Записки мерзавца». Обращается внимание на типичность судьбы главного героя Быстрицкого для современного ему молодого поколения.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, роман А. Ветлугина «Записки мерзавца», автобиографизм, авторефлексия.

Автором романа «Записки мерзавца» (1922) является В.И. Рындзюн (1897–1953), русский писатель и журналист, известный под литературным псевдонимом А. Ветлугин и приобретший известность только в эмиграции. К Алексею Ветлугину исследователи всерьез начали присматриваться с 2000-х гг., хотя и прежде его имя изредка упоминалось в работах биографов М.А. Булгакова, С.А. Есенина и А.Н. Толстого. Но, разумеется, по идеологическим причинам ранее ни его биография не могла быть написана, ни переизданы его сочинения.

Сегодня этот «пробел» отчасти восполнен. Существуют некоторые очерки о нем, воспоминания, его личные сочинения. Однако многие ученые, занимающиеся творчеством поэтов – эмигрантов, не могут точно воссоздать его полную биографию и то, как определенные жизненные ситуации повлияли на написание его произведений. Исследователи до сих пор спорят, насколько вероятен тот факт, что «Записки мерзавца» – это автобиография, авторефлексия Ветлугина, ведь там повествование ведется от первого лица.

«Если первый роман Ветлугина читался современниками как полуавтобиографический, хотя был написан на сочетании его личных переживаний и чужих историй времен Гражданской войны, что, собственно, и принесло успех «Запискам мерзавца», то для написания следующей книги ему потребовались совершенно новые впечатления, которые и могла предоставить Америка. Резонно предположить, что «Записки мерзавца» заканчиваются историей русского американца, внутри которой содержится еще одна история русского американца, именно с тем, чтобы авторское повествование обрело законное продолжение именно в новом свете» [Устинов 2016]. Под «первым» романом в данном случае подразумеваются именно «Записки мерзавца», которые, как оказывается, пишутся не только с личности самого автора, его

случаев из жизни, но и реальных военных историй. В этой связи можно говорить о реальности произведения.

К сожалению, биография Ветлугина представлена очень скудно и совсем малоизвестна современным читателям, но определенные сходства выявить можно. Как и герой произведения, сам Ветлугин родился в семье врача И.Г. Рындзюна, управлявшего в Ростове крупной водолечебницей, и Матильды Борисовны Райвич. К тому же, время описания детских лет Юрия Быстрицкого частично соотносимо с реальным детством автора (частично именно потому, что описываемый персонаж старается не указывать точных временных рамок).

Скорее всего, это сделано с целью маскировки реального прошлого и возможного сходства с прототипами персонажей произведений: «Издавал он немало брошюрок, описывающих его реальные успехи..», это высказывание следует из произведения, но подтверждает реальный факт публикации книг отцом Ветлугина (был автором учебника «Основы водолечения и светолечения в связи с краткими историями болезней, использованных под личным наблюдением автора, в его водолечебнице в г. Ростове-на-Дону, 1895–1901 год» (1901) и «Гидротерапия» (1926)). Кроме того, присутствует факт обучения Ветлугина в Московском университете, нельзя с точностью сказать имели ли они общую специальность, но факт проживания в одном городе точен. «Приходят иные времена. Начинается Московский период жизни» [Ветлугин 2000: 16].

В биографии Ветлугина начинается период странствий и скитаний. В июне 1920 он эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Париж, сотрудничал в эмигрантской печати. Весной 1922 переехал в Берлин, осенью 1922 сопровождал Сергея Есенина и Айседору Дункан в Америку в качестве секретаря и переводчика и остался в США, где был менеджером Айседоры Дункан. Гражданская война обошла стороной Ветлугина, он постоянно переезжал и писал свои произведения за границей. Как и у Ветлугина, у Быстрицкого начинается эмигрантский период его жизни. «В странном разрезе вспоминается мне война. Я переезжаю из города в город. В Лондонском Ritz, в Нью-Йоркском Piazza, в парижском Crillon, в Петербургской “Европейской”, в холодных отелях чопорной Скандинавии, в роскошных палаццо притаившейся Италии я сижу в осточертевших аппартаментах и по двадцать четыре часа веду разговоры о сахаре. В промежутке двух бесед из газет или рассказов узнаю, что война (где-то идет война) входит в новый затяжной период, что Китченера утопили, а Бриана свалили, что в моей необъятной России недостаток хлеба, что в Америке банки задыхаются от обилия золота...» [Ветлугин 2000: 56]. Точно так же из-

бегает войны и Быстрицкий, находящийся, по-прежнему, в поисках легкой наживы.

Возможно, многое из описанного, перенесенного на жизнь своего персонажа, Ветлугин хотел воплотить в своей жизни. Например, Юрий Павлович возвращается в Константинополь, чего сам автор не совершает.

В финале «Записок мерзавца» Ветлугин приводит в пример описание своих воспоминаний о Быстрицком, с которым они якобы жили вместе, находясь в Константинополе. Противопоставляя свой образ жизни образу жизни своего соседа по комнате, он показывает свои преимущества и его недостатки.

«Совместная жизнь не доставила мне никаких неудовольствий: я уходил, он еще спал; я возвращался, его уже не было. Мои занятия носили характер дневной: "ловчить" по части визы и займа денег. Юрий Быстрицкий остался верен привычкам и ничем, кроме карт, не интересовался. Различие образов жизни исключало возможность сколько-нибудь частых разговоров» [Ветлугин 2000: 59]. Скорее всего, таким противопоставлением себя как персонажа и своего соседа, Ветлугин показывает свои две стороны характера и жизни – «темную», в лице Быстрицкого и «светлую» – характерную для него самого.

Журналист и публицист Р.Б. Гуль так писал о Ветлугине: «А. Ветлугин (В.И. Рындзюн), хлесткий, циничный литератор, автор, к сожалению, неудавшейся автобиографической повести "Записки мерзавца"».

Неудавшейся возможно потому, что Ветлугину не удалось в полной мере раскрыть свою жизнь через описание своего героя. Но он и не ставил таких целей – показать свой мир обществу, он старался создать биографию человека, оказавшегося под гнетом военного времени. Ветлугин оставляет финал открытым, обращая внимание на типичность судьбы Быстрицкого для современного ему молодого поколения.

Литература

Устинов А. «Биография как сюжет: "американская мечта" А. Ветлугина» // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2.

Ветлугин А. Записки мерзавца. М.: Лаком, 2000.

Slastuhina M.A. Autobiography in the novel "Notes of a Bastard" by A. Velugin

The article focuses on the main character Bistritsky and his fate, that was quite typical of the young generation of that time.

Key words: the Russian literature abroad, the novel "Notes of a Bastard" by A. Velugin, autobiography, the author's reflection.

УДК 821.161.1

Я.В. Манака

ДИНАМИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИЕМОВ Б.А. ЛАЗАРЕВСКОГО В ПОВЕСТИ «ВДОВА КАПИТАНА» И РАССКАЗЕ «ДУША ЖЕНЩИНЫ»

В работе анализируется динамика художественных приемов Б.А. Лазаревского в повести «Вдова капитана» (1920) и рассказе «Душа женщины» (1921), их сходства и различия. Обращается внимание на рамочный принцип построения произведений, функции героя-рассказчика, образ дороги, мистические мотивы и др.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Б.А. Лазаревский, «Вдова капитана», «Душа женщины».

Б.А. Лазаревский (1871–1936) – русский писатель, эмигрировавший из России в 1920 году. Объектом исследования стали его повесть «Вдова капитана» (1920, Константинополь) и рассказ «Душа женщины» (1921, Берлин), которые вошли в число первых произведений писателя в период его эмиграции. Оба произведения взаимосвязаны; рассказ в ракурсе художественных приемов является продолжением разработок, предпринятых в повести 1920-ого года. Особенности творческой манеры и личных взглядов писателя повлияли на выбор и выработку творческих методов, помогающих обогатить композиционную структуру и ярче с ее помощью выразить смысловой подтекст.

В повести «Вдова капитана» фигурируют два основных композиционных приема. Первым приемом является рамка, которую автор усложняет и делает двойной, то есть оформляет повествование в воспоминание о воспоминании. Второй используемый прием – прием предварения, который проявляется в вещем сне и интуитивных предчувствиях героя-рассказчика. Дух покойного Сергея стремится исключительно рассказчику передать то, что страдания вдовы по нему, граничащие с безумием, не столь глубокие; также во сне сообщает о городе Могилёве, в который должны были быть доставлены останки капитана.

Эти же приемы используются и в рассказе «Душа женщины», однако автор заметно усиливает второй из них. Прием рамки раскрывается в том, что весь рассказ представлен личными записками рассказчицы, которые она начала создавать, будучи уже беременной от Гасселя. Героиня вспоминает все описанные события и записывает их. Прием предварения в рассказе писатель осуществляет, наделяя основных героев тонкой интуицией (в повести, например, ими обладает только

рассказчик) и вводя также четыре пророческих сна (в повести присутствовал только один).

Так, первый вещий сон снится Михаилу. Во сне он увидел приехавшую рассказчицу в той же кофточке, в которой она действительно приехала к ним в дом. Он её «крепко поцеловал… и <...> [она. – Я.М.] ничего…» [Лазаревский URL, глава I]. Этот сон уже в первой главе предсказывает то, что ответных чувств Миша от Шуры так и не дождется.

Второй сон приснился Александре Николаевне – рассказчице. Он предсказывал смерть Даниила Афанасьевича: «Мне приснились какие-то похороны и так ясно, что я даже утром помнила голос дьякона, провозглашавшего “вечную память”. Страшно было…» [Лазаревский URL, глава I]. Уже в следующей главе умирает глава семьи, и рассказчица присутствует на его отпевании.

Третий вещий сон видит Соня, которой приснилось «так ясно» [Лазаревский URL, глава II], будто её подруга и Гассель шли рядом, после чего мужчина приобнял свою спутницу. Этот сон сбывается, но через несколько лет, ведь в конце Александра Николаевна остаётся с Артуром Густавовичем. Однако примечательно и то, что намеренно выдуманное рассказчицей объяснение этого сна, в целях успокоить взволнованную им Соню, тоже сбывается, но в буквальном смысле. «Сон этот нужно понимать как раз наоборот: ты с ним пойдешь под руку» [Лазаревский URL, глава II], – так объясняет Соне сон Шура. Рассказчица не придала своему толкованию никакого значения, однако, на похоронах Даниила Афанасьевича её «очень поразило то, что Гассель вел Соню под руку: невольно припомнился ее сон…» [Лазаревский URL, глава II].

Кроме мистических мотивов в обоих произведениях немаловажную функцию выполняет образ дороги. Стоит сказать, что вообще в классической отечественной литературе дорога символизирует жизнь; дорога – место неожиданностей и изменений: на ней происходят встречи и расставания, выбрав не ту дорогу, можно изменить всю дальнейшую судьбу.

В повести «Вдова капитана» такой символический подтекст заключен в образе железной дороги и в двигающемся по ней вагоне, в котором и находились главные герои. Примечательно, что рассказчик недоброжелательно относится к железнодорожникам, которые «всегда казались <...> [ему. – Я.М.] или бестолковыми людьми, или взяточниками» [Лазаревский 1920: 15]. Такое отношение имеет и символический подтекст, ведь железнодорожники в какой-то мере управляют дорогой, а впоследствии кульминация и развязка повести про-

изойдут именно на железных путях. Дорога в этом произведении важна и в качестве условного его деления на две части, чему способствует и перемена в поведении главной героини, когда она попадает в поезд, и описание окружающего пейзажа.

В рассказе «Душа женщины» мистические мотивы, как уже было проанализировано на материале пророческих снов и интуитивной чувствительности героев, усиливаются. Образ дороги тоже совершенствуется, хотя и лишается некоторых функций, присутствующих в повести. Дорога принимает особую, нетрадиционную форму – реки Волги. Пароход, двигающийся по ней и останавливающийся на разных пристанях у разных городов, река Волга аналогичны по смысловому подтексту вагону и железной дороге соответственно из повести «Вдова капитана», имеют то же символическое значение, которое представляет собой жизненный путь, движение, постоянные изменения. Здесь так же, как и на железной дороге, люди сходят на пристанях и, наоборот, прибывают на пароход, встречаются и расстаются.

Примечателен факт того, что такое движение, перемены в жизни автор воплотил в образной системе, как и в повести, но не в образе главных героев. На пароходе писатель ввёл дополнительную сюжетную линию, в которой присутствует образ вдовы. Во время своего траура эта героиня предается близости с одним из пассажиров парохода. Оба сойдут позже в Саратове. Введенные сцены очень похожи на сюжет повести «Вдова капитана», где подобная история произошла также в дороге, но только на железной. Лазаревский использует даже близкие описательные конструкции, касающиеся внешних изменений двух этих героинь – вдов. Лидию Михайловну до её внутренних перемен можно описать следующей цитатой: «<...> сдавив виски бледными пальцами, с голубоватыми ногтями, смотрела в одну точку...» [Лазаревский 1920: 8]. После: «вся розовая, с морозными блестками на крепе вуали и такая красивая, какой я ее еще ни разу не видал» [Лазаревский 1920: 33]. Вдова с парохода описана аналогично. Вначале рассказчица её характеризует так: «задумчивая, бледная, с печальными глазами, женщина» [Лазаревский URL, глава IV]. Когда же вдова покидала каюту любовника, в ней произошла неожиданная перемена, и она описывается следующими словами: «вся розовая, со сбившейся на сторону прической и с животно-счастливым выражением на лице» [Лазаревский URL, глава IV].

В обоих произведениях фигурирует пейзаж/образ кладбища и общение героев с покойными писателями, мысленное или косвенное обращение к ним. Последнее и в повести, и в рассказе неким образом

влияет на ход мыслей и действия персонажей, наставляет их. Так, в «Вдове капитана» некоторые сцены происходят на кладбище, когда должны были выкапывать гроб с покойным капитаном. Рассказчик по сюжету постоянно ощущает покойного и словно вступает с ним в диалог через пророческий сон. Также упоминается о поездке Лидии Михайловны с покойным мужем в Тифлис, где женщина лично побывала на могиле А.С. Грибоедова, ознакомилась с известной надписью: «Ум и дела твои бессмертны / В памяти русской, / Но для чего ж пережила / Тебя любовь моя?» [Лазаревский 1920: 27]. Лидия Михайловна после смерти Сергея проводит аналогию между собой и вдовой великого писателя. До смерти мужа Лидия Михайловна не понимала вдову Грибоедова в том, что та до самой смерти прожила «не полюбив другого, и не переменив фамилии» [Лазаревский 1920: 27], хотя героиня повести при этом «удивлялась и преклонялась» [Лазаревский 1920: 27] перед её верностью. Но после смерти капитана, рассуждая по своим собственным чувствам, она поняла и посчитала причиной верности Нины ощущение невидимого присутствия с ней ее покойного супруга: «И знаете почему, мне кажется, она не вышла замуж, – потому, что и после физической смерти Грибоедова, каждую минуту и каждый час везде и всегда, – чувствовала его присутствие, вот как я» [Лазаревский 1920: 27-28]. Дальнейшая кульминация и решение Лидии Михайловны найти свое счастье с Габиевым создают на фоне данного сравнения иронию и яркий контраст.

В рассказе «Душа женщины» кладбище также фигурирует два раза. В первый раз оно упоминается, когда после отпевания хоронят Даниила Афанасьевича. Второй раз оно появляется в рассказе после сцены встречи рассказчицы с её первым мужем Мишей в книжном магазине. Потрясённая женщина отправляется на кладбище, словно ища там утешения. Только она села в сани и тронулась, как ей «сразу стало легче». «В церковь <...> [её – Я.М.] не тянуло, и <...> [она – Я.М.] свернула вправо на кладбище» [Лазаревский URL, глава X]. Сначала Александра Николаевна направилась к могиле Даниила Афанасьевича. Рассказчица постояла возле неё, и вдруг ей «стало как-то неловко перед ним и даже страшно…» [Лазаревский URL, глава X]. После этого героиня быстро ушла. Когда смятение её покинуло, ей «захотелось пойти на могилу к Чехову». Она «села на скамеечке и мысленно говорила: “Ты был чуткий, умный и добрый. Внуши мне, как жить дальше”» [Лазаревский URL, глава X]. Примечательно, что затем следуют слова: «Лет пять уже, как я не молилась». Обычно молятся богу. Здесь же молитва выступает в качестве обращения к покойному А.П. Чехову,

который в своих произведениях выступал больше как мудрый учитель и являлся таковым и для самого Лазаревского. Затем в мыслях рассказчицы происходит некий спор: «Вдруг мелькнула мысль: “Нет его, нет, и теперь не слышит он и не может научить…” Нет, может! – произнесла я вслух» [Лазаревский URL, глава X].

Заметим, что общим является и косвенное обращение Лазаревского к Чехову, которое наблюдается в обоих произведениях. Чехов оказал серьезное влияние на творчество Лазаревского. Писатель очень тяжело пережил смерть своего кумира. Поэтому и в «Вдове капитана» есть иносказательное обращение к классику, но уже от лица рассказчика-автора. В первой главе имеется цитата, которая может являться отсылкой к 1904 году – году смерти Чехова: «Но пока я хочу еще кое-что сказать о себе. Больше десяти лет, перед войной я был в отставке. Писателем сделаться мне не удалось, а хотелось...» [Лазаревский 1920: 5]. Лазаревский до этого года находился в переписке с Чеховым. После его смерти до начала Первой мировой войны (1914) проходит именно 10 лет, которые в цитате названы «отставкой». А значение Чехова для Лазаревского в цитате отмечается тем, что повествователю «писателем сделаться» так и не удается.

Таким образом, можно констатировать сходство между двумя произведениями Лазаревского в отношении использования им системы оригинальных художественных средств, которые позволяли писателю поставить и решить актуальные культурно-исторические, социально-психологические и нравственно-этические вопросы.

Литература

Лазаревский Б.А. Душа женщины и другие рассказы. Берлин, 1921 // URL: http://lanterne.ru/boris-lazarevskiy-dusha-zhenshhinyi.html.

Лазаревский Б.А. Вдова капитана. Повесть. Константинополь: Изд. М.В. Попова, 1920. 52 с.

Manaka Y.V. Dynamics of artistic receptions by B. A. Lazarevsky in the novel “Vdova kapitana” and the story “Dusha zhenshchiny”

The work analyzes the dynamics of artistic methods of B. A. Lazarevsky's in the story “Vdova kapitana” (1920) and the story “Dusha zhenshchiny” (1921), their similarities and differences. Attention is paid to the frame of the construction of poems, the functions of the hero-narrator, the image of the road, mystical motives, etc.

Key words: the literature of russian abroad, B.A. Lazarevsky, “Vdova kapitana”, “Dusha zhenshchiny”.

УДК 821.161.1

Н.Ю. Желтова

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ АЛЬМАНАХ «РУССКАЯ ВОЛНА»: СТРУКТУРА, АВТОРЫ И СПЕЦИФИКА

В статье впервые приводится обзор одного из первых альманахов русских эмигрантов в Турции «Русская Волна», выходившего в Константинополе в 1920–1921-х годах. В настоящее время автором найдены лишь три номера издания в Славянской библиотеке (Прага). Но и они свидетельствуют о том, что альманах, прежде всего, носил информационный характер, рассылался во все места расположения русских беженцев в Турции и в другие страны. Издание открывалось солидным литературным разделом и, несомненно, способствовало формированию литературной, культурной, общественной жизни Русского Константинополя в начале 1920-х годов.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, литература Русского Константинополя, альманах «Русская Волна».

Литературный феномен Русского Константинополя сегодня остается малоизвестной страницей литературы русского зарубежья. До сих пор распространено мнение, что в силу краткости массового пребывания русских в Турции, этот южный оазис русского зарубежья не сумел стать одной из его значимых литературных столиц. Однако можно утверждать, что уже в начале 1920-х годов здесь была сформирована особая творческая среда, в том числе литературная.

Одним из интереснейших и первых явлений русской литературной жизни в Турции стал альманах «Русская Волна», первый номер которого вышел уже в декабре 1920 года. Согласно сообщениям, помещенным в самом издании, альманах еженедельно рассылался в места расположения русских беженцев в Турции и в другие страны (что косвенно подтверждает наличие «Русской Волны» в Славянской библиотеке в Праге с грифом Русского Заграничного Исторического Архива). Но был ли он на самом деле еженедельником понять трудно, поскольку на других сохранившихся номерах журнала нет никаких на этот счет сведений. Можно предположить, что журнал выходил, по крайней мере, до августа 1921 года, поскольку на одной из обложек альманаха напечатано срочное, скорбное сообщение о кончине 9 августа «крупнейшего русского поэта» А.А. Блока, причем его уход воспринимался авторами издания как часть большой русской трагедии: «И смерть голодавшего Александра Блока <…> это страшный крик гибнущей России, ее народа и культуры – ко всему человечеству. Ря-

дом с вечным укором черному русскому дню – да живет вечная память великому и светлому таланту!» [Русская Волна 1921]. На обложке этого альманаха стоит номер 4, но в Праге удалось обнаружить только три его выпуска.

Сам журнал позиционировал себя как издание скорее информационное, нежели литературное, которое ставило своей задачей «всестороннее освещение нужд и жизни русских беженцев за границей, защиту их интересов и объединение беженцев» [Русская Волна 1920: 31]. Однако «Русская Волна» всегда открывалась разделом, в который помещались рассказы, стихи, очерки, фельетоны, что явно отражает политику редакции, уделявшей первостепенное внимание именно литературной части. Далее следовал раздел, посвященный искусству, и уже потом печатались сведения о положении русских эмигрантов («хроника константинопольской жизни, сообщения с островов и других мест расположения беженцев» [Русская Волна 1920: 31]) и справочная информация (объявления, реклама и т.д.).

Редколлегия альманаха выглядела вполне солидно, но главный редактор в ней не указывался, что, видимо, должно было отражать тот факт, что издание носило коллективный характер, что все беженцы находятся в одинаковом бедственном положении, независимо от их прежнего социального статуса. Согласно рекламе, в «Русской Волне» принимали участие: «В.А. Амфитеатров, Федор Баткин, М. Бенедиктов, А.П. Брайловский, В.Л. Бурцев, С.И. Варшавский, А. Гейман, Валентин Горянский, А.А. Гришин, В.М. Деспотули, О.Г. Зелюк, Анатолий Каменский, Николай Литвин, Григорий Петров, М.И. Рафаэлов, Г.М. Римский, Ал. Соколовский, И.Д. Сургучев, А.П. Терской, К. Треплев, Е.Е. Чириков и др.» [Русская Волна 1920: 31]. Однако фактически функции редакторов выполняли журналисты Николай Литвин и Г.М. Римский. Именно их произведениями открывается первый номер альманаха.

Николай Литвин – псевдоним Николя Кирилловича Евсеева (1890, по др. версии 1892 – ?), донского журналиста, который до эмиграции работал в различных газетах и журналах юга России [Краснянский 1930], в 1913 году в Новочеркасске вышел сборник его стихов «Годы мятежные», в 1920–1923 годах был сотрудником изданий русских беженцев в Константинополе, Софии, Белграде. После возвращения из эмиграции в сентябре 1923 года был арестован и приговорен к трем годам лишения свободы, которые отбывал на Соловках, работая в лагерных изданиях и театре. После освобождения был сослан в Сибирь, где и теряются следы Н. Литвина. В Константинополе Н. Литвин яв-

лялся вместе с Г.М. Римским также участником сборника «Последние дни Крыма» (Константинополь, 1920). Согласно этим воспоминаниям, 13 ноября 1920 года Н. Литвин и Г. Римский покинули Крым, а уже в декабре вышел первый номер «Русской Волны» – невероятная даже по нынешним временам оперативность!

Литвин искренне переживал утрату родины и пытался оказывать посильную помощь русским эмигрантам. В этом он видел и миссию «Русской Волны», название которой метафорически обыгрывает в своей статье от редактора: «Мы разбросаны по островам страдания. Мы оторваны от всего, что было нам дорого и свято. В переполненных колониях и лагерях – мы одиноки. И вот – нам хочется, чтобы первым словом, первым кличем “Русской Волны” – был призыв к нашему духовному сближению, к нашему объединению. <…> В океане безнадежного беженского горя “Русская Волна” отныне потечет у берегов страданий и надежд. И с этих берегов – пусть несет она печальную быль нашей полночи. Мы соберем развеянное русского горе, мы будем искать новые дороги. И будем верить, страстно, горячо верить, что придет расцвет, и в лучах нового солнца мы, странники, – станем на рейде долгожданной сверкающей радости» [Русская Волна 1920: 31].

Примечательно, что в этой редакционной статье Литвин делает упор на базовые черты русского национального сознания, упоминает о «русской тоске», «тоске по родине, «русском чувстве», прекрасном будущем, радости, вере, надежде, дороге, необходимости объединения для обретения силы и сохранения своей национальной идентичности. Это настроение красной нитью проходит через все выпуски альманаха: ощущение полной катастрофы с невероятным желанием выжить в предлагаемых условиях и обстоятельствах.

Кавказская легенда «Позор земли» Г. Римского продолжает тему долга, начатую во вступительной статье Н. Литвина, и полностью поддерживает ее пафос. В рассказе повествуется о живущей на берегу моря красавице Айле, которая предала высокие цели достижения общественного блага, отринула интересы искусства и эгоистически сосредоточилась на грубой и примитивной любви к простому пастуху. Несмотря на то, что произведение внешне обладает южным колоритом, в нем, конечно, прослеживается русская идея принесения в жертву своей молодости во имя новой, прекрасной жизни будущих поколений.

Следующий материал первого номера «Русской Волны» «Быть или не быть» уже прямо формулирует задачи русской эмиграции. Его автор М. Бенедиктов (псевдоним известного критика и журналиста «Современных записок» – М.Ю. Берхина) выдвигает идею сохранения

единства, национальной идентичности и культурной общности русской эмиграции, использует, ставшие скоро хрестоматийными в русском зарубежье термины «великий исход» и географическое «рассеяние»: «Будущий историк всестороннее оценит все значение того воистину великого исхода, зрителями и участниками которого мы только что были. <…> Мы с ужасом видим зрелище распыления тысяч и тысяч лучших русских граждан, до последней минуты оставшихся верными русской идее. <…> Наш исход не может пройти и не пройдет бесследно для мировой культуры. <…> Каждый из нас уносит в себе крупицу России, ее духовной красоты, ее духовных ценностей. И, расплываясь по чужим странам, мы несем туда нашу русскую культуру… <…> В этом исторический смысл нашего рассеяния» [Русская Волна 1920: 45].

Представляется, что мессианский посыл русской эмиграции сформировался уже в Константинополе в первые дни этого «великого исхода», призыв «Русской Волны» был услышан русскими беженцами. Уже здесь они стали проводниками русской и шире – европейской – культуры в Турции и далее, действительно, разнесли ее по свету. Здесь открывались театры, картинные галереи, издавались книги, газеты и журналы. В статье М. Бенедиктова содержится призыв к самоорганизации эмигрантов, созданию различных сообществ взаимопомощи. Скоро эта форма существования русского зарубежья стала основной чертой не только Константинополя, но и других столиц и государств.

Тезисы программной статьи «Русской Волны» созвучны во многом парижской речи И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» (1924), но в отличие от бунинского текста почти полностью лишены политического пафоса, ненависти к большевикам: «Для того, чтобы мы могли выполнить возложенную на нас задачу – мы прежде всего всеми силами должны сохранить свой национально-культурный облик. <…> В наших руках последние остатки русской культуры. Если мы не проникнемся сознанием ответственности, мы не только уроним свою хрупкую ношу, но и погубим самих себя. Быть или не быть?» [Русская Волна 1920: 8]. В следующем материале «Чувство свободы» В. Кадашева предпринимается попытка объяснить причины столь массового бегства русских из своей страны и почву для возникновения мессианских настроений: «Пусть я умру от голода на мостовой Перы, но пусть моя душа останется свободной!» [Русская Волна 1920: 13].

Примечательно, лейтмотивом через весь первый номер «Русской Волны» проходит образ опавших листьев: «И как листья, оторванные от родных деревьев, в разных концах чужих и далеких стран – мы бу-

дем ждать той русской весны, солнце которой будет нашим общим солнцем…» (Н. Литвин) [Русская Волна 1920: 1]; «Мы – опавшие листья, которые гонит в неизвестность ветер великой революции» (К. Треплев) [Русская Волна 1920: 18]. Эта идея листьев будет ярко использована в литературном сборнике «Листья», который вышел в Константинополе в 1921 году и считавшийся долгое время утраченным. Авторами книги стали и авторы «Русской Волны»: Г. Римский, В. Кадашев, Е. Чириков, Л. Камышников, А. Аверченко. Отметка на сборнике указывает и на политику помощи русским беженцам, которую проводил альманах: «Весь чистый доход от этого издания поступает в распоряжение Временной комиссии по оказанию помощи русским писателям и журналистам в Константинополе».

Нельзя не отметить еще один материал первого номера альманаха, который во многом способствовал формированию существующего до сих пор мифа о том, что в Константинополе не было интересной литературной жизни. Тот же Н. Литвин, открывая рубрику об искусстве, с горечью пишет: «И только одна волна нашего изгнания прошла мимо турецкой столицы, оставив на ее рейде, самые незначительные, отсталые арьергарды. Это – русское искусство. Оно – в далекой Европе, оно – в Париже, в Германии, в Чехии. Но здесь его – нет» [Русская Волна 1920: 21]. Но в то же время Литвин, как и во вступительной статье, уверенно заявляет о будущем его возрождении.

Видимо, обширные контакты с писателями и деятелями искусства, пребывавшими на юге России и в Крыму, позволили Литвину привлечь к изданию «Русской Волны» И.С. Шмелева, М. Волошина, И.Г. Эренбурга и других известных писателей. Например, в «Русской Волне» был опубликован рассказ Шмелева «Телячьи мозги», который ранее вышел в газете «Южные ведомости» от 24 мая (6 июня) 1920 года. А рассказ Шмелева «В дождь» был тоже напечатан в 4 номере «Русской Волны», а впервые он увидел свет в новочеркасской газете «Свобода России» в № 54 от 23 июня 1918 года.

Во всех номерах альманаха подчеркивается дружеская помощь эмигрантам со стороны, прежде всего, Турции, а также бывших союзников России. Приводится сообщение о том, что на попечении французов в Константинополе и на островах находятся 120 706 русских эмигрантов, что американские миноноски непрерывно курсировали между Севастополем и Константинополем, вывозя беженцев. На одной из них покинул Россию и сам Литвин. Много сообщается также о помощи Американского Красного Креста русским раненым и больным.

В последнем из найденных номеров содержится реклама следующих, в которых анонсировались произведения И.С. Шмелева, С.Н. Сергеева-Ценского, М. Волошина, Х. Бялика, И. Эренбурга, А.Т. Аверченко, И.Д. Сургучева, Н. Агнивцева, Л. Столицы, но эти номера на сегодняшний день не обнаружены. Однако ясно, что альманах «Русская Волна» сыграл важную роль в объединении беженцев в Константинополе, в формировании единого информационного, общественного, культурного пространства русского зарубежья.

Литература

Краснянский М.Б. Донские уроженцы: Материалы к составлению словаря местных деятелей, собранные в Ростове-на-Дону за время 1925–1930 гг. Ростов-н/Д, 1930. Т. 2. Л. 69

Русская волна. 1920. Декабрь.

Русская волна. 1921. № 4.

Русская волна. 1921.

Zheltova N. Yu. The literary miscellany “The Russian Wave” in Constantinople: the structure, the authors, the peculiarity

The article focuses on one of the first literary miscellanies “The Russian Wave” that was founded by the Russian emigrants in Turkey. The miscellany was published in Constantinople in 1920–1921. The researcher has found only three issues of the miscellany in the Slavonic library (Prague). Still, they prove that the edition bore informational character and was usually sent to all places in Turkey and other countries where the Russian emigrants lived. The edition began with a literary section and was very important for the formation of the literary, cultural and social life of the Russian Constantinople of the 1920-s.

Key words: the Russian literature abroad, The Russian literature in Constantinople, the literary miscellany “The Russian Wave”.

УДК 821.161.1

Р.А. Кочарян

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СБОРНИК «ЛИСТЬЯ»: ТРАГЕДИЯ РУССКОГО ИЗГНАНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ Е.Н. ЧИРИКОВА «КАК МЫ БЕЖАЛИ»

В статье анализируется сборник «Листья» – одно из первых литературных изданий в Русском Константинополе. В статье рассматривается малоизученный этап эмигрантской творческой деятельно-

сти Е.Н. Чирикова, одного из составителей сборника, русского писателя и публициста. Приводится анализ очерка Е.Н. Чирикова «Как мы бежали» в биографическом и историческом контекстах.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Русский Константинополь, сборник «Листья», эмигрантское творчество Е.Н. Чирикова.

Русские эмигранты заполнили практически все крупные страны мира, среди которых можно выделить основные центры эмиграции: Берлин, Париж, Прага, Белград, Варшава, София, Константинополь [Агеносов 1998]. Последний, в силу историко-географических обстоятельств, стал одним из первых очагов русской культурной жизни за рубежом в начале 1920-х годов. Это послужило причиной тому, что сегодня литературоведы особое внимание уделяют изучению и восстановлению константинопольского периода русской эмиграции. В этой связи значимым событием стало репринтное издание в 2017 году сборника «Листья», который долгое время считался утраченным.

Литературный сборник «Листья» впервые был издан в Константинополе в 1921 году Обществом русских писателей, среди которых были Иван Лукаш, Аркадий Аверченко, Евгений Чириков и другие. Сборник включает в себя произведения, посвященные судьбам изгнанных из России людей. Актуальность рассказов и очерков сборника для изучения литературы Русского Константинополя невозможно переоценить: они представляют собой огромную ценность не только благодаря тематике, но и художественным формам ее раскрытия.

Среди авторов-составителей сборника «Листья», несомненно, следует выделить Евгения Николаевича Чирикова. Писатель был достаточно известен читателю еще до эмиграции. О том, как складывалась жизнь и творческая деятельность Е.Н. Чирикова после Октябрьской революции 1917 года, на данный момент мало известно. В различных источниках пишется лишь о том, что Чириков в 1920 году был вынужден эмигрировать из Севастополя в Константинополь, после, в начале 1921 года – в Софию и оттуда в 1922 году – в Прагу [Королева 1997: 439-445]. Однако константинопольский период, как и у многих писателей-эмигрантов, в творчестве Чирикова наименее изученный. Нельзя с уверенностью говорить даже о сроках пребывания писателя в Константинополе. Такой огромный пробел в знании о судьбе писателя как раз позволяет восполнить произведение Е.Н. Чирикова «Как мы бежали» из сборника «Листья».

Очерк Е.Н. Чирикова «Как мы бежали» стал вторым по счету произведением в сборнике «Листья». Как и большинство произведений 1920-х – 1980-х годов, произведение Чирикова носит мемуарный, ав-

тобиографический характер. Это обусловлено стремлением писателя наиболее точно передать начало эмиграции, отразить особенности характеров, проявляющиеся в условиях нечеловеческой жестокости, в деталях сохранить и восстановить события прошлого. На автобиографизм указывает то, что повествование ведется от первого лица. Наблюдается совпадение личности писателя и его героя. Однако примечательно, что в произведении, когда звучит обращение к главному герою, указываются неверные инициалы: «– Г. Чириков! Это вам от поклонниц!» [Листья 2017: 10]. Также в рассматриваемом очерке встречаются имена реальных людей. К числу таковых можно отнести Ф.Д. Батюшкова, Н.Ф. Ткачева, Ф.И. Баткина, В.Л. Бурцева.

Композиционно очерк Чирикова «Как мы бежали» можно разделить на три части. Первая часть является своеобразным предисловием, в ней герой лишь размышляет об эмиграции, находясь еще в России. Представлен путь формирования осознания необходимости покинуть Россию. Этот путь наполнен множеством противоречий и сомнений. Герою вспоминаются слова друзей и знакомых. Кто-то уговаривает Чирикова остаться: «Зачем вам бежать?.. Вас они не решатся расстрелять… Им это неудобно… Вы слишком известный человек» [Листья 2017: 5]. Другие, напротив, торопят героя покинуть страну, напоминая ему о том, как яростно он боролся с большевизмом: «Неужели вы думаете, что они не отблагодарят вас так, как им вздумается?» [Листья 2017: 5].

В качестве доказательств тому, что иного выхода, кроме как эмиграция, для Чирикова уже нет, выступают размышления о судьбе писателей при большевистской власти в России. В этом контексте не только говорится о том, что при новой власти писатель-критик Ф.Д. Батюшков был посажен в тюрьму, где вскоре погиб голодной смертью, но и о перспективе «моральной писательской смерти». Герой очерка больше не видит для себя возможности творить, открыто говорить правду, быть настоящим гражданином: «Разве я не буду там мертв как писатель и как честный, искренний гражданин?» [Листья 2017: 5]. Чириков пишет, что для дальнейшего выживания в России необходимо забыть о совести и душе, поступиться всеми нравственными идеалами.

Деспотизм большевиков сравнивается неоправданной жестокостью древнеримских тиранов. Писателю больно покидать Россию, он не верит в ее гибель. Наверное, потому сцена отбытия растягивается в сознании героя. Казалось бы, решившийся эмигрировать, он часами блуждает с вещами по улицам. Самостоятельно Чириков не решается ни осознать необходимость эмиграции, ни сесть на пароход. В последнем ему помогает знакомый генерал-летчик Ткачев. Повествование

пропитано настроением неопределенности, потерянности. Герой пытается осмыслить свое место в предстоящей эмиграции, но не может.

Вторая композиционная часть очерка «Как мы бежали» начинается с момента посадки на пароход. В сущности, «посадкой» это назвать было нельзя. Толпы людей карабкались по веревочным лестницам, чтобы, оказавшись на пароходе, неподвижно стоять несколько часов, будучи вдавленными друг в друга. Такая необходимость людей бороться за каждый сантиметр, пренебрегать чувством личного достоинства создает мотив изгнания. Личность каждого человека нивелируется на фоне всеобщего бегства, страха быть посаженным или убитым. Писатель подмечает, что в таких ситуациях трагическое не противопоставляется комическому, а смешивается с ним.

Тоска о прежней России, о пережитом в ней счастье, зарождает у героя лирическое настроение. Чириков вспоминает стихотворение Шиллера «Не оставляй своей отчизны милой!». Писатель с ужасом думает: «Зачем я это сделал? – проговаривая строки, – А там, в чужой среде, ты одинок» [Листья 2017: 6]. «Спасительный остров» герой находит для себя в обществе летчиков. Герой всей душой тянулся к ним, называя их дружной братской семьей. Казалось, летчики под командованием «Летающего генерала» в любую секунду с радостью были готовы кинуться в бой. Именно в образе летчиков и, непосредственно, генерала Ткачева, писатель воплощает исконные неиссякаемые силы России и русского народа, готового бороться до конца.

Третья часть очерка условно начинается, когда главный герой прибывает в Константинополь, где производится сортировка по национальному признаку, в ходе которой русские оказываются в самом конце списка переправляемых на берег. С этого момента в полной мере писатель ощущает себя изгнанником, лишенным родины и государства. Многие русские вынуждены унижаться, представляясь гражданами другой страны. Герою страшно наблюдать за тем, как великий народ мешается с грязью. С обидой он задается вопросами: «Кто мы? Что мы-то собой теперь представляем?» [Листья 2017: 10]. Повсюду на пароходе были чудовищные условия: «Появились случаи брюшного тифа... Появилась зловещая вошь... Тесно, омерзительно, грязно» [Листья 2017: 10]. Люди будто бы теряли человеческий облик. Собственные действия Чириков, получив «подаяние» от поклонницы, описывает как поведение животного: «отвернувшись к стене, с жадностью проглотил» [Листья 2017: 10].

Когда, наконец, герой попадает на берег Константинополя, заключает: «Вспоминая все пережитое за это время, могу назвать его сплошным унижением!» [Листья 2017: 11]. Но, невзирая на пережитое,

писатель сохраняет веру в будущее России. В предложении, завершающем произведение, прослеживается фольклорный характер, напевность русских поговорок: «О чем ушибся, тем и лечись!» [Листья 2017: 11].

Автобиографический очерк Чирикова «Как мы бежали» в ярких красках и деталях отображает трагедию русского изгнания, представляет ценность для изучения истории белоэмигрантов в Турции и судьбы самого писателя.

Литература

Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Терра. Спорт, 1998.

Листья: Литературный сборник (Факсимильное издание). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017.

Олджай Т. Литературная деятельность белоэмигрантов в Стамбуле // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9-1.

Королева Н.В. Чириков // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940). Т. I. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996.

Kocharyan R.A. “The Leaves” collection in Constantinople: to the tragedy of the Russian exile in the autobiographical essay “How We Ran” by E.N. Chirikov

The article analyzes the collection known as “The Leaves”, that was one of the first publications in Russian Constantinople. The researcher focuses on E.N. Chirikov, Russian writer and publicist, known as one of the authors of “The Leaves”. The researcher discusses the little-studied stage of his life, when he was an emigrant and works that he wrote at that time. His “How we ran” is analysed in biographical and historical contexts.

Key words: the Russian literature abroad, the Russian Constantinople, “The leaves” collection, the emigrant works by E.N. Chirikov.

УДК 821.161.1

С.В. Копырюлин

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВА В ПРАГЕ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В статье рассмотрены особенности литературной жизни галлиполийских землячеств в Чехословакии. Подробно проанализированы причины, способствовавшие возникновению этого явления, приведено подробное описание издательств и периодики, основанных галлиполийцами. Обозначены имена писателей, находившихся на

территории Чехословакии и связанных с историческим феноменом «галлиполийского сидения».

Ключевые слова: литература русского зарубежья, «Галлиполийское сидение», Общество Галлиполийцев в Чехословакии.

Термином «Галлиполийское сидение» обозначается пребывание с 22 ноября 1920 г. по 22 ноября 1921 г. Русской армии на полуострове Галлиполи, турецкое название Gelibolu. Данный феномен достаточно полно изучен, благодаря находящимся в общем доступе сведениям, мы имеем представление о быте, распорядке, культуре и жизни русских эмигрантов в изгнании. Проведя в изгнании год, они покинули пустынную местность Галлиполи и направились на Балканский полуостров. Далее некоторые эмигрировали в Париж, другие – в Стамбул или Белград, были и те, кто остановился в Праге. Для поддержания связи с однополчанами и продолжения Белой борьбы, было создано и «окончательно вылилось в Уставе, принятом на собрании Учредителей Общества, 22 ноября 1921 года, в годовщину прибытия 1-го корпуса в Галлиполи» [Вестник правления… 1923: 2]. В Праге в декабре 1921 г. ими было образовано Галлиполийское землячество, главное правление которого находилось в Париже, а издательский отдел в Белграде [Вестник правления… 1923: 5]. Проясним значение термина, «землячество – объединение уроженцев одной местности или страны, живущих за ее пределами, для взаимной помощи» [Словарь… 1999: 608].

Основным местом дислокации были города Прага и Брно [Вестник правления общества… 1924: 8]. Просуществовало оно вплоть до 1945 г., т.к. после Второй мировой войны силами СМЕРШа первая половина членов данного общества была репрессирована, а другая половина была вынуждена эмигрировать в страны Западной Европы. Стоит отметить тесное сотрудничество землячества с Кают-компанией в Праге, Объединением Русских Эмигрантских Студенческих Организаций и другими эмигрантскими организациями, просуществовавшими в Чехословакии с 1920-х годов до середины 1940-х, поэтому будет рассмотрена литературная деятельность этих организаций, так как они были неразрывно связаны с Галлиполийским землячеством Праги.

Военно-исторический «Морской журнал», издаваемый Кают-компанией в Праге, выпускался в период с 1928 года по 1942 и насчитывал 148 номеров. Основной темой для него являлись история русского флота, поиски однополчан, новинки в области военного кораблестроения. Как утверждает сама редакция, вся ее деятельность направлена на «пользу будущей великой Армии и Флота и счастье горя-

чо любимой Родины» [Кают-Компания… 1928: 2]. Главный редактор – лейтенант М. Стахевич.

Объединение Русских Эмигрантских Студенческих Организаций (ОРЭСО) возникло после появления первых русских эмигрантов в Чехословакии, и была выработана повестка для проведения I съезда русского эмигрантского студенчества в Праге (20-27 октября 1921 года), на котором утвердили Устав ОРЭСО. Целью этой организации было объединение всех эмигрантов, обучающихся в вузах Чехословакии (в основном Праги и Брно), для продолжения борьбы против Большевиков. «С 1921 выпускали газету “Студент”, затем “Студенческие годы” с 1922 по 1925 годы под редакторством К.К. Пегоева, с 1926 по 1928 выходившая под названием “Годы” и под редакцией приват-доцента, доктора А. Фринта» [Раев 1994: 117].

Что касается самого землячества, до 2-й мировой войны ежемесячно издавался журнал «Информация юго-восточного отдела общества Галлиполийцев», который освещал все события, происходящие в Чехословацком Отделении, и насчитывал около 100 экземпляров.

Члены Галлиполийского землячества усиленно получали образование в Чехословакии. В основном это были технические специальности. Даже было создано Отделение при Пшембранской Горной Академии [Вестник… 1924: 9]. Но стоит отметить, что некоторые избрали филологическую направленность. К примеру, как адъютант корниловского полка Л.В.Копецкий [Вестник… 1924: 8]. Впоследствии он станет крупным ученым-лингвистом и будет преподавать в пражских университетах. Основной направленностью его деятельности послужит изучение чешского языка. Своими работами «Русский язык для чехов» – Ruљtina pro Иechy (1934), «Русско-чешский словарь» (1937), «Большой русско-чешский словарь» – 6 томов (1952–1964), «Школьный русско-чешский словарь» (1955). Копецкий внесет весомый вклад в данную область языкознания.

Помимо лингвистов, выделяются и литературоведы. К примеру, капитан Н.А. Раевский из Дроздовского артиллерийского дивизиона. Несмотря на то, что он закончил естественный факультет Карлова университета в Праге, Н. Раевский проявил интерес к Пушкину. В таких работах как «Если заговорят портреты» (1965), «Портреты заговорили» (1974) [Раевский 1978: 285], «Друг Пушкина П.В. Нащокин» он открыл интересные особенности из жизни А.С. Пушкина. Н. Раевский издаст их только в 70-летнем возрасте, вернувшись в СССР, так как у него было сложное материальное положение во время жизни в Праге, когда это было написано. Помимо работ по исследованию творче-

ства великого русского поэта, он также имел собственные труды, самыми значимыми из них считаются: повесть-сказка «Джафар и Джан», «Дневник Галлиполийца», «Добровольцы. Повесть Крымских дней». К сожалению, эти работы появятся только после смерти Раевского в 1988 году.

Безусловно, стоит отметить и казачество, не входившее в общество галлиполийцев, но прошедшее вместе с ними тот же тернистый путь. Оно представлено поэтом и писателем Ю.Ф. Гончаровым, чьи произведения публиковались при жизни и после смерти в казачьих журналах «Казаки», «Казачество», «Казачий сполох», «Вольное казачество». Силами издательств журнала «Вольное казачество» (Прага) и «Литературная Казачья Семья» (Братислава) в 1930-е годы были изданы 2 сборника стихов и рассказов автора. Поэт П.С. Поляков, печатавшийся в многочисленной казачьей периодике, а 1939 г. явивший эмигрантскому миру с помощью издательства «Литературная Казачья Семья» сборник «Поэмы». А также И.И. Колесов, автор сборника «Стихи и песни. Рассказы», выпущенного тем же издательством в Братиславе в 1936 г. Всех их объединяло членство в обществе Литературная казачья семья. Отдельно необходимо выделить еще одного представителя пражского казачества, Исаака Федоровича Быкадорова – командира Задонского корпуса и 2-ой Донской армии в чине генерал-майора, писателя и историка, автора фундаментального труда, вышедшего в Праге в 1930 г. “Истории Казачества” и повести «Казак Тимофей Разин» [Мохоля 2005: 56].

Не обошли вниманием литературную жизнь в Чехословакии крупнейшие представители русской эмиграции. Самый известный из них это «П.Б. Струве (26.1.1870 – 26.2.1944), российский общественно-политический деятель, экономист, философ, публицист. Редактор журнала «Русская мысль», издатель газеты «Возрождение» [Франк 1956: 12]. Являлся Почетным членом Общества Галлиполийцев в Праге. Активно участвовал в литературной деятельности Русского Национального Студенческого Объединения. Выступал на всех собраниях данных организаций. Наиболее известные из его выступлений – речь, посвященная памяти Л.Г. Корнилова, под названием «Героическая память» [Вестник Русского Национального… 1923: 11].

Таким образом, мы можем говорить, что, несмотря на то, что издательский центр Общества Галлиполийцев и его Правление находились в Белграде, в Чехословакии бурлила литературная жизнь, подтверждая уникальность феномена «галлиполийского сидения». Далеко не в каждой стране происходила массовая эмиграция талантливых,

творческих людей, тем более военных, повидавших все тяготы и лишения своего поприща. Они прошли через горнило бедствий Первой Мировой войны, а затем и Гражданской. Но трудности не сломили их дух, а наоборот закалили характер, что впоследствии помогло им выжить среди камней на полуострове Галлиполи. «Голое поле», подобно его новым обитателям, пережило множество потрясений и смертей, после которых еще не остыла пропитанная кровью земля полуострова. Однако люди, уподобившись Прометею, сохранили огонь в своих сердцах и не позволили погаснуть теплу своей души, которое вложили в свои произведения. Любовь к Родине, родным просторам и национальным особенностям перешла в литературу и сохранилась там настолько прочно, что ее смогли почувствовать и последующие поколения, заставляя удивляться силе слова, восхищаться их преданностью Родине, желанию оставаться русским.

Литература

Вестник Правления Общества Галлиполийцев. Белград, 1923. № 1. С. 1-7.

Вестник Правления Общества Галлиполийцев. Белград, 1924. № 6. С. 3-10.

Вестник Русского Национального Комитета. Прага, 1923. № 3. С 10-13.

Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 608 с.

Кают-компания в Праге // Морской журнал. Прага, 1928. № 3. С. 2.

Мохоля А. Становление и жизнь казачьей эмиграции в ЧСР (1921–1945 гг.). Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность // Краснодар, 2005. С. 51-58.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994.

Раевский Н.А. Избранное. М.: Худож. литература, 1978. 492 с.

Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.

Kopyryulin S.V. Gallipoli communities in Prague: a view of the literary life

The article focuses on the literary life and its features in Gallipoli communities in Czechoslovakia. The author gives detailed analysis of reasons that led to the birth of this phenomenon; describes publishing houses and pereodicals that were founded by gallipolians.In addition, he names the writers who lived in Czechoslovakia and whose names are usually associated with phenomenon of “Gallipoli sitting”.

Key words: Russian emigres literature, “Gallipoli sitting”, the society of gallipolians in Czechoslovakia.

УДК 821.161.1

А.А. Шатовкина

ЦИКЛ «МАГДАЛИНА» М.И. ЦВЕТАЕВОЙ: МОТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье рассматривается мотивно-тематический и ассоциативно-контекстовый уровни лирического цикла «Магдалина». Анализ осуществляется в рамках исследования образно-целостного и композиционного единства книги «После России». Рассмотрение цикла в границах книжной метаструктуры, с привлечением эпистолярных источников, эссеистско-прозаического наследия поэта и результатов исследования Е. Фарыно, позволяет продемонстрировать смысловую вариативность цикла и тесную связь с историко-биографическим контекстом.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, лирическая книга «После России», цикл «Магдалина».

Изучению лирического цикла «Магдалина», входящего в книгу М.И. Цветаевой «После России» (1928), посвящено множество работ как в литературоведческом, так и в лингвистическом исследовательском русле. Но все они, как правило, рассматривают цикл в отрыве от общего композиционного единства книги, упуская, тем самым, ряд важных и характерных особенностей, связанных с его интерпретационным своеобразием. Эмиграционный период цветаевского творчества характеризуется переосмыслением и переоценкой многих жизненных принципов поэта, связанных с социально-историческими событиями, обусловившими особую атмосферу последней лирической книги и особое отношение к ней автора: «Думаю о своей последней книге. <…> У неё прекрасное название, и я её люблю нежней и больней других» [Цветаева 1995, 6: 596].

Учитывая развитие исследовательских тенденций, связанных с изучением лирической книги как циклической метаструктуры и образно-целостного единства, мы рассмотрим мотивно-тематический и ассоциативно-контекстовый уровни цикла, не извлекая его из общей композиции «После России». В этой связи процесс анализа будет осуществляться с обращением к предыдущим или последующим произведениям книги, к эпистолярным источникам, к эссеистско-прозаическому наследию Цветаевой, к исследованию Е. Фарыно «Мифологизм и теологизм М. Цветаевой («Магдалина» – «Переулочки» – «Царь-Девица»)» (Wien, 1985).

Первое стихотворение трёхчастного цикла «Магдалина» появляется 26 августа 1923 года. Обращение к её образу – логичный и естественный ход мыслей поэта: испытываемое духовное одиночество и скептическое отношение к создавшейся жизненной ситуации обусловили возврат библейского образа апостола Фомы из книжных «недр» берлинского поэтического периода в стихотворении «Наука Фомы» (24 августа 1923 года). Неверие Фомы, предстающее в поэтическом преломлении «наукой», свидетельствует о попытке автора найти решение проблемы, связанной не только с территориально-социальной изоляцией и изменением правового статуса, но и с культурно-исторической, творческой изоляцией. М.Л. Слоним, часто встречавшийся и общавшийся с Цветаевой в тот период времени, вспоминал: «Она была трижды изгнанницей, ибо в эмиграции была чужой и как человек – трудный, неспособный к простым человеческим отношениям, и как романтик, тоскующий в земном плену, и как поэт, выполняющий своё послание» [Цветаева 2006: URL].

Заметим, что обращение к библейским источникам было неслучайным ещё и потому, что весь период эмиграции Библия являлась настольной книгой поэта, позволявшей рассматривать собственное поэтическое предназначение сквозь призму образного «собирательства»: «Я сама – собиратель, сама не *от себя*, сама всю жизнь от себя (рвусь!)» [Цветаева, Пастернак 2004: 39]. Образное «собирательство» Цветаевой было тесно связано с тем, чьё творчество волновало поэта, с кем происходил заочный мыслительный взаимообмен – с Б.Л. Пастернаком. Нехватка духовного общения побуждала в очередной раз пересматривать собственное мировоззрение и пытаться искать ответ на происходящее в знакомых и близких по душевному состоянию художественных образах.

Перерыв в заочном общении с автором «Сестры моей жизни» и, в значительной степени, автором «братско-сестринских» отношений с Цветаевой, возвращает поэта к теме творческого родства и к мыслям о возникновении проекции поэтической симпатии на взаимоотношения в жизни: почему у неё происходит именно так? Образ Магдалины явился культурно-исторической матрицей для переосмысления и поэтической саморефлексии Цветаевой в период эмиграции. Стихотворные цитаты из цикла «Магдалина» приводятся по изданию: Цветаева, М.И. После России. 1922–1925. Paris: YMCA-PRESS, 1976. 164 с. С. 112-114.

Не прибегая к комплексному анализу, проникновение в смысловую глубину первого лирического текста осуществим, обращая внима-

ние на метрико-ритмические нарушения в композиционном строении стихотворения. Четырёхстопный ямб с чередованием гипердактилических и мужских окончаний нарушается в четырёх строках, тем самым выявляя некоторую алгоритмическую закономерность: из общего метрико-ритмического каркаса выбиваются восьмая, тринадцатая, шестнадцатая (дополнительными слогами) и двадцать первая (нехваткой слога) строки.

Смысл стихотворения, лежащий на поверхности, говорит, что в жизни чуждость крови была разрешением к проявлению симпатии и любви. Автор предельно откровенен, когда обращаясь к евангельским временам, соотносит себя с одной из женщин, не смущавшихся своей чрезмерной страстности и влюбчивости: чуждость крови – весомое оправдание для женской темпераментной натуры. Обращаясь к адресату и сравнивая себя с грешницей Магдалиной, автор утверждает, что в их жизни происходило бы то же самое: её тёмная, демоническая сущность, скрываясь («*очесами демонскими/ Таясь*»), не жалела бы чувств под властью влекущего личностного света адресата («*светла/ Масть!*»).

Погружаясь в образ грешницы, автор представляет себя в положении ниц перед объектом страсти («*В волоса заматываю/ Ноги твои*») и выводит повествование к неназываемому образу Спасителя, изгоняющего демонов и освобождающего человеческую сущность Магдалины со словами: «*Встань, сестра!*». Образная параллель: автор – Магдалина и Пастернак – Сын Божий, в которой последнее сравнение не утверждается окончательно, что в противном случае выглядело бы нравственно-эстетическим богохульством, а лишь предполагается («*Не тот ли*»), – завершает лирический текст. Заметим, что соотнесённость образа Магдалины и себя автор продемонстрировал как факт, утверждённый в процессе поэтической медитации («*(та!)*»).

Обратимся к смысловому уровню, скрывающемуся в метрико-ритмических «сбоях». Восьмая строка акцентирует внимание на том, что адресат-«Ты» – не просто чужая кровь, вызывающая симпатию и любовь в жизни, а «*И чуждейшая из всех!*», т.е. такая на которую автор имеет полное право. Тринадцатая и шестнадцатая строки поэтически «воссоздают» поведение автора, охваченного страстью, как если бы это происходило реально: «*И на ноги бы, и под ноги бы*» – «объём» страсти, испытываемой к адресату, характеризует его исключительную значимость, а: «*Расплёванная – теки!*» – обесценивает страсть в связи с качеством предыдущей жизни. Однако двадцать первая строка: «*Некою тканью под ноги*» выводит страсть на качественно иной уровень.

Именно особое качество страсти реализует авторскую возможность получить «отпущение грехов» аналогично евангельскому сюжету с Магдалиной и Христом и связать симпатию к Пастернаку в жизни с симпатией к поэтическому «брату» в творчестве. Заметим, что в связи с изменением качества страсти («*Некою тканью*») вскрывается ещё один подтекст. Ткань, разумеется уже сопоставимая с творческой сущностью автора, динамическим выражением («*под ноги стелюсь*») предполагает не только бесконечную жертвенность сущности: Цветаева отдавалась творчеству без остатка, но и её агрессию – в соответствии с первой частью выражения. Другими словами, пытаясь подвести «под ноги» Пастернака собственную поэтическую основу, Цветаева фактически демонстрировала творческий захват и желание тотального контроля, – как и в случае наставничества с молодым критиком А.В. Бахрахом («Час Души», «Наклон», «Раковина»). В этой связи уместно вспомнить, относящееся к Пастернаку, стихотворение «Занавес», в котором сцене-«ты» перед залом-«жизнью» предстоит занавес-«я».

Думается, что Пастернак, как тонко организованная творческая натура, не мог не чувствовать в поэтическом и эпистолярном общении с Цветаевой её стихийной восторженности с оттенком некоторой агрессии, иногда переходящей в желание «заполонить» собою адресата. Второе стихотворение цикла – тому подтверждение. Поскольку автором в первом лирическом тексте уже было заявлено некоторое образное соответствие адресата Христу, тема страстного «исструения» получает дальнейшее динамическое развитие в цветаевской установке как «быть долженствующее»: «*В красную сухую глину/ Благостный вперяя зрак:/ – Магдалина! Магдалина!/ Не издаривайся так!*». Между адресатом и его образным соответствием в данном случае нет никаких отличий: глина как первооснова жизни представлена и в библейском толковании, и в цветаевской характеристике книги Пастернака «Сестра моя жизнь» – «*В белую книгу твоих тишизн/ В дикую глину твоих “да” –/ Тихо склоняю облом лба*» («Неподражаемо лжёт жизнь»).

Стихотворение в письме к Пастернаку имело первоначальное название «Слова на сон» как увод в сон-творчество. Ответом на них было чуткое замечание Пастернака: «“Слова на сон” до крайности близки, – и намеренно – миру “Сестры”» [Цветаева, Пастернак 2004: 19]. Страстному «исструению» и ответной рекомендации: «Не издаривайся так!» также предшествовал документальный источник – письмо Пастернака, в котором он замечал: «Вы – сестра мне. <…> Надо ли Вам, *такой* сестре, так по-родному хорошо знакомой… говорить… что я учился… равнодушью… узнал чувства делимые, множественные,

бренные и фрагментарные, не выражающиеся в стихах и их не знающие» (здесь и далее по тексту курсив Б.П. – А.Ш.) [Цветаева, Пастернак 2004: 63].

О том, что работа поэтической мысли Цветаевой, как ни у кого была обусловлена единством жизни и творчества, и что это единство позволяло находить золотую середину, избегая оппозиционного противопоставления «Я – Мир», следует из заключительного стихотворения цикла «Магдалина». Поэт переосмысливает собственную «страстность» в свете слов, сказанных Пастернаком в письме. Думается, не столько сообщение поэтического «брата» о его «*учении равнодушью*» подстегнуло творческий азарт Цветаевой, сколько его слова о ревности жены к поэтической «сестре» и о невозможности развеять её подозрения как необоснованные: «Как рассказать мне ей то, что нас с Вами связало, когда *даже и Вам* мне этого не выразить, ибо единственным выраженьем этого будет… жизнь в её труде, в её тишине… и в той *силе*, которую я… почитаю и которая предшествует *размерам* и их творит…, которая равна быть может точке и, дыша, отепляет своею умною нежностью безмерную вселенную, развёрнутую, раскинутую и сдерживаемую её теплом. Что сказать мне Вам обо всём этом, если уже и сейчас возможность писать Вам… я *заменяю* чтеньем Толстого» [Цветаева, Пастернак 2004: 63].

Если Пастернаку «*даже не выразить этого*» Цветаевой, то она совершенно свободно смогла «выразить это» за Пастернака, подтвердив тем самым свою жизненную и творческую позицию: «Одна за всех – из всех – противу всех» («Роландов рог»). Так возник образ лирического героя, который «сумел» отблагодарить автора-Магдалину за «чрезмерную» страстность, назвав её мироносицей и тем самым уравняв в высоком предназначении миро и «страсти» Магдалины, по сути оказывающиеся не грехом, а любовью: «*Милая! – ведь всё сбылось/ Я был бос, а ты меня обула/ Ливнями волос –/ И – слёз// <…> Я был наг, а ты меня волною/ Тела – как стеною/ Обнесла// <…> ты меня наклону/ Нежности наставила …// <…> – Мироносица! К чему мне миро?/ Ты меня омыла/ Как волна*».

Примечательно, что пастернаковская «*сила умной нежности*», предшествующая и сопутствующая творческому процессу, в цветаевском осмыслении предстаёт «*наклоном нежности*» (ср.: «Наклон»), в сущности являясь одним и тем же. В очередной раз Цветаева продемонстрировала мощь собственного поэтического потенциала в гармоничном сплаве языка и речи, но нельзя не отметить несколько «уничижительную» «само»-характеристику героя: «*Я был бос*», «*Я был*

наг». Данный пример свидетельствует не о художественном «преувеличении» автора. Поэт подразумевает факт собственного «открытия» эмиграционному читателю Пастернака и его книги «Сестра моя жизнь» – статью «Световой ливень»: образы «исструения» и «ливней» зарождаются именно в ней.

Е. Фарыно в работе «Мифологизм и теологизм Цветаевой ("Магдалина" – "Царь-Девица" – "Переулочки")» (Wien, 1985) рассматривает «свойственную и самой Цветаевой и поэзии вообще "циклизирующую" тенденцию» [Фарыно 1985: 5]. По словам исследователя, целью статей являлась «расшифровка цветаевской поэтической системы (главным образом, на уровне семантики)» [Фарыно 1985: 5].

Отграничивая более широкий контекст, Е.Фарыно использует три выразительных плана: творческий (предшествующие и совпадающие по времени написания произведения поэта), библейско-теологический и мифопоэтический (культурно-историческую взаимосвязь). Результат исследования свидетельствует, что «Магдалина, персонаж заведомо культовый, обнаруживает ряд свойств мифологического (вне- или даже пред-евангельского характера)» [Фарыно 1985: 6]. Учитывая исконность язычества и влиятельность христианства в славянских культурах, исследователь отмечает: «У Цветаевой, однако, дело обстоит гораздо сложнее: наблюдающиеся у неё "контаминации" – отнюдь не прямое заимствование из народных представлений, и далеко не всегда контаминации» [Фарыно 1985: 6].

Рассматривая цикл как «отдельные звенья сюжета» (Фарыно), отмечая теологическую и мифологическую родственность с положениями и представлениями в выборе объекта высказывания и его артикуляции, Е. Фарыно резюмирует работу существенным замечанием: «Кстати, лексика триптиха гораздо менее теологична или мифологична, чем возникающие в нём системы смыслов» [Фарыно 1985: 77]. Исключение историко-биографического контекста при погружении в семантику цикла не позволило исследователю обнаружить истоки лексического своеобразия, не соответствующего абсолютной художественной целостности субъектных образов «я» и «ты» (по аналогии с Магдалиной и Христом).

Перенос эпистолярных взаимоотношений поэтов в мотивно-тематическую ткань цикла подтверждается цитатами из писем. Возникновение «родственных» чувств к Пастернаку как поэтическому собрату и статья «Световой ливень» как отклик на его книгу «Сестра моя жизнь» позволяют понять, почему «лексика триптиха» недостаточно теолого-мифологична: «*чужая*» и даже «*чуждейшая из всех!*» кровь

вступает у Цветаевой в противоречие с «братской» кровью поэтического родства. Образы «*белой книги твоих тишизн*» и «*дикой глины твоих "да"*» («Неподражаемо лжёт жизнь») отражаются в возникшем противоречии результатом воздействия поэзии Пастернака: это «что-то островитянски-ребячески-перворайски невразумительное» [Цветаева 1994: 5: 233]. Вот почему образ поэта, представленный Цветаевой в статье: «Самого Пастернака я бы отнесла к самым первым дням творения: первых рек, первых зорь, первых гроз. Он создан *до* Адама» (курсив М.Ц. – А.Ш.) [Цветаева 1994: 5: 233], получает дальнейшее развитие в цикле: «*а тот// В красную сухую глину/ Благостный вперяя зрак*».

Второе и третье стихотворение цикла явилось в результате поэтической переписки (между ними и первым стихотворением хронологический промежуток в пять дней). В письме Пастернак «упрекал» Цветаеву в чрезмерности чувств и расписывался в бессилии поэтически выразить собственные, «провоцируя» её тем самым на очередной поэтический эксперимент в субъектной сфере. Художественные образы: «*волна тела*» и «*омыла как волна*» демонстрируют, на наш взгляд, семантическую взаимосвязь с именем Марина. Мотивно-тематические образы «*некой тканью под ноги*» и «*в волосах своих мне яму вырой*» – свидетельство поэтического «захвата» и стремления Цветаевой к реализации наставнической миссии, недоосуществлённой ею в отношении Бахраха и параллельно переведённой в тот же временной период на заочные взаимоотношения с Пастернаком. Полтора года спустя (14 февраля 1925 года) Цветаева в письме к Пастернаку напишет об этом так: «Я хочу того, кто только для меня одной знает слова, из-за, через меня их узнал, нашёл» [Цветаева, Пастернак 2004: 102].

Смысловые «темноты» кровного родства и чуждости перестают быть таковыми в цикле при анализе книги «После России» как целостного единства, демонстрирующего «братско-сестринскую» динамику взаимоотношений не только в стихотворениях «Сестра», «Брат», «Клинок», но и в прочих образных вкраплениях в лирическую ткань книги. В пользу конкретики цветаевских поэтических образов и, по словам Е.Фарыно, «лексики триптиха менее теологичной или мифологичной, чем возникающие в нём системы смыслов» свидетельствует неозаглавленное стихотворение «Рас – стояние: вёрсты, мили…», об истории создания которого Цветаева писала: «Редкий, редчайший случай расширения читателем писательского образа, обобщения, даже увечнения частности. Ни о какой эмиграции и России, пиша, не дума-

ла. Ни секунды. Думала о себе и о Борисе» [Цветаева 1994, 4: 605]. Цикл «Магдалина» демонстрирует, как видим, далеко не «*редчайший случай расширения читателем писательского образа*». Однако происходящее «*увечнение частности*» в семантическом плане книги позволяет в культурно-историческом ракурсе воспринимать творчество поэта как демонстрацию общечеловеческих переживаний, присутствующих в любом литературно-историческом срезе.

В ракурсе нашего исследования цикл «Магдалина» характеризуется смысловой вариативностью истолкования. Благодаря семантической многозначности художественных образов и «развитию определённого мотива во времени и пространстве» [Мирошникова 2004: 61], осуществляется мифопоэтическая реализация библейского мотива встречи блудницы и Спасителя. Процесс духовного «преображения» Магдалины сохраняет авторский акцент на любви, которая гармонично сочетает телесную и духовную сущности человека.

Тесная связь с историко-биографическим контекстом демонстрирует близость образа Магдалины и автора, для которого жертвенность и страстность, жизнь и творчество представляли процессуальное единство: «Искусство вкладывалось во всю её жизнь, без остатка, как скрипка в футляр» [Гуль 1973: 34].

Литература

Гуль Р.Б. Одвуконь: советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк, 1973.

Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. Омск, 2004.

Фарыно Е. Мифологизм и теологизм М. Цветаевой («Магдалина» – «Переулочки» – «Царь-Девица»). Wien, 1985.

Цветаева М.И. После России. 1922–1925. Paris, 1976.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. М., 1994.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1995. Т. 6: Письма.

Цветаева М.И. Энциклопедическое собрание сочинений [электронный вариант] / URL: http://www.iddk.ru.

Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 гг. / подгот. Е.Б. Коркина и И.Д. Шевеленко. М., 2004.

Shatovkina A.A. The “Magdalen” cycle by M.I. Tsvetaeva in the historico-biographical contexts: to the uniqueness of motives and themes

The article discusses the motivic, thematic, associative and contextual levels of the lyrical cycle “Magdalen” by M.I. Tsvetaeva. The given analysis is a part of the study that is dedicated to the image-holistic and compositional unity of the book

"After Russia". Consideration of the cycle within the boundaries of the book metastructure, with the involvement of epistolary sources, the poet's essay-prosaic heritage and the results of E. Faryno's research, demonstrates the semantic variability of the cycle and its close connection with the historico-biographical context.

Key words: M.I. Tsvetaeva, lyric book "After Russia", cycle "Magdalen".

УДК 821.161.1

А.В. Чеснокова

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ И А.С. ГОЛОВИНОЙ

Статья посвящена рассмотрению темы одиночества в творчестве двух русских поэтов Марины Цветаевой и Аллы Головиной, которые в поэтической форме зафиксировали психологическое состояние человека катастрофической эпохи.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Русская Прага, лирика М.И. Цветаевой, лирика А.С. Головиной, тема одиночества.

Марина Цветаева и Алла Головина впервые встретились в эмиграции в Чехословакии, потом была долгая переписка и новая встреча уже в Париже. Головина, несомненно, испытала сильное влияние Цветаевой на свое творчество. Они разделили свою судьбу со многими современниками, кому пришлось покинуть родину и искать себе приют в чужом краю. Но только Марине Ивановне пришлось вернуться в новую Советскую Россию, а Алла Сергеевна так и осталась во Франции.

Забвенья милое искусство
душой освоено уже.
Какое-то большое чувство
сегодня таяло в душе

[Цветаева 2003]

Так приподнимает завесу над тайной своей поэтической души Цветаева. Словно вторит ей Головина, развивая эту тему уже в русле неизбежного одиночества в творчестве:

Пусть, ломая границы тиража,
Разлетаются наши сонеты…
Души, души, у нас распродажа,
Мы последние птицы-поэты

[Головина 1992]

Чувство одиночества – это то, что присутствует почти в каждом их произведении. В стихотворении «Уединение: уйди» одиночество противопоставляется свободе:

Уединение: уйди
В себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу

[Цветаева 2003]

Как видим, и в этом произведении Цветаева говорит об одиночестве, которое сжигает душу изнутри, заставляя чувствовать себя опустошенной. Ей хорошо было знакомо это чувство. Она любила, но ее чувство было поругано, она тянулась к людям, но ее не поняли. Цветаевская героиня страдала от этого, и ее страдания вылились в проникновенные строки. Поэтому лирическая героиня Цветаевой одинока от несбывшейся любви или дружбы, одинока как поэт, противостоящий миру, одинока в своем мироощущении и миропонимании. В стихотворении «Что же мне делать, слепцу и пасынку» она отмечала: «Что же мне делать, слепцу и пасынку, / В мире, где каждый и отч и зряч… [Цветаева 2003].

Именно в эмиграции Цветаева не могла найти себя. Именно тогда общение с окружающим миром поэтесса меняла на диалог с собственной душой: «Между любовью и любовью распят / Мой миг, мой час, мой день, / Мой год, мой век [Цветаева 2003].

Но удивительным в одиночестве Цветаевой было то, что в ее поэзии оно проступало в двух ипостасях: одиночество – это и сильнейшее страдание, и одновременно величайшая благодать: «Я и жизнь маню, я и смерть маню / В легкий дар моему огню… [Цветаева 2003].

Возможно, именно это сроднило поэзию Цветаевой и Головиной, лирический герой которой живёт в мире, полном муки, печали, страха. В стихотворении «Пробуждение» Головина признается:

И задыхаясь, выловить спеша,
Царапая и вывихнув запястья,
Ты видишь, бьется белая душа,
Что шла ко дну на полпути от счастья…

[Головина 1992]

Но только лирический герой этой поэтессы чаще всего живет воспоминаниями о России, надеждой на возможное возвращение в родные

края, где «поймут её тоску и муки». И это заставляет лирическую героиню искать выход из критической ситуации. Одиночество порождает другой мир – «окончательный свой мир»:

Ведь больше вынести нельзя
ни одиночества, ни стужи,
зачем же этот голос нужен,
во тьме ведущий, как стезя?

[Головина 1992]

Этот мир представляет собой не систему мыслей, а это мир поэтических образов. Эти образы не случайны, они строго подобраны и составляют свою систему. У поэта своя точка зрения, вернее – угол зрения, под которым он воспринимает мир:

Ночью руки до плеча растают –
Мы крылаты снова на досуге.
Ночью души наши улетают
На каналы в позабытый Брюгге.

[Головина 1992]

И если путь цветаевской героини – это постоянный и непрекращающийся бег, это вечное движение, то героиня Головиной живет в двух мирах: мире настоящего и мире будущего. При этом Цветаева одна из немногих, кто изначально понимает и принимает судьбу: поэт обречен на одиночество и это его земной крест. В тоже время у Головиной одиночество – это временное состояние, у которого есть выход.

И как бы по-разному не осмысливали эту тему в своих произведениях обе поэтессы, объединяет их то, что для каждой из них этот мир постоянно и напряженно осмысливается. А по-другому и быть не должно: ведь, согласно мнению Гете, чтобы стать настоящим поэтом, надо свернуть с большой проторенной дороги привычной поэзии на едва заметную тропинку, прокладываемую усилиями одиночки. Именно одиночество стало определяющим в поэзии Марины Цветаевой, и эта же тема стала близка и творчеству Аллы Головиной, которая вылилась в проникновенные строки, которые теребят душу каждого, кто читает их стихи.

Литература

Баранова-Гонченко Л.Г. Головина Алла Сергеевна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н.Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 1. С. 514-516.

Головина А.С. Вилла «Надежда». Стихи. Рассказы. М.: Современник, 1992. С. 4-150.

Цветаева М.И. И сердце рвется от любви на части… М.: Зарницы, 2003. 278 с.

Chesnokova A.V. The theme of loneliness in the poetry of M.I. Tsvetaeva and A.S. Golovina

The article deals with the theme of loneliness in the works of two Russian poets M.I. Tsvetaeva and A.S. Golovina, who focus on the psychologic state of a person who lives in the time of severe shocks and great disasters.

Key words: the Russian literature abroad, the Russian Prague, the poetry of M.I. Tsvetaeva, the poetry of A.S. Golovina, the theme of loneliness.

УДК 821.161.1

А.С. Кабанова

«ПРАЖСКИЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ГОЛОВИНОЙ

Статья посвящена исследованию «пражского текста» в лирике поэта Русской Праги А.С. Головиной. Выделяются особенности изображения Праги в её поэзии, специфические черты города как пространства.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Русская Прага, лирика А.С. Головиной, «пражский текст».

Русская поэтесса А.С. Головина (1909–1987) покинула Россию сразу после революции 1917 г. Относится к «первой волне» русской эмиграции. В. Леонидов так описывает основные вехи её биографии: «Она родилась на Украине в семье барона Штейгера, выходца из Швейцарии. Вместе с родителями, едва не погибнув, покинула Россию в 1920-м на одном из последних пароходов. Какое-то время они были в Турции, потом семью Штейгеров приютила Чехословакия. Здесь Алла Сергеевна училась в Пражском университете, здесь посещала знаменитый литературный кружок “Скит", которым руководил блистательный филолог Альфред Бем» [Леонидов 2003].

Важным этапом в жизни и творчестве Головиной стала жизнь в Праге, где поэтесса находилась с 1923 по 1935 гг. Именно там она познакомилась с М.И. Цветаевой, оказавшей на творчество Головиной сильное влияние. Именно во время проживания в Праге она стала членом «Скита поэтов», Союза русских писателей и журналистов в Чехо-

словакии и вела активную литературную жизнь. В.Г. Адамович называл её «самым талантливым поэтом Праги» [Адамович 1935].

Неудивительно, что стихотворения Головиной этого периода объединены образом города, который становится местом для лирических переживаний, благодаря чему Прага оказывается как бы вписанной в метафизический художественный мир лирики Головиной. Так говорит об этом А.Л. Бем: «Поэзия Головиной – поэзия города по преимуществу. Она урбанист и упорный урбанист. Разве только иногда, как горожанку, потянет её к деревенскому пейзажу. Обычно природу она воспринимает на фоне большого города» [Бем 1933]. В статье предпринимается попытка проследить особенности отражения образа Праги в поэзии Головиной и сформулировать специфические черты её «пражского текста».

Для исследования взят сборник «Лебединая карусель», изданный в 1935 году в Берлине. Сборник является единственным прижизненным изданием стихотворений. Также он представляет интерес потому, что содержит тексты, написанные именно в период пражского этапа жизни и творчества Головиной.

Следует отметить, что название города «Прага» в сборнике практически не встречается, его можно найти лишь в одном стихотворении, где оно, при этом, не является центральным элементом. Однако концепт города встречается в лирике повсеместно.

Стихотворение «Городская весна» (1930) открывает сборник. Обращение к теме города можно увидеть уже в названии, что ориентирует читателя на содержание. Основной художественный приём здесь – развёрнутая метафора, которая охватывает практически целиком всё стихотворение. Весна в городе предстаёт уже не явлением живой природы, а чем-то искусственным, сделанным руками человека: «Её прислали образцом ковров / Для сквера и для нового бульвара…» [Головина 1935: 7]

Изменения касаются всего природного мира: душистая сирень, один из символов весны, искусственным образом «изящно завита и рекламирует модель для ширмы», облако – это «штемпель лучшего товара», а солнце листает «каталог, где лучшие сорта свиданий». Так, всё естественное становится искусственным, подвергается влиянию города: природа словно переходит в разряд товара в каталоге. Но человеку, у которого «кашне трепещет на ветру в том месте, где крыло у птицы», всё равно хочется «верить в новую игру». И пусть «игра» подразумевает под собой нечто ненастоящее, недолговечное, а весна не ощущается в полной мере как время пробуждения жизни, душа всё

равно поддаётся весеннему порыву и стремится в полёт. Явно заметно противопоставление бескрылого человека, привязанного к земле, к городу, и крылатой птицы, свободной от определённой географической привязанности.

Необходимо отметить, что образы птиц, крыльев встречаются у Головиной очень часто и являются магистральными в её творчестве, что проявляется даже в названии сборника – «Лебединая карусель». Вновь можно привести слова А. Бема: «Лебедь становится образом утраченной свободы, и поэтому всё, что хоть очертанием напоминает его, упорно носит эпитет “лебединый”. “Лебединая карусель” наиболее ярко выражает эту символику» [Бем 1933]. Часто образы птиц являются частью антитезы «земля – небо», «приземлённость – полёт». Весь пражский цикл стихотворений так или иначе развивает эту противопоставленность, и часто она способствует расширению городской темы, обогащает её.

В стихотворении «От пыльного, от душного тепла…» (1929) снова появляется образ птицы: «Я птицею лечу на зеркала / И ударяюсь бабочкой о стекла…» [Головина 1935: 19] Вновь метафора: крылатая человеческая душа заперта в городе, в стенах каменных домов, и потому не может взлететь. Лирическая героиня, устав от борьбы, «отупев… от бессилья», не видит другого выхода, кроме как опустить крылья. Птицам нет места в городе: они существуют здесь только как лебяжий пух, летящий из подушек. Лирическая героиня восклицает в горе: «Как в городе мечта моя поблекла!» [Головина 1935: 19]

Единственное избавление приходит во сне, который «несёт в ладонях радостные вести». В данном стихотворении ещё ярче изображается сущность города как угнетающего, прижимающего к земле места, где даже воздух тёмный и мертвенный.

Ещё одно стихотворение, «Пленные души» (1931), снова уже в названии раскрывает тему несвободы человека в городе. Здесь журавлей можно увидеть только на стенах в комнате, линолеум – это сад, на котором неестественно симметрично расцвели розы и гвоздики, а тяжёлые гардины преграждают путь на волю. Эти же образы совершенно иначе раскрываются в природном, естественном пространстве, и повтор создаёт яркую антитезу:

Далеки зелёные леса,
Где рыдает голос журавлиный
И на розах вечером роса…

[Головина 1935: 17]

Нарисованные застывшие журавли противопоставляются живому журавлиному крику, мёртвые розы на полу – покрытым росой розам в лесах. Те же гвоздики с линолеума стремятся прорасти сквозь ограничивающую их крышу. Усиливают проходящую через всё стихотворение антитезу контекстные антонимы: «За дверями маленькой гостиной / Дали необъятны и чисты» [Головина 1935: 17]. Маленькое городское пространство и необъятные дали противоположны друг другу. Но в эти леса из «комнатного лета» попасть невозможно, ведь попытка полёта неизбежно грозит возможностью разбиться. Город здесь предстаёт как темница, которая может предложить лишь подделку, бездушную кальку настоящей жизни. Поэтому отовсюду слышно, как на рассвете «рыдают голоса тоски».

Стихотворение «В городские сады возвращаются птицы…» (1930) написано уже в иной тональности. Застывшему, тяжёлому и закостенелому городу противостоит здесь творческая сила поэта: «Ночью рифмы влетают сквозь черепицы, / Разбивают стекло и железобетон» [Головина 1935: 30]. Бем отмечает: «Головиной удаётся большой напряжённостью духа прорвать эту мёртвую материю города. И в этом своеобразное очарование её поэзии» [Бем 1933]. Город словно отступает под натиском этой силы, сам городской пейзаж преображается: квартиры похожи на скворешни, мосты «облаком дышат», словно живые, а номер парадного у лирической героини – это звезда. Происходит синтез городского и природного, одно проникает в другое, исчезает ограниченность пространства: «Потолок раскрывает четыре квартиры, / И на крыше железные тают листы…» [Головина 1935: 30]

В данном стихотворении город, сохраняя прежние признаки неживого, тёмного, замкнутого пространства, теряет свою безоговорочную власть над человеком, и в первую очередь – над поэтом. Именно поэту удаётся всё же обрести в этом пространстве лёгкость и суметь взлететь, пусть и только ночью.

Таким образом, Головина постоянно обращается в своей поэзии к образу города – Праги, – который ознаменовал очень важный этап в её литературной биографии. Поэтому, безусловно, к её творчеству применимо понятие «пражский текст», ведь Прага оказывается практически действующим лицом её поэзии, она наделяется у поэтессы определёнными постоянными чертами. Город у Головиной – закрытое, ограничивающее пространство, которое сковывает людей и не даёт их душам взмахнуть крыльями. Однако поэту как душе глубокочувствующей, отважной и стремящейся ввысь удаётся пробиться сквозь каменные темницы городских многоэтажек.

Литература

Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 24 января 1935.

Бем А.Л. Поэзия Аллы Головиной // Молва. 17 декабря 1933. № 289.

Головина А.С. Лебединая карусель. Стихи. Издание Петрополис. Берлин, 1935.

Леонидов В. Алла Головина. Душа моя – моя кариатида // Новая Юность. 2003. № 4 (61).

Kabanova A.S. "The text of Prague" in the works by A.S. Golovina

The article is dedicated to the study of such a phenomenon as "the text of Prague" in the works of the Russian Prague poet A.S. Golovina. The article highlights othe image of Prague and its characteristic features in her poetry, the specific features of the city as a space.

Key words: the Russian literature abroad, the Russian Prague, lyric poetry by A.S. Golovina, "the text of Prague".

УДК 821.161.1

В.А. Гулик

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА Т.Д. РАТГАУЗ: «ЖЕНЩИНА НА МАЯКЕ»

В статье анализируется концептуальное стихотворение «Женщина на маяке» Т.Д. Ратгауз – поэтессы, чья творческая судьба неразрывно связана с феноменом Русской Праги. Подробно рассматривается художественно-философское своеобразие произведения.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Русская Прага, поэзия Т.Д. Ратгауз, философская лирика.

Русская поэтесса Т.Д. Ратгауз (1909–1993), еще будучи гимназисткой, вместе с семьей эмигрировала в Прагу. Там же начинаются её первые поэтические опыты. С 1926 года многие стихотворения Т.Д. Ратгауз печатаются на страницах изданий русского зарубежья. Произведения поэтессы получают положительные отзывы критиков, таких, например, как В.Ф. Ходасевич, который писал об альманахах Пражского «Скита» поэтов (в который с 1930 года вступает Т.Д. Ратгауз) так: «...Сейчас наиболее обещающими поэтами "Скита", кроме Головиной, кажутся нам Э. Чегринцева, Евгений Гессен, Татьяна Ратгауз» [Ходасевич 1935: 3].

Творческое наследие Т.Д. Ратгауз требует тщательного изучения не только с целью выявления идиостиля поэтессы, популяризации ее

лирики на родине, но и с целью получения ценнейших знаний о культурной жизни русского зарубежья.

В немногочисленных источниках не обозначена дата создания стихотворения «Женщина на маяке», однако, видится возможным указать период, в который оно было написано – это 1928–1935 годы, именно в разделе с такой датировкой располагается оно в сборнике Т.Д. Ратгауз «Вся моя жизнь» (1987). И, поскольку в кратких биографических статьях о Т.Д. Ратгауз не содержится информации о более личных событиях жизни поэтессы, невозможно определить, присутствует ли биографическое начало в произведении и можно ли соотнести лирическую героиню и саму поэтессу. «Женщина на маяке» – это яркое, чувственное, пронизанное печалью стихотворение, лирическая героиня которого в тихой грусти проводит на маяке день за днем со «старым, молчаливым мужем», следя за уходящими за горизонт шхунами и пароходами.

При описании пейзажа поэтесса использует метафору и сравнение: «*Дни проходят, как рыбачьи шхуны…*» [Клименко-Ратгауз 1987] (так как лирическая героиня живет на маяке, то течение жизни видится ей проходящими лодками рыбаков); «*Тянется бледнеющим изломом облака ползущий дымный хвост…*» (здесь имеет место зоологизация, Т.Д. Ратгауз сравнивает облако дыма, тянущееся за пароходом, с хвостом животного); «*…неба радужная скатерть…*» (в этой метафоре отражено многообразие красок необъятного, раскинутого, словно *скатерть*, закатного неба). Каждая метафора, каждое сравнение, используемые поэтессой, основаны на внимательном наблюдении за малейшей деталью. Пейзаж в стихотворении «Женщина на маяке» можно назвать импрессионистичным.

К эпитету Т.Д. Ратгауз относится не менее трепетно и скрупулезно. Здесь «*моря запах пряный и тоскливых чаек голоса*». Любопытным является, то, что поэтесса делает эпитет «*тоскливый*» характеристикой не звука, а собственно самой птицы, что усиливает значение данного образа. Эпитеты «*одинокий дым*» и «*ветер горек*» поддерживают общее настроение стихотворения. Лирическая героиня видится печальной и покинутой.

Цветовая палитра стихотворения не отличается богатством красок, но стоит отметить цветовые эпитеты, которые использует поэтесса, это розовый, серебряный, черный, бирюзовый, радужный. Обратим внимание на символику цвета, применимую к данному произведению: розовый и серебряный цвета символизируют легкость, окрылённость и стремление к свободе, это идеал лирической героини, оторванность от обыденной жизни, то к чему она так стремится. Черный же цвет оз-

начает тяжесть, пустоту, что является символом действительной, земной жизни лирической героини.

Значение бирюзового цвета схоже со значениями розового и серебряного – это также символ стремления к совершенству, к чему-то новому, всепоглощающему. Радужный цвет поэтесса использует в финале произведения, это символ всех красок жизни, символ преображения. Таким образом, цветовая гамма стихотворения образует так называемый символический подтекст, дополняющий поэтическую реальность произведения и открывающий новые значения и варианты интерпретации текста.

Поэтесса воздействует на органы чувств читателя, используя зрительные (*тень дымка, серебряный туман*), слуховые (*чаек голоса, шумит вода, пропоют сирены*), осязательные (*гладкий утес*), обонятельные (*моря запах пряный*) и даже вкусовые (*ветер горек*) элементы описания пейзажа в стихотворении. Тем самым создавая наиболее полную всеобъемлющую характеристику пространства произведения, а также способствуя суггестивности его образов.

Центральным образом-символом стихотворения становится маяк. Однако он имеет двоякую трактовку: с одной стороны, это олицетворение одиночества, противопоставленности окружающему миру, с другой – маяк символизирует надежду. Лирическая героиня живет на маяке, она чувствует внутреннюю несвободу, а также стесненность жизненными обстоятельствами – здесь мотив душевного одиночества; но в редкие закатные часы она созерцает с высоты необъятную ширь моря, провожает взглядом уходящие корабли и надеется, что ее возлюбленный, быть может, рядом и тоже помнит ее – здесь видится мотив надежды.

Еще одним образом-символом является чайка. Считается, что эта птица символизирует свободу, полет, жизнь. Однако в контексте стихотворения «*тоскливых чаек голоса*» этот образ приобретает несколько иное значение. Здесь чайка – это символ душевного состояния лирической героини. Отмечается, что крик этой птицы – стонущий, надрывный – символизирует женский плач.

Рутинность дней для лирической героини показана словами: «*бывает*», «*и опять как было*», «*по ночам…страшней шумит вода*» – создается впечатление неоднократно повторяющихся, привычных, монотонных действий и событий. Она будто попала в замкнутый жизненный круг, который нет сил порвать.

Особенностью стихотворения является описание действий лирической героини при помощи (совсем не многочисленных) глаголов второго лица единственного числа: «*…развешивая сети, ждешь…*».

Это создает двоякое впечатление: Т.Д. Ратгауз то ли описывает обычный день для самой лирической героини, то есть, обращаясь непосредственно к ней; то ли стремится сделать читателя участником описанной ситуации, сделать именно его героем стихотворения, примерить на себя роль лирической героини.

В тексте стихотворения присутствует краткая портретная зарисовка:

Может быть, что кто-то за штурвалом
Поднимает в этот миг глаза…
Может быть: лицо его знакомо,
А глаза… глаза светлее звезд…

[Клименко-Ратгауз 1987]

Возможно, это человек, к которому стремится душа лирической героини Т.Д. Ратгауз. Под портретом в поэтическом произведении следует понимать такое метафорическое изображение внешности героя, в котором через определенные детали его облика или даже впечатление от них создается не только данный конкретный образ, но и открывается авторская концепция мира. В стихотворении «Женщина на маяке» такой деталью являются глаза, здесь Т.Д. Ратгауз использует трехкратное повторение этой словоформы.

С древних времен глаза человека являются символом восприятия мира и всяческого знания, в мифологии их сопоставляли с душой человека, придавали им сакральное значение. Древние также связывали глаза с небесными светилами, считая, что свет является символом разума и духа, а зрение тем самым являет собой духовный акт, за глазом признается способность к духовному восприятию [Толстой 2002]. Таким образом, не случайно Т.Д. Ратгауз пишет: «*А глаза… глаза светлее звезд…*», зрительный орган становится доминирующей характеристикой возлюбленного лирической героини. Здесь еще раз обозначается их духовная близость.

«Женщина на маяке» – астрофическое стихотворение, то есть, здесь деление на строфы полностью отсутствует. Такая организация произведения способствует восприятию поэтического текста как законченной истории, не разбитой на части, единой в своей повествовательной канве. Этому способствует и кольцевая композиция. Рамочное построение текста усиливает впечатление о статичности жизни лирической героини, как бы заключенной в окружность повторяющимися строками: «*Розовой бывает на рассвете круглая верхушка маяка*» [Клименко-Ратгауз 1987].

Стихотворение «Женщина на маяке» отличается не только мастерством пейзажной лирики с колоритными тропами, но и образцом

стихотворения-истории, стихотворения-новеллы, зарисовки из жизни лирической героини. Произведение отличается богатой, хорошо разработанной системой образов-символов, образующих подтекст стихотворения: как образов-доминант, так и дополнительных цветовых символов. «Женщина на маяке» является замечательным образцом пейзажной и одновременно философской лирики Т.Д. Ратгауз.

Литература

Клименко-Ратгауз Т.Д. Вся моя жизнь. Рига, 1987. С. 5–8

Толстой Н.И. Глаза // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с. С. 105.

Ходасевич В.Ф. Книги и люди («Любовь вторая», «Скит». Переводы Владимира Слободника) // Возрождение. 22 августа 1935.

Gulik V.A. "The Woman at the Lighthouse" as an example of philosophical lyrics by T.D. Ratgauz

The article analyzes the conceptual poem "Woman at the Lighthouse" of poetess Ratgaus. Her works are closely connected with the phenomenon of the Russian Prague. The researcher studies in details philosophical uniqueness of this literary work.

Key words: the Russian literature abroad, the Russian Prague, the poetry by T.D. Ratgaus, philosophical lyrics

УДК 821.161.1

Ю.С. Попова

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920–1930-х ГОДОВ

В статье рассматриваются некоторые особенности издания детской литературы в условиях русской эмиграции в 1920–1930-е годы. Определен круг авторов, писавших для детей, и жанрово-тематический репертуар изданий. Дается список основных детских журналов и журналов для детей русского зарубежья 1920–1930-х годов, которые помогали в развитии национального воспитания.

Ключевые слова: детская литература, русская эмиграция, журналы для детей.

Уникальность русской эмиграции 1920–1930-х годов заключается в её производности от социокультурного раскола России, достигшего критических размеров в конце XIX – начале XX вв. Очередные попытки

перехода от традиционного общества к либеральному сопровождались трансформацией политического сознания, затрагивавшей социокультурные основания российской государственности.

В этот период дети оказываются в более неблагоприятном положении, нежели взрослые. Исторический опыт наглядно свидетельствует, что в моменты хаоса, кризиса культуры и идеологии дети безвинно страдают больше всего из-за ошибок взрослых. Особенностью первой волны русской эмиграции является значительное количество детей в ее составе.

Детей можно назвать наиболее социально незащищенной частью русской эмиграции этого периода. Забота о судьбах подрастающего поколения, нуждающегося в социальной защите и образовании, борьба с денационализацией детей и юношества, возрождение национального чувства, культурных и религиозных традиций, родного языка стали, по словам И.А. Бунина, «миссией русской эмиграции».

В эмиграции получила продолжение давняя традиция российской прессы – однодневные газетные издания, а также специальные и «почетные» номера газет. Выпуск их был приурочен к какому-либо памятному событию истории, общественной и культурной жизни, а содержание ограничено определенной темой. Другая функция подобных разовых изданий – благотворительная, т.е. сбор средств в пользу нуждающихся соотечественников.

Из однодневных изданий, предназначенных оказать помощь подрастающему поколению эмиграции, наибольший интерес заслуживает газета «Русскому мальчику», выпущенная в Париже 2 мая 1926 года – в день Пасхи. Организована она Особым Комитетом по устройству общежития для русских мальчиков в Париже. Участие в этом издании приняли: Н. Тэффи, Б. Зайцев, А. Куприн, И. Шмелев, К. Бальмонт, А. Черный, А Яблоновский, С. Яблоновский, А. Ремизов, Н. Рощин, В. Ладыженский. Следует отметить графические работы Ф. Рожанковского, выполненные специально для этого выпуска [Иванов 2000: 293].

В однодневных газетах, в отличие от периодических изданий, тематически сконцентрированы главные умонастроения и чаяния русского зарубежья тех лет.

В «Воззвании русских писателей, ученых, артистов и художников», подписанном 8 мая 1926 года в Париже, были поставлены задачи воспитания: «Будущие граждане России должны будут спасти на родине культуру, ныне там гибнущую. Их поколению назначено судьбой способствовать возвращению России должного ей места в рядах других государств, восстановлению гражданского порядка, возрождению русской

мысли и русского творчества». Среди подписавших воззвание были писатели Иван Бунин, Надежда Тэффи, Иван Шмелев, Марк Атданов, Борис Зайцев, Александр Яблоновский, Александр Куприн, Саша Черный, Алексей Ремизов, Марина Цветаева, Николай Рощин. Кроме того, литературу для детей создавали Михаил Первухин, Иван Наживин, Дон-Аминадо, Владимир Набоков, Арсений Несмелов, Сергей Перский, Василий Никифоров-Волгин, Николай Байков и другие [Арзамасцева, Николаева 2005: 374].

К оформлению детских изданий были привлечены лучшие художники: К. Сомов, И. Билибин, А. Бенуа, М. Добужинский, Н. Гончарова, Б. Григорьев, Н. Зарецкий, В. Масютин, С. Чехонин и другие.

Мы видим, что эмигранты всячески поддерживали культуру детства. Поэтому значительное место в ней занимает издание литературы для детей. Для русской эмиграции первой волны данная парадигма складывалась из пяти основных позиций:

1) русская классика, осознаваемая как святыни отечественной литературы – первым в этом ряду стоял Пушкин;

Издатели стремились сохранить национальную идентичность ребёнка за счёт выпуска проверенных текстов авторов-классиков, в том числе и на иностранном языке. «Пушкин становится в изгнании синонимом родины и русской духовности. Имя великого поэта стало основой “культурной идеологии” русской эмиграции и культурным символом утраченной Родины» [Савченко 2012: 153-154].

2) мемуарная литература о России;

Сквозным лейтмотивом всей русской литературы за рубежом проходит тема России, тоски по ней. Воспоминания о России, ее красоте и прекрасных людях вызвали к жизни целый ряд автобиографических произведений о детстве («Богомолье», «Лето Господне» И. Шмелева, трилогия «Путешествие Глеба» Б. Зайцева, «Детство Никиты, или Повесть о многих превосходных вещах» А. Толстого) [Федюк, Урядова 2006: 86].

3) массовая литература, как русская, так и переводная – нередко обозначавшаяся как «чтение» и пользовавшаяся самым большим спросом у «среднего» читателя;

Зарубежные издательства не ограничивались выпуском для детей только отечественных авторов. На фоне устойчивой литературной традиции проникновение произведений иностранных авторов и переводной литературы в детский издательский репертуар выглядит закономерным продолжением традиции детской литературы дореволюционного периода.

Общей особенностью этих авторов и их произведений является принадлежность к одному литературному жанру – сказке.

Так, например, частота издания сказок датского писателя Х.-К. Андерсена, существенно превосходит количество новых произведений других авторов. Возможно, популярность произведений Х.-К. Андерсена связана с потребностью эмигрантского сообщества в «утешительном мифе» (Цит. по: [Амфитеатров: 15]) и давним закреплением фигуры Андресена в статусе детского писателя-сказочника [Димяненко 2015: 100].

4) советская литература;

5) «высокая» или «элитная» литература эмиграции.

Применительно к детской литературе возможно говорить лишь о первых трех позициях, поскольку «элитной» детской литературы в эмиграции не создавалось, «высокими» считались произведения классиков, а советская литература относилась к нежелательным факторам воздействия на детское сознание в условиях изгнания и утраты родины (но не надежды на ее обретение в будущем). В целом представления о детской литературе складывались в полном соответствии с пониманием задачи эмиграции как таковой (сохранение культурного наследия) и ее задач по отношению к подрастающему поколению (воспитание эмигрантских детей прежде всего русскими, подготовка их к будущей работе в России, борьба с денационализацией как главной опасностью, грозящей эмигрантским детям) [Демидова 2015: 58].

Детская книга русского зарубежья формировалась в тяжелых экономических условиях, в русле общего потока книгоиздания за рубежом. Её выход сопровождался теми же трудностями, что и издание всей эмигрантской книги в целом.

Огромная роль в решении педагогических проблем принадлежала детским журналам и журналам для детей русского зарубежья 1920–1930-х гг., которые обеспечивали индивидуальный подход к каждому ребенку, давали детям возможность реализовать свои интересы, раскрыть художественные, организаторские способности, создавали условия для сплочения коллектива и выработки положительных качеств личности.

Несмотря на большие финансовые сложности и отсутствие постоянной издательской базы, в русском зарубежье неоднократно предпринимались попытки издания подобной периодики, в числе которой:

– иллюстрированные журналы «Зеленая палочка» (Париж, 1920–1921), «Русь» (Париж, 1936);

– журналы для детей младшего возраста «Огоньки» (Париж, 1932–1933), «Ванька-Встанька» (Берлин, 1924–1927), «Ласточка» (Харбин, 1926–1945) и другие [Тереня 2012: 111].

Решая задачу сохранения и развития национальной культуры и образования, надеясь на скорое возвращение на родину, авторы журналов опирались на русский язык, традиции, православие, создавали возвышенный образ великой родины.

Таким образом, детская литература русского зарубежья 1920–1930-х гг., посредством обращение к лучшим образцам литературного искусства, являлась очагом русской культуры, выполняла задачи национального воспитания и образования подрастающего поколения в условиях эмиграции.

Литература

Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература. М.: Изд-во «Академия», 2005. 576 с.

Демидова О.Р. Канон детской литературы в русской эмиграции: «свое» в пространсте «чужого» // «Свое» и «чужое» в культуре. Петрозаводск: Изд-во «ПетрГУ», 2015. С. 57-60.

Димяненко А.А. Особенности издания детской книги русского зарубежья в 1920–1940-е гг. // Детские чтения. 2015. № 2. С. 94-104.

Иванов А.С. Однодневные газеты // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. М.: Изд-во «РОССПЭН», 2000. С. 288-294.

Савченко Т.К. «День русской культуры» в среде русской эмиграции первой волны // Polilog studia neofilologiczne. 2012. № 2. С. 143-154.

Тереня Ю.Ю. Журналы для детей как средство национального воспитания в русском зарубежье 1920–1940-х гг. // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1. С. 109-111.

Федюк В.П., Урядова А.В. История русской эмиграции. 1917–1939 гг. Ярославль: Изд-во «ЯрГУ», 2006. 100 с.

Popova Ju.S. Peculiarities of the Russian literature abroad for children in 1920–1930-s

The article discusses some features of literature for children and its publication during the Russian emigration in the 1920–1930s. The researcher describes the circle of authors who wrote for children and the genre-thematic repertoire of their publications. In addition, the author gives a list of the most popular magazines for children of the Russians abroad from the 1920s and 1930s that played an important role in developing the national education.

Key words: children's literature, Russian emigration, magazines for children.

УДК 821.161.1

Л.Е. Абраменкова

СИСТЕМА ЭПИГРАФОВ В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «ПОЧЕРК ЛЕОНАРДО»

Статья посвящена исследованию эпиграфов в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо». Каждый эпиграф анализируется в его соотнесённости с идейным содержанием произведения. Делается вывод о полифункциональности эпиграфов в романе.

Ключевые слова: Д. Рубина, «Почерк Леонардо», эпиграф, художественный образ, мотив.

В произведениях Дины Рубиной эпиграфы достаточно частотны, весьма широко используются. Не стал исключением в этом отношении и первый роман трилогии «Люди воздуха» «Почерк Леонардо» (2008). В нём выстроена система эпиграфов. Они предпосланы не только роману в целом, но и каждой из пяти его частей.

Эпиграф является факультативным элементом текста. Поэтому его употребление становится особенно значимым. Данный элемент несёт специфическую наполненность, информативность. По утверждению Н.В. Сорокиной, «эпиграфы дают начальные ориентиры для читателя, но полностью их назначение раскрывается лишь в контексте всего произведения или, даже шире, творчества писателя» [Сорокина 2006: 202].

Первый из двух эпиграфов, предшествующих роману, взят из Библии (Книги Бытия). Он связан с эпизодом, описывающим, как Иаков сражался с неизвестным ему человеком до восхода зари. Позднее он узнаёт, что боролся с Богом.Таким образом в произведение вводится мотив бунта, богоборчества, который является одним из ведущих в романе. Как отмечают Т.Г. Прохорова и Р.Р. Фаттахова, «отсылки к библейскому тексту подчёркивают избранность главной героини, её духовную силу и вместе с тем способствуют мифологизации её образа» [Прохорова, Фаттахова 2014: 162].

Анна, главная героиня, наделена необычайными способностями: она видит прошлое и будущее, прекрасно разбирается в точных науках, а также владеет цирковым искусством. Примечателен следующий факт. Если мы обратимся к семантике имени главной героини, то обнаружим, что *Анна* переводится с еврейского как *благодать*. Таким образом подчёркивается избранность, отмеченность героини. Однако Анна страдает от своего дара (прежде всего пророческого), он становится для неё проклятием. Героиня не желает принимать этот подарок

свыше. Она отчаянно борется за свою свободу, выражает протест, сражается с Богом – Тем, Кто наделил её этими способностями. Апофеозом этой борьбы становится её прыжок на мотоцикле с моста.

Второй эпиграф заимствован из трактата Бенедикта Спинозы «О человеческой душе» («Итак, пусть никто не ожидает, что мы будем что-либо говорить об ангелах» [Рубина 2017: 7]). Данный эпиграф является своего рода предупреждением о том, что на страницах романа речь пойдёт далеко не о праведниках. Объектом изображения станут люди со всеми их положительными и отрицательными качествами. Имеет место предварительная прорисовка характеров. Несколько метких слов позволяют обозначить как эстетическую установку автора, так и основной принцип изображения героев: образы будут достоверны и правдоподобны.

В романе это, действительно, реализуется. Характеры персонажей тщательно прорисованы, используются разнообразные способы создания образов (портрет, монолог, поведение, мнение окружающих и т.д.). Образы социально и психологически мотивированы. Даже мистические события находят логическое объяснение. Так, согласно семейному преданию, Анна – внучка известного экстрасенса Вольфа Мессинга. В народной мифологической традиции считается, что магические способности передаются по наследству. В романе это представление воплощается. Интересно, что внешняя логичность опирается на рационально необъяснимые доказательства. Сочетание реального и мистического, инфернального – одна из доминирующих черт повествования. Что объяснимо, если учесть, что оба эпиграфа, предпосланных роману, имеют непосредственное отношение к области религии, ко всему загадочному, недоступному уму.

Также представляется весьма логичным предположить, что в строках из трактата философа содержится скрытая полемика с бесплодными и абстрактными рассуждениями средневековых философов на темы из разряда «Сколько ангелов может поместиться на кончике иглы?» В подобном контексте эпиграф призван подчеркнуть, что хотя речь и пойдёт о событиях и героях, далёких от обыденности и стандартности, принцип жизне- и правдоподобия является для автора одним из ведущих. Действие в романе происходит во вполне реальных местах (Ейск (Россия), Киев (Украина), Америка и т.д.). В изобилии представлены приметы действительности. К примеру, приёмную мать Нюты Машу муж приглашает на концерт Аркадия Райкина [Рубина 2017: 17].

Эпиграф к первой части романа представляет собой изречение одиозного учёного XIX века Чезаре Ломброзо («Леворукость имеет

атавистический и дегенеративный характер… Нередко встречается у сумасшедших, преступников и, наконец, у гениев» [Рубина 2017: 11]). Именно ему принадлежит идея о том, что потенциального преступника легко определить по внешним параметрам. Это высказывание, с одной стороны, ставит леворукость (качество главной героини) в один ряд с сумасшествием и преступностью, что развивает мистические мотивы, нашедшие отражение в двух предшествующих эпиграфах, указывает на тёмную сторону подобного феномена. С другой стороны, по словам Ломброзо, леворукость является свойством людей не только с определёнными отклонениями, но и людей с положительной девиацией – гениев.

Здесь ставится вопрос о сущности главной героини. Она предстаёт и как необычный человек, чьё поведение иногда необъяснимо, пугает окружающих, и как талантливая личность, которой восхищаются («Что значит – «хорошим каскадёром»? Она была лучшим! Лучшим, понимаете?» [Рубина 2017: 38] – так характеризует Анну её бывший муж Володя).

В портретном описании Анны акцентируется её необычность, инаковость. У неё рыжевато-каштановые волосы и зелёные глаза [Рубина 2017: 22]. Во времена инквизиции в Европе женщин с подобной внешностью считали ведьмами.

В эпиграфе ко второй части вводится образ-символ зеркала, проходящий через всё произведение («…Я получал от него множество писем. Как приятно видеть их в зеркале!..» [Рубина 2017: 89]). Зеркало превалирует в предметно-вещном мире романа. В народной традиции оно отождествляется с порталом в иной мир. Перед зеркалом гадают, его завешивают в первые дни после смерти жившего в доме, чтобы покойник не проявился в этом загадочном предмете. Реальность в зеркале предстаёт деформированной, теряется трезвый взгляд на мир.

Рассматриваемый образ появляется на первых же страницах романа. Будущая приёмная мать Нюты смотрится в зеркало после разговора по поводу возможного удочерения. Оно представляется ей бездной, пугает её. Зеркало словно предупреждает героиню о том, что вскоре в её жизнь войдёт нечто в высшей степени необычное.

Также в данном эпиграфе речь идёт об особом, «зеркальном», почерке. Именно так пишет Анна. То, что написано таким образом, можно прочитать только в зеркале. Связь героини с иным миром становится особенно заметной. Существенным обстоятельством представляется то, что она одно время работала в цирке, который является некой по-

граничной реальностью, приоткрывает дверь в пространство необъяснимого и таинственного.

Зеркальна в романе даже природа. В произведении встречаем такой пейзаж: «Сфера небесная и сфера морская двумя гигантскими зеркалами отражались друг в друге до самозабвенной обоюдобездонной голубизны» [Рубина 2017: 20]. Реальное сливается с иномирным, мистическим. Всё в окружающей действительности отражает друг друга, всё взаимосвязано и взаимообусловлено.

В строках, предпосланных второй части, можно проследить и другую немаловажную для понимания идеи романа и характера главной героини мысль. Неординарные и талантливые люди часто сталкиваются с непониманием и отторжением со стороны окружающих. Чтобы принять их, также требуются особые способности («хорошо прочитано» [Рубина 2017: 89]).

Далеко не все понимают и принимают Нюту. «Душевная соседка Шура» [Рубина 2017: 24], первоначально взявшая на себя заботу о девочке после смерти матери, боится её. А одна из нянь Нюты считает её леворукость отклонением, которое необходимо исправить.

Эпиграф к третьей части вводит мотив человеческой несвободы. Человечеству необходимы ограничения, пределы. Если такие ограничения не поступают свыше, то люди создают их сами. Запреты становятся для человека опорой, ориентиром. Тропа свободы же предстаёт как опасная и уязвимая, противоречащая нашей природе.

Это высказывание, в отличие от других эпиграфов, не вторит содержанию романа, не дополняет его, а наоборот, противоречит сущности главной героини, её характеру. Анна стремится к полной свободе, не приемлет рамок и ограничений. Окружающие пытаются загнать её в границы общепринятого, однако, это никому не удаётся. Маленькая Нюта сломала немало игрушек, стремясь освободить заключённую внутри железного цветка Дюймовочку. Стремлением к свободе объясняется и её отказ продолжать работу в качестве каскадёра.

В строках, предпосланных четвёртой части, принадлежащих Иосифу Бродскому, вновь возникает образ зеркала. В данном случае оно предстаёт как предмет в высшей степени опасный. Зеркала могут заставить человека потерять собственное лицо, погружают его в другую реальность и не отпускают.

Для Анны, как провидицы, способной видеть прошлое и заглянуть в будущее, это особенно актуально. Легко потеряться во времени, ощутить полную оторванность от настоящего. Тем не менее Анна не ассоции-

рует себя с собственным отражением, дистанцируется от него [Рубина 2017: 55]. Эпиграф коррелирует с содержанием романа. Приёмная мать Анны в определённый момент начинает думать, что зеркала «забрали» настоящую Анну, вместо которой появилась ведьма.

Эпиграф к пятой части сочетает в себе грусть и надежду. Появляется мотив одиночества, трудности обретения личного счастья («в сумерках одна» [Рубина 2017: 417]). В этих же строчках обнаруживаем мотив ожидания и надежды («стоять и ждать меня» [Рубина 2017: 417]). То, что Анна обладает особым даром, несомненно, осложняет её личную жизнь. Ею восхищаются, её уважают, однако не каждый мужчина сможет быть рядом с такой женщиной. Однако Анну любили. Мотив ожидания оказывается связанным с самым преданным её поклонником Семёном, который готов был смириться с её романами на стороне, писал ей трогательные и полные любви письма. Странности Анны его не смущали.

Проведённое исследование позволяет говорить о полифункциональности системы эпиграфов в романе. Они помогают определённым образом расставить акценты. Эпиграфы указывают на тематику, проблематику произведения, выделяют ключевые характеристики главной героини, определяют основной вектор повествования, его тональность, вводят мотивы и образ-символ (образ зеркала), позволяют включить роман в широкий культурный контекст.

Литература

Прохорова Т.Г., Фаттахова Р.Р. Особенности повествовательной структуры романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Филология и культура. 2014. № 2 (36).

Рубина Д. Почерк Леонардо. М., 2017.

Сорокина Н.В. Типология романистики Л.М. Леонова. Тамбов, 2006.

Abramenkova L.E. The system of epigraphs in the novel “Leonardo’s Handwriting” by Dina Rubina.

This work is dedicated to the study of epigraphs in the novel “Leonardo’s Handwriting” by a modern writer Dina Rubina. The researcher analyses each of the epigraphs in connection with the content of the novel and finally, makes a conclusion about multifunctionality of epigraphs in Dina Rubina’s work..

Key words: D. Rubina, “Leonardo’s Handwriting”, an epigraph, an artistic image, a motive.

УДК 821.161.1

Д.С. Гудин

ИСТОРИЯ ДВУХ УБИЙЦ: «ПАРФЮМЕР» П. ЗЮСКИНДА И «ЛАВР» Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА

В статье проводится сопоставительный анализ романов немецкого писателя П. Зюскинда «Парфюмер» и современного русского автора Е.Г. Водолазкина «Лавр». Исследуются жанрово-типологические особенности художественных произведений, сходства и различия их сюжетно-композиционных и образных структур, специфика романного хронотопа.

Ключевые слова: Е.Г. Водолазкин, П. Зюскинд, «Лавр», «Парфюмер», русская литература, компаративистика.

Одним из наиболее ярких событий современного отечественного литературного процесса стал выход в 2012 г. романа Е.Г. Водолазкина «Лавр», в котором описывается духовный путь средневекового врача Арсения. «Лавр» – это история созидателя, история становления Сверхчеловека – святого. И в этой связи любопытно выяснить, как коррелирует указанный роман, появившийся уже в эпоху «постпост-», с ключевым произведением второй половины XX века, «библией» постмодернизма – романом «Парфюмер. История одного убийцы» (Das Parfum. Die Geschichte eines Mцrders, 1985) немецкого писателя П. Зюскинда (Patrick Sьskind, 1949), в произведениях которого тема творчества является одной из магистральных. Заметим, что оба романа имеют мозаичную, гипертекстуальную природу. И «Парфюмер», и «Лавр» содержат множественные цитаты и аллюзии на художественные, философские, религиозные произведения. Однако авторы преследуют разные творческие цели: если Зюскинд как постмодернист «выворачивает наизнанку» традиционный новозаветный сюжет, травестирует историю Христа [Чумаков 2014: 670] и создаёт антиевангелие, то Водолазкин, художественно трансформируя, использует, например, компоненты и сюжетные ходы житий (Арсения Великого, Арсения Новгородского, Прокопия Устюжского, Василия Блаженного и др. [Трофимова 2016: 12-15]) для актуализации древнерусского дискурса в пространстве современной коммуникации.

В первую очередь следует обратить внимание на способы создания характеров главных героев исследуемых произведений – Жана-Батиста Гренуя и Арсения. Авторы буквально с первых страниц готовят читателей к эпическому развитию событий и заявляют об исклю-

чительности главных действующих лиц. Например, следующими словами начинается история парфюмера Гренуя: «В восемнадцатом столетии во Франции жил человек, принадлежавший к самым гениальным и самым отвратительным фигурам этой эпохи, столь богатой гениальными и отвратительными фигурами» [Зюскинд 2008: 7]. В Пролегомене, открывающей мир «Лавра», так говорится о легендарном средневековом враче: «Слава его была велика. Она заполняла весь обитаемый мир, и он нигде не мог от неё укрыться <…> Многие верили, что прикосновение его руки исцеляет <…> Говорили, что он обладает эликсиром бессмертия» [Водолазкин 2015: 9]. Таким образом Зюскинд и Водолазкин добиваются нужного им градуса мифологизированности героев (имя Гренуя, по уверению автора, могло бы стоять в одном ряду с де Садом, Сен-Жюстом или, скажем, Бонапартом, если бы не эфемерность запахов, не оставляющих следов в истории; в свою очередь, тело Арсения после его смерти не знало тления, а после чего, согласно слухам, просто исчезло, в чём повествователь, впрочем, сомневается, т.к. предание сохранило лишь имена пророков Илии и Еноха, покинувших землю телесно).

Важно сказать несколько слов об ольфакторности в исследуемых произведениях. Образы запахов имеют первостепенное значение в романе «Парфюмер», ведь Грену обладает поистине феноменальным, сверхчеловеческим обонянием. Однако запах занимает важное место и в художественном пространстве «Лавра». Картина мира героя также во многом имеет обонятельную природу. Например, запахи в романе являются маркерами топосов (в частности, приметой дома – антидома): «В дедовой избе Арсений любил запах. Он состоял из ароматов множества трав, сушившихся под потолком, и такого запаха не было больше нигде» [Водолазкин 2015: 20], «В избах Ивачева к запаху разлагающихся тел примешивался запах сетей и соленой рыбы» [Водолазкин 2015: 129]. Также заметим, что Арсений, пусть и не так мастерски, как Грену, но все же способен раскладывать запах на составляющие компоненты, снимать с него верхний слой – маску, под которой скрыт основной тон – сердце аромата. Пример этого обнаруживаем в сцене знакомства Арсения и его возлюбленной Устины: «По избе распространился запах немытого тела. Молодого женского тела. Несвежесть запаха только усиливала его молодость и женственность, заключала в себе предельное сосредоточение того и другого» [Водолазкин 2015: 68]. В дальнейшем, уже обрабатывая язвы на теле Устины, Арсений ощущает не запах открытых гноящихся ран (что было бы очевидным), но аромат её кожи, а позже, когда Устина уснула, герой

наслаждается ароматом, исходящим от её губ (заметим, что лексема «аромат» в романе употребляется всего шесть раз, причём четыре раза применительно к растительному миру – аромат трав, свежеструганных досок, ливанских кедров, травы и сосновых шишек, а остальные два употребления связаны с образом Устины). В романе «Парфюмер» мы видим нечто подобное, когда Жан-Батист Гренуй встречает девушку с улицы Марэ: «Теперь он чуял, что она была – человек, чуял пот ее подмышек, жир ее волос, рыбный запах ее чресел и испытывал величайшее наслаждение. Её пот благоухал, как свежий морской ветер, волосы – как ореховое масло, чресла – как букет водяных лилий, кожа – как абрикосовый цвет...» [Зюскинд 2008: 55]. Отметим, что, наряду с необычайным обонянием, важнейшей характерологической чертой Гренуя является отсутствие ольфакторного портрета – он не имеет запаха. Любопытно, что в финале романа «Лавр» после смерти героя – к тому моменту праведного старца, схимонаха Лавра – тело его не знает тления: «Каждый час они подходят к телу и вдыхают исходящий от него запах. Их ноздри трепещут от усердия, но улавливают лишь аромат травы и сосновых шишек» [Водолазкин 2015: 438].

Также интересно, что схема обоих романов содержит много схожих компонентов, однако их порядок с точки зрения фабулы несколько отличается. Отметим следующие элементы повествовательной структуры: 1) рождение Гренуя на Кладбище Невинных – детство и отрочество Арсения в избе у кладбищенской ограды; 2) обучение у Бальдини – наставничество Христофора; 3) убийство девушки с мирабелью – «убийство» Устины и новорождённого младенца; 4) отшельничество Гренуя, жизнь в пещере в горах – пустынножительство Арсения–Лавра; 5) жизнь у маркиза де ла Тайад-Эспинасс – юродство в «псковских» главах; 6) работа в качестве подмастерья у мадам Арнульфи – работа в монастырской поварне; 7) убийство Лауры Риши – роды Анастасии; 8) «казнь» Гренуя – похороны Лавра; 9) возвращение на Кладбище Невинных – возвращение на кладбище / в Рукину слободку; 10) растерзание Гренуя – завещание Лавра. Целесообразно подробнее рассмотреть соотнесённость обозначенных сюжетных компонентов.

В жизни Жана-Батиста и Арсения важное место занимает топос кладбища. Гренуй появляется на свет в эпицентре парижского зловония на рыбном рынке на Кладбище Невинных. В свою очередь, детские и юношеские годы Арсения связаны с домом его деда, травника Христофора, находящимся, опять же, у кладбищенской ограды. Однако если в романе Зюскинда кладбище – это топос с подчёркнуто отри-

цательной маркированностью – пространство не-жизни (антидом): «<...> развороченное поле битвы, разрытое, изборожденное, иссеченное могилами, засеянное черепами и скелетами без дерева, куста или травинки – свалка смерти» [Зюскинд 2008: 311], то у Водолазкина кладбище предстаёт в двух противопоставленных друг другу ипостасях: во-первых, как идиллический хронотоп, вечностное пространство-время («<...> нашим кладбищам дано право превращаться в леса и поля» [Водолазкин 2015: 43]) и, во-вторых, как скудельница – яма в лесной чаще, болотной дебри для тех, кто умер неестественной смертью. Собственно, на скудельницу и походит в большей степени парижское Кладбище Невинных.

Оговоримся, что в исследуемых романах кладбище является символом вечного возвращения. Так, в мире «Лавра» топосы кладбища и дома зачастую синонимичны, и герой переживает множественное возвращение в это комплексное пространство «кладбище – дом» или же воссоздаёт, самостоятельно конструирует такой топос (например, в псковских главах). Для романа «Парфюмер» Кладбище Невинных – это исходная и конечная точки повествования: колыбель героя и место его гибели. В рамках этого пространства Гренуя пожирает толпа, так что он, до последней косточки, исчезает с лица земли. Толпа обезличивает, обнажает звериное начало в человеке: «Они сорвали с него одежду, волосы, кожу с тела, они ощипали, разодрали его, они вонзили когти и зубы в его плоть, накинувшись на него, как гиены» [Зюскинд 2008: 313]. Примечательно, что эта сцена удивительным образом соотносится с завещанием Арсения–Лавра: «Когда я покину мое тело, им же согрешил есмь, не церемоньтесь с ним особенно. Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам» [Водолазкин 2015: 433]. Остаётся заметить, что контекстуально болотная дебрь выступает в качестве скудельницы, варианта кладбищенского топоса.

Тождественными сюжетными компонентами являются и обучение героев под началом парфюмера Бальдини / травника Христофора. У Водолазкина – это полноценное наставничество, обучение ремеслу врачевания, передача Христофором внуку жизненного опыта. Материальным воплощением мудрости Христофора становятся берестяные грамоты, из которых Арсений (даже после смерти деда) мог почерпнуть полезные знания и тем самым продолжить его дело. У Зюскинда же традиционная фаза ученичества иронично переосмысливается и модель «учитель – ученик» переворачивается с ног на голову – Бальдини обучает героя парфюмерной грамотности, но при этом эксплуа-

тирует обонятельный гений Гренуя, присваивает себе чужую «интеллектуальную собственность» – рецептуру ароматов, делая на этом состояние. И здесь берестяным грамотам Христофора противопоставляются книжечки Бальдини: «Спустя некоторое время он даже сам поверил, что внес весьма существенный вклад в создание изысканных ароматов. И, сначала занося их в свои книжечки, а потом пряча в сейфе и на груди, он уже вообще не сомневался, что теперь они полностью его собственные» [Зюскинд 2008: 117].

Одними из самых важных эпизодов в романах являются убийство Гренуем девушки с улицы Марэ и смерть Устины, «невенчанной жены» Арсения. Можно говорить о некотором созвучии этих женских характеров. Так, например, схожи их портретные характеристики: обе они ещё девочки-подростки (девушке с мирабелью, по мнению Гренуя, тринадцать-четырнадцать лет, Устине – около четырнадцати-пятнадцати), обе рыжеволосые, и, как уже было замечено выше, обе являются источником притягательного аромата). Разумеется, по сюжету Арсений влюбляется в Устину, но, что важно, к этой любви примешивается желание обладать. Герой желает утаить, спрятать возлюбленную от постороннего внимания: «Он нес ее, будто свечу в темном лесу. Он страшился того, что тысячи жадных ночных существ слетятся на это пламя и погасят его своими крыльями» [Водолазкин 2015: 74]. Из-за этого страха Арсений впоследствии отговаривает Устину от причастия перед рождением ребёнка и к тому же решает самостоятельно принимать роды. В итоге младенец рождается мёртвым, Устина погибает, а герой до конца жизни называет себя убийцей. Заметим, что, желая искупить этот страшный грех, Арсений пытается пройти возможный земной путь Устины, а также пронести через годы любовь к своей вечной жене. Ввиду нарциссизма Гренуя о любви к человеку не может быть и речи, поэтому девушка с улицы Марэ сама по себе его не интересует, она лишь вместилище аромата: «Он хотел как бы поставить личное клеймо на этом апофеозном аромате, впечатать его в сумятицу своей черной души, исследовать до тонкости и отныне впредь мыслить, жить, обонять мир в соответствии с внутренними структурами этой волшебной формулы» [Зюскинд 2008: 55]. После убийства девушки Гренуй присваивает её аромат и помещает его в собственную коллекцию запахов в качестве самого главного экспоната. Таким образом, и Арсений, и Гренуй несут в себе и пытаются сохранить самое драгоценное, что им встречалось в жизни, – любовь женщины и аромата роматов соответственно – и таким парадоксальным способом продлевают жизнь своим жертвам.

Ещё одним интересным сходством является то, что и Жан-Батист Гренуй, и Арсений получают при крещении имена в честь одних из наиболее почитаемых христианских святых – Иоанна Крестителя (фр. Jean Baptiste) и Арсения Великого. Заметим, что святые – покровители героев (если в случае Гренуя можно говорить о покровительстве) известны своей аскезой и подвигом пустынножительства. В свою очередь, в биографии обоих героев важным периодом является отшельничество, однако сразу заметим, что его характер коренным образом отличается. Если Арсений, пребывая в отходной келье около тридцати лет, уподобляется великим святым, совершает духовный подвиг с тем, чтобы приблизиться к Господу, то Гренуй скрывается от мира в пещере ради эгоистического желания, исключительно для удовольствия и ради того, чтобы быть ближе к самому себе. «Пустыня» в обоих случаях – это топос обожествления, позволяющий высвободить аккумулированный духовный опыт, выйти за рамки пространства-времени. В конечном итоге и Гренуй, и Арсений, подобно Заратустре, покидают пещеру, и так начинается закат героев, а также их трагическое возвращение [Хайдеггер 2010: 87-88].

Буквально в нескольких словах отметим, что в структурном плане пребыванию Гренуя у маркиза де ла Тайад-Эспинасс соответствует (и одновременно с тем противопоставляется) юродство Арсения в Пскове. В этих эпизодах герои отрекаются от своей личности (Арсений) или умело мимикрируют своё истинное я под маской благопристойности (Гренуй); ключевым моментом здесь является переодевание. Так, Арсений, назвавшись Устином и одевшись в лохмотья, начинает выполнять завет начальствующего псковского юродивого Фомы: «Бесчинствуй. Быть благочестивым легко и приятно, ты же будь ненавидим. Не давай псковским спать: они ленивы и нелюбопытны. Аминь» [Водолазкин 2015: 179]. В свою очередь, Гренуй, сменив лохмотья на модную одежду, создав маскирующие духи, смог обмануть горожан, вызвать у них чувство доверия (это наиболее ярко демонстрируется в сцене свадьбы, когда люди принимают героя в свою среду в качестве равного).

Мы не будем подробно анализировать топос монастырской поварни в его корреляции с мастерской мадам Арнульфи, но обозначим, что в рамках этих пространств герои занимаются тяжёлым физическим трудом; здесь Арсений получает дар слёз и продолжает духовное развитие, а Гренуй, будучи вторым подмастерьем мадам Арнульфи, экспериментирует и создаёт «оправу» для своего будущего гениального аромата.

Наряду с убийством девушки с улицы Марэ и смертью Устины важнейшими сюжетными компонентами романов являются убийство Лауры Риши и сцена родов Анастасии (убийство и принятие родов как творческие акты). Девушка со сливами и Лаура Риши в функциональном плане занимают то же положение и в той же мере соотносятся друг с другом, как Устина и Анастасия, то есть являются героями-двойниками. И здесь целесообразно упомянуть ещё об одном двойнике, эпизодическом, но от этого не менее важном женском характере в романе «Лавр» – прокажённой венецианке Лауре, которую Арсений излечивает во время паломничества. Если рассматривать номинативную семантику, то имя Лаура, как и Лавр, символизирует победу над смертью, торжество жизни, бессмертие [Гудин 2019: 40]. И при таком прочтении имени убийство Лауры Риши Гренуем приобретает ещё более трагический характер. Выше мы писали о том, что Арсений, повинный в смерти Устины, пытается прожить жизнь вместо возлюбленной. В «Парфюмере» мы можем наблюдать интересную аналогию – околдованный дьявольским ароматом Антуан Риши, отец Лауры, предлагает Греную занять её место: «Ты так похож на нее… ты так же красив, как она, твои волосы, твои губы, твоя рука… <...> Ты ее брат, и я хочу, чтобы ты стал моим сыном, моей радостью, моей гордостью, моим наследником» [Зюскинд 2008: 301].

И в завершение сравнения фабульных элементов отметим, что сцена «казни» Гренуя, а также сцена похорон святого старца Лавра демонстрируют признание творческого гения героев (с той лишь разницей, что в первом случае события имеют вполне себе разрушительные последствия).

Таким образом, сопоставительный анализ позволил выявить сходства и различия романов Е. Водолазкина «Лавр» и П. Зюскинда «Парфюмер» на уровне сюжета, фабулы, композиции и системы персонажей, определить особенности индивидуально-авторской манеры создания образов сверхчеловека-творца. Отличия связаны с принципиальными особенностями творческого метода писателей. Зюскинд выстраивает художественное произведение в соответствии с постмодернистскими канонами – через отрицание, саркастическое переосмысление традиционных литературных, мифологических, религиозных и других схем. Водолазкин же как представитель следующего литературного поколения, «постпост-эпохи», хотя и использует постмодернистский инструментарий, но сознательно уходит от деконструкции.

Литература

Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015.

*Гудин Д.С.*Растительный код романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Державинский форум. 2019. Т. 3. № 9. С. 38-44.

Зюскинд П. Парфюмер. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Трофимова Н.В. Традиции древнерусской литературы в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Rhema. Рема: Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер.: Филол. науки. М., 2016. № 2. С. 7-20.

Хайдеггер М. Лекции о метафизике. М.: Языки славянских культур, 2010.

Чумаков С.Н. Мифологические аналогии в романе П. Зюскинда «Парфюмер» // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 102 (08). С. 663-677.

Gudin D.S. The story of the two murderers: “Perfume” by Patrick Suskind and “Laurus” by E.G. Vodolazkin

The article focuses on the comparative analysis of novels “Perfume” by German writer P. Suskind and “Laurus” by modern Russian writer E.G. Vodolazkin. In our research work, we study the genre and typological features of this work of fiction, convergences and differences of their plot, composition, figurative structures and specifics of the chronotope in the novel.

Key words: Vodolazkin, Suskind, “Laurus”, “Perfume”, the Russian literature, comparative literature.

УДК 821.161.1

О.Ю. Олимпиева

БУКТЬЮБИНГ КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

В статье анализируется новая форма литературной критики – буктьюбинг. Обладающий высоким уровнем популярности буктьюб рассматривается как самостоятельный, структурный элемент современной книжной культуры в виртуальном пространстве. Обращается внимание на форматы существования и большие возможности литературной критики в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: современная русская литература, современная литературная критика, буктьюбинг.

В современном мире можно наблюдать виртуализацию и трансформацию книжной культуры, которая приводит, в том числе, к формированию такого направления современной литературной критики, как буктьюбинг в сети YouTube [Ефимов, Ефимова URL].

Буктьюбинг – это молодое интенсивно развивающееся направление в области видеоблогов. Само слово «буктьюбинг» родилось по аналогии с русской транскрипцией слова YouTube – ютьюб (буквальный перевод с английского – «твой телевизор») в результате присое-

динения приставки «бук», от английского book – книга. Стоит отметить, что у англоязычного слова «буктьюбер» недавно возник русский аналог – «книгоблогер». Какое наименование окажется более устойчивым в русском языке, покажет время.

Рассмотрим особенности буктьюба как феномена современной книжной культуры в виртуальном пространстве.

В России главной площадкой буктьюбинга является YouTube – многоканальная сеть, предназначенная для размещения мультимедийного контента. На своих каналах буктьюберы делятся впечатлениями о прочитанных книгах, своими планами о покупках книг, рассуждают о современной книжной культуре в целом, а также о самом феномене чтения. Они рассказывают о книгах самых разных жанров: от фэнтези и женских романов до серьезных исследований.

Проанализируем контент некоторых популярных современных российских буктьюб-каналов. Для начала представим данные о количестве подписчиков в виде таблицы, для выборки было взято 10 буктьюберов. Данные на март 2018 года.

Название канала	Количество подписчиков
cutebookmess	40 324
Александра Фланк	66 262
UncleShurik	69 077
Ольга Миклашевская	51 665
ulielie	101 028
Books Around Me	38 330
2 talk girls	19 674
Людмила Личи	13 369
Zhem	15 378
Теория большого чтива	35 683

На основании данных таблицы о количестве подписчиков, прежде всего можно сделать вывод об очень высоком уровне популярности этого направления современной книжной культуры.

Анализ роликов буктьюберов в данной интернет-сети позволит нам описать их структуру и основные стратегии социальных практик. Всего было проанализировано 30 видеороликов, по три у каждого блогера.

Для большинства буктьюберов характерен авторский стиль в аспектах стилистики и эмоциональности, в целом речь авторов отличается грамотностью, четкой дикцией, минимальным использованием жаргона. Формат роликов в подавляющем большинстве случаев это имитация разговора со зрителем тет-а-тет. Либо, как на канале 2 talk girls,

который ведут две девушки, зритель имеет возможность «подслушать» веселый дружеский диалог.

Основную массу видеороликов составляют рецензии на прочитанные книги, в которых буктьюберы делятся своими впечатлениями и рекомендуют (либо не рекомендуют) книгу своим подписчикам. Однако, чтобы удовлетворить интерес подписчиков, авторы роликов затрагивают и другие темы. Они делают обзоры книжных новинок, рассказывают истории собственного читательского пути, делятся планами, проводят лотереи, игры и конкурсы.

Иногда буктьюберы делают обобщающие обзоры, по неким неординарным признакам, например, как «Книги для писателей» в блоге Марии Покусаевой (Теория большого чтива), «Книги, вселившие страхи и предрассудки» и «Топ-5 книг с долгим послевкусием» у Людмилы Личи, «4 автора для писков и визгов» (Улилай).

Некоторые авторы видеороликов сообщают цены книг и места покупок, другие подробно останавливаются на личности автора. Почти никто не пересказывает сюжет, чтобы не портить зрителю удовольствие от чтения рекомендованной книги.

Буктьюберы стараются найти интересные формы подачи материала, уйти от линейного способа подачи информации, в том числе при помощи использования различных мультимедийных приемов (анимация, заставки, иллюстрации, фрагменты фильмов).

Чтобы привлечь внимание подписчиков, буктьюберы стараются придумывать интригующие или смешные названия для своих видеороликов, например «Короче – из Сочи» (Zhem), «Самая страшная книга в моей жизни» (Людмила Личи), «Знакомьтесь, мои толстые ножки» (Ольга Миклашевская), «Книги для быдла» (UncleShurik), «Ты есть то, что ты читаешь?» (Аля).

Особенностью российского буктьюбинга является его гендерная структура: большинство популярных блогеров – женщины. Это закономерно, учитывая, что большая часть аудитории социальных сетей – женщины. Среди рассмотренных нами видеоблогеров (см. таблицу 1) только один блогер мужского пола – Александр Чернов, выступающий под никнеймом UncleShurik.

Основной упор большинство буктьюберов делает на собственном впечатлении от прочитанной книги и испытанных эмоциях. Причем именно субъективность восприятия той или иной книги делает данный формат таким привлекательным для зрителей. В создании книжных обзоров, как и в любом другом виде видеоблогинга ключевым звеном выступает фигура самого буктьюбера. Именно его личность, его мнение и способ подачи материала становятся решающим фактором роста

популярности канала. При этом каждый из авторов работает для своей целевой аудитории, выбирая книги определенного направления в соответствии с личными предпочтениями и не пытаясь удовлетворить интересы всех зрителей [Кто такой буктьюбер URL].

Стоит отметить, что среди книг, которые выбираются буктьюберами для рецензирования, почти полностью отсутствует классическая литература. Среди рассмотренных нами видеороликов оказался только один, в котором блогер Людмила Личи рассказывает об И.А. Гончарове в рубрике «Об авторах». Вероятно, выбор для обзоров книг современных авторов обусловлен, прежде всего, зрительским интересом к этой сфере.

Ключевой особенностью буктьюбинга является акцент на традиционный, «твердый» вариант книг, который можно подержать в руках. Блогеры намеренно игнорируют электронные варианты, вероятнее всего, это связано с видеоформатом самих обзоров, ведь для наглядности автор ролика должен держать в руках книгу, о которой рассказывает.

Обратная связь в буктьюбинге также присутствует. Формат видеоблога дает возможность диалога со зрителями, который происходит посредством комментариев к видеозаписям. Благодаря этому, подписчики могут поучаствовать в обсуждении, а также в выборе следующей книги для рецензирования.

По мнению некоторых современных исследователей, буктьюбинг как некоммерческое движение напоминает зарождение библиотечного дела в XIX в., когда происходило создание общественных библиотек, появлявшихся на средства меценатов и энтузиастов. Они не обладали большим количеством читателей, но при этом формировали собственную субкультуру и играли значительную роль в просветительской деятельности в земствах [Лебина 1999].

В целом можно говорить о том, что авторы таких YouTube-каналов видят своей целью привить культуру чтения своей целевой аудитории. В связи с этим стоит упомянуть о слабой коммерционализированности данного явления в России, в то время как в других странах популярные буктьюберы активно сотрудничают с книжными издательствами. В нашей стране эта форма сотрудничества еще развита слабо. Мы нашли только один ролик у Марии Покусаевой (Теория большого чтива), в котором был розыгрыш книг от издательства РОСМЭН. В целом же, пока буктьюбинг свободен от роликов рекламного характера. При этом побочным результатом данного явления оказывается поддержка книжного дела, поскольку буктьюберы побуждают зрителей покупать именно бумажные книги.

В современном мире изменение культуры чтения и постоянное увеличение объемов издаваемых текстов вызывают необходимость появления неких навигаторов в мире книжной культуры. Эту функцию и выполняют буктьюберы.

Итак, на основании проанализированных материалов мы можем сделать вывод, что буктьюбинг как явление современной литературной критики – это интенсивно развивающееся самодостаточное направление, отвечающее требованиям читателя нашего времени. Буктьюбинг является самостоятельным структурным элементом книжной культуры современного киберпространства.

Литература

Азарова Л.И., Курганская Л.М. Чтение как социокультурное явление // Наука. Искусство. Культура. 2013. № 2. С. 163-168.

Ефимов Е.Г., Ефимова А.Е. Буктьюбинг как феномен книжной культуры в социальных интернет-сетях // Электронный научно-публицистический журнал "Homo Cyberus". 2017. № 2 (3). URL: http://journal.homocyberus.ru/booktubing_kak_fenomen_knizhnoy_kulturi_v_...

Кто такой буктьюбер? Интервью с Ольгой Миклошевской // URL: http://www.rewizor.ru/literature/interviews/kto-takoy-buktuber.

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: 1920–1930-е гг. Нормы и аномалии. СПб.: Нева, 1999. 286 с.

Olimpieva O.Y. Booktubing as a phenomenon of the modern literary criticism

The article deals with a new form of the literary criticism, known as booktubing. Recently it has gained great popularity. The researcher considers it quite an independent structural element of the modern literary culture that is typical of the information networks space. In addition, the author focuses on the opportunities that the literary criticism of nowadays may develop in the network flow and on forms that it takes.

Key words: the modern Russian literature, the literary criticism of nowadays, booktubing

Глава 3

СЛАВЯНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ДУХОВНО-ОБРАЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ

УДК 81

М.И. Конюшкевич

ЛИНГВИСТИКА ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XXI ВЕКА: ВОПРОСЫ К НАСТОЯЩЕМУ

В статье используется прием реминисценции к книге Вяч. Вс. Иванова «Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему»: выделенные из указанной книги проблемы (национальные языки в эпоху глобализации; кризис лингвистики и гуманитарного знания в целом; грамматикализация лексем и соотношение непрерывного и дискретного) рассматриваются в статье с учетом ведущих концепций и с привлечением результатов научных исследований автора статьи в области служебной лексики.

Ключевые слова: лингвистика, предлог, союз, грамматикализация, грамматика конструкций.

Заголовок данной статьи – реминисценция к известной книге академика Вячеслава Всеволодовича Иванова со знаковым названием «Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему» [Иванов 2004], в которой рассматриваются наиболее важные и не получившие окончательного решения вопросы исследования языков. Мы позволили себе дерзость сознательного использования общей структуры заголовка указанной книги прежде всего для того, чтобы в своих рассуждениях могли обращаться к отдельным ее положениям как авторитетному месседжу для нашего видения некоторых проблем современного языкознания.

Вч. Вс. Иванов представил в своей книге языкознание в диапазоне проблем планетарного масштаба, начиная от внутрилингвистических проблем применительно ко всем подсистемам языка и заканчивая вопросами внешней исторической и социальной лингвистики, а также аффективного и поэтического языка.

Наш взгляд на лингвистику XXI века ограничивается временными параметрами (только первые десятилетия) и содержательным диапа-

зоном: мы будем касаться только тех проблем, о которых имеем представление – достаточное, чтобы о них публично рассуждать и в определенной мере участвовать в их решении.

Проблема первая, которая волнует не только лингвистов, – судьба национальных языков, которым грозит участь если не умереть, то стать коммуникативными безработными. Исследователи видят опасность и для английского языка: функции глобального языка оборачиваются ему потерями национальной самобытности. Вяч. Вс. Иванов, оперируя прогнозными статистическими данными, отмечает, что согласно прогнозу численности говорящих на самых крупных языках на середину XXI в. роль английского языка уменьшается: «Языковые последствия глобализации и компьютеризации неожиданны: несомненен провал идеи melting pot – котла, где будто бы перевариваются все языки, заменяемые якобы американским английским» [Иванов 2004: 90].

Если искать параллели с функционированием современного белорусского языка, то статистически он и теперь в Беларуси коммуникативный безработный: большинство белорусов пользуются русским языком уже во втором поколении, а некоторые считают его умирающим языком. Однако, вопреки стенаниям пессимистов, академик А.А. Лукашанец на прошедших в Гродно 2–3 мая 2018 г. международных научных чтениях (Карских чтениях) в докладе «Белорусский язык в XXI столетии от Е.Ф. Карского до наших дней» по более чем десяти параметрам на общеславянском фоне привел неоспоримые доказательства развития белорусского языка, уровня его научного описания и тенденций расширения его в официальных сферах коммуникации [Лукашанец 2018].

Подтвердим, что под влиянием пуристических тенденций в белорусском языке активизировалось возбуждение его собственных ономасиологических ресурсов, возросла вариативность его выразительных средств. Это противодействие отмечалось белорусскими лингвистами еще в 90-х гг., не прекращается оно и теперь. В работе по инвентаризации белорусских предлогов мы заметили активное образование вариативных предложных единиц. Например, только с лексемой *рука* и ее коннотативными и контекстуальными синонимами в белорусском языке насчитывается свыше 40 единиц, а с лексемой *бок* более 60. Особенно заметны предложные новообразования в белорусской речи творческой интеллигенции.

Проблема вторая: «сейчас во всем мире гуманитарные науки переживают глубокий кризис» [Иванов 2004: 10]. Заметен этот кризис и в языкознании. Наиболее актуальные внешние и внутренние пробле-

мы русистики перечислены в «Итогах работы и решениях VI международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». Обратим внимание на следующие: «мелкий масштаб избираемых тем, в том числе тем квалификационных работ»; «подмена осмысления материала приведением количественных данных и списков примеров»; «отсутствие больших новых проектов и идей, объединяющих различные группы лингвистов» [Итоги работы и решение…2019: п. 5]. Возможно, это субъективное впечатление, но сходные симптомы были заметны и на съезде славистов, состоявшемся 20–27 августа 2018 года в Белграде.

На пленарном заседании конгресса русистов В.М. Алпатов отметил неожиданный парадокс: «казалось бы, после 1991 г. русская наука должна была бы прочно инкорпорироваться в мировую науку о языке. Однако при значительном расширении личных контактов между российскими и зарубежными учеными в плане научных концепций скорее происходит увеличение разрыва. На Западе очень велика роль формальной лингвистики (не только в духе Н. Хомского), а в России, хотя ее влияние уже в XXI в. несколько увеличилось, в целом преобладают функциональные подходы к языку, и российским исследователям оказывается нелегко вписаться в традиции, преобладающие в других странах» [Алпатов 2019: 154-155]. Представляется, что по актуальности и насущности социальных запросов к языкознанию это западная формальная лингвистика должна стараться вписаться в российскую функциональную лингвистику, хотя она не станет этого делать.

Кризис современной лингвистики в том, что она не поспевает за текучестью нашей жизни в языке, за динамичностью современного «языкового существования», на что еще в 1996 указывал Б.М. Гаспаров. Позволим себе пространную цитату: «Чем дальше продвигается лингвистика по пути моделирования языка как единой структуры, чем большей объяснительной силой и, соответственно, большей конструктивной сложностью отличаются получаемые на этом пути модели, – тем больше, как мне кажется, эта картина удаляется от тех конкретных, частных действий, всегда ускоренных в конкретной ситуации и конкретных личностных ресурсах памяти и опыта говорящего, при помощи которых каждый из нас осуществляет свою непосредственную деятельность… Дальнейшее усложнение и ветвление структурной модели, преследующее цель как можно полнее охватить все многообразие языкового существования, не кажется мне многообещающим – хотя бы уже потому, что такому усложнению заведомо нет конца» [Гаспаров 1996: 101].

Еще жестче пишет И.Г. Милославский: «Современная отечественная лингвистика по преимуществу наблюдает и классифицирует, а не решает, взаимодействуя с другими областями знания, социально значимые вопросы. Замыкаясь в собственных проблемах, лингвистика… не гарантирует себе успешное существование в современном обществе» [Милославский 2017: 9].

Иначе говоря, перед лингвистикой стоит проблема дискретного и непрерывного – либо усложнение моделирования языка дроблением его структуры, либо отказ от столь дифференцированной атомистической дискретности. И здесь снова уместно процитировать Вяч. Вс. Иванова: «Для эпохи квантовых компьютеров и соответствующих им моделей мозга идея непрерывности может оказаться снова (как при Ньютоне) не менее важной, чем дискретность была для рубежа 19 и 20 веков» [Иванов 2004: 28].

В развитие этой мысли и в качестве иллюстрации положительного опыта крупных идей (как ответа на цитату выше из «Итогов…» конгресса) напомним о проекте по изучению грамматики славянского предлога – сначала двустороннем российско-белорусском, а затем интернациональном проекте, идея которого и руководство которым принадлежит профессору Московского государственного университета М.В. Всеволодовой (подробнее см. [Всеволодова и др. 2014]).

Считается, что классических предлогов в русском языке меньше или чуть больше полусотни: по данным в [Комарова, Краев 207], словарь С.И. Ожегова насчитывает 67 предлогов, МАС-2 – 70, БАС – 63, в подъязыке информатики функционирует 274 предлога (и их эквивалентов).

А вместе с тем массив единиц, используемых в живой речевой практике, исчисляется тысячами. Но многие лингвисты не замечают (или не желают замечать) эту периферию языка, которая, хоть и диффузна, но оказывается гораздо информативнее, богаче и в исследовательском отношении интереснее ядра языковой системы. Конечно, подобное нежелание объяснимо: периферийные явления противоречивы, труднее поддаются объяснению, от лингвиста требуется определенная научная смелость выйти за пределы устоявшегося знания.

Смелость концепции руководителя проекта М.В. Всеволодовой и его участников состоит в преодолении морфологоцентризма при изучении служебной лексики и признании предлога как морфосинтаксической категории. Проект, открытый по своей организации, стал своего рода катализатором объединения усилий многих научных центров России и зарубежных ученых в исследовании данной категории.

С разной степенью категоричности в определении границ предлога в словарях и реестрах предложных единиц появились эквиваленты и аналоги предлога, количество которых колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч (см. наш обзор в [Конюшкевич 2013]). К примеру, наш реестр белорусских предлогов содержит около 10000 предложных единиц [Канюшкевіч 2008–2010]. Реестр русских предлогов, изданный пока в диапазоне А–В, содержит около 2350 единиц, атрибутированных по 14 позициям [Всеволодова и др. 2018]. Можно предположить, сколько же этих единиц будет насчитывать полный реестр!

Естественно, столь широкий функциональный взгляд на реляции вызывает если не широкую дискуссию, то некоторую настороженность и сопротивление коллег. Так, по поводу предложной функции словоформы *глазами* в высказывании *На Беларусь надо смотреть* ***глазами*** *иностранного туриста* одна из коллег мне сказала: «Невозможно без насилия над языковым сознанием признать, что *глазами* – это предлог». Последовал встречный вопрос: «А **чем** еще можно **смотреть**?». Далее был анализ функций данной лексемы в сопоставлении с другими высказываниями (*На Беларусь надо смотреть* ***как*** *иностранный турист*; *На Беларусь надо смотреть* ***в качестве / в роли / в ипостаси*** *… иностранного туриста*; *На Беларусь надо смотреть* ***так, как*** *смотрит иностранный турист…*). Коллега соглашалась с релятивной функцией лексемы *глазами*, но… как **это** может быть предлогом?

Для убедительности отошлю уважаемого читателя к статье Е.Н. Виноградовой «Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу» [Виноградова 2016], в которой предложная функция выявлена не только у словоформы *глазами*, но и у словоформ и их сочетаний с первообразными предлогами: *глазом*, *в глаза*, *на глаза*, *в глазах*, а также других соматизмов в составе предложных сочетаний: *в лице*, *перед лицом*, *в лицо*, *к лицу*, *лицом к*, *от лица* и др.

Тем самым мы подошли к еще одной проблеме, отмеченной Вяч. Вс. Ивановым – **проблеме грамматикализации лексем**: «Хотя теоретически можно стремиться разграничить исследование только грамматических значений словоформ и синтаксических значений словосочетаний и только лексических значений слов (как словарных единиц) и фразеологических сочетаний, число промежуточных случаев оказывается большим. Деривационные отношения легко становятся реляционными, и поэтому словообразование соединяет лексику и грамматику» [Иванов 2004: 76].

К данной проблеме в последнее время обратился в своих взглядах Ч. Филлмор, проложивший вместе со своими последователями магистральное для современного языкознания направление – грамматику конструкций (подробнее об этом см. [Рахилина 2010]). Идеи грамматики конструкций перспективны тем, что в поле внимания лингвистов включен огромный массив единиц, находящихся на периферии языка, представляющих собой сочетания слов (конструкции) как целостные языковые знаки. В методологическом отношении приоритет отдается значению конструкции, которое не выводится из суммы значений ее компонентов, а объясняется их взаимодействием на разных уровнях – синтаксическом, семантическом, прагматическом. Такого рода конструкции свойственны каждому языку, но в каждом языке они специфичны.

С теорией грамматики конструкций перекликается идея Б.М. Гаспарова о языковой памяти – принципа, по которому формируется непосредственное и нерасчленяемое знание говорящим не только слов, но и сочетаний разной длины, составляющих коммуникативные фрагменты: «Именно коммуникативные фрагменты, то есть целые готовые выражения, являются первичными, целостными, непосредственно узнаваемыми частицами языковой материи, составляющими основу нашего обращения с языком в процессе языкового существования, а не отдельные слова в составе этих выражений, и тем более не компоненты их морфемной и фонемной структуры» [Гаспаров 1996: 123-124].

Сказанное относится и к многочисленным знаменательным лексемам, которые, будучи тысячекратно повторенными в определенных грамматических соединениях в речи, становятся целостными, воспроизводимыми конструкциями (но не фразеологизмами), которые имеют место во всех подсистемах языка, в том числе и в области реляций: «Устойчивые сочетания в таком понимании – это не что иное, как бывшие свободные синтаксические построения, окостеневшие в результате многократного употребления» [Гаспаров 1996: 119].

Нам приятно сознавать, что морфосинтаксическая концепция предлога и последовавшая за ней максимально полная инвентаризация предложных единиц разрабатывалась параллельно с грамматикой конструкций еще тогда, когда мы не были знакомы с этой теорией. Данная параллель свидетельствует, что проблема актуальна, а разные ее решения демонстрируют объективные результаты.

Если говорить о результатах и перспективе наших собственных изысканий в свете обрисованной выше последней проблемы, то они направлены на инвентаризацию союзных средств белорусского языка,

массив которых, как и предложных единиц, в этом языке огромен, но еще не получил ни грамматического, ни тем более лексикографического описания.

При этом мы руководствуемся следующими методологическими принципами.

1) Инвентаризации должны быть подвергнуты как ядерные единицы, так и периферийные, вплоть до дальней периферии (переходных и уникальных случаев).

2) Атрибуция союзного средства должна быть полипараметрической – с учетом многих позиций: статуса конструкций строения (соединяемых компонентов); статуса конструкций построения; типа синтаксических связей между компонентами; вида выражаемых отношений; типа и количества выполняемых союзным средством функций и др.

3) Исследователь должен допускать, что одной связующей функцией роль союзного средства в конструкции не исчерпывается: это могут быть и актуализирующие, текстообразующие, синтаксемообразующие и другие функции.

4) Возможно допущение и того, что союзные сочетания, рассматриваемые в традиционных описаниях как свободные синтаксические соединения лексем каждая со своими автономными грамматическими свойствами, являются целостными грамматическими конструкциями (например, признание сочетания с корреляционной связью типа *то, что*; *тот, кто*; *туда, куда* и под.), целостным союзным средством.

5) Необходимо признать, что союзные сочетания, компоненты в которых сохраняют свою морфологическую парадигму (*к тому, который*; *тот, у которого*; *перед тем, за которого* и т.д.), являются омонимами.

6) Количество таких союзных сочетаний в языке огромно, но исчислимо. Верификация контекстами с помощью корпусов текстов покажет синтаксические, семантические и стилистические разрешения и ограничения в употреблении таких единиц, их частотность в разных дискурсах, эволюцию употребления в разные периоды функционирования языка.

Наши первые опыты моделирования сочетаний и поиск их в контекстах показали, что для многих контекстов даже Национальный корпус русского языка дает нулевые результаты: речения возможны, а контексты не зафиксированы. Например: *у того, чей*, хотя речение возможно: ***У того, чей*** *нос длиннее, больше денег.* Особенно это касается сочетаний *та, кто*; *та, у кого*; *та, перед кем*; не говоря уже о возможности употребления таких, как **той, перед кем*; **та, мимо кого*; **та, до кого* и под.

7) Корреляция предлога с аналитическими союзами (***в расчете на*** *удачу* – ***в расчете на то, что*** *удастся*) позволяет моделировать возможные трансформации предложно-именной синтаксемы в предложно-союзно-предикативную синтаксему и получать союзное средство, отсутствующее в грамматических описаниях.

8) Потенциальные союзы можно получить также путем аналогии с уже зафиксированными в лингвистике. Например, мы выявили, что союзное сочетание *Дело в том, что,* которое было объектом внимания многих лингвистов (А.Ф. Прияткиной, Т.А. Колосовой, М.И. Черемисиной, Р.П. Рогожниковой, Г.А. Золотовой, М.В. Ляпон, Т.В. Шмелевой [Лапынина 2013]) втянуло в свое поле целую парадигму из почти двух десятков сочетаний с такими базовыми компонентами, как *проблема*, *вопрос*, *правда*, *беда*, *идея*, *штука*, *причина*, *гвоздь*, *заковыка*, *суть*, *секрет*, *фишка*, *загвоздка*, *прелесть*, *изюминка*, *досада*, *неприятность*, *смысл*, *соль*, причем с разной степенью их употребительности – от 25 тысяч употреблений сочетания *дело в том, что* до единичных (*гвоздь в том, что*).

Более того, модель имеет расширение: ***вся*** *фишка в том*; ***но*** *загвоздка в том*; ***а*** *соль в том, что*; ***ведь*** *изюминка в том, что*, а в Интернет-коммуникации данные конструкции функционируют иначе, нежели в печатном тексте.

В свете рассмотренных проблем смысл максимально полной инвентаризации союзных средств нам видится не столько в том, чтобы с помощью операциональных методов отличить союз от не-союза (хотя и это стоит делать), сколько в том, чтобы узнать, какую роль эти средства выполняют в категоризации мира и, соответственно, языка и как они удовлетворяют коммуникативные запросы носителя языка.

Литература

Алпатов В.М. Русская лингвистика и мировая лингвистика // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и матер. VI Международного конгресса исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 154-155.

Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56-74.

Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.

Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика). М.: УРСС, 2018.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Итоги работы и решения VI международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность // http://rlc2019.philol.msu.ru/docs/Reshenie_RLC2019.pdf

Канюшкевіч М.І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна: ГрДУ. Ч. 1. Дыяпазон А–Л. 2008. Ч. 2. Дыяпазон М – П. 2010. Ч. 3. Дыяпазон Р–Я. 2010.

Комарова З.И., Краев С.В. Функционально-грмматическая синонимия предлогов и союзов в подъязыке информатики // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2007. № 15. С. 1-11.

Конюшкевич М.И. Из опыта атрибуции славянского предлога // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фальклярыстыка: XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, 20-27 жн. 2013): дакл. бел. дэлегацыі. Мінск: Беларус. навука, 2013. С. 85-97.

Лапынина Н.Н. О текстообразующей функции стандартизованной единицы «Дело в том, что» // Вестник Воронеж. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 120-125.

Лукашанец А.А. Беларуская мова ў XXI стагоддзі: ад Я.Ф. Карскага да нашых дзён // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. тр. Гродно: ГрГУ, 2018. С. 26-30.

Милославский И.Г. «Цель» как характеристика лингвистического исследования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 9-23.

Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.

Konyushkevich M.I. Linguistics of the second decade of the XXI century: questions for the present

In the article the researcher uses the reminiscence to “Linguistics of the Third Millennium. Questions for the Future” by V.V. Ivanov. Problems that are touched upon in this this book (national languages in the era of globalization; the crisis of linguistics and humanities in general; lexeme’s grammaticalization and the ratio of continuous and discrete) are studied details. We take into consideration the leading concepts and the results of author’s researches in the field of the functional lexicon.

Key words: linguistics, preposition, conjunction, grammaticalization, Construction Grammar.

УДК 81”35; 81”26

А.Л. Шарандин

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИЛИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

В статье представлен взгляд на русскую орфографию с точки зрения ее совершенствования и реформирования. Необходима разработка непротиворечивой и экономной лингвистической концепции русского правописания. Однако ее реализация в обществе возможна только с учетом комплекса факторов, который включает социально-экономический, политический, психологический и культурно-эстетический факторы.

Ключевые слова: орфография, принципы орфографии, свод правил русского правописания, совершенствование и реформа орфографии.

Как известно, любая теория, претендующая на ее практическую реализацию в обществе, должна отвечать логическим критериям, которые будут понятны его членам на уровне обыденного (практического, житейского) сознания. С этой точки зрения, современному носителю языка как участнику письменного общения и как получателю знаний о языке, нужна теория, которая оказалась бы непротиворечивой, экономной, имеющей достаточную объяснительную силу и в то же время учитывала бы учебную традицию, разрыв с которой всегда будет болезненно восприниматься, поскольку все, в той или иной степени, обладают школьными знаниями языка и знаниями о языке. Наиболее слабым звеном в усвоении этих знаний оказывается русская орфография, о чем свидетельствуют результаты тотальных диктантов, проводимых в последнее время ежегодно. В отношении русской орфографии как объекте знаний о языке противоречивость, скорее всего, связана с наличием исключений, которые надо запоминать в силу их противоречивости с действующими правилами. Объяснительная сила находит отражение в последовательности применения тех или иных правил, а экономность связана с отношением к принципам русской орфографии, которыми можно было бы пренебречь и тем самым унифицировать их число.

Определенную сложность в создании такой теории русской орфографии представляет то, что она охватывает самые различные стороны языковой системы (см. подробно: [Осипов 2010]). В специальной ли-

тературе в определении орфографии подчеркивается ее связь с графикой. Согласно концепции А.Н. Гвоздева, «орфография регулирует все средства графической передачи речи» [Гвоздев 1963: 29]. Связь орфографии с графикой обусловливает, в свою очередь, и ее связь с фонологией (фонетикой), поскольку графика отвечает за передачу фонемного состава слова. Однако связь орфографии с фонологией отличается от связи графики со звуковым строем языка. В частности, графика передает буквами последовательность фонем, не ориентируясь на конкретное слово, тогда как орфография регулирует правила передачи фонемного состава конкретных слов и морфем. Как отмечает Г.М. Богомазов, «орфография устанавливает не то, как может быть передана последовательность фонем, а то, как она должна быть передана в написании данного слова или данной морфемы» [Богомазов 2001: 191].

В связи с взаимосвязями орфографии с графикой и фонологией, а точнее, с морфонологией, возникает *вопрос о ее статусе в системе лингвистических дисциплин*. Некоторые лингвисты предполагают рассматривать орфографию в одном ряду таких самостоятельных дисциплин, как графика, фонология, морфемика. Вероятно, такой подход вполне правомерен, если иметь в виду, что орфография располагает своим понятийным аппаратом, своим набором единиц – орфограмм (орфографем), выделенных на основе определенных принципов и образующих орфографическую систему языка. Изолированный подход к ней позволяет в этом случае более глубоко осмыслить те отношения, которые возникают как в самой орфографической системе, так и в ее связях с другими сторонами языковой системы в целом. Интересно в этом плане высказывание Н.Ф. Яковлева о том, что «национальная орфография должна отражать не отдельные, возведенные в мнимые “принципы” стороны данного языка (как фонетику, морфологию и т.д.), но характер всего языка в целом – языка, рассматриваемого монистически, как диалектическое единство» [Яковлев 1933: 31].

Несомненно, изолированный подход к орфографии правомерен и целесообразен в исследовательских целях, но, в принципе, вне связи орфографии с графикой и фонологией невозможно определить статус орфографии. С этой точки зрения, на наш взгляд, орфография является той областью лингвистики, которая *отражает не противопоставление графики и фонологии, а их взаимодействие*, основанное на определенных принципах.

1. *Фонематический принцип*. Он состоит в том, что одна и та же буква обозначает фонему в сильной и слабой позициях. Вот одно из определений этого принципа, данное сторонниками Московской фо-

нологической школы: «Фонематическое письмо – это такое, в котором одни и те же буквы алфавита обозначают фонему во всех ее видоизменениях, как бы она ни звучала в том или ином фонетическом положении. При этом видоизменения фонемы обозначаются на письме по ее основному звучанию» (см.: [Ильинская, Сидоров 1953: 8] – цит. по: [Кузьмина 1981: 246]). Согласно некоторым подсчетам, фонематический принцип присущ в русском языке от 80 % [Богомазов 2001: 196] до 90 %.

2. *Морфематический (морфологический) принцип*. Он состоит в том, что каждая значимая часть слова (морфема) передается всегда одинаково. В этом случае выбирается написание морфемы в том виде, в котором фонемы предстают в ней в сильном своем варианте.

3. *Фонетический принцип*. Он ориентируется на произношение, в соответствии с которым выбирается буква для обозначения звука. Принято считать, что наиболее ярко этот принцип реализуется в написании приставок с конечным «з» и «с». Например: ***раз****бить*, но ***рас****пить* и т.п.

4. *Традиционный (исторический) принцип*. Он состоит в том, что для обозначения того или иного звука выбирается буква, которая, однако, не отражает его реализацию в сильной позиции. Например: *красивого* – в этой словоформе буква «г» не соответствует звуку [в] в произношении данного слова: [*бал'шóвъ*]. Выбор буквы оказывается немотивированным ни фонематическим, ни морфологическим, ни фонетическим принципом, так как данное написание закреплено традицией, а не современными отношениями в звуковом строе языка. Поэтому написание рассчитано на запоминание. Согласно подсчетам исследователей, традиционный подход в той или иной степени представлен 15% в написании слов.

5. *Грамматический (морфологический) принцип*. Его выделение связано с написаниями типа *пишешь, ешь, мышь, плачь, дочь* и т.п. Считается, что в них «ь» имеет грамматический смысл, выделяя особые грамматические формы. Особенно это проявляется в различении написаний с «ь» и без «ь»: *плачь* (глагольная форма) – *плач* (субстантив); Ср.: также: *туш – тушь, рож – рожь* и т.п. По мнению А.А. Реформатского, морфологический принцип стремится передать язык не через фонетику. При этом морфологические написания отражают грамматику (морфологию), минуя фонетику и даже вступая с ней в противоречие [Реформатский 1967: 375], поскольку «ь» никак не связан с произношением, например, слов *мышь* и *дочь*: в них и без «ь» произношение не изменилось бы. Более того, написание *мышь* проти-

воречит твердому произношению [ш], а в слове *дочь* наличие «ь» избыточно, так как [ч] является мягким согласным.

6. *Дифференцирующий принцип*. Он определяет написания слов типа *ожог – ожёг*; *орел – Орел* и т.п., хотя по фонемному составу они совпадают.

Рассмотрение принципов орфографии позволяет ответить на вопрос об их значимости в системе русской орфографии, позволяет оценить и увидеть процесс ее развития, а в связи с этим определить *перспективы совершенствования русского правописания* и на этой основе предложить обществу *пути решения проблемы совершенствования письма*. Проблемный же характер определяется тем, что орфография в наибольшей степени из лингвистических дисциплин связана с сознательной нормирующей деятельностью человека, которая направлена, прежде всего, на решение важнейшей социальной задачи: путем кодификации, закрепления норм правописания государственным актом добиться значительного уровня грамотности населения. И здесь важным фактором оказывается не только собственно лингвистический, обеспечивающий теоретические основы для решения проблемы совершенствования орфографии, но и факторы экономического, психологического и культурологического характера. Важно, на основе всех этих факторов, добиться такого состояния общества, когда оно будет осознавать необходимость и целесообразность принятия предлагаемых решений. А этого добиться не так уже и просто, о чем свидетельствуют факты, когда даже видные ученые и писатели выступают против проведения реформы русского правописания, причем, порой не против предлагаемых ее путей, а в целом – как таковой.

С какими требованиями общества сталкиваются сторонники совершенствования или реформирования русского правописания? Какие стороны экономического, психологического и культурологического характера необходимо учитывать при подготовке и проведении реформы орфографии?

Прежде всего, носители языка должны четко осознавать цель реформы или проведения мероприятий по совершенствованию письма. А эта цель, как правило, связана с доказательствами того, что прежнее его состояние не отвечает в полной мере современному состоянию. Это несоответствие может быть связано с развитием звуковой системы языка. Например, наличие написаний с «ѣ» типа *лѣто* оказывается избыточным, поскольку функционально значимых (фонологических), да и собственно звуковых (фонетических) различий между [ѣ] и [э] при чтении слов с орфографией *лѣто* и *лето* по существу нет. Носители

языка не воспринимают звуковых различий между ними, вследствие чего процесс коммуникации не нарушается. Естественно, упрощение графической системы русского языка путем исключения из нее буквы «ѣ» воспринимается как адекватное современному состоянию письма и не встречает противодействия.

В качестве требований общества в вопросе о совершенствовании правописания выдвигаются такие, которые направлены на обеспечение легкости, удобства, простоты и стандартности написания и чтения письменных текстов. Данный фактор свидетельствует о том, что языковеды при разработке теоретических проблем правописания должны убедить в рациональном характере предлагаемых решений. Языковеды должны почувствовать тот момент в развитии общества, когда в нем созрела практическая необходимость для этих решений. И только в этом случае общество окажется способным преодолеть экономические трудности, связанные с реформированием или совершенствованием орфографии, осознать, как отмечает Л.Р. Зиндер, что совершенствование норм письма необходимо для тех, кому еще предстоит обучаться грамоте. В нерациональном для того или иного этапа исторического развития письме содержится, по его мнению, громадное социальное зло, так как на изучение этого письма затрачивается огромное количество времени обучающихся [Зиндер 1987: 106-107].

Из экстралингвистических условий, обеспечивающих эффективность проведения реформирования орфографии в современном обществе, следует выделить его *экономику, ее состояние* на том или ином этапе его исторического развития. Нет необходимости доказывать, что Россия начала XXI в. не способна обеспечить экономические затраты не только на реформу русского правописания, но даже на уточнение и внесение некоторых его норм и ряда правил, направленных на совершенствование правописания в новых исторических условиях. В данном случае, говоря о влиянии экономики на реформу письма, мы должны учитывать консервативный характер экономических факторов в целом, поскольку потребуются огромные затраты на издание новых и перепечатку книг со старой орфографией, смену рекламы, издание новых учебников, внесение изменений в делопроизводство и т.д.

При этом важно иметь в виду, что *экономические факторы связаны с политической волей общества*, которая порой способна преодолеть их консерватизм. Так, например, реформа русского письма 1918 года во многом обусловлена государственной политикой в сфере языкового строительства, поскольку социально-экономическое положение России в то время оставляло желать лучшего. Немаловажным фактором

в этом случае был и психологический фактор, когда сознание общества определялось общим стремлением к реформированию общества во многих областях его жизни. Как отмечает В.М. Алпатов, меры вроде орфографической реформы осуществляются, как правило, в период коренных социальных сдвигов, как это было в Петровское время и в 1917–1918 гг. А попытка довольно частной реформы 1964–1965 гг. оказалась неудачной из-за психологической позиции взрослых грамотных носителей языка [Алпатов 2002: 53].

По своему влиянию на реформы письменности *психологический фактор* оказывается, наверное, одним из наиболее важных, так как определяет отношение ко всему, с чем связан человек, тем более к письменности. Вот почему так остро и активно обсуждаются в обществе проблемы смены письменности, ибо в этом видят угрозу для жизни общества в целом, с его традицией, культурой. Наглядной иллюстрацией этого являются споры о переводе письменности с кириллицы на латиницу, например, в Татарстане и Казахстане. Как отмечает В.М. Алпатов, всерьез обсуждают вопрос о латинизации в Болгарии, где изменение многовековой кириллической традиции на латинскую графику во многом связано с желанием части болгарского общества порвать не только с политической, но и культурной ориентацией на Россию [Алпатов 2002: 53].

В целом, оценивая характер влияния психологического фактора на реформирование правописания, исследователи отмечают его консерватизм, который, прежде всего, проявляется в нежелании взрослых, окончивших школу и владеющих в той или иной степени навыками правописания, переучиваться. По мнению Л.Р. Зиндера, «всякая попытка внести любые, а тем более сколько-нибудь существенные изменения в привычные нормы письма встречает естественное сопротивление со стороны грамотных людей, для которых период обучения грамоте (для многих весьма мучительный) уже позади, а страх перед тем, что придется переучиваться, пересиливает сознание важности реформы для общества в целом» [Зиндер 1987: 104-105].

Значимым фактором, сдерживающим или способствующим развитию реформы правописания, является *культурно-эстетический фактор*, т.е. важно учитывать, насколько реформирование соответствует развитию языковой культуры в целом, не утрачивается ли в графическом образе слов эстетическая ценность. Наверное, если сравнить графические образы слов, представленных в древних рукописных книгах и современных книгах, то можно усмотреть утрату эстетической

ценности букв, которые в своем начертании несли определенную символику. Но, как справедливо заметил Л.Р. Зиндер, «воззрения и вкусы эволюционируют с ходом истории. Вряд ли поборников указанной точки зрения удовлетворила бы современная живопись, если бы она оставалась на уровне древней иконописи, как она ни прекрасна» [Зиндер 1987: 105].

Итак, сложность решения проблемы усовершенствования или реформирования орфографии в тот или иной период исторического развития общества определяется тем, что эта проблема не является собственно лингвистической, чисто языковой. Она в той или иной степени связана с экстралингвистическими условиями, которые, конечно, наряду с лингвистическими факторами, обусловливают возможность или невозможность ее решения. И как свидетельствует история развития русской орфографии, значительную роль играют именно экстралингвистические факторы: социально-экономические, политические, психологические, культурные. Вот почему, несмотря на достаточно значительное время существования русского письма, полноценных реформ правописания было всего две. Первая была осуществлена в начале XVIII в. Петром I, хотя по своей сущности она в большей степени связана с реформой графики, поскольку касалась начертаний букв и состава алфавита. Вторая реформа письма была осуществлена после революции 1917 г. посредством декрета нового правительства, но готовилась она еще до 1917 г., и в ее подготовке принимали участие такие видные лингвисты, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф.Фортунатов, А.А. Шахматов и др.

В настоящее время *вопрос о совершенствовании русской орфографии* приобретает особую актуальность в связи с новой социально-исторической ситуацией в России. Кроме того, можно говорить об изменении к проблемам орфографии в самих научных кругах, об активизации орфографической деятельности в конце XX – начала XXI веков. Т.М. Григорьева отмечает, что этот период «характеризуется стремлением вывести вопросы правописания из области периферии в центр научного внимания, нарушить традицию “игнорирования” орфографии как науки, представляющей “единственным репрезентантом нормы письменного языка” орфографический словарь, не учитывающей реальной практики письма, не отражающей новые явления, накопившиеся в языке» [Григорьева 2000: 74]. В настоящее время наблюдается осознание учеными, что орфография имеет не только прикладной ха-

рактер, а это – наука, только, по мнению В.Ф. Ивановой, она развивается «вспышками» [Иванова 1995: 110].

Теоретический характер орфографии, несомненно, связан с обсуждением ее принципов. От выбора ведущего принципа и его отношений с другими принципами (в плане их отрицания или вовлечения в качестве дополнительных, вспомогательных) зависит решение главного вопроса орфографии – вопроса о цели русского правописания и путях достижения этой цели в тот или иной период развития орфографии, путях ее совершенствования. «Недостаток большинства современных орфографий, по мнению Л.Р. Зиндера, заключается не в их трудности, а в том, что они зачастую включают бессмысленные правила (можно сказать, что они трудны, потому что бессмысленны), которые не оправдываются соответствующими языковыми явлениями» [Зиндер 1987: 107]. Регламентация же орфографических правил обусловлена, прежде всего, выбором принципа правописания. Но, как свидетельствует анализ различных подходов к выбору этого принципа, однозначного мнения языковедов на этот счет в лингвистической литературе нет.

Предложения по совершенствованию русского правописания на основе фонематического и морфологического принципов достаточно широко представлены как в научной, так и в учебной литературе. Поэтому мы остановимся кратко на решении проблемы совершенствования орфографии на основе вывода *о морфонологическом характере орфографических правил*. Именно он, на наш взгляд, позволяет достичь основную цель правописания – давать возможность однозначного написания слова на основе непротиворечивых правил, связанных с типом русского письма – буквенно-фонемным. Суть же морфонологического принципа русского письма состоит в том, что из двух возможных графем выбирается та, которая соответствует морфонеме и диктуется проверочной формой [Руделев 1988: 27].

При этом важно учитывать взаимодействие между графикой и фонологией. Сущность этого взаимодействия определяется тем, что «орфография может рассматриваться как синтактика графических знаков, связанная с синтактикой элементов звучания отношением репрезентации и интерпретации, закрепленным в соответствующем корпусе правил» [Амирова 1985: 62]. Так, например, в русском языке есть орфографические правила, которые в значительной степени отражают дистрибуцию графем (букв). К числу таких правил В.Г. Руделев относит правило, согласно которому «гласные» графемы «а, я, о, ё, ы, и, у, ю, э, е, ъ, ь» не употребляются после графемы «й». Все «согласные»

могут употребляться после «й». Однако в качестве аргумента, доказывающего неправомерность данного правила, будут приведены слова типа *секвойя, район, фейерверк*, в которых это правило нарушается.

И здесь необходимо осознать тот путь совершенствования русской орфографии, который предлагается в качестве выхода из того или иного противоречия, когда, оставаясь в рамках сохранения противоречия, приходится запоминать всякого рода исключения. В частности, В.Г. Руделев отмечает, что «каких-либо особенностей произношения, например, написания с «гласными» после «й» не отражают (ср.: *Зоя* и *Майя*, *хвоя* и *секвойя*), они создают трудность и только. Если рассчитывать на достаточно скорое и вполне экономичное обучение русскому языку, то антиправило (т.е. «исключение» из основного правила – А.Ш.) должно быть устранено из свода орфографических руководств, а написания типа *секвойя* и *майор* должны быть преобразованы в написания типа *секвоя* и *маёр* [Руделев 1988: 23]. Таким образом, совершенствование русского правописания состоит в устранении написаний-исключений из системы орфографических правил, не отображающих графический и морфонологический их характер.

Другим примером, близким к рассмотренному правилу, может быть устранение из русской орфографии написаний типа *йог, йод*, поскольку графема «й» в начале слова, как правило, не употребляется. Поэтому устранение этих исключений приведет к основному типу написаний: *ёд, ёг* (ср.: *яд, ёж*).

Интересным в этом плане представляется мнение В.Ф. Ивановой. Она отмечает следующее: «Мы читаем и пишем определенными буквенными комплексами. Запомнив «портреты» определенных приставок, корней, суффиксов и окончаний, в конце концов мы их уже даже не проверяем произношением, а пишем «портретно». К тому же «сомнительные» буквы многих морфем вообще непроверяемы. Ср. такие суффиксы, как «-тель» (*победитель* и т.д.), «-есть» (*горесть, свежесть* и т.д.), «-ище» (*убежище, сокровище* и т.д.), «-еск-» (*вражеский, отеческий* и т.д.), «-ск-» (*июньский, полтавский* и т.д.). Непроверяемым является также, например, конечный согласный в окончании глаголов в 3-м л. ед. ч. «-т» (*делает, курит, пашет*), в правописании которого обычно не ошибаются, ибо это окончание заполняется «портретно» (не пишут: *делаед, *курид, что теоретически невозможно) [Иванова 1976: 186].

Как нам представляется, такого рода «буквенные комплексы» могли бы в значительной степени облегчить обучение грамоте. В терминологическим плане их можно было бы обозначить термином

«морфографема» или «морфограмма», т.е. это буквенные комплексы, выполняющие семасиографическую функцию в правописании слов.

Несомненно, правила, сформулированные на морфонологической основе В.Г. Руделевым, вызывают споры и, скорее всего, несогласие со стороны языковедов. Думается, и многие рядовые носители языка воспримут их негативно, особенно те, кто считает себя грамотным, ибо в этом случае переучиваться придется буквально всем. Ради чего? Ради той реформы орфографии, которая позволит избавить обучающихся русскому письму от зазубривания алогичных правил орфографии. Л.Р. Зиндер писал: «Время, потерянное на зазубривание орфографических правил, никак не восполняется приобретенными знаниями, они ничем не обогащают его умственного багажа и не развивают умственных способностей» [Зиндер 1987: 107]. Кроме того, современное русское правописание предполагает большое количество написаний, так называемых традиционных, которые требуют запоминания. В результате, в выигрыше сегодня оказывается ученик, у которого хорошая память, а не ученик, знающий правила. Поэтому можно по-разному воспринимать предлагаемые учеными предложения по совершенствованию русской орфографии или ее реформированию. Но это не исключает того, что надо что-то делать, нужно определяться в предлагаемых научных решениях в этой области.

Естественно, в данном направлении большие надежды возлагаются на Орфографическую комиссию, которая была создана еще в 1962 г. при Институте русского языка Академии наук СССР. К 1964 г. она подготовила предложения по усовершенствованию русской орфографии, которые были направлены на то, чтобы более последовательно провести в орфографии фонематический принцип (например, предлагалось написание слов типа *мышь* без «ь», т.е. *мыш*). Однако по ряду причин, как лингвистического, так и экстралингвистического характера, результаты работы комиссии не стали достоянием орфографической практики, а лишь знаменовали собой один из этапов по разработке научных основ орфографических правил, а также свидетельствовали о том, что орфография – это сфера общественно-культурной жизни достаточно консервативна.

«Задачей новой редакции, – пишут С.М. Кузьмина и В.В. Лопатин, руководитель научного коллектива по подготовке нового свода правил, – было привести правила правописания в соответствие с современным уровнем лингвистической науки и с современным состоянием русского языка» [Кузьмина, Лопатин 1996: 89]. В результате был

создан вариант проекта новой редакции правил (М., 2000). Однако предложенные изменения были восприняты неоднозначно. По мнению Е.С. Скобликовой, «целесообразность идеи составления нового свода правил и отправные положения, принятые авторами проекта, сами по себе сомнений не вызывают… Вместе с тем конкретное содержание проекта (включая характер предлагаемых изменений) представляется далеко не безупречным… Основная масса изменений правописания ни упрощения правил, ни тем более улучшения практики правописания не обеспечивают» [Скобликова 2001: 100-101].

Немаловажным вопросом в решении проблемы совершенствования русской орфографии является вопрос о том, каким образом должно проходить ее реформирование или внесение некоторых изменений и дополнений, какие факторы, связанные с этим, должны определять решение проблемы. По мнению Е.С. Скобликовой, вопрос о целесообразности предлагаемых изменений «должен решаться с учетом не только (и не столько!) факторов лингво-методических, сколько с учетом социально-экономических и социально-культурных последствий предлагаемых новшеств» [Скобликова 2001: 108]. Кроме того, необходимо широкое обсуждение вопросов совершенствования правописания общественностью.

Иной подход представляет собой позиция Л.Р. Зиндера. Он пишет: «Фетишизация письменных форм речи встречает широкий отклик в массах грамотных людей; не понимая, естественно, разницы между устной и письменной формой речи, они видят в попытках изменить что-нибудь в письме угрозу для самого языка. Поэтому широкое обсуждение проектов реформы, как показала… дискуссия (в 60-х годах – А.Ш.), не только не может принести никакой пользы, но, наоборот, глубоко вредна для дела и тормозит или даже парализует все мероприятия, намеченные авторитетными органами» [Зиндер 1987: 105].

В таких случаях принято считать, что истина лежит где-то посередине. Полностью исключить мнение общественности, наверное, не удастся, да и вряд ли правомерно. Они являются налогоплательщиками и поэтому должны знать (это их право!), на что будут израсходованы их средства. Как нам представляется, здесь не столько должно идти обсуждение о механизмах, связанных с лингвометодическим аспектом проблемы совершенствования правописания, сколько нужно донести до населения цель реформы, ее целесообразность и необходимость, предложить такую форму ее осуществления, которая не вызовет у грамотных людей «комплекса неполноценности». Лучший путь для этого –

это сосуществование на каком-то временном отрезке социально-исторического развития общества двух сводов правил – старого и нового. Но приоритет в обучении грамоте постепенно отдавать предлагаемому своду правил правописания. Другими словами, пусть правильными будут и написания, например, типа *шопот* и *шёпот*, *заря* и *зоря*, *собака* и *сабака* и т.д. Это не потребует перепечатки художественных, научных и научно-популярных книг, перестройки компьютерных программ и т.д. Но после принятия законодательным актом реформирования правописания предпочтение отдавать печатанию по новому своду правил. Наибольшие трудности в проведении реформы письма ожидает, конечно, образовательные учреждения. Однако и здесь, на наш взгляд, можно выработать общие подходы к оценке знаний по русской орфографии.

Таким образом, не учитывать социально-экономический, психологический и культурный факторы неправомерно. Преодоление их консервативного характера предполагает, прежде всего, работу с общественностью. Но что касается предлагаемых лингвистических механизмов, позволяющих внести те или иные изменения и дополнения в свод правил правописания, то это дело специалистов. Именно в их кругах необходимо широкое обсуждение специальных вопросов реформирования, которое определит отношение ученых к ним и позволит взять ответственность той комиссии, которой будет поручено формулирование нового свода правил. Конечно, в этом обсуждении полностью игнорировать экстралингвистические факторы не удастся. Но, как справедливо писал Л.В. Щерба, «пишут единицы, а читают миллионы. В общем, нормализаторы должны думать о детях и только о детях, о миллионах будущих поколений» [Зиндер 1987: 106-107].

Что же касается сегодняшнего состояния русской орфографии, то оно, несомненно, требует определенных изменений. Вопрос лишь в том – каких? Частных, незначительных? Но в этом случае, возможно, справедлив вопрос Е.С. Скобликовой: «Стоят ли достаточно многочисленные, но незначительные, слабо мотивированные и плохо продуманные новации тех экономических затрат и социально-культурных последствий, которые они вызовут?» [Скобликова 2001: 109]. Проведение же радикальной реформы также, по существу, затруднительно в силу отсутствия целостного, системного, непротиворечивого и экономного представления собственно лингвистического механизма орфографических преобразований. Кроме того, на наш взгляд, сегодня наше общество в большей степени нуждается не в орфографической

реформе, а в реформе нравственных ценностей, связанных с языком, и прежде всего, в области культуры речи. Однако это не означает отрицательного отношения к реформированию русского правописания. Просто всему свое время. Поэтому, осознавая сегодняшнее состояние русской орфографии, важно не оправдывать его по принципу «а все-таки она хорошая!» (М.В. Панов), тем самым как бы отказываясь от изменений в ней («от добра добра не ищут»), а важно оправдать ту работу, которая должна вестись в направлении реформирования орфографии, важно уже и сегодня осознать необходимость, целесообразность и перспективность ее изменений на основе выбора той или иной научной концепции и с учетом экономических, политических, психологических, культурных последствий ее реализации. Была бы концепция! А то, что времена для ее проведения еще наступят, – несомненно!

Литература

Алпатов В.М. Факторы, влияющие на выбор системы письма // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 2.

Амирова Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М.: Наука, 1985.

Богомазов Г.М. Современный русский язык: Фонетика. М.: Владос, 2001.

Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М.: АПН РСФСР, 1963.

Григорьева Т.М. Русская орфография в посттоталитарный период // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. № 1. С. 66-77.

Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987.

Иванова В.Ф. Академик В.В. Виноградов как председатель Орфографической комиссии 60-х годов: Научные и социальные аспекты орфографии // Русистика сегодня. М.: ИРЯ РАН, 1995. № 2.

Иванова В.Ф. Современный русский язык: Графика и орфография М.: Просвещение, 1976.

Кузьмина С.М. Теория русской орфографии: Русская орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М.: Наука, 1981.

Кузьмина С.М., Лопатин В.В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. М.: ИРЯ РАН, 1996. № 1.

Осипов Б.И. Судьбы русского письма. М.-Омск: Омский научный вестник, 2010.

Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Просвещение,1967.

Руделев В.Г. Морфонологический характер русских орфографических правил // Язык и письмо. Волгоград: ВолгПИ, 1988. С. 22-31.

Скобликова Е.С. О проекте нового «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация». М., 2001 // Филологические науки. М., 2001. № 5.

Яковлев Н.Ф. Основы орфографии // Революция и письменность. М., 1933. № 1.

Sharandin A.L. Russian spelling from a perspective of its possible comprehension or reform

The article shows a point of view concerning Russian spelling and reform. It is necessary to create and develop non-controversial and economic linguistic conception of Russian spelling. However, its realization in society is possible only because of complex of factors, which include social and economical, political and psychological cultural and esthetic factors.

Key words: spelling, principles of spelling, collection of Russian spelling rule, comprehension and reform of spelling.

УДК 811.161.3’373.42:398.92(+161.3)

В.А. Ляшчынская/ О.А. Лещинская

ТРАФОНІМЫ Ў ФРАЗЕАЛОГІІ ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ

В статье О.А. Лещинской «Трофонимы во фразеологии как отражение культуры белорусов» рассматриваются белорусские фразеологические единицы с компонентом-трофонимом, или наименованием традиционных продуктов питания, еды белорусской кухни, отбор и использование обусловлено кодированием культуры народа. Исследование фразеологизмов показало, что интерпретация образных представлений, связанных с национальными гастрономическими реалиями, направлено прежде всего на оценку человека, характеристику его признаков, действий, физического, психологического и социального состояния.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент-трофоним, гастрономический код культуры, национально-культурная информация, ценностные ориентиры, оценка.

Устанаўленне і разгляд суадносін і сувязі мовы і духоўнай культуры, мовы і менталітэту з’яўляецца адной з важнейшых задач даследавання апошняга часу ў лінгвістыцы ўвогуле і ў фразеалогіі ў прыватнасці. Фразеалагічныя адзінкі (ФА) фіксуюць галоўнае ў жыцці народа як стваральніка гэтых адзінак, занатоўваюць мудрасць многіх пройдзеных пакаленняў, а таму з’яўляюцца крыніцай пазнання ўстановак культуры народа, яго менталітэту, складу розуму, спосабаў

пазнання свету і яго вербальнага адлюстравання. У сувязі з такой спецыфікай і асабліва з улікам кансерватыўнасці і высокай ступені акумулятыўнасці ФА выступаюць асаблівымі кагнітыўна-семіятычнымі адзінкамі кожнай мовы, вербальным вынікам пазнання і ўспрымання свету, і разам з тым адзінкамі, у моўнай прасторы якіх у сціслай вобразнай форме зафіксаваны шматвяковы вопыт мінулых пакаленняў беларусаў.

У святле характэрных сучасных падзей лінгвакультурнай глабалізацыі, а яшчэ з прычыны неабходнасці рэканструкцыі карціны свету беларусаў (такая задача пастаўлена і распачата аўтарам артыкула [Ляшчынская 2012; Ляшчынская 2015; Ляшчынская 2018]) на матэрыяле ФА беларускай мовы асаблівае значэнне набывае выяўленне нацыянальна-культурнай спецыфікі карціны свету, якая адлюстроўвае нацыянальна-культурныя асаблівасці светапогляду і найперш сістэму каштоўнасцей нашага народа. Адносна інтэрпрэтацыі ФА, якія лічацца самымі «культураноснымі» адзінкамі кожнай мовы, на першае месца выступае задача па ўстанаўленні сэнсаў культуры і арганізацыі ФА па кодах культуры.

Сярод выяўленых даследчыкамі [Ковшова 2012; Пименова 2007] шматлікіх культурных кодаў гастранамічны код можа быць прызнаны адным з базавых з прычыны выключнай ролі і назначэння ежы ў жыцці кожнага народа і адным з найбольш нацыянальна адметных кодаў, чаму спрыяе адбор кампанентаў, характэрных і нават адметных для кожнага народа пры іх параўнанні і супастаўленні. Гастранамічны код культуры складаецца з сукупнасці найменняў ежы, прадуктаў харчавання, іх смакавых уласцівасцей, спосабаў гатавання, рэцэптуры, адносін народа і інш., што надзелены дадатковымі сэнсамі культуры і абраны як кампаненты і аснова для складання вобразаў ФА. У рамках артыкула абмяжуемся толькі ФА з кампанентам-трафонімам (ад гр. *trophe* = ежа, жыўленне) [Булыка 1999: 475], ці прадставім гастранамічны код культуры беларусаў часткова, але найбольш важнай часткай, паколькі намі не ўлічваліся, напрыклад, ФА з кампанентам-найменнем пладоў, ягад, траў і інш.

Першасны аналіз сабранага матэрыялу (а гэта больш за 130 ФА літаратурнай мовы [Лепешаў 2008]) дазваляе адзначыць, па-першае, значнае месца ў беларускай фразеалогіі трафонімных ФА; па-другое, шырокае прадстаўленне трафонімаў (33) як лексем адной з характэрных тэматычных груп паводле кампанента ў рэпрэзентацыі гастранамічнага кода культуры беларусаў ФА беларускай літаратурнай мовы.

Несумненна і тое, што гэта і выразны паказчык разнастайнасці прадуктаў харчавання, найменняў страў беларусаў у мінулым, паколькі сярод фіксаваных кампанентаў-трафонімаў адзначаны найменні прыгатаваных рэдкіх (*баланда, боршч, поліўка*) і густых страў (*каша, кісель,клёцкі, яешня*), розных відаў печыва (*абаранак, батон, блін, пернік, пірагі, сухары, хлеб*), прадуктаў харчавання ці вырабаў з іх (*бульба, вяршкі, каўбаса, лапша, малако, манна, масла, маслёнка, мёд, мяса, патака, рыба, сала, селядзец, сыр, яйкі*), прыпраў (*перац, соль, цыбулька*) і адметнай ежы ці пітва (*квас*). Частотнасць ужывання пералічаных кампанентаў-трафонімаў вагаецца ад 1 да амаль 30 ужыванняў у ФА, аднак большасць кампанентаў-трафонімаў скарыстана ў адзінкавых: па 4 ФА з кампанентам *мяса,* па 3 ФА з кампанентам *абаранак, блін, пірагі, сала*, па 2 з кампанентам *квас, кісель, лапша, перац, цукар* і па 1 з кампанентам *баланда, батон, боршч, бульба, вяршкі, каўбаса, клёцкі, маслёнка, пернік, поліўка, селядзец, сухары, сыр, цыбулька, яешня.* А найбольш частотным у беларускай фразеалогіі з'яўляецца лексема-трафонім *хлеб* – 28 ФА, астатнія значна менш: *яйка /яечка* – 12 ФА, *малако* – 11 ФА, *соль* – 10 ФА, *каша* – 9 ФА, *масла* – 8 ФА, *мёд /мядовіч* – 7 ФА і *манна* – 6 ФА.

Пры гэтым у асобных ФА кампаненты-трафонімы на аснове іх тэматычнай ці семантычнай блізкасці вызначаюцца: а) варыянтнасцю (*каціся каўбасой /кілбасой /яечкам* 'выбірайся, ідзі прэч, вон адсюль'; *хапіць шылам кашы /патакі* 'пагнаўшыся за чым-н., зведаць няўдачу (часцей з-за ўласнага промаху)', б) паўторам аднаго і таго ж ці аднакаранёвага кампанента-лексемы (*цераз хлеб /ад хлеба шукаць хлеба* 'мяняць становішча, прывычны парадак жыцця і пад.'; *масла масленае* 'паўтарэнне аднаго і таго ж іншымі словамі; сэнсавая таўталогія'), в) выкарыстаннем двух розных трафонімаў (дурны *як сала без хлеба* 'вельмі, надзвычай (дурны); пра каго-н.'; *мачаць <свой хлеб> у дзве солі* 'адначасова дасягаць дзвюх мэт'; *ні рыба ні мяса* 'пасрэдны чалавек, які нічым не выдзяляецца'; перабівацца, перакідацца *з хлеба на квас* 'сяк-так, надгаладзь, не наядаючыся, галадаючы'; *хлеб ды соль* 'прыемнага, добрага апетыту. Пажаданне таму, каго засталі за ядой' ці *хлеб-соль* 1) 'харч, яда'; 2) 'пачастунак'; 3) 'турботы, апека'; 4) прыемнага, добрага апетыту. Пажаданне таму, каго засталі за ядой'; *цукар мядовіч* 'празмерна ласкавы, прытворна-ветлівы чалавек'; *як сыру масле купацца /качацца /плаваць* 'жыць прывольна, у поўным дастатку').

Аналіз прадстаўленасці і частотнасці ўжывання трафонімаў пры ўтварэнні ФА не дае падставы сцвярджаць аб узаемадзеянні гэтах

паказчыкаў у фразеалогіі з месцам і роляй іх у жыцці і тым больш як выключна нацыянальных гастранамічных рэалій, паколькі гэта далёка не поўны пералік трафонімаў, па-другое, частотнасць у фразеалогіі не заўсёды адпавядае вядомасці, шырыні ўжывання і тым больш адметнасці нацыянальных гастранамічных густаў беларусаў. Напрыклад, шырока вядомыя і найбольш характэрныя беларусам такія нацыянальныя стравы, як аладкі, дранікі, дранка, мачанка, смажанка, студзень ці халадзец і інш., зусім адсутнічаюць у літаратурнай фразеалогіі.

Гэта дазваляе з поўным правам меркаваць, што важнейшым крытэрыем адбору з ліку ўсіх трафонімаў выступае дадатковы аспект абраных адзінак, той няўлоўны, але найбольш значны канатацыйны элемент, тая сімволіка, што нададзена асобным трафонімам ў свядомасці народа, дзякуючы чаму ў значэнні слова выяўляюцца новыя сэнсы. А аналіз частотнасці скарыстання трафонімаў пры ўтварэнні ФА паказвае, што яны абазначаюць пашыраныя, звычныя, традыцыйныя ці, наадварот, абмежаваныя або зусім не характэрныя, запазычаныя беларусамі ў мінулым стравы, прадукты і інш.

Так, добра вядомая сёння рэдкая страва, абазначаная лексемай *боршч*, у беларусаў, па-першае, мае ўласны эквівалент *капуста* ці *кіслая капуста*, якія, праўда, з'яўляюцца ўсё ж частковымі эквівалентамі да найменя стравы *боршч*, паколькі маюцца адметнасці ў рэцэптуры беларускай кіслай капусты і баршча, дзе галоўным інгрэдыентам з'яўляюцца буракі, смаку і колеры. Акрамя таго, лексема *боршч* пры абазначэнні стравы часцей суправаджаецца азначэннем *украінскі* як свайго роду ўказанне на крыніцу запазычвання як назвы, так і стравы. Можна меркаваць, што такой стравы раней у беларусаў не зналі, і найменне боршч пры яго запазычванні ўспрымалася як "чужаземка". Магчыма таму лексема скарыстана толькі ў ФА *сёрбаць /есці лапцем боршч* – 'гібець у беднасці, галечы, быць адсталым, некультурным' як сродак стварэння ўнутры фразеалагічнай супрацьлегласці "сваё" – "чужое" і вобразнага прадстаўлення беднасці, адсталасці і бескультур'я, калі лапцем як сімвалам гэтай адсталасці хтосьці есць невядомую, чыжую страву боршч.

Несумненным запазычаным трафонімам для беларусаў з'яўляецца і лексема *перац*, што служыць для найменя прыправы, якая атрымліваецца ў выніку апрацоўкі пладоў трапічнай расліны, якая не была ўласціва для тэрыторыі Беларусі, але скарыстана ў якасці кампанента трох ФА. Напрыклад, ФА *даць /задаваць перцу* і *ўсыпаць /падсыпаць перцу* ўтвораны ў выніку перасэнсавання абраных выразаў

са свабодным ужываннем слоў, дзякуючы набытым ведам чалавека пра перац як вострую прыправу, якая выкарыстоўваецца звычайна ў парашковым, змолатым выглядзе (адсюль *усыпаць /падсыпаць*), і дадатковай канатацыі гэтай лексемы, якой яна надзелена народам на аснове гэтай адметнасці. Пры ўтварэнні ФА скарыстаны прыём гастранамічнай метафары, паводле якой смакавае ўздзеянне горкага перцу прыпадабняецца да ўздзеяння слоў, фізічнага ці іншага суровага пакарання, на аснове чаго старыя формы набылі новае метафарычнае значэнне: *даць /задаваць перцу* – 1) ‘моцна сварыцца на каго-н., рэзка прабіраць’; 2)‘сурова распраўляцца з кім-н., бязлітасна біць, караць’, а *ўсыпаць /падсыпаць перцу* – ‘сурова правучыць каго-н., жорстка расправіцца з кім-н.’

А вось лексема *бульба*, якая, як вядома, прыйшла да нас як іншамоўная адзінка для абазначэння ў свой час новай сельскагаспадарчай культуры і сёння прызнана другім хлебам для беларусаў, паслужыла нават асновай для мянушкі беларусаў – бульбашы, зусім не надзелена сімвальнай дадатковай роляй. І гэты факт тлумачыць абмежаванне яе ўжывання ў ролі толькі слова-кваліфікатара да ФА бульба *ў мундзірах* – ‘нячышчаная, у лупінах. Пра вараную ці печаную бульбу’, што служыць вобразнаму “ўзвелічэнню” бульбяной стравы.

Або возьмем, напрыклад, уласную лексему *яешня*, якая абазначае ежу са смажаных яек, прыгатаваную, як кажуць, на скорую руку як самую простую страву. І несумненна, такі аспект характарыстыкі прыгатавання і быў адзначаны і абраны пры ўтварэнні ФА блытаць, змешваць *божы дар з яешняй* – ‘(блытаць) розныя, несумяшчальныя рэчы’.

А вось частотныя ў складзе ФА кампаненты-трафонімы *хлеб, малако,соль, масла, каша,* наадварот, у сваім свабодным выкарыстанні абазначаюць найбольш тыповыя і характэрныя найменні ежы, прадуктаў харчавання, што разнастайна ацэнены ў мінулым, яшчэ ў дафразеалагічны перыяд надзелены дадатковай культурнай інфармацыяй, канатацыйнымі значэннямі, якія могуць быць адзінкавымі і складаць цэлае канатацыйнае поле, з’яўляюцца найменнямі розных культурных сімвалаў. І сапраўдная прычына адбору і асабліва колькаснага выкарыстання лексем-трафонімаў пры ўтварэнні ФА з’яўляецца менавіта гэты паказчык.

Так, ФА *дзірка ад абаранка* выяўляе гастранамічную метафару, паводле якой пустое месца, дзірка з улікам формы і выгляду абаранка (менавіта гэты аспект быў абраны дадаткова да семантыкі лексемы

абаранак) прыпадабняецца да такога абстрактнага паняцця, як адсутнасць чаго-небудзь, што нельга атрымаць, ці нулявога паказчыка. І за абранай гатовай формай замацоўваецца новы змест – ‘зусім нічога’, а адзінка нагдяна называе нябачнае абстрактнае паняцце. Ці гэта ілюстрацыя, як лексемы-трафонімы з пэўным мінімальным дадатковым зместам, пэўным канатацыйным значэннем служаць для ўтварэння мінімальнай колькасці ФА.

І наадварот, пры замацаванні за пэўным трафонімам значнага аб’ёму канатацыі, шматлікай сімволікі ў выніку выкарыстання пэўных відаў ежы, прадуктаў харчавання і іх высокай ацэнкі, ролі ў жыцці народа вызначаецца і шырокае канатацыйнае поле, што і служыць утварэнню шматлікіх ФА.

Так, лексема *хлеб* стала адным з самых частотных з ліку кампанентаў-трафонімаў у беларускай фразеалогіі, паколькі слова *хлеб* з’яўляецца найменнем асноўнага прадукта харчавання беларусаў, лексема называе ‘зерне, якое мелецца на муку для выпякання хлеба’,‘зерневыя расліны (жыта, пшаніца і пад.) на корані’, ‘сродак для існавання, заробак’ [ТСБМ 1984: 200], але яшчэ і таму, што хлеб – гэта «найбольш сакралізаваны від ежы, сімвал дабрабыту, шчасця, дастатку» [Міфалогія 2011: 498], сімвал жыцця, долі чалавека. Менавіта такі аб’ём дадатковай культурнай інфармацыі трафоніма *хлеб* паслужыў асновай ўтварэння выразных і сціслых, вобразных і дакладных ФА рознай структуры і семантыкі, якім была нададзена роля сімвалаў, стэрэатыпаў і эталонаў, закладзеная ў лексеме хлеб. Гэта ФА для вобразнага ўяўлення пра наяўнасць розных прадуктаў харчавання (хлеб *і да хлеба* ‘іншыя, апрача хлеба, прадукты харчавання’), пра самую простую ежу (*садзіцца на хлеб і ваду* ‘абмяжоўваць сябе ў самым неабходным, харчавацца самай простай ежай’), пра сродкі існавання (*кавалак /кусок хлеба* ‘сродкі для існавання’) і спосаб дабывання іх (*спяваць на хлеб* ‘збіраць міластыню, жабраваць’; *адбіваць хлеб* ‘пазбаўляць каго-н. заробку, беручыся за тую ж работу, справу і пад.’; *скарынка хлеба* ‘мізэрныя сродкі для існавання’) ці пра матэрыяльную магчымасць утрымання каго-небудзь (*хлебам карміць* ‘забяспечваць сродкамі для жыцця’), самога сябе (*есці свой хлеб* ‘жыць, самому зарабляючы на сябе’; *ісці на свой хлеб* ‘пачынаць жыць самастойна, зарабляючы на сябе’) ці знаходжання за кім- або дзе-небудзь на гатовых харчах (*на ласкавым хлебе* быць, жыць, сядзець і пад. ‘на чыім-н. утрыманні’; *есці хлеб* ‘жыць за чый-н. кошт, знаходзіцца на чыім-н. утрыманні’; *на казённы хлеб /харч* саджаць ‘у турму, у зняволенне’; *на казённым хлебе* быць, знаходзіцца

‘ў турме, у зняволенні’), пра галоднае жыццё (*сядзець на хлебе і /ды <на> вадзе* ‘жыць надгаладзь, галадаць’; перабівацца, перакідацца *з хлеба на квас* ‘сяк-так, надгаладзь, не наядаючыся, галадаючы’; *шылам хлеб есці* ‘жыць у нястачы, у беднасці, галадаючы’), пра самае важнае і галоўнае ў жыцці (*хлеб надзённы* 1) ‘тое, што крайне неабходна для жыцця, для існавання’; 2) ‘самае важнае, неабходнае’; *хлебам не кармі* ‘каму-н. нічога іншага не трэба, апрача таго, пра што гаворыцца’) і інш., кожная з якіх даводзіць адметную і важную для чалавека культурную інфармацыю.

Тое ж датычыць цесна звязанай сваёй сімволікай і ўжываннем з лексемай *хлеб* лексемы *соль*, якая таксама адносіцца да ліку частотных у фразеалогіі, паколькі за ёю замацавана сімволіка самага важнага, без чаго нельга жыць. І гэта «не кошт солі, не працаёмкасць яе здабычы і нават не смакавыя якасці сталі асновай пераасэнсавання гэтага прадукта харчавання ў фальклоры і міфалогіі. Здаўна стала вядомым рэдкая ўласцівасць солі – ахоўваць прадукты (асабліва мясныя) ад гніення, кансерваваць іх» [Мокиенко 1986: 229]. Адсюль і асноўная канатацыя і сімволіка пастаянства, вечнасці, вернасці, дружбы, павагі, замацаванай за гэтай лексемай як асновы выбару яе для ўтварэння ФА. І тады зразумелым становіцца сімвальнасць выклічнікавых ФА *хлеб ды соль* ці *хлеб-соль* як пажаданне таму, каго засталі за ядой; эталоннасць гасціннасці, пачастунка, замацаванае за назоўнікавым ФА *хлеб-соль*; сімволіка дружбы, сяброўства – за ФА *з’есці пуд /не адзін пуд /многа солі*; а ФА *соль зямлі* (лічыцца біблейскага паходжання і абавязана метафарызаванаму выразу з Евангелля, дзе цытуюцца словы Ісуса вучням: «Вы – соль зямлі» [Бирих 2007: 657]) набыла ролю эталона вызначэння і высокай ацэнкі эліты грамадства, народа, свету.

У аснове ўтварэння вобразаў ФА *насыпаць солі на рану; насыпаць солі на хвост; сыпануць солі на свежую /жывую рану; сыпаць /пасыпаць соль на <свежую /жывую>*, як і *соль у вочы*,ляжыць метафара, паводле якой давядзенне каго-небудзь да хвалявання, дапяканне напамінкамі аб чымсьці непрыемным прыраўноўваецца да вядомых чалавеку вынікаў дзеяння солі на рану ці як перасцярога ад чаго-небудзь непрыемнага – солі ў вочы. Іншымі словамі, выкарыстанне вядомых фактаў, рэалій з жыцця чалавека, улік культурнай інфармацыі дапамагае вобразна прадставіць і даць ацэнку невядомым абстрактным паняццям, тым эмацыйным зрухам, якія не маюць канкрэтных паказчыкаў свайго праяўлення.

Культурная інфармацыя кожнай з утвораных ФА выяўляецца, па-першае, тым, што гэта другасныя адзінкі паводле свайго ўтварэння і ў іх адлюстраваны тыя вобразы, тыя прататыпы, якія ўжо «прайшлі» культурны адбор і найперш праз адабраныя лексемы-трафонімы, у выніку чаго ФА з'яўляюцца знакамі не толькі мовы, але і знакамі культуры, якія выконваюць культурную знакавую функцыю. Па-другое, гэтая функцыя выяўляецца праз трапеічны характар, які ляжыць у аснове ўнутранай формы кожнай ФА, вобраз якой «становіцца тым своеасаблівым правадніком культуры, дзякуючы якому ажыццяўляецца ўзаемапранікненне дзвюх семіятычных сістэм – культуры і мовы. Адбываецца наступнае: вобразна-матывацыйны кампанент фразеалагізма ў працэсе яго інтэрпрэтацыі ў прасторы культуры нараджае культурную канатацыю фразеалагізма» [Ковшова 2012: 70].

Нацыянальны склад жыцця, парадак свету, што створаны і існуе ў калектыўнай свядомасці, немагчыма ўявіць без разгалінаванай сістэмы ацэнак усяму, што існуе, без адлюстраваных у мове каштоўнасных арыенціраў. Вось чаму пры адборы трафонімаў, як і ўвогуле лексем-кампанентаў, зыходных сінтаксічных канструкцый для ўтварэння ФА, выяўляецца адно з важнейшых патрабаванняў – выражэнне ацэнкі. Менавіта ацэнка на эмацыянальным і каштоўнасным узроўнях завяршае працэс адлюстравання свядомасцю чалавека, канчаткова пераўтвараючы свет аб'ектыўны ў свет адлюстраваны і ацэнены. Напрыклад, ФА *падліваць масла ў агонь* – 1) 'абвастраць непрыязныя адносіны паміж кім-небудзь' і 2) 'выклікаць, павышаць цікавасць да чаго-небудзь' утворана ў выніку метафарызацыі свабоднага дзеяслоўнага словазлучэння падліваць масла ў агонь, дзе кожнае слова мае сваё значэнне. У аснову вобраза ФА абрана метафара, паводле якой абвастрэнне адносін паміж людзьмі, выражэнне прычыны інтэнсіўнасці праяўлення альбо павышэнне зацікаўленасці да чаго-небудзь прыпадабняецца да падлівання масла ў агонь, які ад гэтага, як вядома, толькі становіцца большым, мацнейшым. Выбар сінтаксічнай канструкцыі для ўтварэння новай ФА мовы з кампанентам-трафонімам масла абумоўлены выяўленнем падабенства паміж вынікам дзеяння падлітага масла ў агонь і вынікам нядобрага ўмяшання каго-небудзь збоку ў адносіны паміж блізкімі, роднаснымі людзьмі, што вядзе да пагаршэння адносін, ці падабенства паміж моцным, з новай сілай узгараннем агню ад падлітага масла і павышэннем зацікаўленасці да чаго-небудзь. Іншымі словамі, назіраецца перанос найменння аднаго

дзеяння, якое выразнае, бачнае, яўнае, на другое як нябачнае, але адчувальнае ва ўспрыманні чалавека на аснове асацыятыўнай сувязі, выяўлення падабенства паміж дзеяннямі і іх вынікамі, што дазволіла вобразна, наглядна, уяўна абазначыць і, галоўнае, даць негатыўную ацэнку новаму абстрактнаму паняццю. А ўжываннем такой ФА чалавек паказвае свае адносіны, ацэньвае дзеянні кагосьці, ці, як зазначае расійскі фразеолаг В.М. Тэлія, «ідыёмы нагружаны меркаваннем і эмацыянальнымі адносінамі маўленчай асобы, якія адразу нейтралізуюцца, калі перайсці на нейтральны “код”» [Телия 1996: 89].

Такім чынам, выразнікамі культурна-нацыянальнай інфармацыі выступаюць вобразы, унутраная форма ФА і асабліва адабраныя лексемы-кампаненты, паколькі менавіта яны абуджаюць веды, выклікаюць асацыяцыі, нясуць пэўную канатацыю, уплываюць на месца і час выкарыстання ў маўленчай дзейнасці чалавека і разам з тым прадстаўляюць і характарызуюць чалавека як іх стваральніка.

Літаратура

Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Хранитель. 2007.

Булыка А.М. Слоўнік іншамоўных слоў: У 2 т. Т. 2. Мінск: БелЭн, 1999.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: У 2 т. Т. 1-2. Мінск: Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008.

Ляшчынская В.А. Фразеалагічная эмацыянальная канцэптасфера беларусаў: манаграфія. Мінск: РІВШ, 2012.

Ляшчынская В.А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў. Мінск: РІВШ, 2015.

Ляшчынская В.А. Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў: агонь, вада, зямля і паветра: манаграфія. Мінск: РІВШ, 2018.

Міфалогия беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2011.

Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

Пименова М.В. Исследование ментальности русского народа // В.В. Колесов, М.В. Пименова. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУКИ, 2011.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

*ТСБМ 1984:*Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 5. Кн. 2. Мінск: Выд-ва «Беларус. Сав. Энцыклапедыя» імя П. Броўкі, 1984.

Leshchinskaya O.A. Trophonyms as a reflection of the Belorussian culture

The article studies Belorusian phraseological units with a trophonym component; it focuses on the names of traditional foods and Belorussian cuisine. The selection and use of these units depend on the cultural codes. The research of phraseologisms shows that figurative representations and their interpretation are closely connected with the national gastronomic realities. Their main function is characterization of a person's actions, his physical, psychological state and social position.

Key words: idiom, component, trophonym, gastronomic code of culture, national-cultural connotation, value reference points, evaluation.

УДК 811.161.3'373:399.9

З.У. Шведава

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ СА ЗНАЧЭННЕМ 'ХІТРАСЦЬ' І ІХ КОДАВАЯ ПРЫНАЛЕЖНАСЦЬ

У артыкуле на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы, якія аб'яднаны агульным значэннем 'хітрасць', выяўляецца іх сувязь з рознымі кодамі культуры беларусаў, чаму служаць кампаненты-лексемы ў іх складзе, што надзелены пэўнай сімволікай, культурнай канатацыяй, якую перадаюць утвораным з імі фразеалагізмам.

Ключавыя словы: фразеалагізм, семантыка, хітрасць, сімволіка, код культуры.

Як вядома, паняційным фундаментам нацыянальнай моўнай карціны свету выступае канцэптуальная карціна свету, а канцэпт рэалізуецца ў мове, паводле Ю.С. Сцяпанава, як «згустак культуры ў свядомасці чалавека», які з'яўляецца вынікам пазнання свету чалавекам [Степанов 2004: 43]. Асноўнымі формамі моўнай эксплікацыі канцэпту могуць быць словы, фразеалагізмы, фальклорныя і літаратурныя тэксты, з якіх аб'ектам нашага вывучэння абраны фразеалагічныя адзінкі (ФА) у іх вузкім вызначэнні ў адрозненне ад шырокага, ці ідыёмы, якія найбольш яскрава выражаюць, захоўваюць і перадаюць культурную памяць народа. В.М. Тэлія заўважае, што «фразеалагічны склад мовы адыгрывае асаблівую ролю ў трансляцыі культурна-нацыянальнай самасвядомасці народа і яго ідэнтыфікацыі як такога. Гэта звязана з тым, што ў

вобразным змесце адзінак фразеалагічнага складу ўвасоблена культурна-нацыянальнае светабачанне» [Телия 1993: 64].

Пры ўспрыманні фразеалагічных адзінак носьбіт мовы ўстанаўлівае ці ўлаўлівае ў словах-кампанентах, у вобразе адзінкі закадзіраваны культурны сэнс, які прачытваецца суб'ектам мовы ў культуры, дакладней, у сістэме кодаў. Вось чаму пры лінгвакультуралагічным аналізе ўстанаўленне суадносін слоў-кампанентаў і найперш слоў-сімвалаў у складзе ФА з кодамі культуры з'яўляецца «ключавым звяном яго культурнай інтэрпрэтацыі», паколькі «менавіта гэта працэдура абумоўлівае дэкадзіраванне культурных сэнсаў фразеалагізма, якія служаць інтэрпрэтантамі фразеалагічнага знака, рэканструююць культурную канатацыю фразеалагізма, фарміруюць яго ролю як знака культуры» [Ковшова 2008: 65].

Культурны код, паводле М.Л. Каўшовай і Д.Б. Гудкова, уяўляе сабой «сістэму знакаў матэрыяльнага свету, якія сталі носьбітамі культурных сэнсаў; у працэсе засваення чалавекам свету яны набылі значнасць, якая распазнаецца, дэкадзіруецца пры іх успрыманні інтэрпрэтатарам» [Гудков, Ковшова 2007: 60]. Менавіта коды культуры з'яўляюцца ключавымі звеннямі ў інтэрпрэтацыі фразеалагічных адзінак, паколькі моўныя знакі, закладзеныя ў ФА, успрымаюцца праз культурныя веды. Гаворачы аб суаднесенасці ФА з тым ці іншым ці адразу некалькімі кодамі культуры, маецца на ўвазе культурная інфармацыя, закладзеная ў іх, якая перадаецца праз сувязь слоў-кампанентаў з тымі крыніцамі, што сталі прадметам асэнсавання і ацэньвання ў працэсе жыццядзейнасці чалавека. Вядома, што значэнне слоў-кампанентаў не ўплывае на значэнне ФА, але словы-кампаненты з'яўляюцца транслятарамі як моўнага, так і культурнага сэнсу і ўдзельнічаюць у стварэнні культурнай семантыкі ФА.

Менавіта ўстанаўленне культурнай інфармацыі, выяўленне суаднесенасці ФА з пэўным кодамі культуры, вызначэнне ФА як знака мовы і адначасова як знака культуры – гэта сутнасць і змест лінгвакультуралогіі ў адносінах да моўных адзінак і лінгвакультуралагічнага аналізу ФА кожнай мовы, паколькі ФА «ўзнікаюць на аснове вобразнага ўяўлення пра рэчаіснасць, якое адлюстроўвае пераважна абіходна-эмпірычны, гістарычны і духоўны вопыт моўнага калектыву, звязаны з яго культурнымі традыцыямі» [Ковшова 2008, 67/2: 302]. ФА кожнай мовы найбольш служаць выражэнню ацэнкі, характарыстыкі па-новаму названай рэаліі свету жыцця чалавека, у гэтых адзінках захоўваюцца ў нязменнасці формы і

перадаюцца ў прасторы і часе здабыткі разумовай дзейнасці і культурна-гістарычны вопыт народа.

Мэта дадзенага артыкула – выяўленне і аналіз кодавай суаднесенасці ФА беларускай мовы, праўда, толькі тых, што аб'яднаны агульным значэннем 'хітрасць', выяўленых метадам суцэльнай выбаркі з найбольш поўнай крыніцы беларускай літаратурнай фразеалогіі [Лепешаў 2008]. Выбар ФА адзначанай тэматычнай групы абумоўлены некалькімі прычынамі. Па-першае, зыходзячы з задач вывучэння ФА як аднаго са складнікаў і моўных сродкаў выражэння фразеалагічнай карціны свету, якая прадстаўлена не ўсімі, а толькі найбольш важнымі, істотнымі фрагментамі адлюстравання, намі выдзелены канцэпт «хітрасць». Істотным у гэтым выдзяленні з'яўляецца той факт, што канцэпт «хітрасць» рэпрэзентаваны адносна значнай колькасцю ФА (больш за 80), што зноў падмацоўвае важнасць выдзеленага фрагмента фразеалагічнай карціны свету беларусаў.

Устанаўленне суаднесенасці выдзеленых ФА з кодамі культуры паказвае, што яны выяўляюць сваю непасрэдную сувязь з самымі рознымі кодамі культуры – антропным, зааморфным, прадметна-артэфактным, прыродна-ландшафтным, саматычным, духоўным і інш.

Найбольшая колькасць ФА з групы адзінак з агульным значэннем 'хітрасць' выяўляе суаднесенасць з саматычным кодам культуры, пад якім разумеецца сукупнасць найменняў, што абазначаюць цела чалавека ці яго часткі і спецыфічныя для іх характарыстыкі, стан, дзеянні і інш., якія нясуць дадатковы сэнс, што робіць іх знакамі «мовы» культуры [Гудков, Ковшова 2007: 98-99]. Шырокае выкарыстанне кампанентаў-саматызмаў у складзе ФА ўвогуле і групы адзінак з агульным значэннем 'хітрасць', у прыватнасці, абумоўлена тым, што саматызмы складаюць адзін з самых старажытных пластоў лексікі і ўваходзяць у ядро асноўнага складу слоўнікавага фонду розных моў, у тым ліку і беларускай. Па-другое, чалавек, пазнаючы акаляючы яго свет, у першую чаргу параўноўвае яго з самім сабой, з часткамі свайго цела, бо яны заўсёды знаходзяцца перад вачыма і становяцца своеасаблівымі эталонамі, стэрэатыпамі для параўнання, ці чалавек пазнае свет праз самога сябе.

У ФА, якія рэпрэзентуюць такую характарыстычную рысу чалавека, як хітрасць, найбольш ужывальнымі кампанентамі-саматызмамі з'яўляюцца *вочы* і *галава* і ў адзінкавых выпадках *зубы, мазгі, нос, вушы, горб*.

ФА з кампанентам *вочы* суадносяцца не толькі з саматычным (праз кампанент *вочы*), але і з антропным кодамі культуры праз кампанент-дзеяслоў ці аддзеяслоўны назоўнік: *адводзіць вочы* ‘хітруючы, адцягваць увагу ад чаго-н.’; *замазваць вочы* ‘ўводзіць у зман, ашукваць каго-н.’; *замыльваць вочы* ‘ўводзіць у зман, ашукваць каго-н.’; *сляпіць вочы* ‘знарок уводзіць у зман’; *туманіць вочы* ‘знарок уводзіць у зман’ і *для адводу вачэй* ‘з мэтай адцягнуць увагу, стварыць знешняе ўражанне, падмануць’.

Выбар кампанента *вочы* тлумачыцца многімі прычынамі. Як вядома, чалавек найбольш інфармацыі атрымлівае праз зрок, а таму вочы (у аснове ФА ляжыць метанімія “вочы – зрок”, ці перанос па сумежнасці з бачання на разуменне) выступаюць сродкам успрымання, разумення і асэнсавання чалавекам праўдзівасці, правільнасці чаго-небудзь. У аснове вобразаў названых ФА з кампанентам *вочы* ляжыць антропная метафара, паводле якой назіраецца прыпадабненне адсутнасці зрокавага ўспрымання вачыма, якія па пэўнай прычыне не бачаць у выніку спосабу ашуканства. Выяўляецца заканамернасць: калі вочы адвесці, замазаць, замыліць, асляпіць, атуманіць і пад., ці закрыць доступ да зрокавага ўспрымання, то скажаецца рэальнасць, ці такім спосабам, такімі дзеяннямі ў адносінах вачэй-зроку даводзіцца пра падман і ашуканства. ФА ўзыходзяць да архетыпічнага супрацьпастаўлення «святло» – «цень», «яўнае» – «скрытае».

Крыху адметную групу складаюць ФА *пусканне пылу ў вочы* ‘стварэнне падманлівага ўражання пра сябе з выхвальваннем і паказам чаго-н. з лепшага боку’; *пускаць пыл (туман, дым) у вочы* ‘выхваляючыся, падманваць каго-н., ствараць падманлівае ўражанне пра сябе’; *пыл пускаецца ў вочы* ‘робіцца падман каго-н. з мэтай стварыць пэўнае ўражанне’; *пыл (туман) ў вочы* ‘падман з мэтай стварыць няправільнае ўражанне’, якія суадносяцца яшчэ і з прыродным кодам культуры праз кампаненты *пыл* і *туман*, што набываюць квазісімвальнае значэнне ‘сродак уздзеяння’. Гэта ФА, у якіх, з аднаго боку, пыл, туман выступаюць «перашкодай» на шляху ўспрымання і асэнсавання чагосьці правільнага, праўдзівага пры пасрэдніцтве зроку, ці вачэй; з другога боку, надаюць новае адценне ў скажэнні фактаў – служаць сродкам стварэння падманлівага ўражання пра сябе са знакам «плюс» ці пра каго-небудзь са знакам «мінус». Асабліва гэта даводзіць дэфініцыя ФА *пусканне туману* ‘стварэнне падманлівага ўражання пра сябе з выхвальваннем і паказам чаго-н. з лепшага боку’, якая суадносіцца з антропным (праз кампанент *пусканне*) і прыродным (праз кампанент *туман*) кодамі культуры.

ФА з кампанентам *галава* (*дурыць (тлуміць, марочыць, чмурыць, чмуціць) галаву (галовы)* і *задурыць (затлуміць, замарочыць, зачмурыць) галаву* з агульным значэннем ‘знарок падмануць каго-н.’; *муціць (каламуціць) галаву (галовы)* ‘знарок уводзіць у зман, падманваць каго-н.’; *туманіць галаву* ‘ў водзіць у зман, падманваць каго-н.’ і *тлумленне галавы* ‘адурманьванне, знарочысты падман каго-н.’) праз дзеяслоўныя кампаненты ці аддзеяслоўны назоўнік суадносяцца, акрамя саматычнага, яшчэ і з антропным кодам культуры. Вобразы гэтых ФА, як і ранейшых, узыходзяць да архетыпічнага супрацьпастаўлення «яўнае» і «скрытае». У аснове вобразаў ФА ляжыць антропная метафара, заснаваная на падабенстве па аналогіі з дзеяннем каламуціць ваду ўяўлення пра падман ці спосаб ашукаць. Тут даводзіцца, што *галава* як орган, што сімвалізуе розум, здольнасць дакладна ўспрымаць інфармацыю, страчвае гэтую якасць, калі на яе аказваецца ўздзеянне тыпу *дурыць, тлуміць, марочыць, чмурыць, чмуціць, затлуміць, замарочыць, зачмурыць*. Гэта можа быць асацыятыўны перанос з дзеяння чалавека з вадой (калі ваду скаламуціць, то нічога не відаць, параўн. ФА *лавіць рыбку ў каламутнай (мутнай) вадзе* ‘з выгадай для сябе выкарыстоўваць чые-н. цяжкасці, няўдачы і пад.’ і *выводзіць на чыстую ваду* ‘выкрываць чые-н. цёмныя справы, нядобрыя ўчынкі’ ці *муціць душу* ‘выклікаць душэўныя пакуты’; *каламуціць (муціць) ваду* ‘свядома заблытваць якую-н. справу’) на дзеянне з галавой, якая набывае квазісімвальнае значэнне ‘сасуд, у якім што-небудзь каламуцяць /муцяць’, ці дзеянне ў прыродзе – *туманіць*, дзе антропная метафара прыпадабняе дзеянням з галавой, зменам разумовых здольнасцей чалавека: калі хочаш увесці другога ў зман, то трэба туманіць, тлуміць і пад. галаву, што нагадвае дзеянне нячыстай сілы.

Больш дакладна сваю сувязь з першакрыніцай – замовамі знахароў, якія лячылі хваробы, у тым ліку і зубы, словамі, загаворамі, выяўляюць ФА *загаворваць (загаварваць) зубы* ‘хітруючы, пабочнымі размовамі адцягваць увагу ад чаго-н. важнага’; *зубы замаўляць* ‘хітруючы, пабочнымі размовамі адцягваць увагу ад чаго-н. важнага’, якія суадносяцца з саматычным (кампанент *зубы*) і антропным (праз кампаненты *загаворваць, замаўляць*) кодамі культуры. У ФА адлюстроўваецца ўяўленне чалавека пра адцягненне субяседніка ад сутнасці зместу размовы, ад галоўнага пабочнымі размовамі, тым самым маскіруючы сваю сапраўдную мэту, прыкрываючы сваю хітрасць.

З аднатыпнай структурай, з той жа двайной суаднесенасцю з саматычным і антропным кодамі культуры да папярэдніх далучаецца ФА *запудрыць мазгі* ‘знарок нагаварыць шмат чаго няправільнага, падманваючы каго-н.’, вобраз якой адметны і ўтвораны метафарай, што прыпадабняе скрытасць, схаванасць (*запудрыць*) мазгоў, якія сімвалізуюць розум, свядомасць, да немагчымасці правільна разабрацца ў інфармацыі, якую даносіць суразмоўца.

І яшчэ гэта ФА *навешванне лапшы на вушы* ‘імкненне падмануць каго-н., падман’; *вадзіць за нос* ‘уводзіць у зман, ашукваць’; *павадзіць за нос* ‘уводзіць у зман, ашукваць каго-н. неаднаразова і звычайна працяглы час’; *выязджаць на гарбе (-у)* ‘хітрыкамі выкручвацца з якога-н. становішча за кошт каго-н.’, якія суадносяцца з антропным і саматычным кодамі культуры і выяўляюць адметнае другаснае значэнне ў разнастайнасці яго выяўлення пра хітрасць, ашуканства адным чалавекам другога.

Меншай колькасцю, але не менш разнастайна прадстаўлены ФА, што суадносяцца з зааморфным кодам культуры, які выяўляецца праз сукупнасць найменняў прадстаўнікоў жывёльнага свету, іх частак, спецыфічных для абраных жывёл дзеянняў, прыкмет, уласцівасцей, якія нясуць дадатковы сэнс, што робіць іх знакамі «мовы» культуры. А такую сукупнасць знакаў «мовы» культуры ў ФА складаюць найменні *бабёр, вуж, кабыла (каза), ліс, лісіца, рак, сучка, хвост, яйцо (яйка)*, выяўляючы такім чынам першы культурны адбор беларусаў для выражэння і вобразнага прадстаўлення паняццяў “хітрыць”, “хітры”, “хітрасць”.

У сваю чаргу сярод зааморфных ФА выдзяляюцца:

1) дзеяслоўныя, што вобразна абазначаюць: а) “спосабы” ажыццяўлення хітрасці: *віляць хвастом* ‘хітраваць, крывадушнічаць, ашукваць’; *завіляць хвастом* ‘пачаць хітраваць, крывадушнічаць, ашукваць’; *звівацца вужам (-ом)* ‘хітрыць, спрытна выкручвацца’; *круціць хвастом* ‘хітраваць, крывадушнічаць, ашукваць’, якія ўзніклі на аснове свабодных словазлучэнняў у выніку іх пераасэнсавання і ў аснове вобразаў якіх ляжыць зааморфная метафара, якая прыпадабняе вілянне хвастом, звычайна сабакі, якая, лашчачыся, такім чынам выражае сваю прывязанасць да чалавека, ці звівання вужа, які такім чынам перамяшчаецца, да праяўлення хітрасці, ашуканства; б) прыкмету, як зведаць чыю-небудзь хітрасць на сваім уласным вопыце: *пазнацца па фарбаваных лісах*, дзе, як піша І.Я. Лепешаў, «нерэальны вобраз» [*Лепешаў* 2008: 287]; в) як не ашукаць: *на крывой кабыле (казе) не аб’едзеш* ‘не ашукаеш, не перахітрыш’, ці ведаць як

паступіць найлепш: ведаць, *дзе ракі зімуюць* ‘(ведаць) як паступіць найлепш, больш выгадна. Пра хітрасць, спрыт і пад.’;

2) прыметнікавыя, якія служаць для наймення і ацэнкі якасці і ўласцівасці чалавека, што для дасягнення чаго-небудзь ідзе не прамым, а падманным спосабам: *дабры бабры; дабёр бабёр* ‘хітры, выкрутлівы чалавек’; *з-пад сучкі яйцо (яйка) украдзе* ‘вельмі хітры, пранырлівы, здольны зрабіць нечаканае ці, здавалася б, немагчымае’; *падшыты лісіцай* ‘вельмі хітры і лжывы’, дзе менш празрытая матывацыя;

3) назоўнікавая: *траянскі конь* ‘ашуканства, хітры падман’, утварэнне якой абавязана аднаму з эпізодаў старажытнагрэчаскага эпаса пра Траянскую вайну, калі грэкі прымянілі ваенную хітрасць пры асадзе Троі: яны пабудавалі вялізнага полага ўнутры белага драўлянага каня, у якім схаваўся атрад воінаў. І калі жыхары Троі адкрылі вароты, уцягнулі каня, вырашыўшы, што гэта апошняя ахвяра багіні Афіне, ноччу грэчаскія воіны вылезлі з каня-схованкі, адкрылі вароты горада і ўпусцілі сваіх данайцаў, якія спалілі, разграбілі Трою. У выніку вобраз ФА *траянскі конь* выступае ў ролі стэрэатыпа, сімвала ашуканства.

Нярэдка кампанентны склад ФА сведчыць пра суаднесенасць з адным кодам культуры, а вобраз – з другім. Напрыклад, ФА *вадзіць за нос* ‘уводзіць у зман, ашукваць’ суадносіцца з саматычным (праз кампанент *нос)*, а яго вобраз – з зааморфным кодам культуры, паколькі ў ФА знайшло адлюстраванне метафарычнае прыпадабненне паводзін жывёлы і чалавека (мядзведзю у нос прадзяваецца жалезнае колца, і за вяроўку, зачэпленую за колца, чалавек водзіць яго, робячы паслухмяным). ФА выступае ў ролі стэрэатыпнага ўяўлення пра спосаб ашуканства.

Да вышэй названых зааморфных ФА далучаюцца яшчэ дзве дзеяслоўныя ФА – *гуляць у ката і мышку (у кошкі-мышкі)* ‘хітраваць, стараючыся падмануць каго-н.’; *пагуляць у ката і мышку (у кошкі-мышкі)* ‘схітраваць, стараючыся падмануць каго-н.’, што суадносяцца з зааморфным кодам культуры (праз кампаненты *ката* і *мышкі*). Гэтыя ФА, як і цэлы рад іншых «гульнёвых» паводле паходжання ФА (*гульня ў паддаўкі* ‘хітраватая згода, наўмысныя ўступы’; *гульня ў хованкі* ‘скрытыя дзеянні, утойванне чаго-н. ад каго-н.’; *гуляць у жмуркі* ‘ўтойваць што-н. ад каго-н.’; *гуляць у паддаўкі* ‘ісці на ўступы, хітравата згаджаючыся з кім-н.’; *гуляць у хованкі* ‘ўтойваць што-н. ад каго-н.’; *згуляць у паддаўкі* ‘часова пайсці на ўступкі, хітравата згаджаючыся з кім-н.’), суадносяцца з антропным кодам культуры найперш праз дзеяслоўныя кампаненты *гуляць, згуляць, пагуляць* і

назоўнікавы кампанент *гульня*, а ў астатніх яшчэ і праз кампаненты-найменні гульняў дзяцей – *жмуркі, паддаўкі, хованкі.* Вобразы ўсіх названых ФА заснаваны на архетыпічным супрацьпастаўленні «бачны» – «нябачны», «яўны» – «тайны». А ў аснове гэтых ФА ляжыць метафара, якая прыпадабняе дзеянне, накіраванае на ашуканства, на ўтойванне інфармацыі, фактаў, падзей, думак, меркаванняў, такому занятку, якое служыць для забавы, пацехі – да гульні, мэта якой у адных выпадках – схавацца так, каб другі не знайшоў (*гуляць у ката і мышку (у кошкі-мышкі); пагуляць у ката і мышку (у кошкі-мышкі); гульня ў хованкі; гуляць у жмуркі; гуляць у хованкі*), у другіх – спачатку прытворна паддацца, каб потым нанесці ўдар (*гуляць у паддаўкі; гульня ў паддаўкі; згуляць у паддаўкі*). Усе ФА перадаюць стэрэатыпныя ўяўленні пра паводзіны, дзеянні, што выкарыстоўваюцца ў выпадках утойвання чаго-небудзь, а таксама пра розныя спосабы ашуканства, хітрасці як адмоўнай якасці паводзін ці характарыстыкі чалавека.

Сярод ФА з агульным значэннем ‘хітрасць’ найменш прадстаўлены тыя, што суадносяцца з прадметным кодам культуры як сукупнасцю найменняў прадметаў, рэчаў, якія нясуць дадатковы сэнс, што робіць іх знакамі «мовы» культуры. Гэта ФА *абуваць у лапці* ‘паступаць нядобрасумленна, ашукваць, хітраваць, падманваць’; *браць на вудачку (на кручок)* ‘хітраваць, дабівацца чаго-н. ашуканствам’; *браць на пушку* ‘дабівацца чаго-н. ашуканствам, хітрыкамі’; *без мыла лезці* ‘ліслівасцю, хітрасцю і пад. дабівацца чыёй-н. прыхільнасці’; *гнуць дугі* ‘падманваць каго-н., гаворачы няпраўду’; *ісці на вудачку(-і)* ‘даваць сябе падмануць’; *клюнуць на вудачку (на вуду, на кручок)* ‘паддацца на падман’; *наводзіць цень на пляцень* ‘наўмысна ўносіць няяснасць у якую-н. справу, заблытваць каго-н.’; *настаўляць акуляры* ‘ўводзіць у зман, паказваючы што-н. у фальшывым, скажоным, але выгадным для сябе выглядзе’; *на халяву* ‘хітруючы, нічога не робячы (жыць, пражыць і пад.)’; *паддавацца на вудачку* ‘даваць сябе падмануць, ашукаць’; *падчапіць (злавіць) на кручок (на вудачку)* ‘ашукаўшы, выведаць што-н. важнае; перахітрыць’; *пускаць (кідаць) пробны шар* ‘разведваць, высвятляць што-н. з дапамогай якіх-н. прыёмаў, хітрыкаў’. Але, як відаць, усе ФА суадносяцца з антропным кодам культуры, што выяўляецца праз дзеяслоўныя кампаненты, паколькі менавіта яны паведамляюць аб дзеяннях чалавека, а вобразы фразеалагізмаў аб спосабах хітрасці, абману аднаго чалавека другім. Выбар кампанентаў-найменняў прадметаў, артэфактаў (*акуляры,*

вудачку, дугі, кручок, лапці, пляцень,пушку, шар) і асабліва протасітуацый, свабодных словазлучэнняў для вобразнага наймення новага абстрактнага паняцця «хітрасць», для ацэнкі спосабаў яго праяўлення выяўляе першасны «культурны» адбор.

Аднак і тут выяўляецца суаднесенасць ФА з рознымі кодамі культуры. Так, заўважым на пераважны выбар чалавекам тых вобразаў, у аснове якіх ляжыць уяўленне пра лоўлю рыбы прасцейшым спосабам – вудачкай, на кручок. Вобразы ФА *браць на вудачку (на кручок); ісці на вудачку; клюнуць на вудачку (на вуду, на кручок); паддавацца на вудачку; падчапіць (злавіць) на кручок (на вудачку)* суадносяцца не толькі з прадметным, але і з зааморфным кодам культуры. ФА ўтрымліваюць зааморфную метафару, у якой чалавек прыпадабняецца рыбе, якую бяруць, якая ідзе, паддаецца, падчапляецца і пад. і ў выніку пазбаўляецца свабоды дзеянняў, аказваецца ў залежнасці ад рыбака, становіцца ашуканай ці ашукваецца па прычыне хітрасці каго-небудзь. ФА адлюстроўваюць стэрэатыпнае ўяўленне аб спосабах ашуканства ці магчымасці ашукацца, калі з боку аднаго чалавека выяўляецца хітрасць адносна другога. Вобразы ФА суадносяцца і з духоўным кодам культуры (з сукупнасцю маральных каштоўнасцей, установак і ўяўленняў), паколькі дзеянні ў адносінах аднаго чалавека да другога, якія пазбаўляюць апошняга свабоды, правільнага разумення сітуацыі, намераў каго-небудзь у адносінах да яго, асуджаюцца, лічацца заганнымі, бо яны не адпавядаюць устаноўкам хрысціянскай маралі, і ашуканства лічыцца вялікім злом.

Ці возьмем ФА *наводзіць цень на пляцень*, якая суадносіцца з сукупнасцю кодаў: з антропным (праз кампанент *наводзіць*), прадметным і/ці прасторавым (праз кампаненты *на пляцень*), прыродным (праз кампанент *цень*) і духоўным, паколькі такое дзеянне аднаго чалавека ў адносінах да другога не адпавядае хрысціянскім правілам, законам жыцця і падвяргаецца асуджэнню. Вобраз ФА ўзыходзіць да архетыпічнага супрацьпастаўлення «святло» – «цень» і звязаны з рознымі ўяўленнямі ў мінулым пра цень, асабліва з улікам таго, што цень звязваецца з сімволікай смерці, са светам духаў, нячыстай сілы.

Такім чынам, у беларускай мове ФА з агульным значэннем ‘хітрасць’ адлюстроўваюць, захоўваюць і даносяць кожнаму новаму пакаленню носьбітаў беларускай мовы ўяўленне і асэнсаванне абстрактнага паняцця хітрасць, тую культурную інфармацыю пра

духоўна-гістарычны вопыт народа, тыя правілы і ўстаноўкі праз суаднесенасць фразеалагізмаў з разнастайнымі кодамі культуры. Як правіла, ФА выяўляюць сукупнасць кодаў культуры пры перавазе аднаго з іх (саматычны, зааморфны), і самі ФА, іх кампаненты выконваюць ролю эталонаў, сімвалаў і стэрэатыпаў.

Літаратура

Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2.

Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Мінск: Беларус. Энцыклапедыяімя П. Броўкі, 2008.

Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск: БелЭн, 2004.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Межд. съезд славистов. М.: Наука, 1993.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996.

Shvedova Z.V. Phraseologisms with the meaning “cunning” and the cultural codes

In the article we study phraseological units of the Belarusian literary language, which are united by the common meaning “cunning”. We focus on their connection with various cultural codes of the Belarusians. These codes are revealed due to the lexeme components, which are endowed with certain symbolism and cultural connotations that are transmitted by the phraseological units.

Key words: phraseological unit, semantics, cunning, symbolism, code of culture.

УДК 81’373.43:811.161.3

А.В. Солохов

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РЕЧИ БЕЛОРУСОВ

В статье описываются причины и способы образования окказионализмов в речи белорусов. Автор приходит к выводу о том, что окказиональное словотворчество представляет собой единый непрерывный процесс, который начинается в речи детей и продолжается в речи взрослых. Особенности образования окказиона-

лизмов зависят от жизненной ситуации, возраста человека, его характера, склонностей, профессии, целей.

Ключевые слова: окказионализм; способы словообразования; словотворчество детей; словотворчество взрослых; причины образования окказионализмов.

Слово окказионализм – производное от прилагательного окказиональный, представляющего собой заимствование из французского или английского языков. Фр. occasionel ‘случайный’, англ. occasional ‘тс’ связаны с латинским occasionālis ‘тс’. В.В. Лопатин считает, что окказионализмы – это слова, «присущие только данному отрезку речи, данному контексту, создаваемые (а не воспроизводимые) именно в этом контексте» [Лопатин 1973: 63]. Важной особенностью этих слов является способность восприниматься необычайными независимо от времени своего образования. Это наглядно подтверждают факты белорусского фольклора. В одной из народных загадок, например, употреблено 5 окказионализмов: Ляцеў **лютар**, сеў на **калютар**, пытаецца ў **кахтаркі**: «Дзе твае **пыхтаркі**?» – «Мае **пыхтаркі** ў **стрыкаторым** горадзе» (коршун, курица, цыплята, крапива) [Загадкі 2004: 125]. Несмотря на то, что загадка создана давно (записана Е.Р. Романовым и издана в 1886 г.) и повторяется неоднократно, окказионализмы **лютар** ‘коршун’, **калютар** ‘место (дерево, забор, крыша), куда мог сесть коршун’, **кахтарка** ‘курица’, **пыхтаркі** ‘цыплята’, **стрыкаторы** горад ‘заросли крапивы’ воспринимаются носителями белорусского языка как необычные слова. На первый взгляд, они лишены смысла. Однако словообразовательный анализ опровергает это. Окказионализм лютар создан присоединением суффикса -ар к основе прилагательного люты; слово калютар образовано от окказионального лютар с помощью специфической приставки ка-; кахтарка, пыхтаркі – суффиксальные образования от звукоподражаний кох, пых; импозицией образовано прилагательное стрыкаторы, где начальная часть местоимения каторы совместилась с концом основы глагола стрыкацца ‘иметь свойство опекать кожу (о крапиве)’ после отсечения в ней постфикса -ца, в результате выделилась общая фонемная часть обеих образующих основ -ка- (стры<u>ка</u>торы ← <u>стрыка</u>ц/<u>ца</u>/ + <u>като</u>ры). Причина такого словотворчества – заменить известные названия предметов неизвестными с целью создания загадки, дать возможность слушателю проявить сообразительность, чтобы отгадать её.

На окказиональное словотворчество белорусов влияет ряд причин: жизненная ситуация, возрастные особенности человека, его

характер, склонности, профессия, цели и др. Понятно, что причины образования окказионализмов у детей и взрослых будут неодинаковыми, как неодинаковы они будут и у разных взрослых: у поэтов, писателей, журналистов, людей, не связанных с писательской деятельностью, людей, создающих окказиональные единицы непосредственно во время разговора.

Основную причину детского окказионального словотворчества необходимо видеть в несоответствии между усвоением детьми словообразовательной и лексической систем языка: усвоение лексики отстаёт от овладения особенностями словообразования. Не усвоив тех или других лексических единиц, ребёнок легко создаёт свои собственные по аналогии с уже усвоенными. Так, дети рано усваивают дифференциацию существительных по роду и считают, что если есть разява (в белорусском языке оно общего рода, а воспринимается детьми как существительное женского рода), то должно быть и **разяў** (в их понимании – существительное мужского рода в противоположность женскому), где «можно усматривать либо «парадигматизацию» (обратную конверсию), либо отсечение нулевого суффикса (своеобразную разновидность десуффиксации)» [Улуханов 2008: 40]: – Хто ў нас разява? – Калі мама – то разява, калі папа – то **разяў** (Милослав, 6 лет).

В некоторых случаях образуются окказионализмы, которые в противоположность узуальным словам отличаются отсутствием чередования заднеязычных с шипящими, т.к. это явление историческое, неживое в современном белорусском языке, и оно ещё не воспринимается детьми. Пятилетняя Юля образовала глагол-редупликат **крыкаць-крыкаць** (сравн. крычаць) и от него приставочно-постфиксальное образование **дакрыкацца** (сравн. дакрычацца): Я **крыкала-крыкала** і не **дакрыкалася**.

Некоторые детские окказиональные номинации поддерживаются ранним усвоением детьми антонимических отношений в лексике, некоторые, наоборот, – отсутствием понимания такого языкового явления как синонимия, другие поддерживаются разными аналогиями: – Мама, бяздомных катоў не бывае? Бываюць толькі **домныя**? (бяздомныя ← бяз- + домныя, депрефиксация); Михалине показывают улитку и объясняют: «Гэта слімак, або смоўж». Михалина: «А-а, ведаю – **слімоўж**» (слімоўж ← слім/ак/ + с∨моўж, апокопа + импозиция); – У цягніку – **цягніст**, у трамваі – **трамваіст**, у машыне —**машыніст**, у аўтобусе – **аўтабіст** (цягніст ← цягн/ік/ + -іст, десуффиксация + суффиксация; трамваіст ← трамвай + -іст, суффиксация; машыніст ←

машын(а) + -іст, суффиксация); (аўтабіст ← аўтоб/ус/ + -іст, апокопа + суффиксация).

Раннее овладение лексикой чужого языка и отрыв от своего, родного, также является причиной окказиональных образований в речи ребёнка: дитя берёт корень слова чужого языка и присоединяет к нему аффикс родного языка, в результате получается гибридное слово, не понятное ни носителям языка, ни тем, у кого было заимствовано это слово (язык-источник), но зато полностью понятное ребёнку: – Мама-мама, пабач: **фішкі** плаваюць! (Михалина, 3 года). Существительное фішкі образовано от основы немецкого существительного Fisch ‘рыба’ присоединением к нему белорусского уменьшительно-ласкательного суффикса -к- и окончания множественного числа -і.

От основы немецкого существительного Rille ‘кольцо’ + -ц(ы) девочка-белоруска образовала существительное **рыльцы**:

Михалина хвалится маме, надев игрушечные кольца на руку:

– **Рыльцы**.

Хлебобулочное изделие в виде трубочки получило у неё название рулечка. В немецком существительном Rцllchen ‘трубочка’ произошла десуффиксация, и к сокращённой основе присоединены белорусские суффикс -ечк- и окончание -а [Солахаў 2007].

Иные причины появления окказионализмов в речи молодёжи: это стремление выражаться кратко и чётко. Так, от существительного рэспубліка ‘республиканская олимпиада школьников по предметам’ апокопой + субстантивацией образовано слово рэспа с тем же значением: На сурвэтцы, якую трэба спаліць і выпіць з шампанскім на НГ, я тады напісала: «хачу трапіць на рэспубліку». Як і раней я прагнула ведаў. Вось як закаханы, як вар’ят, ну проста хацела ШМАТ ведаць. Я марыла трапіць у каманду, якую рыхтуюць да **рэспы** (http://avieczka.livejournal.com/19102.html).

Молодые белорусы в своём словотворчестве нередко используют словообразовательные элементы других языков, например греческого. Так, первую часть мега- (греч. megas ‘большой’), обычно употребляемую при образовании научных терминов, находим в прилагательном мегаважны ‘чрезвычайно важный’ и безлично-предикативном слове мегапрыемна ‘очень-очень приятно’: Нейкія цёткі спрабавалі выглядаць перад намі **мегаважнымі** асобамі, а атрымоўвалася, як у сельскай школе; я пазнаёмілася з харошымі і страшэнна разумнымі дзецьмі. Не скажу, што мне заўжды **мегапрыемна** з імі сустракацца, але яны – новыя (http://avieczka.livejournal.com/19102.html). В данном случае компонент

мега- синонимичен префиксу супер ‘очень; чрезвычайно; свыше», но отличается большей экспресией и выразительностью.

Взрослые в разговорах обращаются к словотворчеству чаще всего тогда, когда им надо не только точно высказать мысль, но и придать ей иронию, высказать недовольство чем-либо, например: – Петрык, ты, мабыць, **збананіў** усё, што я купіла; – А-я-яй, трэба так **нагарэліцца** (из записей автора). Глагол збананіць ‘поесть бананы и другие продукты’ образован префиксально-суффиксальным способом от существительного банан (збананіць ← з- + банан + -і-ць), нагарэліцца ‘напиться водки’ – десуффиксацией + префиксацией + суффиксацией + постфиксацией от разговорного гарэлка (нагарэліцца ← на- + гарэл/к/(а) + -і(ц) + -ца).

Иногда причиной появления окказионализмов в речи взрослых является незнание лексических и просодических особенностей белорусского языка. Один из ректоров высшего учебного заведения, решив похвастаться владением белорусской речи, на собрании преподавателей сказал: У нашым інстытуце **абара́ніўся** малады выкладчык… Вместо **абараніўся** ‘защитил диссертацию’ он употребил окказионализм абара́ніўся ‘превратился в барана’, чем вызвал смех в зале.

В отдельных случаях окказионализмы создаются путём ошибочного написания. На это, например, указывает белорусский поэт К. Комейша: «Нехта ўжо казаў, што машыністкі, памыляючыся, часам дораць нам цудоўныя словатворы. Так здарылася ў мяне са словам **няспынна**, узамен якога я атрымаў слова **нястынна** («Гарыць зара нястынна») [Камейша 2010: 25].

Основной причиной использования окказионализмов в языке художественных произведений является стремление их авторов создать неповторимый художественный образ: пяшчоціць ‘ласкать’ (пяшчоціць ← пяшчот(а) + -і-ць, суффиксация): Твая рука – каго яна **пяшчоціць**? (Н. Шабович)*;* букецісты ‘по форме нагадывающий букет’ (букецісты ← букет + -іст-ы, суффиксация): Недалёка ад гумна расла высокая **букецістая** арэшына (К. Комейша); вінакардыя ‘физиологическая зависимость от вина’ (вінакардыя ← він(о) + /стэн/акардыя, аферезис – усечение начальной части основы + основосложение: У забягайлаўцы зімой / Максім схапіў **вінакардыю** (В. Веремейчик).

Иногда поэты занимаются словообразовательными экспериментами. Образованные В. Зуёнком с нарушением словообразовательного типа индивидуально-авторские существительные баяніст ‘тот, кто рассказывает басни’, бандурыст ‘участник банды’, альтруіст

‘тот, кто играет на альте’, арганіст ‘работник государственных органов’ в сознании читателя контрастируют с узуальными словами-омонимами баяніст ‘музыкант, играющий на баяне’, бандурыст ‘музыкант, играющий на бандуре’, альтруіст ‘тот, кто руководствуется чувством альтруизма’, арганіст ‘музыкант, играющий на органе’: Байкі баяць распачну – / Буду **баяністам**. / З бандай змову закручу – / Буду **бандурыстам**. / Альт настрою, загуду – / Стану **альтруістам**. / А я ў органы пайду – / Буду **арганістам**! (В. Зуёнок). В примерах выразительно видна актуализация деривационной структуры окказионализмов, т.к. автор рядом с окказионализмами употребляет мотивируюшие их слова байка, банда, альт, органы.

Гаворя о роли окказионализма в художественном произведении, А. Лыков подчёркивает, что «это своего рода словесно-художественное произведение в своём граничном минимуме» [Лыков 1971: 78]. А. Ревуцкий рассматривает окказионализмы как тропы словесного характера, близкие к метафоре и метонимии [Ревуцкий 2010: 126-130].

Журналисты нередко используют окказионализмы для рекламных целей. Желая привлечь внимание читателей к своей статье, они обращаются к словообразованию и помещают придуманные слова в заглавиях статей. Например: «**Завітамініўся**» на палях гаспадаркі; Нецвярозы **бамбіст**; На продажы **аўтахламу** можна будзе зарабіць. Объяснение или раскрытие смысла окказиональных слов даётся обычно в текстах этих статей. Завітамініцца – ‘выкрасть овощи где-л.’ (за- + вітаміны + -і(ц) + -ца (-ся), префиксация + суффиксация + постфиксация): 33-гадовы мужчына ў перыяд з 31 кастрычніка па 7 лістапада з поля гаспадаркі «Доктаравічы» выкраў 500 кг буракоў сталовых, 1400 кг морквы, 700 кг цыбулі – усяго на агульную суму 750 тыс. рублёў («Звязда»); бамбіст – ‘лицо, дающее лживые сообщения о нахождении взрывчатки (бомбы)’: Днямі ён паведаміў па тэлефоне 101 у Мазыры, назваўся па прозвішчы Гарбачоў і паведаміў, што ў цягніку Жытомір–Баранавічы, які вечарам будзе перасякаць беларускую мяжу, закладзена бомба («Звязда»); аўтахлам ‘непригодные для эксплуатации автомашины’: Як ачысціць нашы гарады ад **аўтахламу**? Закон не абавязвае ўладальнікаў утылізаваць транспарт, які ўжо адслужыў («Звязда»).

В статье «**Еўрабабка** на **еўраабрусе**» автор, иронизируя над теми, кто подражает всему западноевропейскому, приводит ряд сложных окказонализмов с первой частью еўра-, имеющей в белорусском языке два значения – ‘европейский, характерный для Европы, Европейского союза’ и ‘сделанный из качественных материалов, с использованием

современных технологий': «…седзячы ў **еўракватэры** на **еўракухні** лепш частавацца беларускай **еўрабабкай** у гліняным **еўрагаршку**, пастаўленым на льняны **еўраабрус**, чым немаведама чыім **еўрабутэрбродам** з тонкім скрылікам **еўравяндліны** і вялізным лістом **еўрасалаты**» («Літаратура і мастацтва»).

Таким образом, окказиональное словотворчество белорусов представляет собой единый непрерывный процесс, который начинается в речи детей и продолжается в речи молодёжи и взрослых. Как взрослые, так и дети используют для этого разные способы словообразования: и общеупотребительные, и редкие. Причины образования окказионализмов могут быть разными и зависят от жизненной ситуации, возраста человека, его характера, склонностей, образования, профессии, целей.

Литература

Загадкі / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі; рэд. тома А.С. Фядосік. Мінск: Бел. навука, 2004.

Камейша К. Паміж кубкам і вуснамі: проза паэта. Мінск: Маст. літ., 2010.

Лопатин В.В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973.

Лыков А.Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи // Филологические науки. 1971. № 5.

Ревуцкий О.И. Анализ художественного текста на дискурсивной основе. Мозырь: УО МГПУ, 2004.

Солахаў А.В. Асаблівасці ўтварэння дзіцячай окказіональнай лексікі // Имя и слово (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках). Брест, 2007.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Solakhau A.V. Occasionalisms in the speech of Belarusians

The article describes the causes and methods of occasionalisms formation in the speech of the Belarusians. The author concludes that occasional word creation is a single process that begins in the speech of children and continues in the speech of the adults. Features of occasionalisms formation depend on the life situation, the age of the people, their character, aptitudes, profession and goals.

Key words: occasionalism; methods of word formation; children's word creation; adults'word creation; the causes of occasionalisms formation

УДК 81'367

А.И. Васильев

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДРЕВНЕРУСКОГО ЯЗЫКА

Древнерусская фразеологическая система характеризуется огромным многообразием структурных фразеологических моделей, представляет собой различные группы фразеологических единиц. Данная статья представляет описание структурной фразеологической модели «глагол + имя существительное» в древнерусском языке. Структурное исследование фразеологизмов является необходимым дополнением к другим видам лингвистического анализа устойчивых словосочетаний.

Ключевые слова: древнерусский язык, фразеологическая единица, структурная фразеологическая модель, воспроизводимость, устойчивость, сверхсловность.

Насколько нам известно, исследование фразеологических структурных моделей древнерусского языка в настоящее время отсутствует.

Исследование проводилось нами на материале древнерусских летописей [1].

С нашей точки зрения, фразеологическая единица – это воспроизводимое сочетание двух и более слов номинативного или коммуникативного характера, обладающее устойчивым составом, структурой и значением.

В зависимости от структурно-грамматической организации ФЕ древнерусского языка представляют собой различные группы фразеологических единиц. Их можно разделить на две большие группы: 1) фразеологические обороты по структуре соответствующие словосочетанию и предложению. В предложении такие ФЕ выступают в функции какого-либо члена предложения и 2) фразеологические обороты, структурно соответствующие предложению и являющиеся коммуникативными языковыми единицами (предложениями).

«В качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда выступают как структурное целое составного характера, состоящее из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях» [Шанский 1985: 71].

Среди фразеологических единиц, структурно соответствующих словосочетанию и являющихся номинативными единицами, нами были выделены следующие модели: 1. Фразеологические единицы, обра-

зованные по модели «глагол + имя существительное». 2. Фразеологические единицы, образованные по модели «прилагательное + существительное». 3. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + наречие». 4. Фразеологические единицы, образованные по модели «имя существительное + имя существительное». 5. Фразеологические обороты, образованные по модели «предлог + имя прилагательное + имя существительное». 6. Фразеологические обороты, образованные по модели «предлог + имя существительное + имя прилагательное». 7. Фразеологические обороты, образованные по модели «глагол + имя существительное + имя существительное».

Подавляющее большинство ФЕ древнерусского языка, структура которых соответствует словосочетанию, образовано по модели «глагол + имя существительное», внутри которой можно выделить ряд подгрупп в зависимости от того, в каком падеже находится существительное, а также в зависимости от усложнения этой модели, когда в состав этой конструкции включаются другие лексемы как знаменательного, так и служебного характера.

а) Самую многочисленную группу образуют фразеологические единицы, образованные по фразеологической модели «глагол + имя существительное в винительном падеже»: 1) **взяти миръ** – *заключить мирный договор.* СІЛ, 1375, 382 об.: **и взя миръ съ кнiаземъ александромъ мнхаиловичемъ на всеи своеи воли и грамотъı подписаша и отстоупиша от града великъıи кнiазь дмитриииванович;** СІЛ, 1375, 382об.: **и взя миръ съ кнiаземъ александромъ мнхаиловичемъ на всеи своеи воли и грамотъı подписаша и отстоупиша от града великъıи кнiазь дмитрии иванович;** 2) **видѣти видѣние** – *увидеть или представить себе что-либо из будущей жизни.* Усп. сб., 301 г: **бѣста же дьни дъва ишьла по ѡшьствии блаженъıа въ нiа же видѣ видѣние дъвѣ же лѣтѣ же сътвори кромѣ его дъщерьши его съвьрьшаше дьнь и нощь моля бога о неи и по двою лѣтоу вѣсть бъıсть емоу къде есть и како живеть;** 3) **избити полкъı** – *победить военные соединения противника.* HIVЛ, 1272, 156 об.: **домонтъ же въ ıарости моужества своего не дождавъ болшаго полкоу новгородцкаго но кто с нимъ приспѣлъ с тѣми въıѣхалъ съ силою свıатаго моученика феодора стратилата и изби полкъı ихъ самого же местерıа ран и по лицю;** 4) **отъıати доушю** – *убить, погубить кого-либо.* ИЛ, 1097, 91 об.: **василькови же оузвъıси хрестъ глаголıа чего еси цѣловалъ се ıако взялъ еси зракъ оу мене очью моею а се нъıнѣ отъıати хо-**

шеши доушю мою; 5) дати полкъ – *дать схватку, сражение*. ИЛ, 1149, 142 об.: нелзѣ бы изяславоу поити на вячеслава и на дюрга полкоу имъ дати.

Данная фразеологическая модель может включать в свой состав местоимение свои, которое находится в постпозитивной позиции к существительному в винительном падеже: 1) посъпати главоу свою – *предаваться скорби и отчаянию:* ЛЛ, 1096, 83 об.: помазаникъ божии давъıдъ [нъ] прелюбодѣанье створи главоу посъпа свою и плакаса горко во тъ часъ ѡтда емоу согрѣшеныа его богъ акъı богоу бяше покаıатиса; 2) пролити кровь свою – *героически погибнуть*. НІЛМИ, 1245, 169 об.-170: михаилъ же отвѣща емоу азъ того хощоу еже за христа пострадати и за правовѣрноу ю вѣроу кровь свою пролıати.

Только во множественном числе возможно употребление именного компонента в ФЕ препоıасати чресла своıа – *крепко затянуть свой пояс и взяться за какое-либо дело*. Усп. сб., 85г: рече господь иѡвови сквозѣ боурю и облакъı къто съкръıваıа и съвѣтъı съдьрьжаи глаголъı въ сьрдьци мене же ли не пьıюеть таити прѣпоıаши акъı моужь чрѣсла своа.

Как усложнение этой фразеологической модели следует рассматривать включение в его состав имени прилагательного или местоимения: 1) цѣловати свıатоую богородицю – *подтверждать принятие какого-либо решения целованием иконы Святой Богородицы.* НІЛСИ, 1255, 133 об.: и рекоша меншии оу свıатого николъı на вѣчи братье ци како речеть кнıазь въıдаите мои ворогъı и цѣловаша свıатоую богородицю меншии како стати всѣмъ любо животъ любо смерть за правдоу новгородьскоую за свою отчиноу; 2) блюсти своеѣ головъı – *думать о своей безопасности, быть осторожным.* ИЛ, 1097, 89: и рекоша боıаре и людье тобѣ кнаже головъı своеѣ достоить блюсти да аще есть молвилъ право давъıдъ да приметь василко казнь аще ли не право глаголалъ давъıдъ да прииметь месть от бога.

б) Фразеологические обороты, образованные по модели «глагол + имя существительное в родительном падеже»: 1) исполнитиса безаконıа – *стать неправедным, вступить на преступный путь.* НIVЛ, 1015, 52об.: свıатополкъ же исполниса безаконıа каиновъ

смꙑслъ приимъ посꙑлаꙗ къ борисоу глаголаше ꙗко с тобою хощоу любовь имѣти и къ отню предамъ ти а лѣта подъ како бꙑ его погоубити; 2) просити мира – *не рассчитывая на успех в сражении, просить более сильного противника заключить мир.* СІЛ, 1349, 367 об. – 368: и приидоша к немоу послове от великаго кнꙗзꙗ олгирда съ многꙑми даръı просяче мира;

Имя существительное, входящее в данную фразеологическую модель, может употребляться с предлогом: въстати (отстоупити) отъ града– *снять осаду с осаждаемого города*. ИЛ, 997, 48 об.: и вариша кисель и ꙗша кнꙗзь печенѣжстии и подивишасѧ и поемше талиꙗ своꙗ а ѡнѣхъ поустивше и въсташа ѡт града и въ своꙗ идоша; НІЛМИ, 968, 38: и отстоупиша печенѣзи от града не бꙗше лзѣ коня напоити на лъведѣ печенѣгъı.

в) Фразеологические обороты, образованные по модели «глагол + имя существительное в дательном падеже»: 1) послѣдовати стопамъ *чьим – последовать чьему-либо примеру.* Усп. сб., 115в: просвѣтита имъ сьрьдьчьнѣи очи и оумъ оутвѣрдити достоино послѣдовати стопамъ ваю; 2) предати огневи – *сжечь*. НІЛМИ, 988, 65 об.: вдасть же за вѣно корсоунь град ѡпать цесарицѣ дьꙗ а самъ прииде кꙑевоу и ꙗко прииде и повелѣ коумирꙑ испроврещи и ови нсѣщи и дроугꙑꙗ огневи преда; 3) предатисꙗ дꙑаволоу – *нарушив христианские заповеди, совершить преступные дела.* НІVЛ, 1071, 76 об.: глѣбъ же вꙑнѣ топоръростꙗ и паде мертвъ и людие разидошасꙗ он же погибѣ доушею и теломъ и предалсꙗ дꙑаволоу.

Перед именем существительным, находящимся в дательном падеже, может стоять предлог: водити къ крестоу – *приводить кого-либо к присяге, обязательным элементом которого часто являлось целование креста.* ИЛ, 1196, 240 об.: вевологъ же оулюбивъ рѣчи ихъ и посла моужа своꙗ ко ꙗрославоу и оумолви с нимъ про волость свою и про дѣти своꙗ а кꙑева подъ рюрикомъ не искати а подъ давꙑдомъ смоленьска не искати и води ꙗрослава ко честномоу крес тоу и всихъ олговичь.

г) Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + имя существительное в творительном падеже»: 1) бити чоломъ на кого – *жаловаться на кого-либо.* НІЛМИ, 1293, 189:

того же лета би чоломъ андреи кніазь цесареви съ инъими кніази на дмитриа кніазіа с жалобами и отпоусти цесарь брата своего доудениа съ множествомъ рати на дмитриа; 2) възіати лестию – *захватить кого-либо или что-либо хитростью или обманом.* Уст. лет свод, 1393, 195 об.: того же лѣта взіал витовт город смоленеск лестью а кніазіа и кніагиню в полон повел; 3) въставати (въстати) ратью – *начинать (начать) военные действия против кого-либо.* ИЛ, 1150, 148: король же володимероу рече отпоущаіа его отцю моемоу и своемоу братоу поклонишисіа изіаславоу и се емоу іавиши цесарь на міа грецкыи въставаеть ратью и сѣ ми зимъı и веснъı нѣ лѣта на конь к тобѣ всѣсти; 4) добъıти копьемъ – *захватить что-либо в результате военных действий.* ИЛ 1287, 298: и посла володимѣръ посолъ свои со жалобою ко братоу своемоу мьстислав оу река брате тъı мене ни на лькоу іалъ ни копьемь ма еси добъıлъ ни из городовъ моихъ въıбилъ ма еси ратью приедъ на ма ωже сако чиниши надо мною тъı ми братъ есь.

д) Фразеологические единицы, образованные по модели глагол + предлог + имя существительное в предложном падеже включают в себя предлоги въ, на: 1) бъıти въ обидѣ – *быть кем-либо обиженным.* ИЛ, 1149, 143 об.: изѧславъ же іакоже бѣше реклъ переже въ обидѣ не могоу бъıти и тако оправаѧ въ хрестное целование; 2) сѣсти на столѣ – *стать правителем*. НІЛМИ, 1137, 104: в то же лѣто прииде кніазь мьстиславнч всеволод въ плесковъ хотіа сѣсти в новѣгородѣ опіать на столѣ своем позванъ отаи новгородчкъıми моужи и плесковици приятели его поиди кніаже тебе хотіатъ опіать; ИЛ, 1150, 114 об.: кіане же рекоша изѧславоу тъı нашь кніазь поѣди же къ свіатои софьи сади на столѣ ωтца своего и дѣда своего; Н1ЛСИ, 1171, 38: въ то же лѣто сѣде на столѣ кыевѣ романъ ростиславичь; 3) посадити на столѣ – *выбрать или назначить кого-либо правителем.* ЛЛ, 1175, 126: потом же ростовци посадиша оу собе мстислава ростовѣ на столѣ дѣдни и ωтни с радостью великою; 4) приати въ оумѣ – *подумать про себя.* ИЛ, 912, 15 об.: и рече емоу ωдинъ коудесникъ кнаже конь его же любиши и ѣздиши на немъ ωт того ти оумрети ωлегъ же приимъ в оумѣ си рече николи же всадоу на конь ни вижю его боле того и повѣлѣ кормити и не водити его къ немоу.

е) Вместо имени существительного в данной фразеологической модели может употребляться возвратное местоимение: 1) **промъıшлати ѡ собѣ** – *думать о своем собственном спасении.* РЛ, 971, 38: **и рече имъ свіатославъ аще глава моıа лıажетъ то вы промъıслите о собѣ**; ИЛ, 1097, 91 об.: **и рекоша давъıдъ и людье на вѣчі въıдаи моужи сиıа мъı не бьемъсѧ за сихъ а за та можемъ сѧ бити а за сихъ не бьемхсѧ аще ли то ѡтворимъ ворота городоу а самъ промъıшлаи ѡ собѣ**; 2) **надѣıатиса на себе** – *быть уверенным в правоте своих действий.* Уст. лет. свод, 1310, 126 об.: **петр рече свіатославоу съıноу іа тебıа благословлıаю поделиса з бра том своим кнıажением он же надѣıаса на себе не послоуша и оубиен бъıсть**; 3) **рести въ себе** – *сказать про себя*. ИЛ, 971, 28 об.: **видѣвъ же мало дроужинъı своеıа рече въ себе егда како прельстивше изъбь ють дроужиноу мою и мене бѣша бо мнози погъıбли на полкоу и рече поидоу в роусь и приведоу боле дроужинъı.**

К общей модели «глагол + имя существительное» примыкает ряд других фразеологических моделей, начинающихся с глагола:

1. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + имя существительное в винительном падеже + предлог + имя существительное в предложном падеже»: **възıати миръ по старинѣ** – *заключить такой же мирный договор, который повторял прежний, заключенный ранее.* Лет. Авр., 1414, 162: **тои веснѣ ѣздилъ отъ новагорода посломъ к витовтоу посадникъ юрьи ончифоровичь и взıа съ кнıаземъ витовтомъ миръ по старинѣ.**

2. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + имя существительное в родительном падеже + предлог + имя существительное в предложном падеже»: **имѣти страха въ сердци** – *быть трусливым.* НІЛМИ, 1240, 164: **дроугъıи же новгородець именемъ сбъıславъ іакоуновичь си такоже наихавши многаждъı биашесıа един ъıмъ топоромъ не имѣıа страха въ сердци и паде нѣколнко от роукъı его и подивишасıа силъı его и храбрости.**

3. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + имя существительное в винительном падеже + имя существительное в творительном падеже»: **възıати градъ копиемь** – *захватить город штурмом* (СІЛ, 1097, 185 об.).

4. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + имя существительное в винительном падеже + предлог + имя сущест-

вительное в винительном падеже»: **възѣати землю на щитъ** – *разграбить, опустошить территорию какого-либо народа, страны* (НІЛМИ: 1342, 211).

5. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + имя существительное в винительном падеже + предлог + имя существительное в винительном падеже»: **въздѣти роуцѣ на небо** – *призвать Бога на помощь.* НIVЛ, 1019, 59 об.: **изъыде противоу емоу ꙗрославъ на алто и ста на мѣсте идеже оубиша бориса и въздѣвъ роуцѣ на небо и рече кровь брата моего въпиеть к тобѣ владыко мьсти отъ крови праведнаго сего ꙗкоже мьстилъ еси кровь авелевоу положивъ на каине стенание и трясение тако положи и на семь.**

6. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + имя существительное в винительном падеже + имя существительное в именительном падеже + предлог + имя существительное в творительном падеже»: **възѣати прощение дроугъ с дроугомъ** – *попрощаться друг с другом перед битвой* (Псков. 2-я лет., 1343, 174).

7. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + подчинительный союз + имя существительное»: **въсиꙗти ꙗко солнце** – *прославиться.* Усп. сб., 113в: **прѣидоста ѡттоудоу на западьныꙗ страны благовьствоующа слово божие въ ꙗзыкъ новъ и вьсь цркъвныи законъ прѣложиша ѡт грьчьского въ свои имъ ꙗзыкъ прѣдаста троꙗзычникомъ же зълобоу низъложьша потрѣбиста ꙗко пльвелъ ѡт пьшеница отвращьша и чисто церкви и свѣтообразьно жито прѣдаста въ западнꙑхъ же странахъ панонъстѣхъ и моравьскахъ странахъ ꙗко солнци въсиꙗвъша мрака грѣховьнаго ѡтгънавша.**

8. Фразеологические единицы, образованные по модели «глагол + предлог + имя числительное»: **бъıти за ѡдинъ** – *быть всем вместе как одно единое целое.* ИЛ, 1149, 136 об.: **изꙗславъ же то слъıшавъ нача доспьвати а к володимироу посла моужь свои река брате богъ ти помози ꙗкоже и самъ молвишь хрестъ есмъı цѣлова ли ꙗко всимъ намъ бъıти за ѡдинъ**; ИЛ, 1149, 136 об.: **володимири же моужи изꙗславли рекоша емоу брате ти молвитъ володимиръ и зꙗславъ мъı есме хрестъ целовали ꙗко всимъ намъ бъıти за ѡдинъ̃.**

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: 1. Фразеологические единицы древнерусского языка, образованные по фразеологической модели «глагол + имя существи-

тельное», имели широкое употребление в древнерусских памятниках. 2. В фразеологических оборотах данной модели стержневым компонентом является глагол, по отношению к которому имя существительное является зависимым компонентом. Порядок расположения, как правило, закрепленный: глагол находится перед существительным, хотя отмечаются и редкие случаи, когда существительное может стоять в препозитивной позиции. Имена существительные могут быть нарицательными и собственными, конкретными и абстрактными. В предложении фразеологические единицы этой модели выступают в качестве сказуемого. Особенностью ФЕ данной модели является то, что как глагольный, так и именной компонент изменяют грамматические формы. Глагол может иметь формы наклонения, времени, лица, числа, существительное же склоняется в разных падежных формах и изменяется по числам.

Литература

1. Ипатьевская летопись, (Полное собрание русских летописей. Том второй). М.: Языки русской культуры, 1998. – ИЛ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (Полное собрание русских летописей. Том III). М.: Языки русской культуры, 2000. Хронология событий в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов подается в словарных статьях отдельно: НIЛСИ – Новгородская первая летопись старшего извода и НIЛМИ – Новгородская первая летопись младшего извода; Новгородская четвертая летопись (Полное собрание русских летописей. Том IV. Часть 1). М.: Языки русской культуры, 2000. – НIVЛ; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. (Полное собрание русских летописей. Том XVI). М.: Языки русской культуры, 2000. – Лет. Авр.; Радзивилловская летопись (Полное собрание русских летописей) Л., 1989. – РЛ.; Успенский сборник XII – XIII вв.: под ред. С.И. Коткова. М., изд. «Наука», 1971. – Усп. Сб.; Устюжский Летописный свод (Архангелогородский Летописец). М.-Л., изд-во АН СССР, 1950. – Уст. лет. свод.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985.

Vasilyev A.I. Structural characteristic of phraseological units in the Old Russian language

The Old Russian phraseological system is characterized by huge variety of structural phraseological models, representing various groups of phraseological units. This article gives the description of the structural phraseological model “verb noun” in the Old Russian language. The structural research of phraseological units is necessary addition to other types of the set phrases linguistic analysis.

Key words: Old Russian language, phraseology, phraseological unit, structural phraseological model, reproduction, stability, overwording.

УДК 81

Т.В. Махрачева

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СЛОВАРЯ, ПОСВЯЩЕННОГО НАРОДНОМУ (СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМУ) КАЛЕНДАРЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ)

В статье обосновывается необходимость и своевременность создания словаря, корпус которого будет посвящен народному (сельскохозяйственному) календарю южнорусской традиции; приводится словарная статья «*Чистый понедельник*», на примере которой выделяются структурные блоки, позволяющие описать и интерпретировать выбранный временной отрезок.

Ключевые слова: народный календарь, словарь, южнорусская диалектная зона, Чистый понедельник.

Появление в конце XX – в начале XXI века монографических [Тульцева 2001; Махрачева 2008; Русские Рязанского края 2009, 1: 508-557] и диссертационных [Занозина 1991] трудов, а также сборников статей и материалов [Календарные обряды и обрядовая поэзия 2005; Русский праздник 2001], которые целиком посвящены описанию народного календаря конкретной локальной традиции[1] или включают отдельные аспекты (например., магический [Филатова 2010]), сведения о нем [Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 1-; 2002-; Власкина 2017: 191-207 и др.], сделало возможным постановку вопроса, связанного с обобщением, систематизацией и интерпретацией данных по народному календарю в одном научном издании. Серьезным подспорьем в решении этой проблемы можно считать областные словари [Рязанская традиционная культура… 2001; Большой толковый словарь донского казачества 2003; Словарь воронежских говоров 2004–2007, 1-2; Словарь курских говоров… 1999–2017, 1-6; Словарь орловских говоров 1989-2008, 1-15; Дубровина 2001; Пискунова, Махрачева, Губарева 2001 и др.], материал которых существенно дополняет указанные издания и позволяет «изучить диалектное слово в ареальном аспекте» [Вендина 2017: 179]. Следует особо подчеркнуть интенсивность и во многом единую методику сбора полевого материала в последние годы, а также тщательность фиксирования материала, что

[1] В нашем случае важно подчеркнуть, что речь идет о южном регионе, представленном следующими административными единицами (областями) Воронежская, Калужская, Липецкая, Орловская, Ростовская, Рязанская, Тамбовская, Тульская [Лексический атлас русских народных говоров 1994: 77].

стало возможным благодаря современным техническим средствам, полноту охвата всех сфер традиционной народной культуры, в том числе и таких важных для нас сегментов как народное православие и народный календарь. Нельзя не отметить и доступность[1] в настоящее время дореволюционных, прежде всего, периодических изданий, которые включают отдельные, а иногда и обширные сведения по интересующей нас теме. И всё же, несмотря на такие благоприятные условия, при описании и систематизации материала по народному календарю в поле нашего зрения будет находиться лишь часть южного региона, а именно: Тамбовская, Липецкая, Орловская, Курская и Воронежская области.

Универсальной формой для систематизации материала является словарь, в нашем случае тематический, позволяющий воссоздать целостную систему народного (преимущественно земледельческого) календаря, характерного для описываемой территории. Содержание словаря условно разделено на два блока. Первый блок представляет описание всего корпуса временных отрезков, которое строится с учетом этнолингвистического подхода, который позволит наряду с планом выражения отразить и план содержания конкретной праздничной даты или временного отрезка, т.е. определить его место (статус) в системе, отношение к нему, проследить объем наполнения и разные уровни, жанры трансляции информации. При выборе дат предпочтение отдается тем, которые маркируются на большей части описываемой территории и обладают относительно устойчивым планом содержания.

Наряду с хронологическими отрезками в корпусе словаря будет представлено описание отдельных календарных реалий, которые вовлечены в широкий культурный контекст и после окончания праздничной даты, т.е. используются в быту, магических ритуалах и т.д. Уточним, что под календарной реалией мы понимаем предмет, изготовление которого было приурочено к определенной дате (или ее кануну), наделенный конкретной функцией (или функциями) и используемый в обрядах и обычаях данного дня (календарного периода). В качестве отдельных словарных статей будут поданы и календарные обряды, обрядовые действия, получившие на территории южнорус-

[1] Речь идет о сайтах, на которых размещены оцифрованные периодические издания. Среди них: Сборники статистических сведений по Тамбовской губернии [Текст] в 24 т. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства [URL: https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=323]; Памятные книжки губерний и областей Российской империи [URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9503]; Епархиальные ведомости [URL: http://leb.nlr.ru/collections/89/#scope=collection&sid=89] и др.

ской диалектной зоны особую проработанность и позволяющие выделить у них план содержания. Под календарным обрядом, обрядовым действием (или его имитацией) понимается установленная последовательность ритуальных действий, совершение которых детерминировано мотивом (сюжетом) праздничной даты (календарного периода), местом, исполнителями, и нацелено на обеспечение гарантированного результата.

Второй блок будет представлен календарными наименованиями (названиями дней, праздников, недель, канунов, постов, мясоедов и т.д.), их различными вариантами, кратким толкованием и иллюстративной зоной[1]. Его необходимость обусловлена тем фактом, что значительная часть материала по календарю представлена лишь хрононимами и не содержит каких-либо дополнительных сведений. Ниже в статье содержится пример словарной статьи первого блока, посвященной Чистому понедельнику.

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. П о в с е м е с т н о. Понедельник первой недели Пасхального поста, который особо отмечался в народной традиции в связи с переходом от скоромного к Великопостному в еде, поведении и настроениях. Сопряженность с Пасхальными событиями способствовала появлению в названии дня следующих компонентов: *Грозный* (Тамб. обл.: Рассказовский р-н), *Великий* (Воронеж.: Нижнедевицкий р-н; Тамб. обл.: Рассказовский р-н), *Темный* (Орл.

[1] Следует подчеркнуть, что в настоящее время уже существует положительный опыт представления хрононимов на материале русских говоров, который был осуществлен коллективом уральской школы под руководством Е.Л. Березович (подробнее см.: [Атрошенко, Кривощапова, Осипова 2015]). Этот монографический труд представляет для нас особый интерес, поскольку в нем предпринята попытка этнолингвистического описания народного календаря. В этом же русле выполнен словарь С.Ю. Дубровиной, в который вошли отдельные календарные даты [Дубровина 2001]. Нельзя не назвать этнолингвистический словарь «Славянские древности», выполненный коллективом ученых московской этнолингвистической школы под руководство Н.И. Толстого, который по сути стал ориентиром для последующих изданий. Корпус словаря включает значительное количество праздничных дат, самостоятельную статью «Календарь народный», в которой сообщаются сведения общего плана о членении годового времени, содержится характеристика основных моделей календаря, его терминологии и т.д. [Славянские древности 1995-2012, 1-5]. Монография С.М. Толстой, в которой представлены материалы в двух частях: к этнодиалектному словарю, знакомящие с полесской календарной терминологией, и полесский народный календарь в этнокультурном контексте [Толстая 2005].

обл.: Мценский р-н). А значительное количество очистительных обрядов, совершаемых в этот день, обусловило самую частотную номинацию – *Чистый понедельник* (Липецк. обл.: Чаплыгинский р-н; Тамб. обл.: Пичаевский, Рассказовский, Токаревский, Уваровский р-ны): *Не хватало нам Маслены, пост настанет и в Чистый понедельник, то есть в Великий понедельник, идём догуливать.* (с. Верхнеспасское, Рассказовский р-н, Тамб. обл., зап. Лоскутовой Д.Н. 2003 г.); *...а Масленица, если кончается, прям, это, если неделя, то Маслена идёть целую неделю. А кончается последнее воскресенье, прямо в понедельник и назывался Тёмный понядельник, Вяликай пост начанался. Уже не скоромное не ели, ничаво* (с. Шашкино, Мценский р-н, Орл. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.).

Соотнесенность дня с предыдущим весельем, масленичными событиями, и неизменное противопоставление им способствовало появлению наряду с уже упомянутыми выше номинациями следующего ряда хрононимов: *Грустный* (Тамб. обл.: Мичуринский р-н), *Скучный* (Тамб. обл.: Рассказовский р-н), *Сореный* (Орл. обл.: Болховский р-н), *Похмельный* (Тамб. обл.: Уваровский р-н), *Тужики* (Воронеж. обл.: Нижнедевицкий р-н); *Чёрный* (Курск. обл.: Курчатовский и Октябрьский р-ны [Занозина 1991: 20]): *А понедельник подошёл – Тужики <...>* [Что такое Тужики?]. *Да вот это понядельник тах-то назывался, как, вроде, Тужики, тужить по Маслене* (с. Верхнее Турово, Нижнедевицкий р-н, Воронежская обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.); «*Черный понедельник* – народ чернит лица сажей» (Курск. обл.: Курчатовский и Октябрьский р-ны [Занозина 1991: 20]); *Ничаво не делають, ляжать, кто с похмелья, кто чаво, Масленица. Они нагулялися, Прощёнки-т ходили, к тёще идёшь, всё, на ночь прощается, гульба, а уж утром похмелка, и ляжать все. Никто никуды, никакой работы не было, голова-то болить и все лежать.* [Как назывался первый день Великого поста?] *Да Гру... Грустный день его, по-моему, Грустный, точно. Ну такой день* (с. Ярок, Мичуринский р-н, Тамб. обл., зап. Лоскутовой Д.Н. 2004 г.); [Как называются следующий день после Прощёного воскресенья?] *Ну это Скучный понедельник, его так называют после этого, Скучный понедельник, так что он, то веселье было, а то уж сразу первый день – ничего там нету и всё это называется Скучный понедельник, да* (с. Кёрша, Рассказовский р-н, Тамб. обл., зап. Лоскутовой Д.Н. 2003 г.).

Р и т у а л ь н а я е д а . В этот день принято было прощаться со скоромной пищей, очищать от скоромных масленичных блюд посуду, тщательно перемывая ее, и начинать поститься. На протяжении

всего поста основными блюдами становилась картошка, щи без мяса, капуста, каши и квас. Такая пища повсеместно получала специальное название *сухое*, вар.: *суховря*, которое нередко употребляли наряду с общерусским наименованием пищи – постная. Остатки скоромного, чаще всего блины, пироги, рыбу подсушивали в русской печи и убирали или подвешивали как можно выше на чердаке, яйца резали и укладывали в бочки, пересыпая солью, творог, масло, молоко, сыр опускали в погреб и присыпали большим количеством снега и льда, чтобы уберечь от скисания и плесени. Те продукты, которые невозможно было сохранить, а также остатки от воскресного ужина, как правило, отдавали скотине или птице. Единичны сведения, в которых указывается на то, что в семьях могли доедать скоромное, речь, как правило, идет о мужчинах или детях младшего возраста.

На территории Воронежской области в Нижнедевицком районе в понедельник наряду с запретом на употребление скоромного отмечалась временная регламентация на начало принятия пищи, которая сохранялась на протяжении первой и последней недели Великого поста: в понедельник, среду и пятницу завтракать садились с полудня, а во вторник и четверг – с раннего утра: *Ну да Вяликай понядельник Вяликого поста. Тоже не… не ядя скоромное иль что ль так не ядя. Бывал, наш папаша говел, до двенадцати не ядим, а тада квас, картохи обжаренные* [неразборчиво] *и в двенадцать часов поядим, как с мятком. Вот поговеисси, а уво вторник завтракаем, уво вторник наране, се… середу тоже так-то до двенадцати. Перваю неделю тах-то ели, у последнюю перед Великим тоже так-то…* (х. Дмитриевский, Нижнедевицкий р-н, Воронеж. обл., зап. Махрачевой Т.В., 2004 г.).

Для очищения кухонной утвари в этот день использовали колодезную воду, в которой перемывалась абсолютно вся посуда, столовые приборы, даже не задействованные в приготовлениях масленичной недели: [Как называется первый день Великого поста?] *О, пост, всё* [неразборчиво]. *Мыли, доставали воду тёплую, усё пермывали, все сковороды, все ложечки, все чажечки. И не ели семь недель скоромное, Боже упаси* (с. Семидесятное, Хохольский р-н, Воронеж. обл., зап. Лоскутовой Д.Н. 2004 г.). В памяти жителей Тамбовской области сохранились речевые формулы, в которых метафорически представлена смена скоромного постным: “*пост ѐдя, везёт сухувря*”, а вместо традиционного очищения посуды от жира, говорится о том, что она исчезает, “*улетает*”: «[Не назывался ли первый день Пасхального поста “тёмным”, “похмельным” и т.п.?]. А, ну, это как говорят там: “Ну, – говорит, – пост едя”. Это вот знаешь, обычно есть женщины такие: “Ой, –

говорит, – пост йдя, – говорит, – всё везёт сухувря", – вообщем, – "ў скувороды, – говорит, – все в масле от Масленицы, все улетают"» [Махрачева 2008: 35].

О б р я д ы и о б р я д о в ы е д е й с т в и я . В большинстве мест уже с воскресенья совершались многочисленные обряды прощания с Масленицей, которые в понедельник получали своеобразное завершение и были объединены общей идеей очищения от масленичного разгула, грехов, беспутства и т.п. Неотъемлемой частью этих обрядов становились обильные возлияния, которые, по мнению жителей всего региона, считались весьма эффективным средством "очищения". В этот день в Курской области *полоскали зубы* [Занозина 1991: 20], то есть выпивали столько водки, чтобы выполоскать изо рта остатки скоромной пищи [Агапкина 2012/5: 553].

В Орловской, Воронежской и Тамбовской областях молодежь (только мужчины – с. Семидесятное, Хохольский р-н, Воронеж. обл.), прощаясь с Масленицей, приходила в понедельник в дома односельчан и выпрашивала остатки скоромной пищи, выпивку, чтобы затем устроить совместную трапезу. С этой же целью могли посещать те дома, где жили родственники молодых, сыгравших свадьбу в этом календарном году. В таком случае приход нежданных гостей требовал от хозяйки накормить всех и обязательно угостить спиртным. Единичны упоминания о том, что в понедельник друг к другу приходили близкие родственники или соседи, чтобы опохмелиться и "косточки доесть" (с. Репнино, Болховский р-н, Орл. обл.). В зависимости от ареала прощание получало название *кости собирать* (Воронеж. обл.: Нижнедевицкий, Хохольский р-ны; Орл. обл.: Болховский р-н), или *донце обкатывать* (Тамб. обл.: Сосновский и Уваровский р-ны [Махрачева 2008: 35]): *...понядельник ходили мужики, кости собирали, эт пьянствали ходили, а на печку я ня знаю. Эт я не слыхала* [Поясните значение выражения «собирать кости»?] *Ну вот при… да кости, вот катались они можа и вот называится – кости собирають. Придуть и падносишь йим в понядельник. "Мы", – гварть, – "кости собираим".* [На чём катались участники обряда?] *А… катались на санях, на лыжах, мужики катался. Тада в старину катался, тады база была, ло… эти, лошади были, сани большии, вывязуть на гору и тада понасадятся, воз целый и котются* [Участниками обряда были исключительно мужчины?] *Мужуки, да то хто ж, а на печь я ня знаю, как ложились-та. Можа хто старай можть зная* [Опишите последовательность действий?] *Ды лошать какую-т, так, пяшком придуть: "Дай охмяліться", – кости там собирають они, хто эт там йих, иде йих там*

растяряишь. Растяряишь, не соберешь (с. Семидесятное, Хохольский р-н, Воронеж. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.); *Ага, кости собирать ходють, по буграм они каталися <…> и кости ходють собирають, катаются* [Поясните выражение «собирать кости»?]. *Ну как, ну как, ну, вроде, каталися, у кого там поразбилися, теперь кости валяются* [В обряде участвовала только молодёжь?]. *Ну да, конечно, молодёжь, что старая бабка пойдёт что ли? Старая бабка-то не пойдёть* (с. Кучугуры, Нижнедевицкий р-н, Воронеж. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.); [Как называется первый день Великого поста?] *…Этот понедельник называют яво кости собирають по горке, пьянствуют алкаши*. [Опишите обрядовое действие “кости собирать”?] *Ну, как это, уже забыла, как называется эт понедельник, уже забыла как яво называють, да. Ну эт, Маслена прошла, оставаются кости от Маслены-т, по горке-т разбросають, катаются-т и ну потом собирають ходють их. Ну, эт такая поверья, ни то, что собирають. Да, да. Такая поверья называются, мол… какие? Кто там их распускаить, раскидваить, его никто не раскидваить, а просто гврять такая па… поверья такая была* [Кто должен был собирать эти кости?] *Ну кому делать нечего, ну побягуть, покатаются с горок, да и придуть* [Кости собирала молодёжь?] *Ну а то старухи пойдуть что ли?* [Принимали ли участие в этом действии женатые?] *Ну и женатые, молодые, если под Маслену свадьбу-то она играить…* (с. Репнино, Болховский р-н, Орл. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.); [Принято ли было в первый день Великого поста собирать кости?] *Ходють к друг другу, последнее доядають, тады уже пост начинается… Да… Скоромное ни ядять, ну, вот эти косточки и доядають… догладывають* [В гости приходили молодожёны?] *Да нет, это уже не молодые, это не обязательно молодые. Любой наверно. Любой. Конечно. А пришли, пришли соседи друг к другу… да, да… доедать, похмелиться <…>* [Собирать кости – это значит приходить в гости в первый день Великого поста?] *Да, да. Да* (с. Репнино, Болховский р-н, Орл. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.); *Не знаю, эт знаешь, молодые когда у кого, молодые на другой день, ну, гврить: кости пошли собирать. Да это молодые у кого есть, вот примерно у меня были дочь с зятем, они пришли на второй дни, эт так и называется кости, гврить, собираем.* [Собирать кости это угощение в первый день Великого поста?] *Да, да, да.* [Почему первый день Великого поста называется «кости собирать»?] *Ой, дочк, а этого я не знаю, это уже старинное* (с. Слобода, Болховский р-н, Орл. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.); *Ну как расскажи, ну это, вроде, называлось Похмелки, что ли. Это называлось Чистый поне-*

дельник. Вроде, это донце возьмут, донце это почему, пряли, вроде, а это её нужно обмыть, обкатать. И вот этим занимались, какие любят. Так-то выпьют, донце брали и обкатывали его. [Опишите обряд «донце обкатывать»?] *Да куда, кто к какой подруге. Ну, это женщины делали…* (с. Верхнее-Чуево, Уваровский р-н, Тамб. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.).

На территории только Обоянского района Курской области сохранился обряд *чернить лица сажей*, который заключался в том, чтобы испачкать свое лицо и вымазать всех встречных сажей. Исполнение обряда нашло отражение в одном из названий дня – *Черный понедельник*: «После Масленой – Чёрный понедельник. На этот день мазались сажаю, мазали всех – и стар и мал. Ежели ни ляжишь на печке униз лицом, то вымажут с ног до головы усего, потом ни атскрибессии» (Курск. обл.: Обоянский р-н, с. Камынино [Занозина 1991: 71]).

На территории Тамбовской области к этому дню приурочивали катание на донцах с гор с целью воздействовать на будущие посевы льна (Пичаевский р-н). Считалось, что высота гор и длина пути при катании обеспечивали длину льна. В северо-восточных районах области есть указания на половозрастные особенности при катании. Так наряду с девушками на донцах могли кататься старики: *Чистый понедельник-то, эт ведь бывает после Масленой. После Прощеного дня, Чистый понедельник-то. Раньше мама говорит, в Чистый понедельник на донце с бугра каталися <…> А тогда у всех эти до́ницы были, шерсть пряли прялки <…> А вот тогда тах-то у всех они, все ведь пряли тогда, ведь и холсты, и все ткали. И вот не знаю, это мама, бывало, скажет: “Дочк, в Чистый понедельник прям, бывало, с бугра все с до́ницами каталась”. <…> Тут был это, бугор, кто на лыжах кто на чем. Псарок было у всех по много, прям бывало кишат. Из школи придут с бугра-то катаются, а старые люди, вот, еще на доницах каталися в Чистый понедельник после Прощеного дня* (с. Большой Ломовис, Пичаевский р-н, Тамб. обл., зап. Махрачёвой Т.В. 2014 г.).

В Чистый понедельник не принято было начинать какие-либо дела, жители южнорусского региона повсеместно *скучали*, *тужили*, *горевали* по Масленице. Однако только на территории Воронежской области и Курской губернии [Рязанова 1911, 1: 200] из оставшегося теста выпекали пресные блины (воронеж.) и небольшие хлебцы из гречневой или пшеничной муки (курск.), получившие вслед за одноименным действием “тужить”, название – *тужики* (Воронеж. обл.: повсеместно; Курск. губ.: Обоянский у. [Рязанова 1911, 1: 200]), *туженники* (Воронеж. обл.: Репьевский р-н; Курск. губ.: Суджанский у. [Рязанова 1911,

1: 200]). Оригинальный по своему исполнению обряд, совершаемый в память о Масленице, сохранился до наших дней в с. Оськино Хохольской района, где “тужить” следовало лежа лицом вниз на русской печи, а еду заменяли исключительно блины-тужики: *Три дня вот этих, они Прощёные <…> а… понядельник подхóдя, все ляжа книзу лицом на пече, тужуть, тужуть… ага… ляжа все книзу лицом. На… на пече… на сто… на русской пяче, ну конечно, ведь и скотина была, работать надо. Ну в основном там, можть, дадуть корму и все книзу лицом ляжа. Тужуть, тужуть по Масленой и пякуть тужики ищо* [Опишите тужики?] *Ну, назывались тужики. Тесто-т осталось от блинов-то, а на Маслену-т какие пекли, вот из этой тести напякуть, ну да какие тужики там-то… хто, може, вот так какой-нибудь и сделая формочкю какую, можть какую птичкю или пышкаю, или… Есть ничего не ели, только тужики, всё, что начинался пост, пост назывался строгай* (с. Оськино, Хохольский р-н, Воронеж. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.); «Тужики – толстые блины пякуть – горюют па Маслиницы» (с. Аношкино, Лискинский р-н, Воронеж. обл. [Карасева – ЛА]); «Тужики назывались они; праздник прошел и тужуть они: “Ах, ды што ш праздник прошол!”» (с. Синие Ляпиги, Нижнедевицкий р-н, Воронеж. обл. [Карасева – ЛА]); *…тужики пекуть <…>* [Из чего принято было делать тужики?] *Ну это вот оставалося тесто. Ну как блины там и оладья, вот что-нибудь вот увезде пекли. Туда ни яйца, ни молоко, ничаво, гуша, мука* [неразборчиво]. *Эт уже тужили по Масленице* (с. Кучугуры, Нижнедевицкий р-н, Воронеж. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.); [Как назывался первый день Великого поста?] *А это, по Масленой, по Масленой тужуть, пякуть туженники, туженники. Эт пякуть прям вот большие вон пышки, называють ну… какие нарежешь прям большие. Эт мы вон давеча кругленькия, а эт большия, называется тужики по Масленой, как, вроде, катались, усё. Эт горюють по Масленой, пякуть у понядельник, это называется тужики, тужуть по Маслене* [Тужики по форме напоминали блины?] *Не, прям наваляють вот на муке, ну прям большую вот этакаю, а то ищ положуть туды пятак* [неразборчиво]. *И вот хто эту, с пятаком-то захвате, то это бо… богатство его будя, богатый он будя. Вот тада как уметить, захватить? Усе тады толкують: “Вот какую узять пышку”. По… по-старинному пышки звали, пышки такие во взайдеть, она толстая, ну вот хто-нибуть ей достаня эту, так этот кому: “Ох, ты счастливая, табе попалась”.* [Попадался ли Вам тужик с запечённой монетой?] *Не, не… не…* (с. Краснолипье, Репьёвский р-н, Воронеж. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.).

Неявную выраженность в сравнении с общерусской традицией на описываемой территории имеют обряды, посвященные молодоженам и неженатым, которые обычно приурочены к Чистому четвергу. Среди тех сведений, которые удалось собрать, к наиболее полным можно отнести нарратив, бытующий в Болховском районе Орловской области. В нем упоминается об обряде “топтать” (закапывать, катать!?) молодоженов (или неженатых/незамужних!?) в снегу: [Как называется первый день Великого поста?] *Понедельник называется как-то… Сорёный что ли, как-то ссорются* [Как?] *Сорются как-то, кто выйдить на улицу* [далее неразборчиво] *и в снег его топчуть* [Понедельник называется сорёным?] *Да. Да.* [Зачем в снегу топтали молодых?] *Ну тада у снег, его катають. Бывал, хоронются, они придуть* [далее неразборчиво]. *У хату выташшуть и нясуть* [далее неразборчиво]. *А им что: игра, игра…* (с. Олешня, Болховский р-н, Орл. обл., зап. Лоскутовой Д.Н. 2004 г.).

З а п р е т ы . Несмотря на многочисленные очистительные обряды, совершаемые в этот день (купание, перемывание посуды, кухонной утвари и т.д.), на территории Тамбовской области устойчиво сохраняется запрет на чистку и стирку белья. Мотивация запрета, как и в другие праздничные дни, связана с представлениями о воде и ее осквернении при стирке белья: *Вот, и тут эт самое стирать не стирают, а купаются и на доницах катаются. А стирать в Чистый понедельник никогда не стирали, а купаться купалися* (с. Большой Ломовис, Пичаевский р-н, Тамб. обл., зап. Махрачёвой Т.В., 2014 г.).

Г а д а н и е . В Чистый понедельник слабее, в сравнении с общерусской традицией, но всё же достаточно устойчиво представлены черты весеннего Нового года, которые прежде всего проявляются в липецкой и воронежской традициях в гаданиях о погоде на предстоящий год, инициальной магии, а также бытовании эсхатологических мотивов. По погоде на Чистый понедельник жители Липецкой области судили о погоде на грядущую весну/лето: [А понедельник после прощенного дня как-нибудь назывался, например, сухой или голодный?]. *Он вот, погодитя, щас ня помню. Вот я табе скажу, это, вроде, постаре мене, уже это дело-то забыто, а вот считалося, если какой день был этот, понядельник, Чистай понядельник он называлси. Какой он день, если он суровай, суровай, то и суровай будя лето* [Что значит «суровый»?]. *Ну холод, там дожжи или чё, вот это, это считалси* [Примечали, после прощенного воскресенья какой день будет?]. *Да, да, да. Какой день будя. Будя день хорошай вясна будя хорошия, будя день плохой и вясна плохая* (с. Дубовое, Чаплыгинский р-н, Ли-

пецк. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.). В воронежском календаре первые дни первой недели Великого поста (начиная с понедельника) соотносили с погодой ожидаемых сезонов, т.е. понедельник – с весной, соответственно вторник – с летом и т.д. В Калачеевском районе считали, что в понедельник после Масленицы первым в дом обязательно должен войти мужчина (Воронеж. обл.: Калачеевский район [Календарные обряды и обрядовая поэзия… 2005: 75, зап. № 347]), приход которого обеспечивал благополучие и здоровье домочадцам. В поверьях жителей Нижнедевицкого района сохраняются отголоски эсхатологических мотивов, связанных с обрядом прощания в последний день масленичной недели: [Как называются последние дни Масленицы?] *Прощёные дни, ходють в воскресению прощаются, кто, почаму* [неразборчиво] *думают, свет конец будя? Иль не знаю* (х. Дмитриевский, Нижнедевицкий р-н, Воронеж. обл., зап. Махрачевой Т.В. 2004 г.).

Литература

Агапкина Т.А. Чистый понедельник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М.: Междунар. отношения, 2012.

Атрошенко О.В., Кривощапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е.Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.

Большой толковый словарь донского казачества / редкол.: В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М., 2003.

Вендина Т.И. Ареальный аспект изучения лексики русских народных говоров (традиции и новации) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017.

Власкина Н.А. Троицкая зелень на этнолингвистической карте бывшей области Войска Донского // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2 / сост. В.Б. Колосова. СПб.: Наука, 2017.

Дубровина С.Ю. Народное православие на Тамбовщине (опыт этнолингвистического словаря). Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.

Занозина Л.О. Терминология календарных обрядов годичного цикла в этнолингвистическом освещении (на материале Курского региона): дис. … канд. филол. наук. Курск, 1991.

Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области / сост. Пухова Т.Ф., Христова Г.П. Воронеж: ВГУ, 2005.

Карасева Т.В. Личный архив Т.В. Карасевой: полевые материалы Воронежской области.

Лексический атлас русских народных говоров. Проект / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1994.

Махрачева Т.В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект). Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008.

Пискунова С.В., Махрачева Т.В., Губарева В.В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.

Русские Рязанского края / отв. ред. С.А. Иникова. Т. 1. М.: «Индрик», 2009.

Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / авт.: О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство СПб., 2001.

Рязанова Е. Материалы по этнографии Курской губернии // Труды Курской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Вып. I. Курс. Типография Курского губернского земства, 1911.

Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь / авт.-сост. Морозов И.А., Слепцова И.С., Гиляров а Н.Н., Чижикова Л.Н. Рязань, 2001.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2012. Т. 1-5.

Словарь воронежских говоров. Вып. 1-2. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004–2007.

Словарь курских говоров / сост. Занозина Л.О., Ларина Л.И., Малыхина Т.М., Писарева Л.Е. Вып. 1-6. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1999–2017.

Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып.1-4. Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1989-1991. Вып. 5-15. Орел ОГПИ, 1992–2008.

Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005.

Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань, 2001.

Филатова В.Ф. Магический дискурс. Воронеж, 2010.

Этнография Центрального Черноземья России. Материалы научных чтений, посвященных итогам полевого этнографического сезона 2001 (Воронеж. 5 декабря 2001 г.). Воронеж: Воронежский государственный университет. Вып. 1-; 2002- .

Makhracheva T.V. To the question of creating a dictionary dedicated to a people's agricultural calendar (on the material of the South Russian dialect zone)

The article states the necessity and timely availability of creating a dictionary, the corpus of which will be dedicated to the folk (agricultural) calendar of the South Russians. In the article, we give the vocabulary entry "*Clean Monday*" and use it as an example that illustrates the distinguishing of the structural blocks that make it possible to describe and interpret a specific period of time.

Key words: folk calendar, South Russian dialect zone, vocabulary, Clean Monday.

УДК 81

М.А. Шлыкова

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МНОГОПОКОЛЕННОЙ СЕМЬИ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ)

Статья посвящена анализу нарративов, в которых содержатся воспоминания о практике, вошедшей в научную литературу под термином *снохачество* (*сношество*). На основе корпуса текстов, собранных на территории южнорусской диалектной зоны, автор статьи условно выделяет три группы в соответствии с достаточно устойчивыми сюжетами.

Ключевые слова: снохачество, южнорусская диалектная зона, царская Россия.

Изучение темы родства и родственных отношений в традиционной народной культуре, а также отражение их в лексике позволило нам зафиксировать в современных условиях практику, которая некогда бытовала в царской России и сохранилась в памяти жителей южнорусской диалектной зоны. Речь идет о явлении, известном в научной литературе под термином «снохачество» и определяемом следующим образом: снохáчество (сношество) – это практика, при которой мужчина – глава большой крестьянской семьи (живущей в одной избе) состоит в половой связи с младшими женщинами семьи, обычно с женой своего сына. Внутренняя форма термина ***снохáчество*** достаточно прозрачна и является производной от слова ***сноха***, которое в свою очередь на исследуемой территории употребляется в значении ‘жена сына по отношению к его родителям’. В это же словообразовательное гнездо попадают лексемы, отражающие наименования субъекта, осуществляющего данную практику – ***снохач,*** которое выступает синонимом ‘свёкор’; название самого действия – ***снохачествовать*** ‘сожительствовать со снохой (о свекре)’ и притяжательное прилагательное ***снохаческий*** в значении ‘свойственный снохачу’. Несмотря на то, что снохачество бытовало в традиционной народной культуре (преимущественно южнорусских регионов), оно практически не получает в локальных традициях дополнительное выражение (фиксацию) на уровне языка и в Большом академическом словаре сопровождается пометой просторечное [Словарь современного русского литературного языка 1962,

13: 1513-1514]. Исключение представляет дериват ***снохарь***, который в Словаре русских народных говоров, а также Словаре Владимира Ивановича Даля подается как областное, но без конкретной географической привязки.

Анализируемая нами практика не раз попадала в поле зрения научного интереса, ее изучали психологи и историки [Шашков 1879; Безгин 2004 др.], юристы [Ильюк 2017], демонстрируя важность междисциплинарных связей для понимания и объективного восприятия этого явления. В их работах это явление рассматривалось в одном ряду с негативным криминальным опытом человечества: инцестом, каннибализмом, детоубийством и т.п. Наш же интерес в данном случае продиктован желанием осмыслить все элементы, которые образуют тему «Родственные отношения» в локальной народной традиции южнорусской диалектной зоны и зафиксировать ее выраженность на языковом уровне, поскольку до сего времени она не являлась предметом специального исследования.

В многопоколенной патриархальной семейной модели общества, которую представляла Россия в XVIII и еще XIX веках, условия жизни становятся благоприятной средой для возникновения и бытования практики «снохачества». Следует отметить, что анализируемое нами явление нашло отражение и на страницах художественной литературы, например, в произведениях Н.С. Лескова «Житие одной бабы», М. Горького «Лето», «Жизнь Матвея Кожемякина», в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон». Однако в текстах художественных произведений об этом явлении упоминается вскользь, его наличие лишь констатируется, как некая данность, хотя и с пейоративной (негативной) оценкой, образ снохача размыт, практически отсутствуют речевые характеристики, исключение, пожалуй, составляет фрагмент в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон». Обратимся к тексту: «Также вот было раз... – Он играл глазами, оглядывая слушателей. – Повадился один такой-то к снохе, покою не дает, а муж мешается. Он ишь что придумал? Ночью вышел на баз и растворил нарошно ворота, скотина вся и ходит по базу. Он и говорит сыну: “Ты, такой-сякой, чего ж так дверцы прикрывал? Гля: скотина вся вышла, поди загони!” Он-то думал, дескать, сын выйдет, а он тем часом к снохе прилабунится, а сын заленился. “Поди, – шепчет жене, – загони”. Энта и пошла. Вот лежит, слухает, а отец сполз с пригубка и на коленях к кровати гребется. Сын-то, не будь дурак, скалку взял с лавки и ждет. Вот это отец подполз к кровати и только рукой лопнул, а сын его скалом кы-ы-ык

потянет через лысину. “Тпрусь, шумит, проклятый! Повадился дерюжку жевать!..” А у них телок в куренях ночевал и все подойдет, да и жует одежду. Сын-то навроде как на телка, а сам батяню резанул и лежит, помалкивает. Старик-то дополз до пригубка, лежит, шишку обминает, а она взыграла с гусиное яйцо. Вот, лежал, лежал и говорит – “Иван, а Иван?” – “Чего ты, батя?” – “Ты кого ж это вдарил?” – “Да, телка” – говорит. А старик ему со слезами: “Какой же, грит, из тебя, к чертовой матери, хозяин будет, ежели ты так скотину бьешь?”» [Шолохов 2014, 1/3: 51].

Лексика, связанная со снохачеством в традиционной народной культуре проявляется, как правило, в нарративах о старине[1], в которых можно выделить три относительно устойчивых сюжета[2]. Содержание первого повествует об отказе молодой снохи свекру в его притязаниях на интимную близость. При этом диалог между свекром и снохой строится таким образом, что ни просьба, ни отказ не звучат напрямую. Например, на вопрос-просьбу свекра: «С кем та проводит ночь?» Сноха целомудренно отвечает: «С Богом». Тогда свёкор в ответ, в сердцах, ей бросает: «Вот пусть Бог тебя и кормит», вариант: «Вот и живи с Богом» или «Пусть Бог и плетет тебе лапти» и т.д.

Второй сюжет сводится к обману свёкра, который пытался подкупом, обычно называется монета достоинством в 3-5 рублей (вариант: обещаниями купить новый сарафан, платок и т.д.) заставить сноху прийти ночью в клеть. Свекровь, подслушав их разговор (вариант: сноха сообщает свекрови о притязаниях свекра), меняется со снохой местами: «…эта нам тоже, я сама слыхала, как-т тоже нам рассказывали, а чудная-т бабка, она расскажить сразу, правильно это, это свёкор так: понравилась она яму, он к ней и пристаёть. Она одна умная, наверно, поделилась свекровей, вот гврить: “Мамаш”, – тада ведь мамой там, – “Мамаш, глянь чё есть-та, папаша вот так и так” – “Ну не го́рися, дочк, неси ты свою наряду мне”. Да она нарядилась в её наряду и в рыгу, в рыгу. Тады ведь рыги были и… и он в рыги поджидаить,

[1] В статье сюжеты, в которых обыгрывается тема снохачества, условно отнесены к нарративами о прошлом, поскольку еще предстоит определить их жанровую принадлежность, а, следовательно, структуру и функции. В настоящее время можно лишь указать на то, что они относятся к несказочной прозе.

[2] Автор выражает благодарность авторскому коллективу *информационно-поисковой системы «Традиционная народная культура южнорусской диалектной зоны»* за возможность использовать полевые этнолингвистические материалы.

и она была, гврить, шустрая бабёнка. И он с ней как и с снохой, рад без памяти. И она мешкается тама, пока он всё, ушёл. Сели ужинать, всё честь по чести, она идёть, быстрая, гврить, была, шустрая. “Бабка, иде ж ты до сих пор была-то?” – “Иде не была, а три рубля добыла”. Он ей трояк ли, за троячок. Ну как думаить он, он-т и тады так я, нет, я тады так говорю, что посурьё… поэтому вот сурьёзный был, сурьёзный, чтобы вот там волосы отстрыг или в коротком пошёл, или чавой-т такой-та, вот» (с. Гладышево, Токарёвский р-н, Тамбовская обл., зап. Лоскутовой Д.Н. 2005 г.).

И третий сюжет повествует о том, что значимым для семьи в этой ситуации оказывает дитя, а не условия его зачатия. Любопытно отметить, что в диалоге между родными можно усмотреть некоторую параллель с героями Шолоховского произведения, и те и другие обыгрывают зооморфную тематику[1]: «Женють яво, сына-т этого, да в армию, а муж-т яму, сорок пять можа, или сорок, или там трицать пять годов, чё ж, он глядить на снох, какая понравится, такой и ключи отдасть, да. У нас один ушёл в армию, жанатый был, а свёкар давай ей прижимать всё, то ключи не дасть, а вить нада варить всё, над готовить, ды и нажила с им дитя, да, а у муж пришёл, она всё прячется, а тут [далее неразборчиво – прим. автора], а сама всё прячется, принесла чашки, обедать-то, а сама нейде к столу, он говорить: “Нóдькя, иди, чей бы бычок не прыгал, а телочек наш”. Вот как!» (с. Семидесятное, Хохольский р-н, Воронежская обл., зап. Махрачевой Т.В., Лоскутовой Д.Н. 2004 г.)

Следует отметить, что при определенной распространенности этого порока в русской деревне, крестьяне сознавали всю тяжесть греха такой связи. И если она становилась известна, то, как правило, предавалась общественному порицанию. Так, по отзывам крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, снохачество встречалось часто, но традиционно считалось в селе самым позорным грехом[2]. Снохачи

[1] В этой связи заметим, что выбор животных – бычок, теленок – скорее всего не является случайным, поскольку в народной традиции эти животные нередко наделяются брачной, эротической семантикой, так например, их образ используется в формулах отказа при сватовстве [Березович 2003, 1: 17].

[2] Ярославские крестьяне приравнивали снохачество к кровосмешению с дочерью. «Муж и жена – одно тело, един дух. Отец, живший с женой сына, все равно, что живет со своим сыном, или дочерью». Нечего и говорить, что снохачество вносит в семью полный разлад. <…> Обыкновенно бывает так: если отец начнет ухаживать за своею снохой и последняя не будет отвечать на это, сын и сноха отделяются от отца, как бы был неудобен этот раздел. <…> Если же отец добьется своего и будет жить со своей снохой, и это будет из-

на сходе при решении общественных дел игнорировались, так как каждый мог им сказать: «Убирайся к черту, снохач, не твое тут дело» [Архивохранилище Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2].

Входя в семью мужа, женщина должна была выстраивать отношения не только с ним, но и со всеми домочадцами, придерживаясь сложной семейной иерархии. Опосредованность связи супругов внутри большой семьи нередко способствовала созданию сложных, неординарных ситуаций, что, в конечном счете, и нашло отражение в нарративах, которые можно зафиксировать и в наши дни.

Литература

Безгин В. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). ТГУ, 2004.

Березович Е.Л. Формулы отказа при сватовстве: предметная символика // Живая старина. 2003. № 1. С. 14-18.

Ильюк Е.В. Архетип криминального и виктимного поведения // Виктимология 2(12) 2017. С. 39-45.

Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы: Материалы «Этнографического Бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ч. 2. СПб., 2006.

Словарь современного русского литературного языка. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. Вып. 13.

Шашков С.С. История русской женщины. СПб., 1879.

Шолохов М.А. Тихий Дон. ООО «Издательская Группа “Азбука-Аттикус”», 2014. Т. 1, часть 3, глава II.

Shlykova M.A. Peculiarities of relationships in a multigenerational family in a traditional folk culture (on the example of Southern Russian dialects**)**

The article is dedicated to the analysis of the narratives, which contain memories of the practice, which the scientific literature describes as “snokhachestvo”. The researcher studies the corpus of texts collected on the territory of the South Russian dialect zone and on this base identifies three groups of texts with stable plots.

Key words: snokhachestvo, South Russian dialect zone, the Imperial Russian society.

вестно сыну, то последний весьма часто спивается с круга или оставляет свою семью и дом и живет на чужой стороне, где весьма часто обзаводится новой семьей. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы дело о снохачестве разбиралось на волостном суде [Русские крестьяне… 2006: 200-201].

УДК 81

Д.Н. Лоскутова

К ВОПРОСУ ОБ ОДЕРЖИМОСТИ И НЕРВНОЙ ИСТЕРИИ В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается феномен кликушества на полевом этнолингвистическом материале, собранном на территории Тамбовской области.

Ключевые слова: одержимость, истерия, кликушество, порча, грех, речевая деятельность, народная демонология, традиционная культура.

Кликушество как одно из характерных явлений крестьянского быта дореволюционной и современной России достаточно хорошо исследовано. Несмотря на это, одержимость можно признать темой со значительным исследовательским потенциалом. В современной науке оно рассматривается как социокультурный феномен, фольклорно-этнографическое явление, важнейшая сторона «женской» повседневности; анализируется с точки зрения медицинской антропологии, в контексте истории социального сопротивления, с позиций народно-религиозного мировоззрения и крестьянской речевой культуры и т.д. Появление фундаментальных работ, базирующихся на материале живой традиции (см., например, Христофорова [Христофорова 2016]) обусловило неугасающий исследовательский интерес к феномену кликушества и одержимости.

Данная работа направлена на описание региональных особенностей кликушества и основана на современных полевых этнолингвистических материалах, зафиксированных на территории Тамбовской области (2003–2009 гг.)[1].

Необычное речевое поведение является наиболее ярким внешним проявлением кликушества и отличается разнообразием и экспрессивностью. В устных нарративах активно представлена сюжетная линия, связанная с имитацией кликушей звуков, характерных для животных и птиц: **собака, волк** («*… напускають на человека, эт особо в Вердеревщини, эт были случаи, прям люди видели. Ну, начал батюшка*

[1] Автор выражает благодарность авторскому коллективу *информационно-поисковой системы «Традиционная народная культура южнорусской диалектной зоны»* за возможность использовать полевые этнолингвистические материалы.

йих отчитвать и [неразб.], *по-собачьему гавкали, по-всякому. А батюшка эт читаить: "Выдь! Выдь! Выдь!". А он из ей отвячаить: "Нет, не выйду!"»* (с. Кривополянье, Бондарский р., 2007); «*… Ой, тада ведь многие, хоть ня разу видь ня видела, а ведь какия-то, да. В них чёй-то разговаривало, внутря́ у людей. Да. Хто собакой бре́шат, хто по-волчьи воя, хто чаво*. [Кто внутри у них сидит?] *Ну, какой-то, наверно, колдовство, нечистый, ну, чё. Это, тада ведь много было этих, порченных людей*» (с. Мезинец, Староюрьевский р., 2006); **<u>петух</u>**, **<u>кошка</u>** («*Во, скок хошь, и по… по… по-петушиному, и по-кашачьму аруть, да, да* [Почему?] *Потому шт им, как им, насо'вывають. Опять эт вить эт, эт колдовство – эт подсовывають, вот, вот, насадили на мине, не плошь, я и* [неразб.] *закричала, и по-сабачьему*» (с. Измайловка, Петровский р., 2005)); <u>бык</u> («*И у этой женщины, какая выводили-ты, и… а ревёть бык, на всю церкву ревё бык, мг, прям все мы слышим, бык ревё, да*. […] *Кричать, кричать кричала у нас, уж дюжа када крича… да, в церкви этого не. Вот и ищё она слыхала, и я слыхала: энта, бык, бык у неё в животе, в животе у ниё бык, да. Она ревёть, а она для каво причастия тольк, для каво причастия готовить – нячистому плохо*» (с. Казанское, Староюрьевский р., 2006)). Истерика кликуш сопровождается действиями, которые в традиции оцениваются как негативные или несоответствующие нормам поведения: <u>пронзительный визг или крик</u>; <u>брань в адрес окружающих и даже священника</u> («*… Ищё вот, я напомнила, одна женщина ищё, она болеить астмой. И она, гварять, подде'лана. Энта вижжи'ть, щас как иё причащать – дурни'ной, так вот держуть. И на батюшку, и на всех, и шумить, и вот как кричить дурниной, иё держуть, ага. Потом ищё причащать – подержуть, подержуть, иё соседка приводить, подержить, подержить – и она это, отхо'дить…*» (с. Стежки, Сосновский р., 2006)); «*…Ну эт они, как гвариться, испо'рченные, поэтому они и кричать. Есть и кричать, и ругаться будуть на попа…*» (с. Городище, Бондарский р., 2007).

Другой тип сюжетов повествует о наличии у одержимой «чужого» голоса, принадлежащего демонологическому существу, которое попало извне в тело человека: «*Сидить там, эт разговарьваить – не человек уже. Она ругалась, эт не человек, а он там, враг. Да, да, да, да, там сидить, и он все эт выполняить*» (с. Стежки, Сосновский р., 2006); «*… С ней, с ней чёй-т не… плохо, чёй-т с ней плохо, вродь, вродь какое-т время подходить – иё начинаить бяси'ть что ль как-т иль чаво*. [Что?] *Бяси'ть, вроде как бяси'ть, ну да. Вот она начинаить кричать, шуметь, всё такое.* […] *нечистый дух что ль в ней, да, да,*

по-моему так, вот она разговарьваить, идёть, сама с собой разговарьваить и всё такое» (с. Пахотный Угол, Бондарский р., 2007); «*… Эт не она кричить, а в ней кричить, да, вот порчь, из… порчь над ней сделали – и в няё всялился внутрь. И она сама не гварить, а хтой-т разговарьваить. А у ниё был рот закрытай, хтой-т разговарьваить, слыхать, хтой-т разговарьваить. Вот эт порчь, эт вот там отле'чвають*» (с. Керша, Рассказовский р., 2005). «Иная» личность может вступать в диалог с лекарем, разговаривать внутри человека, говорить о себе в третьем лице. Именно деятельности чужеродного субъекта – нечистого духа – традиция приписывает экспрессивное поведение и нарушения этических предписаний, принятых в крестьянском обществе: «*Вот у нас в Новотомникове был такой старец* […]. *Ездили к няму, и он йих отчитвал. Эт старец, вот. И есть, были такия, что кричали. Было невозможно, в них зашёл дух лукавай, и он своё у них, прям в них там вырабатвал, и йим, от йи'хай невозможности они кричали*» (с. Рысли, Моршанский р., 2007). Не случайно пусковым механизмом истерики считается ситуация, когда одержимые оказываются в окружении святынь, например, в церкви или у святого источника. Согласно общерусской традиции, сильное воздействие имели молитвы «Херувимская песнь» и «Да воскреснет Бог», а также «Отче наш», вызывающие, наряду с причастием, особое неприятие у вселившихся в человека нечистых духов: «*Ну пришли в церкву, и там знаишь, када кричать? Када поп начинаить читать “Иже Херувиме”. Молитва такая есть, “Иже Херувиме”, и вот самай, для порчи она самая опасныя. И вдруг мы с ней стоим, и я не знала, если б я знала, я б к этому подготовилась ба! Гляжу – она как заорала, заорала*» (с. Советское, Сосновский р., 2006); «*Это порчь называется, на людей колдуны напускаютьпорчь, вот. А вот када начнуть, “Иже Херувим” запоють в церкви, и тут уже им плохо становится. А чё им плохо становится? Это нячистые духи начинають их душить, этих людей-то*» (с. Кужное, Мордовский р., 2005).

Проникновение в тело человека нечистого духа воспринималось как овладение его внутренним миром. Одержимость некоторые респонденты описывают в терминах душевной болезни (***психбольные*** (с. Чибизовка, Петровский р., 2007)); безумия (***полусумасшедшие*** (с. Городище, Бондарский р., 2007); ***с ума сходить*** ‘об истерике одержимых’ (с. Пеньки, Моршанский р., 2007); ***стать глупо'й*** ‘о состоянии женщины в результате вредоносного воздействия’ (с. Кривополянье, Бондарский р., 2007); ***вся не в себе*** ‘о состоянии женщины во время припадка’ (с. Первые Левые Ламки, Сосновский р., 2006); ***образу***

'миться ‘прийти в себя после припадка’ (с. Пахотный Угол, Бондарский р., 2007)); беспамятства: ***не помнить себя*** ‘о состоянии женщины в результате вредоносного воздействия’ (с. Дмитриевщина, Рассказовский р., 2008); ***зайти в сознание*** ‘прийти в себя после припадка’ (с. Керша, Рассказовский р., 2005).

Особенностью речевой деятельности «иной» сущности, по мнению жителей области, является разглашение некоторых особенностей личности испортившего или прямое указание на человека, нанесшего вред, а также описание обстоятельств порчи: «*... Ну, гварь, кто иё испортил – там называеть, там имя и фамилию: “Вот в честь тябе мучаюсь!” Да. “В честь тебе”, – гврит, да, – “в честь тебе мучаюсь, што ты со мной сделала!”*» (с. Мезинец, Староюрьевский р., 2006); «*… И одна странница ходила, странница какая-то. Ну и вот она пришла там, я ещ в дявчонках жила там, там, внизу, вона. Вот. Гляжу, эт странница пришла к нам ночавать, попросилась. Мать иё пустила, пустила. Пришла: “Кто, ну, кто у вас тута больныя?” – что ля. Ну, мать про неё сказала, она приве… пришла. Она сама разговариваеть, и у ней разговаривая в душе тама. В душе разговаривая.* [Кто в душе разговаривает?] *Да кто знаеть там, мужчина или как, кто знаить. Вот она скажну'ла: “Эт мене исколдовали”. Эт самая женщина, в которой разговаривая у ней. “Мене вот этот мужик”, – гврит, –“исколдовал”.* [Женщина знала, кто ее “исколдовал”?] *Ну, говорила, какой-то мужик там, называла она, няхужа, яво*» (с. Б. Дорога, Староюрьевский р., 2006); «*Над тобой сделають, ты и будишь бяситься. Щас сколько лечутся-та, есть вон падають, в це'ркиви. Лечить батюшка, начнёть Явангилья над них читать, положить им на голову – она бесются, хто падаить, хто а… обмо'чится.* […]. *А одну бьёть – блин съела, соседка принясла блин ей: “На, помяни родителеф!”. А она съела блин, соседка принясла, она и стала глупая-та. Иё отчитвали, ды иё вон возили куды иё, отчитвали, батюшка-т отчитвал, Явангяль читал, и над ней, она упала, и прям! В них ж нячистый сидить. “Чаво съела?” – “Блин!”. – “У каво?”–“У соседки, дала блин”. Дала блин, во, съела блин, ну и прям говорить, она ж прям говорить*. […]. [А это она говорит или нечистый?] *Да, да, да она прям сама, она уж говорить про сибе, он ж нячистый-т там ж говорить-то*. [Нечистый?] *Да! “Блин! Блин! Блин!”*» (с. Кривополянье, Бондарский р., 2007). В дореволюционных материалах встречаются сведения о том, что тамбовские «покрикуши» могли предсказывать, например, указать на вора [ТЕВ 1861: 426-430]. Современные полевые материалы свидетельствуют о бытовании противоположных мнений на этот счет.

С одной стороны, народная память хранит отголоски преданий о пророческих возможностях кликуш (с. Кужное, Мордовский р., 2005; с. Мезинец, Староюрьевский р., 2006); с другой – жители области считают предсказание Божьим промыслом, даром избранных, а не одержимых нечистым духом (с. Шмаровка Мордовский р., 2005), не верят и в то, что такие люди могут указать на личность навредившего: «*…и они, даж знаишь, падають у церкви, када батюшка отчитвая, они кричать и они падають у церкви. Уж иде знають, какая испорченная, то соседи идуть у церкву с не'ю* […]. [Могут ли эти люди предсказывать?] *Ня можуть они, нет, нет, раз они испорченные. Эт предсказвають люди такия, какия Богу угодно. Вот и Господь им давая, они предсказвають, какая твоя судьба, вот*» (с. Шмаровка, Мордовский р., 2006); «[Может ли порченная выкрикивать имя того, кто её испортил?] *Да нет, она почём знаить, хто её сделал? Она ж не знаить, хто иё сделал. Она испорчена, а хто ей портил, Бог иё знаить, нихто не знаить. Кричать, кричать, бываить, и упадаить тож и всё, эт бываить*» (с. Н. Шибряй, Уваровский р., 2006; а также с. Пеньки, Моршанский р., 2007). Последнее мнение согласуется с народными представлениями тамбовских крестьян о «прогностических» способностях знахарки как человеке набожном, верующем и благочестивом, помогающей людям избавиться от заболеваний, которые неподвластны официальной медицине. Именно этой категории людей приписывается «дар» описать облик навредившего или прямо указать на источник болезни [Лоскутова 2013]. Характерно, что и автор дореволюционного очерка, который одновременно является и его главным героем (именно у него случилась пропажа), считает, что покрикуша не может пророчествовать, поскольку «*говоритъ въ ней нечистый духъ*» [ТЕВ 1861: 429].

Одержимый терял контроль не только над своим разумом; его тело тоже было во власти нечистого духа, что вполне согласуется с представлениями тамбовских крестьян о болезни как вредоносном инфернальном субъекте, стремящемся проникнуть в тело человека, захватить его, вовлечь в страдания и муки [Лоскутова 2010: 83; 123]. «Телесная» манифестация болезни выражается, прежде всего, идеей деформации и нарушения целостности телесной оболочки, которую репрезентирует глагольная лексика. В момент истерики человек ***бе'сится*** (с. Кривополянье, Бондарский р., 2007; с. Измайловка, Петровский р., 2005); ***бьётся*** (с. Алкуж. Борки, Моршанский р., 2007; с. Черняевка Мордовский р., 2005); ***кувыря'ется*** ‘перекидывается через голову’ (с. Троицко-Ивановское, Староюрьевский р., 2006); ***трясётся*** (с. Первые Левые Ламки, Сосновский р., 2006); ***хлы'стается***

‘падает’ (с. Кривополянье, Бондарский р., 2007); ***га'кается*** ‘падает’ (с. Н. Шибряй, Уваровский р., 2006). Характерно разнообразие безличных глаголов, усиливающих представления о независимости происходящего с человеком от его воли и желания: ***корёжит*** (с. Казанское, Староюрьевский р., 2006); ***бе'сит*** (с. Пахотный Угол, Бондарский р., 2007); ***трясёт*** (пгт. Мордово, Мордовский р., 2005); ***забирает*** (д. Малая Романовка, Мордовский р., 2005); ***расшибает*** (с. Керша, Рассказовский р., 2005); ***ломает*** (с. Казанское, Староюрьевский р., 2006); ***выла'мывает*** (с. Казанское, Староюрьевский р., 2006); ***бьёт*** (с. Кривополянье, Бондарский р., 2007; с Керша, Рассказовский р., 2008). Во время приступа истерики у человека появляется необыкновенная физическая сила, что для окружающих особенно показательно, поскольку чаще всего речь идёт все же о женщинах. Объяснение этому народное сознание находит в деятельности нечистой силы: «*Потому что в ней ищё вот эти самыя бясы'-то, как считать, по-старому-то, там бясы' ищё воюють, и она не можить сама подойти* [к причастию], *если иё не подвядёшь. Иё держишь за обои руки, человека два-три, она можить вся от тибе вывернится.* […] *Ты б поглядела: трёх мужиков как вот – вжик!* [оттолкнула]» (с. Советское, Сосновский р., 2006).

Таким образом, причиной демонической истерики является проникновение в тело человека нечистого духа, что согласуется с общерусскими представлениями о кликушестве. В тамбовской традиции выделяются два способа, при помощи которых это может произойти: 1) порча – вредоносное воздействие магического характера; 2) греховная жизнь человека: «*Это в них кричит лукавый дух. Да, моя хорошая, лукавый дух в нас входить тольк по нашим гряхам, тольк по гряхам. Если так – никак не войдёть, тольк по нашим гряхам. Вот, лукавый дух ходить, мы вить живём, гряшим, ругаимси*» (с. Рысли, Моршанский р., 2007).

В современной науке вопрос о функционировании интерпретационных моделей «кликушество/порча» и «кликушество/бесноватость» решается в пользу их сосуществования (см., напр., [Мельникова 2006: 248]). В тамбовской традиции понятия одержимости и колдовства оказываются переплетены, а дискурс бесоодержимости находит поддержку и развитие в ритуально-магическом пространстве, поскольку общей платформой являются народные представления о нечистой силе как источнике и смысловом содержании этих явлений. С точки зрения лексической разработанности в тамбовской традиции более активной можно признать мировоззренческую систему представлений об истерии как результате порчи. На территории Тамбовской области (зафик-

сировано в Сосновском районе) в качестве номинаций женщины, подверженной нервно-психическим припадкам, бытуют следующие ***поклику'ша***, ***покрику'ша***, мужчины – ***покрику'н***: «*…там служба, там тожа попы служуть, всё как, гварть, то там заоруть, то там заоруть, прям мурашки, гварть. И мужчины, и женщины – портють, портють*. [Как называют людей, которые кричат в святых местах?] *Поклику'ша, полику'ша. Поклику'ша. То к попу, то к попу.* [А мужчину?] *То тожа поклику'н, поклику'н. Да, тож поклику'н, одно и тожа, эт женщина – покликуша, мужчина – покликун*» (с. Первые Левые Ламки, Сосновский р., 2006). Указанные лексемы подтверждаются данными СРНГ (*покрикуша* [СРНГ 28: 385], *крикуша* [СРНГ 15: 256] с пометой *тамб.* и ссылкой на дореволюционные источники); *покрикуша* упоминается в небольшой заметке, опубликованной на страницах дореволюционной периодики, в газете «Тамбовские епархиальные ведомости» [ТЕВ 1861: 426-430]. Однако наиболее частотными являются дериваты корней, относящихся к лексике колдовства и вредоносного воздействия: ***по'рченная*** (с. Кужное, Мордовский р., 2005; с. Советское и Первые Левые Ламки, Сосновский р., 2006; с. Н. Шибряй, Уваровский р., 2006; с. Алкуж. Борки, Моршанский р., 2007); ***испо'рченная*** (с. Городище, Бондарский р., 2007; с. Шмаровка, Мордовский р., 2005); ***подколдо'ванная*** (с. Троицко-Ивановское, Староюрьевский р., 2006); ***подде'ланная*** (с. Троицко-Ивановское, Староюрьевский р., 2006). В тамбовских говорах ***подде'лать*** ‘нанести вред магическим путём’; ***подде'лка*** ‘порча’; ***делать порчу*** и т.д. (подробнее *концепт делать* в магических практиках см.: [Христофорова 2010: 184-189]).

Поскольку истерия считалась одним из самых опасных видов порчи, которую зачастую не удавалось вылечить, а только заглушить внешние проявления, избавление осуществлялось «особой» категорией людей и непременно с помощью церковной атрибутики: *священник*; реже *«сильная» знахарка*; *старец* или *«моленные» женщины*, которые: *читали молитвы* (повсеместно); *били по спине четками* (с. Иноковка, Кирсановский р., 2009); *водили крестом* (с. Черняевка, Мордовский р., 2005); *окропляли святой водой* (с. Кужное, Мордовский р., 2005); *клали на голову больному священную книгу* (с. Кривополянье, Бондарский р., 2007; с. Мезинец, Староюрьевский р., 2006); *крестили спину* (с. Троцко-Ивановское, Староюрьевский р., 2006). Лечение чаще всего происходило в церкви, в монастырях, у святых источников. Священники причащали и соборовали больных, заставляли целовать крест и иконы, подходить к святому источнику. Действия священника называли

отчи'ткой (с. Рысли, Моршанский р., 2007), повсеместно и независимо от субъекта лечения избавление одержимых от страданий характеризовалось глаголом ***отчи'тывать***. Как отмечает Мельникова Е.А., процедура «исцеления» представляла собой набор множества вариантов [Мельникова 2006: 240], однако многие из них строились по типу фольклорно-книжного повествования об изгнании бесов из человека Иисусом Христом или святыми: «*Ну а ещё я читала, эти вот самыи-нячистыи духи', вот про них и в Явангелии пишуть, и у Библии, щас вить эт открыто всё. Раньше нельзя было. Вот, как нечистыя духи' вошли в царёву дочь, а они, царь-т вить был всемогущий, ну, не врачи не могли выльчить ее. Ну тады хтой-т сказал: "Тольк", – гварть, – "яво вы'гня Лазарь и Три'хон, вот Три'хон Святой". Он идей-т там гусей стярёг, вот. И они поехали яво искать. Нашли яво, этого Трихона. Ну а он бедный человек, у яво нет ни дома, ничаво, ходил просто по белому свету, Трихон этот. Но он всягда молился Богу, и яму, знать, Бог такую силу дал. Вот, тады он что жа, кагда яво привязли к царю, и он до'черь стал отчитвать, он им сказал: "Три дня говеть, не йисть мясо, не йисть молока, яиц всяму двару", – вот, – "и потом мы будим отчитвать ее". Ну, вот они три дня не скоромились, и он нача'л их отчитвать. Стал отчитвать и выгнул яво, выгнул. Он, из ней вы'шал дымом, ды'мом вышал, да, она всё, стала хорошо себе чувствавать. Потом они гварять: "Ты нам яво покажи, какой он есть". А они, ну тады крестиа'нской веры не было, они, цари-т, не веровали тады в Бога-то, он гварить: "Так, нечистай дух, я табе приказваю, явись им в образе пса". И он им явился в образе пса, вот, глаза у няво горели как огни и говорил человечьим голосом. Он гварить: "Расскажи им, почаму ты к ним пришёл". Он гврить: "Нам", – гварть, – "дана такая власть, мы", – гварить, – "нас посылають, идее", – гварить, – "не молются Богу, иде руга'ютсють матом". Вить вот ни в одной книжке матом-т не пишуть, а ругаютсють есть страшно как. И женщины, и мужчины ругаютсють. "Ругатсють матом, Богу не молютсють, нам там дорога открыта, мы там чаво хошь, то и делаим, вот мы и зашли в царскую дочь, зашли". Вот!*» (с. Кужное, Мордовский р., 2005); «*… йих много, как там написано: йих гилио'н* [легион]. *Как один в эту, Исус Христос выгонял всех йих, нячистых-т вот. Он исцалял и всё делал, и вот в одном был: "Сколько вас?" – гварть. "Нас многа, гелио'н".* […]. *Ну он, нячистый, он знаить Исуса Христа, он всё знаить: "Я знаю, хто ты есть, ты Исус Христос, ты нас, вроде, гварть, ня трожь, повяли нам…". Вот паслось там свине'й стадо. "Повяли нам в стаду выйти и какого-то"* […]. *И вот он раз-*

ряшил яму. Он, они вышли из этого человека, они йим тах-т вота всё руководили, вышли и вот в этих в свиней. А свиней, свиньи паслися около озера, и они с этой крути'зны бросилися все в мо'ря и все пото'пли. […]. *Ивсе погибли. А человек эт стал здаровай. Вот, а то они этим ворочили всё. Потому что мы Господа Бога-т мало призываем-то, а у нас какие-нить зло, злыя дяла. А хороших нету*» (с. Солчино, Пичаевский р., 2008). Избавить страждущего от порчи мог не каждый священник или знахарь, но наиболее «сильные» из них вступали с сидящим внутри человека нечистым духом в диалог и вынуждали его покинуть одержимого: «*Вот эт самое колдовство, вот они это, колдуют, и этого, сажають туда дьявала, лука'ва, вот он там и воюить. Вот он только что от молитвы и от поста можить оттуда вы'йдить*. […]. *Вот из Мизинца тётка Надя, эт, читала молитвы, какие знаить, и вот крестила ей* [“порченной”] *так вот спину. И вот она спярва шумела, шумела, упала, и начала кувыря'ться через сибе прям – из ней выходил, выходил.* [Она кувыркалась?] […]. *А тётка Надя шумить: “Выходи! Выходи! Выходи! Иди вон, в да… в дальний путь иди, иди отсе'да!” Вот тах-то! И вот он вышал из няё...*» (с. Троицко-Ивановское, Староюрьевский р., 2006); «*Выходить, а тут и выходить, он, батюшка, шумить: “Кудыʔ”. “Уходи, выходи, злой дух! Выходи!” – “Куды выходить?”. В людей войдуть, он тут шумить на всех на женщин, какия глядим-та, он шумить: “Ксития рты! Кстится уши сабе!”. На нас хоть вот, мы глядим-т если, а то в уши влезеть, или в рот, да, зайдёть, вот тут уж все кстять сабе, и рот, и уши кстять сабе, а какия стоять, глядять-то, отчитвають иё. “Куды выходить?” – “Выходи, выходи, в тайгу, в тайгу!”. То в тайгу уйдёть тады нечситый дух, из няё выйдить…*» (с. Кривополянье, Бондарский р., 2007).

В дореволюционной литературе, посвященной вопросам кликушества, описаны различные обрядовые действия, расширяющие спектр церковного воздействия на одержимость (см., например, [Краинский 1900]). В тамбовской традиции сохранились отдельные обрядовые действия, связанные с облегчением страданий женщин, больных истерией. В Староюрьевском районе больным клали на грудь замок, выполняющий в народной культуре символическую функцию «запирания», завершения [СРНГ 1966, 2: 263-266], чтобы прекратить речевую деятельность «иной» сущности: «*… эт гварть, порчь какая-т там у них, да.* […] *И вот она* [односельчанка] *ехала, когда на лошади, у ней лошадь мгновенно распряглася, да, распряглася и она, привязли иё домой, она распряглася. И потом она там упала, упала, и иё привязли*

домой, суда, не домой, а к тётке, привязли. Положили иё на пол. И вот я, бывал, заходила, я заходила, когда она ляжала на полу. Вот она ляжить вот так мёртвыя, руки у ней нарастяжку, и говорить, говорить, хто там ей сделал: вот, значить, она, женщина встретилась, старушка, лошадь распряглась, значить, она ей сделала, её Маша звали, сделала ею. Вот, и она, значить, ляжала, разговарьвала, замок ей положуть на грудь – она разговарьвать перстаёть, замок сымають – она опять начинаить говорить, да» (с. Мезинец, Староюрьевский р., 2006). В Моршанском районе во время припадка на порченных надевали хомут, наделенный культурной семантикой обуздания нечистой силы: «[При каких обстоятельствах на шею больному вешают хомут?] *Ну, эта проста ат таво што дела была не в балезни, Дина, а ф том, што верили в нечистую силу и хто-та нямножка портил этава челавека, вот и щёб избавица ат этава акая'ннава, адявали хамут. Вот он хамут ни видить, он убе'х с этай тётки. Вот эт для чаво адявали, мг. Эта проста акаяннава изганяли хамутом.* [Как в человека попадает этот “окаянный”?] *Да как он пападал, Дина, очинь проста он пападал: адин пападал па слабости, вот, а другой пападал, вот ты на мине чем-нть ни давольна, вот, ну и вазьмёшь и знаить, праче… были такии нехарошии малитвы. Вот и вазьмёшь мне иё и прачитаишь, я там иде-нть сижу, чё-т я делаю. А ты сзади мине сидишь и прачитала яво, и эта порчь на мине тада и лезить. А тётка-т, ана ушла, да и фсё. А я начинаю с ума схадить иль чё-нибуть шуметь нядобрае, вот. Вот тада уш эт хамут и приходица адявать*. [Почему “окаянный” боится хомута?] *Ну патаму што лошать гряха не имеить, а эта лашадинай абря'т* [то есть убранство], *видишь. Лошать – эта тружениица вечныя, ат сваво раждения и да умёршия, вот, и ана гряха не имеить. Вот эт хамутом паэтаму и лячили*. [Может ли этот человек сопротивляться?] *Ну а то ни можить што ля? И ругаица, и брыка… и там руками махаить. Фсё эта бываить. Нектрых связывають. Ага, ну уш энтава тада хамут ни… ни паможить, яво вязуть тада к батюшки атчитывать. Свяжуть яво па рукам и нагам, и вязуть к батюшки атчитывать…*» (с. Пеньки, Моршанский р., 2007).

Демоническая природа «иной» сущности внутри одержимого проявлялась и в момент выхода из тела человека. Ипостась выходящего нечистого духа приобретала в глазах свидетелей обряда изгнания инфернальные черты и проявлялась как: 1) *физиологические нечистоты* (понос, рвота): «*… и как выгоняла она мине, так вот нагнула: “Выходи, нячистый дух! Выходи нячистый дух! Ты не суды зашёл! Ты зачем суды зашёл! Выходи! Выходи! Выходи, нячистый дух!” – по спине долбить, долбить, долбить, и гварить ею* [спутнице респондента]: *“По-*

вядёшь ты иё, он х… хто знаить, чем будить выходить, то ли ртом, то ль поносом", – она гварить, – "а ты повядёшь иё, захочить она если на двор, прям куды-нибуть иё к стороночке, чтоб она обязательно сходила". Идём, идём с ней по порядку, а как, как речкя, кусты, ой, я гварю: "Наташа! Всё!". Она мне это, кусты, я поносом. И, и прямо и поносом сходила, иду – мне лёгко! Да, эт я… эт моя душа, прям помню всё хорошо. […]. [Это вышел нечистый дух?] *Да. Да, да, да. А есть рто… ртом, то рвать начнёт, она и гварить: "Ртом будить рвать, а если, то поносом"*» (с. Пахотный Угол, Бондарский р., 2007); 2) *гады* (лягушка): «[Известны ли Вам случаи, когда женщины падают в церкви во время молитвы?] *А, это в них черти. Вот она, когда, когда молится, а в ней там дураки* [черти] *завелися, вот они и начнуть. Она молится, а им вредно. Вот, а когда эт это, вот такой если монах, такой чёткай бьёть по ней, эт када заведётся там у ней. Вот, и вот он это, он чёткай бьёть, она гварить – как рыгаить, они как лягушки* [неразб], *как лягушки из неё вылятають. Вот эт значить дураки завялися в нём, в ней. Он йих выбува'ить чёткай: "Выйтя, выйтя из нею, дураки, выйтя из нею!" Он чёткай-то*» (с. Иноковка-2, Кирсановский р., 2009); 3) *дым*: «*Я вот слышала, отчитвали эти вот самыи порчьто, отчитвали, а, а он гварить, хто отчитвая: "Выходи!". А он: "А чем выходить? Лягушкой?". А она гварть: "Нет, лягушкой, ты ж её подавишь". Она, без сознания падаить человек, у каво порчь-то. Гварть: "Дымом". И нача'ли отчитвать – и пошёл дым у ней и'зо рта. Вот у нячистого духа знаишь сила какая? Он чем хошь сделаится…*» (с. Кужное, Мордовский р., 2005); 4) *зловоние*: «*…эту женщину, отчитвал, лячил батюшка, поп, батюшка лячил.* […]. *И вот она поехала в церковь, и батюшка тама, вобщим, как он начинаить там чё читать, он иё, значит, он иё взялси, он иё лячить* […]. *И вот, гварть: "Как начнет он читать вот эт вот, Господи, и чё ток", – гварть, – "со мной не было, вот", – гварть, – "вот такое", – гварть, – "зловоние из миня исходило, страшное, страшное"*. […] *Да, значить, кто-то что-то ей сделал*» (г. Уварово, Уваровский р., 2006); 5) нечто, что респондент называет «*бредом*»: «[Какое существо выходит из «испорченного» человека?] *Ну просто порчь, вот они испортили, я тибе гварила, выхадила кошка-та* […], *ну вот выходить из ма'лава* [парня]. *Ну выхадила. Да. Она не из няво выходить. А просто вот, бред, на… начитали – вот из няво вот, выходить*» (с. Измайловка, Знаменский р., 2005).

Окружающие часто становились свидетелями истерических припадков, которые вызывали в обществе страх и удивление независимо от того, происходило ли это в общественном месте (церковь, места поклонения святыням) или дома при минимальном количестве очевид-

цев: «[Респондент описывает, как она стала свидетелем припадка на источнике близ с. Вердеревщина Бондарского р.] *Как она заорала изо всех сил, глаза бе'шныи сделались прямо, и вот она как мимо этого колодца* [святого источника]. *А тут нали'та вода, наливают эт вода-т, нали'та, и она в эту болоту – как начало иё бить, пена изо рта. Всё, какой был страх! Я напугалась, все визк подня'ли, разбе'глись все* […]. *И он* [священник] *сказал: "С ней порчь! Привозитя иё в церковь!"*» (с. Керша, Рассказовский р., 2008). Сельское общество жалело больных истерией, поскольку порча как вредоносное воздействие колдунов, действующих с помощью нечистой силы, и ее последствия для здоровья и жизни в социуме в традиционной культуре часто считались непоправимыми. В контексте народных воззрений на причины не только нервной истерии, но и других болезней, этиологически связанных с колдовством, физические страдания и душевную боль испытывали и люди, подвергшиеся порче, и их близкие родственники, вынужденные наблюдать мучения больных, постоянные попытки вылечиться и поиски «сильного» знахаря.

Многоплановость кликушества, вплетенного в ткань народной жизни в ее повседневном и мифо-ритуальном проявлении, обусловило востребованность этого явления в традиционной культуре, а значит, возможность фиксации в современных записях. Несмотря на то, что хорошая сохранность представлений о кликушестве характерна для северных территорий [Христофорова 2016: 8], необходимость изучения этой темы актуальна и для южнорусских областей.

Литература

Лоскутова Д.Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2010. 338 с.

Лоскутова Д.Н. «Сия хожу, сия лечу вместе с Матушкой Пресвятой Богородицей…»: этнолингвистический образ знахаря по данным тамбовской региональной традиции // Традиционная народная культура Тамбовского края: сборник статей молодых исследователей: в 2 т. Т. 1. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 20-44.

Мельникова Е. Отчитывание бесноватых: практики и дискурсы // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 220-263.

М.К. Опасно вѣрить по крикушамъ и ворожеямъ // Прибавленіе къ тамбовскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ. 1861. 29 октября. № 18. С. 426-430.

Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни д-ра мед. Н.В. Краинскаго. Новгородъ, 1900. 243 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т.2. М.: Междунар. отношения, 1999. 697 с.

Словарь русских народных говоров: вып. 2. М.-Л., 1966; вып. 15. Л., 1979; вып. 28. СПб, 1994.

Христофорова О.Б. Одержимость в русской деревне. М.: Неолит, 2016, 392 с.

Loskutova D.N. To the question of obsession and nervous hysteria in national representations of the Tambov Region residents.

The article focuses on the phenomemon of a hysterics and studies it, using the ethnolinguistic material that was collected in Tambov region.

Key words: obsession, hysteria, hysterics, evil eye, sin, speech activity, national demonology, traditional culture.

УДК 93/94

Г.С. Махрачев

РАЗВИТИЕ ТКАЦКОГО ПРОМЫСЛА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье анализируется успешность восстановления ткацкого промысла в Тамбовской губернии в период нэпа. Рассматриваются результаты кооперирования кустарок. Приводятся данные об ассортименте и качестве изготавливавшейся продукции.

Ключевые слова: нэп, кустарные промыслы, ткачество, Тамбовская губерния.

В начале третьего десятилетия XX в. российская экономика находилась в глубочайшем упадке. Негативно сказывались результаты Первой мировой войны, а именно – чрезмерная милитаризация промышленности и отрыв крестьян от своих хозяйств, политическая нестабильность 1917-го г., а также продразверстка, жесткая национализация промышленности, свертывание товарно-денежных отношений, проводившиеся большевиками в условиях гражданской войны. Для выхода из наступившего кризиса 14 марта 1921 года на X съезде РКП(б) было принято решение о переходе от военного коммунизма к новой экономической политике, в рамках которой произошла замена продразверстки продналогом, возрождение рыночных отношений, стабилизация национальной валюты. Особое внимание было уделено возрождению кустарной промышленности, которая способствовала удовлетворению большинства крестьянских потребностей.

Многие крестьяне в годы нэпа активно промышляли ткачеством. Выступая 30 марта 1924 г. на собрании членов общества краеведения

завгубстатбюро В.Я. Ноаров даже заметил, что большинство кустарных промыслов пришло в упадок, однако, некоторые, в том числе текстильный, могли быть в скором времени полностью восстановлены [К. 1924. 1 апреля: 4]. С одной стороны, развитию промысла способствовала легкодоступность сырья (шерсть, лён, конопля), имевшаяся в достатке в крестьянских хозяйствах, а с другой – дороговизна фабричных изделий. Перед тем, как перейти к основной части статьи необходимо заметить, что автор уже рассматривал особенности ткацкого дела в Тамбовской губернии в дореволюционный период [Махрачев 2018: 88-94]. Полученные выводы могут быть использованы для выявления успешности возрождения промысла.

Во второй половине XIX – начале XX вв. ткацкий промысел был широко распространен в Тамбовской губернии. Особо отмечалось мастерство ткачих Усманского уезда [Махрачев 2018: 92]. В период нэпа восстановление кустарной промышленности должно было происходить в соответствии с ленинским кооперативным планом. Так, согласно статистическим данным, опубликованным в газете «Тамбовская правда», в 1922 г. артели ткачих существовали в Лебедянском, Усманском и Моршанском укустпромсоюзах [Кустарные… 1922. 22 сентября: 2]. В первом числились две ткацко-вязальные артели, объединившие 175 человек, во втором – одна прядильно-ткацкая артель, объединившая 60 человек, а в третьем – одна кулебойная артель, в состав которой входили 15 человек (часть крестьянок ткали рогожу, остальные шили кули). Однако сильные территориально-административные изменения губернии в 1923–1924 гг., в частности, присоединение Усманского уезда к Воронежской губернии и объединение Липецкого и Лебедянского уезда, а также частые перегибы советской власти тормозили процесс кооперирования. В номере от 5-го апреля 1927 г. в «Тамбовской правде» была опубликована статья «Наша кустарная промышленность», в которой признавалось, что за исключением Рассказовского товарищества кустарей-вязальщиков не удалось создать сильных кустарно-промысловых кооперативов [А. 1927. 5 апреля: 2].

Таким образом, в годы нэпа ткачеством промышляли в большей степени некооперированные кустарки. О некоторых успехах в восстановлении промысла можно судить по статьям «Тамбовской правды». Так, при описании экспонатов уездных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых выставок 1923 г. особо были отмечены холсты и шерстяные ткани нижнеспасских ткачих, представленные в Тамбове [Крестьянка... 1923. 24 июня: 2.], а также сукна, холсты и ткани Моршанской выставки [Выставка... 1923. 28 июля: 2.]. Несколько статей были посвящены возрождению ткачества в Липецком уезде. Был за-

фиксирован рост площади посевов льна – более чем в 5 раз, конопли – более чем в 1,5 раза с 1921 по 1923 г., что облегчало ткачихам приобретение сырья [Рудин 1924. 3 января: 7.]. Поддержка промыслу оказывалась со стороны усельсксоюза, который не только занимался объединением кустарей в артели, но и способствовал поднятию профессионального уровня мастеров. Например, в 1923 г. были оборудованы несколько станков системы «Самолет». В качестве учителей планировалось привлечь местных ткачих, владевших такой техникой [Б. 1923. 27 ноября: 3]. Также приводились сведения о том, что холст и сукно из Ленинской и Сошинской волостей считались «солидными конкурентами ситца и фабричного полусукна» [Рудин 1924. 8 апреля: 3]. Отмечалось, что к 1927 г. моршанские изделия находили сбыт за пределами уезда и даже губернии [Северный 1927. 19 октября: 3]. Интересным образом отразилось развитие этого промысла в репортаже с козловской ярмарки [Бахарев 1927. 6 октября: 3]. Выставленные на ярмарке прялки были целиком реализованы в первый же день. В интервью одна из крестьянок сказала, что прядение было тесно связано с ткачеством и что необходимость в этих промыслах вызвана дороговизной и не качественностью представленной на рынках продукции.

Несмотря на большое количество источников, содержащих информацию об успешном восстановлении ткацкого промысла в годы нэпа, нельзя говорить о достижении дореволюционного уровня развития. На это указывают в частности количественные показатели распространения кустарных промыслов в 1925 г., опубликованные в «Бюллетене Тамбовского губернского статистического бюро» [Бюллетень… 1926: 16-17]. Здесь же приводятся некоторые сведения об экономических особенностях промысла. Работали ткачихи в среднем по 6-9 часов в сутки 19 недель в году. Доход мастериц за рабочий сезон был небольшой – около 6 руб. [Бюллетень… 1926: 5]. Ассортимент изготовляемой продукции включал холст, вотолу (грубая пеньковая или льняная ткань), торпище (грубая ткань из оческов льна или пеньки, используемая для сушки зерна и других сельскохозяйственных нужд), попону, рогожу [Бюллетень… 1926: 30-31].

Таким образом, в годы нэпа происходило активное возрождения кустарных промыслов. Восстановлению ткачества способствовало легкодоступность сырья и дороговизна фабричных изделий. Некоторые кустари могли конкурировать с крупной промышленностью по качеству изготовляемой продукции, которая находила сбыт не только в других уездах, но и за пределами губернии. Однако к началу индустриализации не удалось достичь дореволюционного уровня развития этого промысла.

Литература

А.С. Наша кустарная промышленность // Тамбовская правда. 1927. 5 апреля.

Б.Д. Кустарное ткачество возрождается // Тамбовская правда. 1923. 27 ноября.

Бахарев А. На ярмарке. (От нашего корреспондента в г. Козлове) // Тамбовская правда. 1927. 6 октября.

Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро № 8. 1 июля 1926 года. Тамбов, 1926.

Выставка в Моршанске // Тамбовская правда. 1923. 28 июля.

Крестьянка на уездной сел.-хоз. выставке // Тамбовская правда. 1923. 24 июня.

К.М. Крестьянские промысла // Тамбовская правда. 1924. 1 апреля.

Кустарные артели в Тамбовской губернии // Тамбовская правда. 1922. 22 сентября.

Махрачев Г.С. Развитие ткацкого промысла в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Державинский форум. 2018. № 6.

Рудин Н. Кустарные производства Липецкого уезда // Тамбовская правда. 1924. 3 января.

Рудин Н. Кустарные промыслы восстанавливаются // Тамбовская правда. 1924. 8 апреля.

Северный. Кустарным промыслам нужна поддержка (Моршанск) // Тамбовская правда. 1927. 19 октября.

Makhrachev G.S. Development of weaving in the Tambov province during the period of the new economic policy

The article describes the recovery of weaving and its success in the Tambov province during the period of the New Economic Policy. The researcher focuses on hand weaving, the cooperation of those who did it and on the results of this cooperation. In addition, the article gives the information about the range and quality of the manufactured products.

Key words: New Economic Policy, domestic industries, weaving, Tambov province

УДК 81

С.А. Буцких

НАЗВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ И ПРОЦЕССОВ, СВЯЗАННЫХ С ПОДГОТОВКОЙ И ПРОИЗВОДСТВОМ ПОЛОТНА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена названию действий и процессов, связанных с подготовкой и производством полотна. Автор на полевом материале, собранном на территории Тамбовской области, выделяет четыре основных этапа этой трудовой деятельности: обработка расти-

тельного материала; обработка животного материала и прядение; процесс тканья; обработка полотна после изготовления.

Ключевые слова: подготовка и производство полотна, говоры Тамбовской области.

Трудовая деятельность крестьянина состояла из разнообразных процессов, которые было принято разделять на две большие сферы: земледельческую и внеземледельческую. Каждая из сфер подразделялась на отдельные группы, выделение которых было обосновано признаком, положенным в основу определенной классификации. Так, одной из классификаций, применяющихся для дифференциации процессов в обеих сферах, является разделение трудовой деятельности по гендерному признаку, того, кем должна была выполняться данная работа. В результате данной классификации выделялись группы «мужских» и «женских» работ.

Среди «женских» работ особое место занимали производственные процессы, связанные с прядением, изготовлением полотна и одежды. Тесная связь промысла с бытом, многочисленность его этапов, которые осуществлялись в течение всего календарного года, способствовали мифологизации самих процессов и инструментария, использовавшегося в них. Наглядным примером является представление крестьян о первотворении мира, который, по их мнению, именно «сновался» Богом.

В лингвоэтнографических исследованиях, посвященных изучению особенностей технологии подготовки и производства полотна, рассматривались различные аспекты (лексический, семантический, этимологический и др.). В центре внимания ученых оказались орловские, рязанские, костромские, северные и полесские говоры [Алешина 2001, Кабакова 2001, Павлова 1990, Чумакова 1995].

Несмотря на тот факт, что в рассмотрении данной темы уже были осуществлены отдельные шаги, ее нельзя считать закрытой для исследования. Следует отметить, что на основе тамбовских говоров данная тема ранее не рассматривалась.

В процессе подготовки и производства полотна можно выделить несколько этапов, которые дробились на отдельные стадии выполнения работы:

1) обработка растительного материала (на территории Тамбовской области для изготовления полотна выращивалась конопля);

2) обработка животного материала и прядение (включение данного этапа в перечень обусловлено тем фактом, что нередко изготавливалось комбинированное полотно, в котором использовались и конопляные, и шерстяные нити);

3) процесс тканья;

4) обработка полотна после изготовления.

Отдельный этап был представлен определенным пластом лексики, но при этом довольно частотным являлся факт употребления слова в нескольких группах, и приобретения им новых оттенков значения. Каждый пласт характеризуется приблизительно равным количеством использования глаголов, обозначающих действия, процессы в производстве, и имен существительных, которые применялись для номинации животного и растительного материала, деталей пряхи, ткацкого стана, различных приспособлений и др. Наиболее разнообразной, семантически наполненной по отношению к другой, оказывается именно глагольная составляющая, а имена существительные, в свою очередь, оказываются второстепенными образованиями, базирующимися на глагольных формах.

Рассмотрим наиболее подробно названия действий и процессов, относящихся к технологии изготовления полотна, основываясь на делении, приведенном выше.

К первой группе относится ряд действий, направленных на обработку растительного сырья: *дергать, мочить, сушить, молотить, мять, трепать, чесать*и др. Данный перечень – это непосредственная последовательность действий, выполнявшихся при подготовке конопли к процессу тканья, которая на отдельных территориях претерпевала изменения: некоторые из этапов могли опускаться. Например, мог быть полностью опущен или объединен с другим под общим названием процесс *«трепать».*

Для глаголов, представляющих каждый пласт лексики, оказывается характерным широкое распространение семантической синонимии. Так, на территории Тамбовской области наряду с общеизвестным «*чесать*», употреблявшемся в значении расчесывать волокно, избавляться от неровностей, использовалось *«мыкать»,* которое обладает практически идентичным значением, с той разницей, что второй вариант применялся чаще при характеристике обработки льна, а не конопли. То есть, данные глаголы (*«чесать»* и *«мыкать»*), в сознании жителей оказывались взаимозаменяемы, а, следовательно – синонимичны.

Во вторую группу выделены глаголы, характеризующие действия, направленные на обработку животного сырья (в частности шерсти), и сам процесс прядения. К ним относятся: *стричь, мыть, драть, чесать, прясть, ссучивать* и др. Для данного этапа оказывается типичным существование большого количества синонимичных форм глаголов, представленных как общеупотребительными, так и диалект-

ными словами. Так, например, *«плести»* в тамбовских говорах употребляется в значении *«прясть»*, то есть «крутить нить из волокон», а также в синонимический ряд данного слова оказывается включенным слово *«карпбть»*, употребляющееся также на территории области для обозначения данного действия (прядения): «*Карпбю* сижу, пряду значит. У меня и донце есть. Пряли сами, вязали. Гребень на ём чесали, на мыках, значит из мочѐнца пряли». (Пичаевский р-н, Тамбовская обл., зап. 1995 г.).

Большим синонимическим рядом представлен и глагол со значением «*ссучивать»* – «свивать две или более нити (пряди) в одну». На территории Тамбовской области для обозначения данного процесса употребляются также: 1) «*скручивать»* – семантика глагола напрямую зависит от выполняемого действия, ведь женщинам приходилось именно скручивать несколько нитей между собой («сдаваивать)*;* 2) *«стростѝть»*, имеющее иной оттенок значения: «скручивая, соединять нити разных цветов и разного качества».

Третья группа представлена глагольными образованиями, использующимися при описании процесса тканья (ткачества): *прицеплять, вдевать, сновать, прибивать, ткать* и др. Названия данных подэтапов характеризуются наименьшей устойчивостью по отношению друг к другу, а также многообразием форм выражения. Довольно часто, в зависимости от территории использования, употребляются разные виды (совершенный / несовершенный) одного и того же глагола, что способствует приобретению им дополнительного оттенка значения (законченности, непрерывности действия и др.). Например, в Тамбовской области при описании процесса работы на ткацком стане помимо общеупотребительного *«ткать»* (несов. в.) использовали термин *«выкладывать»* (несов.в.), в значении «ткать, а также продвигать ткань на ткацком стане»: [ДЕфки сабяруца в избѐ. Хто за стан – выкладывал холст – паснарóви будить] (с. Вирятино, Сосновский р-н, Колесникова Екатерина Александровна, 1896 г.р., м., зап. 1971 г.). А глагольная форма *«перетыкать»* (сов.в.) в тамбовских говорах наделяется несколько иным значением: ‘ткать на полотне полоски, узор утком другого цвета или другой фактуры’.

Четвертый этап, а следовательно и четвертая группа лексики, относящаяся к нему, имеет дополнительное значение, т.к. сюда оказываются включены названия действий и процессов, которые были направлены на преобразование полотна до той стадии, в котором станет возможным его использование в бытовых, хозяйственных целях: *мочить, сушить, перестилать, отбеливать, красить* и др. В данной группе синонимы имеют глаголы, связанные с изменением цвета, оттенка по-

лотна: наряду с *«отбеливать»* жителями области использовался *«бучить»*. Употребление последнего становится вполне обоснованным, учитывая значение данного глагола, приведенное в Словаре русских народных говоров: «Бучить. Стирать белье» [Словарь русских народных говоров 1968, 3], то есть делать холст чистым, белым; а *«красить»* оказывается семантически идентичен с глаголом *«синить»*.

Таким образом, можно говорить о выделении в процессе подготовки и производства полотна четырех основных этапов, каждый из которых характеризуется некой последовательностью выполняемых действий, а также определенным пластом лексики, использующимся для их обозначения. Большое количество данных номинаций имеют синонимические ряды, представленные как на лексико-семантическом, так и на морфологическом уровнях (изменение вида глагола).

Литература

Алешина Л.А. Лексика коноплеводства в орловских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 253 с.

Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016.

Восточнославянский этнографический сборник: Очерки нар. материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. / [Отв. ред. д-р ист. наук С.А. Токарев]. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. 805 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репр. воспроизв. изд. 1912–1914. М.: Цитадель, 1998.

Павлова М.Р. Полесская терминология ткачества на общеславянском фоне: дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 284 с.

Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин. Вып. 3. Л., 1968. 360 с.; ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 19. Л., 1983. 359 с.; ред. О.Д. Кузнецова. Вып. 26. Л., 1991. 350 с.; Вып. 37. СПб., 2003. 344 с.; ред. С.А. Мызников. Вып. 42. СПб., 2008. 330 с.

Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / Пискунова С.В., Махрачева Т.В., Губарева В.В. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.

Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань, 1995.

Butskikh S.A. The names of the actions and processes connected with preparation and production of the cloth (on the material of the Tambov region dialects)

The article is dedicated to the names of actions and processes that are connected with preparation and production of a cloth. The author names four main stages of this work, using the material collected in Tambov region: processing of plant

material; processing of animal material and spinning; the process of weaving; the final processing of the cloth.

Key words: preparation and production of a cloth, dialects of the Tambov region.

УДК 811

Т.В. Махрачева, К.С. Беляева

ОБРАЗ ОСИНЫ: ЛЕКСИКА, СИМВОЛИКА, СЕМАНТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРОВ)[1]

В статье предпринимается попытка описать и проанализировать образ осины, который получает закрепление в разных фольклорных жанрах, а также нарративах, бытующих преимущественно на территории южнорусской диалектной зоны.

Ключевые слова: образ осины, южнорусская диалектная зона

В центре современных исследований всё чаще оказываются традиционные номинации растений, их синонимические и омонимические ряды, закрепленные за конкретными территориями, а также «портреты», образы отдельных пород деревьев, которые сформированы в народном сознании и репродуцированы в разных фольклорных жанрах [Укажем лишь несколько последних работ: Агапкина 2017: 259-274; Березкин 2017: 27-39; Летова 2012; Логинов 2004 и др.]. Предметом нашего исследования стали диалектные варианты номинации *осина*, получившие распространение на территории южнорусской диалектной зоны, а также символика и семантика дерева и его включенность в ритуальную и бытовую сферу локальной традиции. В статье использован корпус текстов, собранных на территории Тамбовской, Воронежской, Орловской и Липецкой областей и хранящихся в информационно-поисковой системе «Традиционная народная культура южнорусской диалектной зоны», а также данные областных словарей и Лексического атласа русских народных говоров (далее ЛАРНГ).

Осина (Populus tremula) – неплодовое, дикорастущее дерево, вышиной в 20-25 м., с прямыми, гладкими, серыми стволами и клейкими почками. Листья почти круглые, по краям с неровными, крупными

[1] Авторы статьи выражают глубокую признательность Лоскутовой Дине Николаевне, к.филол.н., заведующей отделением, преподавателю ТОГАПОУ «Многопрофильный колледж им. И.Т. Карасева» за помощь в подготовке статьи, устные консультации и предоставленные полевые материалы из авторского архива.

рубцами, сверху темно-зеленые, снизу серо-зелёные; черешки длинные, сжатые с боков, вследствие чего его листья колеблются при малейшем ветре. Распространена в лесах почти по всей России. Цветёт рано весной. Осина имеет обширное применение в экипажном деле (дуги, оглобли, полозья и т.п.), в бочарном производстве (бочки, кадки и т.п.) и как строительный материал, её белая мягкая древесина употребляется также на разные токарные и столярные изделия; кора служит для добывания дёгтя и для дубления. Цветы осины, как и других тополей, доставляют пчёлам пыльцу, а почки – пчелиный клей. Осина даёт обильную поросль от корней после того, как дерево срублено; этим свойством пользуются для её размножения корни толщеною около 2 см. Их разрезают на куски длиною до 50 см. каждый и сажают в землю [Ботанический атлас 1906: 570-572].

Доминирующим в русских народных говорах, по данным ЛАРНГ, оказывается литературное название дерева – *осина*, наряду с которым на интересующей нас территории распространение получают лексемы с корнями *тря-/трус-* (*трясучка, трясуха, трясúна*), *дрож-* (*дрожнúца, дрожéница, дрожúна*), *трепет-* (*трепетуха*)[1], *лист-* (*белолúстка*), а также описательные конструкции: *иудово дерево* и *гóрькая осúна* [Флягина 2017, 1: 257-259]. Внутренняя форма корней прозрачна и не требует дополнительного исследования. Любопытна мотивация, на основе которой образуется инвариантный ряд лексем, объясняющая природу «дрожания».

Осина в народных представлениях восточных и отчасти западных славян считается «нечистое» и проклятое дерево [Агапкина 2004, 3: 570]. Устойчивое негативное отношение к данной породе дерева формируется, с одной стороны, под влиянием осмысления крестьянами православной традиции, в частности воспоминаний о Евангельских событиях, а с другой стороны, в силу ее природных особенностей – быстро гниющее дерево[2]. Наиболее подробно, обстоятельно о «вине» дерева повествуют легенды и этиологические предания, в которых *осина*, наряду с Иудой, выступает в качестве одного из действующих

[1] Следует заметить, что южнорусский и шире – общерусский материал – органично вписывается в общеславянский фонд, который представлен двумя группами названий *осины*: у восточных славян у рус. *осина*, укр. *осика*, *оса*, у западных – поль. *осини*, укр-карпат. *трепета*, у южных – ю-слав. типа с.-х. *трепетуша*, болг. *трепетлика* [Агапкина 2004, 3: 570].

[2] «Асина ни на стройку ни идёть, ни на топку, плахая типлааддачя, γорькая асина – чёртава дерива» (с. Горелка Воронежская обл. [Смирнова 2016: 355]).

«персонажей», участвующих в предательстве Христа[1]: «[Как в старину лечили ‘сучье вымя’?] Ну, это, Дин, это ведь опять сам-то, сам-то не будешь, эт хтой-то, хтой-то посоветуя, иль врач, иль бабка какая знахарка. Ну, я не знаю. [Считается ли, что может помочь осиновая ветка?] Ну, осина, она вообще… как табе сказать… нехорошая деревота… Наташ, эта… Дин, она ведь нехорошая дерева. Можа, дажа и прикладывали, но я не знаю. [Почему осина считается ‘нехорошим деревом’?] На ней же ведь задушилси, на осине. Вот подойди к осине. Вот тополь стоит рядом и осина. Тополь, лист, шавялится так, тихонячко шавялится, а осина вся вот такая вот: листья-то у ней дрожать. Жид на ней задушился, на осине. [Какой жид?] Вот Июда. [Иуда – это жид?] Да, жид. Вот он задушился на осине, поэтому она такая трясучия. [Считается ли, что жид обречен вечно ходить по земле?] Да ну, ходить-то он не ходя… Просто, как сказать, яво поминають так плохо ведь, ведь он брат Иисуса Христа. Иисус Христос вон какия дяла добрыя вон делал, а он вон тока и… делал, шо вот зла сделать, сделать людям». (с. Мезинец, Староюрьевский р-н, Тамбовская обл., зап. Раковской Н.Г., Лоскутовой Д.Н. 2006 г.); «*Иудина дерива* – асина, па приданию Иуда павесился, и дажы в тихую паүоду листья трипещют» (с. Воскресеновка Воронежская обл. [Смирнова 2016: 355]).

Использование *осины* в проведении обрядов и обрядовых действиях на описываемой территории детерминировано в целом пейоративным отношением к ней. Поэтому *осина* активно используется в погребально-поминальной, апотропейной и знахарской практике, но оказывается практически не востребованной в календарной[2], свадебной,

[1] Т.А. Агапкина выделяет четыре группы сюжетов, которые наиболее часто встречаются в легендах, этиологических преданиях, апокрифах, духовных стихах и т.д., повествующих о причинах дрожания осины [Агапкина 2004, 1: 570]. Две из них достаточно устойчиво фиксируются на территории южнорусской диалектной зоны (см.: [Махрачева 2008: 63-64]).

[2] Так, на территории Тамбовской области бытует запрет украшать дом накануне Троицы ветками осины и ветлы: «[Принято ли было к Троице украшать жилое помещение берёзовыми веточками?] Украшаем, ну а щас всё отходит у нас. [Веточками какой породы дерева следовало украшать дом?] А… эта осиной и этими вот, вётлами. Вот у нас вётла на огороде – нельзя. [Почему?] На них Июда душился. Когда Христа придал, пошёл и удушился. [Осину не использовали в качестве украшения в доме, потому что на ней Иуда повесился?] А-а… И она всё время качается [далее неразборчиво]. Вятлу [т.е. иву – прим. автора] нельзя под Пасху срезать, эта, на Троицу… украшать нельзя этими ветками» (с. Абакумовка, Токарёвский р-н, Тамбовская обл., зап. Махрачевой Т.В. 2005 г.).

родильно-крестильной и иных обрядностях, более того, в этих сферах традиционной народной культуры нередко существует указание на прямой запрет использования самого дерева, его частей или изделий, изготовленных из него. Остановимся чуть подробнее на нескольких примерах.

Так, в области народной медицины активно применяются отдельные части дерева или предметы, изготовленные из него: *осиновые сучки, осиновый куст* (видимо, поросль осины), а также *осиновые колышки/палочки, кол, осиновое полено*. Многочисленны сообщения практикующих знахарок об изготовлении *осиновых колышек/палочек* (вар.: осинового кола), которые использовали при лечении заболеваний грыжи[1]. С этой целью осиновые палочки (вар.: осиновый кол) забивали в косяк двери дома (вар.: риги) на уровне роста больного ребенка. Как только ребенок перерастал эту метку, считалось, что больной выздоровел. Действие получило название *защемлять*: «[Известен ли Вам способ лечения грыжи, когда болезнь следовало прикусывать зубами?] И прикусывают, и защемляют. Берут осиновый кол. Вот осиновый кол, эт я точно знаю, там ну, вырубают кол, и вот куда-то его вбивают вот, я даж не знаю, куда его вби… вбивают… Или в притолку, иль куда, я тибе да… Не могу сказать. Вот его надо защемить вот эт вот кол осиновый, вот эт вот защемить его надо. Тогда вот эт вот грыжа, она так же вот … погибаить. Да… Вот так вот. [Принято ли было во время этой процедуры вбивать осиновый кол в притолоку по росту ребёнка? Существовало ли поверье, что когда ребёнок перерастет отметку на притолоке, он поправится?] Ой, эт я не слышала. Ну эт када он перерастет. Ну это, это он чё… [Описанный способ лечения Вы не считаете эффективным?] Это он очинь долго, конечно, эт малинький ребёнок, когдай-т он перерастет. Эт я не знаю. [Принято ли было осиновым колом водить по тому месту, где появилась грыжа?] Не знаю, это я не знаю, не знаю. Мы, например, так никада не лечили. Вот ходила я к бабушке, мне заговаривали. [Почему лечить болезни следовало с по-

[1] Наряду с этим необходимо отметить и прямо противоположные сведения, содержащие запрет на изготовление вспомогательных средств из осины при лечении грыжи: «[Как называются отметки в косяке, при помощи которых Вы лечите?] Да были шторы. А эти палочки-то, ну это палочки называются, палочки. Палки из берёзовых, я только берёзовые, осиновые нельзя [почему?]. На осине, как старые люди… душился враг [кто такой враг?]. Ну не Господь, вражья сила-то есть вот и я вот эти, даже угольки, когда людей лечила, щас вот нет их, только берёзовые, это вот даже, это когда по телевизору сказали, даже, гврить, экзему лечат этим, вот я ручки-то» (с. Первые Левые Ламки, Сосновский р-н, Тамбовская обл., зап. Лоскутовой Д.Н. 2003 г.)

мощью осинового кола?] Да, да. Вот поэтому иё… вот поэтому его, вот эт осину самую, вот эт вот бяруть, ну как защем… вот так задавили, защемили вот его видимо, вот эт вот силу. Ну видимо вот и с человеком это делают. Мож, хто объяснит, может, хто вращалси с этим, хто. [Существует ли поверье, что осина – это нехорошее дерево?] Ну каждое, наверно, вот дерево каким-то свойствами обладает. Ещё вот чёй-т, чёй-т я ищё про слышала, тож… Иль какой-т ищё дерево от нечисти вот этой вот, от… как сказать. Щас ведь могут всяк… всяко могут наколдовать иль чё там» (г. Уварово, Уваровский р-н, Тамбовская обл., зап. Лоскутовой Д.Н. 2006 г.); «[Известны ли Вам другие виды грыж?] Паховая, эт уж паховая, эт уж от тяжести. да. Есть вот послипераци́нная грыжа бываить, да. Ну вот… [неразборчиво] … Да, эт, эт от тяжёлава, подымишь, я вот подняла и пощас, и пощас у мине грыжа пупочная… Ну а ты не сделала опярацию? Да, мне не стали делать, я был хотела делать, да не стали… <…>. [Расскажите подробнее о лечении грыжи палочками?] Ну вот бабушка-т, она, эт самая, которая лечит… баб Таня-та, она молитвы читаить, вот и потом она прочитаить молитвы и потом, там это, где пупочик детский, она там чё-т водит, водит, и потом она берёт колышек вот, я не знаю, наверно это, со… какии колышки-т?… [неразборчиво]. Эти… осиновыи, наверно, осиновыи, вот спецально осиновыи колышки, да, она их вот так выстрыгваить, выстрыгваить, и в притолку, в дверь… [неразборчиво] да… да маленькии, конечно… и она вбиваить. [Укажите размер этих колышков?] Маленькии, и вот она, ребёнак, вот она яво поставить, вот какой он ростом, например, вот такой, она эт рост вбиваить. Когда он перрастаить, и эт вот грыжа прападаить, прападаить, вот так… ну она читаить молитвы какии, я ж не знаю какии» (с. Подгорное, Уваровский р-н, Тамбовская обл., зап. Лоскутовой Д.Н., 2006 г.).

Эффективным действием обладало *осиновое полено*, которое следовало подкладывать под колени или под кровать человеку, которого мучили судороги: «…осину вот если, допустим, судороги, мы, эт раньше и щас, обязательно полено из осины подложить под ноги или там под кровать [неразборчиво]… <…> вылечвають…» (с. Подгорное, Уваровский р-н, Тамбовская обл., зап. Лоскутовой Д.Н., 2006 г.).

Наделенная отрицательными коннотациями *осина* осмысливалась и как локус, куда можно было без вреда для человека «отослать», «изгнать» болезнь. В заговорной традиции среди прочих подобных мест упоминается *осиновый куст*: « А, Грыжу-ту. Ну как, эт опять молитва, вот, молитва опять, молитву начнёшь читать иё: "Грызь-грызйца,/ Красная дявица,/ Не ходи по белому телу,/ Не пей (там) младенца там

Ириночки, иль как, там Игорь,/ Младенца горячую кровь./ Ходи по болотам, по мхам,/ По осиновым кустам". И скажишь: Аминь. Вот так шесть зорѐй загварить нада…» (с. Гладышево, Токарёвский р-н, Тамбовская обл., зап. Махрачёвой Т.В., Лоскутовой Д.Н. 2005 г.).

Несмотря на то, что *осина* осмысливалось как «нечистое, проклятое» дерево, оно признавалось универсальным средством в апотрепейной магии и активно применялось в борьбе против ведьм, колдунов, нечистой силы, а также самоубийц и самоубийства: «Асина от калдуноф дюжа памаγаить, нужна колышкаф натисать и чориз левае пличо кидать – ани кричать начинають» (с. Нижний Какрачан Воронежская обл. [Смирнова 2016: 355]). Надежной защитой от прихода ранее умершего колдуна служили *осиновые ворота*, которые устанавливались на его могиле в день погребения[1]: «Колдунам только, у нас какие колдуны были, да бывал, хоронють, их в церкви, а их знаить, что он колдун, и им делають вороты, такие ж, осинваи эти, палки, втыкають с боков [неразб.], чтоб была как двери. Как ворота. Чтоб он не проходил. [Куда втыкают?] Тут по бо… у могилки, у могилки у яво, да, у мо… у могилки, прям два эти сделають и так вот поперёк, чтоб он не выходил, да, чтоб, чтоб не выходил, да. И бывал, идёшь на кладбищи, тут могила [неразб.], знаишь, что тут нечистая сила, да…» (с. Нижний Шибряй, Уваровский р-н, Тамбовская обл., зап. Лоскутовой Д.Н., 2006 г.).

Таким образом, предварительное рассмотрение материала позволяет утверждать, что на исследуемой территории закрепление получа-

[1] В этой связи любопытно отметить приведенное А.В Баловым описание календарного обряда изготовления осиновых ворот, в котором последние выступают своего рода маркером в распознании ведьм и колдунов. Фрагмент этот ценен для нас, с одной стороны, тем, что использование *осины* в календарной обрядности достаточно скудно (хотя приведенные сведения и не соотносятся с описываемой нами территорией), а, с другой стороны, потому что этот материал позволяет лишний раз подчеркнуть закономерность использования осины в ситуациях, участниками которой бывают ведьмы, колдуны, нечистая сила, самоубийцы, и тем самым вписать и южнорусский материал в общерусскую, а точнее общеславянскую канву (фрагмент приводится в современной орфографии – МТ): «В *Четверг первой недели Великого поста*, некоторые крестьяне в юго-западной России идут в лес и делают там осиновые ворота так, чтобы никто об этом не знал. Работа эта производится по всем *великопостным Четвергам* вплоть до Четверга страстной неделе. В Страстной Великий Четверг берут эти ворота, ставят их в незаметном для других месте и садятся где-нибудь в углу. Ведьма, идя дорогой, никак не может оставить этих ворот в стороне и, таким образом, можно увидеть ведьму» [Балов 1907, 1: 126].

ют диалектные варианты литературной номинации дерева ‘осина’, мотивация которых в народном сознании оказывается тесно связанной с восприятием и осмыслением последних дней пребывания Христа на земле. За деревом прочно закрепляется репутация «дерева-предателя», а его образ характеризуется негативными коннотациями. На территории южнорусской диалектной зоны части дерева, а также предметы, сделанные из него, активно используются в сфере народной медицины и в апотропейной магии.

Литература

Агапкина Т.А. Осина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004.

Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: кизил (Cornus mascula) // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 2 / сост. В.Б. Колосова. СПб.: Наука, 2017.

Балов А.В. Черты русского народного календаря. Дни недели в Русских народных верованиях // Русский Архив. М., 1907 (45-й год издания). № 1. С. 109-134.

Березкин Ю.Е. Кизил в контексте циркумпонтийских фольклорных параллелей // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2 / сост. В.Б. Колосова. СПб.: Наука, 2017.

Ботанический атлас: Описание и изобр. растений рус. флоры / сост. по К. Гофману и др. источникам Н.А. Монтеверде, гл. ботаник Имп. С.-Петерб. ботан. сада. Санкт-Петербург: А.Ф. Девриен, 1906. 8, VI, XLVIII, 354 с.

Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ): Т. 1. Растительный мир. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 736 с.

Летова А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: дис. … канд. филол. наук. М., 2012.

Логинов К.К. Деревья и кустарники в поверьях народов Карелии // Живая старина. 2004. № 3. С. 2-6.

Махрачева Т.В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект). Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2008. 230 с.

Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. Вып. 8 / сост. Л.И. Балахонова и др.; гл. ред. Ф.П. Филин. М.: [б. и.], 1972. 355 с.

Смирнова О.В. Народные представления о растениях в говорах Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение. Вып. 3. Воронеж, 2016. С. 355.

Ушаков Д. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА- Книжный клуб, 2007. 752 с.

Флягина М.В. Карта № 72 «Осина» // Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ): Т. 1. Растительный мир. М., СПб.: Нестор-История, 2017.

Makhracheva T.V., Belyaeva K.S. The image of an aspen: vocabulary, symbolics and semantics (on the material of the South Russian dialects)»

The article focuses on the image of an aspen that can be found in the works of different folklore genres, and discusses the narratives, that prevail in the South Russian area.

Key words: the image of an aspen, South Russian dialect zone.

УДК 811. 161. 1

Ю.А. Власова

РОЛЬ ОБРАЗОВ ХРИСТИАНСКИХ СВЯТЫХ В ПОВЕРЬЯХ, БЫЛИЧКАХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ, СЮЖЕТ КОТОРЫХ ОТРАЖАЕТ ТРАКТОВКУ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЗОНЫ)

В статье рассматривается роль образов христианских святых в поверьях, быличках и представлениях, сюжет которых отражает трактовку народного календаря. Выявляется жанр-этиологические легенды, который раскрывает вышеназванную тему. В статье представлены образы святых, оказавших влияние на становление традиций проведения православных праздников.

Ключевые слова: народный календарь, этиологические легенды, хрононим, православный календарь.

Выбор темы, посвящённой изучению образов христианских святых в поверьях, быличках и представлениях, не является случайным. Работая с корпусом текстов, зафиксированных в полевых экспедициях на территории южнорусской диалектной зоны[1], мы не могли не заметить, доминирующее положение, которое отводится образам христианских святых в разных жанрах, тематически и семантически включенных в поле народного календаря.

Объяснение этого факта отчасти состоит в том, что генетически русский народный календарь восходит к церковному христианскому

[1] Автор выражает благодарность авторскому коллективу *информационно-поисковой системы* «Традиционная народная культура южнорусской диалектной зоны» за возможность использовать полевые этнолингвистические материалы.

календарю. Однако его бытование в народной среде заметно расширяет временные и смысловые «границы» с учетом местного колорита и наполняет дополнительными, а иногда и прямо противоположными смыслами искомые понятия, оценив и востребовав прежде всего значимые календарные даты.

Ограниченные рамками статьи, остановимся только на одном жанре – этиологические легенды, – в котором наиболее полно и объемно раскрывается заявленная тема, представленная в локальной версии.

Научные исследования, посвященные народному христианству в целом (в том числе и этиологическим легендам), в отечественной науке долгое время были редким явлением. Хотя история вопроса, связанная со сбором и изучением этого материала, убеждает нас, что интерес к этой теме существовал всегда, становясь то интенсивнее (на рубеже XIX–XX вв. и XX–XXI вв.), то затухая (на протяжение XX в.) в зависимости от исторического периода (См. монографию О.В. Беловой, в которой подробно и обстоятельно изложена история вопроса [Белова 2004]). В последние десятилетия ситуация резко изменилась, появились работы, в которых представлены разные аспекты изучения этой темы (см. работу: [Белова, Кабакова 2014] и др.). В центре внимания современных исследований проблематика, связанная с составлением реестра сюжетов и мотивов библейских легенд, с попытками интерпретировать сюжетные линии, осмыслить механизм создания и бытования этого сложного явления.

Акцентируем наше внимание на образах святых, которые способствовали становлению традиций проведения православных праздников. Православный календарь включает в себя двунадесятые не переходящие праздники, двунадесятые переходящие праздники. Мы остановимся на следующих не менее почитаемых в православной среде праздниках: *День Сорока мучеников Севастийских, Светлая Пасха, Преполовение Пятидесятницы.*

22 марта (по новому стилю) православные христиане отмечают праздник *Сорока мучеников Севастийских.* На основе материалов, собранных во время диалектологической экспедиции нам удалось зафиксировать легенду, объясняющую номинацию данного праздника.

Сорок мучеников Севастийских – это святые первых веков христианства, претерпевшие страшные муки во имя Иисуса Христа. В городе Севастии язычник Агриколай принуждал христиан отречься от Бога, тем самым подвергая их невыносимым мукам, но его попытки были тщетными. Узники молились, и однажды ночью они услышали

голос «*Претерпевший до конца–спасётся*». «Верующий *в Меня, если и умрёт, оживёт. Дерзайте и не страшитесь, ибо восприимете венцы нетленные».* На следующий день воинов связанными повели к озеру близ города Севастии. Узникам приказали раздеться и войти в ледяную воду. Напротив озера топилась баня, мучители сказали, что тот, кто пойдёт греться в баню, навсегда отречётся от Бога. Целую ночь бедные люди простояли в воде, к утру один из них не выдержал, побежал греться. Как только он ступил на порог бани, от перепада температуры у него потрескалась кожа, плоть его стала отделяться, и он умер. Один из стражников не мог понять: как христиане, невзирая на такие муки, продолжали молиться. Взглянув вверх, стражник увидел над головами воинов светящиеся венцы. Венцов было тридцать девять – по числу оставшихся мучеников. Тогда стражник сбросил с себя одежду и крикнул *«И я христианин!* – и побежал к мученикам. Он молился: *"Господи Боже, верую в Тебя, в Которого эти воины веруют. Присоедини меня к ним, да сподоблюсь пострадать с Твоими рабами"».*

В России издавна был обычай в день памяти Севастийских мучеников лепить из теста и печь «жаворонков» – обрядовые печенья в виде птиц. В основе хрононима – имя птицы, которая прилетает первой, и описательная конструкция – *жаворонка праздник*. Информация о сезонной ориентации на весну, её наступлении транслируется через этиологические легенды праздника. В основу сюжета положен рассказ о перелёте птиц, как правило, жаворонка, который символизировал весну, тепло.

Светлое Христово Воскресение (Пасха) – величайший христианский праздник. В этот день православные христиане нередко становятся свидетелями чудесных явлений. Мотив ожившего варёного петуха или жареной рыбы во время трапезы (метафорическое представление идеи чудесного воскресения Христа) становится основным для большинства этиологических легенд, бытующих на территории области. Их цель – убедить верующих в истинности чуда, сделав его наглядным. Респондент из Тамбовской области поведал нам быль о том, как в пасхальный день свершилось чудо. «Вот придёт Паска-то, сядут разговляться-то и скажут: "Христос воскрес!" Рыба-говорит, – и то заплескала на это, петух закричал на столе варёный. То он был мёртвый, а то он уж ожил, всё… Ну, а до этого-то была страсть. Вон как Христа и прибивали и везде, где Он не был-то, и похоронили, а всё равно Он, видишь, живой». Указанный мотив использовался сольно и вкупе с другими, создавая бесчисленное количество комбинаций, и тем са-

мым, обеспечивая новизну известному повествованию. Например, легенда, объясняющая появление первого крашеного яйца на земле, представляет собой контаминацию известных этиологических и библейских сюжетов: «Разбойник бёг, а эти сидели, разбойники, пировали. А мальчишка их, он Спасителя встречает, и говорит (Христос): *"Сынок, скажи: Христос Воскрес– я тебе дам яйцо красное".* Он говорит: *"Христос Воскрес".* Он ему яйцо-то красное дал. Он забегает, они пируют. Говорит: "Христос Воскрес"– яйцо держит, – Во, красное яйцо. Они:"Ха-ха-ха". И вот петух, жареный петух, и рыба жареная целая лежала на тарелке, вот петух закричал, да рыба захлестала, рыба захлестала на тарелке, и петух встал жареный и закукарекал. И все четверо ничь попадали, да, все. И они уж всё, не воскреснут, лежат вот. А чего ж камбала, эт самая…Его, Спаситель…разбойники ели, боковая видишь у неё какая, бок, однобокая, а как же. Вот и мы теперь должны яйца красить». Трансформация мотива ожившего варёного петуха и жареной рыбы указывает на то, что нельзя разговляться птицей в первый день Светлой Пасхи.

На территории Тамбовской области нам удалось выяснить, что пасхальное яйцо использовали не только как продукт для разговения, но и как оберег от всех болезней. Например, в сёлах Мордовского района при лечении лихорадки пасхальную яичную скорлупу следовало носить на теле, в марлевом мешочке. После разговения православные христиане придавались пасхальным развлечениям. Одним из немногих сохранившихся славянских развлечений является «христосование яйцами». Участники игры по очереди бьют друг друга по лбу яйцом, побеждает тот, чьё яйцо уцелело. Также есть славянская и германская игра под названием «катание яиц». Суть игры заключается в том, что участники скатывают яйца по специальным дорожкам. У христиан катание яйца символизирует камень, скатившийся с гроба господня перед воскрешением Христа.

Не мало важным православным праздником является *Преполовение Пятидесятницы. Преполовение – это* половина пятидесятницы, подвижный праздник, располагающийся между Пасхой и Троицей. На территории области праздник имеет слабую выраженность, что отчасти можно объяснить вторичностью дня в общей календарной системе региона и смутным представлением о содержании канонического события, снижением его значения в крестьянской среде. На Тамбовщине праздник отмечался, как правило, в течение двух дней: канун (вторник) и собственно праздничный день (среда). Нас заинтересовал тот

факт, что номинация праздника на территории Тамбовской области дифференцируется. Например, в Рассказовском районе канун *Преполовение* именуют как *Брыкушки, Побрыкушки*. Народное сознание, интерпретируя хрононим, безошибочно увязывало его внутреннюю форму с действием «брыкать», которое совершала молодёжь во время обливания друг друга в этот день. Существует поверье, что номинация праздничного дня возникла от церковно-славянского аналога – Преполовенье: *Прополовеньё, Прополовенье, Прополыньё*. В народной этимологии хрононим нередко возводится к глаголу «переплывать», что, в свою очередь связывают с этиологической легендой, повествующей о том, как Богоматерь переплывала реку с ребёнком в руках (подробнее см. [Махрачева 2008]).

Итак, следует сделать вывод, что постоянное соприкосновение с образами святых – основа христианской жизни. Каждый из православных праздников посвящён воспоминанию важнейших событий в жизни Иисуса Христа и Божьей Матери, а также памяти святых угодников. Из приведённых нами фрагментов этиологических легенд можно убедиться в том, что православный народ свято чтит память о святых, которые являются неотъемлемой частью жизни каждого из нас.

Литература

Белова О.В. Народные легенды о пасхальных яйцах // Живая старина. 2005. № 1. С. 27-29.

Кербелите Б. Типы народных сказаний. СПб., 2001.

Махрачева Т.В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект). Тамбов: Изд-во Першин Р.В., 2008. 230 с.

Белова О.В., Кабакова Г. У истоков мира. Русские этиологические сказки и легенды. М.: ИСлРАН; Форум; Неолит, 2014. 528 с.

Vlasova Y.A. The role of Christian holy images in povertions, bylitches and views which reflect the interpretation of the national calendar (on the material of the South Russian dialect zone)

The article discusses the role of the Christian saints' images in beliefs, views and stories the plot of which reflects the interpretation of the national calendar. The researcher gives the analysis of the genre-etiological legends that reveal the above-mentioned topic. The article presents the images of the saints that influenced the formation of traditions, connected with the Orthodox holidays.

Key words: folk calendar, etiological legends, chrononym, orthodox calendar.

УДК 81-23

Л.Н. Федосеева

ЭВФЕМИЗАЦИЯ РУССКОЙ РЕЧИ: ЗА И ПРОТИВ

В статье рассматривается процесс эвфемизации речи как неоднозначный. Автор определяет цели использования эвфемизмов, анализирует их влияние на процесс номинации и оценки. На обширном языковом материале в работе доказывается необходимость умеренного использования эвфемизмов во избежание потери точности высказывания и нивелирования его оценочности.

Ключевые слова: эвфемизм, номинация, оценка, точность, мораль, нравственные ценности.

Эвфемизм (от греч. εὐφήμη «благоречие») – слово или выражение, заменитель языковой единицы, которая представляется говорящему резкой, неприличной или нетактичной, например, *скончаться* вместо *умереть*, *говорить неправду* вместо *врать*. По определению О.С. Ахмановой, это «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова 2007: 521]. Эвфемизмы нередко вуалируют, маскируют суть явления, например: *либерализация цен* вместо *повышение цен*, *изделие* (об атомной бомбе).

Эвфемизация речи – процесс, который происходил в языках, в том числе русском, всегда, но особенно активизировался в последнее время. Связано это, как отмечают многие исследователи, с усилением общественных оценок тех или иных явлений как «приличных» и «неприличных», со стремлением удовлетворить требование речевой толерантности, политкорректности (см., например: [Торопкина 2015]). Объекты, по этическим, культурным, психологическим и каким-либо иным причинам не называемые или называемые с трудом, получают эвфемистическое обозначение.

Как известно, речевую деятельность человека образуют три фундаментальных процесса: номинация, предикация и оценка. Эвфемизация тесно связана с первым и третьим из них: происходит обновление номинации через вуалирование, смягчение сущности того, что в современном обществе считается неудобным, неприличным, грубым; в то же время нивелируется негативная оценка, предмет или явление представляется если не приветствуемым, то приемлемым. Аксиология лингвокультуры представляет собой триаду: ценности – оценки (градуальные оценки) [Колесникова 2005–2012] – смысл [Федосеева 2013,

2017]. В каждой этнокультуре специфично структурированная совокупность основных духовных ориентиров, традиций и обычаев. Эвфемизация речи часто влечет за собой изменение давно существующей системы ценностей и оценок.

Говорящими при использовании эвфемизмов преследуется одна из двух целей:

1) стремление избежать коммуникативного конфликта (не создать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта);

2) вуалирование, камуфляж существа дела.

Первое часто представляется вполне оправданным: *слабослышащий* (вместо *глухой*), *незрячий* (вместо *слепой*), *люди с ограниченными возможностями* (вместо *инвалиды*), *полный* (вместо *толстый*, о человеке), *пожилой человек* (вместо *старик*) и др. Но подобные эвфемизмы иногда используются и в тех случаях, когда негативная коннотация слова не нуждается в нейтрализации, при этом высказывание теряет оценочность: *нетрезвый* (вместо *пьяный*), *обычный* (вместо *заурядный, бесталанный*), *люди нетрадиционной ориентации* (вместо *гомосексуалисты*) и др.

Второе нередко используется с целью введения в заблуждение общественности и фальсификации действительности: *допрос с пристрастием* вместо *пытки*, *акция* у фашистов для завуалированного названия массовых расстрелов и т. п. К этой же группе следует отнести эвфемизмы, употребляющиеся с целью скрыть от окружающих то, что говорящий хочет сообщить только конкретному адресату. Разумеется, такого рода «зашифрованность» сообщения условна, в особенности если оно содержится не в частной переписке, а публикуется. Это характерно, например, для газетных объявлений, касающихся поиска сексуальных партнеров («*Молодая женщина уделит внимание состоятельному мужчине*», «*Преуспевающий мужчина 50 лет окажет поддержку молодой привлекательной женщине до 30 лет*»).

Е.П. Сеничкина, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», отмечает: «В общении всякий раз, касаясь тех или иных деликатных тем, говорящий встает перед выбором между прямым и грубым наименованием и его смягченным вариантом. В практике общения сложилась стройная система языковых предпочтений носителей русского языка – эвфемизмы. Они охватывают огромное количество тем: профессиональное общение, бытовое общение на темы богатства и бедности, полноты и худобы человека, престижности или непрестижности его профессии, проблемы старости и выхода на пенсию, животрепещущую тему сексуальных контактов и интимных отношений, а также челове-

ческих пороков, физических и психических недостатков. Эвфемизмы заменяют прямые обозначения в сфере социальных отношений, являясь попыткой уменьшить социальную напряженность. Всё это и многое другое – сфера действия заменных слов, улучшающих общение людей, – эвфемизмов» [Сеничкина 2008: 4].

С этим нельзя не согласиться, если иметь в виду эвфемизацию речи как средства снятия коммуникативного дискомфорта. Однако стоит ли приветствовать «заменные слова» в случаях их использования для смягчения адекватной оценки негативных явлений или для их «маскировки»? Может быть, все-таки следует называть вещи своими именами, чтобы не менять их вполне определенного места на шкале нравственных ценностей? Кроме того, излишняя эвфемизация затемняет смысл высказываний, делая процесс номинации размытым, неконкретным: люди перестают понимать друг друга, речь теряет такое важнейшее коммуникативное качество, как точность.

У того же автора читаем: «Эвфемизмы обладают четырьмя обязательными признаками. Первый признак – обозначение нежелательного денотата. Денотат эвфемизма соотносится с предметом или явлением, характеризующимся негативной оценкой или негативной коннотацией. Второй признак – семантическая неопределенность эвфемизма, позволяющая уменьшить, «смягчить» негативную оценку денотата. Эвфемизм по сравнению с заменяемым словом обладает семантической редукцией. В эвфемизме, по сравнению с прямой номинацией, сокращена доля информации, сокращено число дифференциальных признаков. Третий признак – улучшение характера денотата эвфемизма по сравнению с заменяемым словом или сочетанием. Четвертый признак – формальный характер улучшения денотата. Именно благодаря формальному характеру эвфемистического улучшения денотата адресату удается понять, о каком предмете или явлении говорящий ведет речь» [Сеничкина 2008: 7] (подчеркнуто нами – Л.Ф.). «Семантическая неопределенность», на наш взгляд, и приводит к затемненности высказывания, негативная коннотация в результате эвфемизации заменяется на нейтральную или даже положительную. Что касается «формального характера улучшения денотата», то это весьма спорное утверждение: далеко не всегда адресат правильно понимает адресанта, изъясняющегося на «заменном» языке.

Вышеуказанный словарь, средства массовой информации, разговорная речь явились источниками для следующей классификации эвфемизмов, которые, на наш взгляд, меняют полярность коннотации исходных слов, сдвигая ее на шкале градуальности [Колесникова 2011]

от отрицательной к положительной, а иногда и вовсе могут быть непонятны либо поняты неправильно (последние подчеркнуты нами):

1) эвфемизмы, «маскирующие» лиц с отклоняющимся от нравственных норм поведением: *женщина легкого поведения, девушка из салона, девушка без предрассудков, девушка без комплексов, дама с камелиями, гетера* (проститутка), *дама сердца* (любовница), *нечист на руку* (вор), *любитель заложить за воротник* (пьяница), *гражданский супруг* (сожитель), *гламур-модели* (модели с обнаженной грудью), *дантист* (драчун), *волокита* (бабник) и др.;

2) эвфемизмы, приукрашивающие явления, не соответствующие общепринятой морали: *фантазировать, вводить в заблуждение, заблуждаться, лукавить, ошибаться, скрывать правду, уклоняться от истины* (обманывать), *деморализация* (развращенность, упадок нравов), *искажение фактов* (ложь), *двусмысленный* (неприличный, непристойный), *гражданский брак* (внебрачная половая связь), *голубизна* (мужеложество), *вольность* (развязность, распущенность), *возлияния* (выпивка), *взнос* (взятка), *вести себя нескромно* (воровать, интриговать), *в схемах и таблицах* (шпаргалки), *в состоянии алкогольного опьянения, в нетрезвом состоянии, в нетрезвом виде, в подпитии* (в пьяном виде) и др.;

3) эвфемизмы, вуалирующие социальные проблемы, конфликты, противоречия: *демократизатор* (резиновая дубинка), *попросили* (выгнали), *высвобождение* (увольнение), *демонтаж* (уничтожение, ликвидация), *нецелевое использование средств* (расхищение средств), *отсутствие положительных результатов* (полный провал), *деградировать* (выродиться), *двухсотый* (погибший военнослужащий), *группа социального риска* (малолетние преступники), *горячие точки* (локальные войны), *гармонизация положения дел* (социальный конфликт), *вышка, высшая мера социальной защиты* (расстрел), *выполнение конституционного долга* (служба в местах военных действий, на локальной войне), *вынужденные переселенцы* (беженцы), *вынужденный простой* (забастовка), *вызывать вопросы* (быть плохим, плохого качества), *вряд ли пригодный* (плохой), *вряд ли* (нет, нельзя), *трудный вопрос* (скандал), *финансовый вопрос* (деньги), *вольно* (бесконтрольно), *волнения* (вооруженный конфликт), *формирования* (вооруженные бандитские формирования внутри страны), *военная операция, военная акция* (война), *властная вертикаль* (жесткая система государственного управления), *виртуальная зарплата* (крайне низкая зарплата), *в ближайшее время, в короткий срок* (вместо конкретной даты), *братская помощь* (интервенция) и др.

Например: 1) «*Дама сердца*» мечтала о политической карьере и потому предпочла лошадку понадежней – не отвергая Лавстона, закрутила роман с партийным лидером Рутенбергом. [Сергей Мехов. Переметчик (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.03].

2) Экзальтированные женщины за сорок, мужички *в подпитии*, чудаки, немного растерянная молодежь – все они кажутся обреченными на провал [Василий Корецкий. Герой с тысячью лиц // «Русский репортер», 2014].

3) Поэтому масштабная *военная операция* в регионе приведет к краху мировой экономики [Геворг Мирзаян. Взаимное притворство // «Эксперт», 2014].

Нами отмечена следующая закономерность: если эвфемизм – это идеографический или экспрессивный синоним к исходному слову, то значение денотата не редуцируется в значительной степени, коннотация также не меняется на противоположную, а лишь сдвигается в рамках синонимического ряда. Слово или словосочетание в роли эвфемизма в этом случае вполне узнаваемо, оценочность, смягчаясь, в целом сохраняется. Например:

1) Развращение, разложение, растление / падение дисциплины, утеря боеспособности, деморализация (подчеркнуто нами – Л.Ф.) [Александрова 2007: 415].

2) Нескромный 1. Двусмысленный, пикантный, фривольный, вольный, игривый (подчеркнуто нами – Л.Ф.) [Александрова 2007: 259].

Однако эвфемизм далеко не всегда синоним, не случайно словари синонимов и эвфемизмов значительно отличаются по содержанию [Александрова 2007; Сеничкина 2008].

Стремление к широкой эвфемизации речи, ставшее устойчивой тенденцией в наше время, представляется нам неоправданным: эвфемизмы нередко затемняют высказывание, приводя к коммуникативным неудачам. Кроме того, нивелирование эвфемизмом негативной оценки, содержащейся в исходном слове, может привести к искажению картины мира носителей языка, изменению морали и нравственных ориентиров: «что такое хорошо, и что такое плохо» соединятся в сознании людей в нечто среднее и вполне приемлемое. В этом случае уместно говорить и о языковом манипулировании человеческим сознанием [см. Баскова 2006, Рацибурская 2011]. Умеренное же использование эвфемизмов для снятия коммуникативного дискомфорта должно, безусловно, приветствоваться. Но именно умеренное! В условиях тотальной эвфемизации речь теряет точность, оценочность, высказывание становится невыразительным, коммуникация – неэффективной.

Литература

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11000 синоним. рядов. 15-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. 564 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 576 с.

Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2006.

Колесникова С.М. Показатели градуальности в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: грамматика и текст. М., 2005. С. 23-31.

Колесникова С.М. Реализация градуальной семантики в тексте // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания русского языка. Липецк – Москва, 2009. С. 64-67.

Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке. М.: Высшая школа, 2010. 279 с.

Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции. М.: Флинта-Наука, 2012. 112 с.

Колесникова С.М. Градуальность: лингвистическое описание (на материале русского языка) // LinguisticsandLiterature. – StudiaSlavica, Издатель AkadйmiaiKiady. ISSN0039-3363 (Print) 1588-290X (Online) // № Volume 56, Number 1/June 2011. КатегорияOriginal. С. 107-123.

Рацибурская Л.В., Петрова Н.Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2011. 150 с.

Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Торопкина В.А. Эвфемизмы как средство выражения негативной оценки в СМИ // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. № 2 (2). 2015. С. 569-573.

Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: автореф. дис. … докт. филол. наук. Тамбов, 2013. 43 с.

Федосеева Л.Н. Ценности и оценки в системе аксиологии русской лингвокультуры (на примере пространственного фрагмента картины мира) // Культура и цивилизация. № 3. 2017. С. 134-141.

В статье использованы языковые примеры из «Национального корпуса русского языка». URL: http://ruscorpora.ru/search-main.html

Fedoseeva L.N. The russian speech euphemizing: pros and cons

The article considers speech euphemizing as an ambiguousprocess. The author determines the aims of using euphemisms, analyzes their effect on the process of nomination and assessment. Using ample linguistic material, the author reveals the necessity of moderate euphemisms use in order toavoid the loss of the statement's accuracy and levelling its assessing nature.

Key words: euphemism, nomination, assessment, accuracy, morality, ethical values.

УДК 81

В.В. Павлова, И.И. Фролова

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРЕДИКАТИВАМИ-СЛОВАМИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

Статья посвящена исследованию семантики двусоставных предложений с предикативами, выраженными словами категории оценки, выявляется их роль в создании эмоционально-экспрессивного фона высказывания. Оценка как важнейший элемент отношения человека к окружающему миру выражает или приписывает ценности реальному или потенциальному действию, названному инфинитивом.

Ключевые слова: категория оценки, семантико-синтаксический аспект высказываний.

Познавательная деятельность человека представляет собой явление, включающее два момента: отражательный и оценочный. Отражая предметы и явления действительности, субъект соотносит их с прошлым опытом, соизмеряет их с определенным ценностным «масштабом», в качестве которого выступают нормы, стандарты, идеализированные модели, а также потребности, вкусы, интересы и желания личности. Вопрос о природе оценочных явлений до сих пор не потерял своего интереса, продолжая привлекать пристальное внимание исследователей различных профилей. Как точно отмечает Н.Д. Арутюнова, «...вопрос о том, “что такое хорошо и что такое плохо”, занимает не только родителей и педагогов, он вставал и встает перед философами всех времен, как и перед всеми людьми» [Арутюнова 1988: 130].

Оценивание различных фрагментов мира является одной из важнейших составляющих деятельности личности, которой свойственно не просто осознавать реально присущие признаки, особенности окружающих его предметов, но и оценивать их с определенных позиций, с точки зрения потребностей, стремлений и целей, определять достоинства и недостатки. «Собственно человеческой категорией» называет оценку Н.Д. Арутюнова: «Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [Арутюнова 1988: 5].

Интерес лингвистов к познанию сущности оценки не случаен: это, пожалуй, единственное явление в языке, отличающееся богатейшей «палитрой» средств выражения и функционирующее на всех уровнях

грамматической системы. Недаром Н.Ю. Шведова трактовала ее как одну из четырех «изначальных» функций языка, «вокруг которых организуется словарь языка, его фразеологические средства и грамматика» [Шведова 1985: 30]. Оценка – это сложное явление; она реализуется сознанием субъекта при восприятии и обработке информации о внешнем мире и соотносится с внутренним (языковым) миром человека, отражая «картину мира», представленную множеством других категорий, смежных с оценкой (модальности, состояния, отрицания и др.).

Выражение одобрения или порицания само по себе имеет прагматическую ориентацию: соотнося объект и его важность, значение для потребностей субъекта, оценка воздействует тем самым на его деятельность. В основе понятий, определяющих оценочные смыслы, лежит ценностная картина мира и семантика единиц языка в их взаимодействии. Оценка как одна из важнейших сторон коммуникативно-познавательной деятельности человека может фиксироваться в семантической структуре слова, составляя компонент его значения. Те или иные виды эмоциональной окраски лексемы, контекстно-стилистические особенности её употребления являются следствием, вытекающим из наличия в семантике и прагматике слова оценочного компонента.

Таким образом, в оценке семантический и прагматический аспекты неразделимы, все стороны ее функционирования отражают слияние семантики (собственного значения языковых единиц, включая высказывания в целом) и прагматики (условий реализации процесса коммуникации).

Оценка как важнейший элемент отношения человека к окружающему миру, к другим людям привлекала внимание ученых. Термин «субъективная оценка» был введен в лингвистику А.А. Шахматовым для названия данной категории, которая ставится им в один ряд с грамматическими категориями рода, числа и падежа: «Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки» [Шахматов 1947: 3]. В исследованиях Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюновой, Н.А. Лукьяновой, Л.М. Васильева, В.Н. Цоллер и др. рассматриваются различные аспекты репрезентации этого языкового явления. Подход к интерпретации оценочных предикатов как особого лексико-грамматического класса слов намечен в работах Г.А. Золотовой, П.А. Леканта, Т.В. Маркеловой и др.

Язык художественного произведения – основное средство изображения картин жизни, художественных характеров, образов, которое использует в своем творчестве писатель. Образная речь всегда эмоциональна, т.е. насыщена чувством, переживаниями, которые авторы передают посредством слова. И слова-оценки играют при этом важнейшую роль. Художественный мир произведений Н.В. Гоголя предоставляет богатый иллюстративный материал для анализа языковых структур, содержащих оценочный компонент. Интерес в этой связи представляет семантико-синтаксический аспект высказываний с категорией оценки в повестях Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба». Высказывания с категорией оценки выполняют в художественном пространстве текста единое коммуникативное задание – выражение или приписывание ценности (оценивание) реальному или потенциальному действию, названному инфинитивом, и функционирующих как особый лексико-грамматический класс, отражающий взаимодействие лексического, грамматического и прагматического уровней языка, парадигматических и синтагматических возможностей его единиц: *Вот и обожженное дерево и кусты терновника! Так, все так, как было ему говорено; нет, не обманул шинкарь. Однако ж не совсем весело было продираться через колючие кусты; еще отроду не видывал он, чтобы проклятые шипы и сучья так больно царапались: почти на каждом шагу забирало его вскрикнуть. (Пропавшая грамота)*

В подобного рода высказываниях синтаксическая структура такова: это простые двусоставные предложения признакового типа, подлежащее в которых выражено инфинитивом, а сказуемое – словами категории оценки (словами на -о).

Функция слов на -о – это оценка с разными прагматическими подтекстами – сенсорно-вкусовая, психологическая (интеллектуальная, эмоциональная), этическая, эстетическая, нормативная и т.д. Г.А. Золотова попыталась по-новому взглянуть на слова на -о, функционирующие в традиционно односоставных безличных конструкциях. Она указывает на возможность выделения категории оценки более узкого плана, представленной семантически словами на -о с функцией оценки в эксплицитном виде в сочетании с инфинитивом [Золотова 1980: 84-88; Золотова 1982: 274-281]. К такому же выводу приходят в своих исследованиях Т.В. Маркелова [Маркелова 1995], О.Н. Касторнова [Касторнова 2005]. Они отмечают, что слова на -о являются оценочными компонентами высказывания, которые, накладываясь на пропозициональное содержание высказываний, корректируют его с позиций субъекта речи и в соответствии со шкалой оценок. Это именно оцени-

вание, а не характеристика состояния субъекта. Говорящий, оформляя и адресуя оценочное высказывание в его модальной квалификации, реализует языковыми средствами положительное или отрицательное отношение к действительности: *Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки… (Ночь перед рождеством)*

В исследуемых предложениях слово категории оценки, выражая предикативный признак, приписывает его подлежащему – инфинитиву в определённом модально-временном плане (независимо от словорасположения и наличия паузы!), т.е. значение признака заключается в словах категории оценки, а их лексическое значение служит вещественным содержанием сказуемого [Лекант 1995; Федосеев 1998; Берестов 2002: 10]. Синтаксическим признаком категории оценки является функция предиката в двусоставном предложении с подлежащим-инфинитивом, а также в предикатном типе предложений, возможность реализаций со связкой *это*, со связочными глаголами *быть, стать, становиться, казаться, оказаться* и др.

Инфинитивное подлежащее – самое ёмкое в семантическом отношении, так как инфинитив не подвергается субстантивации, сохраняет свою синкретичную природу и в этой функции. Оценивающий субъект в предложениях с подлежащим-инфинитивом выражен, как правило, имплицитно: *Трудно рассказать, что делалось тогда с Иваном Федоровичем. (Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка)*

Исследованные нами высказывания с категорией оценки из повестей Н.В. Гоголя в основном отражают оценку положительных или отрицательных эмоций, душевных переживаний героев.

Положительная оценка может быть передана только через положительную эмоцию – одобрение, похвалу, ласку, восторг, восхищение; отрицательная – через отрицательную эмоцию – неодобрение, неприятие, осуждение, досаду, раздражение, пренебрежение, презрение. Оценка как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают: «приятное» – «хорошо», «неприятное» – «плохо». В оценке всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным, так как оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом.

«Преобладающая атмосфера «Вечеров» светлая и мажорная. Главные герои повестей – люди, ощущающие поэзию и красоту жизни, связанные с народом общностью интересов и помыслов»,– отмечает С.И. Машинский [Машинский 1979]. Мир в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» – это веселый, радостный, счастливый мир сказки, в кото-

ром преобладает светлое мажорное начало, поэтому в исследуемых нами конструкциях используются оценочные слова с позитивной семантикой: *весело, славно, хорошо, любо* др.: *Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа. (Ночь перед рождеством).* Данные предикативы передают ликование: *Ему весело, проснувшись середи ночи, взглянуть на высокое, засеянное звездами небо и вздрогнуть от ночного холода, принесшего свежесть козацким косточкам. (Страшная месть);* восхищение: *Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод и прибережным лесам ярко отсветиться в водах. (Страшная месть); Любо глянуть с середины Днепра на высокие горы, на широкие луга, на зеленые леса! (Страшная месть)*

Спокойствием и вольнолюбием веет от строк, в которых благодаря предикативам-словам категории оценки характеризуется эмоциональное состояние героев: блаженство: *Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. (Ночь перед рождеством);* торжество: *Всем им было вольно любить меня, и за великое благо всякий из них почел бы любовь мою. (Тарас Бульба);* гордость: *А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. (Тарас Бульба)*

Эмоциональная оценка репрезентирует положительные и отрицательные чувства говорящего, вызванные объектом, его действиями, состоянием и т.д., например: *радость, удивление, гнев, досада, недоумение* и др.

В исследуемых текстах наиболее часто автор использует конструкции, передающие отрицательные эмоции, такие как: скука: *Вот жиду показалось скучно дожидаться срока. (Сорочинская ярмарка);* страх*: Страшно ей было оставаться сперва одной в хате; да после свыклась бедняжка с своим горем (Вечер накануне Ивана Купала);* испуг: *Дрожь проняла деда. – Да тут страшно слово сказать! – проворчал он про себя. (Заколдованное место);* обида: *Горько ей было, повинной голове, принимать мужние ласки. (Страшная месть*); стыд:*– Хлопцы бесятся! бесчинствуют целыми кучами по улицам. Твою милость величают такими словами… словом, сказать стыдно; пьяный москаль побоится выбросить их нечестивым своим языком. (Майская ночь, или утопленница)*; отвращение: *Верите ли, государь мой, что даже противно смотреть, когда ходят они у меня по двору, так*

жирны!.. (Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка); досада: *Если бы кум не сказал этого, то Чуб, верно бы, решился остаться; но теперь его как будто что-то дергало идти наперекор. «Нет, кум, пойдем! нельзя, нужно идти!» Сказавши это, он уже и досадовал на себя, что сказал. Ему было очень неприятно тащиться в такую ночь; но его утешало то, что он сам нарочно этого захотел и сделал-таки не так, как ему советовали. (Ночь перед рождеством)*; сожаление:*«Нет, я не хочу быть вороном! – сказала девушка, изнемогая от усталости. – Мне жалко отнимать цыпленков у бедной матери!» (Майская ночь, или утопленница).*

В «Вечера на хуторе близ Диканьки» обильно введены элементы украинской народной фантастики, легенды. Рядом с людьми действуют ведьмы, русалки, колдуньи, черти. И нет ничего в них таинственного, мистического, потустороннего. Черти и ведьмы пытаются навредить человеку, причинить ему ущерб. Но, в конце концов, их старания оказываются тщетными. Колдун из «Страшной мести» – это получеловек-получудовище. Его фантастические метаморфозы и нагромождение мистических ужасов придают образу условно романтический характер, внушают страх: *В час, когда вечерняя заря тухнет, еще не являются звезды, не горит месяц, а уже страшно ходить в лесу... (Страшная месть); – Мне, однако ж, страшно оставаться одной. Меня сон так и клонит. (Страшная месть)*

Среди анализируемых примеров значительную группу представляют конструкции с предикативом *трудно, тяжело* имеющим следующие значения:

а) наличие каких-либо затруднений, помех для осуществления чего-либо, выполнения какого-либо действия:. *Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки… (Ночь перед рождеством); Трудно рассказать, как хорошо потолкаться, в такую ночь, между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. (Ночь перед рождеством); Трудно рассказать, что делалось тогда с Иваном Федоровичем. (Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка);*

б) трудности, большое умственное напряжение при постижении чего-либо: *Трудно изобразить, какую неприятную мину сделало при этих словах обширное лицо Григория Григорьевича. (Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка);*

в) преодолевая затруднения, препятствия: *– Какое ж было на ней платье? хотя, впрочем, теперь трудно найти таких плотных мате-*

рий, какая вот хоть бы, например, у меня на этом капоте.(Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка); … но трудно было бы татарину найти его, потому что и сам хозяин уже стал забывать, в котором месте закопал его. (Тарас Бульба);

г) оценка какой-либо ситуации, чьих-либо действий как характеризующихся наличием затруднений: *Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. (Ночь перед рождеством); Ты думаешь, я не знаю, о чем говорил ты сего вечера с Ганною? О! я знаю все. Меня трудно провесть и не твоей бестолковой башке. Я долго терплю, но после не погневайся… (Майская ночь, или утопленница);*

д) тяжелое нравственное состояние, в котором находится кто-либо: *– Слушай, жена моя! – сказал Данило, – не оставляй сына, когда меня не будет. Не будет тебе от бога счастия, если ты кинешь его, ни в том, ни в этом свете. Тяжело будет гнить моим костям в сырой земле; а еще тяжелее будет душе моей. (Страшная месть).*

Предикативы на -о, помимо эмоциональной оценки, содержат модальную оценку. Категория модальности отражает возможность/невозможность осуществления какого-либо действия. Предложения данного вида имеют в своей конструкции слова типа: нужно, необходимо, невозможно, легко, надо, должно и т.д.

Семантика предложений *Тут-то и нужно гулять, как говорится, на прах. (Пропавшая грамота); Старуха моя начала было говорить, что нужно наперед хорошенько вымыть яблоки, потом намочить в квасу, а потом уже… (Предисловие 2ч.)* указывает на необходимость осуществления задуманного процесса, имеющего определенные временные рамки.

В конструкциях *Это можно было видеть из того, что он два раза проехал с своим возом по двору, покамест нашел хату. (Сорочинская ярмарка); В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; женщины тоже решились участвовать, – и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего им очи. (Тарас Бульба)* подчёркивается возможность, вероятность процесса, названного инфинитивом.

В признаковых предложениях, выражающих модальные отношения, неоднократно подчеркивается уточнение какого-либо действия, временного отрезка, указывающее на особую значимость этого процесса, например:

Но теперь, нечего делать, нужно было завязаться. Вот дед и отвесил им поклон, мало не в пояс: «Помогай Бог вам, добрые люди!» (Пропавшая грамота); – «Экая невидальщина! Кто на веку своем не

знался с нечистыми? Прежде всего нужно пересыпать канупером, а потом уже…» Ну, я на вас ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совести, слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали канупером? (Предисловие 2ч.); – Иду, жена. Нужно обсмотреть все места, все ли в порядке. (Страшная месть);

«Ну, – говорит дед, – тебе во сне, мне на яву. Нужно, вижу, будет освятить нашу хату; мне же, теперь, мешкать нечего». (Пропавшая грамота); – Ей-богу, ничего не слышу! – отвечал он. – Надобно вам сказать, что у меня в левом ухе сидел таракан. В русских избах проклятые кацапы везде поразводили тараканов. (Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка)

Однако действие, процесс иногда невозможно осуществить по какой-либо причине: *Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмешки; изныла, исчахла, выплакались ясные очи. (Вечер накануне Ивана Купала); Этого уже нельзя было спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти. (Ночь перед рождеством); Невозможно описать никаким пером, что за мучение было. (Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка),* а в некоторых случаях нет необходимости его осуществлять: *Не нужно, думаю, сказывать, что это был Левко. (Майская ночь, или утопленница)*

Модальные отношения, являясь одним из видов признаковых предложений с категорией оценки, выступают в роли конструкций, провоцирующих субъекта на осуществление или, наоборот, неосуществление какого-либо действия в определенном временном промежутке.

Таким образом, двусоставные предложения с категориальной семантикой оценки создают эмоционально-экспрессивный фон высказывания, позволяют оценивать разнообразные процессы и явления, выражать отношение человека к окружающему миру.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, Событие, Факт. М., 1988.

Берестюк С.В. Средства выражения оценочных значений в художественной речи Тэффи (Надежды Александровны Лохвицкой): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002.

Золотова Г.А. О категории оценки в русском языке // РЯШ. М., 1980. № 2.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Касторнова О.Н. Частеречный статус слов категории оценки в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

Лекант П.А. Семантика связок // Семантика лексических и грамматических единиц. М., 1995.

Маркелова Т.В. Синтаксические средства номинации семантики оценки // Семантика лексических и грамматических единиц. М., 1995.
Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. М., 1979.
Федосеев В.А. Предложения с предикатами оценки // РЯШ. М., 1998. № 2.
Шахматов А.А. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947.
Шведова Н.Ю. Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.

Pavlova V.V., Frolova I.I. The semantic aspect of statements with predicatives of evaluation

The article focuses on the semantics of two-part sentences with predicatives of evaluation and their role in creating the emotional and expressive background of the statement. The researcher considers evaluation to be the most important element of a person's attitude to the world, because it expresses values connected with a real or potential action, presented by the infinitive.

Key words: category of evaluation, semantico-syntactic aspect of the statements.

УДК 811.161.1

А.С. Щербак, Ду Чуньян

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПЕРИФРАЗ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предпринимается попытка применить когнитивную теорию иерархической организации к сочетаниям-перифразам небесных тел. Выделяются три уровня категоризации, согласно которым распределяются знания о небесных телах. Доказывается, что устойчивые перифрастические обороты сосредотачиваются на субординатном уровне.

Ключевые слова: перифраза, небесные тела, три уровня категоризации.

Вопросы номинации длительное время изучалось на уровне лексикологии. Еще в китайской философии Конфуций и его ученики считали, что название неразрывно связано с обозначаемой вещью и должно ему соответствовать. Философы даосского направления утверждали, что между словом и вещью устанавливается произвольная связь.

Развитие когнитивной лингвистики позволило внести большой вклад в развитие теории номинации, что позволяет обратиться к осмыслению устойчивых сочетаний-перифраз в аспекте их категоризации. Исследование особенностей употребления устойчивых сочетаний перифрастического характера в аспекте когнитивного направления вызывает значительный интерес к природе наименования небесных тел и способам фиксации небесных образов. Заслуживает внимание рас-

суждение Е.С. Кубряковой о том, что номинативный аспект речевой деятельности выходит «за пределы лексики» [Кубрякова 2004].

В современной лингвистике под термином «номинация» (лат. nominatio – наименование) понимается процесс образования языковых единиц, обладающих номинативной функцией. Эти единицы служат для называния объектов, предметов, процессов, явлений и выделения фрагментов неязыковой действительности, формирующих соответствующие знания о них. В ряду образования значений языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений) выделяются устойчивые сочетания слов перифрастического характера.

Термин «перифраза» (от греческого periphrasis «окольная речь») традиционно понимается как описательные выражения, замещающие определенное слово-понятие, которые позволяют в образной, оценочной и эмоциональной форме охарактеризовать предмет, лицо, явление или процесс.

В перифразе «на первое место выдвигается к.-л. качество, сторона описываемого понятия, существенные в данном контексте, ситуации. Осн. назначение П. – усилить выразительность текста, действенность высказывания» [Лингвистический энциклопедический словарь1990: 371].

В каждом конкретном употреблении перифраза соответствует одному денотату, из чего вытекает целостность значения перифрастического оборота. Однако одному денотату могут соответствовать и несколько устойчивых сочетаний-перифраз, например, перифразам географического наименования Ср.: *Поднебесье* – Китай, *страна красных драконов* – Китай.

В современном русском языке отмечаются однокоренные слова: глагол «перифразировать» и отглагольное существительное «перифразирование», которые употребляется в значении «выразить тот же смысл», «сформулировать ту же мысль, но другими словами». Глагол восходит к греч., от peri, и phrazo, «говорить», «говорить иносказательно». Но если перифраза вызывает непонимание у слушателя, то говорящий старается уточнить, разъяснить свою мысль таким образом, чтобы она стала более понятной слушателю, в то же время говорящий и для себя уточняет смысл сложившейся ситуации. («Нет, вы меня не так поняли. Я была в *столице всех влюбленных* – в Париже» или «Нет, вы меня не так поняли. Я была в *Стране Золотых Песков* – в Болгарии»).

Речь идет о семантическом приеме вторичной номинации географических объектов с указанием характерных признаков в перифразах. Первичные опорные образы (Париж и Болгария – денотаты) заменяются перифрастическими описаниями, расширяющими объем понятий денотатов. В этом случае можно говорить о том, что «словарь как номинационная система взаимодействует с текстом, одним из важнейших производных речевой деятельности [Буров 2013: 71].

В основе перифразы как результата процесса вторичной номинации лежат ассоциации человека, возникающие по сходству (метафора) или по смежности (метонимия), уже существующего значения слова для создания описательного выражения путем сокрытия основного названия. Выстраивается диада: ДЕНОТАТ – РЕАЛИЯ ИЗ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА.

В сознании человека сосуществуют концептуальная и языковая картина мира. Нельзя не признать того факта, что семантика перифрастической единицы имеет одновременно связи с концептуальной системой и языковой системой. В контексте языковой системы перифраза связана с различными уровнями языка (лексикой, морфологией, синтаксисом). Связь с концептуальной системой открывает доступ к концептуальной организации знаний (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Вежбицкая, Н.Н. Болдырев и др.). В этом случае перифрастическая единица отражает не только важнейшие признаки объекта или субъекта, предмета или явления, но и всех тех характерных признаков, которые существуют в языковом коллективе, в сознании носителей языка, и заполняются знанием о них. Например, парафраза о звездах, которые на небе могут светить на землю и могут светиться разными цветами. В романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина) звезды названы как *«светила ночные»*. Ср.:

Морозна ночь, все небо ясно;
Светил небесных дивный хор …
Течет так тихо, так согласно...

Обращают на себя внимание антонимические перифразы «*дневное*» (*светило*») и «*ночное светило*» в высказывании Дмитрия Мережковского, который употребил их для символического обобщения значимости поэтов, точно определяя их фамилиями-координатами русской поэзии.

Пушкин – дневное,
Лермонтов – ночное светило
русской поэзии.

Перифраза «*дневное светило*» входит в названии одного из лучших стихотворений А.С. Пушкина «Погасло дневное светило», которое было написано в 1820 году. Стихотворение отразило впечатления молодого поэта о ночном путешествии вместе с семьей Раевских на корабле из Керчи в Гурзуф.

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова была опубликована статья под названием «Ночное светило. К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова» [КИФА 2014, 12 URL], к 175-летию со дня гибели М.Ю. Лермонтова в статье «Ночное светило русской поэзии» подчеркивается, что «Пушкин и Лермонтов являются как бы двумя по-

люсами русского поэтического космоса. Они задали ему координаты, которые действуют по сей день» [КИФА 2014, 12 URL].

Лексические единицы русского языка ДНЕВНОЕ – НОЧНОЕ сосуществуют со словом СВЕТИЛО – это СОЛНЦЕ и ЛУНА. Уже стало хрестоматийным что Солнце, следовательно, и Пушкин – это первая величина, а луна и Лермонтов – вторая величина в русской литературе.

В кратком извещении о смерти А.С. Пушкина было сказано [«Литературные прибавления». № 5, приложение к газете «Русский инвалид» 30 января 1837 г.]: «*Солнце русской поэзии* закатилось!…». Эта образная перифраза в русском языке имеет метафорический характер, несет мелиоративную функцию и называет Александра Сергеевича Пушкина в русской поэзии.

Разработка когнитивной теории иерархической организации в акте номинаций перифразы позволяет классифицировать объекты нашей планетной системы и выделить три уровня: суперординатный, базовый и субординатный.

На субординатном уровне сосредотачиваются все устойчивые сочетания-перифразы – номинации денотата. Осознание денотатов происходит за счет описательных выражения, которые обозначают предмет, понятие, лицо, явление, предполагающих его непрямое, косвенное именование через подчеркивание, выделение каких-либо сторон, признаков, качеств, особенностей проявления объекта или деятельности субъекта описания. Это описательное обозначение характеризуется как стилистический прием в различных дискурсах в целях усиления выразительности текста.

Как правило, описательное обозначение служит для усиления воздействия высказывания на адресата речи, чтобы избежать прямой номинации, которая отражает действительную сущность обозначаемого. Человек выделяет объекты действительности, их значимые и характерные признаки, дает им оценку, описывает смысл слова. Например: ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО (Солнце), НОЧНОЕ СВЕТИЛО (Луна), УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА или ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА (Венера).

Базовым уровнем в иерархической организации является срединный уровень, на котором объективируются знания о широкоупотребительных названиях объектов нашей планетной системы, о небесных телах типа *солнце, луна, Венера*. Этот уровень отражает наибольшую часть наших астрологических знаний – названия планет. Базовый уровень является наивысшим представлением перифрастической категории в виде ментального образа: солнце, луна, звезды.

На суперординатном уровне сосредотачиваются знания о Вселенной, о строении Солнечной системы, т.е. на этом уровне формируются наши представления о небесных объектах.

Таким образом, выход слова в устойчивое сочетание-перифразу небесных тел, как, впрочем, и толкование слова в сочетании-перифразе за счет описательного текста являют собой два взаимозаменяемых процесса, которые во многом определяют номинативную «картину» языка и динамичность познания мира посредством вербальных форм.

Литература

Буров АА. Синтаксическая номинация: лингвокогнитивное измерение: монография. Пятигорск, 2013.

КИФА № 12 (182). Октябрь 2014 г. // URL: http://gazetakifa.ru/content/view/5131/

Лингвистический энциклопедический словарь. 1990.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

A. Shcherbak, Du Chunyang. The categorization of paraphrase celestial bodies in the Russian language

His article is an attempt to apply the cognitive theory of hierarchical organization of combinations-paraphrase of the celestial bodies. there are three levels of categorization, according to which the distribution of knowledge about heavenly bodies. It is proved that stable periphrastic revolutions focus on the subordinate level.

Key words: periphrasis, celestial bodies, three levels of categorization.

УДК 811.161.1

Ду Чуньян

ПЕРИФРАЗЫ НАЗВАНИЙ ЛУНЫ С ОБРАЗАМИ ЖИВОТНЫХ

В статье рассматриваются перифразыназвания луны, свидетельствующих об оценочности и субъективности авторов поэтических и прозаического текстов; устанавливается перифрастическое значение названия луны на основе образов диких животных: волка и медведя.

Ключевые слова: перифраза, название луны, образное мышление, животные.

В русском языке отмечается употребление устойчивых перифраз о ЛУНЕ, в образовании которых большую роль играет метафора: «*небесная лампа», «королева ночи», «царица ночи», «принцесса неба», «бледная жница».*

Существительные *королева, царица, принцесса* используются в метафорических значениях «красивая», «привлекательная», «очаро-

вательная», поскольку ЛУНА особо выделяется на небесном своде среди других небесных тел. Как предмет образного описания используется слово «*лампа*» для характеристики света, который исходит в ночное время от луны. Ср.: перифраза «*ночное светило*».

Образ Луны в сознании человека всегда ассоциируется с женским образом. Неслучайно слово «жница» в перифразе «бледная жница» отражает «некую ночную деятельность», а слово «бледный» ассоциируется с светящимся слабым, неярким светом, при котором при луне можно совершать неблаговидные поступки. Ср.: другую перифразу – «*цыганское солнце*»:

Игорь Цыбанев

Цыганское солнце

Цыганское солнце не дарит загара.
Оно для стихов, воскового нагара.
Оно для любви и сплетенья теней.
Оно для следов, что остались на ней.
Оно для тоски и протяжного воя.
Оно для смертельного, ближнего боя.
Оно для обмана, короткой расправы.
Оно перевидело всякие нравы.
Цыганское солнце – родная Луна:
Земля отплатила стихами сполна!

Итак, ЛУНА – это время для творческих людей, для любви, для совершения дурных поступков, обмана, для выражения чувств тоски и печали и всего того, что человек не совершает при солнечных лучах.

И.Б. Голуб подчеркивает, что образные перифразы носят метафорический характер и отражают переносное значение образующих их слов, являясь тропами [Голуб 1997]. Сущность метафорически перифраз была предметом рассмотрения еще Аристотеля в его знаменитой работе «Поэтика».

Ученые при рассмотрении перифраз, образуемых с помощью метафоры, отмечают взаимосвязь метафоры и перифразы, подчеркивая, что «в них, наряду с выразительностью и образностью, присутствует значение отвлеченности, абстрактности» [Нармурадов 2011: 102].

Перифрастическое значение названия ЛУНЫ формируется в результате метафорического переноса, который может осуществляться по отношению ко всей описательной конструкции о ЛУНЕ, например:

«*Волчье солнце* горит...
Ослепительна мгла» (Вера Виленская);
«Убегает от меня по облакам
Волчье солнце – Луна
Волчье солнце – Луна…» (из текста песни Иллет «Волчье Солнце»);
«Душа летит Тебе во след
И песней льётся,
Я Белый Волк,
А Ты мой свет,
Ты – Волчье Солнце» (Александр Бунаков);
«Чтобы каждый брат сумел заняться делом,
Пусть нам светит *Волчье Солнце – круглая луна*…» (текст песни «Волчье солнце»).

Лингвокультурное пространство перифрастической конструкции о луне в русском языке включает в себя особую экспрессивно-выразительную лексику животного мира, отражающую народные наблюдения и представления о природном явлении.

В уникальных подлинных рассказах «Казачьи байки деда Игната про то, как жили когда-то…» старого казака-конвойца Дмитрия Игнатовича Радченко («деда Игната»), поведанных своим внукам о своей жизни и жизни своих предков еще с XVIII века в «Байке Третьей, про медвежье солнце, да про то, как дед моего деда на охоту ходил, и о чем рассказывать не очень любил» обращает на себя внимание паремическая единица «медвежье солнце» для названия луны. Ср.:

«Большая круглая луна – «*медвежье солнце*» – висела напротив пещеры, и как это бывает только в горах, казалась где-то внизу. Не обнаружив ничего тревожного, дед повернулся на другой бок и сразу увидел, что из глубины пещеры..», «А что оно было: слюда, «оливец»? – ответить не мог, но предположил, что это, вероятно, какая-то горная руда блестела в лучах «медвежьего солнца» //studopedia.info›8-23234.html

Среди наименований диких животных, получивших отражение в перифразах названия луны, большой популярностью пользуется образы волка и медведя. С их участием в конструкции перифраз отражается национальное мышление русских, которое напрямую зависит от того, как сам этнос сформировал и породил свою историю и культуру.

Описательные конструкции «*Волчье солнышко/солнце*», «*Медвежье солнце*» служат переносно-иносказательным названием луны, вот почему эти перифрастические единицы так важны при переводе на китайский язык.

Лингвокультурологический словарь отмечает, что медведь – единственное из животных-персонажей русских сказок, которое имеет полное человеческое имя – Михайло Иванович, Михайло Потапыч Топтыгин. Такое отчество, как Потапыч, и фамилия Топтыгин, часто могут заменять само слово медведь.

Сознание русского человека связывает медведя с характеристикой человека, а именно:

1) физическая сила: с таким сильным человеком трудно сладить, никому не побороть (это самый крупный сухопутный хищник планеты): «прет как медведь»;

2) неповоротливость и неуклюжесть человека (медвежья фигура, медвежья походка);

3) неумение человека вести себя, идущий напролом: «неуклюжий/неповоротливый, как медведь»;

4) отстраненность человека от активной деятельности, безделье: «спит, как медведь» (медведь зиму проводит в берлоге, в спячке);

5) отсутствие музыкального слуха(«медведь на ухо наступил»).

В русском языке есть множество устойчивых выражений, в состав которых входит слово «медведь». Ср.:

Медвежий угол (глухое, безлюдное, отдаленное, малонаселенное место);

Медвежья услуга (неуклюжая и неумелая помощь, что приносит только неприятности тому, кому она оказывается; выражение было употребительно в басне И.А. Крылова «Пустынник и Медведь»);

Медвежий чеснок, медвежий лук (черемша) – после зимней спячки медведи любят полакомиться этим растением.

Как известно, языковые семантические соответствия в другом языке могут отсутствовать из-за того, что имеет место переосмысление образов. В этом случае высказывания называются безэквивалентными. Например, «*Медвежье солнышко*», «*Волчье солнышко*», «*Волчье солнце*» для названия луны.

Итак, анализ перифраз с компонентом «волк и «медведь» представляет интерес с точки зрения лингвистики, лингвокультурологии и, самое главное, с точки зрения познания национального менталитета. Суть понимания перифраз названия луны отражает психологию народа, его язык и культуру.

Литература

Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997.

Нормуродов Р.У. Перифразы, образуемые с помощью метафор // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8 (223).Филология. Искусствоведение. Вып. 51. С. 100-102.

Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М., 2004.

Du Chunyang. Periphrases of the moon's name through the images of wild animals

The article discusses the periphrasis of the moon's name and focuses on the assessment and subjectivity of the authors who create poetic and prosaic texts. We analyze the periphrastic value of the moon's name on basis of the wild animals' images (a wolf and a bear).

Key words: perifraza, name of the moon, figurative thinking, animals.

УДК 811.161.1

А.А. Дудин

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: *ПЛАКИДА* В СТИХОТВОРЕНИИ С. А. ЕСЕНИНА «ОТВЕТ»

В статье даётся многоаспектный филологический анализ слова *плакида* из стихотворения С.А. Есенина «Ответ». Установлено, что слово *плакида* является северно-русским локализмом. Из живой речи оно вошло в поэтический лексикон Н.А. Клюева, откуда перешло в есенинский текст.

Ключевые слова: диалектная лексика, поэтический язык, поэзия С.А. Есенина, поэзия Н.А. Клюева.

Диалектная лексика в текстах художественной литературы является предметом исследования филологов на протяжении многих лет. Достаточно хорошо изучены функционально-семантические, стилистические, экспрессивно-выразительные и другие свойства диалектизмов в языке мастеров слова. Помимо типичных словоупотреблений диалектизмов существуют особые, редкие случаи, которые, подобно унификсам и непродуктивным словообразовательным моделям, требуют описания, филологического осмысления и включения в систему научных знаний. Цель нашей статьи – анализ одного из нетипичных употреблений диалектного слова в поэтическом тексте.

С.А. Есенин в стихотворении (маленькой поэме) «Ответ» (на «Письмо от матери» – первую часть диптиха, 1924 г.) в двойном рефрене употребляет слово *плаки́да*:

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она ***плакидой*** *–*
Сволочь-вьюга!

[Есенин ПСС II: 131]

Пока ж – идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она ***плакидой*** *–*
Сволочь-вьюга.

[Там же: 133]

«Ответу» присущи ясность стиля и относительная простота выразительных средств, что характерно для позднего этапа творчества С.А. Есенина; в стихотворении нет ни окказионализмов, ни диалектизмов, кроме рассматриваемого слова. Поэтому *плакида*, безусловно, привлекает внимание. Приведём отклик современника: «Нельзя не обратить внимание на несколько бесцеремонное обращение поэта с языком. «Поэтическая вольность» у него достигает предела. Не постесняется он, например, употребить слово, которое не встретится вам ни в каком словаре, например: *плакида*» (С.А. Селянин, газ. «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1925, 28 июля, № 168 [Цит. по: Есенин, II: 431]). Вырезка из газеты вклеена в тетрадь, в которой С.А. Есенин собирал материалы о своём творчестве, но, к сожалению, поэт не оставил рядом записи, разъясняющей слово *плакида*.

В комментариях к стихотворению и в филологической литературе предложены различные толкования данного слова. Русская традиция издания художественных текстов отличается предельной лаконичностью (нередко однословностью) лингвистических пояснений. По-видимому, впервые слово *плакида* было истолковано в издании серии «Библиотека поэта», вышедшем в 1956 г.; составитель примечаний А.Л. Дымщиц пояснил кратко: «*Плакида* – плакальщица» [Есенин 1956: 412]. То же толкование даёт сборник «Словесных рек кипение и шорох» в «Словаре областных и редко встречающихся слов» (почему-то во мн. ч.): «плаки́ды – плакальщицы» [Есенин 1965: 832]. Нам не удалось обнаружить источник, который бы подтвердил данное значение у рассматриваемого слова. Однословные, контекстуальные, не подкреплённые источниками толкования не убедительны. Академическое же «Полное собрание сочинений» С.А. Есенина слово не комментирует.

Е.И. Наумов отнёс слово *плакида* с пояснением «плакальщица» к числу рязанских диалектизмов, «часто встречаются в его [Есенина –

А.Д.] раннем творчестве» [Наумов 1965: 230] (напомним, что С.А. Есенин написал «Ответ» за год до смерти).

Б.И. Осипов видит в слове *плакида* авторский неологизм со значением ‘плакса’, ассоциативное сближение со словом «панихида» [Осипов 1973: 55; до выхода в свет соответствующего тома СРНГ].

О.В. Гладкова полагает, что *плакида* – это «мимолётное обращение Есенина к “Житию Ефстафия Плакиды”», словоупотребление опирается на народную этимологию, сходство по звучанию глагола *плакать* и имени святого; исследователь пытается подкрепить свою гипотезу литературоведческими размышлениями [Гладкова 2004: 300-302].

А.А. Никольский включает *плакиду* в свой «Словарь диалектной лексики в поэзии С.А. Есенина» со значением ‘плакса’ из «Словаря русских народных говоров» с соответствующей отсылкой, но без ареальной характеристики [Никольский 2017: 56]. С одной стороны, структура словарной статьи у А.А. Никольского не предполагает сколько-нибудь подробных этимологических, словообразовательных, исторических, лингвогеографических, стилистических комментариев: большая часть статей – это значение слова из СРНГ с отсылкой и цитата из стихотворения С.А. Есенина. С другой стороны, говор с. Константинова во второй половине XX в. уже утратил много слов, которые существовали при жизни С.А. Есенина. Составитель заключает: «Поэтому наиболее полные и надёжные материалы для истолкования лексических диалектизмов в поэзии Есенина содержатся в словарях, в которых зафиксирована русская диалектная лексика XIX–XX вв.» [Никольский 2017: 7]. Несомненно, СРНГ – наиболее полное собрание диалектной лексики; сводный словарь действительно содержит лексему *плакида*, однако, приводит только севернорусские материалы, территориально далёкие от Рязани. В подобных случаях, по нашему мнению, недостаточно простого сопоставления поэтического текста и словарной дефиниции. Необходимо разъяснение на основе исследования.

1

Итак, обратимся к лексикографическим материалам. Слово *плакида* содержится во втором издании «Словаря Академии Российской»: «ПЛАКИ́ДА, ды, и *Пла́кса*, сы, с. общ. I скл. В простонар: склонный к плаканию, слезливый» [САР^{2}IV: 1101]. Академический словарь включает в себя и разговорно-просторечную лексику, и значительное число диалектных слов, часть которых имеет территориальную характеристику, часть – нет (подробно о составе диалектных слов в САР см.: [Мальцева 1980]). Принадлежность слова *плакида* к просторечию

источниками не подтверждается. Составителям подчас трудно было отличить лексику просторечную от территориально ограниченной, поэтому некоторые слова, помещённые в словарь с пометой *простонар.*, в действительности являлись областными, локализмами, на что уже указывали исследователи русского языка XVIII в. [Князькова 1974: 17-19; Волынская 2009: 176-177]. Таким образом, фиксация рассматриваемой лексемы «Словарём Академии Российской», несомненно, интересна с точки зрения истории русской лексикографии, но мало что даёт в диалектологическом плане, так как не имеет территориальной привязки (источник, которым воспользовались составители САР, нам обнаружить не удалось).

Использование слова *плакида* в переводных словарях первой половины XIX в. определяется опорой при их составлении на академический словарь (напр., при переводе франц. *pleureur*, нем. *greiner* [Гейм 1826: 151], польск. *piaczek* [Миллер 1829: 46] и др.). В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» нашего слова уже нет (1847, 2-е изд. – 1867).

Материалы конца XIX–XX вв. фиксируют слова *плаки́да* и *плаксида́* на территории европейской России в говорах Онежской группы (олонецких говорах): *плаки́да* ‘плакса, плаксивая особа, постоянно жалующаяся на свою судьбу’ (Петрозав. у. Олон. губ.) [Куликовский 1898: 83]; *плаки́да* и *плаксида́* ‘кто много плачет, тешится’ (Олон. губ.) [Носарь 1912, 11: 310]; *плаки́да* ‘тот, кто часто плачет’: «Слигоза – это плаки́да, которая много плачет» (Пудож. р-н Карелии) [СРГК 4: 531]; *плаксида́* ‘то же’: «Плаксида́, плачет все время» (Вытегор. р-н Волог. обл.) [там же].

Замечание. За пределы рассмотрения мы выводим следующие материалы: в Карг. р-не Арханг. обл. (на границе олонецких говоров по диалектологической карте русского языка 1914 г., территории современных лачских говоров) зафиксировано слово *плаки́да* со значением ‘плач по умершему’: «Ему на плаки́ду надо было идти» [СРГК 4: 530; отдельной статьёй – омоним]; там же, в д. Масельга, *Плакидой* именуется кладбище [Мороз 2009: 84] и мыс [Березович 2000: 410]. Анализ данных слов в словообразовательном, ареальном и топонимическом аспектах, на наш взгляд, не имеет существенного значения для настоящей статьи.

В словообразовательном плане *плакида* – существительное, образованное суффиксальным способом от глагола *плакать* с помощью суффикса *-ид(а)* (ср. диалектные отглагольные имена с другими суфф.: *плаку́да, плаку́н, плаку́та, плаку́ша* [СРНГ 1992, 27: 77, 79], *плаку́за* [СРГК 4:

531]). Слово *плаксида* можно рассматривать в качестве формы с контаминированным наращением *-с-* под влиянием слова *плакса* (однако вероятно и отымённое образование посредством того же суффикса).

Суффикс, несомненно, редкий. При помощи «Инверсионного индекса к словарю русских народных говоров» [Инверсионный… 2000: 12] нам удалось обнаружить лишь две диалектные лексемы со схожим словообразовательным значением лица и суффиксом *-ид(а)*. В вологодских говорах зафиксированы отымённые экспрессивные наименования лиц *страхи́да* ‘тот, кто устрашает, пугает своим видом, страшилище (о некрасивом, безобразном человеке’), ‘о небрежно одетой, взлохмаченной женщине’ (1896–1920) [СРНГ 2007, 41: 290], *ади́да* ‘о скупой, неряшливой женщине, скряге’ (1822) при волог. *ад* ‘пасть, горло’, ‘о ненасытном человеке, обжоре’ (1852), ср. *а́дить* ‘копить, жадничать’ (1936) [СРНГ 1965, 1: 203, 207].

Отметим также петрозав. олон. *кропани́да* (бранно) ‘лжец; лгунья’ (1918; в том же источнике *кропа́нда* ‘то же’, которое, предположительно, ввиду единичности фиксации, можно рассматривать как вторичное или даже в качестве отражения индивидуальных произносительных особенностей) [СРНГ 1979, 15: 278]. *Кропанида* – от глагола *кропа́ть* в значении ‘говорить неправду, выдумывать’ (прионежские Медвежьегорский и Пудожский р-ны Карелии) [СРГК 3: 25], образовано посредством суффикса *-нид(а)*, имеющего экспрессивное словообразовательное значение лица. Также в Медвежьегорском р-не *кропани́да* ‘та, которая медленно выполняет какую-н. работу’ («Кропани́да кропала, кропала, да и пропала») и ‘бессмыслица, чушь’ от глагола *кропать* в др. значениях [СРГК 3: 24]. Для того, чтобы рассматривать суффикс *-нид(а)* в качестве алломорфа суффикса *-ид(а),* по нашему мнению, недостаточно оснований, однако можно сделать такое предположение.

Трудно говорить об особом словообразовательном типе, основываясь на приведённом материале, однако видно, что в определённом ареале севернорусских говоров зафиксированы немногочисленные отымённые и отглагольные производные с имеющими экспрессивное значение лица суффиксами *-ид(а)* и *-нид(а)*.

Таким образом, слова *плакида* и *плаксида* принадлежат небольшому ареалу на территории севернорусских говоров, причём в северной же её части, и образованы посредством редкого суффикса *-ид(а)*, использование которого также ограничено территориально. Поэтому крайне сомнительно, что *плакидой* называли *плаксу* в рязанских говорах при жизни С.А. Есенина.

2

Имеет ли тогда севернорусское слово *плакида* отношение к есенинскому словоупотреблению? Если имеет, то каким путём вошло в поэтический лексикон С.А. Есенина?

Сначала слово *плакида* из живой диалектной речи вошло в лексикон другого поэта – Н.А. Клюева, для которого Олонецкий край был родным. В «Скрытном стихе» («Ежемесячный журнал», 1914, № 6) «нища братия» вопрошает Спаса: «Али мы тебе не служители, / Нищей лепоты не рачители, / Не *плакиды* мы, не радельщики, / За крещеный мир не молельщики»? [Клюев 1969, I: 334]. Позднее в стихотворении «Шесток для кота, что амбар для попа…» (впервые – сб. «Страда», Пг., 1916): «Где странники-годы почили золой, / И бесперечь хнычет горбун-домовой; / Ужели *плакида* – запечный жилец / Почуял разлуку и сказки конец?» [Клюев 1969, I: 385].

Очевидно, что оба стихотворения С.А. Есенину были известны: в 1915–1916 гг. поэтов связывала тесная дружба, они часто выступали вместе, публиковались в одних и тех же изданиях. Н.А. Клюев оказывал в то время сильнейшее влияние на «своего светлого братика», явно выражавшееся в есенинских стихах. Любопытно, что есть фотография, запечатлевшая, как С.А. Есенин читает стихотворение «Шесток для кота, что амбар для попа…»: М.П. Мурашёв вспоминает: «Когда вышел сборник «Страда», принесли пробные экземпляры, Есенин принялся мне читать стихотворение Клюева. Воспроизводимая фотография снята в тот момент, когда Есенин читает <его начальные> строки <…> – Олонецкий знахарь хорошо знает деревню, – сказал Есенин» [цит. по: Летопись…: 2003: 345].

Обращает на себя внимание значительная смысловая близость «Шестка…» и «Ответа». Стихотворение Н.А. Клюева написано на смерть матери (опубликовано в составе диптиха «Памяти матери», затем напечатано в составе цикла «Избяные песни» с посвящением «Памяти матери» в сборнике «Скифы» [сборн. 2-й, 1918: 104-118]). В основе – мотив сна и смерти. Кот охраняет «матерь-печь», которой «дремотно» и хочется «всхрапнуть», от «воронов-снов» («на смерть трясогузую когти острил»). Слышится плач домового-плакиды, почуявшего «разлуку и сказки конец». В «Ответе» С.А. Есенина: обращение к матери, мотив сна и смерти («Родимая! / Ну как заснуть в метель? / Захочешь лечь, / Но видишь не постель, / А узкий гроб / И – что тебя хоронят»), вой вьюги («поёт она плакидой»).

Трудно судить, вспоминал ли Есенин клюевские строки, когда писал «Ответ» матери, или слово *плакида* просто припомнилось ему, почти подсознательно вплелось в ткань стиха.

Таким образом, с функционально-семантической точки зрения *плакида* в «Ответе» приобретает признаки окказионализма; в генетическом плане – севернорусское диалектное слово, локализм, опосредованный Н.А. Клюевым; в плане интертекстуальности – отсылка, сознательная или нет, к клюевским текстам, выражающим скорбь поэта по своей матери. В целом же перед нами сложное, многогранное явление – поэтическое слово.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Волынская А.В. Локализмы в «Словаре Академии Российской» и «Словаре русского языка XVIII века» // Российская Академия (1748–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009. С. 173-182. (Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 5).

Гейм И. Полный российско-французско-немецкий словарь, сочинённый по новейшему изданию Словаря Академии Российской и других. Изд. 2-е, противу 1-го изд. Словаря российско-французско-немецкого г-на проф. И. Гейма, испр. и во многом дополненное К. Мессом. Т. III. П–С. СПб., 1826.

Гладкова О.В. «Житие Евстафия Плакиды»: от Нестора до Милорада Павича // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 281-320.

Есенин С. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.Л. Дымшица. Л., 1956.

Есенин С. Словесных рек кипение и шорох. Стихи и поэмы. Л., 1965.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М., 1995–2002.

Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / под ред. Ф. Гледни. СПб., 2000.

Клюев Н. Сочинения: В 2 т. [Мюнхен], 1969.

Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974.

Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 1: 1895–1916. М., 2003.

Мальцева И.М. Локализмы в Словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 102–117.

Миллер С. Польско-российский словарь. Т. II. P–S. Вильно, 1829.

Мороз А.Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009.

Наумов Е. Сергей Есенин. Жизнь и творчество. 2-е изд. М.; Л., 1965.

Никольский А.А. Словарь диалектной лексики в поэзии С.А. Есенина. Рязань, 2017. (Рязанский этнографический вестник. Вып. 59).

Носарь Н. Слова живой народной речи. Прибавления и дополнения к словарю Даля // Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1912. № 5. Стб. 140–144. № 6. Стб. 170–172. № 7.

Стб. 197–200. № 8. Стб. 226–228. № 9. Стб. 255–256. № 10. Стб. 282–284. № 11. Стб. 310–312. № 12. Стб. 335–336.

Осипов Б. И. Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А. Есенина. Словарь-справочник для учителей средней школы и учащихся старших классов. Барнаул, 1973.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I–VI. СПб, 1806–1822.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1-6. СПб., 1994–2005.

Словарь русских народных говоров. М.; Л. (СПб.), 1965–2015. Вып. 1-51.

Dudin A.A. Dialectal word in a poetic text: "plakida" *(плакида)* in S.A. Esenin's poem "Responce"

The article presents a multidimensional analysis of the word "plakida" *(плакида)* from the poem "Responce" by S.A. Esenin. It is stated that the word "plakida" is North Russian dialectal word. N.A. Klyuev borrowed this word from the dialectal language and S.A. Esenin took it from N.A. Kluev's poetic vocabulary.

Key words: dialectal vocabulary, language of poetry, S.A. Esenin's poetry, N.A. Klyuev's poetry.

УДК 81-13

Я.А. Милосердова, Н.В. Чеснокова

ОБРАЗ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ПОЭМЫ «ВАЛЯ» С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается языковой образ главной героини поэмы С.Н. Сергеева-Ценского «Валя». В ходе исследования были выявлены средства художественной выразительности, используемые автором для характеристики Вали.

Ключевые слова: Сергеев-Ценский, языкознание, образ, лексический повтор, сравнение, «Валя».

Творческое наследие Сергеева-Ценского представляет безгранично богатый и интересный материал как для лингвиста-исследователя, так и для литературоведа. В его произведениях, синтезирующих в себе множество образов и характеров, особое место занимают женские образы. «Он не гонится за эффектами внешней занимательности, он избегает резких поворотов, изломов, зигзагов в сюжетной линии. Он показывает героев главным образом не в исключительных, а в обычных обстоятельствах» [Любимов 1975:15]. С вышеприведенными словами Любимова нельзя не согласиться, но, несмотря на внешнюю неприме-

чательность героев и обстоятельств, в которых они находятся, образы, созданные Сергеевым-Ценским, оригинальны и неповторимы [Чеснокова, Лебедевич 2016].

«Валя» – одно из произведений раннего творчества С.Н. Сергеева-Ценского.

Познать характер главного героя любого произведения без обращения к его языковой личности – невозможно. «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю, к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 1987: 7].

В произведении можно выделить несколько действующих лиц: Валя, жена главного героя, и Наталья Львовна. Сложение образа первой и второй и является образом той, о ком так тоскует и так много вспоминает главный действующий герой – Дивеев Алексей Иванович.

Почему героини С.Н. Сергеева-Ценского представляются читателю замкнутыми в себе и своем внутреннем мир? О внутренней жизни можно судить по нескольким факторам. Первый из них – сам текст произведения. Из слов автора мы понимает, что Валя, пусть уже и мертва, однако в сознании читателя ее образ представляется достаточно четко: она была себе на уме. Это говорит лишь о том, что героиня была замкнута в своем внутреннем мире, который понять и разгадать было невозможно никому: *«Она была женщина гордая... И не то, что я ее сделал гордой, – нет, она сама в себе была гордая: она была высокого роста. ...И до чего же она была уверена в том, что она делает именно то, что нужно!»* [Сергеев-Ценский 1967: 14] – так говорит о собственной жене Алексей Иванович. Он трижды повторяет определение «гордая», тем самым как бы пытаясь доказать собеседнику правдивость этих слов. А определение «высокая» говорит не только о физическом росте человека, но и психологическом взрослении, Валя была как бы на голову выше своего преданного, возможно, консервативного мужа. К тому же, автор тем самым пытается сказать о высоте духовной, которая так тяжело и так неестественно смотрится рядом с изменой и предательством.

Необходимо отметить такое свойство человека, как память, которая играет в произведении важную роль. Ведь именно благодаря ему мы знаем о том, что происходило в жизни хорошего или плохого. Именно воспоминания не могут отпустить и дать жить полной жизнью Алексея Ивановича, именно память заставляет его делиться со всеми окружающими горестями, она не дает покоя ему и его душе. *«Только поселился здесь, а через день все уже знали, где он родился, учился*

служил, с кем он поссорился, и с какого места ушел и куда... Так и узнали о том, что год назад ему изменила жена, а недавно умерла родами…» [Сергеев-Ценский 1967: 8].

Основополагающим языковым средством выразительности у автора становится сравнение. Именно с помощью него писатель рисует невероятные картины, которые сложно представить человеку, не посвященному в тайну того или иного произведения. И любое сравнение неразрывно связано с близостью человека и природы – эта способность Ценского как художника является уникальной и самой яркой характеристикой его идиостиля.

Знакомство с Валей происходит постепенно. Мы узнаем о походе Алексея Ивановича в церковь и случившемся там происшествии. Верный и любящий вдовец ставит свечку, которая гаснет. Одна, единственная, среди множества других, погасла. Ценский дает следующее сравнение, не очень строгое в классическом смысле слова, однако понятное с точки замысла автора:

«…идет бесплотная, чуть сиреневая, как кадильный дымок, строгая женщина, не поднимая глаз подходит к подсвечнику, установленному со всех сторон одинаковыми свечами, и сухо тушит пятачковую свечу Алексея Ивановича» [Сергеев-Ценский 1967: 13], – так представляет Валю Павлик, который давно знает грустную историю предательства своего знакомого. У автора читаем о мощи природных сил и земли и видим определение, которое максимально приближено по значению к тем, которые использовались для описания духа Вали: *«…уж все тона смешались на море, и на горах, и в небе, все стало лиловым, разных оттенков, но очень могучим, спокойным, и тишина вокруг была влажная, густая, как мысль…»* [Сергеев-Ценский 1967: 13], – это скрытое сравнение Вали и земли. Обе они были спокойны, непоколебимы и обозначаются сиреново-лиловым цветом.

Безразличие к мужу при жизни и после смерти, как черта образа Вали, доказывает следующее сравнение. Автор пишет о природе осенью: *«...все стало однотонным, сероватым...»* [Сергеев-Ценский 1967: 14]. Эти определения понятны любому русскому человеку: осенью часто нападает хандра, наша непередаваемая и непереводимая тоска. Тут же автор пишет: *«… перед смертью она написала мне небольшое письмо карандашом...»* [Сергеев-Ценский 1967: 14]. Гриф карандаша серого цвета, и автор делает некоторый акцент именно на том, что письмо было написано не чернилами, а значит, в очередной раз доказывает безразличие и однотонность отношения Вали к своему собственному мужу.

Обратим внимание на «называния» героини. Имя используется достаточно часто, но стоит отметить, только тогда, когда речь идет о нейтральной теме или когда Дивеев вспоминает о приятных моментах совместной жизни: *«Валя, ложись спать, голубка, а я посижу...»* [Сергеев-Ценский 1967: 13]; *«...Валя! – вполголоса, но упорно несколько раз призывал Алексей Иванович, и даже прикручивал лампу до полной почти темноты, и ждал, – но Вали не было»* [Сергеев-Ценский 1967: 59].

Когда Дивеев пытается рассказать о сути характера Вали, вспоминает о прошлой жизни с некоторым укором и грустью, он часто использует местоимения: будто боится употреблять ее имя, которое звучит достаточно нежно и мягко, а значит, никак не характеризует главную героиню. Использование местоимений «она», при этом их многократное употребление не просто в рамках одной фразы, но и одного предложения, рисует образ главной героини как властной, могущественной женщины, имя которой порой боится произнести ее собственный муж: *«Часто они мне снятся: Митя ко мне подходит, она нет… Она только издали… Митя, – об нем и говорить нечего, – он – вылитый я, но она-то… все слова были мои, все мысли… Теперь она только издали, и то редко… Она – редко….»* [Сергеев-Ценский 1967: 15].

Здесь необходимо отметить такое средство выразительности, как лексический повтор. Исследователь Добижа пишет о том, что «...лексико-грамматический повтор является особым способом познания и отражения действительности...» [Добижа 2001: 12]. *«...И что она могла писать?… Или это она передала чужое письмо к ней?...»* [Сергеев-Ценский 1967: 19]. ««Палилалия» – непроизвольное, ничем не мотивированное многократное повторение одного того же слова. Повторение происходит в нарастающем темпе» [Жмуров 2012: 108]. По словарю этот симптом приписывается нервно-больным людям, однако несложно догадаться, что больная память и постоянные воспоминания значительно расстроили нервную систему Дивеева.

Кроме многочисленных сравнений, повторов, Сергеев-Ценский очень часто прибегает и к определениям: *«...ушедшее, но совсем не умершее для него лицо»* [Сергеев-Ценский 1967: 21]; *«…да, она редко смеялась... Да она почти не смеялась... Она была сдержанная вообще*» [Там же 1967: 21]; *«…чистая»* [Там же 1967: 21]; *«… и она, такая гордая, она взяла?...»* [Там же 1967: 30]; *«...высокая, гордая, но ведь измученная, но ведь брошенная...»* [Там же 1967: 30].

Поэма «Валя» может показаться достаточно статичной, однако, если вдуматься и вчитаться в глубокий смысл произведения, который заложил автор, мнение о произведении кардинально изменится. Не-

смотря на то, что Валя представляется в поэме уже после смерти, произведение полно ей, именно на ее образе завязаны главные события произведения.

Литература

Добижа О.А. Лексико-грамматический повтор как средство выражения категорий количества и степени: дис. … канд. филол. наук. Таганрог, 2001.

Жмуров В.А. Общая психопатология. Иркутск, 1986.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Любимов Н.М. Несгораемые слова. Об искусстве Сергеева-Ценского / Сергеев-Ценский С.Н. Повести и рассказы: в 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 15.

Сергеев-Ценский С.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М., 1967.

Чеснокова Н.В., Лебедевич Я.А. Образ Анны в поэме «Печаль полей» С.Н. Сергеева-Ценского: лингвистический аспект // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Тамбов, Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016.

Miloserdova Y.A., Chesnokova N.V. The image of the main heroine in the poem “Valya” by S.N. Sergeev-Tsensky

The article deals with the main heroine of the poem “Valya” by S.N. Sergeev-Tsensky. In our research work, we analyze linguistic meansand ways of artistic expression that the author uses to create and characterize Valya’s image.

Key words: Sergeev-Tsensky, linguistics, image, lexical repetition, comparison, “Valya”.

УДК372.881.161.1

И.В. Поповичева

ИЗ ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АУДИРОВАНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ КИТАЙСКОГО ВУЗА

В статье представлена информация о учебниках, которые могут быть использованы в практике преподавания аудирования на начальном этапе изучения русского языка в условиях китайского вуза. Дается положительная оценка системе тренировочных упражнений и лингвострановедческому содержанию «Базового аудиовизуального курса русского языка» (гл. ред. Сунь Юйхуа), а также учебника «Русский язык – Восток. Аудирование (2)» (гл. ред. Ши Тицян). Приводятся примеры дополнительных заданий и форм работы, спо-

собствующих развитию у китайских студентов навыков понимания русской звучащей речи.
Ключевые слова: русский язык как иностранный, аудирование, учебники по аудированию, начальный этап, китайский вуз.

Для современных методик обучения РКИ характерно комплексное обучение различным видам языковой деятельности: тренировка и развитие навыков чтения, письма, говорения, понимания звучащей речи. При этом ведущие методисты в области преподавания РКИ неоднократно отмечали, что развитие речевых умений при изучении русского языка как неродного во многом осуществляется через слушание, поэтому «умения аудирования должны быть развиты едва ли не лучше других умений» (см. например: [Хавронина, Балыхина 2008: 69]).

Аудирование характеризуется как сложнейший вид рецептивной деятельности, предполагает одновременное восприятие и понимание звучащей речи [Практическая методика… 2003]. Цель обучения аудированию определяется задачами курса и этапом обучения. Так, задачи начального этапа – формирование базовых навыков аудирования (понимание отдельных слов, словосочетаний, реплик, небольших связных высказываний и адаптированных текстов). Конечной целью высшего этапа обучения является умение воспринимать неадаптированные тексты любой жанрово-стилистической принадлежности, понимание подтекста высказывания [Фэн 2008: 8].

Сложным и ответственным в равной мере для преподавателя и для обучающегося является начальный этап овладения аудированием иноязычной речи (М.Л. Вайсбурд, Н.В. Елухина, Н.И. Соболева, С.В. Тимина и др.), особенно если обучение происходит в условиях внеязыковой среды. Актуальным для каждого преподавателя РКИ является вопрос выбора учебных материалов к курсу «Аудирование».

Цель данной статьи – представить учебную базу, которую мы используем в практике преподавания аудирования на начальном этапе обучения русскому языку (на 1-2 курсах) в Институте прикладных наук и технологий Хайнаньского университета (Китай).

В качестве предварительного замечания следует отметить, что аудирование как учебный предмет китайские студенты, изучающие русский язык в Хайнаньском университете, начинают осваивать во втором семестре 1-го года обучения. К этому времени они владеют элементарными умениями (могут читать, писать по-русски, говорить с использованием минимального запаса лексики) и знаниями русской грамматической системы. С учетом уровня подготовки обучение аудированию мы обычно начинаем с опорой на 1-ю и 2-ю части учебного ком-

плекса «Базовый аудиовизуальный курс русского языка» (гл. ред. Сунь Юйхуа) [Базовый аудиовизуальный курс … 2010], в состав которого входят 3 части, соответственно рассчитанные на 3 учебных семестра.

Система упражнений, представленная в учебнике, логична, продуктивна, отвечает целям и задачам курса. На знакомом языковом материале студенты учатся слушать и понимать диалоги и текст, соответствующие темам начального уровня («Знакомство», «Семья», «Учеба», «Рабочий день», «Квартира. Новоселье», «Климат. Погода. Времена года», «Отдых», «Спорт» – 1часть; «В городе», «У врача», «В магазине», «Внешность и характер», «Интересы и увлечения», «Библиотеки и книги», «Компьютер и интернет» – 2 часть).

Формируют механизмы аудирования тренировочные упражнения типа «Слушайте и повторяйте!», «Слушайте и назовите…!», развивающие фонематический слух и внутреннее проговаривание. На каждом уроке присутствуют задания и упражнения на отработку навыков сегментации речевой цепи, идентификации понятий, на развитие оперативной памяти обучающихся. Диалогические и монологические тексты сопровождаются вопросами, которые не только позволяют определить правильность восприятия обучающимися предъявленного сообщения, но и учат выделять наиболее важную информацию в аудиотекстах, членить текст на смысловые блоки.

Многие тексты содержат юмористический подтекст, что благоприятно для эмоционального фона урока, учит понимать подтекстовую информацию, элементы субъективной оценки в высказываниях.

Каждый урок предполагает написание диктанта с использованием знакомых слов. В качестве дополнительного задания обучающимся предлагается прослушать русскую песню, подобранную авторами учебника по теме урока, и познакомиться с лингвострановедческим комментарием к песне.

При общей положительной оценке «Базового аудиовизуального курса русского языка» следует отметить, что с учетом сравнительной давности издания страноведческая ценность учебных материалов немного устарела. Однако учебники по аудированию под редакцией Сунь Юйхуа по-прежнему остаются востребованным в практике преподавания РКИ в китайских вузах, так как являются хорошими тренажерами аудитивных навыков на начальном этапе изучения русского языка.

В 3-м семестре второго курса мы используем более сложный по языковому материалу учебник «Русский язык. Аудирование (2)» [Русский язык …2013]. Книга входит в состав учебного комплекса «Русский язык – Восток» (1–8) (гл. ред. Ши Тицян). Учебный комплекс

подготовлен преподавателями Пекинского университета иностранных языков и Института русского языка имени А.С. Пушкина в соответствии с современными тенденциями в практике обучения русскому языку в китайских вузах: ориентирован на коммуникативный метод и на формирование коммуникативной компетенции как основной цели обучения РКИ.

В учебнике «Русский язык. Аудирование (2)» представлены типичные задания, развивающие навыки понимания русской речи («Прослушайте и напишите словосочетания», «Отметьте словосочетания, которые вы слышите», «Прослушайте фразы и диалог / текст», «Прослушайте диалог/ текст, запишите незнакомые слова, выясните их значение с помощью словаря», «Прослушайте фразы, напишите их и переведите на китайский язык», «Прослушайте диалог / текст и ответьте на вопросы», «Прослушайте и восстановите диалог / текст», «Слушайте и пишите (диктант)»). Диалоги и тексты отличаются богатой лексикой и фразеологией и содержат интересную культурологическую и страноведческую информацию (например, о городах России, входящих в туристический маршрут «Золотое кольцо», о картинах русских художников, о русских музеях и театрах, праздниках и традициях и т.п.). Хотя темы традиционны для второго года обучения («Человек (внешность, характер)», «Свободное время (увлечения, хобби, путешествия)», «Спорт», «Книги», «Интернет», «Театр», «Кино», «Праздники» и т.п.), языковой материал иногда достаточно сложен для студентов второго курса, поэтому, как правило, требуется дополнительная лексическая работа.

Помимо материалов и упражнений вышеназванных учебников, на уроке мы используем дополнительные задания, формы работы, аудио- и видеоматериалы. Например, слова и словосочетания из упражнений типа «Слушайте и повторяйте!» предъявляются студентам 2 раза. При первом предъявлении задача студента повторить услышанное, при втором – написать. После того как слова написаны, студентам предлагается составить с ними предложение. С целью формирования механизма вероятностного прогнозирования практикуем составление небольших текстов по заглавию или началу. Развитие аудитивных навыков и лингвострановедческую компетенцию обеспечивают минилекции по русской культуре и истории, чтение вслух текста с целевой установкой («Прослушайте и скажите …»), просмотр учебных фильмов (например, из серии «Золотые имена России»), отрывков из русских художественных фильмов и мультфильмов.

Таким образом, при обучении аудированию на начальном этапе изучения русского языка в условиях китайского вуза целесообразным представляется использовать материалы «Базового аудиовизуального курса русского языка» (гл. ред. Сунь Юйхуа), учебника «Русский язык – Восток. Аудирование (2)» (гл. ред. Ши Тицян), содержащих методически грамотную систему упражнений и развивающих коммуникативные и страноведческие компетенции обучающихся. Повышению уровня усвоения языкового материала и развитию у китайских студентов навыков понимания русской звучащей речи способствуют также дополнительные задания и формы работы, самостоятельно выбираемые преподавателем в зависимости от темы и целей урока.

Литература

Базовый аудиовизуальный курс русского языка (1-2) / Гл. ред. Сунь Юйхуа. Пекинский университет. Пекин, 2010 (и последующие).

Русский язык – Восток. Аудирование (2) / Гл. ред. Ши Тицян. Пекинский университет иностранных языков – Институт русского языка имени А.С. Пушкина. Пекин, 2013 (и последующие).

Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: Учеб. пособие / под ред. А.Н. Щукина. М., 2003.

Фэн Бо Система упражнений для обучения китайских студентов-филологов аудированию лекций по специальности (первый курс российского вуза): автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2008.

Хавронина С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный». М.: РУДН, 2008.

Popovicheva I.V. Listening comprehension practice on the first stage of the Russian language teaching in Chinese high school (from practical experience)

The article gives information on textbooks, that can be used during the listening comprehension practice on the first stage of the Russian language teaching in Chinese high school. The researcher appreciates the system of exercises, linguistic and cross-cultural content of two textbooks. The first one is “The Russian language basis audio and visual course (under the editorship of Sun Yuhua) and the second one is “The Russian language – the East. Listening comprehension (2) (under the editorship of Shi Tieqiang). In addition, the researcher gives examples of additional tasks and forms of work, that help Chinese students to acquire skills of the Russian oral speech understanding.

Key words: Russian language as foreign one, listening comprehension, textbooks on listening, the first stage, Chinese high school.

Глава 4

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 82-1/-9
82-94

Н.Л. Потанина

ОБРАЗ ДИККЕНСА И ЖАНРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ. ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В статье представлены основные трактовки образа Диккенса в их соотнесенности с жанровой спецификой английской биографической прозы. Проведен анализ спорных трактовок этой проблематики в современной отечественной науке.

Ключевые слова: образ Диккенса, жанр, биография.

Диккенс относится к числу тех писательских личностей, которые давно вызывают оживленную полемику. Степень остроты этой полемики возрастает прямо пропорционально количеству лет, протекших со дня ухода писателя из жизни и появления первой его завершенной биографии. Представления о личности «великого викторианца» столь разноречивы, базируются на таком множестве часто противоположных литературоведческих и иных гуманитарных подходов, что уже сама необходимость обозначить среди них научные ориентиры обусловливает актуальность исследований в данной области. Не в последнюю очередь, актуальность таких исследований определяется вниманием к жанру – животрепещущей проблеме современного литературоведения, как отечественного, так и зарубежного. В частности, до сих пор остается предметом полемики вопрос о жанровых характеристиках многочисленных произведений биографической прозы. Этот вопрос имеет непосредственное отношение к биографиям Диккенса, так как они создавались в разные периоды английской истории и несут в себе черты разных жанров.

Справедливо мнение, что в биографии «историческое лицо выступает опосредованно – как образ, созданный в результате взаимодейст-

вия с личностью творца, его опытом, мировосприятием. Биография всегда пишется с определенных позиций, является отражением своего времени и мировоззрения автора» [Ушакова 2001: 51]. Будучи синтетическим жанром, биография всегда трудна для теоретического осмысления. Л.Я. Гинзбург справедливо замечает по этому поводу: «Непрерывная связующая цепь существует между художественной прозой и историей, мемуарами, биографиями, в конечном счете – бытовыми «человеческими документами» [Гинзбург 1999: 6]. Соотношение этих начал обусловлено требованиями времени, потому биография в разные эпохи «то замыкалась в особых, подчеркнуто эстетических формах, то сближалась с нелитературной словесностью» [Винокур 2007: 25].

Отечественная диккенсиана насчитывает немало масштабных исследований, включающих в себя элементы биографии. Среди них – труды Н.П. Михальской, И.М. Катарского, В.В. Ивашевой, Т.И. Сильман, Е.Ю. Гениевой, Н.Л. Потаниной, Е.В. Сомовой, О.А. Наумовой и др. Однако до недавнего времени в отечественном литературоведении не предпринималось исследований, которые бы рассматривали английские жизнеописания Диккенса с момента создания первой такой биографии и до нашего времени. Сейчас такая работа появилась. В Московском государственном педагогическом университете подготовлена диссертация Т.С. Гумановой «Образ Ч. Диккенса в английской биографической прозе XIX–XXI веков» [Гуманова 2019а].

Как и в любой писательской биографии, Диккенс представлен в ней как объект, а не субъект литературного творчества. В связи с этим образ писателя закономерно рассматривается здесь как результат совмещения разного типа рефлексий и разных типов дискурсов: художественного, документального, научного и прочих – что обеспечивает многоаспектность его интерпретации.

Сложность российской рецепции этой исследовательской проблематики в данном случае обусловлена не только многогранностью личности Диккенса, но и тем, что далеко не все жизнеописания «великого викторианца» переведены на русский язык. В диссертации Т.С. Гумановой исследуются вопросы о статусе биографии Диккенса, созданной Д. Форстером, о трактовке образа Диккенса в биографии Х. Пирсона, известного своим интересом к драматологическим (театральным) аспектам личности «великого викторианца», а также об особенностях интерпретации Диккенса в биографии, созданной нашей современницей К. Томалин. Кроме того, здесь проанализированы трактовки образа Диккенса в книгах Г.К. Честертона «Диккенс», Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса», П. Акройда «Диккенс» и Д. Симмонса

«Друд, или человек в черном». Выводы, сделанные Т.С. Гумановой, обобщают те трансформации, которые происходят в структуре образа Диккенса под влиянием жанровой парадигмы документально-художественной биографии, биографического эссе, романизированной биографии и биографического романа.

Т.С. Гуманова вводит в литературоведческий обиход продуктивные сведения о многообразии жанровых разновидностей жизнеописаний Диккенса, что демонстрирует общие тенденции в развитии английской биографии. Эти сведения, ценные сами по себе, могут стать импульсом для дальнейшего изучения феномена биографии в европейской культурной традиции.

Наряду с отмеченными достоинствами, имеется и материал для научной полемики. Так, обосновывая генетическую связь книги Д. Форстера о Диккенсе «Жизнь Чарльза Диккенса» (The Life of Charles Dickens, 1872–1874) с жанром викторианской биографии, исследовательница формулирует характеристики последней. Однако, к сожалению, это делается, скорее, декларативно, вне анализа конкретных викторианских биографий, что значительно снижает объяснительную силу этого материала. Дефицит литературного контекста дает себя знать и в дальнейшем, при анализе других биографий Диккенса.

Кроме того, благоприятное впечатление от научно продуктивного анализа форстеровской биографии Диккенса снижается из-за некоторых противоречивых высказываний. Например, формулируя принципы документально-художественной биографии, исследовательница подчеркивает, что «авторы этих биографий не проводят анализа художественных произведений и не высказывают своего мнения о них» [Гуманова 2019: 8]. Это суждение вступает в известное противоречие с последующим утверждением о том, что Форстер будто бы «…анализирует творчество писателя…» [Гуманова 2019а: 47]. Противоречие такого же рода находим и в разделе о биографии Х. Пирсона [Гуманова 2019а: 69]. Такие несообразности затрудняют постижение предлагаемой в исследовании логики различения и развития жанровых модификаций биографии.

Далее Т.С. Гуманова отмечает двойственность образа Диккенса, созданного в биографии Д. Форстера «Жизнь Чарльза Диккенса» (The Life of Charles Dickens, 1872–1874), мотивируя это тем, что Диккенс предстает у Форстера «не только сильным, мудрым и успешным человеком, но и слабым, растерянным мальчиком» [Гуманова 2019а: 63]. На наш взгляд, тезис о «двойственности» обедняет содержание образа Диккенса, созданного Форстером. Представляется, что в данном слу-

чае правильнее говорить о многомерности писательского образа. Вместе с тем, со следующим утверждением Т.С. Гумановой можно согласиться: факты из детства Диккенса, будучи соотнесенными Форстером с картинами его взрослой жизни, делают образ писателя более глубоким. Глубоким, а не двойственным!

Рассматривая поэтологические новации образа Диккенса в биографии Х. Пирсона («Диккенс. Человек, писатель, актер», 1949), исследовательница соотносит их с чертами литературного биографизма, характерными для XX века: индивидуализацией как принципом изображения человека, многогранностью персональных характеристик, театрализацией, сопровождающей демифологизацию образа Диккенса, стремлением достичь баланса между фактическим материалом и его авторской интерпретацией. Это, однако, не снимает значимого, на наш взгляд, вопроса о том, почему именно книга Пирсона была выбрана в качестве репрезентанта документально-художественной биографии XX века?

Специальный раздел исследования посвящен относительно недавней биографической книге К. Томалин «Диккенс: жизнь» (“Dickens: Life”, 2011). Новизна образа Диккенса трактуется Т.С. Гумановой как следствие гендерной принадлежности самого биографа (именитый британский биограф Клэр Томалин – женщина). Справедливо мнение, что книга К. Томалин содержит обширный фактический материал о гендерных взаимоотношениях в викторианской Англии. Однако возникает вопрос: нельзя ли объяснить новые черты образа Диккенса в биографии К. Томалин не столько пресловутым «женским взглядом» [Гуманова 2019а: 86, 101], сколько взглядом, восходящим к современной журналистской практике (и шире – к массовой культуре), нередко пренебрегающей моральными запретами в освещении личной жизни известных персон? Ведь во внимании К. Томалин к сложностям взаимоотношений Диккенса со своей женой или к его действительному (либо мнимому) роману с Э. Тернан, в сущности, нет ничего специфически женского. О первых писал в своих письмах и сам Диккенс, причем еще задолго до своего знаменитого письма, опубликованного в «Домашнем чтении», а его биографы-мужчины (например, Э. Уилсон и Х. Пирсон) уделили внимание и первому, и второму обстоятельствам.

Нам представляется, что, если и можно говорить здесь о «женском» начале в освещении образа Диккенса, то оно заключается во внимании к подробностям, в некой «женской дотошности» по сбору всех фактов «без изъятья».

Что же касается беллетристичности биографии К. Томалин, то она может быть следствием влияния современного романа, часто использующего элементы детективного и любовного сюжетов в целях, далеко выходящих за пределы «развлекательных».

Еще один вопрос для полемики касается жанровой принадлежности книги Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса» (“The world of Charles Dickens”, 1970). На наш взгляд, она соответствует критериям документально-художественной биографии. Именно к этой жанровой разновидности книга Уилсона справедливо отнесена и Т.С. Гумановой [Гуманова 2019а: 86, 128]. Но почему-то в главе о других документально-художественных биографиях Диккенса она не рассматривается, а помещена в главе о тех биографиях Диккенса, авторы которых сами являются писателями. На наш взгляд, этот критерий вообще не может быть признан корректным. В самом деле, может ли принадлежность автора биографии к «писательскому цеху» служить дифференцирующим признаком при определении жанровой разновидности жизнеописания? И разве писатель не может стать создателем документальной биографии? Книга Уилсона – как раз из этого ряда. Она несет в себе черты биографического и литературоведческого исследования, стиль которого, быть может, несколько более свободен, чем это обычно бывает в сочинениях такого рода.

Поставленные здесь вопросы свидетельствуют о том, что исследование образа Диккенса на пересечении литературоведческого, документально-биографического и художественного дискурсов представляет очень значительный интерес и имеет серьезные перспективы в разных областях гуманитарного знания. Специфика интерпретаций образа писателя в контексте культурно-исторического развития и в соотношении с проблемами жанровой поэтики открывает новые перспективы для исследования биографии на материале разных национальных литератур.

Литература

Винокур Г.О. Биография и культура. М.: Наука, 2007.

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. СПб.: Наука, 1999.

Гуманова Т.С. Образ Ч. Диккенса в английской биографической прозе XIX – XX веков: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2019.

Гуманова Т.С. Образ Ч. Диккенса в английской биографической прозе XIX–XX веков: дис. … канд. филол. наук. М., 2019а.

Ушакова Е.В. Литературная биография как жанр в творчестве П. Акройда: дис. … канд. филол. наук. М., 2001.

Potanina N.L. The image of Dickens and genre problems of biographical notes. Polemical annotations

The article presents the basic interpretations of the image of Dickens in their relationship with the genre specificity of English biographical prose. The author analyses interpretations of this subject in the modern Russian philology.

Key words: image of Dickens, genre, biography.

УДК 821.16

G. Chusovitch

INFORMATION ASYMMETRY IN TRADING AND OTHER TYPES OF ECONOMIC RELATIONSHIPS – REFLECTION IN THE FLOK LORE OF SOUTH-SLAVIC PEOPLES: EXAMPLES OF PROVERBS AND SAYINGS

В статье Джордже Чузовича «Отражение информационной асимметрии торговых и других экономических отношений в пословицах и поговорках южных славян» для анализа выбран свод южнославянских пословиц и поговорок, посвящённый ситуациям, которые характерны для торговых отношений купли-продажи. Они отражают моменты, когда продавец о качестве товара знает больше, чем покупатель. В статье показано, как народная мудрость по-своему это интерпретирует. Так возникает явление, которое экономическая теория XX столетия определяет как теорию информационной асимметрии

Ключевые слова: пословицы, торговля, качество продукта, информационная асимметрия.

Introduction

In the proverbs anthologies we usually find them clustered according to various criteria, among which there are groups related to the economic sphere of life in the community. The act of exchanging goods itself meant communication in which the owners determined the relationship of goods and harmonized the quantities of goods being exchanged. Once the contract is established and the exchange is carried out, each of the participants in the process could draw a conclusion on the outcome for himself and be more or less satisfied with what he has achieved in the exchange. If they were able to realize the surpluses of some goods through their economic activity, individuals and the community could improve the structure of their consumption and fulfill their needs through the exchange of these goods. It was ne-

cessary to get in touch with some other community or individuals who could benefit from the exchange, who have things to offer in order to get what they need. The exchange of goods that accompanied the creation of products also increased the possibilities of increasing well-being and improving the quality of human life. The importance of the act of exchange was easy to see. It was also easy to see that the exchange can be done with more or less success, that it can go better or worse. Experiences in a community regarding the exchange of goods are preserved and passed on, as are the experiences in the creation and acquisition of goods.

In this paper, in the context of the proverbs of the South Slavic peoples, we have in mind the set of selected proverbs that illuminate the exchange of goods, both the act of exchange and what precedes or follows this act. In doing so, we have limited ourselves to a narrow circle of issues that are relevant to the exchange process itself. We have in mind the information side that follows it, the knowledge that's important for making a decision. The development of exchanges from simple, sporadic exchange to barter to commodity exchange and trading as a stable activity to the present day with electronic trade was followed by another process in the human community: consolidating the rules and customs of trading, from the obligation to the latest changes in legislation aimed at protecting customers and consumers. The need to protect the buyer or consumer has stemmed from the simple fact that he is in an inferior position in relation to the seller who has more information about the product. The information advantage is on seller's side because the product is created by his activity.

Cicero's observation that it is impossible to achieve complete protection of the buyer by civil law has remained current to this day. The seller who knows more about the product than the buyer is able to make the unfavorable information inaccessible. A typical example is information about product quality. In the market economy, the discrepancy in information level between buyers and sellers can create significant problems and reduce the efficiency of trading. In economic science, a set of questions related to the knowledge of actors in market transactions is considered in one of the most important theories of the twentieth century: the theory of asymmetric information. Since the 1970's, this theory has been rapidly developing. In 2001, US economists George Akerlof, Joseph Stiglitz and Michael Spence were awarded the Nobel Prize for Economics for their contribution in analyzing the asymmetric market.

In this paper, the basic settings of the theory of asymmetric information are brought into connection with the folk proverbs of the South Slavic peoples selected from the published collections. When Serbia was con-

cerned, we mostly relied on a collection of proverbs collected and published by VukStefanoviжKaradђiж (1787-1864). We included the proverbs from Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro (S), as well as Bulgarian (BU), Slovene (SL) and Macedonian (MK) proverbs. Using the proverbs as the example, we will illustrate that the folk lore encompassed views of some of the phenomena in trading much before the economic science could explain those within the theory of asymmetric information.

2. Information asymmetry

In economic relations, participants often do not have information that is important for making the key decisions. In such circumstances, information asymmetry occurs, because one party of the economic transaction is better informed. Asymmetric information can occur in the form of hidden characteristics and hidden actions. A hidden characteristic is a situation in which one party in the transaction is familiar with certain product features, while for the other party this information remains unknown. A hidden action is a situation in which one party in the transaction takes actions that are important to the other party, but the other party is not able to observe them in time. Both types of asymmetric information affect the market negatively.

The theory itself explains different states and phenomena, such as hidden characteristic, hidden action, moral hazard, signaling. Folk proverbs are commonly known sentences that contain folk wisdom, truth, morality and traditional views in a metaphorical and memorable form that and are passed on from generation to generation [Mieder 2004: 3]. Folk proverbs and sayings contain folk wisdom, experiences, observations and knowledge that are most often presented with short, pithy, and concise statements that are easy to remember. The wisdom contained in the proverbs can be expressed in a sentence: "The proverb is the spirit of one and the mind of many" [Ивановић 2015: 254]. Folk proverbs and sayings can be a source of information on the economic behavior of people.

3. Importance of information and the relationship towards it

The relationship to information can be quite different when it comes to certain actors. The unsolid seller is trying to conceal everything that would indicate the poor quality of his product. Such seller would try to hide every information that would be of use to the buyer. Prior to the analysis of the circumstances specific for information asymmetry and the consequences that may affect the inferior actors in such a situation can affect, it is impor-

tant to point out the proverbs in which the significance of the information itself is pointed out.

[1] Kdorprodaja, mu je enookozadosti, a kdorkupuje, potrebujeobe. (SL)

(He who sells needs only one eye, and he who buys needs both.)

Proverb [1] is from Slovenia. It points to the different significance of the information for the buyer and the seller as actors in the transaction. Obviously, the information advantage is on the seller's side. It also shows his interest in the process itself in which information is sought and honored. In the proverb itself, figurative expressiveness came to the fore. It is necessary to pay attention and watch carefully. Sometimes it is said: Open your eyes! Some sellers of poor-quality products sometimes count on the fact that they will be able to sell their product to a customer who is not careful, who does not check what he is buying, who does not see what is easily noticed. The Russian proverb also refers to such a buyer: *Только слепой купит червивые бобы. (Only the blind man will buy worm-infested beans.)*

The consequences for an uninformed market player can be severe. A less informed actor in economic relations may be exposed to damage if he makes decisions that are not in accordance with his interest. He makes decision, but he did not assess the situation because he lacked essential information. Such a situation is reflected in following proverbs:

[2] Мачка се у врећи не купује. (С)

(Do not buy a cat in a bag.)

[3] Риба се у води не погађа. (С)

(Do not bargain for fish still in the water.)

[4] В мътна вода лесно се риба лови. (БУ)

(In murky water a fish is easy to catch.)

[5] В тъмнината всички крави са черни. (БУ)

(In the dark, all the cows are black.)

Proverb [2] is also found in anthologies of Russian proverbs: *Купить кота в мешке. (To buy a cat in a bag.)* In addition to this proverb, the comment was given: “Someone bought something that he had not seen before, without getting to know it first, and therefore he did not get what he wanted.” [Пермяков 1986]. Previous proverbs indicate that when buying a product, it is necessary to be well informed. In the event that the customer does not have sufficient information, it may be that the product characteristics deviate from the buyer's expectations. In the proverbs, we see the advice to an uninformed party, recommendations that emphasize the risk. When buying products or making certain decisions, it is necessary to focus on available information and visible characteristics. Nevertheless, in addition

to the analysis of the available information, the potential buyer should pay even more attention to the search and disclosure of hidden information and product characteristics.

4. Moral hazard

Because of asymmetric information, two problems can arise. One is a negative selection, which is due to the hidden characteristics of the product, while the other is a moral hazard caused by hidden actions. A moral hazard arises from a hidden action that occurs when a better-informed party takes actions that the other party cannot observe and which causes damage to the party with less information. As a result of information asymmetry, after the exchange a significant deviation in the quality of what is purchased from the expected quality can occur. Such phenomena take place in markets where it is not possible, or is difficult or expensive, to acquire the detailed product knowledge and quality control.

Possibility of hidden activity, the actors who hide information in market relations, are also indicated in certain folk proverbs and sayings. In them, we mostly recognize the sublimated experience of many who were trading with unsolid sellers and fared badly. Short forms are ideal to be memorized easily.

[6] Споља гладац, унутра јадац. (С)
(Shiny on the outside, spoiled on the inside.)
[7] Около калај, унутра белај. (С)
(Tin on the outside, trouble on the inside.)
[8] Отвънка гиздава, отвътре гнидава. (БУ)
(Dapper on the outside, lousy on the inside.)
[9] Отвънка кукла, отвътре чума. (БУ)
(Doll on the outside, plague on the inside.)
[10] На врху вреће лаж, а на дну истина. (С)
(A lie on top of the sack, the truth at the bottom of it.)

These proverbs indicate that information that is readily available during product inspection can be unreliable. The seller may arrange the outwardly visible properties of the product by the cunning plan, seeking to conceal the essential characteristics of the product, its disadvantages and poor quality. When performing a transaction, a less-informed party is not able to perceive all relevant product features on the basis of such information and makes a decision that is not in his best interest. In such circumstances, the buyer is exposed to risk. He can face various types of damage: economic losses and even consequences such as endangering his personal

safety or the safety of some other persons. When making a decision in an economic transaction, a less-informed party needs to look at and collect additional information and not only available and easily visible one, to be cautious.

5. Behavior of participants in trading

In economic theory, special importance is attached to the actions by which information is transmitted, based on which a less-informed participant in trading can more fully assess the circumstances in which the decision is made. By patiently and consistently maintaining the quality of products at a high level, the manufacturer can gain customer confidence. In modern marketing it is said that such a behavior the manufacturer acquires a *reputation*. Reputation indirectly conveys information on the solid quality of products and services. In some markets, buyers can avoid the problem of poor product quality if they buy products from manufacturers and sellers who have a reputation; for which, based on experience, their own and others', they are convinced of the high quality of their products. Sellers of quality products have a motive to persuade customers that the quality of their products is high, and this can be achieved through reputation. In this way, they manage to "stay above" the sellers who try to create a favorable image in their customer's eyes about their poor-quality product using solely external features. If latter succeed in this, the consequences are unfavorable for the manufacturers of quality products, because the fall in the sales price follows. If such a price cannot pay off what is invested in the production, supply of a quality product is decreasing and it can even be pushed out of the market. Such a situation does not suit the customers who are willing to pay more for better quality. Maintaining a high quality gives the manufacturer a reputation, the word of it spreads among customers, because he is praised by his product as it is summarized in the Slovene proverb [11]. These words summarize what is referred to as "mouth-to-mouth" information in marketing. Similar meaning is encompassed in the proverbs [12], [13], and [14].

[11] Lonec lonиarja hvali. (СЛ)
(The pot praises the potter.)
[12] Сестру удаје сестра, а бачву продаје бачва. (С)
(A sister marries off her sister, and the barrel sells off a barrel.)
[13] Добрата стока сама се хвали. (БУ)
(Good cattle praises itself.)
[14] Работата фали мајсторот. (МК)

(The work praises the craftsman.)

Signaling and *screening* are concepts by which the economic theory explains the actions of actors whose tendencies in the market are aimed at overcoming the problems caused by information asymmetry. A solid seller could offer the buyer some other information instead of the one in which the customer has no trust. It's something that an unsolid market actor is not able to offer (for example, a warranty period). An *unsolidplayer* who is "disguising" himself as solid one by hiding information, in this case does not have an adequate response and the his real picture is revealed. He pays much attention to the outer appearance of the product and its visible qualities, striving to "mingle" with the producers of high-quality products. If a high-quality product manufacturer is in a position to emit powerful enough signals, he will achieve a situation that suits him and customers who are looking for a quality product and who are willing to pay, to consent to a higher price. Signaling is not favorable only to those who offer the poor quality products because the markets are being separated. They are forced to offer their poor product at a low price and, if this price still covers production costs, to accept the circumstances as they are: in other words, to accept the market valuation of their product in the way it deserves. Uninformed actors can reduce or eliminate information asymmetry if they manage to gather information about hidden product characteristics through screening. Screening is the action of an uninformed actor who is trying to indirectly gather important information from a potential partner who has it [Шолак 2003: 45].

[15] Није злато све што сија. (C)
(All that glitters is not gold.)
[16] Сребрно седло не чини добра коња. (C)
(A silver saddle does not a good horse make.)
[17] Не гледај колика је кокош, већ колико јаја носи. (C)
(Look not how big a hen is, but how many eggs it lays.)
[18] Дрвото се познава по плодот. (MK)
(A tree is known for its fruits.)
[19] Три пати мери еднаш кроj. (MK)
(Measure thrice, cut once.)
[20] Празно буре већма звони. (C)
(An empty barrel louder rings.)

The proverb [15] is also found in the collection of Russian proverbs: *Не всё то золото, что блестит. (All that glitters is not gold.)* Caution is advised when evaluating the product while trying to gain the initial perception. In proverbs [16], [17] and [18], attention is also drawn to the unrelia-

bility of external impressions that the buyer should resist. In proverbs [19] and [20], it is emphasized that it is necessary to check and analyze all the available information before making a final decision.

Recommendations of behavior are directed to the caution advised to the uninformed actor on the market. Possession of important information by all participants in an economic transaction can eliminate the problem of asymmetric information. National proverbs and sayings contain folk wisdom and experiences that are passed on from generation to generation. These experiences can sometimes provide recommendations for participants' behavior in an economic transaction in order to maximize profits. Information on important product characteristics, if left unknown, can significantly affect the decision to realize a particular economic transaction. The buyer should not be focused on visible and easily available product information, but should seek to gather important and relevant information that is often not easily noticeable in order to make sure that he has made a good economic decision.

[21] Гледај видљиво, а тражи скривено! (С)
(See the visible, seek the hidden!)
[22] Илјада гледај коа да купуаш нешго, и едно земај. (МК)
(When buying something, look at thousands and take one.)
[23] Доде не изпиташ брода, не нагазяй вода. (БУ)
(Tread not the water before finding the wade.)
[24] Боље је знано с маном него незнано са хвалом. (С)
(Better well-known with a flaw than unknown with praise.)

Conclusion

In folk proverbs selected from the collections of South Slavic peoples, we find observations about key trading phenomena in situations where the buyer in an inferior position, because he knows less about the object of transaction than the seller does. Trade and exchange are economic activities in which the possession of relevant information is of great importance for making a good decision. In trading, information asymmetry often comes to light, as manufacturers and sellers are better informed than buyers. In the economic science, such circumstances and the resulting consequences are studied within the theory of asymmetric information introduced in the 1970's. In folk proverbs and sayings selected in this paper, the problems for uninformed buyers are reflected. The proverbs are easily linked to concepts of economic theory such as: moral hazard, negative selection, signaling, screening, reputation, etc. During a long-time trade development, partici-

pants in economic transactions gained the experience that lack of information would expose them to risk and damage. After the trade has been completed, individuals made their observations within the circle of their family, friends and acquaintances. Older and more experienced people had the opportunity to give young people advice and recommendations in order to teach them. Thus folk proverbs and sayings probably originated and were passed on from generation to generation. They contain folk wisdom that has come up with many examples of unfavorable purchases in which buyers suffered damage. They often contain a recommendation to keep in mind, and which should be recalled before buying anything.

References

Ивановић С. Црногорске пословице и изреке. Подгорица: Народнакњига, 2015.

Јовановски А.П. Македонски народни пословици. Скопје: Студентски избор, 1991.

Лакићевић Д.(уред.) Народне пословице. Београд: Дерета, 2003.

MiederW. Proverbs: a handbook. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004.

Пермяков Г.Л. 300 общоупотребителни руски пословици и поговорки. Москва: Руски язык. София: Народна просвета, 1986.

СтојчићЂ. (уред.) Српске народне изреке (Вол. 1-2). Београд: Компанија Новости, 2006.

Шћепановић М. Вукове српске народне пословице с регистром кључних речи. Београд: Јасен, 2015.

Шолак З. Економика асиметричних информација. НовиСад: Футура, 2003.

Chusovitch G. Information asymmetry in trading and other types of economic relationships – reflection in the flok lore of south-slavic peoples: examples of proverbs and sayings

The selected set of proverbs from the South Slavic languages has been linked to situations typical for trading, buying and selling. They refer to the circumstances in which the seller knows more about the quality of the product than the buyer. The paper shows that folk wisdom interpreted in its own way the main phenomena in such trade that were formulated and explained in modern economic theory of the twentieth century: the asymmetric information theory.

Key words: proverbs, trade, product quality, information asymmetry.

УДК 811.19

А.А. Бадикян, Г.Б. Буянова

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В АРМЯНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В статье речь идёт о пословицах и поговорках в армянских народных сказках. Большое внимание уделяется их толкованию, что позволяет определить роль и место образных изречений в армянском фольклоре. Также проводятся параллели с русскими пословицами и поговорками, что говорит о взаимосвязи двух культур.

Ключевые слова: армянские пословицы и поговорки, сказки, народная мудрость, фольклорная культура.

Армянский фольклор чрезвычайно богат и разнообразен. Армянские пословицы и поговорки являются своеобразным жанром народного творчества и восходят к далекому прошлому. В них выражены мудрость народа, его ум, прозорливость, честность и простота. Какие бы незваные гости ни вторгались на территорию Армении, каким бы опустошительным набегам ни подвергалась армянская земля, народ сохранял верность основам своей культуры, и народное творчество продолжало жить, давая новые ростки.

Армянские пословицы и поговорки широко представлены в армянских народных сказках. Каковы главные отличия пословиц от поговорок? «Пословица – это краткое образное законченное изречение, лаконичное по форме, с назидательным смыслом. Поговорка – это 1. Принятое, ходячее выражение, обычно образное, иносказательное, не являющееся цельной фразой, предложением (чем отличается от пословицы, напр. Ни пава ни ворона). 2. То же, что пословица (неточно). 3. Только ед. разговоры, толки (обл.). Была об этом поговорка. 4. Говор, произношение (обл.). Ардатовца всегда по поговорке узнаешь. Даль. 5. Слово, часто вставляемое в речь кстати и некстати, напр. Знаешь». [Ушаков 1940].

В сказке «Почему лук горький» Лук спрашивает у Подорожника: *«Тебя вырезают здесь, а ты прорастаешь там. Вырвут с корнем, а ты пробиваешься рядом. Откуда у тебя столько силы духа, что не погибаешь в бесконечных гонениях?»* [Ганаланян 1965: 47] На этот вопрос Подорожник отвечает мудрой пословицей: *«Сила духа крепнет от борьбы»* [Ганаланян 1965: 47]. Здесь речь идет о борьбе за жизнь, за достойное существование. Человек не должен сдаваться, он должен «пробиваться» вперед, минуя все преграды и трудности, которые

встречаются у него на пути. Только тогда он сможет быть силён духом и уверен в себе. Лук задает Подорожнику еще один вопрос: *«Скажи, Подорожник, что труднее всего на свете: умирать от жажды на солнцепёке, быть раздавленным Копытом, вырванным с корнем, или быть порубленным неумолимым Железом?»* [Ганаланян 1965: 48]. Подорожник отвечает ему следующей мудрой пословицей: *«Самое трудное – не обидеть другого»* [Ганаланян 1965: 47]. В ней заключается мысль о том, что нужно быть дружелюбным и понимающим, уважать интересы и взгляды другого, стараться не обидеть его резким и грубым словом.

Особое место в армянском отводится сказке «Анаит», которая содержит довольно много пословиц и поговорок. Например, героиня говорит такие слова: *«Сегодняшний господин – завтра может стать слугой. Ремеслом должен владеть каждый, будь он царь или слуга»* [Ганаланян 1965: 79]. Данная пословица заставляет задуматься о важности и необходимости труда в жизни человека, независимо от того, какое положение ты занимаешь в обществе. Знание того или иного ремесла и трудолюбие помогут выжить человеку в любых сложных обстоятельствах. В сказке же «Царский портной» один старый мастер выполняет условие, поставленное царем: кто сошьёт одеяло точно по царскому росту, получит в награду руку его дочери, царевны Рачии Огнеглазой и полцарства в придачу. Но тот, кто принесёт слишком длинное или слишком короткое одеяло, станет рабом царя. Тогда жадный и жестокий царь попадает в безвыходную ситуацию. Автор описывает состояние своего героя поговоркой: *«Попав в капкан, лисица сама себе отгрызает лапу»* [Ганаланян 1965: 102]. Действительно, ему остается лишь сдержать свое слово. Портной просит отпустить всех рабов из пещер и больше ничего, царь же беспрекословно выполняет это желание. В сказке также есть прямая отсылка к старой поговорке, которую вспоминает царь: *«Кто обманул сегодня, – тому не поверят завтра»* [Ганаланян 1965: 105]. Он понимает, что если не сдержит свое слово, то никто и никогда не поверит больше ему, речи его не будут иметь никакого значения для народа. Необычная и ироничная поговорка звучит из уст царя, когда он видит нищего оборванца, который надеется угодить царю, тогда как опытные мастера не смогли справиться со сложной задачей: *«Хвалился ишак конём стать, да уши помешали?»* [Ганаланян 1965: 106]. В данном случае речь идет о том, что хвастаться каждый горазд; легко находит причины и отговорки, мешающие выполнить какую-либо задачу, гораздо сложнее без слов доказать свои способности. Однако на дерзкий и грубый вопрос царя,

портной отвечает так: *«Не было бы ишака, пришлось бы коню возить на себе хворост»* [Ганаланян 1965: 106]. В этой поговорке заключается глубокая мысль о том, что нельзя на свете обойтись без тех, кто выполняет пусть не главную, но не менее трудную работу. Как в природе важен каждый зверь, выполняющий свою роль в цепочке, поддерживающий баланс окружающей среды, так и в жизни каждый человек важен и нужен, каждый несет на себе, в большей или меньшей степени, груз ответственности за свою жизнь и жизнь других, каждый оставляет свой след в истории.

В сказке «Гибель художника» герой произносит слова: *«Сила старости – в мудрости. А там, где мудрость, крика не может быть»* [Ганаланян 1965: 123]. Это поговорка повествует о том, что лишь с годами у человека появляется опыт, и он обретает мудрость, когда усваивает все уроки жизни, анализирует свои ошибки и приходит к определенным выводам. Криком и озлобленностью нельзя добиться результатов, лишь правильными и добрыми словами можно достичь взаимопонимания с людьми, успеха в делах. Ведь нужно уметь договориться с окружающими и помогать друг другу. Еще одну пословицу произносит Мануг: *«Обман же обману рознь. От обмана купца – сотни обедневших. От лжи художника – целые поколения»* [Ганаланян 1965: 127]. Герой понимает, что намеренно обманывать людей он не может. Перед ним стоит ответственная задача: изобразить на картинах мир таким, какой он есть, изобразить правду, которую видит и чувствует он. Если же его работы лишатся чистоты, простоты и правды, то от этого обеднеют и пострадают целые поколения людей, которые будут рассматривать его картины и верить их художнику. Возможно, обман купца несет меньшие потери: от его действий беднеют финансово, а не духовно.

В сказке «Занги-Зранги» звучит пословица, которая есть и в русском фольклоре: *«Чему быть, того не миновать»* [Ганаланян 1965: 135]. Она повествует о роли рока, судьбы в жизни человека, о покорности судьбе. Человек должен достойно принимать то, что уготовано для него, то, что предрешено и нельзя изменить. Так или иначе, но то, что должно произойти, рано или поздно настигнет тебя.

«…Пока не будешь трудиться, цену труду не будешь знать» [Ганаланян 1965: 141] – этой пословицей обращается отец к сыну в сказке «Заработанное своим трудом». Человек тяжело расстается с деньгами, если он добывает их тяжелым трудом, собственными усилиями. Если же деньги заработаны не им, то ему сложно осознать, как тяжела работа; поэтому нужно уважать и ценить всякий труд других людей.

Всем знакома с детства русская пословица: *«Нет худа без добра»*. При дословном переводе на армянский язык она звучит несколько иначе: *«Нет зла без добра»* [Ганаланян 1965: 144]. Эти слова можно часто встретить в сказках. В данном случае это сказка «Сила привычки». Иногда какие-либо неприятные, драматические события происходят с людьми для того, чтобы затем жизнь изменилась в лучшую сторону. После ночи всегда наступает утро, а после дождя появляется радуга – так и в жизни человека.

Произведения народного творчества устно передавались от поколения к поколению, оттачивались, шлифовались и, в конце концов, были запечатлены в письменной форме.

Деятели армянской культуры – летописцы, историки, писатели, ученые – на протяжении веков собирали, записывали и комментировали образцы армянского фольклора. Благодаря их самоотверженности и усердию были сохранены для будущего многие жемчужины армянского народного творчества.

Армянские пословицы и поговорки впервые были опубликованы в 1859 г. на страницах газеты «Пчела Армении» Гр. Тер-Арутюняном. Это был один из первых серьезных опытов представления широкому кругу читателей важного пласта армянского фольклора.

Значителен вклад в армянскую фольклористику А.Т. Ганаланяна. Им собрано и научно систематизировано 40 тыс. пословиц, которые составили сборник «Армянские пословицы» (1960).

Лучшие образцы народного творчества перешагнули границы Армении и переведены на многие языки. Армянские пословицы и поговорки на русском языке с русскими эквивалентами и научным комментарием впервые были изданы в 1973 г.

Сборники пословиц и поговорок пользуются неизменным успехом у читателей независимо от их профессии и интересов. Меткость, лаконизм, мудрость, поучительность и разящее остроумие пословиц делают их едва ли не самым любимым жанром устного народного творчества.

Литература

Брагинский И.С., Брегель Ю.Э., Аникина В.П. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961.

Ганаланян А.Т. Армянские народные сказки. Ереван, 1965.

Карапетян Г.О. Армянские пословицы и поговорки. М.: Наука, 1972.

Badikyan A.A., Buyanova G.B. Proverbs and sayings in the Armenian fairy-tales

The article deals with proverbs and sayings in Armenian fairy-tales. We focus on ways of their interpretation, which makes possible studying their role and place in Armenian folklore. Also we draw some parallels with the Russian proverbs and sayings, and this highlights close communication of the two cultures.

Key words: Armenian proverbs and sayings, fairy-tales, popular wisdom, folk culture

УДК 811.161.1

А.В. Белозерова

ТЕМА МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗАРУБЕЖНОМ РОМАНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

В статье представлен обзор произведений о Первой и Второй мировых войнах, опубликованных между 1960 и 2014 годами. На этой основе обозначены ключевые особенности интерпретации военной темы в современном западноевропейском романе.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, зарубежный роман, английская литература, немецкая литература, А. Байетт, Д. Брокмоул, И. Во, Э. Поуэлл, Б. Шлинк.

Война, ставшая главной темой искусства XX–XXI веков, определившая личные судьбы людей и сформировавшая эстетические позиции многих писателей, обусловила поэтику их произведений. В произведениях о войне (О. Меннинг «Превратности войны» (1960–1980), Э. Поуэлл «Поле костей» (1964), И. Во «Почетный меч» (1965), С. Фолкс «И пели птицы…» (1993), Б. Шлинк «Возвращение» (2006), А. Байетт «Детская книга» (2009), Д. Бойн «Мальчик в полосатой пижаме» (2010), М. Нуровская «Письма любви» (2010), Д. Брокмоул «Письма с острова Скай» (2014) и др.) писатели стремятся проанализировать влияние мировой катастрофы на человеческие судьбы. При этом Вторая мировая война гораздо чаще, чем Первая, становится предметом художественного освоения в литературе. Книги, посвященные Второй мировой войне, затрагивают широкий круг вопросов, связанных с характером и смыслом войны, а также с ролью простого человека в суровых условиях военных будней. Большое внимание в литературе о войне уделяется проблеме самоидентификации человека.

К таким произведениям относятся романы британского писателя Э. Поуэлла «Поле костей» (1964), «Искусство ратных дел» (1966),

«Военные философы» (1968), вошедшие в двенадцатитомный цикл «Танец под музыку времени» (“Dance to the Music of Time”).

Название цикла связано с английской литературной традицией, представляющей жизнь театральным спектаклем, представлением.

Книга «Поле костей» принесла Поуэллу настоящий успех. На протяжении всего романа образ главного героя Николаса изменчив. В первых томах мир для Дженкинса кажется комическим, противоречивым, а в последних – Николас смотрит на него гуманно и справедливо.

Фронтовая дружба, оторванность от родных и близких, военное время являются сюжетным ядром книги: «Так началось у нас с Гуоткином что-то вроде дружбы. Совместные ночевки в канцелярии изменили не только взаимоотношения наши, но и весь ритм отдыха и подъема» [Поуэлл: URL]. В романе «Поле костей» отсутствуют подробные описания военных действий, а есть изображение людей во время войны. Учения, проверки, марши, переезды, встречи с новыми людьми составляют будничную жизнь батальона: «По воскресным утрам надо, выстроив взвод обороны, маршировать в церковь вместе с отрядом военной полиции и различными другими подразделениями, приданными штабу дивизии. Эта маршировка – довольно хлопотное дело…» [Там же].

Итогом творческого пути британского романиста И. Во считается трилогия «Почетный меч» (1965). Герои его произведений проходят трудный путь поражений и разочарований. Писатель утверждает неизбежность разрушения эстетических и нравственных идеалов. Автором создаются такие условия, в которых его герои не имеют возможности существовать по отдельности.

В трилогии писатель отображает свой личный опыт. В начале Второй мировой войны И. Во, неподлежащий призыву, прикладывал все усилия, чтобы принять в ней участие.

Оказавшись готовым сражаться за свою страну, писатель стремился к обретению новых тем и творческих импульсов для дальнейшей литературной деятельности: «Все мое желание состоит в том, чтобы пойти в армию в качестве рядового. <…> Я предполагаю, что впереди у меня еще тридцать лет творческой работы. Ничто не будет более губительным для меня как для писателя, чем работа в государственном учреждении, и ничто не вдохновит меня так, как полная смена образа жизни» [The Diaries of Evelyn Waugh 2009: 460].

В творчестве современного немецкого писателя Б. Шлинка тема войны ярко представлена в романах «Чтец» (2005) и «Возвращение»

(2006). Писатель обращается к теме войны, сопряженной с темой самоидентификации современного человека, которая невозможна без обращения к истокам своей семьи и истории Германии. Люди послевоенного поколения стремятся найти ответы на трагические вопросы о Второй мировой войне, а также определить свое место в мире и убедиться в нерушимости традиционных ценностей.

Довоенная и послевоенная жизнь представлена в романе в историческом, социологическом и литературном ракурсах. В книге Б. Шлинка встречаются как публицистические, так и эпистолярные псевдотексты, характерные для эпохи постмодернизма. Функциональность этих вставных конструкций «обусловлена двумя основными факторами: их собственной жанровой природой и жанровой природой "принимающего" текста. В жанровом отношении эти "вставные конструкции" несут в себе "память" мемуаров, легенды, притчи, приключенческого романа, "черной комедии", письма, публицистической статьи. При этом жанровая парадигма романа, в который они инкорпорируются, оказывает на них свое воздействие, частично изменяя их собственные характеристики» [Потанина, Горячева 2018: 73-80]. Б. Шлинк отображает в романе опыт человека, его гуманистические ценности, противоборство начавшегося прогресса и реакции. Вместе с тем, по мнению американского историка Гири Кавелти, роман Шлинка представляет собой «попытку длинного броска, которая, к сожалению, осталось попыткой, так как Шлинк хотел просто написать обо всем, а в итоге получился слишком многоплановый текст» [Cavelty 2006: 27].

По мысли С.Г. Исаева и Н.Г. Владимировой, «…неклассическое произведение осознанно "организуется" фрагментарно. <…> Фрагментарность на новом этапе формируется как множество рассказываемых историй, что приводит к возникновению сложной калейдоскопической структуры…» [Исаев 2015: 5]. Сказанное относится к романам английской писательницы А. Байетт (род. в 1936 г.). В 2009 году был опубликован роман Байетт «Детская книга», номинированный в том же году на Букеровскую премию. События романа охватывают 20 лет. Об этом писательница рассказывает в интервью с Д. Дроздовским, опубликованном в 2006 году в журнале «Иностранная литература»: «Я пишу роман, действие которого начинается в 1885-м, а заканчивается в 1918-м. Я пока еще в 1885-м, написала уже сто тридцать страниц, так что, думаю, времени потребуется много. Там действуют и немцы, и англичане, и социалисты, и сказочники, и горшечники. И, конечно, есть война» [Иностранная литература 2006: 12].

Книга разделена на 4 части: «Начала», «Золотой век», «Серебряный век» и «Свинцовый век», где первая часть посвящена окончанию эпохи викторианства, а последняя – событиям Первой мировой войны. Тема войны, поднимаемая Байетт в финальной части романа, не лишена искусство центризма, проявляющегося в окопной поэзии, которая создается героем произведения Джулианом Кейном: «Джулиан пристрастился писать стихи. Не от отчаяния и – пока – не от гнева, как дикари. Не о славном часе, не о покрывших себя славой мертвых, не о высоком призвании, не о рыцарской доблести, рожках и волынках. А о названиях окопов: эти названия сами по себе были поэзией» [Байетт: URL].

В «Детской книге» Байетт описывает те бедствия, которые Первая мировая война обрушила на людей: смерть на фронте, потеря родных и близких, боль, голод, страх и отчаяние.

Осознав, что их врагами являются не столько немцы, сколько те люди на родине, которые постоянно их обманывали, герои романа приходят к неприятию общества, которое ввергло их в эту войну.

В 2014 году был опубликован роман американской писательницы Д. Брокмоул «Письма с острова Скай». Сюжетообразующей является любовная история, длящаяся в течение двух войн: Первой и Второй мировой.

После того, как главный герой Дэвид отправляет письмо автору понравившейся ему книги Элспет, проживающей на далеком острове Скай, их переписка, «где каждое слово наполнено любовью» [Брокмоул: URL], не прекращается. Главным и единственным препятствием на пути героев оказывается война, которая вынуждает Дэвида и Элспет делать нелегкий выбор между любовью и долгом.

Ни одну человеческую судьбу не удастся понять, не обратившись к прошедшей войне. Для этого писателю не обязательно на протяжении всей книги рассказывать о войне, а из своего героя делать солдата. Для этого автору достаточно всего лишь напомнить о прошедшей войне и выдвинуть мысль об угрозе новой.

Таким образом, авторам представленных выше романов удалось художественно осмыслить опыт мировых войн в его сопряжении с глобальными проблемами послевоенной жизни. Необходимо отметить, что изображение войны через призму внутренних переживаний героев, в аспекте проблемы самоидентификации современного человека, в сопряжении с тревогами о будущей судьбе человечества, является значимой характеристикой всех рассмотренных романов.

Литература

Анджапаридзе Г. Трилогия Э. Во «Почетный меч». – В кн.: Проблемы английской литературы XIX и XX вв., М., 1974.

Байетт А. Детская книга // URL: https://www.litmir.me/br/?b=150249&p=1

Брокмоул Д. Письма с острова Скай // URL: https://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1027543/Brokmoul_-_Pisma_s_ostrova_Skay.html.

Исаев С.Г. Поэтологические проекции текста: Классические и неклассические аспекты. Великий Новгород, 2015.

Потанина Н.Л., Горячева К.Ю. Поэтика «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка «Возвращение» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 16.

Поуэлл Э. Поле костей // URL: https://e-libra.ru/read/494988-pole-kostey-iskusstvo-ratnyh-del.html.

Топер П.М. Война и история (Советская литература о Великой Отечественной войне в контексте мирового литературного процесса) // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран. М.: Наука, 1985.

Шлинк Б. Возвращение // URL: https://e-libra.ru/read/218278-vozvraschenie.html.

The Diaries of Evelyn Waugh / Ed. by Michael Davy. London: Phoenix, 2009.

Cavelty G. Die Odysseeals Obsession // Neue Zurcher Zeitung. 2006. № 93.

Belozerova A.V. The image of a world war in contemporary imaginative discourse: to the specificity of the English view

The article presents a brief analysis of works on the First and Second World Wars published in the early XX–XXI centuries using the example of English literature. On the example of contemporary writers, the researcher reveals characteristic features of this topic interpretation in the modern European novel.

Key words: World War I, World War II, English literature, A. Bayett, D. Brockmole, I. Vo, E. Powell, B. Schlink.

УДК 82.091

А.А. Истомина

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ НАЧАЛО И СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ХАРАКТЕРА В РОМАНАХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» И А. ДЕ МЮССЕ «ИСПОВЕДЬ СЫНА ВЕКА»

Статья посвящена сопоставительному анализу романов М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и А. де Мюссе «Исповедь сына века». Исследуются некоторые способы создания характеров главных героев романов – Григория Печорина и Октава де Т.,

а также специфика исповедальности, организующей художественное пространство анализируемых произведений.
Ключевые слова: русская литература, французская литература, компаративистика, М.Ю.Лермонтов, А. де Мюссе, исповедальность, конструирование характера.

Первая половина XIX века в мировой культуре ознаменована обращением к личности и её внутреннему миру. Для этого периода характерно взаимодействие таких литературных направлений, как романтизм и реализм. И романтик – творчески мыслящий, ранимый художник, стремящийся к недостижимому идеалу, и реалист – носитель идеологии своего времени – люди различного мироощущения, оказавшиеся в сфере творческого интереса писателей-классиков.

Социальные и политические трансформации в Европе и в России конца XVIII – начала XIX века создали предпосылки для возникновения уникального социокультурного, психологического, литературно-эстетического феномена, получившего название «болезнь века». Под «болезнью века» понимается состояние пресыщенности, меланхолии, равнодушия и апатичности, поразившее целое поколение молодых людей. Стремление осознать причины и, возможно, последствия подобного явления инициирует обращение писателей к особой жанровой форме – исповедальному роману. В отечественной литературе ярким примером такого романа стал, как известно, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова (1814–1841), полностью напечатанный в 1840 году. Л.И. Вольперт отмечает, что Лермонтов мечтал создать «значительную, исполненную мысли прозу», связанную с французской психологической традицией [Вольперт 2010: 195], представителем которой являлся А. де Мюссе (1810–1857). Его роман «Исповедь сына века», созданный в 1836 году, развил исповедальные интенции, заложенные Ж.Ж. Руссо (1712–1778), Б. Констаном (1767–1830), Ф.Р. де Шатобрианом (1768–1848), Э. де Сенанкуром (1770–1846). Писатели делают акцент на национальной самобытности изображаемого: «история души целого народа» становится предметом творческой рефлексии М.Ю. Лермонтова и «пороки целого поколения» – А. де Мюссе. Перед читателем «не рассказ о прожитых днях, тайнах, к которым автор был причастен, но и оценка своих действий и поступков, совершенных в прошлом, с учетом того, что оценка эта дается перед лицом Вечности» [Казанский 2006: 73]. Ведущий дневник Григорий Печорин и страдающий от своих пороков Октав де Т. должны, согласно закону исповеди, обличить собственный нравственный недуг, раскаяться в нём и прийти к очищению души.

М.Ю. Лермонтов и А. де Мюссе, изображая своих героев, используют способ параллельного психологизма, как прямого (через внутренний монолог, диалог с самим собой, поток сознания, сон, самоанализ, повествование от первого лица, дневниковые записи, письма, воспоминания, воображение), так и косвенного (через детали быта, жилья, одежды, портретную характеристику, речь, мимику, жесты, походку, пейзаж, синтаксис).

Прямой психологизм: повествование в романах, оправдывая жанровые особенности исповедальной прозы, ведется *от первого лица* и через *дневниковые записи* (журнал Печорина). Тексты романов выстроены на приёме *самоанализа*, насыщены *внутренними монологами* и *диалогами главных героев с самими собой* (**Печорин**: «Отчего это? – оттого ли что я никогда ничем очень не дорожу…» [Лермонтов 1990: 527], «Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?» [Лермонтов 1990: 539], «Я иногда себя презираю… не оттого ли я презираю и других?..» [Лермонтов 1990: 557] и т.д.; **Октав де Т**.: «Зачем было мне разгадывать тайну, не угрожавшую моему счастью?» [Мюссе 2012: электронный ресурс], «Но почему я страдаю? Почему я не могу без ужаса думать об этом?» – «Думай о твоем отце и о том, как делать добро». – «Но если я не могу думать об этом? Если меня привлекает зло?» – «Стань на колени и исповедуйся. Если ты веришь в зло, значит ты совершил его» [Мюссе 2012: электронный ресурс], «Стоило ли мне вспоминать о том, что когда-то и я был добрым? К чему это могло послужить мне?» [Мюссе 2012: электронный ресурс] и др.). Чувства, мысли, эмоции и поступки, вызванные разворачивающимися в повествовании событиями, подвергаются скрупулёзному исследованию со стороны главных героев. *Приём сна* не используется в текстах, но авторы вводят своих героев в состояние некого забвения или чувства, похожего на сон, в котором они способны переместиться туда, где были счастливы, как Печорин («Волнуемый воспоминаниями, я забылся…» [Лермонтов 1990: 504]), или осознать правду о себе, подобно Октаву де Т. («…у меня было такое чувство, будто я вижу сон, и мысли мои словно метались в каком-то тупике» [Мюссе 2012: электронный ресурс]).

Воспоминания Печорина: он вспоминает опыт прожитой жизни, открывая душу перед Мери и Вернером, вспоминает Родину, предается былым воспоминаниям с Верой, они характеризуют его, как человека, прошедшего большой жизненный путь; в воспоминаниях Октава сохраняется измена его любовницы, и молодому человеку необходимо

время, чтобы пережить это. Герои молоды (25 лет Печорину, 21 год Октаву), но их временное восприятие мира, отношение к окружающим существенно разнится.

Кроме того, стадии заболевания нравственной болезнью у них тоже разные, поэтому одинаковые события, произошедшие с ними, находят различные отклики в их душах. Оба героя подвергаются предательству со стороны своих друзей, и вызывают их на дуэль. Октав видит душевные терзания своего друга, но не готов принять его раскаяние, его время ещё не пришло. А. де Мюссе помещает сцену дуэли в начале романа, тем самым намечая длительный путь героя к обретению душевного покоя. М.Ю. Лермонтов же отводит дуэли место ближе к финалу произведения, в тот момент, когда Печорину достаточно одного слова, чтобы простить Грушницкого, он готов, его душа жаждет прощать, но бессилие и злоба Грушницкого заглушают этот порыв.

Косвенный психологизм: *портрет* героя является прямой характеристикой его личности. В романе «Герой нашего времени» портрет Печорина создается разными людьми, в том числе и самим Григорием. Короткие субъективные характеристики Максима Максимыча («Он был такой тоненький, беленький, на нём мундир был такой новенький…» [Лермонтов 1990: 461]) и драгунского капитана («Он думает, что он только один и жил в свете, оттого, что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги» [Лермонтов 1990: 461]) дополняются словами самого героя («…на вид я еще мальчик: лицо хотя бледно, но ещё свежо; члены гибки и стройны; густые кудри вьются, глаза горят, кровь кипит…» [Лермонтов 1990: 527]) и развёрнутым описанием автора-повествователя. Последняя характеристика включает сведения о внеш-ности, физиологических особенностях («крепкое сложение» [Лермонтов 1990: 493]), жестах («не размахивал руками» [Лермонтов 1990: 493]), походке, одежде Печорина, личностных характеристиках.

А. де Мюссе, рисуя главного героя, даёт одну характеристику, вложив её в уста адвоката Дежене: «…вы молоды, пылкого нрава, <…> лицо у вас овальное и черты его правильны, <…> ваши волосы тщательно причёсаны» [Мюссе 2012: электронный ресурс], подчеркивая тем самым, что такой портрет соответствует любому молодому человеку того времени. Автор акцентирует нервическое состояние Октава, так же как М.Ю. Лермонтов изображает горящие глаза Печорина. Дрожь в руках и в теле, лихорадочное состояние, слёзы – вот присущие Октаву соматические проявления.

Анализ романных пейзажей, подчёркивающих характерное для романтиков единение героя с природой, позволяет отметить некоторые

важные художественные особенности. Пейзажи в романе «Герой нашего времени» содержат много оттенков и имеют пространственную перспективу: герой сознательно выбирает дом в самом высоком месте в Пятигорске для того, чтобы осмотреться. В городе Печорина радует чудесный вид, открывающийся с трёх сторон. Яркое солнце, синее небо, свежий воздух ободряют его: «Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах» [Лермонтов 1989: 510].

Ощущение смертельной опасности (перед дуэлью) обостряет восприятие природных образов. Будущее скрыто и пугает. Увидит ли он зовущий вдаль путь снова? Этот вопрос чрезвычайно беспокоит героя: «Я помню – в этот раз, больше чем когда-нибудь прежде, я любил природу. Как любопытно всматриваться в каждую росинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! Как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль! Там путь всё становился уже, утесы синее и страшнее, и, наконец, они, казалось, сходились непроницаемою стеной» [Лермонтов 1990: 567]. И далее: «Солнце уже спряталось в чёрной туче, отдыхавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно» [Лермонтов 1990: 576]. Душевный крик, не получающий эмоционально-словесного выражения, явственно слышится в всплесках ревущей реки. Ущелье становится местом погребения сердца героя, в котором больше не вспыхнут ни искра дружбы, ни искра любви.

Большинство пейзажей в романе А. де Мюссе «Исповедь сына века» так или иначе связаны с дождём. Описания природы создают ощущение тоски, замкнутости, подчёркивают пограничные состояния души героя: печаль/радость. Пейзаж всегда соотнесён с изображением душевной катастрофы и физической боли Октава, раненного на дуэли. Рана от предательства любимой и близкого друга причиняет ему больше боли, чем огнестрельная. Мир героя рушится, в душе царит мрак, любовь умерла, он оторван от мира природы и людей («завывания ветра напоминают стоны умирающего» [Мюссе 2012: электронный ресурс], «дождь хлестал в окна, по временам стихая и сменяясь мёртвой тишиной» [Мюссе 2012: электронный ресурс]). Однако заключительный пейзаж («при свете яркого декабрьского солнца» [Мюссе 2012: электронный ресурс) создан иначе: в нём – душевное спокойствие, тихая грусть, умиротворение.

Литература

Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции. Тарту, 2010.

Казанский Н.Н. Исповедь как литературный жанр // Вестник истории, литературы. М., 2009. Т. 6.

Лермонтов М.Ю. Соч. в 2 т. / сост. и комм. И.С. Чистовой. Т. 2. М., 1990.

Мюссе А. де Исповедь сына века / пер. с фр. К. Ксаниной, Д. Лившиц. СПб., 2012. URL: http://lib.ru/INPROZ/DEMUSSE/age_son.txt.

Istomina A.A. The confessional origin and ways of character drawing in the novels "The Hero of Nowadays" by M.Y. Lermontov and "Confession of a Child of a Century" by Alfred de Musset

The article deals with the comparative analysis of the two novels: "The Hero of Nowadays" by M.Y. Lermontov and "Confession of a Child of a Century" by A. de Musset. We study ways of character drawing in both of the novels on the example of the main characters – Grigory Pecherin and Octav de T. Also we focus on the confessional specification that helps to create literary-artistic space of the mentioned novels.

Key words: Russian literature, French literature, comparative studies, M.Y. Lermontov, A. de Musset, confessional origin, character drawing.

УДК 821.161.1

О.М. Копырюлина

«ЗАКРУЖИЛАСЬ ЛИСТВА ЗОЛОТАЯ…» С.А. ЕСЕНИНА: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются особенности переводов поэтических произведений на иностранный язык. Материалом сравнительного анализа служит стихотворение С.А. Есенина «Закружилась листва золотая…» и его перевод на французский язык, осуществленный в 1922 году Ф. Элленсом. Практическое значение данного исследования состоит в возможности его использования на занятиях по лингвистическому анализу текста.

Ключевые слова: перевод, поэзия, поэтические тексты, Сергей Есенин, Франц Элленс.

С.А. Есенин – поэт, известный не только в России, но и за рубежом, во многом благодаря труду переводчиков. Уже при жизни русского поэта несколько его произведений были переведены на французский язык, а после смерти вышел сборник. По данным, представленным ведущим есениноведом Н.И. Шубниковой-Гусевой, известно, что переводом некоторых стихотворений занимались Петр Паскаль, Е. Извольская, Кристиан Пиггети. Но самым известным переводчиком по-

эзии Есенина считается бельгийский переводчик Ф. Элленс и его русская жена М. Милославская [Шубникова-Гусева 2011: 18]. Благодаря их работе, французские читатели познакомились со сборником «Исповедь хулигана» (1922), в который вошли переведённые поэмы «Исповедь хулигана», «Кобыльи корабли», «Пугачёв» и 6 стихотворений: «Песнь о собаке», «Всё живое особой метой…», «Устал я жить в родном краю…», «Закружилась листва золотая…», «Песнь о хлебе», «Дождик мокрыми мётлами чистит…».

Французские читатели полюбили стихи Есенина, и в мае 1923 года книга вышла вторым изданием.

Написанное в 1918 году стихотворение «Закружилась листва золотая…», кажется чужим «новому» миру. В самом разгаре гражданская война, невежество, смерть, братоубийство, а поэт нашел такие чистые и нежные строки: «Словно бабочек легкая стая/ С замираньем летит на звезду» [Есенин 1995: 147]. Стихотворение было написано ближе к завершению жизненного пути Есенина в Москве, от суеты которой он устал; в этом произведении чувствуются воспоминания поэта о родном доме, о природе села Константиново, которые он сумел пронести через года.

Ю.Н. Либединский замечал: «...вид у него был всегда такой, словно он бездельничает, и только по косвенным признакам могли мы судить о том, с какой серьезностью, если не сказать – с благоговением, относился он к своему непрерывающемуся, тихому и благородному труду» [Козловский 1986: 18]. Изучение писем, дневников, воспоминаний современников поэта показывает, что за маской повесы и хулигана скрывался чуткий, образованный, ответственный человек. Есенин страдал от того, что очень хорошо понимал этот мир, и горечь истины лежала в его душе. Несмотря на это, из-под его пера выходят произведения, которые оказались близки не только русскому читателю, но и носителям иной национальной культуры.

Одной из главных черт перевода поэзии по сравнению с прозой можно считать относительно вольный стиль. Строгая композиция и условность поэтической речи практически не дают возможности найти прямые соответствия. Как правило, наличие рифмы отходит на второй план и переводчик старается донести смысловую составляющую до читателей. Выделим три основных проблемы перевода, перечислив их по степени значимости: 1) сохранение национального своеобразия; 2) сохранение духа и времени произведения; 3) выбор между точностью и красотой перевода.

Рассмотрим перевод стихотворения «Закружилась листва золотая…» Ф. Элленса и выясним, удалось ли ему донести до французского читателя песню души русского поэта. Приведем полностью тексты оригинала и перевода стихотворения «Закружилась листва золотая…».

Закружилась листва золотая.
В розоватой воде на пруду
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер о самые плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть.
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость –
Все любя, ничего не желать?

[Есенин 1995: 147]

La feuillüe d`or s`est mise a tournoyer.
Sur l`eau roissante de l`ütang
comme un vol de papillons ailüs
file vers l`ütoile en mourant.

Je suis amoureux du soir qui tombe,
il m`est cher ce val jaunissant.
L`aquilon polisson a soulevй
la robe du bouleau denude.

Par le val comme en moi il fait doux,
l`ombre indigo passe en troupeau.
Derriure la haie du jardin qui se tait
s`ьvanouit la sonnaille des clochettes.

A йcouter la chair pleine de raison
jamais je n`ai pris tant de soin.
Il ferait si bon, comme branche de saule,
s`abandonner a la roseur de l`eau.

Il ferait si bon, a la gueule de la lune,
rire sur la meule en mвchouillant le foin…
Ощ es-tu, ощ es-tu, joie sereine
a tout aimer, et ne desirer rien?

[Essenine 1983: 79]

Сравнив оригинал стихотворения и перевод, сделанный Францем Элленсом, мы видим, что количество строф и общий смысл остаются неизменными. Однако следует отметить, что рифма во французском варианте отсутствует, кроме того, некоторые слова и фразы видоизменены.

Обратим внимание на вторую строчку в первой строфе «В розоватой воде на пруду», которая была переведена Элленсом как «Sur l`eau roissante de l`ütang». Слово «roissante» отсутствует во французском языке, также как и эквивалент слова «розоватый», поэтому следует предположить, что это переводчик видоизменил прилагательное «rose» – розовый, чтобы сохранить авторский текст. Данное словосочетание указывает читателю на то, что в зеркальной глади пруда отражается закат, именно поэтому вода стала «розоватой».

Следующие строки «comme un vol de papillons ailйs/ file vers l`ütoile en mourant» дословно переводятся как «полет крылатых бабо-

чек/идущих к звезде умирая». У Есенина мы читаем: «Словно бабочек легкая стая/С замираньем летит на звезду». Переводчик намеренно употребляет слово «un vol» – полет, хотя во французском языке есть слово «une troupe» – стая, или «un essaim» – рой. Данное слово придает этой фразе легкость и невесомость.

Также Элленс заменил глагол «замереть – стать неподвижным, перестать двигаться, затаить дыхание» [Ожегов 1986] на глагол «mourir» (mourant) – умереть. Переводчик посчитал, что таким образом настроение стихотворения будет более понятно французскому читателю.

Следующие строки Есенина «Отрок-ветер о самые плечи/Заголил на березке подол» переведены как «L`aquilon polisson a soulevй/ la robe du bouleau denude». За отсутствие во французском языке слова «отрок» переводчик использовал «polisson» – негодяй, хулиган, повеса. Данная замена не повлияла на смысл исходного текста, т.к. отрок – это юноша в подростковом возрасте, который часто ассоциируется с шаловливыми поступками. Здесь поэт использует олицетворение, наделяя ветер человеческими функциями, и вот, перед нами уже деревенский парень, заигрывающий с девушкой. Просторечный глагол «заголить» стилизован поэтом под речь, свойственную простому парню. В переводе на французский – «поднял» – сохранена литературная норма. Фраза «bouleau denude» имеет значение «голая береза», что совпадает по смыслу с оригинальным текстом, однако здесь чувствуется непристойный подтекст, что полностью отсутствует в исходных строках.

Рассмотрим последнюю строчку четвертой строфы «s`abandonner a la roseur de l`eau» – дословно трактуется как «сдаться розоватости воды». У Есенина же «Опрокинуться в розовость вод». Глагол «сдаться» имеет негативную коннотацию – отдаться во власть воды вынужденно, без своего желания. «Опрокинуться» – сделать это по своему желанию, в контексте данного стихотворения можно интерпретировать как «слиться воедино с водой».

Рассмотрим последнее четверостишие данного стихотворения. Есенинская строка «Хорошо бы, на стог улыбаясь, Мордой месяца сено жевать...» переведена как «Il ferait si bon, a la gueule de la lune, rire sur la meule en mbchouillant le foin…», что дословно означает «Было бы так хорошо, мордой месяца смеяться в стогу, жуя сено...». Однако такой прямой перевод, использованной поэтом метафоры, может затруднить понимание сути написанного франкоговорящим читателем. Мечта лирического героя о слиянии, единении с природой воплощается

в образе некоего мифического существа, вероятно теленка, космического масштаба.

Как известно, перевод поэтического текста – это один из самых сложных видов перевода, переводчик должен не только найти подходящие выражения и слова, но и «заменить дух языка, с которого он переводит, своим духом, стараясь при этом не портить стиль автора, не нарушать, ни его движения, ни его характера» [Никё 2008: 21].

Мария Милославская была русской и могла объяснить Элленсу, выполняющему перевод на французский язык, смысл того или иного выражения, или слова. Расхождение в трактовке оригинальных образов могут быть рассмотрены с точки зрения найти их наилучшее воплощение. Благодаря мастерству переводчика, интерес к поэзии Есенина во Франции не ослабел до сих пор. «Последний поэт деревни» остался в памяти людей не только как возлюбленный известной танцовщицы, но и как великий поэт, «один из самых известных поэтов России».

Литература

Есенин С.А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Наука – Голос, 1995.

Козловский А. Быль и легенды жизни Есенина // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 5-24.

Никё Мишель. Русский поэт и танцовщица (воспоминания Франца Элленса о С. Есенине и А. Дункан: публикация, перевод, комментарий) // Современное есениноведение. Рязань, 2008. № 8. С. 18-27.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986.

Шубникова-Гусева Н.И. Есенин в XXI веке // Сергей Есенин: Диалог с XXI веком. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 8-43.

Serguen Essenine. La confession d`un voyou suivi de Pougatcheff. Lausanne, Suisse: Edition L`Age d`Homme, 1983.

Kopyriulina O.M. Comparative analysis of Sergey Yesenin's poem "Golden leaves start to whirl…" translation into French

Translation of the poetry is the most difficult form of translation. In this article, we examine the peculiarities of poetic works and their translation, also we reveal the main problems, that we face during the process of poetic texts translation using the example of Sergey Yesenin's poem "Golden leaves start to whirl…" translated into French. The research can be useful during practical classes of Text Interpretation.

Key words: translation, poetry, poetic texts, Sergey Yesenin, Franz Hellens.

УДК 82-95

М.В. Худякова

СТАТЬЯ ДЖ. ЛОНДОНА «ФОМА ГОРДЕЕВ»: СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ОДНОИМЁННОГО РОМАНА М. ГОРЬКОГО

Статья посвящена анализу статьи американского писателя Дж. Лондона, содержащей литературно-критическую оценку романа М. Горького «Фома Гордеев». Уточнены причины творческого интереса Лондона к указанному роману, выявлены аналогии между судьбами писателей и их героев (Фома Гордеев – Мартин Иден).

Ключевые слова: русская литература, американская литература, М. Горький, Лондон, «Фома Гордеев», литературно-критическая рецепция.

В 1899 году в журнале «Жизнь» был опубликован роман М. Горького (1868–1936) «Фома Гордеев» (*с подзаголовком «повесть» и посвящением А.П. Чехову*), получивший многочисленные отклики как в России, так и за рубежом.

В ноябре 1901 года в журнале «Impressions» (Сан-Франциско) появится литературно-критическая статья известного американского писателя Дж. Лондона (1876–1916) под названием «Fomá Gordyéeff», с которой русский читатель познакомится только в 1923 году, когда статья будет переведена П.Ф. Охрименко и напечатана в сборнике Лондона «Как я стал социалистом». Примечательно, что в этой статье содержится не только анализ указанного романа, но и оценка творчества М. Горького в целом, охарактеризована специфика его художественного метода, сущность новаторского подхода к литературе.

Интересно, что в сборнике Дж. Лондона «Революция и другие эссе» («The Revolution and Other Essays»), опубликованном в 1910 году, литературно-критической статье «Фома Гордеев» предпослан эпиграф – стихотворение персидского поэта Омара Хайяма, уже встречавшееся в романе «Морской волк» («The Sea Wolf», 1904). В русском переводе статьи этот эпиграф отсутствует.

Влетел вопрос: «Зачем на свете ты?»
За ним другой: «К чему твои мечты?»
О, дайте мне запретного вина –
Забыть назойливость их суеты!

[Лондон 1976: 275].

Эпиграф, как представляется, заключает в себе идеологический посыл статьи Дж. Лондона, в которой речь идет о поиске смысла жизни и мучительных терзаниях героя романа Горького, о невозможности обретения счастья в мире полном «лжи и разврата» [Лондон 1976: 352].

Интерес Дж. Лондона к творческой личности М. Горького обусловлен, по крайней мере, двумя факторами. Прежде всего, в судьбах писателей обнаруживается немало общего. Осмысление жизни происходило у Горького «сквозь призму юношеских страданий, памяти о тяжелом физическом труде в пекарнях, на погрузке и разгрузке барж на Волге, хроническом недосыпании, “обидном” отношении к нему» [Басинский 2005: электронный ресурс]. Судьба Дж. Лондона не баловала его: будущий известный писатель бедствовал, сменил множество профессий – был торговцем газетами, устричным пиратом, работником джутовой фабрики и даже прачечной. Важным обстоятельством духовного сближения Горького и Лондона являются не только похожие факты биографии, но и знакомство последнего с книгами Горького, которое несомненно, «способствовало росту реализма в творчестве писателя. Лондон обращается к большим социальным темам, стремится проникнуть в смысл противоречий своей эпохи» [Богословский 1964: 172]. Значительное влияние на художественное мировоззрение Лондона оказал роман Горького «Фома Гордеев». Это влияние особенно очевидно проявилось в поэтике знаменитого романа «Мартин Иден» («Martin Eden», 1909), опубликованном спустя 8 лет после знакомства с книгой Максима Горького.

В своей статье «Фома Гордеев» Лондон отмечает, что «Фома, гордый и мятежный, презирает эгоистическую, корыстолюбивую среду, в которой он родился» [Лондон 1976: 349]. По мнению писателя, «весьма сомнительно, чтобы средний буржуа, самодовольный и преуспевающий, мог понять Фому Гордеева» [Лондон 1976: 348]. Лондон призывает объективно оценить роман Горького, не осуждать его за грубость в изображении тех или иных сцен, поскольку реалистическая литература, в первую очередь, должна быть правдивой. В.Н. Богословский справедливо отмечает: «Джек Лондон выступил как представитель передовой … американской критики, правильно осветившей и оценившей место Горького в русской и мировой литературе» [Богословский 1964: 177]. «Из его (Максима Горького – М.Х.) стиснутого могучего кулака выходят не изящные литературные безделушки, приятные, усладительные и лживые, а живая правда, – да, тяжеловесная, грубая и отталкивающая, но правда» [Лондон 1976: 348], – пишет Дж. Лондон в статье о романе Горького. Ему близка позиция русского

писателя, который «отстаивает право … на отображение «грубой» правды жизни, на активное вмешательство в действительность» [Ильиницкая 2016: электронный ресурс]. Но эта правда не воспринималась теми, кто был воспитан в иных социальных условиях. Потому в романе «Мартин Иден» главный герой снисходителен к своей возлюбленной Руфи Морз, не принявшей один из его рассказов: «Не могла она понять, и не её это вина. Слава богу, что родилась и выросла в такой безгрешности» [Лондон 2017: 127]. Джеку Лондону было необходимо «видеть нравственное величие <…>; видеть, как из слабости, немощи, порока, из зверской жестокости возникают сила, и правда, и высокий благородный талант…» [Лондон 2017: 127]. «Это суждение ещё раз напоминает о том, что Лондон шел в разрез с традициями официальной школы «розового» реализма, с ее «оптимистическим» показом жизни и запретом изображать ее теневые стороны» [Богословский 1964: 171], подобно тому, как Горький не боялся изображать трагические стороны жизни общества и социально опустившихся людей.

И.Е. Лунина отмечает, что Лондон «вводит в текст рецензий подчас довольно пространные цитаты из анализируемых текстов, делая, по сути, писателей своими соавторами, а читателя – участником творческого диалога “автор – произведение – читатель”» [Лунина 2016: электронный ресурс]. Действительно, в статье «Фома Гордеев» приведены многочисленные цитаты из одноименного романа, например: «Работа – ещё не все для человека...– говорил он скорее себе самому, чем этим людям. – Это неверно, что в трудах – оправдание... Которые люди не работают совсем ничего всю жизнь, а живут они лучше трудящих... это как? <…> А я какое оправдание имею? И все люди, которые командуют, чем они оправдаются? Для чего жили? А я так полагаю, что непременно всем надо твердо знать – для чего живешь. <…> Неужто затем человек рождается, чтобы поработать, денег зашибить, дом выстроить, детей народить и – умереть? Нет, жизнь что-нибудь означает собой... Человек родился, пожил и помер – зачем? Нужно сообразить – зачем живем? Толку нет в жизни нашей... Потом – не ровно всё – это сразу видно! Одни богаты – на тысячу человек денег у себя имеют... и живут без дела... другие – всю жизнь гнут спину на работе, а нет у них ни гроша...» [Лондон 1976: 350]. Эти слова, вложенные в уста главного героя, в полной мере отражают позицию М. Горького, которому пришлось испытать тяготы и лишения трудовой жизни. «А трудящие – они просто несчастные лошади! На них едут, они терпят... больше ничего!..» [Лондон 1976: 350]. Процитированное суждение Фомы Гордеева корреспондирует внутреннему состоянию Марти-

на Идена: «Он (Мартин Иден – М.Х.) забылся, и снова жил, и, ожив, в миг озарения ясно увидел, что сам обращает себя в животное– не тем, что пьёт, но тем, как работает. Пьянство – следствие, а не причина. Оно следует за этой работой так же неотвратимо, как вслед за днём наступает ночь. Нет, обращаясь в рабочую скотину, он не покорит вершины – вот что нашептало ему виски, и он согласно кивнул» [Лондон 2017: 159].

П.В. Басинский подчеркивает, что за многими персонажами Горького «можно заметить одну странность. Это ненависть, иначе не назовёшь, ко всяким социальным опорам. В них присутствует фатальное стремление к сжиганию мостов, что соединяют их со своей средой. Они не имеют с миром прочной и надёжной связи и как бы выпадают в социальный осадок. Говоря словами Горького о Фоме Гордееве, они «нетипичны» как представители своих классов» [Басинский 2005: электронный ресурс]. Приведенная мысль справедлива и для характеристики героев Лондона. И Гордеев, и Иден, словно «выпавшие» из своего класса и среды, оказываются не способными создать что-то действительно стоящее, пока не найдут свое место в мире, свое предназначение. Лондон замечает: роман «Фома Гордеев» – это «книга не из приятных, но это блестящий анализ жизни, не жизни вообще, но жизни современного нам общества; эта книга не радостная, но и в жизни современного общества мало радости» [Лондон 1976: 351]. «И так, недоумевая, раздумывая, терзаясь, теряясь в догадках, вертясь в бешеном водовороте жизни, кружась в пляске смерти, вслепую гоняясь за чем-то безымянным, смутным, в поисках магической формулы, сути вещей, сокровенного смысла, искры света в кромешной тьме – словом, разумного оправдания жизни,– Фома Гордеев идет к безумию и смерти» [Лондон 1976: 351], – констатирует американский писатель. В этом утверждении нетрудно обнаружить аналогии между судьбами Фомы Гордеева и Мартина Идена.

Статья Дж. Лондона «Фома Гордеев» осознается и как самостоятельный литературно-критический текст, содержащий принципиальные для понимания романа Горького замечания и суждения, и как намечающее дальнейшие концептуальные подходы к художественному осмыслению человека и мира исследование, предпринятое американским писателем.

Литература

Басинский П.В. Горький. М., 2005. URL: https://royallib.com/book/basinskiy_pavel/gorkiy.html.

Богословский В.Н. Джек Лондон. М., 1964.

Ильиницкая О.П. Орбиты пересекаются: Максим Горький и Джек Лондон // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. 2016. № 3. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/rfuv_2016_3_13.

Лондон Дж. Морской волк // Лондон Дж. Собр. соч.: в 13 т. Т. 4. М., 1976.

Лондон Дж. Фома Гордеев // Лондон Дж. Собр. соч.: в 13 т. Т. 5. М., 1976.

Лондон Дж. Мартин Иден / пер. с англ. Р. Облонской. СПб., 2017.

Лунина И.Е. Джек Лондон как литературный критик // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 2. URL: http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/750.

London J. Foma Gordyeeff // London J. The Revolution and other essays. URL:https://ebooks.adelaide.edu.au/l/london/jack/revolution_and_other_essays/chapter9.html

Hudyakova M.V. The article “Thomas Gordeev” by J. London: the specificity of literary critical reception of the novel by M. Gorky

The research work focuses on the analysis of the article “Thomas Gordeev’ written by J. London, where the American writer gives his literary critical view of the mentioned novel. We find out reasons that have made J. London’s interested in Gorky’s literary work and draw certain parallels between both of the writers’ and their characters’ fates.

Key words: Russian literature, American literature, M. Gorky, J. London, “Thomas Gordeev”, literary critical reception

УДК82-311.6

А.Е. Нестерова

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНАХ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ» И А. ДЮМА «КОРОЛЕВА МАРГО»

В статье рассматриваются женские образы, созданные А. Дюма в романе «Королева Марго» и А.Н. Толстым в «Петре Первом». Проводится их сравнительная характеристика, выявляются сходства и различия в характерах и способах создания персонажей.

Ключевые слова: А. Дюма, А.Н. Толстой, исторический роман, женские образы.

Образом «называют любое явление, творчески воссозданное в художественном произведении» [ЛЭС 1987: 252]. Сама специфика лексической сочетаемости слова (образ кого-то или чего-то) подразумевает связь художественного явления с внехудожественной действитель-

ностью. В данной статье мы рассмотрим образы женских персонажей в исторических романах А. Дюма «Королева Марго» и А.Н. Толстого «Петр Первый».

Персонажи – одна из главных составляющих художественного мира литературы. Специфика жанра исторического романа предполагает художественное осмысление событий прошлого, персонажи способствуют выражению авторских представлений о сущности этих событий и о месте человека в них. Однако в отечественной и зарубежной традиции большее развитие и освещение получили именно мужские образы (например, «байронического героя» или «маленького человека»), тогда как женские зачастую оставались на втором плане. Литературоведческая концепция этого жанра представлена в работах М.М. Бахтина, Н.А. Литвиненко, В.В. Кожинова, Г. Лукача и многих других.

В рассматриваемых произведениях встречаются как архетипические образы, так и собственно авторские, которые с трудом подвергаются категоризации. Мы условно разделили их все на несколько групп: женщины-властительницы, матери, фаворитки и прообразы «новой женщины».

К первой группе мы отнесли Екатерину Медичи и Софью Алексеевну. Они обе являлись регентами при государях и фактически управляли страной при них. Обратимся к портретной характеристике обеих женщин.

«Не плавно, лебедем, как подобало бы девице, – она вошла стремительно, распахнулись полы ее пестрого летника, не застегнутого на полной груди, разлетелись красные ленты рогатого венца. Под белилами и румянами на некрасивом лице ее проступали пятна. Царевна были широка в кости, коренастая, крепкая, с большой головой. Выпуклый лоб, зеленоватые глаза, сжатый рот казались не девичьими, – мужскими» [Толстой 1984: 16-17]. Софья не вызывает приязни, описание ее А.Н. Толстым скорее отталкивающее. Подобная характеристика вряд ли может вызвать у читателя симпатию и настраивает его скорее на негативное отношение к героине.

«Екатерина одна сидела у окна, опершись локтем на открытый часослов и поддерживая голову рукой, замечательно еще красивой <…>. Вдова Генриха II была одета в траур, которого ни разу не снимала со дня смерти своего мужа. В это время ей было пятьдесят два – пятьдесят три года, но благодаря еще свежей полноте Екатерина сохранила черты былой красоты своей молодости» [Дюма 1992: 58]. В отличие от Софьи, королева-мать, будучи старше ее, все еще выглядит достойно

и царственно, но траур по умершему супругу добавляет ее образу мрачности, как и ее увлечение оккультными науками, сыгравшее в романе первостепенную роль.

Обе этих женщины властолюбивы, умны и готовы на все ради сохранения трона. Но если Софья все же старается для себя, будучи бездетной, то Екатерина ратует за судьбу своих детей. Их сближает чувство любви, хоть и разной. Царица «сожгла бы Москву» [Толстой 1984: 31] ради Василия Голицына, а королева-мать совершает покушения, убийства и занимается колдовством ради удержания престола за своими сыновьями.

Совершенно по-иному ведут себя женщины-матери. Кормилица Мадлен из «Королевы Марго» и вовсе не связана кровными узами с Карлом IX, однако именно она в романе относится к нему с материнской любовью. Именно кормилица ходит за умирающим королем, подносит ему питье и утирает с губ кровь. Когда Карл кричит, что его хотят убить, Мадлен кидается к нему со словами: «Убить тебя, мой Шарль? – воскликнула кормилица, пробегая по окружающим таким взглядом, от которого все, не исключая самой Екатерины, попятились назад. – Кто хочет тебя убить?» [Дюма 1992: 389].

Такой ее взгляд говорит о том, что эта женщина готова пойти на все ради короля. Как и Наталья Кирилловна, готовая на все ради Петра. На сына она влияла своими письмами и разговорами, которые всегда велись учтиво и нежно, с истинной материнской любовью: «Петруша, ангел мой» [Толстой 1984: 81], «Государь мой Петенька» [Толстой 1984: 109], «трудно ему, голубчику» [Толстой 1984: 138] – такие обращения мы встречаем в тексте романа.

Нарышкина была далека от политики, управление государством после падения Софьи она передала в руки своему брату и другим боярам. Ее прежде всего интересовала судьба Петра, его жизнь и его тревоги. Она печется о сыне, пишет ему письма, бледнеет каждый раз, когда ему угрожает опасность. Даже будучи при смерти Наталья с радостью принимает Петра: «Материнской жалостью преодолевала вонзающийся в сердце гвоздь, не дышала, покуда он <…> целовал ей плечо и лицо» [Толстой 1984: 164].

Обратимся к третьей группе женских персонажей – к фавориткам. Не являясь законными женами правителей, они, тем не менее, могли оказывать сильнейшее влияние на них. Мадам де Сов – дочь министра финансов и жена барона, в отличие от Анны Монс, которая была не дворянкой, а дочерью зажиточного виноторговца, незамужней на мо-

мент своего особенного положения при царе. Шарлотта – это «блондинка небольшого роста, <…> женщина в полном смысле слова, во всем обаянии этого создания природы, начиная с синих глаз, порой томных, порой блиставших внутренним огнем, до кончика ее игривых точеных ножек, обутых в бархатные туфли» [Дюма 1992: 11]. Анхен, русоволосая и синеглазая немка, купалась в подарках Петра, на балах признавалась «красивейшей из дам» [Толстой 1984: 230], а по Немецкой слободе ездила так: «на взбитых волосах войлочная шапчонка в алмазах, в лентах, руки по локоть засунуты в соболий мешок» [Толстой 1984: 236].

Истинная придворная леди, мадам де Сов участвовала во всех интригах и была любимицей Екатерины Медичи. Только искреннее чувство к Генриху заставило ее идти против королевы-матери, защищая возлюбленного. Анна Монс же изменяла Петру с саксонским посланником Кенигсеком, а в жизни двора участвовала весьма посредственно. В основном ее роль сводилась к проведению пиршеств для царя и его друзей, когда они бывали в слободе. Остальное время педантичная немка посвящала своему хозяйству. Эту «разлучницу» люди не любили, называли Монсихой или Кукуйской царицей.

Шарлотта была убита собственным мужем, когда их связь с Генрихом раскрылась. Со словами «Люблю тебя» на устах, она умирала на руках возлюбленного. Анна, уличенная в измене, подверглась долгой опале, но после вышла замуж, впрочем, вскоре оставшись вдовой с приличным наследством.

Выделенные прообразы «новых женщин», как и фаворитки, относятся к разным социальным слоям. Названы они так потому, что не вписываются в рамки типичных женских персонажей, которые чаще всего рассматриваются в их связи с мужскими, а представляют собой независимые и сильные личности.

Таковы Маргарита из романа Дюма и Александра Волкова из «Петра Первого». Первая – принцесса крови: «Черноволосая, с замечательным цветом лица, чувственным выражением глаз, обрамленных длинными ресницами, с изящным алым ртом и стройной шеей, с роскошным гибким станом и с маленькими детскими ногами в атласных туфельках» [Дюма 1992: 9]. Санька – дочь возвысившегося из крестьян купца Бровкина: «брови стрелами, глаза темные, ресницы мохнатые, носик приподнятый, ребячьи губы тряслись, ровные зубы постукивали, румянец – как на яблоке» [Толстой 1984: 180].

Обе эти дамы не только красивы, но и образованы: знают несколько языков, занимаются сочинительством, играют на музыкальных инструментах. И если Маргарита приобрела это все «по праву наследования», то Александра все постигала сама, тянулась к новым, передовым знаниям и европейским обычаям. Они строптивы и своенравны, решительны, хладнокровны в опасности (эпизод с нападением разбойников на Волковых и спасение Ла Моля и Коконнаса Марго и ее подругой), имеют сильное влияние на окружающих мужчин, не подчиняясь их воле.

Таким образом, мы рассмотрели четыре группы женских образов, созданных великими авторами, и обнаружили в них как общие, так и различные черты. Первые объясняются схожестью переломных эпох, изображенных авторами, а, следовательно, и особыми личностными свойствами героев этих эпох. Различия состоят в отличной картине мира писателей, которая, в том числе, зависит от романтического и реалистического изображения мира и его героев. Культ индивидуальности в первом случае и социально-временная детерминированность характеров во втором накладывают свой отпечаток на женские образы. Тем не менее, образы каждой из рассмотренных героинь являются ярким примером женских персонажей в романтической и реалистической литературных традициях.

Литература

Дюма А. Королева Марго. М.: Добровольное общество любителей книги РСФСР ГП «КНИСС», «Пермполитсервис», 1992. 593 с.

Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.

Толстой А.Н. Петр Первый. Алма-Ата: Казахстан, 1984. 528 с.

Nesterova A.E. Female images in the noveld “Peter the First” by A.N.Tolstoy and “Queen Margot” by A. Dumas

The article focuses on female images created by A. Dumas in his novel “Queen Margot” and by A.N. Tolstoy in his “Peter the First”. The researcher gives the comparative characteristics of the mentioned novels, identifies similarities and differences in the nature and methods of character drawing.

Key words: A. Dumas, A.N. Tolstoy, historical novel, female images

УДК 821.111

М.В. Родина

ОБРАЗЫ АНТИЧНЫХ БОГОВ И ИХ ХРИСТИАНСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ К.С. ЛЬЮИСОМ В ЦИКЛЕ «ХРОНИКИ НАРНИИ»

Статья посвящена рассмотрению образов, заимствованных из греко-римской мифологии, и особенностям их интерпретации, предложенной англо-ирландским писателем конца XIX – середины XX столетия К.С. Льюисом на примере его фантастического семикнижия «Хроники Нарнии», которое состоит из 7 сказочных повестей-притч, повествующих о путешествиях детей из нашего мира в волшебную страну под названием Нарния, населённую персонажами многочисленных мифов, легенд, преданий и сказок самых разных народов мира. Особая и очень большая роль отведена персонажам античной мифологии. Автор статьи утверждает, что льюисовское видение античных образов часто оказывается иным по сравнению с изначальным их пониманием. Связано это с особым отношением Льюиса к языческим богам, которых писатель никогда не ассоциировал исключительно с силами тьмы. Более того, очень многие античные образы писатель переосмысляет, силой своего воображения «очищая» их от всего грубого, жестокого и кровавого, что характеризует их в греческих и римских мифах. Нередко писатель вообще перетолковывает образы античных богов, духов и иных фантастических существ в христианском ключе – таковы, в частности, образы Вакха, Силена, фавнов и др. На страницах повестей о Нарнии чудесным образом соседствуют христианские мотивы и образы, заимствованные из греко-римских мифов или из знаменитых диалгов Платона. Это одна из важнейших особенностей художественного мифологизирования К.С. Льюиса

Ключевые слова: миф, мифические существа, греко-римская мифология, нарнийский цикл, К.С. Льюис, языческие боги.

Как известно, античная мифология всегда была для К.С. Льюиса одним из источников вдохновения. В этой связи М. Штейнман [Штейнман 2013: 12-13], [Штейнман 2003: http://esgaroth.narod.ru/articles/articles.html], характеризуя особенности художественного мифологизирования писателя, отмечает, что он, невзирая на свои христианские убеждения, никогда не воспринимал античный миф в качестве объекта обличения и отрицания – скорее, Льюис был склонен видеть в нём пусть и искаженное, но отражение лика истинного Бога. Вероят-

нее всего, такое отношение к античным мифам у него сложилось под влиянием мыслей Г.К. Честертона, взор которого сквозь язычество и многобожие древних народов прозревал нечто неизмеримо великое; отблески этого таинственного Нечто он улавливал не только в греко-римских, но даже в варварских мифах. В книге Льюиса «Размышления о псалмах» мы находим похожие рассуждения: «Те же, кто считает, как я, что в языческой мифологии есть и божественное, и бесовское, и человеческое (вкус к доброму рассказу), скажут так: «Да, это не случайно. Смена ночи и дня, смерть и воскресение растений породили смутное и трудно выразимое знание: и человеку надо пройти через смерть, если он хочет жить в истинном смысле слова. Сходство этих мифов и христианской истины не случайней, чем сходство между солнцем и его отражением в воде, между историческим событием и народным преданием о нем, между деревьями и холмами наяву и во сне» [Льюис 2011: 106-107]. Подобным образом и на страницах «Хроник Нарнии» чудесным образом соседствуют христианские мотивы и образы, заимствованные из греко-римских мифов или из знаменитых диалгов Платона. Более того, очень многие античные образы писатель переосмысляет, нередко – в том же христианском ключе. В этой статье мы проследим, как это происходит.

Образы Вакха и его свиты

В качестве примера рассмотрим образы бога Вакха и его свиты. С самого начала, едва лишь появившись на страницах льюисовского семикнижия, они получают такие характеристики, как «wild» – «дикие», «необузданные» («His face would have beenalmost too pretty for a boy's, if it had not looked so extremely wild», «Bacchus and all his wild girls» [Lewis 2011: 388-389]); «fierce» – «жестокие, свирепые»; «страстные» и «madcap» – «безрассудные, сумасбродные» («the Maenads – hisfierce, madcapgirls») [Lewis 2011: 407]). Эти эпитеты сразу же отсылают к античному пониманию данных образов. В этой связи нам хотелось бы отметить короткую беседу девочек Сьюзен и Люси в конце 11-й главы повести «Принц Каспиан» («I say, Su, I know who they are." "The boy with the wild face is Bacchus and the old one on the donkey is Silenus. Don't you remember Mr. Tumnus telling us about them long ago?"–"Yes, of course. But I say, Lu" –"What?" "I wouldn't have felt safe with Bacchus and all his wild girls if we'd met them without Aslan." – "I should think not," said Lucy» [Lewis 2011: 389]), в которой Сьюзен признаётся, что не чувствовала бы себя в безопасности, находясь

в обществе Вакха и его безумных менад, не будь рядом с ними Аслана. И Люси соглашается с сестрой. Эти слова вложены писателем в уста своих героинь далеко не случайно. За ними стоит глубокое осмысление автором того грубо-телесного и жестокого, что характеризует Вакха и его свиту в мифах древних эллинов и римлян. «Разумеется, Льюису был известен миф о растерзанном менадами Орфее или сюжет Еврипида, где Пенфея разрывает толпа таких же вакханок во главе с его собственной матерью», – пишет по этому поводу С.В. Шешунова. Но далее она продолжает: «Однако в “Хрониках Нарнии” менады не совершают ничего жестокого или по-настоящему безумного. Вакханалия здесь длится несколько дней, но это буйство вполне целомудренно» [Шешунова 2013: 316]. Сам Вакх производит впечатление существа, который может и которому подвластно абсолютно всё: «There's a chap who might do anything – absolutely anything» [Lewis 2011: 388]. Но его бьющая через край энергия вся исполнена великого благоговения перед Асланом и радостного послушания ему. Именно по велению Льва Вакх совершает целый ряд метаморфоз, о которых так ярко и красноречиво повествуют последние страницы «Принца Каспиана»: разрушает мост, а сваи его оплетает плющом; превращает циничных школьников в поросят, а жестокий человек, издевавшийся над мальчиком и избивавший его палкой, по слову Вакха становится деревом. Последняя из этих метаморфоз вызывает ассоциации с мифами о Дафне, обращённой в лавр, и Сиринге, сделавшейся тростником, но если в античных сюжетах такого рода превращения постигают не преследователя, а его жертву, то у Льюиса происходит с точностью до наоборот – метаморфозы приключаются именно с гонителями, лишая их возможности творить зло, в то время как те, кого они преследуют и мучают, начинают дышать полной грудью, жить радостно и свободно. Кроме того, Льюис в «Принце Каспиане» очень ярко и самобытно показывает такую ипостась упомянутого античного бога, как «освободитель»: «Дионис славится как Лиэй («освободитель»), он освобождает людей от мирских забот, снимает с них путы размеренного быта, рвет оковы, которыми пытаются опутать его враги» [Лосев 1991: 380-381]. Именно это происходит в сцене освобождения Гвендолен, мальчика и школьной учительницы. Вакх, Силен и его менады вовлекают всех, кто только пожелает, в свой танец. С.В. Шешунова отмечает, что при этом их крики охарактеризованы как «yodeling cries» – от слова «yodel», что переводится как «пение альпийских горцев» [Шешунова 2013: 317]. Исследователь находит выбор подобного эпитета необычным применительно к персонажам античных мифов. Дикий

танец Вакха и его спутников у Льюиса представлен не просто как источник веселья и красоты, но и чудесного изобилия: «Then Bacchus and Silenus and the Maenads began a dance, far wilder than the dance of the trees; not merely a dance for fan and beauty (though it was that too) but a magic dance for plenty» [Lewis 2011: 413]; там, где они ступают, появляются яства и начинается пир. Примечательно, что в «Хрониках Нарнии» отсутствует мотив давно ставшего традиционным деления античных образов по принадлежности к сфере Аполлона либо к сфере Диониса, на область гармонии, порядка и стихии, трагической сущности бытия. В созданных Льюисом образах Вакха и его спутников мы видим одновременное присутствие как экстаза, так и гармонии, но не находим в этом синтезе никакого трагического начала. Скорее, здесь гораздо более уместно видеть олицетворение стихии свободы, ни с чем не сравнимого изобилия, так же, как и ничем не скованных, радостных жизненных сил.

Фавны. Образ Тумнуса

Столь же «преображены» и образы фавнов. Если в античном мире «сладодострастие фавна стало нарицательным» [Словарь античности 1989: 596-597], то в «Хрониках Нарнии» эта черта отсутствует. Фавны необыкновенно обаятельны, писатель называет их очень ласково и тепло – «lovely little Fauns». В них есть некая загадка. Так, их лица кажутся одновременно печальными и веселыми («Their strange faces, which seemed mournful and merryat once» [Lewis 2011: 353]). Та же двойственность отличает музыкальное творчество фавнов; мелодия производит впечатление дикой, исступлённой и вместе с тем – мечтательной («a tune wild and yet dreamy») [там же]. Но даже в этой двойственности читатель не найдёт ничего двусмысленного: в повествовании Льюиса фавнам присущи удивительное благородство и чистота.

Один из них – мистер Тумнус. В первый раз мы встречаемся с ним на страницах повести «Лев, Колдунья и платяной шкаф»: «From the waist upwards he was like a man, but his legs were shaped like a goat's (the hair on them was glossy black) and instead of feet he had goat's hoofs. He also had a tail, but Lucy did not notice this at first <...> He had a strange, but pleasant little face, with a short pointed beard and curly hair, and out of the hair there stuck two horns, one on each side of his forehead» [Lewis 2011: 114]. В облике льюисовского фавна прослеживается связь с древнеиталийским богом плодородия; богом полей, лесов, пастбищ и животных. На эту связь указывает и само имя персонажа – “Tumnus”,

которое своей формой (наличие окончания – us), предполагает обращение к латинскому языку и образам всё той же древнеримской мифологии. Полагаем, что имя фавна восходит к латинскому “autumnus” – «осень», из которого вполне могло получиться путём усечения начального дифтонга (в английском языке это заимствованное слово потеряло латинское окончание и изменило произношение, но его письменный облик остался близким к латинскому оригиналу: autumn). Ассоциация между именем бога плодородия и временем года, когда природа преподносит человеку свои дары, видится нам вполне естественной. Мы видим, что Льюис сохраняет ряд традиционных характеристик божества: **козлиные ноги** (“goat'shoofs”), **хвост** (“a tail”), **наличие бороды** (“a short pointed beard”) **и рогов** (“two horns”), что не препятствует дальнейшему переосмыслению образа в авторском тексте: “One of his hands, as I have “said, held the umbrella: in the other arm he carried several brown-paper parcels. What with the parcels and the snow it looked just as if he had been doing his Christmas shopping”. Подобное описание способно вызвать более улыбку, чем страх, что достигается «столкновением» реалий двух разных миров: фавн, олицетворяющий мир природы, который живёт по иным законам, нежели человеческое общество, сжимает в своих лапках зонтик и запакованные в обёрточную бумагу пакеты, которые родом уже из нашего мира и потому тут же вызывают ассоциации с рождественской «прогулкой по магазинам» и характерной для неё атмосферой многолюдства и нервозности. В то же время в античном мире фавн нередко «считался лукавым духом, воровавшим детей, посылавшим болезни и кошмары <…>» [Мелетинский 1990: 553]. Некоторые из этих характеристик находят параллели с действиями героя повести, например, когда он пытается «украсть» маленькую Люси, «соблазнив» её притворной любезностью и заманив в лес, чтобы затем выдать Колдунье. Так сохраняется символика тёмного начала, свойственного данному персонажу: “I'm the sort of Faun to meet a poor innocent child in the wood, one that had never done me any harm, and pretend to be friendly with it, and invite it home to my cave, all for the sake of lulling it asleep and then handing it over to the White Witch” [Lewis 2011: 115], – со слезами признаётся герой. Но и в этом случае имеют место преобразования: «тёмное начало» фавна в «Хрониках…» предстаёт не как типичное для самой его природы, а как нечто навязанное извне. Именно поэтому писатель «заставляет» Тумнуса плакать, притом так, словно сердце его вот-вот разорвётся, тем самым свидетельствуя об изначально доброй сущности своего героя, о его умении жалеть и сострадать. В финале Тумнус жертвует собой ради спасения детей.

Так его образ превращается в особого рода символ дружеского участия и самоотверженности.

Образы кентавров. Громобой

Ещё один ключевой образ античной культуры, который встречается нам на страницах нарнийского цикла – образ кентавра. Предполагается, что он возник следующим образом: поскольку греки гомеровской эпохи не знали верховой езды, то самый первый встреченный ими кочевник показался им единым с его конём [Борхес 1994: 21]. Символика этого образа в Древней Элладе отличалась противоречивостью: с одной стороны, непредсказуемые проявления насилия у этого мифического существа ассоциировались с буйной и своенравной природой лошади, с другой – кентавры часто воспринимались как мудрые наставники и покровители человечества. Таковыми были, в частности, кентавры Фол и Хирон. Последний обычно изображался с ветвями лавра в руках; в гомеровской «Илиаде» он предстаёт в качестве друга и учителя ахейских героев, а также в качестве создателя приспособлений, с помощью которых можно успешно вести войны, наконец, в качестве просто «самого праведного из кентавров» [Непомнящий 1997: 24]. Вероятнее всего, именно с Фола и Хирона «списал» автор нарнийских кентавров-мудрецов.

Один из них – кентавр по имени «Glenstorm» (русск. «Громобой»). В первый раз этот герой появляется в 6-й главе хроники «Принц Каспиан», когда нарнийцы приходят к нему за помощью. Громобой – один из старейших и почтеннейших жителей Нарнии. Он владеет искусством читать по звёздам и предсказывать ход событий, однако, созерцанию предпочитает более активную деятельность. Он отважен и воинственен – неслучайно первые слова кентавра, обращённые к принцу, если не считать слов приветствия, выражают полную боевую готовность персонажа: «I and my sons are ready for war. When is the battle to be joined?» [Lewis 2011: 351]. О смелости кентавра, о его поистине богатырской силе сигнализирует само его имя – «Glenstorm», которое состоит из двух компонентов – «glen» + «storm»: значение первого словари определяют как «узкая долина» (часто горная), значение второго – как «буря, гроза, ураган, шторм» [Новый англо-русский словарь 2003: 327, 722]. Символично, что встреча героев с кентавром происходит именно в одной из таких «узких долин»: «the mountains opened out into a great glen, <…> with a swift river running at the bottom. The open places near the river's edge were a mass of foxgloves and wild roses and the air was buzzing with bees» [Lewis 2011: 351]. Иными

словами, первый компонент имени кентавра вполне можно интерпретировать как указание на место его обитания.Что касается второго, то вышеназванные явления природы ассоциируются с многочисленными разрушениями, которые, как правило, сопровождаются оглушительным грохотом, гулом, завываниями ветра и другими подобными звуками. Льюис отмечает, что «узкая долина» буквально содрогалась от грохота копыт кентавра, который можно было принять за приближающиеся раскаты грома: «after a pause Caspian heard the sound of hoofs. It grew louder till the valley trembled and at last, breaking and trampling the thickets, there came in sight the noblest creatures that Caspian had yet seen, the great Centaur Glenstorm» [там же]. Однако кентавр не только могуч, но и мудр, и эта мудрость сдерживает проявления грозной стихийной силы, запечатлённой в его имени, не давая ей стать неуправляемой и не позволяя превратиться в силу разрушения.

В этой связи показательно, что кентавр решает принять участие в войне совсем не потому, что ему нравится грохот сражений, а потому, что его возмущают творящиеся на его родной земле произвол и беззаконие. Наделённый глубоким чувством истории, герой осознаёт, что все жители Нарнии являются её творцами, что побуждает кентавра перейти к активному действию. В то же время Льюис часто подчёркивает, что его персонаж бесконечно далёк от того, чтобы идти напролом: он продумывает каждый шаг, умеет выждать время и выбрать благоприятный момент. Героя отличает умение видеть целостную картину происходящего и безошибочно предугадывать последствия предпринятых шагов. Кроме того, кентавр понимает, что в таком деле, как освобождение Нарнии от рабства, нужны единство и слаженность – но именно их не достаёт армии Каспиана, которая в тот момент в гораздо большей степени напоминает толпу перепуганных существ, где царят полная растерянность и разногласие. И кентавр делает всё для того, чтобы помочь друзьям Нарнии воспрянуть духом. Всё перечисленное характеризует героя Льюиса не только как отважного воина, но и как искусного стратега, на мудрость и искусство которого всегда можно положиться.

Наяды, дриады и другие существа

Наяды суть духи рек, а дриады – духи деревьев. Своим обликом дриады напоминают женщин, но в то же время они очень похожи на деревья. Дриады гораздо выше людей, если они встанут рядом с кентавром, то их головы окажутся на одном уровне. Дриады очень тесно связаны со своими деревьями: если какое-либо из них срубить, то жи-

вущая в нём дриада умирает. Что касается наяд, то у Льюиса они водят близкую дружбу с фавнами, вместе устраивают полуночные пляски.

В «Хрониках…» много и других образов, заимствованных из античной мифологии: Пегасы – род летающих лошадей, хотя никто из них не появляется у Льюиса под этим мифологическим именем; Минотавры – если в античной мифологии это был один-единственный персонаж, то в льюисовских повестях под этим именем выведен целый народ; Сильваны – один из лесных народов (в древнеримской мифологии Сильван – это бог леса). Но и дриады, и наяды, и другие перечисленные здесь фантастические существа появляются в повестях нечасто, и роль их достаточно скромна, поэтому и мы не будем подробно на них останавливаться.

Таким образом, в льюисовских повестях очень большая роль отведена персонажам античной мифологии. Мифические существа, пришедшие в книги о Нарнии из мира древних Греции и Рима, чаще всего – герои положительные, явившиеся на зов Аслана в день сотворения Нарнии. Среди них мы находим Вакха и Силена, сатиров и фавнов, наяд и дриад, менад и сильванов, кентавров и пегасов. Многие из них в античной мифологии были богами, но в «Хрониках Нарнии» указанные пероснажи занимают иное положение – некоторые из них изображены в качестве духов, иные – в качестве волшебных народов и лишь немногие показаны как боги. Показательно, что льюисовское видение упомянутых образов часто оказывается иным по сравнению с изначальным, античным их пониманием. Связано это с особым отношением Льюиса к языческим богам, которых писатель никогда не ассоциировал с силами тьмы. В повестях о Нарнии писатель часто переосмысляет античные образы, всячески их «облагораживая» и «очищая» от всего того бесчеловечного, жестокого и безумного, что было связано с ними в греко-римских мифах.

Литература

Борхес Х.Л. Книга вымышленных существ. Мн.: Старый свет, 1994. С. 21.

Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. London: HarperCollins Publisher, 2011. 768 p.

Льюис К.С. Размышления о псалмах. М.: Эксмо 2011. 224 с.

Лосев А.Ф. Дионис // Мифы мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 380-381.

Мелетинский Е.М. Мифологический словарь М.: Совеская энциклопедия, 1990. С. 553.

Непомнящий Н.Н. Экзотическая зоология. М.: АСТ, 1997. С. 24.

Новый англо-русский словарь, М.: А.-Пресс, 2003 (АРС). 891 с.

Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. С. 596-597.

Шешунова С.В. Образы античных богов в творчестве К.С. Льюиса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 316-320

Штейнман М.А. Поэтика английской иносказательной прозы XX в. (Дж. Р.Р. Толкиен и К.С. Льюис): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2000. URL: http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/sht_aref.shtml

Штейнман М.А. Проза Толкина и Льюиса: формальное сходство и различная тематика. URL: http://www.tolkien.spb.ru/rggu5.htm

Rodina M.V. The images of classical mythology gods and their christian interpretation by C.S.Lewis in «The chronicles of Narnia» series

The article deals with the images borrowed by C.S. Lewis from the classical mythology and the way they have been interpreted in his fantasy series «The Chronicles of Narnia» that consists of 7 fairy stories whoch are all very much like parables. Each of them tells us about children's travellings from our world to another. It is the magic world of Narnia and some other countries, each of which has its own magic peculiarities. The worlds created by C.S. Lewis' fantasy are all inhabited by personsges of myths, legends and fairy-tales of various countries and nations. The author of the article claims that the writer's view of Greek and Roman gods, spirits and other mythical creatures differs from their original interpretation. The researcher connects that with the fact that S.S. Lewis had a special opinion about classical mythology personages.

Key words: myth, mythical creatures, Roman-Greek mythology, fantasy series «The Chronicles of Narnia», C.S.Lewis, pagan gods.

УДК 82-1/-9

А.А. Матюшечкина

К ПРОБЛЕМЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ОБРАЗУ «РЯДОВОГО УЧИТЕЛЯ» В РОМАНЕ ДЖ. АПДАЙКА «КЕНТАВР»

В статье рассмотрены некоторые способы художественного воплощения проблемы повседневности в романе американского писателя Дж. Апдайка «Кентавр», а также особенности создания образа «рядового учителя» Джорджа Колдуэлла. Обозначены приметы повседневной жизни обычного американца, обретающие символическое значение при изображении его внутреннего мира.

Ключевые слова: американская литература, Апдайк, «Кентавр», повседневность, обыденное (тривиальное) существование, оппозиция «материальное-духовное».

Проблема повседневности – одна из ведущих в творчестве американского писателя Дж. Апдайка (John Hoyer Updike, 1932–2009).

В большинстве его произведений в центре внимания оказывается среднестатистический американец: баскетболист, заурядный писатель, школьный учитель. Персонажи романов, на первый взгляд, ничем не примечательные люди, проживающие в маленьких городках, однако именно этот тип героев вызывает у Апдайка наибольший интерес. Это обусловлено, прежде всего, особенностями биографии писателя. Воспитывавшийся в небольшом провинциальном городке штата Пенсильвания, Апдайк стремился обнаружить интересное в обыденной жизни. Кроме того, как отмечает сам Апдайк в одном из интервью, «выводить простых людей в качестве героев своих книг – это соответствует … демократическим убеждениям: героев для романов следует отыскивать не в элитарных кругах, а в народе» [Галактика Апдайка 1988: 17]. Апдайк подчеркивал, что и в повседневной жизни рядового американца есть место приключениям: «Простая жизнь в захолустье полна удивительных сюрпризов и приятных неожиданностей, надо радоваться самому факту своего существования, тому, что ты живешь. Пусть даже на краю света» [Галактика Апдайка 1988: 17]. Проблема повседневности поднимается в одном из наиболее известных романов писателя – «Кентавр» (*«The Centaur», 1963).*

В исследовании В.Д. Лелеко «Пространство повседневности в европейской культуре» (2002) подчеркивается: «Предметная область повседневности охватывает в большей мере непроизводственную, потребительскую сферу, сферу досуга, чем производственную <…>, в большей мере сферу частной жизни, чем жизни общественной <…>. Реальность повседневности существует как привычный, знакомый, обжитый мир повторяющихся изо дня в день действий, мыслей, событий. <…>. Восприятие и интерпретация повседневности осуществляется *обыденным сознанием*, обыденным мышлением. Повседневность, как и всякое бытие, существует в пространстве и времени <…>. Актуальный пространственно-временной континуум повседневности определяется ситуацией «здесь-и-сейчас» (курсив автора – А.М.) [Лелеко 2002: электронный ресурс].

Героем романа «Кентавр» является школьный учитель естествознания Джордж Колдуэлл, достигший пятидесятилетнего возраста: «Лицо у него было как у плутоватого уличного сорванца, повзрослевшего прежде времени» [Апдайк 2004: 73]. Портретные характеристики героя таковы: «Он был в старом, потертом клетчатом пальто с разноцветными пуговицами, которое он притащил с благотворительной распродажи, хотя оно ему было мало и едва доходило до колен» [Апдайк 2004: 73]. Особое внимание Апдайк уделяет вязаной синей шапочке,

найденной Колдуэллом в ящике школьного утиля. Эта художественная деталь упоминается неоднократно. Вязаная шапочка, нелепо смотрящаяся на взрослом человеке, заставляет Питера, сына Джорджа Колдуэлла, испытывать чувство жгучего стыда за отца. Этот головной убор осознается не столько как символ бедности, сколько усиливает впечатление полного равнодушия к внешнему виду, свойственного, пожалуй, в большей степени детям, чем взрослым. Внешнее не должно доминировать над внутренним, и скромная простота одежды учителя только подчеркивает возвышенность его духа и устремлений: «Фонарь облепил неподвижными блестками его вязаную шапочку; так был выписан хлеб на картине Вермеера» [Апдайк 2004: 162]. Контраст нелепой шапочки, репрезентирующей тривиальную повседневность, «каждодневность» мира Колдуэлла, и картины нидерландского художника, эксплицирующей высший смысл творческой деятельности человека, рождает представление о так называемой эстетизации повседневности: в фокусе внимания эстетики повседневности «как внешне-событийные, предметные, так духовные, ментальные проявления повседневной жизни» [Лелеко 2002: электронный ресурс].

Рассмотрим внешне-событийные проявления повседневности в романе «Кентавр». Главный герой Джордж Колдуэлл – «рядовой» учитель естествознания. К этой профессии его привело не собственное желание, а необходимость – увольнение с предыдущей работы. Действие романа происходит в течение 3 январских дней 1947 года – к этому времени Колдуэлл отработал в школе 14 лет. С точки зрения Джорджа, ученики его ненавидят. На уроках естествознания субординация нередко нарушается, ученики не дисциплинированы, безответственны и, более того, жестоки по отношению к учителю. Отношения с властным директором Зиммерманом не складываются, скромный, неприметный Колдуэлл робеет в присутствии директора, не может отстоять свою точку зрения:

«−А вы её Зиммерману покажите. Нельзя, чтобы в наших школах так измывались над учителем.<…>.

– Учителя надо защищать от таких учеников. Пожалуйтесь Зиммерману.

– Сами пожалуйтесь. Может, вас он послушает» [Апдайк 2004: 19].

Джордж Колдуэлл чувствует себя глубоко несчастным от того, что каждый день ему приходится посвящать себя нелюбимой работе: «Поехали на бойню. Проклятые дети, их ненависть засела у меня в кишках» [Апдайк 2004: 78]. Да и место, которое Колдуэлл называет

домом, едва ли можно считать теплым и уютным: «И вовсе я вам не нужен, Хэсси. Для вас было бы лучше, если б меня вышвырнули на свалку» [Апдайк 2004: 65]. Колдуэлл чувствует себя лишним везде, где бы он не оказался. Такова повседневность героя – рутинное течение жизни в маленьком американском городке, в недоброжелательном коллективе коллег и учеников, в давно ставшем чуждым доме. Что же в романе противопоставлено миру внешней повседневности Колдуэлла? По мнению В.Д. Лелеко, повседневности могут противостоять «*мир фантазии (мечты), мир детской игры, мир искусства, мир науки, мир религиозного опыта, мир сна, мир душевной болезни*. В некоторых из этих миров человек также живет изо дня в день (скажем, в мире сна или религиозного опыта), но они не становятся миром повседневности, ибо ежедневная повторяемость, будучи одной из характеристик повседневной жизни, не является ее сущностным признаком» (курсив автора – А.М.) [Лелеко 2002: электронный ресурс]. Для Колдуэлла актуален ещё один мир – мир любимой профессии: «Совершенное знание предмета, неиссякаемая любовь к своим не столь одаренным коллегам, необыкновенная способность находить яркие сравнения и преподносить учебный материал в свежей, неожиданной форме, оживляя его жизненными примерами, непринужденное остроумие, актерские способности, о которых нельзя не упомянуть, беспокойный и пытливый характер, заставлявший его постоянно совершенствовать свое педагогическое мастерство, – вот далеко не полный перечень его достоинств. И, пожалуй, особенно живо запечатлелось в памяти его бывших учеников (к числу которых принадлежит и автор этих строк) его редкостное бескорыстие, непрестанная забота о человечестве, заставлявшая его всю жизнь пренебрегать собственным благополучием и заслуженным отдыхом. Учиться у мистера Колдуэлла – значило устремляться ввысь» [Апдайк 2004: 188].

Важным атрибутом повседневной жизни героя становится старый холодный бьюик, часто ломающийся, но все же остающийся на ходу. «И тут мне пришло в голову, что с ним один из его “приступов”, и необъяснимое поведение машины на деле было лишь отражением какой-то поломки в нем самом» [Апдайк 2004: 163]. Н.Л. Иткина по этому поводу пишет: «Машина – и второй дом, в котором американец проводит большую часть жизни, и продолжение его собственного тела, сросшегося с ней, как в метафоре кентавра» [Иткина 2001: 57].

Проблема повседневности в романе «Кентавр» связана с изображением среднестатистического американца – рядового учителя естествознания Джорджа Колдуэлла, воплощающего, несмотря на внешнюю

неприметность, идеалы доброты, гуманизма, самопожертвования. Повседневность в романе выражена через предметы обыденной жизни (например, вязаная шапка, автомобиль), соотнесенные с внутренним миром и состоянием героя и потому наделяемые духовным содержанием. Поиск прекрасного в тривиальной обыденности становится магистральной темой этого и других произведений Дж. Апдайка.

Литература

Апдайк Дж. Кентавр / пер.с англ. В. Хинкиса. М., 2004.

Галактика Апдайка: [Беседа с американским писателем Дж. Апдайком. Записал А. Боровик] // Огонек. 1988. № 29.

Иткина Н.Л. Художественный мир Джона Апдайка. М., 2001.

Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002 // URL: https://sci.house/kulturologii-voprosyi-obschie-scibook/ ppoctpanctvo-povsednevnosti-evropeyskoy.html.

Matushechkina A.A. To the problem of everyday life and to the image of the "common teacher" in the novel "The Centaur" by John Updike

The article studies the problem of everyday life and ways of its artistic embodiment in the novel "The Centaur" by the American writer John Updike. Also we analyze the image of George Caldwell, a common school teacher and ways by which this character is created. We reveal some characteristic features of the everyday life that are typical of an American and that perform symbolic function in depictimg his inner world.

Key words: American literature, John Updike, "The Centaur", everyday life, daily routine, the contrast of material and spititual.

УДК 821.111

Е.А. Колесникова

РОМАН Э. БЕРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»: АСПЕКТЫ РЕЦЕПЦИИ В РОССИИ

В статье охарактеризована рецепция романа Э. Берджесса в советской России. Описаны российские источники возникновения особого языка романа, являющегося средством художественного изображения современности как мира тотального насилия. Изложены отдельные точки зрения на роман, отражающие его восприятие русскоязычным читателем.

Ключевые слова: Э. Берджесс, роман, «Заводной апельсин», рецепция, «надсат», контркультура.

Впервые слыша имя Энтони Берджесса, неподготовленный читатель, вряд ли сможет назвать другое произведение автора, кроме романа «Заводной апельсин». Действительно, творчество английского писателя не получило широкого распространения в России. Пожалуй, более всего оно известно благодаря одноименному кинофильму (реж. Ст. Кубрик, 1971 г.), основанному на сюжете этого романа.

Роман «Заводной апельсин» несет в себе определенные черты такого явления, как контркультура. Для него характерны мотивы жестокости и моральной тирании, отчаяния и безысходности. Роман порождает в сознании читателя сложные визуальные образы, которые способствуют искреннему сопереживанию главному герою. Кроме того, Энтони Берджесс добивается этого с помощью аллюзии на прекрасную музыку Людвига ван Бетховена, которая служит фоном для сцен «ультра-насилия». Так, сочетая прекрасное и ужасное, автор формирует поэтику текста [Берджес 2018: 3].

Роман был опубликован в 1962 году. Поводом для его создания стали реальные события, произошедшие с семьей самого писателя, вследствие чего трудно абстрагироваться от текста, «насквозь пропитанного болью» [Энтони Берджесс… 1971: 4].

Роман «Заводной апельсин» сложен для прочтения – именно такое первое впечатление он производит. Всему виной «надсат» – вымышленный язык, состоящий из жаргонизмов [Письмо Энтони Берджесса...]. Например, для русскоязычного читателя определенную трудность представляют, на первый взгляд, абсолютно знакомые и понятные слова, написанные при этом латиницей: «Молочный бар “Korova” – это было zavedenije, где давали “молоко-плюс”, хотя вы-то, бллин, небось уже и запамятовали, что это были за zavedenija: конечно, нынче ведь все так скоро меняется, забывается прямо на глазах, всем plevatt, даже газет нынче толком никто не читает» [Берджес 2018: 3].

Но сходное затруднение возникает и у англоговорящего: «The Korova Milkbar was a milk-plus mesto, and you may, O my brothers, have forgotten what these mestos were like, things changing so skorry these days and everybody very quick to forget, newspapers not being read much neither» [Берджес 2018: 3].

Так, автор хотел отразить в тексте произведения постоянное движение языка, его сложность и изменчивость. Все эти признаки отлично демонстрировала речь подростков 50-х и 60-х годов XX века.

Незадолго до написания романа автор побывал в Ленинграде (1961 год), где и родилась идея надсата – интернационального языка, основанного на смеси русского и цыганского [Энтони Берджесс… 1971].

Официально роман «Заводной апельсин» не имел русского перевода вплоть до 1991 года, однако это не значит, что читатель не имел возможности ознакомиться с текстом намного ранее. Так, редактор «Литературной газеты» Владимир Абаринов сумел узнать у самого автора о уже существующем переводе: «Существует плохой русский перевод “Заводного апельсина”, сделанный в Израиле, но не думаю, что он добрался до ваших краев. Я верю, что дождусь переложения на настоящий русский язык, пока не будет слишком поздно...» [Письмо Энтони Берджесса...].

Советские критики восприняли роман благосклонно, называя его «романом об обличении капиталистической действительности» [«Заводной апельсин»… URL]. В это же время роман начинали запрещать во многих прогрессивных странах, таких как США [Banned & Challenged Classics 2013].

«Заводной апельсин» – зеркало, отражающее реалии современного Берджессу мира, в котором многие аспекты действительности представлены в гипертрофированном виде. Насилие в романе трактуется как стихийное зло, которое ничто не может оставить, под силу это сделать только времени. Герои романа растут, а вместе с тем у них пропадает и тяга к насилию, грабежу, преступлениям. Меняются их привычки, уклад жизни. Кто-то из бывших друзей Алекса женится, другие же переходят на «противоположную» сторону и становятся полицейскими. Не меняется лишь сам главный герой.

В последней главе романа автор не то оправдывает, не то дает шанс своим героям измениться к лучшему. Скорее, Берджесс предоставляет возможность читателю самому определить отношение к банде Алекса и к роману в целом, прося сочувственно настроенного читателя вспоминать «коротышку Алекса, каким ты его запомнил» [Берджес 2018].

Такое обнажение пороков во многом и послужило причиной запрета на издание романа в СССР. Редактор «Иностранной литературы» Александр Ливергант объяснял это следующим: «В романе все же очень много насилия, а, как известно, советская издательская идеология решительно отказывалась печатать такого рода произведения. То, как писал и как выражался, и то, как ставил проблему Берджесс, при всей критической направленности его книги, было написано не так, как хотелось бы советскому издательству. Это была все равно, конечно же, чуждая книга» [«Заводной апельсин»… URL].

Отсутствие официального перевода, тем не менее, не мешало публике познакомиться с романом. Интеллигенция читала «Заводной

апельсин» на языке оригинала – английском, чудом добывая и передавая из рук в руки экземпляры книги. Встречались и любительские переводы, получившие название «самиздат» («самиздат» как явление был не нов для советского читателя).

Роман «Заводной апельсин» много обсуждали и осуждали, в целом, произведение считалось, действительно, очень спорным. В первую очередь, предметом дискуссий читающих интеллигентов становилась основная тема произведения, ее отражение в современности, возможность или же невозможность воплощения идей ультра-насилия в жизнь, ведь были известны подобные случаи, произошедшие после экранизации романа в 1971 году. Образ Алекса и его банды, визуальный стиль и вид текста стал предметом более детального обсуждения.

Главным образом, говорили о возможности перевода романа на русский язык. Полагали, что если автор так удачно вводил сленг русских подростков, жаргонизмы и арго для обозначения молодежной банды, то при переложении этим языком должен был стать язык тоталитарного государства. В качестве достойной альтернативы предлагали китайский, так как в то время Китай был закрытой для соседних государств страной. Впрочем, споры о возможности переложения быстро утихли [4, Александр Ливергант].

Современному читателю роман «Заводной апельсин» знаком, в первую очередь, в переводе Владимира Бошняка, выполненном в 1991 году.

Роман Энтони Берджесса можно по праву назвать одним из интереснейших произведений всего XX века. Противоречивый текст способен захватить читателя и не отпускать его, пока не будет прочитана последняя страница. История создания и публикация заслуживает отдельного внимания литературоведов. Осознание факта сложного пути завоевания российской публики романом вызывает восхищение.

«Заводной апельсин» произведение, имеющее особый язык, с помощью которого Берджесс кропотливо воссоздал картину мира, где господствует тотальное насилие.

Точки зрения литературных критиков зарубежья и России, во многом, полярны. Однако роман, полный противоречивости и буквально кричащий о своей «неправильности» продолжает захватывать умы и сердца читателей России.

Литература

Берджесс Э. Заводной апельсин. М.: Издательство АСТ. 2018.

Энтони Берджесс интервью “Village Voice” от 30 декабря 1971.
Письмо Энтони Берджесса Владимиру Абаринову от 20 июня 1987. URL: https://www.svoboda.org/a/29593512.html
«Заводной апельсин»: роману о садисте-эстете – 50 лет. URL: https://www.bbc.com/russian/multimedia/2012/09/120912_clockwork_orange
“Banned & Challenged Classics”. American Library Association. 26 марта 2013.

Kolesnikova E.A. “A Clockwork Orange” by A. Burgess: aspects of reception in Russia

The article focuses on the reception of the novel by A. Burgess in Soviet Russia. The article also describes the Russian sources of the special language in the novel which is means of artistic depiction of present days as a world of total violence. Besides, the author analyses the main separate points of view of the novel which is reflecting its perception by the Russian-speaking reader.

Key words: A. Burgess, novel, “A Clockwork orange”, reception, “nadsat”, counterculture.

УДК82-1/-9

К.Ю. Горячева

ТЕМА «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ФАШИЗМА» В НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ (РОМАН Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»)

В статье поставлена актуальная задача формирования общей концепции творчества Б. Шлинка в свете проблем неклассической художественности и актуальной поэтики, а также в связи с необходимостью исследования принципов художественного осмысления значимых социально-политических процессов современной эпохи. Обоснована включенность современного немецкого романа в общий для искусства процесс выработки адекватных поэтологических средств, направленных на отражение изменившихся представлений о человеке и мире.

Ключевые слова: Б. Шлинк, роман «Возвращение», «вставная конструкция», «рассказанные истории», «железное правило», интеллектуальный фашизм.

В конце XX – начале XXI веков возрастает интерес немецких писателей к нацистскому прошлому. Изучая особенности менталитета фашистской Германии, они сопоставляют их с мировосприятием своих

современников. Одним из современных немецких авторов, обращающихся к теме трагического опыта XX века в его соотношении с военным прошлым Германии и «преодолением» этого прошлого, является Бернхард Шлинк (Bernhard Schlink, p.1944). События Второй мировой войны и их рефлексия – центральная тема многих произведений писателя.

В романе Шлинка «Возвращение» (нем. «Die Heimkehr», 2006) раскрываются ключевые для военной литературы темы: солдаты, пропавшие без вести, ожидание мира, возвращение домой, а также вина и ответственность за совершённые на фронте преступления. Основа художественного конфликта в произведении – коллизия гуманизма и «естественного права», которое, по мнению «многоликого» героя романа Джона де Баура, чья тайна лежит в центре повествования и способствует развитию сюжета, можно считать оправданием проявленной им жестокости. Стоит отметить, что процесс возрождения «естественного права» происходил в послевоенной Германии при решении вопроса о наказании представителей национал-социализма, что, скорее всего, и нашло отражение в тексте произведения.

В центре повествования романа «Возвращение» лежит загадочная история, связанная с Джоном де Бауром, отцом главного героя. В личной судьбе персонажа происходит слияние микро- и макро-истории. Знакомство читателя с ним происходит уже на первых страницах произведения, где он выступает в роли пропавшего родителя и именуется Иоганном Дебауером. Данная фигура сразу интригует своей таинственностью. Отца Петер знает только по рассказам бабушки и дедушки, которые явно что-то недоговаривают и стараются уберечь мальчика от возможных неприятностей.

Следующая встреча с героем происходит, когда он предстаёт в роли автора «Романов для удовольствия и приятного развлечения». Кроме того, он одновременно является и героем одного из них, возвратившимся с войны солдатом Карлом. Под именем Фолькера Фонландена Иоганн Дебауер пишет статьи, отражающие гражданскую позицию и его жизненную философию, касающуюся прав человека.

Загадочный персонаж постепенно лишается своей таинственности. Шаг за шагом, соединяя воедино все известное нам о тёмной личности старшего Дебауера, мы приближаемся к развязке, и, наконец, знакомимся с притягательным и влиятельным университетским профессором Дж. де Бауром, открыто пропагандирующим так называемое «естественное право», которое учёный рассматривает с позиции деконструктивизма. Такое право, по мнению Де Баура, освобождает человека от ответственности и наказания за совершённые преступления: «… если текст говорит не о том, что имел в виду автор, а о том, что

вычитывает из него читатель, то за конкретный текст отвечает не автор, а читатель. Если реальностью является не окружающий нас мир, а текст, который мы пишем о реальности и который мы читаем, то ответственность несут не реальные убийцы и не реальные жертвы, а скорее их современники, которые выдвигают обвинение в убийстве и наказывают за него» [Шлинк 2010: 230].

Изучение личности Дж. де Баура невозможно без обращения к истории Германии послевоенного периода. Судьба героя и его взгляды на права человека, ориентируют на осмысление истории всей страны XX века.

Стоит отметить, что с фигурой Де Баура читатель впервые встречается не в центральном повествовании произведения, а в целом ряде сюжетных линий, представленных различными жанрами, которые гармонично взаимодействуют с основной парадигмой романа и ничуть не отягощают восприятие художественного текста, а наоборот, помогают читателю разобраться в череде тесно переплетающихся событий. К ним относятся, помещённые в пространство «рассказанные истории», «беседы», «мемуары», «публицистические» и «научные» статьи, а также миф об Одиссее.

В работе новгородских исследователей С.Г. Исаева и Н.Г. Владимировой «Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы» данные вкрапления получили название «вставные конструкции»[1]. «Вставные конструкции» представляют собой отличные от основного повествования включения, обладающие чётко обозначенными границами. Они имеют собственную жанровую организацию, собственную фабулу и сюжет. «Вставные конструкции» формируют внутреннюю диалогичность текста, указывают на наличие коммуникации «автор – читатель». Одной из функций «текста в тексте» можно считать передачу дополнительной информации об авторе (повествователе или рассказчике).

Первоначальной целью «вставных конструкций» было дополнение, уточнение и пояснение основного текста, решение проблем, затрагиваемых в пространстве художественного произведения, удваивание или модификация основного сюжета. В данном аспекте наиболее типичны такие вставные тексты, как письма, дневники героев, а также различного рода авторские отступления. В современной прозе «текст в тексте», как правило, больше не играет вспомогательную роль, а наоборот, занимает центральную позицию, обретает значимость в развитии сюжетных линий, воплощает авторскую концепцию изображаемо-

[1] Термин предложен С.Г. Исаевым, Н.Г. Владимировой (в кн.: [Исаев, Владимирова 2017: 192-207]).

го мира и человека. Именно такую роль играют «вставные конструкции» в романе Б. Шлинка «Возвращение».

Большая часть «вставных конструкций» в произведении посвящена теме фашизма. Ключевыми здесь становятся работы Фолькера Фонландена. Его статья «Железное правило», поясняющая причины беспощадности национал-социалистов, их нетерпимое отношение к чужой культуре, инакомыслию. По словам Де Баура «Право основано не на золотом правиле, а на правиле железном. Причиняй другим то, что по силам вынести тебе самому. <…> Той опасности, которой ты готов подвергнуть себя, ты имеешь право подвергнуть и других, тем, чем жертвуешь ты, должны жертвовать и другие. Из этого правила рождается авторитет, рождается Вождь <…> Там, где я готов пойти на смерть, я тоже имею право убивать» [Шлинк 2010: 141].

«Вставные конструкции», содержащие в себе размышления Фонландена, имеют первостепенное значение в развитии сюжета. Согласно справедливому мнению Н.Л. Потаниной, именно они «демонстрируют преступную изощренность псевдоинтеллектуального «оправдания» антисемитизма и жестокости по отношению к другим народам, подвергшимся военной агрессии фашистской Германии»[1].

Скрывавшийся в первые послевоенные десятилетия Иоганн Дебауер, придерживающийся идеологии нацизма, ничуть не раскаивается за совершённые преступления. Напротив, завоевав авторитет в научной сфере, теперь профессор Джон де Баур во всеуслышание заявляет об оправдании жестокости и насилия над человеком. Он презрительно отзывается о требовании честности, так как считает её бесполезным, недостаточным средством, используемом при достижении намеченных целей. «Бедность и нищета способствуют прогрессу и развитию культуры, насилие обеспечивает мир, невинные жертвы способствуют успеху в справедливой войне», – говорит Де Баур. [Шлинк 2010: 259].

Теория успешного и влиятельного профессора Джона де Баура, совершенно справедливо именуемая «интеллектуальным фашизмом», активно распространяется среди молодого поколения. Бывший нацист мастерски подвергает свои тексты, которые вызывали неоднозначную реакцию среди его коллег, показательной деконструкции, тем самым не оставляя ни малейшего подозрения и повода для упрёков в желании избежать ответственности. Этот факт не может не вызвать вопроса о возможности возвращения политики национал-социализма и воспроизведении трагических событий XX века.

[1] Статья Н.Л. Потаниной «Концептуальная метафора “возвращение” и особенности построения текста в одноименном романе Б. Шлинка» в данный момент находится в печати.

Показательна полемика о «добре» и «зле», которую Петер Дебауер ведет со своим отцом. Профессор развивает свои представления об общественном праве и личной ответственности, о преобладании зла и его так называемой *доброй стороне*: она «заключается в том, что зло можно поставить на службу добру» [Шлинк 2010: 259]. По словам Де Баура, идея правового общества ложна, так как происходящее в условиях глобализации крушение национальных устоев не приводит ко «всеобщему братству», а заставит объединиться людей по другим принципам. В позиции Джона де Баура по-прежнему продолжают звучать нацистские настроения.

Литература

Исаев С.Г., Владимирова Н.Г. Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы. Великий Новгород: Издательство НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2017.

Потанина Н.Л. Концептуальная метафора «возвращение» и особенности построения текста в одноименном романе Б. Шлинка // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2018.

Шлинк Б. Возвращение. СПб.: Азбука- классика, 2010.

Goryacheva K.Y. The theme of the “Intellectual fascism” in the modern German literature (on the example of the novel “The Comeback” by B.Shlink)

The article studies B. Shlink’s view of the creative work and the process of its formation from the point of view of non-classical artistry and modern poetics. Also this research work is connected with the necessity to study principles of modern social and political processes’ conceptualization in literary-artistic works. The researcher proves that the German novel of nowadays is included into the process of working out adequate poetological means which can reflect changes of our views on the world and people. This process touches the whole of the artistic sphere.

Key words: B. Shlink, the novel “The Comeback”, built-in construction, a story told, a strong rule, intellectual fascism

УДК 821.112.2

В.А. Моргунова

РОМАН Г. МЕБС «ВОСКРЕСНЫЙ РЕБЕНОК» В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

В статье рассматриваются рецензии и отзывы российской литературной критики на роман немецкой писательницы Гудрун Мебс «Воскресный ребенок», анализируются отдельные особенности со-

циокультурной ситуации в России, ставшие условием возникновения читательского интереса к творчеству Г. Мебс.

Ключевые слова: Гудрун Мебс, современный немецкий роман, российская литературная критика, тема детства, «Воскресный ребенок», рецензия.

Гудрун Мебс – популярная немецкая детская писательница, актриса, драматург. Написала более 20 книг, получила Немецкую премию в области детской литературы, детские книжные премии в Австрии и Швейцарии. Книга «Воскресный ребенок» (1984) переведена на 24 языка мира, экранизирована, сама писательница сыграла в фильме роль воскресной мамы.

Самые известные произведения Гудрун Мебс: Воскресный ребенок – Sonntagskind (1983), – Бабушка! – кричит Фридер – Oma, schreit der Frieder (1984), – Бабушка! – снова кричит Фридер – Und weite schreit der Frieder: „Oma!“ (1985), Бабушка и Фридер – друзья навек! – Omaund Frieder – jetzt schreien sie wieder! (1992), – В школу! – кричат бабушка и Фридер – „Schule!“ schreit der Frieder und die Oma, die kommt mit (2010).

Роман Гудрун Мебс «Воскресный ребенок» практически не имеет отрицательных отзывов, критиков привлекает легкость и доступность языка автора, то, с какой непринужденностью немецкая писательница говорит о серьезных проблемах, совершенно необычные сюжеты, яркие и выразительные образы. «Это не настоящая женщина. Это же мальчик! В куртке и в шапке с помпоном. А как же шуба? Где же она? <…> и волосы у Фрау Фидлер тоже очень похожи на Зайчиковые <…> они короткие и темные и торчат во все стороны, особенно сверху», – такой необычный образ глазами ребенка воскресной мамы представляет Гудрун Мебс [Мебс 2016: 30]. Форма повествования от лица главной героини, девочки-сироты восьми лет, очень располагает читателя, увлекает за собой во внутренний мир ребенка. Очень интересно наблюдать за духовным ростом девочки, а именно, как влияет на ее жизнь присутствие любви и ощущение того, что ты кому-то нужен и важен.

Большинство откликов русской критики о творчестве немецкой писательницы положительны, но на сайте Новосибирской областной детской библиотеки им. А.М. Горького мною был обнаружен отрицательный отзыв в статье, автор которой, к сожалению, не указан «Какими мы видим друг друга. Разговор со взрослыми» [Новосибирская областная детская библиотека им. А.М. Горького URL].

По большей части в статье говорится о повести в рассказах «Бабушка! – кричит Фридер» Гудрун Мебс. «..отдельные, очень похожие один на другой рассказы, без какого-либо сюжетного развития, собранные в сборники…», – [Новосибирская областная детская библиотека им. А.М. Горького URL]. Именно так описывается данная книга немецкой писательницы, а в целом о творчестве Гудрун Мебс упоминается как о «средней руки сочинениях», которые с удовольствием читают дети и которые не привлекают взрослых.

Профессор РГГУ В.П. Боголюбова активно занимается изучением творчества Гудрун Мебс. В.П. Боголюбова считает, что немецкая писательница продолжает традиции детского психологического романа, заложенные писателями Швеции и Норвегии. Профессор пишет: «Роман “Воскресный ребенок” представляет собой размышления ребенка-сироты о собственной судьбе, которые облечены в форму внутренних монологов, иногда довольно длинных, переходящих в “поток сознания”» [Боголюбова 2015: 401].

В.П. Боголюбова считает, что в романе современная модель мира ребенка гораздо более нравственна, чем модель мира взрослых. «В современном обществе не взрослые дарят счастье детям, а наоборот дети возвращают взрослых в нормальную жизнь. Чтобы удочерить девочку, Кристиану и Улле пришлось официально оформить свои отношения, стать мужем и женой, то есть вернуться к понятию “семья”, которое их сделало счастливыми», – так пишет профессор В.П. Боголюбова в своей статье «Современный немецкий детский психологический роман: проблематика и поэтика» [Боголюбова 2015: 401].

Многие сайты детских библиотек благосклонно отзываются о творчестве Гудрун Мебс, например, литературный критик и книжный обозреватель Галина Юзефович на сайте bookingmom.com рекомендует книгу немецкой писательницы как одну из 100 лучших детских книг. «Я подумала, что “нержавеющую классику” типа “Винни-Пуха” или “Буратино” все прочитали и без меня, поэтому решила составить список книг чуть менее очевидных, но, на мой вкус, ничуть не менее прекрасных», – пишет литературный критик.

Также на сайте Тамбовской областной детской библиотеки роман Гудрун Мебс «Воскресный ребенок» указан в списке, рекомендуемых к прочтению в разделе «Советуем почитать. О девчонках и мальчишках».

На сайте «Навигатор по детской литературе» (kidreader.ru) представлена рецензия Марины Демичевой «Я хочу только, чтоб меня любили» на книгу «Воскресный ребенок».

Автор рецензии считает, что именно потребность в любви движет всеми поступками маленькой сироты. «В повести вроде нет динамики, развития сюжета, драматургии, конфликта. Но в том-то и дело, что сюжетом повести на самом деле являются не внешние обстоятельства, а изменения, рост души девочки», – пишет Марина Демичева. Почувствовав любовь воскресной мамы, ребенок «оттаивая, обретает новое зрение и оказывается способен разглядеть в докучливом “дурачке Карли” и его душу, увидеть его близко-близко, заглянуть в его глаза, узнать их цвет, сосчитать веснушки на его лице…» [Демичева 2015].

Выражая своё отношение к книге Гудрун Мебс «Воскресный ребенок», заканчивает свою рецензию Марина Демичева словами: «Так что повесть обо всех нас и для всех нас» [Демичева 2015].

Николай Александров в программе «Порядок слов» масштабнее смотрит на роман Гудрун Мебс и говорит: «Эта книга обращает нас уже к более серьезным и актуальным современным проблемам... это не просто сентиментальная история, это еще и повесть об одиночестве, о том, как трудно жить без привязанности и настоящей любви. И о том, как важно это одиночество преодолеть и как важна помощь в этом преодолении» [Александров 2015], – говорит Николай Александров, тем самым обозначая важнейшие проблемы, которые затронула немецкая писательница и которые волнуют еще многих и многих людей.

Еще одна рецензия на книгу Гудрун Мебс «Воскресный ребенок» написана Еленой Усачевой под названием «Только представьте!» [Усачева 2015]. Акцент в своей статье Елена Усачева делает на названии серии, под которой вышла повесть – «Для тех, у кого все есть» [Усачева 2015].

Действительно разное понимание жизни и отношение к ней у детей, которые имеют все блага для беззаботного детства и у которых даже нет родителей. Гудрун Мебс как раз и показывает на примере «воскресного ребенка», что это значит, когда у тебя ничего нет. В завершение статьи Елена Усачева призывает читателей: «читайте книжку “Воскресный ребенок” и цените то, что у вас есть» [Усачева 2015].

Юлия Верховых в своей статье «Будь моей мамой» рассуждает о том, как это прекрасно, иметь маму и какие разные бывают мамы. Несмотря на столь непростую тему сюжета, «Воскресный ребенок», по мнению автора статьи, «книга жизнеутверждающая и побуждающая к раздумьям. Раздумьям текучим и светлым, какие, бывает, навевает долгий взгляд на проплывающие в далекой синеве облака» [Верховых 2015].

Проблема сиротства, затронутая Гудрун Мебс в своей повести, является очень актуальной в России, потому как количество детей-сирот из года в год не становится меньше, этот факт объясняет интерес к книгам Гудрун Мебс в России. Также немаловажным представляется узнать, что общего и каковы различия в понимании темы сиротства у разных народов.

Но не только из-за общности проблем книга Гудрун Мебс стала популярной среди российских читателей. Русского человека с давних времен привлекала «заграничная» жизнь, казалась чем-то прекрасным и недостижимым. В настоящее время для массового читателя «заграничная» жизнь по-прежнему является завораживающей.

Многие русские писатели классики говорили о желании и способностях русского человека познакомиться с духом другой культуры, прочувствовать его. Ф.М. Достоевский писал, что русскому человеку присуща способность проникать в другие культуры, сочувствовать и сопереживать другим народам и нациям. О «всемирной отзывчивости русских» Достоевский писал так: «…необыкновенная способность усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций – черта, которая особенно выразилась в поэзии Пушкина» [Шаповалов 2016].

А.А. Блок писал в «Скифах» о «врожденной всемирности» русского человека:

Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений…

[Кацура 2008: 144]

Подводя итог, хочется сказать, что с творчеством немецкой детской писательницы Гудрун Мебс знакомы еще, к сожалению, не многие, но столь положительные отзывы российских литературных критиков дают основание полагать, что творчество этой писательницы уже заняло свое скромное, но достойное место в русском культурном пространстве. Оно может имеет значение для воспитания и становления детей и быть поистине образцовым и вдохновляющим примером семейных отношений.

Литература

Александров Н. Программа «Порядок слов», ОТР, 19 января 2015. URL: http://www.otr-online.ru/programmi/detskie-knigi-malchik-34584.html.

Боголюбова В. П. Современный детский психологический роман: проблематика и поэтика // Преподаватель XXI век. 2015. № 1-2. С. 397-412.

Верховых Ю. Будь моей мамой // КультурМультур. 12 февраля 2015. URL: http://kulturmultur.com/project/78/Bud_moey_mamoy_12_02_2015/

Демичева М. Я хочу только, чтобы меня любили // Kidreader.ru13 января 2015. URL: http://kidreader.ru/review/2947.

*Кацура А.В. «*Всемирная отзывчивость», или русский путь к глобализму // Век глобализации. 2008. Вып. 1. С. 144-154.

Мебс Г. Воскресный ребенок. М.: Самокат, 2016.

Новосибирская областная детская библиотека им. А.М. Горького Какими мы видим друг друга. Разговор со взрослыми. 2017–2018. URL: http://www.maxlib.ru/page.php?article=236.

Усачева Е. Только представьте! Vifsaida.com. 25 января 2015. URL: http://vifsaida.com/info/931-tolko-predstavte.

Шаповалов В. Российская цивилизация. Присуща ли русскому народу «всемирная отзывчивость»? // Мир тесен 2016.

Юзефович Г. 100 лучших детских книг. URL: https://bookingmom.com/2015/03/17/100-kids-books-yuzefovich/.

Morgunova V.A. The novel “The Sunday Child” by G. Mabs in the Russian literary criticism

In this article we examine the reviews and responses of Russian literary criticism relating to the novel by German writer G. Mabs known as “The Sunday Child”. Also we analyze the particular characteristics of social and cultural situation in Russia and find out the reasons of the readers’ interest in this novel.

Key words: Gudrun Mabs, modern German novel, Russian literary criticism, theme of childhood, “The Sunday Child”, reception.

Глава 5

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ СМИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ, ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 659.4:81'42

В.И. Ивченков

МЕДИАЛИНГВИСТИКА В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Рассматриваются онтологические вопросы формирования нового междисциплинарного направления в областях лингвистики и теории журналистики – медиалингвистики. Верифицируются научные положения белорусских ученых, содержащие статусные отличия в изучении художественного и публицистического текстов.

Ключевые слова: медиалингвистика, лингвистический анализ текста, дискурсный анализ, художественный и публицистический тексты.

Славянская филология XXI века приобретает явные медиацентрические черты, что связано со стремительным развитием информационных технологий. В поле зрения гуманитариев попадает медиатекст как двунаправленный коммуникационный процесс, пришедший на смену однонаправленному – информационному, построенному на агитации и пропаганде. Если проследить путь от статьи Г.О. Винокура «О языке нашей газеты» (1924) до современных исследований, то можно увидеть, насколько изменились концепции изучения языка и стиля СМИ, как и трактовки самой медиаречи. Исследовательское поле медийного текста значительно расширяется и охватывает пограничные области научного познания.

В августе 2013 г. в Минске на XV Международном съезде славистов была создана медиалингвистическая комиссия, в состав которой вошли слависты Беларуси, России, Украины, Польши, Словакии, Болгарии, Испании, Австрии, Германии, США, Китая, Турции и других стран. Этим фактом устанавливалось историческое обстоятельство формирования самостоятельного научного направления в сфере лингвистики и журналистики, объединенного целевой научной парадигмой.

Аффилированию медиалингвистической комиссии при Международном комитете славистов (ЮНЕСКО) предшествовала кропотливая работа ученых из разных стран. Так, белорусская медиалингвистика приобретает статус самостоятельного научного направления с 2000-х и формируется из традиционного подхода к изучению языка и стиля СМИ, который со временем эволюционирует в русло дискурсного анализа СМИ. Российские ученые на пути к медиалингвистике берут на вооружение следующий постулат: «Медийное поле очень многообразное и представляет собой сферическое пространство. Увидеть все медийные сферы, последствия и их разграничении для поведения участников массовой коммуникации, системы жанров и их реализации – задача, которую надо осмыслить» [Шмелева 2012: 59].

7 декабря 2011 г. на кафедре речевой коммуникации (ныне медиалингвистики) Высшей школы журналистики и массовой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета состоялся семинар «Медиалингвистика в XXI веке», на котором было принято решение о создании веб-ресурса «Медиалингвистика – XXI век». Его цель создатели видели в объединении усилий российских и зарубежных исследователей медиаречи. Отныне портал http://medialing.spbu.ru/ активно функционирует и стал действенным центром медиалингвистической мысли.

С 2014 года издаётся международный научный журнал «Медиалингвистика» (http://medialing.spbu.ru/part10), который выходит четыре раза в год и охватывает широкую проблематику производства, планирования, перцептики медиатекста и интегрирования его в круг других семиотической систем.

Регулярно проводятся конференции, семинары и симпозиумы по заявленной тематике: «Язык в координатах медиа» (Болгария), «Слово в контексте времени» (Беларусь), «Речевая коммуникация в СМИ» (Россия), «Медиа в культурной трансформации общества» (Украина), «Медиатекст как полиинтенциональная система» (Россия) и др. Разветвленная деятельность комиссии хорошо скоординирована, в чем несомненная заслуга ее председателя – заведующего кафедрой медиалингвистики СПбГУ, доктора филологических наук, профессора Л. Дускаевой.

Исследования в области медиалингвистики активно развиваются, приобретают явные онтологические черты. Как всякое новое направление, медиалингвистика наполняется разными смыслами и понятиями. Дискуссии ученых в этом направлении в чем-то напоминают «круг Сократа». Основанный на когнитивном подходе «от известного к не-

известному», этот метод приводит участников дискуссии к вдумчивому рассуждению, а затем к убеждению и более глубокому знанию. Изучение эмпирического материала медиа, который традиционно назывался текстом СМИ, а затем текстом СМК, приводит в наше время к постановке системных вопросов и поиску ответов на них в дихотомии экстра- и интралингвистической сути языкового факта как социального действия. Сегодня медиалингвисты, образно говоря, находятся во внутреннем круге Сократа и пробуют силы в элиминировании гипотез, построении концепций, выяснении междисциплинарных связей и проч. Первым шагом решения этой актуальной задачи стало издание в 2018 году коллективного труда «Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник» (Медиалингвистика 2018).

В Беларуси изучение языка и стиля средств массовой информации проводилось на базе подходов лингвистического анализа текста (ЛАТа), затем – филологического анализа текста. Преподавание этих дисциплин было направлено на выявление горизонтального (интралингвистическое построение) и вертикального (экстралингвистическое окружение) контекстов, принципов учета взаимосвязи, взаимообусловленности формы и содержания, координации общего и отдельного, историзма, уровневого подхода к анализу текста (исследовалась организация текста на фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом уровнях) и т.д.

Постепенно формируются два подхода к изучению текста – от формы к содержанию (лингвистический) и от содержания к форме (литературоведческий). Обращение к лингвистическому анализу текста давало свободу исследователю, т.к. предмет изучения распадался на текст автора (кодирование, объективированная мысль, творческий замысел, индивидуально-авторская картина мира) и текст читателя (декодирование, интерпретирование). Это давало заманчивые возможности посредством исследования языковых средств, используемых в тексте, «постижения» авторского видения произведения. Путем применения приема лингвистического эксперимента можно было «проверить» условия функционирования того или иного слова, установить содержательные характеристики, догадаться о пределах возможного употребления формы. Фонетические, лексические, грамматические средства конструировались в единый стилистический каркас, что позволяло говорить об идиостиле писателя. Все было подчинено выявлению функциональных свойств речевых конструкций, особенностей встраивания их в систему текста. Такие усилия хорошо укладывались в рамки функциональной стилистики. Достоянием данного подхода явилось элементное рассмотрение текстов в определении их эстетического на-

чала в парадигматической, синтагматической и эпидигматической парадигмах. Так, белорусские лингвисты во второй половине XX века активно изучают художественный текст, закладывается традиция изучения поэтической функции языка художественной литературы, что сближает лингвистический и литературоведческий подходы. Художественный текст рассматривается как особая эстетическая реальность. Откликом на обозначенные тенденции в исследовании художественного текста явилось оформление в самостоятельное направление эстетики публицистического слова, что в некотором смысле стало вызовом, если вспомнить установленный Г.О. Винокуром «грамматический каркас» газетного текста. В Белорусском государственном университете был введен курс «Эстетика публицистического слова», который разработал и читал профессор М.Е.Тикоцкий.

Дальнейшим этапом развития медиалингвистического направления стали курсы «Лингвистика текстов СМИ», затем «Лингвистика публицистического текста» и позднее «Дискурсный анализ СМИ». В русле этих дисциплин исследовались и изучались вопросы происхождения текста, соотношений понятий «теория текста и лингвистика текста», устанавливался дефинитивный аппарат обработки текста в лингвистических сферах, особое внимание уделялось интертекстуальности как характерной черте современного журналистского процесса. Становление и развитие лингвистики публицистического текста с 2000-х рассматривается как важный исторический процесс, который требует обобщения накопленных знаний, целостного анализа отдельных явлений литературы, журналистики и лингвистики. Внедрялся новый подход к продукту интеллектуальной деятельности человека – тексту, наряду с изучением структуры и распознаванием его элементов, компоновки, выявлялось системное взаимодействие вербального знака с другими знаками естественного мира, определялась природа такого взаимодействия. Текст стал явлением журналистской деятельности, коммуникации и познания. Он изучается в реальном коммуникативном действии, в интеграции с социально-культурными и идеологическими контекстами, как процесс, протекающий во взаимосвязи с многочисленными другими функциональными категориями, включая читательскую аудиторию.

Дискурсному анализу подвергнуты характеристики белорусскоязычных текстов СМИ в контексте истории и современного состояния функционирования языка. К числу общих и отдельных онтологических черт медиадискурса были отнесены: предназначенность для массовой аудитории и распространенность; экстралингвистический фактор действия публицистического текста: оперативность; перманентность публицистического текста: периодичность и регулярность; формирование

информационного поведения; дублирование и варьирование: вариантно-инвариантный подход к сигнификации текста; «производственный цех» публицистического текста: авторское «я» и коллективное авторство; экстралингвистическая мотивация интертекстуального эффекта журналистской деятельности. Сегодня к этим характеристикам добавляются интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность.

Устремления славянских медиалингвистов направлены на выработку дефинитивного аппарата научно-прикладной дисциплины, объектом которой является речевая деятельность, предметом же – медийная коммуникация. Медиалингвистика уверенно прошла этап установления научных приоритетов и сегодня представляет собой мобильную сферу, активно развивающуюся и органично вписывающуюся в исследовательское пространство современной науки.

Литература

Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2018.

Шмелева Т.В. Медиалингвистика как медийное речеведение // Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. С. 56-60.

Ivchenkov V.I. Media linguistics in the Slavic world: to the ontological characteristics

The article addresses ontological problems of forming a new interdisciplinary direction in the fields of linguistics and theory of journalism – media linguistics. The author verifies the scientific provisions of Belarusian researchers, which contain status differences in the study of literary and journalistic texts.

Key words: media linguistics, linguistic analysis of the text, discourse analysis, literary and journalistic texts.

УДК 002.703
882 (09)

А.И. Иванов

ЖУРНАЛИСТИКА И ЛИТЕРАТУРА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XIX ВЕКА

В статье освещаются некоторые факты из истории взаимоотношений журналистики и литературы, исследуется облик журналиста в литературе XIX века. Определяются точки сближения и особенности взаимодействия мастеров слова в познании действительности, а также человека в обыденной жизни и экстремальных об-

стоятельствах. Выявление роли и места творчества писателей и журналистов прошлого способствует осмыслению нашей духовно-нравственной культуры переходной эпохи.

Ключевые слова: облик журналиста, реальность, «средний человек», экстремальные обстоятельства.

Журналистика как вид творческой деятельности, вполне справедливо рассматривается как разновидность литературной работы в самом широком смысле. Первоначально имеется в виду работа со словом, создание текста. И поле взаимодействия литературы и журналистики достаточно широко и значимо [Орлова 2011]. Исследуя это поле взаимодействия, обратимся к некоторым страницам истории взаимоотношений тружеников пера.

Отечественная литература XIX века не слишком баловала журналистов, и к концу столетия сложилось довольно устойчивое мнение о представителе этой «скользкой» профессии (продажность, охота за сенсациями, бесцеремонность, поверхностность). Примером тому – юмористическая литература 1880-х годов. Когда заходит речь об имидже журналиста, то в качестве свидетельства приводятся герои А.П. Чехова из рассказа «Два газетчика (Неправдоподобный рассказ)». Он был опубликован в журнале «Осколки» в 1885 г. за подписью А. Чехонте. На наш взгляд, особенности чеховского юмора несколько дезориентируют интерпретаторов этого рассказа, увидевших в нем едва ли не щедринскую сатиру в изображении служителей пера. Но за комизмом в изображении журналистов не увидены два взгляда на журналистику. Обратимся к содержанию этого «неправдоподобного рассказа».

Перед читателем – Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», человек «обрюзглый, сырой и тусклый» и Шлепкин, сотрудник газеты «Иуда предатель», «живой, веселый, розовый». Узнав, что его приятель вздумал вешаться, Шлепкин вопрошает, чем же могла ему жизнь опротиветь? И слышит в ответ не только сетования на жизнь, в которой лишь туман какой-то, неопределенность, но и на творческое бесплодие. Обо всём уже написано – «о кассирах писали, об аптекарях писали». «А вот если бы <…> случилось что-нибудь особенное, этакое, знаешь, зашибательное, что-нибудь мерзейшее, распереподлое, такое, чтоб черти с перепугу передохли, ну, тогда ожил бы я!».

Решившему свести счеты с жизнью Рыбкину предлагается другой взгляд на журналистику, вглядеться «в былинку, в песчинку, в щелочку… всюду жизнь, драма, трагедия! В каждой щепке, в каждой свинье

драма!». Но доводы Шлепкина не убедили приятеля. «Рыбкин накинул себе петлю на шею и с удовольствием повесился».

Если учесть, что в каждой шутке есть только доля шутки, то А.П. Чехов передал не только два взгляда на жизнь, как в анекдотах про оптимистов и пессимистов. Рассказ, в самом начале представивший два мировосприятия, передал и два отношения к ремеслу журналиста. Одному нужны потрясения, «мерзейшее», «распереподлое» (знакомо, не правда ли?), другому – «песчинки», «былинки» в повседневности. А завершающий абзац представил нам «профессионализм» журналиста. «Шлепкин сел за стол и в один миг написал: *заметку* о самоубийстве, *некролог* Рыбкина, *фельетон* по поводу частых самоубийств, *передовую* об усилении кары, налагаемой на самоубийц, и еще *несколько других статей* на эту же тему (выделено мной. – А.И.). Написав всё это, он положил в карман и весело побежал в редакцию, где его ждали мзда, слава и читатели» [Чехов 1988, 4]. Эта сверхоперативность Шлепкина-газетчика и многожанровость его откликов может сейчас вызвать восклицание: «Ну, чем не универсальная журналистика?».

В рассказе «Два газетчика» со всей очевидностью выражена особенность ранней юмористики Чехова – прямое, неожиданное соединение явно комического с вполне серьезной мыслью. Подтвердим это на примере фигуры другого чеховского журналиста, который появился раньше героев из «Двух газетчиков». Речь идет о рассказе Антоши Чехонте «Корреспондент» (1882), появившемся в журнале «Будильник». Поскольку этот рассказ не привлекал внимания ни историков журналистики, ни литературоведов, обратимся к его содержанию.

В центре внимания загулявшей на свадьбе компании оказался старый газетчик Иван Никитич, который «ни в каком случае не ожидал от богатого купца такой чести для себя, “нолика”, как он выражался, “между человеками еле видимого и едва заметного”…». Воспользовавшись случаем, он обращается к собравшимся с речью, в которой слышится, прежде всего, пресмыкательство – черта, которую больше всего не любил в своих героях молодой Чехов:

Газетчик рассыпался в благодарностях благодетелю, не пренебрегшим «мелким человечиком», осчастливившему «лаской искренней». Но в этой речи начинает звучать нечто о журналистике: «Между людьми мы маленькие, бедненькие, а между тем соль мира есмы, и богом для полезности отечественной созданы, и всю вселенную поучаем, добро превозносим, зло человеческое поносим…». Но слова о журналистике оказались уж слишком выспренними, высокопарными и едва

ли дошли до гостей. Заметим, что нелюбовь Чехова к пышной фразе, напыщенности слов будет характерна и для его последующей прозы, и его пьес.

Поток слов был прерван окриком хозяина, потребовавшего произнести речь в честь молодых. Речь удалась. Оратор был обласкан и, налив себе не рюмку, а стакан, Иван Никитич преобразился и, вспомнив о журналистской молодости, с гордостью за свою профессию сказал и о прежней журналистике. Сказал, что «огня и правды в людях больше было. Прежде что ни писака был, то и богатырь, рыцарь без страха и упрека, мученик, страдалец и правдивый человек». С не меньшим вдохновением произнесено обвинение в адрес современной журналистики: «Теперь все пишут. Кто хочет, тот и пишет. У кого душа грязнее и чернее сапога моего, у кого сердце не в утробе матери, а в кузнице фабриковалось, у кого правды столько имеется, сколько у меня домов собственных, и тот дерзает теперь ступать на путь славных, – путь принадлежащий пророкам, правдолюбцам да сребренонавистникам». <…> Теперь кому кушать хочется, тот и пишет, а пишет что хочет, лишь бы сбоку на правду похоже было…» [Чехов 1988, 1].

Речь газетчика привлекла внимание собравшихся своим пафосом, оратор получил заказ написать в газету о пожертвованиях купцов. Но, испытав мгновения славы и интереса к себе, Иван Никитич испытал и ужас падения. Недочитанное до конца и неправильно истолкованное купцом Трамбоновым выражение в приготовленной о нем корреспонденции вызвало гнев заказчика. Корреспондент был с треском изгнан.

Трагикомичная история Ивана Никитича мало кого тогда заинтересовала. И сам Чехов не включал этот рассказ в свои сборники. Но ведь в высказанных им, пусть не совсем в трезвом виде, словах о журналистах, которые «богом для полезности отечественной созданы, и всю вселенную поучаем, добро превозносим, зло человеческое поносим…» выражена, ни много ни мало, суть подлинной журналистики. От имени старого репортера говорилось и о нападках на журналистов, о состоянии прежней и нынешней журналистики.

В большой литературе журналистика в неприглядном виде, скорее всего, предстала в романе «Обломов». Вспомним, как Илья Обломов в ответ журналисту Пенкину, хвастающему критической направленностью своих статей, верностью изображения, воскликнул: «Из чего же они бьются: из потехи, что ли, что вот кого-де не возьмем, а верно и выйдет? А жизни-то и нет ни в чем: нет понимания ее и сочувствия, что там у вас называется гуманитетом. <…> Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! – почти шипел Обломов. – Вы ду-

маете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью…» [Гончаров 1981, 2].

Реакция героя Гончарова – это реакция на то, что социально-критическое начало в журналистике и литературе 60-х годов XIX века настолько возобладало над гуманитарной, эстетической составляющей, что она (на какое-то время?) перестала видеть человека. Обломовское шипение плюс спрятанные за юмористическим неправдоподобием суждения чеховских газетчиков вольно и невольно вызывают вопросы: меняются ли представления о журналистике и ее роли? Каков характер адресации творческой деятельности журналиста, ее культурный смысл?

Справедливости ради заметим, что в XIX веке журналисты не остались в долгу перед литераторами. Наиболее ярким примером является сатирическая и юмористическая журналистика конца 1850-х и 1860-х годов. И конечно, популярный в это время еженедельник «Искра» (1859–1873). Наряду с министрами, начальниками департаментов, губернаторами, откупщиками и проч. объектом смеха для поэтов «Искры» были пошлость, мелочность интересов – в социальной жизни, а также лженародность и «искусство для искусства», внешняя красивость и экзотика – в поэзии. Пародии искровцев были направлены против отдельных стихотворений Фета, Полонского, Майкова, Тютчева, Мея, Бенедиктова.

Искровцев не раз упрекали в личностном характере их сатиры, в том, что они оскорбляют, например, уважаемых, но не пользующихся почему-либо их симпатиями писателей. Но в большинстве своем сатира В. Курочкина, Д. Минаева, Н. Ломана и др. была направлена не на частных лиц, а на «представителей известного порядка идей» [Ямпольский 1987].

Другое дело, сатира Виктора Буренина, начинавшего свой путь в 1860-е, в том числе и в «Искре». В конце 1870-х годов В. Буренин обрел вполне заслуженную славу фельетониста «Нового времени» А.С. Суворина. В эти же годы состоялся вынужденный переход Буренина от публицистики к литературной критике. «Если б у нас была свобода печати, он стал бы единственным в своем роде памфлетистом, употребляя свое перо для разоблачения министров и т.д. Теперь он тратит его по мелочам и на мелочи» [Суворин 1999]. С начала 1890-х, когда позиция Буренина стала демонстративно реакционной, он начал безжалостно высмеивать любые произведения, в которых усматривал столь ненавистные ему либерализм или декадентство. Не затрудняя себя анализом, Буренин грубо ругал и пародировал В.Г. Короленко,

М. Горького, Л.Н. Андреева, а также поэтов-символистов. По мнению А.С. Суворина, Буренин «литературу презирает и глумится над нею» [Суворин 1913].

В «Критических очерках» Буренин руководствовался теми же принципами, что и в фельетоне: остроумная пародия заменила разбор текста в традиционной псевдоакадемической манере с элементами общественно-политической риторики. Творчество автора Буренин не отделял от его личности, и не стеснялся в оценках. Успех Буренина-критика был обусловлен не наличием у него каких-либо определенных убеждений или эстетических концепций, а его способностью подвергнуть уничижительному осмеянию то или иное лицо или литературное явление [Лепехин 2019].

Проблема «Литература и журналистика», конечно же, не сводится к взаимному интересу журналистов и писателей. Не будет преувеличением считать, что некрасовские сборники «Физиология Петербурга» (1845) стали наиболее заметным полем взаимодействия литературы и журналистики XIX века. Как и в другом альманахе, вышедшем под названием «Петербургский сборник» (1846), Н. Некрасову удалось объединить авторов прозы, поэзии, публицистики, критики. Появление некрасовских альманахов заметно изменило к середине 1846 г. журнальную и литературно-общественную ситуацию в стране. Роль и место некрасовских альманахов в становлении «натуральной школы», в развитии реалистической литературы достаточно хорошо изучены. И даже в учебниках по истории журналистики XIX века чаще всего говорится именно о литературе. Нам же хочется подчеркнуть их значение и в журналистике, что в свою очередь, помогает обнаружить неразрывную связь в творчестве мастеров слова. Эта общность – *в познании действительности во всех формах ее проявления*. Именно очерки – краткие по объему, напоминающие беглые зарисовки, стали социально-художественным выражением в прозе таких принципов, как правдивость, широкий круг наблюдений, обращение к «толпе», к «массе», к людям обыкновенным и чаще всего к людям «низкого звания». В очерке содержался значительный потенциал для дальнейшего развития журналистики и реалистической литературы.

Напомним, что в «Физиологии» чаще всего представляли произведения описательно-аналитического содержания, где действительность изображалась в разнообразных, чаще всего вне развернутого сюжета ситуациях через множество социальных, профессиональных, этнографических, возрастных типов. Очерк стал тем оперативным жанром, который позволял быстро и точно фиксировать положение дел в обществе, с большой

степенью достоверности, даже – фотографичности (как в то время говорили – «дагерротипности»). И, как тогда казалось, что можно пожертвовать мерой красоты ради правды «действительности».

Главные особенности «Физиологии» подчеркнул в рецензии сам Некрасов: «…перед нами книга, <…> где пляшут перед вами в русском хороводе, в самой пестрой смеси, юмор с истиною, веселость с грустью, ум с шалостью, остроумная наблюдательность с горькой насмешкой...<…> цель – раскрыть все тайны нашей общественной жизни, все пружины радостных и печальных сцен нашего домашнего быта, все источники наших уличных явлений; ход и направление нашего гражданского и нравственного образования; характер и методу наших наслаждений; типические свойства всех разрядов нашего народонаселения <…>». А дальше следовали слова, относящиеся не столько к «Физиологии», а, скорее всего, к журналистике: «Ты должна открывать тайны, подсмотренные в замочную скважину, подмеченные из-за угла, схваченные врасплох; на то ты и физиология, то есть история внутренней нашей жизни, глубокой и темной, прикрытой мишурой и блестками, замаскированной роскошными фасадами, вкусными обедами, наружной чистотой и блеском, отражающими и преломляющими луч истины, который нахально хочет проникнуть в ее тайную внутренность!» [Некрасов 1950].

В работах о некрасовских «Физиологиях» нередко отмечалось, что характеры персонажей не прописаны, в них сплавлены в художественном единстве социальные болезни, сиюминутные человеческие интересы и исторически сложившиеся общественные роли. Но эти качества, которые часто воспринимаются литературоведами как отрицательные, подчеркнем еще раз, стали основой, своего рода питательным раствором для будущей прозы и публицистики.

Другим примером теснейшей связи журналистики и литературы XIX века стали, на наш взгляд, 1880-е годы – время очередной переоценки ценностей, связанной с кризисом в народническом движении и наступившей реакцией после покушения на Александра II. Это десятилетие вошло в историю как «безгеройное» время, знаковым произведением которого стала повесть И. Потапенко «Не герой». И в это же время появился так называемый «средний человек» – вполне обеспеченный материально, намеренно сторонящийся политических вопросов обыватель, за которым надолго в советском литературоведении закрепилось такое определение, как «буржуазное мещанство». Эта эпоха и ее главный герой – «средний человек» стали объектом пристального внимания А.В. Амфитеатрова (1862–1938). Его газетно-журнальное

творчество и роман «Восьмидесятники» выразили и социокультурные особенности 1880-х годов и свойства типичного героя этого времени. А.В. Амфитеатров пришел в журналистику, когда обозначилась ее такая характерная примета, как *фельетонизация действительности.* Любое мало-мальски заметное событие должно было быть немедленно отображено в занимательной, яркой форме. Внимание к злобе дня, зависимость от читателя, от издателя были тесно связаны с крепнувшим желанием фельетонистов снискать славу. Это постепенно приводило к унификации написанного, поскольку фельетоны должны были быть поняты большинством [Сотникова 2004].

С другой стороны, в творчестве А.В. Амфитеатрова, как и других писателей-восьмидесятников, которых принято относить к литературе второго ряда, выразились стремления сохранить достижения предшествующих мастеров слова, и в то же время откликнуться на злобу дня. В его романе «Восьмидесятники», вошедшем в историю отечественной литературы конца XIX века в связи с познанием «среднего человека», отражены сложные процессы «осреднения», восходящие и нисходящие потоки в этих процессах. «Средний человек» – это не что-то среднеарифметическое в статистике, а состояние человека, мораль которого способна качнуться как в лучшую, так и в худшую сторону. «Метод экспериментального наблюдения» позволил Амфитеатрову передать социально-психологическое своеобразие эпохи [Спиридонова 1989]. Творчество этого журналиста и писателя убеждает в том, что духовная жизнь 1880-х годов – это не только общественная депрессия, эпоха «безвременья», но и период осмысления создавшегося положения в России, ее будущего.

Примеров тому, как тесно переплетаются в литературе и журналистике бытовое и бытийное, можно привести немало. Все знают, что Горький первым в нашей литературе воспел «босяков», романтику их странничества, презрение к осёдлой жизни, к богатству. Но мало кто знает, что в конце XIX века И. Ясинский, почти забытый ныне писатель, показал читателю предшественника горьковского героя. В 1884 году в газете «Заря» публиковались очерки И. Ясинского о «босяках» – нищих и бездомных жителях Киева, являющихся, с его точки зрения, выразителями «пассивного» социального протеста [Ясинский 2010]. На наш взгляд, интересной стала не столько «физиологическая» основа этих повествований, сколько попытка И. Ясинского проникнуть в суть люмпен-пролетариата, как тогда называли это «сословие». Был показан мир неоправданной жестокости, равнодушия к судьбе другого; готовность пресмыкаться перед сильным; но в случае поражения этого

сильного вчерашний босяк может бесконечно унижать своего бывшего повелителя. Про горьковских босяков читали в школе. А кто вспомнит очерки И. Ясинского? Вот один из примеров, когда по силе впечатления правда факта (босяки И. Ясинского) уступила красоте правдоподобия (герои Горького), а реальность – красивому мифу. Правота И. Ясинского подтвердилась в революционные 1905 и 1917 годы.

В восприятии реальности зачастую возникает вопрос о так называемой злобе дня. В связи с этим уместно напомнить слова Достоевского, в одной из полемических статей обратившегося к старому спору сторонников «искусства для искусства» и утилитаристов. Достоевский предложил читателю перенестись в Лиссабон восемнадцатого столетия, в город, разрушенный от землетрясения. Писатель попросил представить, что жители города наутро обратились бы к свежему номеру своего журнала «Меркурий» с надеждой найти «некоторые известия о погибших, о пропавших без вести и проч., и проч. И вдруг – на самом видном месте листа бросается всем в глаза что-нибудь вроде следующего: «*“Шепот, робкое дыханье…”* <…> Не знаю наверно, как приняли бы свой “Меркурий” лиссабонцы, но мне кажется, они тут же казнили бы всенародно, на площади, на площади, своего знаменитого поэта <…>. Мало того, поэта они б казнили, а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи вообще, а вместе с тем и за “пурпур розы” в частности. Выходит, что не искусство было виновато в день лиссабонского землетрясения …» [Достоевский 1973].

В общем интересе к обыденной действительности нелегко отделить, *что* важно *сегодня* для публициста, а что будет интересным *завтра* для истинной поэзии и прозы. И, думается, что не случайно Достоевский привел пример о землетрясении, обращаясь к *экстремальной* ситуации. Таковой ситуацией, вне сомнений, является война, обращение к которой всегда сближало журналистику и литературу. Одним из примеров тому – отклики поэтов, публицистов, журналистов на Первую мировую войну в 1914–1918 годы. Наряду с осмыслением причин войны, места России в этой бойне, отношением народа к войне в творчестве писателей и журналистов главное внимание было уделено русскому солдату. Кто он, человек с ружьем, вчерашний мастеровой, крестьянин? Как относится к войне, к тем, кто послал его на войну? Эти вопросы звучали в стихах, очерках и корреспонденциях военного времени. Но всё же огромная заслуга в постижении *самосознания* воина принадлежала солдатскому многоголосью, прозвучавшему в книге Софьи Федорченко «Народ на войне» (1917). Фрагменты будущей

книги начали публиковаться в журнале «Северные записки» (1917) под названием «Что я слышала». Её автор в годы войны долгое время была сестрой милосердия, впоследствии стала профессиональным писателем. В форме коротких записей в несколько строк были воспроизведены разговоры, рассказы солдат о жизни, о войне, о своих и врагах. «Некоторые из записей представляли собой в предельно сжатом виде целые новеллы», – говорится в предисловии переизданной в наши дни этой книги [Трифонов 1990]. Высказывания непосредственных участников войны стали своеобразным *обобщенно-личным восприятием войны*. В книге «Народ на войне» выражено понимание русским солдатом обесчеловечивающего воздействия войны на человека; из отдельных высказываний составлялось представление о значении этой войны для русского мужика-солдата: «Война, война! Пришла ты для кого и по чаянью, а для кого и нечаянно. Неготовыми застала. Ни души, ни тела не пристроили, а просто, на посмех всем странам, погнали силу сермяжью, а разъяснить – не разъяснили. Жили, мол, плохо, не баловались, так и помереть могут не задля ча. На немца-то – да с соломинкой!» [Федорченко 1990: 72].

В обращении к солдату в центре внимания русских литераторов оказалось не единичное, индивидуальное «я», а общее, коллективное «мы». Жанр устных солдатских рассказов (Н.А. Некрасов в XIX веке) и голоса солдат (С. Федорченко в начале XX в.), «солдатская сказка» (С. Чёрный) позволили «дать слово» русскому воину.

История отечественной словесности свидетельствует, что в каждом случае сотрудничество того или иного писателя-классика в журнале становилось не только фактом его биографии, но и заметной страницей, как в истории литературы, так и в истории журналистики. Об этом написано немало.

Многие писатели, начиная свой творческий путь в периодике, сетовали на газетную и журнальную «поденщину», изматывавшую их силы, дававшую скромные возможности для существования. Но те, кто выдержал испытания нехваткой времени, опасностью превратиться в ремесленника, черпали из наблюдений над жизнью свои сюжеты, находили своих героев. Размышляя над вопросом о связи журналистики и литературы, вспомним, что «Дневник писателя» Достоевского стал тиглем, в котором выплавлялись будущие идеи и герои, на его страницах писатель напрямую «разговаривал» со своим единомышленником или противником своих идей. Уместно напомнить и хорошо известное у Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи». Но ведь есть сор, из которого и не растут стихи… Поэтому обращение к теме

«литература и журналистика» не считаем исчерпывающим и завершенным.

Литература

Гончаров И.А. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1981. С. 26-27.

Дневник А.С. Суворина. М., 1999. С. 359.

Достоевский Ф.М. Об искусстве. М., 1973. С. 60-61.

Загидуллина М.В. Имидж журналиста в современной литературе («Качество жизни» А. Слаповского) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 11. Журналистика. № 1. С. 72-77.

Лепехин М.П. Виктор Буренин // URL: http://www.hrono.ru/index.php

Некрасов Н.А. Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. М.: ОГИЗ, 1950. Т. 9. С. 142-143.

Орлова Е.И. Литература и журналистика: поле взаимодействия // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. 2012. С.109-110.

Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913. С. 136.

Спиридонова Л.А. А.В. Амфитеатров // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 61.

Сотникова Ю.А. А.В. Амфитеатров и литературно-общественная жизнь конца XIX – начала XX века (к постановке проблемы) // Русское литературоведение в новом тысячелетии. М.: Изд. Дом «Таганка», 2004. Т. 1. С. 203-205.

Трифонов Н.А. Несправедливо забытая книга // Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 5.

Федорченко С. Народ на войне. М., 1990.

Чехов А.П. Два газетчика (Неправдоподобный рассказ) // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 4. М.: Наука, 1988. С. 156-158.

Чехов А.П. Корреспондент // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 1. М.: Наука, 1988. С. 179-185.

Ямпольский И.Г. Поэты «Искры» // Поэты «Искры»: Сборник: в 2 т. Л.: Сов. Писатель, 1987. Т. 1. С. 5-57.

Ясинский И.И. Роман моей жизни: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 253.

Ivanov A.I. Journalism and literature in the social and cultural space of the 19th century

The paper elucidates certain facts from the history of relations between journalism and literature. The researcher discusses the image of a journalist in the literature of the 19th century. The work describes interaction between journalists and writers and their influence on each other during the process of studying the reality in whole and human personalities in their everyday lives as well as in extremal situations in particular. Clarification of writers and journalists' works written in the past, the

analysis of their role will contribute to a better understanding of our own society that is going through a transitional period nowadays, its ethical system and spiritual culture.
Key words: image of a journalist, reality, average man, extreme situations

УДК 070:70.044

В.И. Шимолин

ХРИСТИАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ БЕЛОРУССКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Новый взгляд на устоявшиеся истины открывают документы, извлеченные из архивов после долгого забвения. К таким документам можно отнести и епархиальные ведомости Русской православной церкви, которые на протяжении многих десятилетий не только информировали читателя о наиболее важных государственных и конфессиональных директивах, но и отражали на своих страницах социально-политические противоречия, охватывающие общество в переломные моменты его развития.

Ключевые слова: православие, католицизм, духовность, заповеди, идейность, епархиальная печать.

Система епархиальной прессы на территории Беларуси сложилась к началу 80-х гг. XIX в. и заняла собственную нишу в системе официальной печати. При этом она освещала назревшие проблемы и церковной, и общественной жизни. Публицисты епархиальных изданий, выходивших в Беларуси, стремились обратить внимание общественности на необходимость церковных реформ в период развития капитализма. Естественно, они рассматривали их в контексте с решением назревших социально-политических и культурных проблем, возникших в связи с провалами во внешней и внутренней российской политике, усилением классовых противоречий, революционной пропагандой. Однако для сохранения статуса, практически не имея возможности выйти за пределы программы издания, утвержденной Святейшим Синодом, они анализировали состояние общественных отношений и стремились улучшить их, занимаясь просветительской деятельностью.

С течением времени на территории Беларуси сложилась система православной печати, определилась тематика публикаций, разнообразней стали жанры публикаций. Несмотря на то, что епархиальные издания предназначались для священнослужителей, в опубликованных ма-

териалах содержались не только методические рекомендации по ведению духовно-просветительской деятельности, но и краеведческой.

Епархиальные ведомости совместно с церковно-краеведческими организациями занимались изучением церковной истории, археологии, религиозной жизни народа. Наряду с проводимой исследовательской работой большое значение придавалось распространению в обществе церковно-исторических и археологических знаний, устройству выставок и проведению публичных лекций. Таким образом, епархиальные ведомости становились своеобразными центрами белорусской культуры. После прихода к власти большевиков на страницах епархиальных ведомостей отстаивались христианские каноны православия, велась активная борьба с воинствующим атеизмом.

Развитие современного белорусского общества, укрепление белорусской государственности и демократических начал все чаще связывают с преодолением бездуховности. Проблема эта не нова. Она уже неоднократно заявляла о себе, особенно в период войн и социальных революций, сотрясавших наш народ и наше государство. Ее отражение в средствах массовой информации, как в текущем столетии, так и в веках минувших, актуально и закономерно. Авторы епархиальных изданий, оставаясь служителями Русской Православной Церкви, своими публикациями воспитывали не только верующих, но и широкие слои населения в духе христианских добродетелей, призывали преодолевать невежество, духовную отсталость путем образования и нравственного самосовершенствования.

Понятие *духовность*, несмотря на частое употребление, является дискуссионным и до сих пор не имеющим четкого определения. Зачастую его идентифицируют с понятием *религиозность*, что, по мнению исследователей, обедняет содержание духовных ценностей. Духовность стала светским понятием, заимствованным из новозаветного контекста, подразумевает все то, что имеет отношение к духовной культуре. На наш взгляд, духовность – это и религиозные, и эстетические, и нравственные, и общекультурные ценности. В совокупности они и составляют *духовную культуру общества* [Франк 1992: 35].

И вместе с тем мы не можем не принять утверждение русского философа И. Ильина, что «дух есть творческая энергия; ему естественно вменять себе совершаемое и отвечать за совершенное... Приобщаясь к высшему, человек испытывает повышенное чувство ответственности. Именно религиозность всегда была настоящим источником этого духовного самочувствия, без которого на земле невозможна никакая добродетель, никакая культура и никакая государственность» [Ильин

1993: 55]. Современные теологи используют понятие «духовность» как общий знаменатель всех религий.

Политика во все времена оказывала решающее влияние на экономику, культуру, на духовную жизнь общества. В результате раздела Речи Посполитой (1795 г.) Российская империя приобрела не только новые земли, новое население, но и новые проблемы. К таковым следует отнести и конфессиональные: за души верующих в Северо-Западном крае боролись православная, католическая и униатская (до 1839 г.) церкви, а также старообрядчество, протестантство, ислам и иудаизм. Присоединяя польские территории, российское правительство брало на себя ответственность за решение возникших проблем.

На практике это обернулось закрытием костелов и переоборудованием их в православные храмы, высылкой ксендзов, участвовавших в восстании 1863 г. Наступательную политику в решении польского вопроса проводила Русская православная церковь, которая, согласно действовавшему законодательству, занимала в империи «первенствующее и господствующее» положение.

Попытку сформулировать основное содержание православной духовности предпринимали выдающиеся философы-теологи XIX в., а также их светские коллеги. Первые проторили вторым дорогу к вершинам знаний: философские воззрения отцов Русской православной церкви митрополита Иллариона, игумена Феодосия Печерского, преподобного Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Амвросия Оптинского оказали значительное влияние на жизненно-философские позиции Ф. Достоевского, С. Франка, С. Булгакова, П. Флоренского, В. Соловьева, Н. Бердяева.

Содержание епархиальных ведомостей, выходивших на территории Беларуси, отражало и определяло мировоззрение их сотрудников, в большинстве своем православных священников. Они с теологических позиций осмысливали объективную реальность, пытались письменным словом воздействовать на сознание и поведение прихожан.

Что же является краеугольным камнем духовных ценностей православия? На этот вопрос ответил в «Литовских епархиальных ведомостях» Митрополит Московский Филарет в обращении к Обществу любителей духовного просвещения, созданному 17 сентября 1863 г.: «Мудрость христианская *кротка*. О сем качестве, кажется, особенно нужно в настоящее время напомнить имеющим притязание на просвещение или на служение просвещению. Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? – Говорят: для ис-

правления». По замечанию автора, подобная ситуация приведет к «уменьшению ко всему и во всем уважения, доверия, надежды». Далее Филарет патетически вопрошает: «Итак, созидает ли дух порицания, или разрушает?» – и отвечает: «Жестокое слово не врачует, а прилагает к болезни болезнь» [Филарет 1864: 91-92]. Автор – глубокий мыслитель, который предвидел нерадостную перспективу коренных перемен, предостерегал общество от огульного отрицания и безудержного порицания окружающей действительности, от своеволия.

Православная духовность не абстрактна: она воплощается в житиях святых, проповедях, притчах, которыми изобилует содержание епархиальных ведомостей. Публикации, устные проповеди и беседы с прихожанами имели конкретную направленность, посвящались проблемам личностных отношений.

Идеология православия направлена на духовное воспитание человека, укрепление его моральной и духовной стойкости. Деятели православной церкви еще в начале XX в., предвидя будущие социальные потрясения, утверждали, что возрождение России может совершиться на религиозной почве.

Именно христианская религия на протяжении веков укрепляла в сознании верующих людей веру в Бога, любовь к ближнему, стремление к самопожертвованию и долготерпению, смирение. Эти высшие проявления человеческого духа, основанные лишь на вере, получили наименование духовных ценностей. Иногда называют добродетелями. Духовые ценности православия постоянно упоминаются во многих литературных и теологических источниках, созданных на протяжении веков.

Основными ценностями являются *Вера, Надежда, Любовь, Знание, Мудрость, Честность, Смирение, Послушание, Долготерпение, Бесстрашие, Верность, Самообладание, Благостность, Доброта, Любовь к Богу, к ближнему, Патриотизм.*

Духовные ценности широко пропагандировали авторы белорусских епархиальных ведомостей. Наиболее часто в основу сюжетов их публицистических или художественно-публицистических произведений попадают Вера, Надежда, Любовь, Знание, Мудрость, Честность.

Следует обратить внимание, что первичными по отношению к добродетелям считаются заповеди Божьи: «Не убий!», «Не сотвори себе кумира», «Не возжелай жену ближнего», «Не поминай имя Бога всуе», «Почитай мать и отца» и др. Эти фразы, стали крылатыми, как бы оторвались от первоначального варианта, закрепленного в Библии. Например, выражение «Не поминай имя Бога всуе» в Библии является третьей заповедью и звучит так: «Не произноси имени Господа, Бога

твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно».

Призыв бережно относиться к родителям содержится в пятой заповеди: «Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе».

Один из современных философов В.Н. Черепица отмечает, что понятие *добродетель* включает «те силы и качества ума и сердца, которыми должны обладать все люди, чтобы воистину стать образом и подобием Бога» [Черепица 2004: 237]. Светские философы и историки рассматривают православие как историческое и культурное явление, которое можно включить в систему национальных и общечеловеческих ценностей.

Подобных мировоззренческих позиций придерживались и авторы епархиальных ведомостей, которые, оставаясь служителями Русской православной церкви, являлись журналистами. Это накладывало определенный отпечаток на содержание и характер созданных ими произведений. Как публицисты они считали себя ответственными за развитие событий и моральную атмосферу в обществе, за благосостояние основной массы верующих, ее культурный, нравственный и образовательный уровень. В этом контексте можно говорить о рождении православной церковной публицистики.

Литература

Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: исследование: в 2 т. СПб.: Рагогъ, 1993. Т. 1-2. 448 с.

Филарет, митрополит. Известия и заметки // Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 3. С. 88-92.

Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. 512 с.

Черепица В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней): в 2 ч. Ч. 1. Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2000. 314 с.

Shimolin V.I. Christian virtues in the Belarusian Diocesan statements of the late XIX – early XX centuries

The article focuses on some forgotten documents that nowadays have been retrieved from the archives. These documents demonstrate a new understanding of the established truths. These documents include the Diocesan statements of the Russian Orthodox Church that informed the reader about the most important state and religious directives for many decades, reflecting social and political contradictions that society faced at the turning points of its development.

Key words: Orthodoxy, Catholicism, spirituality, commandments, ideological, diocesan press.

УДК 050 (470)

Е.А. Зверева

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «ТОЛСТОГО» ЖУРНАЛА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются особенности современного (кризисного) этапа функционирования «толстого» литературно-художественного журнала в отечественном социокультурном пространстве. Среди причин кризиса выявляются как объективные обстоятельства, так и глубинные процессы, происходящие с самим «толстым» журналом и его целевой аудиторией – интеллигенцией.

Ключевые слова: «толстый» литературно-художественный журнал, интеллигенция, междисциплинарность, «литературоцентричность».

При определении понятия «толстый литературно-художественный журнал» мы опираемся на традиционную трактовку: это издание, включающее качественные литературно-художественные тексты, литературную критику и публицистику, объединяющее эстетическую, общественно-политическую и научно-образовательную сферы, консолидирующее общественное сознание, удовлетворяющее эстетические, этические, духовные, а также, в значительной мере, профессиональные запросы личности [Головин 2010: 18]. Это тип издания, представляющий собой синтез литературно-художественных и общественно-политических тем, демонстрирующий открытость типологических границ: в нем «можно под одной обложкой прочесть толстый роман, критическую статью, переписку поэтов и прозаиков, подборку библиографии, рецензию на новинку, стихи и поэмы современников, дневники и даже статьи на экономические или сугубо политические темы» [Королев 2006].

На протяжении многолетней истории своего существования «толстые» журналы в формате «скомпрессованной мысли» доносили до читателей свою позицию, свое видение литературных и социокультурных явлений. До конца XX в. регулярное чтение двух-трех журналов давало аудитории многоаспектное понимание происходящих процессов, а потом появились новые условия, новые форматы и «толстый» журнал стал явлением «уходящей натуры», почти анахронизмом. Даже литераторы характеризуют «толстые» журналы как «феномен живого

мамонта. Не того, которого надо доставать из-подо льдов вечной мерзлоты, а того, который почему-то не вымер» [Алехин, Фаликов 1999: 9].

Современный этап функционирования «толстых» литературно-художественных журналов определяется исследователем О.Г. Шильниковой как кризисный [Шильникова 2011: 3]. Проблема потери аудитории и минимизации тиражей тревожит многих. Так, например, в Екатеринбурге в 2015 и 2016 году был инициирован мозговой штурм редакторов «толстых» журналов под названием «Толстяки на Урале». Как отмечает поэт, журналист, критик С.Е. Бирюков, «трудно сказать, насколько такие встречи могут изменить ситуацию и увеличить популярность “Нового мира”, “Знамени”, “Октября” и др. Что касается журнала “Урал”, то он как раз ищет новые формы подачи материала, привлекает авторов из нестандартного набора, учитывая и региональный интерес и мировой контекст» [Бирюков 2016].

Среди причин кризиса «толстых» литературно-художественных журналов называются как объективные обстоятельства современной социокультурной ситуации («смена философско-мировоззренческой парадигмы, кардинальное изменение коммуникативной ситуации, в том числе экспансия электронных СМИ, перераспределение аудиторных потоков, трансформация интересов аудитории» [Шильникова 2011: 3]), так и глубинные процессы, происходящие с самим «толстым» журналом. Исследователь С.Л. Страшнов правомерно отмечает консервативность внутренней политики редакций, застывшие формально-технологические (формат, периодичность) и структурные признаки (непременные проза, стихи, публицистика, критика) [Страшнов 2002: 18]. Авторы литературно-критического отдела дистанцировались от актуальной действительности, предлагая читателю, по мнению Н.А. Богомолова, весьма академичную критику: «Критика толстых журналов все больше сбивается на теоретический анализ тенденций современной литературы, а из живой жизни она выпадает все стремительнее» [Богомолов 2000: 227].

Не спасает ситуацию масштабность рассуждений о судьбе России и ее политической системе, глубина и нетривиальность анализа ситуации в отечественной литературе. Как тонко подметил С.Л. Страшнов, «неразлучную духовно-мифологическую пару «интеллигенция – народ» новая эпоха преображала в жесткую элитарно-массовую социальную структуру» [Страшнов 2002: 23].

В дискуссии на тему «Литературные журналы: что завтра?», организованной журналом *Знамя*, редактор и критик Марина Адамович падение интереса массовой аудитории к литературным журналам объяс-

няет следующим образом: «Народу “толстяк”, собственно, не нужен, его заменяют комиксы, т.е. – лубок. Это не хорошо и не плохо, это – факт. “Толстый” журнал возвращается, наконец, к первоначальной своей форме екатерининского журнала *просвещенной элиты*» [Литературные журналы… 2008].

Редактор, эссеист и поэт Андрей Грицман основное изменение сути «толстых» журналов видит в том, что сегодня они «не становятся единственным источником письменной культуры, а скорее являются профессиональными, цеховыми изданиями литераторов и небольшого слоя интеллигенции, привыкшей к этой форме» [Литературные журналы… 2008].

Критик Михаил Бутов считает, что изменилась функция «толстых» литературно-художественных журналов: «Реальная задача толстых журналов сегодня – создание некоторого пространства, в котором литература бы существовала. Если бы у нас была другая экономическая обстановка и издательства могли экспериментировать и издавать книги совсем неизвестных авторов, то есть рисковать, ситуация была бы другой. Но этого не предвидится. Видимо, толстые журналы будут пока оставаться единственной площадкой, куда литература может прийти» [Бутов 1999: 183].

По мнению Ф.Б. Бешуковой [Бешукова 2008], толстые литературно-художественные журналы останутся востребованными с точки зрения литературы как площадка для публикации и обсуждения прозы и поэзии, в то время как их общественно-политическая составляющая минимизируется по причине отсутствия оперативности и способности немедленного реагирования.

Действительно, современные публикации журналов *Новый мир, Октябрь, Знамя* свидетельствуют о внимании к поэзии и прозе, театральной и литературной критике, литературным фестивалям и мемуарам, новым именам в литературе и литературным премиям, литературоведению и библиографии. То, что литература объединяет вокруг себя философскую, историческую, социологическую публицистику, позволило профессору Н.А. Богомолову постулировать неравновесность системы и сохранение «литературоцентричности» «толстого» журнала [Литературные журналы… 2008].

Среди процессов, происходящих в сфере литературно-художественных изданий, стоит отметить дискретность: новые издания данного типа нацелены на определенные читательские ниши. Это может быть сегментация по географическому принципу (например, журнал *Зинзивер* адресован почитателям петербургских поэтов, писателей

и критиков [Зинзивер 2018]; журнал *Дети Ра* посвящает каждый номер поэзии определенного региона России или русской литературной диаспоры в конкретной стране [Дети Ра 2018]) или дробление аудитории по литературно-художественным направлениям (например, журнал *Футурум АРТ* сфокусирован на авангардной поэзии и прозе [Футурум АРТ 2018], а *Журнал Поэтов* пытается в своем дизайне воплотить синтез вербального и визуального [Журнал ПОэтов 2016]).

Исследователь современных литературно-художественных журналов Ю.А. Головин подчеркивает наличие в них синтеза элементов и ценностей культуры: «традиционной профессиональной культуры, культуры авангарда, молодежной субкультуры и культуры массовой, культуры массмедиа» [Головин 2010: 21]. В результате реализуется принцип открытости системы, что отчетливо проявляется в синергетическом согласовании различных культурных тенденций.

Таким образом, журнал формирует культурный уровень аудитории, привлекая исследователей различных областей гуманитарного знания. Как подчеркивает Ф.Б. Бешукова, отечественные журналы нацелены на читателя с высоким уровнем IQ, что доказывает усложнение языка издания и «отход от беллетристической формы текста в сторону научной или научно-популярной» [Бешукова 2008: 134]. Можно утверждать изменение роли «толстых» изданий, что связано с ориентацией на междисциплинарный подход при анализе художественных явлений и культуры.

Целевой аудиторией «толстых» журналов является интеллигенция, которая менялась с течением времени и условий жизни в стране. Советский интеллигент – представитель элитарного общества, умный, высокообразованный человек. Интеллигент «новой России» (с 1991 г. до 2000–2002 гг.) сталкивается с тем, что на первый план в общественном сознании выходит финансовая составляющая, материальное благосостояние как основное мерило успешности человека. Падает престиж образования, так как оно перестает быть гарантией получения хорошего места работы. Если раньше интеллигентный, образованный человек был признанным в обществе авторитетом, образцом для подражания, то в 1990-е гг. он стал предметом насмешек, символом неприспособленности к жизни.

Социолог Лев Гудков противопоставляет отечественным интеллигентам западных прагматичных интеллектуалов. Залог их стабильного благополучия – самодостаточность, независимость от политической конъюнктуры, высокий профессионализм, в то время как будущее российской интеллигенции представляется автору весьма проблематичным: возможен даже уход «интеллигенции с исторической сцены» [Гудков 1992: 220].

Критику С. Рассадину главным оппонентом интеллигента видится не интеллектуал, а люмпен, нацеленный «на конечный результат, который есть конец и гибель процесса» [Рассадин 1992: 225]. И еще более страшным явлением автор называет появление фигуры «люмпена-интеллигента». Интересная параллель возникает при изучении интервью редактора журнала «Неприкосновенный запас» Ильи Калинина и сотрудника редакции Кирилла Кобрина: рассматривая феномен постсоветского интеллектуального журнала, они отмечают трансформацию понятия «интеллектуал» и добавление одной важной характеристики – обладание определенным набором способностей, которые можно продать на рынке интеллектуальных услуг, превращение интеллектуала в «служивого интеллектуала», который на рынке интеллектуальных товаров продает то, что умеет делать [Интеллектуальный журнал … 2016].

С конца XX – начала XXI вв. интеллигенция неизбежно меняется под влиянием существенных изменений в политическом и социальном строе, общественном сознании, культуре и искусстве. Появляется новый тип современного интеллигента – дистанцированный от общей массы и синтетически связанный с новым явлением – элитарно-массовой культурой. Важно отметить и другую черту облика современного интеллигента: в какой-то момент требования к нему сократились и, по мнению С.Л. Страшнова, большая часть интеллигенции растворилась в массе, а меньшая часть стала элитой [Страшнов 2002: 28].

«Толстые» журналы самоопределяются как элитарные издания, как хранители некоммерческой литературы и культуры. Целевой аудиторией после «естественного отбора» 1990-х гг. остаются самостоятельно и «литературоцентрично» мыслящие гуманитарии-словесники. Интеллигенция одновременно «питает» издания энергией своей мысли и сама «питается» дискуссиями, изысканиями, облаченными в привычную структуру «толстого» журнала. И если массовая пресса ежесекундно дает примеры обращения СМИ к аудитории сверху вниз, то современные «толстые» журналы демонстрируют диссипативные проявления самоорганизации интеллигенции, как способ сохранения «просвещенной элиты».

Литература

Алехин А., Фаликов И. Поэзия в России не изгой… // Вопросы литературы. 1999. № 6. С. 3-30.

Бешукова Ф.Б. Типологические изменения гуманитарных журналов после 1995 года // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология. Майкоп, 2008. № 6 (34). С. 98-103.

Бешукова Ф.Б. Современный литературный процесс и проблема классификации новых гуманитарных журналов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов н/Д, 2008. № 1. С. 131-138.

Бирюков С.Е. Литературная журналистика. Вызовы времени. Поиск ответов // Журналистика в современном медиапространстве: глобализация, конвергенция, мультимедийность. URL: http://www.tsutmb.ru/nayk/ nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/25/11/2016_zhurnalistika_v_sovremennom_mediaprostranstve.

Богомолов Н.А. Русское литературоведение и литературная критика накануне XXI века // От книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия / отв. ред.: Засурский Я.Н., Вартанова Е.Л. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 276 с.

Бутов М. О прозе реальной и виртуальной // Дружба народов. 1999. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/druzhba/1999/11/krugly.html.

Головин Ю.А. Российские литературно-художественные журналы в системе культурной политики: содействие, компромисс, противостояние: автореф. дис. ... докт. культурологии. М., 2010. 46 с.

Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. 1992. № 3-4. С. 203-221.

Дети Ра. URL: http://www.detira.ru.

Журнал ПОэтов. URL: http://reading-hall.ru/contents.php?id=1611.

Зинзивер. URL: http://www.zinziver.ru.

Интеллектуальный журнал в России 1990–2010-х годов. «Кодекс» нового интеллектуала? // Гефтер. 2016. 9 марта. URL: http://gefter.ru/archive/17775.

Королев А. Феномен толстого журнала // РИАновости. 2006. 14 июля. URL: http://ria.ru/analytics/20060714/51355960.html.

Литературные журналы: что завтра? // Знамя. 2008. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2008/1/ko12.html (дата обращения: 12.12.2018).

Рассадин С. Из жизни кентавров: Интеллигент – обыватель – люмпен // Знамя. 1992. № 3-4. С. 225-229.

Страшнов С.Л. Современный «толстый» журнал и его внутренний адресат // Акценты. 2002. № 1-2. С. 16-48.

Футурум АРТ. URL: http://futurum-art.ru.

Шильникова О.Г. Литературная критика в контексте русской журналистики: генезис, принципы функционирования, типология текстов: автореф. дис. … докт. филол. наук. Воронеж, 2011. 39 с.

Zvereva E.A. “Thick” literay magasines and their functioning in the contemporary social and cultural sphere

The article discusses the modern (crisis) stage of the “thick” literary and artistic magazines functioning in the domestic ,social and cultural spheres. Among the reasons causing the crisis, we can name both the circumstances and the processes that touch the audience of such journals.

Key words: “thick” literary and artistic magazine, intellectuals, interdisciplinarity, “literary-centrism”.

УДК 070 (437)

Г.С. Зуева

МЕДИАОБРАЗ ЧЕХИИ В МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» (2018–2019 гг.)

В статье анализируется медиаобраз Чехии как одной из стран славянского мира на материале публикаций в старейшем российском журнале о путешествиях «Вокруг света». Автор выясняет, какими средствами создается медиаобраз выбранной страны в разножанровых медиатекстах журнала и его официального сайта за прошедший год.

Ключевые слова: медиаобраз, Чехия, трэвел-журналистика, российская журналистика.

Чехия является одной из самых посещаемых стран для туристов со всего мира, в том числе и российских. По данным американского сайта Trip Advisor, который специализируется на планировании поездок, Староместская площадь в Праге заняла 11-е место в рейтинге 25 главных достопримечательностей мира по версии путешественников [Харчевников 2018]. Часто рассказывает о Чехии и старейший российский трэвел-журнал «Вокруг света». Контент-анализ номеров, вышедших в 2018 – начале 2019 гг., и сайта Vokrugsveta.ru за тот же период, показал, что Чехии посвящены 3 публикации в журнале и 9 материалов на сайте, не считая отдельных упоминаний в текстах, не касающихся трэвел-тематики. Все 12 публикаций репрезентуют Чехию как страну, заслуживающую внимания русского путешественника. Интерес представляет четкое разделение по рубрикам журнала и сайта: тексты о Чехии в печатном издании размещены в рубриках «Традиции» и «Эти удивительные…» (в данном случае – чехи); на сайте больше внимания уделяется тематическим подборкам туристических направлений, достопримечательностей или необычных фактов, в которые включена Чехия и ее культурные объекты.

Формирование медиаобраза страны достигается за счет присутствия в текстах так называемых «оперативных знаний о текущей действительности (историко-природный, культурно-исторический, социально-этический аспекты)» [Зеленцов 2015: 160], которые передают позицию журналиста, его цели и мотивы. Несмотря на то, что материалы в рубрике «Традиции» публикуются без указания автора, с лингвистической точки зрения позиция журналиста просматривается ясно. Средствами языка он передает отношение к фольклорному празднику Ма-

сопуст: «*…бедлам длится несколько дней в феврале. “Турки”, которыми назначают неженатых парней деревни, шествуют во главе разношерстной компании... В задачу “трубочистов” входит… “макияж” прохожих – пачкают им лицо сажей. Считается, что это принесет счастье. На долю “панов соломенных” выпадает забота о замужних женщинах. По поверьям, после того как он уронит женщину в сугроб, она должна забеременеть. Замыкают колонну “лошадь” и “живодер”, чьи лица испачканы… “кровью”. В конце… “лошадь” “забивают”, чтобы год был прибыльным и сытным. Но после ритуальной смерти “кобыла” радостно воскресает*» [Масопуст 2018: 21]. О празднике с языческими корнями автор пишет в ироничном и даже несколько снисходительном тоне, показывая, что происходящий «бедлам» – всего лишь народная забава, которая не должна пугать туристов, посетивших Чехию в феврале. Детальное описание Масопуста с упоминанием действующих лиц и объяснением их функций во время праздника воспроизводит в сознании русского человека ассоциацию с Масленицей и становится декодируемым, понятным.

Другой материал в рубрике «Традиции» посвящен празднику инициации Йизда кралу, который проходит в мае в Моравии [Йизда кралу 2018: 22]. Его также называют «праздник короля», по легенде о побежденном венгерском короле, сбежавшем из Южной Моравии в 1469 году в женском платье: «*Его роль играет мальчик 11-12 лет... Короля облачают в женское платье и вставляют ему в рот бумажную розу. Мальчик практически не выпускает ее изо рта весь праздник, чтобы... не выдать себя голосом. Процессия объезжает деревню,… собирая… пожертвования королю. Считается, что это защитит сельхозкультуры»*. Задача автора – рассказать о празднике, малоизвестном для русской аудитории. Из описания ясно, что Йизда кралу, или Езда королей в своей основе является полулегендарным и полуязыческим праздником, а по времени проведения находит отголоски в христианском Троицыном дне [Jenerblovб 2012].

Национальным традициям посвящены также два материала сайта Vokrugsveta.ru. Автор текста «Хэллоуин по-славянски: день Марены» Н. Труш возвращает читателей к истокам «традиции чествования смерти» в славянском мире. Праздник отмечали 25 ноября: «*Марена не только несет холод и смерть, но и отдохновение от страдной поры... Главной особенностью праздника у славян было показать, что Марену они не боятся... Ближе к весне славяне делали чучело Марены из соломы... У чехов оно нередко представало в мужском облике»*. Со-

гласно статье, для современных славян, как западных, так и восточных, больше актуально празднование проводов Марены – пробуждение весны. Сжигание чучела – неизменный атрибут белорусской Комоедицы и украинского Иванова дня. В ряду этих праздников автор упоминает и Масопуст, который «*символизирует начало Великого поста. Справляют его больше в Чехии, и вместо чучела "хоронят" контрабас, произносят шутливые речи и исполняют танцы с саблями*» [Труш 2018]. В приведенных фрагментах акцентируются отличия чешских традиций от обычаев других славянских стран в контексте общих исторических корней народных праздников. Автор не углубляется в причины этих различий, упоминая лишь о том, что похожий обряд был у древних римлян. Это косвенно отсылает к особенностям геополитического положения Чехии, которая находится в самом центре Европы. Объяснимо, что на ее традиции оказала влияние и древнеславянская, и древнеримская культура.

Другой материал о традициях представляет собой подборку стран, в которые автор предлагает отправиться на Рождество. Здесь Чехия стоит в одном ряду с Германией, Австрией и Швейцарией, при этом акцентируется ее культурная близость к России: «*Родная и понятная нам Чехия под католическое Рождество превращается в уголок сказки*». Далее автор обращается к гастрономической теме: «*разнообразные сосиски, колбаски, окорока – в компании картофеля и драников... Самым согревающим лакомством будет… трдельник: сдобное тесто раскатывают нетолстыми полосками и оборачивают вокруг раскаленного вертела как шаурму, только наоборот*». Изготовлению трдельника как главного национального гастрономического бренда Чехии уделяется в тексте особое внимание. Исходя из описания блюд – в основном мяса и теста – очевидно сходство с русской кухней, и определение «родная и понятная» подтверждается, как и мысль о том, что текст гастрономической тематики позволяет «получить дополнительные сведения о том народе, национальное блюдо которого описывается в исходном материале» [Рева 2017: 72].

Журнал «Вокруг света» не только знакомит читателей с чешскими традициями, понятными русскому человеку как представителю славянского мира, но и рассказывает, как не попасться в ловушку сходства языков и ментальности. Текст Н. Стригловой «Намотать хорошего дурака» написан с просветительской целью: обозначить бытовые реалии, с которыми можно столкнуться в путешествии. «*Чешский язык – западня для русского человека*», – пишет автор, приводя несколько

примеров слов, похожих по звучанию и написанию на русские, но с другим значением. «*Чехи едят "дурака"*», – так начинается абзац о традиционной выпечке – трдельнике. Цель этих фраз [Стриглова 2018: 73] – вызвать реакцию: «Чехи странные?», которая точно «заставит» читать материал дальше, где уже не будет провокационных подзаголовков. Рассказанные автором приметы, информация о рабочем времени чехов и о системе школьных оценок отводят от изначальной провокации. «Чехи другие, и они особенные», – главный посыл данного текста.

Большинство публикаций сайта Vokrugsveta.ru касаются Чехии в контексте тематических подборок туристических достопримечательностей. В числе таковых – уже упомянутая Староместская площадь в Праге, собор Святого Вита и крепость Пражский град, где «*в свое время жили алхимики... Насчет алхимиков доподлинно неизвестно, но в разные годы там селились стражники, чиновники, звонари, преступники и даже знаменитости – так, дом № 22 в свое время занимал Франц Кафка*» [Редакция Vokrugsveta.ru 2018]. В другой подборке также делается акцент на таинственном и мистическом образе Чехии, хранящей атмосферу средневековой истории. Так, в материал «Проберет до мурашек: 7 жутких туристических направлений» включен некогда заброшенный чешский костел Святого Георгия, внутри которого художник Я. Хадрава разместил скульптуры в балахонах: «*Скульптуры сидят на лавках или стоят внутри помещения, из-за чего создается впечатление, будто они молятся. Скудное освещение церкви способствует нагнетанию в костеле таинственной атмосферы*» [Редакция Vokrugsveta.ru 2018].

Медиаобраз Чехии в публикациях журнала «Вокруг света» создается различными способами: авторы рассказывают о национальных традициях, прямо или косвенно сопоставляя их с обычаями других славянских и европейских народов, пишут о быте современных чехов, об особенностях национального языка и кухни, а также о достопримечательностях, которые советуют посетить в силу их необычности или статуса памятника истории и культуры. Как справедливо отмечают теоретики журналистики, медиаобраз «играет ключевую роль в распространении и укоренении стереотипов» [Белоусова, 2018: 37]. Чехия и ее жители воспринимаются русским читателем неоднозначно: с одной стороны, как люди, с которыми у нас есть общие культурные коды, с другой – их менталитет представляется загадочным и не похожим на характер других славянских народов.

Литература

Белоусова В.В. Славянский мир в информационном пространстве mass media (на примере чешских СМИ) // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции / ред. колл.: М.Л. Ремнёва и др. М.: МАКС Пресс, 2018. 452 с.

Зеленцов М.В. Авторы формирования медиаобраза России в зарубежном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 2. С. 159-169.

Йизда Кралу // Вокруг света. 2018. № 5 (2932).

Масопуст // Вокруг света. 2018. № 2 (2929).

От резиденции римских пап до самурайской крепости: 7 замков мира, которые непременно стоит посетить/ Редакция Vokrugsveta.ru// URL: http://www.vokrugsveta.ru/article/301730/

Проберет до мурашек: 7 жутких туристических направлений/ Редакция Vokrugsveta.ru// URL: http://www.vokrugsveta.ru/article/304862/

Рева Е.К. Гастрономический медиадискурс в контексте конструирования межэтнических отношений // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 68-75.

Стриглова Н. Намотать хорошего дурака // Вокруг света. 2018. № 7 (2934).

Труш Н. Хэллоуин по-славянски: день Марены // URL: http://www.vokrugsveta.ru/article/304840/

Шарова А. Дух праздника: куда отправиться за новогодним настроением. URL: http://www.vokrugsveta.ru/article/306274/

Харчевников Н. Туристический топ: 25 главных достопримечательностей в 2018 году, по версии пользователей TripAdvisor. URL: http://www.vokrugsveta.ru/article/296374/

Jenerčlovč I. Езда королей внесена в список ЮНЕСКО // URL: http://www.czech.cz/ru/Turistika/Kam-jit,-co-navstivit/Kulturni-tipy/Jizda-kralu-nove-na-seznamu-UNESCO

Zueva G.S. The media image of the Chech republic in a travel-magasine “Around the world” (2018–2019)

The article is dedicated to analysis of the Czech Republic and its media image asone of the Slavic world countries in the oldest Russian travel-magazine “Around the world”.Theauthorofthearticlefindsoutmethodsofmediaimagecreatingin the texts, that belong to different genres and that are published in the magazine and at its official site during the last year.

Key words: media image, Czech Republic, travel-journalism, Russian journalism.

УДК 070.422.908

О.Е. Видная

ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МИЧУРИНСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ШКОЛЕ (1934–1937 ГГ.)

В статье рассматривается процесс преподавания гуманитарных дисциплин в областной партийной газетной школе, работавшей в Мичуринске в 30-е годы XX века. Отмечена ключевая необходимость филологической основы для журналистского образования.

Ключевые слова: газетная школа, гуманитарные дисциплины, история журналистского образования, Мичуринск.

Мало, кто знает, что в 30-е годы прошлого века на территории в Мичуринске существовала областная газетная партийная школа. В 1934–1937 годы это была территория Центрально-Черноземной области (со столицей в Воронеже), а с 1937 – Тамбовская область. Надо обратить внимание, что у школы встречаются различные наименования: «Козловская сов-парт школа» (Мичуринск носит свое название с 1932 года) или просто «газетная школа».

Школа была образована в 1934 году в Мичуринске на основании решения Воронежского обкома ВКП (б) и Мичуринского горайкома ВКП (б). Основная задача – подготовка среднего звена работников районных газет (инструкторов, зав.отделами, секретарей редакций), а также редакторов фабрично-заводских, транспортных и совхозных газет. Учебный план утверждался Отделом печати и издательств ЦК ВКП (б) и был типовым [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 1-2. Далее цитируется с указанием номера дела и номера листа]. Для руководства учебным процессом был создан педсовет и методический комитет. Школа, по примерным подсчетам, выпустила около 130 человек [ГАСПИТО: Д. 29 Л. 46; Д. 12. Л. 52].

Основная задача школы – изучение русского языка и литературы, истории партии, приобретение необходимых знаний и навыков газетной работы. Как же был построен процесс преподавания гуманитарных дисциплин?

К общеобразовательному блоку были отнесены русский язык, литература, география; к социально-экономическим – история России и народов СССР, Всеобщая история, политэкономия, история ВКП (б), ленинизм, эконом-политика. В блоке газетных дисциплин были: редактирование и массовая работа большевистской печати, история большевистской печати, газетная техника, производственная практика.

В плане также стояли военное дело, сельскохозяйственные дисциплины. Обязательными были зачеты.

Первая проблема состояла в том, что при наборе в школу слушателей не был обеспечен образовательный уровень. Согласно требованиям – это обязательное семилетнее обучение. Однако этот уровень было достичь практически не всегда возможно. Документы свидетельствуют, что в 1924 году «Из общего количества населения губернии грамотных всего 27, 1 %, т.е. 655.737 чел. Эта цифра выражает всю читательскую массу Тамбовской губернии» [ГАСПИТО: Ф. П-386. Оп. 1. Д. 2546. Л. 30]. Через десять лет, конечно, ситуация с грамотностью и образованием улучшилась, однако директор школы Я.М. Дубровин в докладе об итогах учебной работы за 1935-36 год снова выделяет эту проблему [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 50]. Приходилось обучать с нуля, пытались даже ввести подготовительные курсы, но это увеличивало срок обучения (по плану – 2 года) и нагрузку на школу.

«Преподавание русского языка и литературы поставить с учетом специфики работы в газете. Дать курсанту отчетливые знания грамматики, синтаксиса, навыки работы над газетой и книгой, научить писать конспекты, тезисы, планы, литературные сочинения, глубокому анализу художественных произведений», – так обрисованы контуры основных умений выпускника школы [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 57]. Примечательно, что процесс обучения не ограничивался только диктантами, которые проводились регулярно, но широко практиковались письменные работы, грамматические разборы, преподаватели других дисциплин вели «борьбу с речевыми сорняками».

Из отчета преподавателя газетных дисциплин Д.Г. Анисимова (был прислан из Ленинградского Коммунистического института журналистики) за 1936–37 учебный год: «Задача курса моих дисциплин сводится к тому, чтобы научить курсантов политически грамотно и культурно составлять и редактировать газетный материал, познакомить с методами организации массовой работы в редакции в связи с задачами печати в период второй пятилетки, в период нового политического поворота в жизни страны» [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 85]. Среди пройденных тем: корреспонденция в газете, организация материала, язык и стиль большевистской печати, работа с письмом, Сталинская конституция и задачи рабселькоров, низовая печать, партстроительство в газете, очерк, фельетон, статья и др. [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 85].

А вот строки из самоотчета П.А. Белогуровой за ноябрь 1935 года: «Помимо всего прочего практическая работа по теме “Статья” строилась с соблюдением всех этапов работы над статьей: выбора темы, ее разработки и литературного оформления. Статьи писались на темы по

вопросам сегодняшнего дня, например: о перестройке работы комсомола, о перевоспитании людей и т.п.» [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 8].

Вторая проблема, которая обозначилась в данном учебном заведении – отсутствие квалифицированных преподавателей. Процитируем отчет директора: «Сейчас в школе нет преподавателя по вопросам печати. В отделе печати Воронежского обкома ВКП (б) заявляют, что достаточно квалифицированных коммунистов, способных вести педагогическую работу в организации нет» [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 7]. Проблемы комплектования учителями преследовала школу все четыре года: то нет учителя географии и истории партии, то сменилось в течение года три преподавателя по печати.

В списочном составе преподавателей 1937–38 учебный год (через три года после открытия) числятся четыре члена ВКП (б): директор школы, который вел блок газетных дисциплин, И.Ф. Костенко, его заместитель, преподаватель истории ВКП (б) Г.Г. Ермаков, преподаватель истории С.Р. Пианзин, преподаватель политэкономии С.Г. Попов. Трое из них учились в Комвузе (Коммунистический вуз – партийное заведение, готовившее партийные, советские и профсоюзные кадры), а Ермаков – окончил подготовительные курсы Воронежского института марксизма ленинизма.

Из трех преподавателей русского языка: К.А. Марковский не имел вообще никакого высшего образования, В.П. Похваленская – выпускница женских курсов, и только Е.А. Белогурова окончила Воронежский пединститут [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 52].

Несмотря на это или, скорее всего именно поэтому, качеству преподавания уделялось пристальное внимание, что следует из многочисленных документов. Учебный процесс постоянно обсуждался педагогическим коллективом в целях дальнейшего совершенствования, делался упор на те гуманитарные знания, которые вызывали у слушателей школы особые затруднения: например, по текущей политике, экономике – для этого проводились занятия в дополнительных кружках. Работали кружок немецкого языка, литгруппа, где разбирались вопросы теории и поэтики литературы.

Обязательным было знакомство с художественными источниками по литературе и истории, которыми постоянно пополняли библиотеку. «Библиотека в этом году хорошо пополнена, но по вопросам печати, всеобщей истории, литературы до сих пор ощущаем огромные затруднения. Вызываются они, с одной стороны, недостаточным ассигнованием по бюджету и отсутствием литературы на рынке» [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 7] – читаем в отчете директора. В другой записке директор школы сетует на острый недостаток в учебниках по древней истории, в книгах

иностранных классиков: У. Шекспира, Д. Байрона, Ж.Б. Мольера. Из этого же документа видно, что будущие журналисты должны обязательно читать произведения М. Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, А. Островского, И. Гончарова, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова [ГАСПИТО: Д. 12. Л. 55].

Кроме изучения основных гуманитарных предметов: филологии, литературы, истории – в рамках учебного курса, проводилась широкомасштабная воспитательная работа: музыкальные и литературные вечера, просветительские лекции, собрания по вопросам партийной идеологии.

Однако школа просуществовала недолго. В октябре 1938 года она была закрыта, предположительно, в связи с ужесточением идеологического прессинга (кстати, в 1938 был закрыт и ВКИЖ).

Изучение работы данной школы представляет интерес в различных планах: с точки зрения краеведения, педагогики и организации процесса, истории образования в целом и специализированного журналистского образования в частности.

Литература

Государственный архив социальной и политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-386. Оп. 1. Д. 12, 29.

ГАСПИТО. Ф. П-386. Оп. 1. Д. 2546.

Vidnaya O.E. The peculiarities of classical education in Michurinsk Newspaper School (1934–1937)

The article discusses the process of teaching the humanities at a regional party newspaper school that functioned in Michurinsk in the 1930s. We focus on the importance of a philological base for journalistic education.

Key words: a newspaper school, the humanities, the history of journalistic education, Michurinsk.

УДК 050 (470)

С.А. Серова

«НОВАЯ ТАМБОВЩИНА» КАК ПРИМЕР РЕГИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В статье прослеживается история областной общественно-политической газеты «Новая Тамбовщина» как прогрессивного регионального средства массовой информации начала XXI века, анали-

зируются ее типологические характеристики и исследуется роль издания в политической и общественной жизни Тамбовской области.

Ключевые слова: общественно-политическая газета, качественные медиа, история новейшей журналистики, концепция издания, маркетинг СМИ.

История журналистики неразрывно связана с политической и экономической историей государства. Идеологические, общественные и социальные условия в России вначале XXI века стали основой для формирования новой медиасреды. Как указывают исследователи региональных средств массовой информации, «тамбовская журналистика в этот момент переживает важный этап развития, который характеризуется взрывным увеличением количественных показателей, сменой качественных ориентиров (парадигм), резкой сменой идеологии в профессиональном сообществе, коммерциализацией информации, апробацией новых моделей СМИ» [Видная 2018: 290]. Одним из ярких представителей того периода на региональном медиаполе была областная общественно-политическая газета «Новая Тамбовщина».

По истории областной газеты «Новая Тамбовщина» можно проследить основные этапы развития Тамбовской области в последние годы XX и первое десятилетие XXI веков. Появление издания такого характера обусловила историческая смена режимов в регионе. Политическая ситуация на Тамбовщине в самом конце XX века была непростой. Тамбовская область входила в так называемый «красный пояс» России, где большая часть электората являлась сторонниками КПРФ, а у власти находился коммунист Александр Рябов. На выборах главы администрации Тамбовской области в 1999 году конкурентом Александра Рябова стал полномочный представитель Президента РФ в Тамбовской области, демократ Олег Бетин, который участвовал в избирательной кампании в качестве лидера общественного движения «За возрождение Тамбовщины», созданного в 1998 году, как раз в преддверии выборов. Сторонниками движения стали многие известные прогрессивные люди Тамбовской области, которые хотели смены политической системы в регионе.

Газета «Новая Тамбовщина» была учреждена областным общественным движением «За возрождение Тамбовщины», находившемся в тот момент в позиции идеологического политического органа. Название «Новая Тамбовщина» отражало направление политического курса движения – смена политического режима в области. Первый номер «Новой Тамбовщины» вышел в свет 11 октября 2000 года. Выпуск

открывало обращение тогда уже главы администрации Тамбовской области Олега Бетина. «Новая газета, прежде всего, обязана в концентрированном виде отражать интересы широких слоев населения, их проблемы и чаянья», – сформулировал он концепцию «Новой Тамбовщины» [«Новая Тамбовщина» 2000: 1].

Первые полгода газета выходила раз в месяц на четырех полосах. Редакции как таковой не было, одним штатным сотрудником являлась редактор С.А. Серова. Основным тематическим направлением издания была деятельность политического движения, которое в то время пережило смену идеологии: призыв «За возрождение Тамбовщины» сменился на стабильное и утверждающее «Возрождение Тамбовщины». Активное участие в становлении проекта «Новая Тамбовщина» принимали тогда директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания «Тамбов» Дробышева Т.В., журналист газеты «Тамбовская жизнь» Фурсов А.И.

В 2001 году руководство движения приняло решение вывести проект «Новая Тамбовщина» на новый уровень. За короткий период была сформирована редакция, зарегистрировано юридическое лицо – автономная некоммерческая организация «Редакция газеты "Новая Тамбовщина"». Само средство массовой информации было перерегистрировано и расширен список учредителей. Помимо общественного движения «Возрождение Тамбовщины», в состав учредителей вошли Агропромышленный союз Тамбовской области и Тамбовская областная ассоциация промышленников и предпринимателей. 28 марта 2001 года вышел первый обновленный номер областной общественно-политической газеты «Новая Тамбовщина». Газета поменяла верстку, дизайн, состояла сначала из восьми, а потом уже и из шестнадцати полос и печаталась в два цвета – черный и голубой. Значительно расширилось тематическое поле издания. В сфере внимания «Новой Тамбовщины» была общественно-политическая жизнь Тамбовской области, социально-экономические процессы, происходившие на Тамбовщине, деятельность губернатора Олега Бетина. Издание ставило своей главной задачей формирование позитивного имиджа исполнительной власти Тамбовской области, отсюда вытекал и контент данного СМИ. В логотипе появился девиз газеты: «Новая Тамбовщина – общее дело». Редакция состояла уже из 12 сотрудников. Целевой аудиторией газеты являлось социально активное население Тамбовской области старше 35 лет. Таким образом, по всем типологическим критериям это издание относилось к качественным СМИ.

Ряд проектов, реализованных редакцией газеты, стал революционными и прогрессивными для регионального рынка медиа периода начала XXI века:

1. Новаторской для средств массовой информации Тамбовской области была масштабная маркетинговая кампания «Дни газеты “Новая Тамбовщина” в Тамбовской области». Целью акции являлось продвижение бренда «Новая Тамбовщина» в районы области. Сотрудники редакции совместно со специально сформированной гастрольной бригадой за два месяца в июле-августе 2001 года с концертами и промоушн – программами объехали все районные центры региона. В каждом из них были организованы творческие представления, оборудованы площадки с детскими развлечениями, торговые места. В концертном турне принимали участие ансамбль классического танца «Вдохновение», команда КВН «Тапкины дети», заслуженная артистка РФ Алла Кругова, поэт Иван Караваев и другие. Во время представлений можно было оформить льготную подписку на издание. Результатом этой акции стало значительное увеличение подписчиков. К концу 2001 года тираж «НТ» составлял 30 000 экземпляров.

2. Для расширения аудитории «Новая Тамбовщина» стала выпускать тематические приложения, которые сначала прилагались к номеру, а позднее вкладывались внутрь газеты: «Земелька» – для огородников; «Ветеран» – издание для пожилых людей, в котором печатались новости, разъяснения пенсионного законодательства, советы по сохранению здоровья, материалы об интересных и активных людях старшего возраста; «Село» – для сельчан и о сельчанах. Так же с определенной регулярностью выходили «Образование», «Бизнес» как коммерческий проект, «Молодежь», «Центральная Россия». С приходом в редакцию в качестве журналиста поэта Геннадия Минаева появилось приложение «Изба-читальня» – с прозой и стихами современных тамбовских поэтов и писателей.

3. В 2003 году в форме приложения к «Новой Тамбовщине» стало выходить издание тамбовского регионального отделения всероссийской политической партии «Единая Россия» “Единая Россия” – Тамбовский регион». Его тираж во время избирательных кампаний составлял до 300 000 экземпляров. В связи с началом предвыборной кампании и требованиями закона РФ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» в октябре 2003 было принято решение перейти от агитации в форме выпуска газеты на форму выпуска – агитационная листовка. Это давало возможность, не меняя

формат, цветность и объем, приступить к целенаправленной активной пропаганде. Кроме того, это позволяло доставлять листовку через УФПС Тамбовской области подписчикам районных газет. К 2006 году это приложение выросло в самостоятельное издание, газету Тамбовского регионального отделения политической партии «Единая Россия» «Сильная Россия – Единая Россия», которая юридически была оформлена как спецвыпуск «НТ». Газета выходила раз в месяц, а ее тираж составлял от 130 000 до 300 000 экземпляров.

4. Эффективный, с точки зрения увеличения аудитории и активной предвыборной агитации, проект «Совместные выпуски газеты «Новая Тамбовщина» и районных газет» был успешно реализован АНО «Редакцией газеты «Новая Тамбовщина» на выборах главы администрации Тамбовской области в 2002-2003 годах. Редакция газеты «Новая Тамбовщина» на определенный период времени перешла на режим выхода – два раза в неделю. Во вторник выходил обычный шестнадцатиполосный номер, а пятничный выпуск изготавливался специально для тамбовского регионального отделения партии «Единая Россия» и распространялся совместно с районными газетами их подписчикам. Объем издания был 2-4 полосы формата А3 полноцветной печати. Проект имел несомненные преимущества:

– максимальный охват населения печатной агитацией с минимальными финансовыми затратами;

– использование целевой аудитории: газету получали те, кто выписывал районные издания и, соответственно, имел привычку и потребность читать газеты;

– возможность во время официальной избирательной кампании использовать всю площадь пятничного выпуска для партийной агитации, в то время как государственные издания предоставляли площади в ограниченном количестве по жеребьевке.

Тираж пятничного выпуска «НТ» составлял 111 тысяч экземпляров.

5. Попытки концентрации различных типов СМИ в медийные группы происходили в Тамбовской области не раз. Это позволяло, во-первых, увеличить охват жителей Тамбовской области для решения определенных пропагандистских или агитационных задач, а во-вторых, сконцентрировать доходы от рекламной деятельности. Успешным в своем роде оказался этот проект при участии «Новой Тамбовщины». В холдинг, созданный в 2003 году де-факто, вошли областная общественно-политическая газета «Новая Тамбовщина», медиа-центр «Пятое измерение», ИА «Тамбов-информ», областная телерадиокомпания

«Новый век» вместе с радио и ТВ. А в 2004 году сюда влился региональный выпуск «МК в Тамбове». Его выпуском на условиях франчайзинга с 2004 по 2007 годы занималась редакция газеты «Новая Тамбовщина». Появление данного холдинга было обусловлено попытками власти в это время взять СМИ Тамбовской области под жесткий контроль и государственное регулирование.

Помимо активного участия «НТ» в политической жизни региона, газета успешно решала просветительские культурные и общественные задачи. Помимо приложения «Культура», издаваемого совместно с управлением культуры администрации Тамбовской области к знаковым крупным событиям в их сфере, например, к международному музыкальному фестивалю имени С.В. Рахманинова, «НТ» реализовывала разовые значимые акции. Так, в 2005 году к 9 мая «Новая Тамбовщина» выпустила на средства благотворительного Фонда «К 60-летию Победы» репринт материалов газеты «Правда» от 10 мая 1945 года. Сам оригинальный выпуск хранится в архивах областной библиотеки имени А.С. Пушкина. Тираж репринта составлял 15 000 экземпляров и был бесплатно распространен во время торжественных мероприятий, посвященных Дню победы.

С самого момента создания областная общественно-политическая газета «Новая Тамбовщина» позиционировала себя как издание с социальной направленностью и не раз устраивала акции для пенсионеров, ветеранов ВОВ и социально незащищенных категорий граждан. При помощи крупного бизнеса Тамбовской области для этих категорий граждан регулярно организовывалась бесплатная подписка на газету.

Подписной тираж газеты «Новая Тамбовщина», распространяемый через УФПС, все годы неуклонно рос (табл. 1).

Таблица 1

Данные по подписным тиражам на областные издания УФПС по Тамбовской области от 01.07.06

Название газет	1.07.05	1.07.06	%
Тамбовская жизнь	10060	9093	90,4
Наедине	4024	2540	63,1
Ровесник	744	744	100,0
Тамбовская ярмарка	45254	42021	92,9
Город на Цне	1895	1431	75,5
Наш голос	2706	2172	80,3
Наш город Тамбов	970	738	76,1
Новая Тамбовщина	8126	9968	122,7
Тамбовский меридиан	7123	6075	85,3
Тамбовский курьер	223	132	59,2
Мир информации	142	107	75,4

Бессменными журналистами газеты являлись Елена Крадинова, Татьяна Самотойлова, Геннадий Минаев, Татьяна Казакова, Михаил Гришин. В разные годы в газете печатались Ольга Самойлова, Маргарита Матюшина, Иван Жеребятьев, Андрей Коротяев, Константин Федоров, Александр Дерябин и другие. Главным редактором все годы существования «НТ» (2000 – 2009) была С.А. Серова.

В 2009 году из-за финансовых проблем у учредителей по их решению газета «Новая Тамбовщина» была закрыта.

Исходя из проведенного анализа деятельности редакции областной общественно – политической газеты «Новая Тамбовщина», можно утверждать, что эта газета была прогрессивным изданием в своей типологической группе в Тамбовской области в период начала XXI века. Многие новации «НТ», такие как промоушн – акция во всех районах области, распространение приложений в виде вложения в газету, совместные выпуски частного издания и государственных районных газет, затем были успешно реализованы в медиа других регионов. Однако это печатное издание ввиду своей политической и социальной направленности с экономической точки зрения оказалось неконкурентоспособно. Такая судьба была характерной для большинства областных качественных печатных медиа того времени. В Тамбовской области уже к 2010 году среди представителей этого типа СМИ на рынке остались только издания с государственными дотациями.

Литература

Видная О.Е. Истоки традиций региональной прессы: страницы истории тамбовской журналистики конца XX – начала XXI века // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 290-297.

Областная общественно-политическая газета «Новая Тамбовщина» // 11 октября 2000 года. № 1.

Serova S.A. “New Tambov Region” as an example of a regional socio-political periodical at the beginning of the 21-st century

The article traces the history of a regional socio-political newspaper “New Tambov Region” as a progressive regional mass media of the early 21st century. The researcher names its typological characteristics are analyses its role in the political and social life of Tambov region.

Key words: socio-political newspaper, qualitative media, history of contemporary journalism, conception of a periodical, mass media marketing.

УДК 366.636

С.В. Гуськова

ОБРАЗ ТАМБОВЩИНЫ НА СТРАНИЦАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ[1]

В статье отражены результаты изучения особенностей формирования образа региона средствами массовой информации. Теоретические аспекты работы проиллюстрированы конкретными примерами формирования образа Тамбовской области федеральными изданиями.

Ключевые слова: печатные масс-медиа, образ региона в масс-медиа, имидж региона, федеральные масс-медиа.

Сложно оценить степень любви каждого конкретного человека к своей стране, к своему родному краю, к своей малой родине. Однако неоспорим тот факт, что созидательное отношение человека к этим микро- и макротерриториям поддается его не воспитанию, то, как минимум, воздействию извне. Такое благотворное воздействие способны оказывать средства массовой информации, как печатные, так и электронные, региональные и федеральные.

В рамках данного исследования остановимся на таком актуальном вопросе, как особенности формирования образа малой родины федеральными масс-медиа. Внимание сосредоточено на образе Тамбовщины, представленном в федеральных средствах массовой информации. Среди ключевых задач исследования – выявить содержание образа Тамбовской области, а также ресурсы федеральных средств массовой информации, способствующие формированию образа региона.

Отметим, что понятия «образ» и «имидж» во многом представляются идентичными. Тем не менее, при различных интерпретациях первого из них обнаруживается больше духовной, культурологической составляющей, наделенной субъективными суждениями интерпретаторов. При толковании же второго понятия – имидж – обнаруживается больше конкретики и объективности.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Администрации Тамбовской области и Управления образования и науки Тамбовской области в рамках Гранта для поддержки прикладных исследований молодых ученых 2018 года «Разработка комплекса мероприятий, обеспечивающих эффективное формирование положительного имиджа Тамбовской области, его продвижение в информационных ресурсах на федеральном и региональном уровне» (Проект № 4-МУ-18).

Подтверждение данной гипотезы находим в исследовании Н.Ю. Кравченко, посвященном анализу современных практик патриотического воспитания школьников: «Малая родина – это образ, не имеющий конкретного, словарного определения. Для каждого понимание малой родины свое, в зависимости от многих параметров. <…> Сформированный образ малой родины создает у школьников мотивационный фактор, который проявится в его взрослом поведении. Он формируется не только под влиянием личностного опыта, но и под воздействием соответствующих акторов: родителей, школьных учителей, СМИ. <…> Любая новая информация о малой родине создает, подкрепляет или изменяет существующую установку. Исходя из имеющейся установки, индивид, группа, общество оценивают поступающую информацию, которая может дополнить имеющийся образ в сознании, но может быть и отвергнута. Индивидуальное принятие или непринятие тех или иных вопросов, эмоционально окрашенное отношение к ним влияют на практики гражданского или антигражданского поведения» [Кравченко 2013: 8].

Понятие «имидж» трактуется как «целенаправленно формируемый образ какого-либо лица, явления, предмета, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо, с целью популяризации, рекламы, обретения устойчивого признания, авторитета» [Минаев 2001].

К изучению особенностей и технологий создания имиджа государства в целом в последние годы обращается все большее число исследователей, что обусловлено внешнеполитической ситуацией вокруг Российской Федерации на мировой арене [Гуськова 2018].

Формированию образа региона (в данном случае Тамбовщины) через СМИ способствуют различные подходы. Конкретизируем их:

1. Обращение к хорошо известным аудитории брендам.
2. Апелляция к известным историческим личностям региона.
3. Цитирование региональной элиты.
4. Статистические данные, полученные из региональных источников.
5. Указание на показательные результаты региона в различных сферах.

Можно констатировать, что журналисты федеральных СМИ при освещении информации о Тамбовской области часто обращаются к хорошо известным деятелям (Г.Р. Державин, И.В. Мичурин, В.И. Вернадский, С.В. Рахманинов) и брендам региона («Тамбовский волк», «Тамбовская картошка», «Тамбовский окорок», «Тамбовский мед», «Мичуринские сады»). Причем такое сочетание, как «тамбовский волк», часто

используется и как стереотипное определение для тамбовчан, и как обозначение персонажа народного эпоса. Как примеры – публикации А. Родионовой *«Тамбовский волк или товарищ?»* («Московский комсомолец», 9 августа 2017 г.), А. Валагина *«Тамбовский волк признан национальным достоянием»* («Российская газета», 19 февраля 2016 г.).

Апелляция к известным личностям, связанным с Тамбовщиной, в федеральных изданиях встречается не так часто – либо в случае, если к тому обязывает информационный повод (например, проведение фестиваля «Сиреневая ночь в Ивановке», в имении, принадлежавшем родственникам жены С.В. Рахманинова; сенсационные известия), либо в публикациях специализированных изданий (например, литературоведческих). В качестве примеров приведем несколько публикаций последних лет: Н. Соколова *«Разрешение на брак»* с подзаголовком *«Сергей Рахманинов влюблялся в жен своих приятелей и писал им романсы»* («Российская газета – Неделя», 9 мая 2018 г.), *«Владимир Вернадский предсказал появление интернета»* («Комсомольская правда», 12 марта 2018 г.) и др.

Следует признать, что образ Тамбовщины в федеральных изданиях не является ярким, колоритным. Само по себе упоминание региона в публикациях центральных СМИ не столь частое, что нередко вызывает вопросы у обывателей из других регионов: «Тамбов? Где это? Он далеко от столицы? Наверное, немногочисленный?» и т.п. Определенный положительный вклад в развитие брендов региона и формирование ее образа в федеральных СМИ в целом вносят коммерческие корпорации, продвигающие свои услуги и продукцию за счет заказных рекламных материалов, публикуемых на платной основе.

Очевидно, что для создания хорошо узнаваемого жителями других регионов образа Тамбовщины необходима грамотная информационная политика, в реализацию которой должны быть вовлечены различные структуры – от региональных журналистов до регионального чиновничьего аппарата. Регулярное размещение информации о Тамбовской области в федеральные издания способно ликвидировать существующий у массовой аудитории пробел, связанный с не столь высокой узнаваемостью региона. Это должно способствовать созданию положительного образа Тамбовщины на федеральном уровне.

В заключение отметим, что СМИ, с одной стороны, способствуют формированию образа малой родины (каждой конкретной территории), как благоприятного, так и с негативной окраской. В то же время масс-медиа оказывают существенное влияние на стереотипное восприятие малой родины, а созданные стереотипы навязываются широкой ауди-

тории, в том числе, проживающей на других территориях. Отсюда вытекает то, что более конкретная категория – имидж – формируется через более абстрактную – образ. Поэтому в сознании массовой аудитории закрепились определенные стереотипные образы о территориях (например, «тамбовский волк»). Насколько положителен будет образ малой родины, созданный СМИ, настолько более привлекательным будет ее имидж. Однако обращение к вопросу о привлекательности имиджа территории – тема для отдельного разговора о более конкретных и материальных категориях: инвестиционной привлекательности регионов, их рекреационных ресурсах, культурных ценностях и т.д.

Литература

Гуськова С.В. Актуальность формирования имиджа регионов России в современном мире // Дневник науки. 2018. № 12 (24). С. 19.

Кравченко Н.Ю. Патриотическое воспитание школьников г. Саратова и Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия: Социология. Политология. Вып. 1. С. 7-12.

Минаев А.А. Критерии формирования имиджа региона // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 1-2. С. 92-97.

Guskova S.V. The Image of Tambov in federal publications

The article focuses on the results of studying the image of Tambov region, given by the media, describes its formation and characteristic features of the process. The author gives some examples from the federal publications that illustrate theoretical aspects of the work.

Key words: printed mass media, image of a region in a mass media, image of a region, federal mass media.

УДК 050 (470)

Е.А. Меркушина

РОССИЯ, РУССКИЕ, РОССИЯНЕ В НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЯХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ СМИ

Региональные сетевые СМИ содержат в контенте новости, связанные с реализацией задач информационной политики. В связи с этим, в изучении регионального информационного пространства особый интерес представляет употребление таких концептов, как «Россия», «русские», «россияне». Названные понятия часто связаны

с имиджеобразующими текстами политической и экономической тематики.

Ключевые слова: информационное пространство, информационная политика, концепт, сетевые СМИ, региональные СМИ, федеральные новости.

Внутренняя информационная политика региона неизбежно оказывает влияние на контент региональных сетевых средств массовой информации. Важную роль в контенте играют обобщенные, маркированные понятия – концепты. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 269].

В изучении регионального информационного пространства нас интересует употребление таких концептов, как «Россия», «русские», «россияне». Эти концепты в сетевых СМИ часто связаны с реализацией целей и задач информационной политики – государства, региона, внутренней редакционной политики. Через средства массовой информации в сознание аудитории создается и интерпретируется образ страны, региона, города.

Для региональных сетевых СМИ употребление названных понятий не частое явление, поскольку большую часть контента справедливо занимают местные новости, связанные с текущими событиями. Поэтому, понятия «Россия, русские, россияне» в основном употребляются в следующих значениях:

1) Наименование реального объекта – России как страны, россиян – как граждан, русских как национальности.

2) Политическое, экономическое, социальное или культурное пространство, в котором существует конкретный город или целый регион. Регион может быть примером, продолжающим общие для «России» тенденции или являться исключительным примером – положительным. Это связано с информационной политикой области, которая должна формировать положительный внутренний и внешний имидж.

3) Наименование людей, государственных учреждений, событий – это основной корпус текста – «Правительство РФ», «Министерство промышленности и торговли», «Министерство здравоохранения», «Депутаты Госдумы», «Чиновники». Эти определения не называют государство напрямую, но неизменно с ним ассоциируются.

Исследование строилось на материале сетевых средств массовой информации Брянской, Владимирской, Воронежской, Костромской, Курской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской

областей. Всего было проанализировано 226 новостных сообщений. Рассмотрим следующие варианты употребления названных понятий.

1. **Сопоставление.** В этом примере употребление понятий в новостях, где регион продолжает позитивные тенденции развития государства в целом.

«Более того, свыше 52% россиян хотят переселиться за город, в сельскую местность, подальше от суеты и поближе к природе. Такое заключение, по итогам опроса, сделал авторитетный Аналитический центр Юрия Левады. Брянск в этом смысле не является исключением. Не случайно Брянск активно развивается за счёт пригорода». (БрянскToday, https://bryansktoday.ru/article/95861).

«Российские регионы подводят итоги социально-экономического развития за 2018 г. и демонстрируют относительно высокие темпы роста промышленности. По итогам 2018 года Орловская область в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата поднялась на 27-е с 48-го места». (Орел-регион, https://regionorel.ru/novosti/ economy/ozhidaetsya_li_sko).

«Резко сократилась доля просроченной населением задолженности перед банками – с 7% до 5,1%. Орловская область в 2018 году находится на 31-м месте рейтинга, имея 4,79% просроченной задолженности по кредитам, что на 1,7 п.п меньше, чем в 2017 году». (Орел-регион, https://regionorel.ru/novosti/economy/dolya_prosrochennoy_naseleniem_zadolzhennosti_pered_ban).

Здесь можно провести такую параллель «как вся Россия, так и наш регион», то есть продолжение общих тенденций.

2. **Часть из целого**. В следующем примере местные тенденции не столько продолжают общероссийские, сколько презентуют текущее состояние в той или иной отрасли. Происходит выделение части из целого – где «Россия, россияне» – целое, а область, город, его жители являются составной частью.

«За последние 12 месяцев кредитная нагрузка на каждого работающего жителя России выросла на 36 тысяч рублей и составила 199 тысяч рублей. В итоге Брянщина оказалась на 42 месте из 85-ти – объём задолженности перед банками на одного работающего жителя области составил 143,8 тысяч рублей» (БрянскToday, https://bryansktoday.ru/article/87631).

«Средняя зарплата в малых и средних населенных пунктах Воронежской области в 2018 году составила 27 тыс. рублей. Такие данные привели аналитики РИА «Рейтинг» медиагруппы МИА «Россия сегодня» в понедельник, 1 апреля. Регион занял 45-е место из 81 среди

субъектов РФ по уровню доходов в малых и средних населенных пунктах» (РИА «Воронеж» https://riavrn.ru/news/analitiki-zarplata-v).

«В Тамбовской области состоялась конференция «Биржевой рынок зерна. Создание организованной биржевой торговли как основополагающего принципа развития честной конкуренции на рынке зерна актуальны для России в целом (ОнлайнТамбов. https://www.onlinetambov.ru/news/economy/rasshirenie-birzhevoy-torgovli-na-rynke-zerna-otkryvaet-novye-vozmozhnosti-dlya-tambovskikh-a).

От сопоставления отличается тем, что авторы приводят данные без их интерпретации относительно аналогичных данных по стране или в сравнении с другими регионами и оставляют читателям возможность самим сделать выводы. Получается следующая схема: «так происходит в России, так происходит в нашем регионе». Читатель должен сделать вывод сам, и насколько вывод будет адекватным реальной ситуации сказать сложно.

Однако оба вида представления информации преследуют одну и ту же цель – информирование населения о политических, социально-экономических новостях. Отметим, что наибольшее количество новостей, где употребляются понятия «Россия, россияне, русские» относится к разделу «Экономика», затем «Власть» и «Общество».

3. Нехарактерна для сетевых средств массовой информации подмена понятий россияне-русские. Во всех рассмотренных примерах граждане страны употребляются как «россияне», а «русские» – указывают на национальную принадлежность.

«В Тамбове стартует фестиваль интернациональных праздников. Фестиваль объединит более 20 мероприятий и три праздника: русской, цыганской и восточной культур» (ОнлайнТамбов. https://www.onlinetambov.ru/news/culture/v-tambove-startuet-festival-internatsionalnykh-prazdnikov/).

В заключении отметим, что большинство новостей, где употребляются понятия «Россия, россияне, русские», относятся к местным региональным новостям или федеральным новостям экономики, компаний, работающих в регионе и так или иначе связаны с местным бизнесом, властью, а следовательно – с информационной политикой региона.

Литература

Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997.

Merkushina E.A. Russia, the Russian people and the Russians in news of the regional network media

News in the regional network media bear the information that is connected with the communication policy and its goals. We study the regional information space and the use of such concepts as “Russia”, “the Russian people” and “Russians”. These concepts are often associated with the image-making texts of political and economic character.

Key words: informational space, communication policy, concept, network media, regional media, federal news.

УДК 050 (470)

В.А. Хворова

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ В РОССИЙСКИХ СМИ

Публикация посвящена актуальной проблеме сохранения культурной и исторической самобытности и роли средств массовой информации в этом процессе. Автор приводит наиболее значимые примеры о возросшем интересе СМИ и общества к славянским истокам.

Ключевые слова: культурные славянские традиции, СМИ, историческое наследие, славянство.

В эпоху глобализации и информационной революции современное общество получило новые возможности для интеграции различных национальных культур. Активное взаимодействие России со странами Западной Европы и Северной Америки создало условия для вхождения культурных традиций разных народов в жизнь нашей страны. На фоне активного сближения «двух миров» российское общество столкнулось с проблемой сохранения собственного культурного и исторического наследия.

Сегодня особую значимость приобретает возрождение национальной самобытной культуры, возвращение общества к духовным истокам и воспитание на этой основе молодого поколения. Важную роль в процессе национальной идентификации играет медиасфера: уровень культуры и духовности личности во многом определяется теми ценностями, которые транслируют медиа.

Два десятилетия назад в прессе, на телевидении или в интернет-среде сложно было найти журналистские материалы о славянской культуре или истории. Сегодня СМИ пересмотрели свои информаци-

онные приоритеты, всё чаще рассказывая широкой аудитории о традициях и обычаях славянского народа.

8 июля 2008 года впервые отмечался всероссийский праздник – День семьи, любви и верности, посвящённый памяти Святых Петра и Февронии, которые считаются покровителями семейного очага в православной традиции. Специально к этой дате Первый канал подготовил документальный фильм «Пётр и Феврония. История вечной любви» [Пётр и Феврония URL]. Проект рассказал о жизненном пути Петра и Февронии, о духовной связи супругов, об их удивительном уходе из жизни в один день. Это был едва ли не первый случай обращения СМИ к теме возрождения национальных духовных традиций. Во многом благодаря поддержке федерального канала праздник стал любим семьями и обрёл новые традиции. Сегодня он отмечается в России ежегодно, а главным центром празднования является древний город Муром – родина Петра и Февронии.

В сохранении национального наследия важную роль играет инициатива регионов. Так, в 2011 году Тамбовская область решила возродить древнерусскую традицию – проводить ярмарки. Русская ярмарка – это неотъемлемая часть нашей культуры. В России ярмарочная торговля была распространена очень широко. Ярмарки устраивались в городах, сёлах, деревнях и были приурочены к большим праздникам. Одним из таких всегда был Покров Пресвятой Богородицы, который отмечается 14 октября. Праздник является престольным для города Тамбова. Именно 14 октября в 1637 году была освящена крепость, построенная воеводой Романом Боборыкиным по указу царя Михаила Фёдоровича на южных рубежах государства [Покровская ярмарка… URL].

История Покровской ярмарки, которая берёт начало в XVIII веке, была надолго прервана, но сейчас переживает второе рождение. С 2012 года ярмарка вышла не только за пределы региона, но и приобрела статус международной – её участниками, наряду с представителями всех городов и районов области, а также гостей из других регионов страны, стали делегации из Франции, Греции, Беларуси и Азербайджана.

С каждым годом количество участников Международной Покровской ярмарки растёт: если на первой ярмарке их было порядка 300, то в 2017 году – уже более тысячи. Число посетителей при этом превысило 50 тысяч человек. Такое масштабное событие традиционно заполняет региональное медиапространство – пресса, интернет-издания и телевизионные компании области подробно освещают презентации старинных ремёсел, творческую программу ярмарки и конкурсы для гостей и участников.

Интерес широкой аудитории к национальной истории и культуре повлёк за собой возникновение «прославянских» СМИ. Так, портал «Славянская традиция» позиционирует себя как первое в России независимое языческое информационно-аналитическое новостное агентство. Ресурс является центральным официальным интернет-представительством славян-язычников, исповедующих родную веру предков. Портал регулярно представляет обзор материалов о славянстве в рубрике «Сводки СМИ», пополняет видеоархив и коллекцию живописи. На сегодняшний день портал является одним из самых «весомых» в своей информационной нише [Славянская традиция URL].

Важность возрождения интереса читателей к национальной самобытности понимают и авторитетные представители прессы. Например, «Российская газета» регулярно публикует на своих страницах материалы о старинных русских праздниках и неизвестных обычаях. Интересные материалы о славянстве всегда можно найти в разделах «Общество» и «Культура» [Корнев URL].

На пути возвращения к своим истокам русская нация встречает немало препятствий. Однако возросший интерес и популярность к славянским культурным традициям на современном этапе свидетельствует о том, что общество испытывает потребность к осознанию уникальности своей истории и культуры.

Литература

Корнев А. От колыбели до могилы // URL: https://rg.ru/2013/12/09/slaviane-site.html

Пётр и Феврония. История вечной любви // URL: https://www.youtube.com/watch?v=PCS1YSmr2Uc

Покровская ярмарка в цифрах // URL: http://pokrov.tambov.gov.ru/index.php?id=4575

Славянская традиция // URL: https://rg.ru/2013/12/09/slaviane-site.html

Hvorova V.A. The reflection of the Slavic cultural traditions in the Russian media

The publication is dedicated to the problem of cultural and historical identity preservation and the role of the media in this process. The author gives examples, showing that mass-media and society are becoming more and more interested in the Slavic origins.

Key words: cultural Slavic traditions, mass media, cultural inheritance of the past centuries, the Slavs.

УДК 808

И.В. Поздняков, С.А. Старостина

ТЕКСТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ: СПЕЦИФИКА, КЛАССИФИКАЦИЯ, СТРУКТУРА

В статье предпринята попытка обобщить имеющийся теоретический материал по базовым понятиям копирайтинга. Приведена современная классификация текстов для сайтов, рассмотрены их значение и основные структурные элементы.

Ключевые слова: текст, сайт, копирайтинг, ТОП-10, интернет-ресурс.

Современная наука должна всегда находиться в динамике: развиваться в ритме движения глобального мирового пространства. В современном информационном поле сведения, по большей степени, передаются через сеть интернет. В связи с тем, что огромный пласт текстовой информации приобрел электронный формат, возникает необходимость изучения и структуризации современной культуры сайтов.

При создании текстов для сайтов используется такой процесс, как копирайтинг. «Собственно КОПИРАЙТИНГ – это и есть искусство составления рекламных текстов, не только информирующих о той или иной услуге, товаре, но и побуждающих к совершению действия – покупке» [Копирайтинг 2015: 95].

Далее рассмотрим предназначение текстов для сайтов:

1. Завоевание доверия потребителей. Из-за отсутствия на сайте офис-менеджера, клиенту некому задать вопрос, например, или получить детальную информацию вживую. В такой ситуации приходят на помощь тексты, информирующие о ресурсе, условиях оплаты и доставки, акциях, наличии программы лояльности.

2. Информирование поисковых роботов о содержании интернет-ресурса. Любой сайт появляется в результатах выдачи гиперссылки только после индексации – изучения содержания поисковыми роботами. Именно оптимизированные тексты обеспечивают понимание роботами, при каком запросе можно показать ту или иную страницу. Таким образом, тексты являются один из факторов ранжирования сайта. Качество текста влияет на его место в ТОП-10 или на более низких позициях.

Тенденции в современном копирайтинге таковы, что хороший «продающий» текст должен быть:

– релевантным странице – соответствие документа ожиданиям пользователя; оптимизированным под определенные ключевые слова – запросы аккуратно вписаны и равномерно распределены по тексту;

– полезным для целевой аудитории;

– уникальным – имеет смысловую ценность.

Кроме того, в тексты вводятся ссылки на другие страницы сайта. Это процесс – перелинковка – одни из критериев улучшения поведенческих факторов, глубины просмотра и времени на сайте. Что в итоге положительно влияет на ранжирование страницы в результатах поисковой выдачи.

Помимо этого, иллюстрации усилят эффект и могут значительно усилить впечатление от любого теста. В идеале на каждые 300 слов текста должно приходиться одно изображение. Не используйте дешевый клип-арт. Вместо этого лучше взять скриншоты и фотографии [Контент-маркетинг 2011: 125].

Кроме перелинковки нельзя забывать про навигацию и интерфейс: ресурс должен быть удобным для аудитории – необходимо добавить в шапку сайта логотип, название и сферу деятельности компании, регион работы и основные контакты.

Тексты современных сайтов подразделяются на следующие категории.

– Для главной страницы – кратко и емко рассказывают о вашем бизнесе – сфера, УТП, преимущества сотрудничества и, при необходимости, схема работы. Они должны отвечать на основные вопросы потенциального клиента, традиционный объем 1500-2000 символов.

Текст должен отвечать на основные вопросы потенциального покупателя и иметь броский заголовок.

– О компании – повышают доверие к организации и ее продукции.

В таких текстах преимущественно используются привлекательные заголовки, блоки, иконки, фотографии и, конечно же, конкретика.

Текст должен легко восприниматься и быть информативным.

– Карточка товара или страница услуги – побуждает потребителя к покупке. Такие тексты максимально точно информируют о товаре. Привлекаются качественные фотографии и продающие элементы, по возможности – отзывы покупателей.

Все наглядно: смотришь страницу и понимаешь, какой товар придет.

– Контакты – рассказывают, где находится компания, как и в какое время можно связаться.

В таких текстах указываются фактический адрес, все важные контакты и режим работы, 1-2 фотографии здания, схема проезда и подходящие маршруты общественного транспорта.

– Доставка и оплата – рассказывают пользователям об условиях доставки и оплаты.

Указывается несколько вариантов доставки, со своими условиями для каждого региона. Именно поэтому информация должна быть прописана максимально четко и понятно.

Кстати, информация о доставке и оплате может располагаться и на разных страницах.

– Информационная статья для блога или раздела с новостями – донесение актуальных сведений до пользователей.

При этом, важно, чтобы материал был понятен и легко воспринимался.

Статью можно доработать: добавить фотографии и конкретику – как минимум срок службы материалов и цены. Кроме того, в конце статьи не хватает призыва к действию – к примеру, можно предложить пользователю бесплатную консультацию.

Информационные статьи на сайте – его неотъемлемая часть: интересный контент помогает повысить доверие к компании, улучшает ее репутацию и узнаваемость, популяризирует товары, позволяет повысить продажи.

В некоторых случаях главной страницы, информации о компании, страницы о доставке и оплате, и карточек товаров недостаточно: остаются незакрытые вопросы пользователей. Тогда необходимо создать страницу FAQ – часто задаваемые вопросы и развернутые ответы на них. Здесь главное – аккуратная верстка, чтобы потенциальный клиент не потерялся в море информации.

Структура «продающего» текста состоит из следующих блоков:

– Заголовки – емкие и привлекательные названия блоков, в которых отражены выгоды вашего клиента.

– Теглайн – краткая анонсирующая информация, чему посвящен сайт. Предложение обычно размещается в шапке сайта рядом с логотипом – его не нужно прописывать отдельно для каждой страницы.

– УТП – важнейшее отличие вашего предложения от предложений конкурентов.

– Текст в первом экране – абзац, который должен сориентировать и заинтересовать посетителя.

– Описание товара или услуги – подробная информация о вашем предложении.

– Обоснование цены – косвенное пояснение того, почему у вас именно такая стоимость товаров. К примеру, если она выше, чем у конкурентов, нужно доказать качество продукции как минимум сертификатами и отзывами покупателей.

Преимущества с упором на выгоды клиента – блоки, которые показывают, почему человеку выгодно обратиться именно к вам.

– Гарантии – подтверждение, что посетитель получит заказ вовремя и не разочаруется в его качестве. Это кейсы, отзывы, портфолио, сертификаты, сведения о партнерах и т.д.

– Схема работы – пояснение, что будет после звонка в вашу компанию или оформления заказа.

– Акции, скидки и бонусы – все о действующих предложениях. Наша команда – фотографии и информация о ваших специалистах.

– Слайдеры – блоки с привлекательным и кратким описанием спецпредложения, нового товара или преимуществами вашей компании.

– Призыв к действию – подталкивающий к определенному действию элемент. Другая дополнительная информация – это может быть предложение для оптовых клиентов, блок с новостями или нечто иное, важное для вашей целевой аудитории.

Таким образом, предназначение текстов для сайтов – рассказать о содержании страницы поисковым роботам – после индексации сайт появится в результатах выдачи по продвигаемым запросам.

Завоевать доверие потенциальных клиентов – посетители увидят интересующую их информацию, поэтому появится шанс превратить их в клиентов. Но самое главное, текст не должен быть пустым и заполненным «водой». «Фрэнк Пердью из компании Perdue Farms установил, что 80 % всех рекламируемых продуктов не имели успеха, потому что в рекламных объявлениях к потребителям обращались как к идиотам. Людей интересуют факты, преимущества и обоснованные идеи» [Гипнотические рекламные тексты].

Таким образом, современные тексты для коммерческих интернет-ресурсов имеют достаточно сложную структуру, а их классификация имеет тенденцию к постоянному расширению.

Литература

Бернадский С. Продающие тексты. М., 2015.

Гипнотические рекламные тексты. URL: https://www.mann-ivanov-ferber.ru

Копирайтинг /авт.-сост. Костюк Е.Б. СПб., СПбГТУРП , 2015. 95 с.

Стензер М. Контент-маркетинг / пер. Д. Баймухаметовой и О. Терентьевой. М., 2011.

Чумиков А.Н. Реклама и связи с общественностью: Имидж, репутация, бренд. М., 2012.

Pozdnyakov I.V., Starostina S.A. Texts of the modern commercial Internet-resources: to the question of specifics, classification and structure

The researchers attempt to summarize the theoretical material about the fundamental concepts of copywriting. In addition, they give the modern classification of the texts for various websites, analyze their meaning and the key structural elements.

Key words: text, copywriting, TOP-10, Internet-resources.

ОБ АВТОРАХ

Абраменкова Людмила Евгеньевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Акопян Анна Робертовна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Алленова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Тамбовской духовной семинарии

Астафьева Ангелина Алексеевна студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Бадикян Аида Артуровна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Белозерова Анна Владимировна, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Беляева Кристина Сергеевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Буцких Светлана Александровна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Буянова Галина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Васильев Александр Ибрагимович, кандидат филологических наук, сотрудник Лингвистического центра «Оксфорд-класс» (Стерлитамак, Башкирия)

Видная Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Власова Юлия Александровна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Горланов Геннадий Елизарович, доктор филологических наук, профессор Пензенского государственного университета

Горячева Ксения Юрьевна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Грудинина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, проректор по научной работе Тамбовской духовной семинарии.

Гудин Денис Сергеевич, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Гулик Валерия Александровна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Гуськова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Дзайкос Элени Николаевна, кандидат филологических наук, преподаватель Тамбовского государственного технического университета

Димитров Людмил, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Софийского университета им. св. Климента Охридского (София, Болгария)

Дудин Алексей Александрович, старший преподаватель Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России, Рязань)

Ду Чуньян, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Ерохина Елена Викторовна, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Желтова Наталия Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Зверева Екатерина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Зуева Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики Пензенского государственного университета

Иванов Анатолий Иванович, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Иванов Павел Павлович, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Ивченков Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой медиалингвистики и редактирования Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Иконникова Яна Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Тамбовского государственного технического университета

Истомина Анастасия Алисафаевна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Кабанова Анна Сергеевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Колесникова Елизавета Александровна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Конюшкевич Мария Иосифовна, доктор филологических наук, профессор Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

Копырюлин Станислав Валерьевич, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Копырюлина Ольга Михайловна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Косякова Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Костина Жанна Вячеславовна, страший преподаватель Барановичского государственного университета (Барановичи, Беларусь)

Кочарян Роза Араиковна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Лебедева Виктория Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина

Милосердова Яна Андреевна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Лещинская Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор Гомельского государственного университета имени Франциска Скорина (Гомель, Беларусь)

Лосева Елена Павловна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Лоскутова Дина Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий отделением Многопрофильного колледжа им. И.Т. Карасева (Тамбов)

Маленкова Виктория Александровна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Манака Яна Васильвена, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Матюшечкина Алёна Алексеевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Махрачев Георгий Сергеевич, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Махрачев Сергей Федорович, кандидат философских наук, преподаватель истории Тамбовского бизнес-колледжа

Махрачева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Машенкова Ирина Олеговна, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Меркушина Елена Анатольевна, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Мирзоева Лейла Юрьевна, доктор филологических наук, ассоциированный профессор Университета имени Сулеймана Демиреля (Алматы, Казахстан)

Миронов Владимир Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Моргунова Виктория Анатольевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Нестерова Анастасия Евгеньевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Стамбульского университета (Стамбул, Турция)

Оляндэр Луиза Константиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологи Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки (Луцк, Украина)

Олимпиева Ольга Юрьевна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Павлова Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Платицына Наталья Игоревна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Поздняков Игорь Васильевич, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Поморева Татьяна Юрьевна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Попова Татьяна Анатольевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Попова Юлия Сергеевна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Поповичева Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Института прикладных наук и технологий Хайнаньского университета (Хайнань, Китай)

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Прасолов Михаил Алексеевич, доктор философских наук, и.о. проректора по учебной работе Воронежской духовной семинарии

Рахманина Анастасия Александровна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Родина Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, ассистент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Сазонова Надежда Сергеевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Сидорова Екатерина Михайловна, студент ОГАПОУ «Тамбовский бизнес-колледж»

Сластухина Мария Алексеевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Солохов Алексей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина (Мозырь, Беларусь)

Старостина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Стребкова Екатерина Юрьевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Сухова Ксения Владимировна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Талалаева Ольга Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры довузовской подготовки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Терехова Ирина Николаевна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Федосеева Лариса Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России, Рязань)

Фенчук Олег Николаевич, кандидат филологических наук, доцент Барановичского государственного университета (Барановичи, Беларусь)

Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский, кандидат богословия, доктор теологии, ректор Тамбовской духовной семинарии

Фролова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Хворова Валерия Анатольевна, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Худякова Мария Вячеславовна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Чеснокова Наталия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Чеснокова Анна Вадимовна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Чузович Джордже, доктор экономических наук, профессор Высшей школы бизнеса (Нови Сад, Сербия)

Шайтанов Игорь Олегович, доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра современных компаративных исследований Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный редактор журнала «Вопросы литературы», литературный секретарь премии «Русский Букер»

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Шатовкина Алла Алексеевна, аспирант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Шведова Зоя Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (Гомель, Беларусь)

Шевякова Юлия Михайловна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Шимолин Виктор Иванович, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и веб-журналистики Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Шолак Здравко, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Высшей школы бизнеса (Нови Сад, Сербия)

Шлыкова Марина Алексеевна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Шуваева Татьяна Сергеевна, магистрант Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», профессор Биньхайского института внешних дел при Тяньцзиньском университете иностранных языков (г. Тяньцзинь, Китай)

Яковлева Ирина Владимировна, студент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Ян Лиюнь, кандидат филологических наук, преподаватель Шанхайского университета иностранных языков (Шанхай, Китай)

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ И СЛОВЕСНОСТЬ

Сборник материалов
Международной научной конференции

Выпуск 9

Научный редактор
Желтова Наталия Юрьевна

Печатается в авторской редакции

Дизайн обложки
Т.О. Прокофьевой

ISBN 978-5-6042125-6-1

Подписано в печать 10.06.2019 г. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 36,27. Тираж 500 экз. Заказ 30/19.

ООО «Принт-Сервис»
392524, Тамбовская область, Тамбовский район,
с. Покрово-Пригородное, ул. Советская, д. 122
Отпечатано в ООО «Принт-Сервис»
392524, Тамбовская область, Тамбовский район,
с. Покрово-Пригородное, ул. Советская, д. 122